

The book cover features a repeating pattern of red roses and black outlines of leaves and stems on a white background. A large, solid red rectangle is centered on the cover, containing the author's name and the title in white text. A thin white horizontal line is positioned above the title.

Станислав Малозёмов

ВЕСТИ С
ПОЛЕЙ

Повесть

16+

Станислав Борисович Малозёмов

Вести с полей

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=56519034

SelfPub; 2020

Аннотация

Моя новая повесть – о целине. Это – не документальная работа. Изменены фамилии и имена героев повести, названия всех населённых пунктов, кроме Кустаная, областного центра, который в 1957 году принял на освоение целинных и залежных земель огромное количество энтузиастов. Большинство из них приехало по комсомольским путевкам. Они недолго жили в палатках, построили для себя добротные поселки, которые стали целинными. Об освоении целины написано много. Потому я не стал писать то, что уже и без меня всем известно. Моя повесть – это реалии «низа» всего нескольких целинных поселений. Этот «низ», простые работяги, трудились и существовали совсем не так, как в то время было принято писать в прессе и показывать в кино. То, что я наблюдал и описал – не истина в последней инстанции. Возможно, где-то всё было иначе. Но то, о чем пишу я – происходило именно так и почти ничего не пришлось придумывать.

Глава первая

(Фамилии героев повести и некоторые названия населенных пунктов изменены автором по этическим соображениям)

-Ты, дуболом, насмерть, что ли, его зашиб? – Серёга Чалый втыкал острый луч большого мощного фонаря во все ямы, в провалы между брёвнами, разбросанными перед зерноскладом, внутрь склада за низкие бурты пшеницы забрасывал толстый пучок света. – Давай, кричи, зови его, бедолага ты хренова! Точно здесь дрались? Не путаешь с перехлёбу? Сколько выжрали?

Артемьев шел сзади, спотыкался, улетал в сторону, падал, на карачках проползал пару метров и снова превращался в маленькое, воняющее самогоном, слабое, но передвигающееся самостоятельно существо.

– А чего он даже не мычит, сучара интеллигентская!?! – Артемьев прикрыл ладонью правый глаз. Он слезился после драки с Петькой и мешал смотреть. А с брови стекала вокруг глаза на щеку тонкая ленточка крови. – Петро, мать твою! Э-э-эй!!! Выходи, падаль, не трону уже! Слово зека, зуб даю!

После этой длинной трудной смысловой нагрузки и напряжения связок Артемьев вдруг замер, остановился, потерял сознание и рухнул, не сгибаясь, в октябрьскую грязь.

– Придурок, – без эмоций зафиксировал факт вылета из поиска главного действующего лица, который мог бы даже случайно на секунду просветлеть разумом и вспомнить, где снёс с копыт не менее пьяного дружка – агронома совхозного Петьку Стаценко.

Он повернул за угол склада и в трёх метрах от стены луч вытащил из темноты глубокой ямы две ноги, разлетевшиеся широко в стороны. Одна нога имела на конце сапог, на другой болталась наполовину раскрутившаяся портянка.

– Во, бляха! – обрадовался Серёга. – Компактно бились. Метров двадцать в диаметре ринг у них был. Да и недалеко от совхоза. Днём за пять минут нашел бы.

Он потянул Петьку за ноги и, скользя по глинистой жиже, пару раз сам припал на задницу, но Петра Стаценко вынул-таки на подпорченную вчерашним дождём твердь. На человека Стаценко похож не был. Лежал перед ним просто большой длинный, бесформенный кусок грязи, в котором голова не различалась от общёй глинистой массы. Только, впритык приставив к телу фонарь и правой рукой сгребая с верхней части туловища глину, он как-то смахнул жижу с лица. Нос, рот, глаза и уши агронома как пробками были плотно заткнуты подсохшей грязью. Серёга приложил ухо к свитеру, к тому месту, где сердце. Под свитером было тихо как в могиле.

Ё!!!– заорал хрипло Чалый.– Он же его ухайдакал напроць! Или захлебнулся Петро грязью. Ну, твою же метель-пургу!

Он скинул фуфайку, воткнул её агроному под голову и стал сверху, скрестив ладони, рывками вдавливать ладони в тело, в сердце. Прошло две-три минуты и Чалый, здоровенный лоб весом под сто, уже начал вырубаться. Ему казалось, что массирует он уже полчаса, не меньше. Серёга пятиэтажно выматерился и со всего маху двумя руками из положения стоя обрушил руки и весь свой выдающийся вес на грудь Стаценко Петра, соседа своего. Дом у них напололам был разделен. Входы с торцов. Жили так уже лет восемь. Дружи-

ли по-людски. А тут, не дай бог, помер! И людей-то не останется, с кем без опаски про всё можно разговаривать.

И вот тут, после массированного налёта на тело, изо рта и носа Петькиных вылетел стон вместе с глиной, слюной и кровью. Он судорожно забрал в себя чуть ли не весь воздух вокруг них, потом стал дико кашлять и блевать. Серёга перевернул его на бок и сел рядом ждать. Где-то минут через пятнадцать Петьке стало легче и он с трудом сел задом на край ямы.

– Это чего я тут? – спросил он сквозь кашель сам себя. – А-а-а! А этот козёл где, Артемьев, падаль? Я ему глаза сейчас выгрызу! Где Игорёк, мразь!?

Ну, Серёга Чалый понял, что уже можно тело доставлять домой, взвалил на горб небольшого размером Стаценко и понёс его к их дому. Недалеко. Может, километр всего.

– Идиота этого, Игорька, завтра заберём. Пусть спит покедова. Фуфайку – тоже завтра. – Серёга Чалый ещё что-то бормотал непонятное и самому, скользил, запинался, но фонарик держал крепко и потому шел ровно, уверенно. – Завтра, завтра всё порешаем. Всё по буквам разберем.

Было за полночь, когда в луче фонаря мелькнул темными

стёклами и дорожками, засыпанными гравием, их дом. Не родной, конечно. Но свой.

Жена Ирина спала уже. Вовка с Наташкой тоже. Лампочки выключены были во всех трёх комнатах. И понёс Серёга агронома в его квартиру. Сбросил его на крыльцо аккуратно, чтобы грязь на него не попала, и не без труда распечатал по очереди все пять Петькиных карманов, как сургучом скреплённых сохшейся на ветру глиной. Ни в одном ключа не было. Дернул замок навесной, вставленный в дырку между двумя скобами, вбитыми в дверь и в косяк. Дуга замочная раскрылась и страж дома свалился рядом с агрономовской головой.

– Во как! – хмыкнул Серёга Чалый. – Правильно. Воровать там всё одно нечего. Разве что гитару да радиолу с пластинками.

А единственный на весь совхоз воришка, Артемьев Игорёк, пропитывался в эту прохладную ночь октября липкой смесью земли и глины там, где дрался с агрономом, где уронил наземь все последние силы свои, отнятые у организма битвой и водкой. Затащил Серёга обмякшее тело в маленькую прихожую. Лампочку включил. Она светила неровно, с перепадами от тусклого света до почти тусклого. Видно потому, что управляющий сегодня совхозным генератором дед

Митрофанов уснул в тепле от машины, да форсунки не чистил. А солярка всегда плохая была. Привозили такую из города за сто десять километров раз в неделю. Надо было ей выход из форсунок прочищать постоянно. Но все генераторщики, трое их, дежурили через двое суток и похмелье после вольных дней лечили на работе самогоном, который сами и гнали. Самогон шестидесятиградусный легко превращал все сложности рабочие и житейские в пустяки, если пить его помаленьку, но всегда. Иногда, конечно, надо было заглатывать эту гадость сразу помногу. Тогда вообще всё, от собственных бед до мировых проблем исчезало на несколько дней. И в пустоте этой, в забытии жилось так легко, будто ты ангел и у Господа главный любимчик. Пили все по-разному, но все. И всегда. И не считалось в совхозе бытовое пьянство ни пороком, ни нарушением трудовой дисциплины, ни моральным разложением или причиной всех болезней. Потому как без самогонки бывшие энтузиасты-целинники, верившие поначалу в своё особое предназначение и искренне ждавшие чуда от схватки своей с нетронутой природой, победы ждавшие и сказочных урожаев, которые превратят счастливую страну нашу в главную на Земле. Потому, как хлеб – не просто всему голова. Он – обозначение могущества социалистического труда. Ну, когда через пяток лет всего видно стало всем, что чудес-таки не бывает на свете и сделать плодородной безжизненную землю даже великая Коммунистическая Партия не в силах – стал народ запивать разочарование всем, что избав-

ляет от мучений душевных и обиды на бессилие своё. Пили не только хлебобобы. Остальные на своих местах тоже не радовались весьма скромным достижением в полях и солидарно поддерживали земледельцев водочкой и самогоном.

Оттого и валило дежурных по генератору в сон тепло, хотя по инструкции они должны были нести огонь электричества в дома чётко и ярко как Прометей.

Раздел Серёга агронома до трусов, выкинул всё остальное на крыльцо и отнес живое, но недвижимое тело на диван. Там подушка всегда лежала. Петро днём прикладывался покемарить часок. Комната агронома прогрелась очень хорошо, хотя печки у него вообще не было. Общая стенка, разделяющая дом, имела внутри семь колодцев и топилась из Серёгиной квартиры. А деньги на дрова Петро давал насильно, как бы Чалый ни сопротивлялся. Одеяло с кровати Серёга сдернул, набросил сверху на агронома, уголки подогнул, потушил свет и не торопясь пошел спать.

Октябрь был даже к двадцатому числу не очень-то и осенним. Ну, дожди через день. Летом бы они обильно так лились на поля... Ну, ночи посвежели, топить приходилось печки.

А так, очень даже приятной была осень. Если бы не косить

остатки почти полёгшей пшеницы на сотнях гектаров, которая на солонцах и суглинках созревала аккурат к первым «белым мухам», то осталось бы работягам лежать лениво целыми днями на диванчике, наслаждаться теплом от печки и книжки читать библиотечные. И, ясное дело, потреблять водочку или самогон. Без них в степи пустой, да среди тысячи разномастных молодых мужичков и женщин, с которыми за десять целинных лет по десять раз уже переговорено всё, скукота и томление сердца от тоски. А она, тоска, из разных мест приползала. И с работы почти бесполезной, и с отдыха, одинаково тусклого, как электрические лампочки от совхозного генератора.

Какой это отдых – надоевшая рыбалка на ближнем озере, по пять раз пересмотренные фильмы, которые вместе с передвижным проектором «Украина» засылал по совхозам областной кинопрокат раз в неделю. Ну, баня ещё. Хорошая. Сами от души сделали. Но и там соберется человек тридцать в субботу и пока попарятся, да помоются, за каждым надо кого-то трезвого присылать, чтобы доволочь до дома. А где их возьмешь, трезвых к вечеру после работы? Года два назад ещё гонки по степи на мотоциклах устраивали. Вот это было развлечение. Да! Но после трёх столкновений за год со смертельным исходом лавочку эту милиция прикрыла и пугнула отчётливо, что организаторов сажать будут. Поверили все мотоциклисты.

Ну, конечно, сейчас осталось для оживления души – таскаться по бабам. Их и незамужних хватало, да и многие, связанные узами брака, узы эти развязывали – только свистни. Но, опять же, новых баб не прибывает, а долгожительницы организмы донжуанские уже отволновали давно. Так что, по вечерам радость простая осталась – собираться у кого-то в хате и рубиться в двадцать одно или в буру. Под тот же самогончик до высшей кондиции – когда карты плохо различаешь и бьёшься с друзьями за какую-нибудь подвернувшуюся правду на кулачках до красных соплей.

Грустно было Чалому Серёге в эту ночь, когда выдернул его из дома непонятно как добравшийся, ухайдаканный самогоном до невменяемости раздолбай Артемьев Игорёк, сорокалетний дурулом, приклеившийся в пятьдесят седьмом году, в свои 30 лет, к комсомольцам города Клин, направленным партией осваивать целину. В юности он оттянул три года в Нижнем Тагиле за кражу в том же родном городе Клин двадцати пяти мешков сахара со склада горпотребсоюза. Напоил сторожей до забытья, подогнал грузовик и обогатился, пихнув оптом сахар в Подмосковье. Вычислили его, поймали. Отсидел, вернулся в Клин, гулял, пил, воровал помаленьку и его уже начали отслеживать. А тут как раз – целина. Купил по дешевке путёвку в горкоме комсомола и – «здрав-

ствуй, земля целинная»! В совхозе имени Павла Корчагина Кайдарунского района общительный Игорёк прижился скоро. Не делал почти ничего. Пил, отдыхал, охмурял девок, дрался с кем ни попадя. И было ему хорошо. Уезжать не уехал бы даже по приговору Верховного суда. Сам так говорил.

– Они не дерзнут тронуть целинника с десятилетнем стажем и медалью «За доблестный труд»! – гордо говорил он всем, кто пробовал выгнать его из совхоза, и показывал медаль, которую купил в Кустанае на барахолке за три рубля у совсем тяжелого пьяницы. – Сорок лет, это уже старость. Вы же не выбросите на улицу старого советского гражданина, отдавшего молодость великой целине!

Так, напомним коротко, что было. Сидел Чалый Сергей с вечера на кухне и читал толстую историческую книжку Арчибальда Кронина «Звёзды смотрят вниз» 1935 года выпуска. Хорошая была книжка, но грустная. И вот только подумал он сменить занятие и развеесться, потому как жена Ирина и дети дрыхли уже часа три. И вот ровно в этот момент за стеклом объявилась окровавленная морда Артемьева Игорька, который орал так громко, что звук его сильно сдавленного самогоном голоса не снес в сторону ветер осенний, и двойные стёкла легко пропустили его в комнату.

– Я его убил!– верещал Артемьев Игорёк. – Я грохнул его, суку! Теперь меня расстреляют. Пойдем, Серёга, закопаем его за посёлком. Один не смогу. А тебе я пять рублей дам!

Чалый Сергей улыбнулся, потянулся, надел фуфайку. Развлечение само его нашло.

– Убить – не убил, конечно, – думал он, выходя на крыльцо. – Но найти надо. Пьяный застынет к утру.

И они пошли в степь. Туда где пьяный в зюю Игорёк дрался с таким же упитым в доску Петром Стаценко, агрономом и соседом.

– Нашлось дело! – радовался Серёга. – Так скука и пропадет. Зараза!

Нашел он агронома, принес, спать уложил. Всё это я описал, а вы прочли.

И вот спустился он с крыльца и повернул по дорожке из гравия к другому концу дома, к своему крыльцу. Шел уже. Посвистывал, напевал что-то, в последнем фильме услышанное в прошлую субботу. Но не дошел. Услышал сзади сто-

ны. Ночью непонятно было: далеко стонет кто-то или он рядом где-то. Врубил фонарь свой с необыкновенной силой луча. Сам сделал из маленького аккумулятора для мотороллера «Вятка», зеркального отражателя, выпрошенного у знакомого стоматолога в городе, лампы дальнего света от «Газ-51», простого выключателя кнопочного и кожаного кожуха с ручкой от портфеля. Фонарь был не очень красивый, но по яркости и дальноточности луча равных не имел в совхозе. Да, наверное, и во всём районе. Все дружки его видели, рассматривали, но почему-то больше никто себе такого не сделал. Ну, пошарил он лучом слева направо, поближе да подалее, и увидел Артемьева Игорька.

Да нет. Не так. Он увидел круглый ком грязи, медленно катящийся как больной колобок, в сторону совхоза. Заметно было, что траектория движения «колобка» уклонялась от верного пути и вела в глубь степи. «Колобок» стонал и матерился, что сразу же выдало в нём Игорька Артемьева, победившего пьяную смерть в жиге грязевой, захлебнуться которой было делом доступным любому, нажравшемуся до свиноподобия. Игорёк стонал чаще, чем матерился, поэтому Чалый понял, что совсем тяжко бедолаге. Может просто с бодуна страшного, а, вероятно, смог он и напороться на какое-нибудь острое и железное препятствие, коих накидано было повсюду бережливыми механизаторами.

– Артемьев! – крикнул Серёга, чтобы обозначить себя.

– Помираю! – завыл Игорёк, продолжая перемещение на четырёх точках.

– Ладно, для начала развернёмся в сторону дома.

Он поднял с земли двухметровый кусок арматуры, зашел с тыла и стал поправлять этим обрезком направление движения. Он втыкал арматуру впритык к телу слева и Артемьев Игорёк вынужденно полз вправо. Где-то минут за сорок они покорили расстояние в полкилометра и Серёга докатил предмет, похожий на человека, к крыльцу его маленького домика. Дверь была открыта настежь. Чалый Сергей вошел в коридорчик, нашел там веревку и два старых мешка, обмотал мешками тело выжившего, потом обвязал мешки веревкой и стал затягивать Артемьева за конец верёвки в дом. Что удалось сделать очень быстро, потому как скользкий от глины Игорёк легко перекатывался через ступеньки и пороги. Серёга дотянул его до середины комнаты, развязал, раздел и скинул мокрого ноющего Артемьева Игорька на кровать. Вытащил из под него одеяло, укрыл, но понял, что тот замёрзнет всё равно. Печь не растоплена, дверь открыта. Температура в комнате уличная. Пошел, принес из сарайчика за три ходки довольно много дров. Затопил, покурил пока прогорели первые дрова, потом запихал в печку все остальные.

Некоторые чурки даже ножкой табуретки пришлось вколачивать, чтобы поплотнее дрова легли, да побольше их влезло. Дождался пока стало теплеть в комнате и пошел, наконец, домой.

– Чем я, бляха, всю ночь занимался!?! – спросил сам себя Серёга Чалый по дороге к дому, пробивая себе сухой путь лучом света. – Завтра поутряне клетки скошенные перепаживать, бляха. Не выплюсь, конечно. Ну да чего уж! В тракторе тормознусь, перекемарю часок.

Он тихо прошел через всю квартиру, скинув всё грязное в коридоре на сундук. Жарко было дома. От души натопил. Он боком сдвинул жену к стенке. Укрылся. Зевнул крепко. О чем-то пытался подумать, но не смог. Не успел. Морфей его обнял, приворожил и забрал к себе до первых петухов.

Утром, по дороге на МТС за своим трактором догнал Чалый Серёга комбайнера Олежку Николаева. Шел Олежка за чужим комбайном. Директор сказал, чтобы ему дали. Надо было докосить и подобрать нагнувшиеся коротенькие колоски почти на сорока гектарах. А свой комбайн он уронил плашмя. На размазанной дождями земле попал в колею от груженого зерном грузовика и его завалило вправо на бок. Пробовали тросами потянуть и поднять, но два «газона» по-

крутили колёсами на месте, побуксовали в грязи и всё. Самы еле выползли через полчаса. Директор приехал, посмотрел и сказал, что трогать его не надо. Подсохнет поле, тогда и выдернем. Приказал взять шестнадцатый номер. Мостового Кирилла машину. Кирюха сам заболел крепко. Продуло и промочило на капитанском мостике, на открытом непогоде мостике управления рычагами и рулём.

– Они, падлы, сгнобят тут нас всех, – пожал Николаев Сергею руку. – Я козлу этому, директору, месяц назад на собрании сказал, чтобы хоть брезента кусок побольше дали комбайнерам. Мы бы и крышу из него замастырили, и бока закрыли. Ни хрена! Брезент, говорит, весь на пологи ушел, на грузовики, чтоб зерно не ссыпалось. А то, что скоро и сыпаться нечему будет, если в этом месиве все комбайны затонут, или мы все сляжем, его не кусает. И мы хрен да копейку за сезон возьмем. А он, поганец, зарплату-то сполна заберёт. Да премиальные ещё. У него ж там экономисты рисуют сводки, будто совхоз уже по тоннажу поверх плана сдает зерно. Бумаги-то эти в области читают, а само зерно по тоннам свертать на элеваторах с бумагами не пойдёт никто. На кой хрен картину портить? Из Алма-Аты тоже не поедут. Им бумажки достаточно. Верят. Все ж коммунисты. Врать не умеют. Про Москву вообще молчу. Суки они все. Втравили нас в эту долбанную авантюру. Теперь вон ордена чуть ли не всем раздают. Все и помалкивают, бляха!

Олежка основательно выматерился, плюнул под ноги себе, замолчал.

– Ну, верно, – Чалый Серёга из солидарности тоже плюнул под ноги. – Я вон сейчас пойду новый пласт подымать, раком землю опять поставлю. В ней и так ни хрена нет, так после меня вообще последнее полезное ветер высосет. А откажусь пахать?.. Могу, конечно. Тогда Ирку да детей на какие шиши кормить? Банк ограбить в Кустанае? Или секретаря обкома молотком по башке в подъезде пригреть? У него там башлей по карманам насовано – нам на год хватит. Шучу, мля...

– Это ты сперва в подъезд к нему попади. Разогнался! – захохотал громче утренних петухов Николаев Олег и снова с отвращением на лице смачно плюнул перед собой.

Дальше шли молча. На работу жутко не хотелось. И не только им. Народу на МТС плелось уже порядочно. Но и у них на лицах жизнь целинная уже давненько отразила полное безразличие к тому, что ещё десять или даже пять лет назад вызывало восторг и рождало великие надежды.

– Эй, Чалый! Серёга, слышь! – сзади шел механик с МТС Веня Кириченко, земляк. Тоже из Гомеля по путёвке занесло его сюда. Только Чалый – русак чистый, а Веня – украинец.

Но украинского языка почему-то не знал, за что его поначалу и недолюбливали все украинцы, которые между собой только на своём языке разговаривали. Веню это никак не волновало, хотя свои безуспешно пытались разными способами научить его родной мове. Он почему-то артачился, за что и был в первые годы после приезда бит неоднократно. Чалый Серёга за него заступался не раз. Морды некоторым придуркам поквасил прилично. Помогало, но на недолго. Ещё раза три Веня ловил фингалы от земляков. Но Чалый всё же силой своей повлиял, видно, на земляков. Неожиданно вдруг утихло всё, утряслось как-то. Парнем Веня оказался добрым и механиком отменным. Отношения с братьями -украинцами наладились с помощью самогона и анекдотов смешных, особенно политических, которыми Веня дня на три беспрерывных рассказов где-то нагрузился ещё до целины.

– Я чего тебе хочу сказать, Серёга... В трактор твой вчера вечером лазила какая-то падла. Это когда меня директор совхозный со списком нужных на комбайны запчастей вызывал. Я там час гнил, пока он разбирался. А перед уходом домой мы с помощником обходили все машины. Два фонаря хороших взяли и весь парк отсмотрели. Так вот с твоего трактора какая то тварь свинтила основу под навесное оборудование. Плуги от него открутили, пневмошланги отсоединили, не порезали. А основу сдёрнули. Так что, день у тебя сегодня домашний. Я тебе основу другую дам. Но ста-

вить и регулировать сам будешь. На мне сегодня два комбайна висят. У одного движок не заводится, другому надо шнек выправить. Цепанул землю, да погнул сильно.

– Во, бляха-Натаха, суки какие! У своих тырят! – Чалый Сергей психанул и от злости сапогом метнул вперед здоровенный кусок грязи. Кусок на полметра не долетел до Зинки Гречко, заправщицы топливом на нефтепункте МТСовском, но брызгами мутными всё же приголубил её прорезиненный плащ.

– Вот ты у меня, Серёга, теперь заправишься! – обернулась Зинка и попыталась стряхнуть брызги хотя бы снизу. – Я тебе соляры вот с этой грязью намешаю и паши потом, выбивайся в передовики!

Все, кто шел рядом с ней, засмеялись и плащ очистили носовыми платками.

– Не, ну это ж надо совсем страх потерять! – продолжал психовать Чалый. – Тракторов с навесными хреновинами всего одиннадцать в совхозе. Только пьяный вусмерть мог скрутить. Другой бы допёр, что найдут.

– Двенадцать, – уточнил Веня. – Барановичу поставили весной. Начальник МТС лично приказал. Но у Барановича

новый трактор был. В феврале пригнали. Там основа заводская стояла. За посевную не мог он её изуродовать. Думай теперь.

– А кто у нас трактора на ночь дома ставит? – стал догадываться Чалый Серёга.

– Лазарев и Попович, – Венечка постучал себя по лбу. – Вот я тупырь! Вчера днём Лазарев не работал почему-то. Торчал на МТС с обеда. Вмазанный был – аж качало его. Шкив приводной у меня выпрашивал. А на хрена он ему? Трактор-то на ходу. Движок крутится. Да и знает он, что приводных нет у меня. Я в каптёрке по телефону громко орал на завскладом кустанайского, что он не всё выдал Мишке Шутову по списку. А пятеро наших в это время на скамейке возле двери курили. И Лазарев сидел. Сейчас ещё дома, сто процентов. Похмел должно быть дикий имеет. Поправляется, небось.

Чалый развернулся и, широко раскидывая ноги на скользкой земле, рванул к Лазареву. Прибежал вовремя. Генка уже заглотил пару стаканов и обувался в сапоги. Собирался ехать в поле. Чалый Серёга здороваться повременил. Обошел трактор вокруг. Плуга на нём не было. Основы тоже. Не обращая внимания на улыбающегося Генку, Чалый открыл левую дверь ДТ – 54. Сиденья вообще не было. Вме-

сто него, уперевшись «рогами» в панель переднюю, стояла на двух толстых плоскостях крепёжная основа. Болты и гайки от неё лежали между этими плоскостями на тряпке.

– Дык это... – Генка с открытым ртом постоял несколько секунд, осмысливая ситуацию: – Срезало у меня болты на пахоте, крепеж и плуги отвалились. А я, дурак, назад к плугам сдал. И крепёжку-то помял совсем. Ну, думаю, налажу завтра, а пока займу на время у кого-нито. Вот...

После этих слов он судорожно стал загребать по глине жидкой ногами. Чтобы смыться успеть. Но не успел. Серёга Чалый оттолкнулся от гусеницы и сразу же оказался напротив Лазарева. Дал ему поддых, не сильно, но правильно. Генка скорчился и Чалый воткнул его, согнутого, лицом в жижу и придавил на минуту за шею.

– Был бы ты гадом, Лазарев, я бы тебя уделал по полной. Потому, что воровать – это сучье занятие, позорное. У чужих тыришь, у своих – всё один хрен. Любой вор – дешёвка. Дешевле коробки спичек. – Чалый Серёга убрал руку с шеи и Генка перевернулся на спину, кашляя и выплёвывая грязь. – Но ты просто мозги пропил, а потому дураком стал. Я ж тебя помню с пятьдесят седьмого. Человеком же был. Пацанов наших на гитаре учил играть. Волейбольную команду собрал. Десять совхозов мы тогда обыграли. Эх, Генаха,

мля!

Чалый забрал из кабины болты, гайки, основу крепёжную, закинул её на спину и пошел на МТС. День рабочий накрылся. Семь рублей – мимо кармана.

– Ну, да и ладно, – решил Серёга. – Нагоню завтра. Там и надо-то тринадцать гектаров поднять. Сделаем.

Утро взлетело над степью лёгкое, ясное. Носились птицы всякие низко над стернёй, зависали на мгновение и планировали на россыпи зерна. Его много было, оставленного. Рай для птичек, мышей-полёвок, сусликов и сурков. Земля прогревалась под ясным, ещё не прохладным солнцем, и от неё вверх поднимался синеватый, приятный глазу дрожащий в медленно бегущем без ветра воздухе, пахнувший соломой пар. Олег Николаев тридцатисемилетний бывший комсомолец из Ярославля, шоферивший на родине после армии, как и многие городские парни и девчонки, увидел в призыве государственном – ехать поднимать целину – и романтическое, и героическое, даже исключительное для процветания страны великое дело и пошел в горком комсомола за путёвкой.

В Кустанае на курсах переучился на комбайнера, первые три года вкалывал как безумный, почти без отдыха, устанав-

ливал рекорды по уборке напрямую, с подкосом и обмоло- том. Машины под его бункер подъезжать не успевали. Фото- графия Олежки Николаева и на совхозной Доске Почета ви- села, и на районной, а на областном слёте целинников по- дарили часы с гравировкой «Ударнику коммунистического труда», Почетную грамоту дали от обкома комсомола и пу- тёвку в Пятигорск, в профилакторий для тружеников сель- ского хозяйства. Он, правда, не поехал. Дел в совхозе по гор- ло было. Да и женился он здесь хоть и поздногато, в трид- цать лет, зато на молодой красавице Оле Воропаевой из Мур- манска, которой только-только пробило двадцать. И всё им в первые целинные годы нравилось. И жить вместе, и паца- на растить, и любить целину, верить в то, что твой труд не просто нужен стране, а обеспечивает её славу и процвета- ние вместе с трудом таких же чокнутых, вкалывающих не за рубли, а за идею. А лет через пять всё исчезло. Как и не было этой радости оттого, что ты тоже причастен к великому делу. Сын вырос до восьми лет. Учился в плохой совхозной шко- ле, где две молоденьких девчушки после кустанайского пе- дучилища преподавали все предметы и маленьким, и боль- шим. Жена сидела в отделе кадров и работы у неё не было никакой. Кадры не менялись. Не приезжали новенькие, мед- ленно спивались и регулярно вымирали разными способами старенькие. Вот их она и снимала с учета. Оля глупела на глазах, дома несла всякую чушь, которую они вместе с че- тырьмя тётками из отдела месили целыми днями.

– Сядь сюда и смотри на меня!– торжественно говорила она иногда Олегу. – Я прочту тебе мои новые стихи. Думаю послать их в областную газету. А потом выпущу книжку в областном издательстве. Стихи был примерно такие, причем почти все похожие:

Хорошо мне жить на целине.

Здесь любимый повстречался мне.

Здесь земля цветёт и хлеб растёт.

Целиной годится весь народ.

Ну и далее в том же духе. Страниц на пять тетрадных. Олег Николаев думал так:

– Да и хрен бы с ним, что она в свои двадцать восемь изводит бумагу на такие детсадовские откровения. Другие вон сделали на хате у одной девахи воронежской то ли церковь, то ли молельный дом. Ходят туда вечерами, лбами бьются об пол, а весь дом в каких-то иконах, купленных на барахолке в городе, да книжки повсюду разложены непонятные. «Бог –

есть любовь», «Как воплотить в себе дух Господен». И так далее. Он заходил один раз туда с дружкой, который ему и предложил.

– Глянем давай. Чегой-то наши девки мутят там. Моя туда ходит. Так за полгода превратилась в старуху. Платок даже ночью не снимает. А между грудями у неё на веревке висит дощечка с какой-то постной рожей и подпись внизу: « Кто не свят, тот будет проклят».

Ну, пошли они. Прорвались в хату с трудом. Девки их задрали вопросами про то, не проклянуть ли они припёрлись царствие небесное и милость божью. Мужики постояли у порога минут двадцать, одурели от запаха едкого каких- то тонких черных палочек, не похожих на свечи, да от унылого монотонного пения всех, кто стоял на коленках и регулярно опускал лоб к полу, не прекращая петь какие-то молитвы. А, может, и не молитвы это были. Не поняли Олежка с дружкой и ушли, озадаченные.

Задумался в одиночестве посреди бескрайнего поля хлебного Олег Николаев.

Немного времени ушло на забытьё. Очнулся он от звонка под рукой. Звонок сигналил, что бункер он намолотил полный. До краёв. Ссыпать надо зерно.

Глянул назад – грузовика нет ни рядом, ни вдали. Заглушил движок. Размялся. Огляделся. Справа, километрах в трёх, комбайн киевского парня Толяна Кравчука, противного, жадного, злого, любителя хорошо выпить и охмурить девок незамужних, да и замужних из семьи выдернуть, его комбайн сыпал из бункера по транспортёру зерно в ЗИЛ-157 с прицепом. Это была машина бригадира шоферов немца Вайсмана с Поволжья. У всех бригадиров имелись рации для связи с конторой и МТС.

Спрыгнул Николаев Олег с мостика своего и пошел быстро к машине. Вайсман уже в прицеп начал сыпать и Олежка побежал, чтобы успеть. Успел.

Было уже два часа пополудни. Он связался с МТС, с директором, сказал, что свой простой запишет на счёт диспетчера и бригады шоферов.

– Так мы тебя просто потеряли, – заорал директор трескучим голосом. – Ты где? Какая клетка?

– Сорок вторая. Через час не будет машины, директору совхоза кидая рапорт, что вы не работаете ни хрена а только делу вредите.

Он отключился, передал Вайсману рацию, выпил стакан самогона, поднесенного помощником Кравчука Витькой Шумиловым, съел кусочек сала, поблагодарил и пошел к себе. Ждать.

– А чего ты, Женька, косишь да подбираешь вместо Кравчука? – спросил он на ходу.

– Да он попросил просто. Дела, говорит, срочные, неотложные появились.– Женька зевнул и потянулся. Устал, значит.

Машина пришла через два часа. За рулём сидел друг его лучший – Валентин Савостьянов из Тулы. Тут подружились. Можно сказать, побратались даже. Надёжнее и честнее человека Олег Николаев так и не нашел на целине кроме него.

Загрузил он Валентина. Полог вместе натянули. Проверили, нет ли щелей и Валя Савостьянов дал газу и тяжело тронулся с продавленного места. Потом остановился и подошел к Олегу.

– Это самое, братан. Ты успокойся сейчас. Успокоился? Я тебе одну вещь скажу. Не бесись только, хорошо?

– Ну, давай, чего нудишь?! – Николаев Олег сделал очень

спокойное лицо и глаза опустил.

– Кравчук Толян дома у тебя был, козёл. Витёк Спицин и Серёга Чалый видели и мне передали. Потом они вдвоем вышли, сели в «москвич» толяновский и уехали как будто за совхоз. На трассу вроде. А мужики постояли ещё маленько и засекли, что «москвич» круг сделал и потом краем понад домами подрулили к дому Кравчука. Он машину в гараж загнал и они с Олей твоей пошли прямо в хату к нему. Было это три часа назад.

– Ё!!! – присел, схватившись за голову Олежка Николаев. – Так что ж вы раньше...а? Не знали – где я... Ну, сука! Давай, погнали! Прыгай за руль, мля! Чего застыл как снеговик! Я их, мля, обоих сейчас!!! Давай, бегом за руль. Ну, твари !!

Это были последние слова, которые услышала степь и недокошенное поле хлебное, птицы, объевшиеся зерном и торчащие как пеньки суслики. Машина, натужно набирая скорость, вырвалась со стерни на глубокую, ровную колею и как по рельсам понеслась в совхоз, отбрасывая назад облака выхлопа, чёрного, зловещего. Точно такой же угар был и в голове Николаева Олежки. Он мешал ему думать и мыслить. Потому, что весь мозг и всё существо его в тот момент были заполнены одной единственной фразой.

– Ну, конец вам, стервецы!

Валя Савостьянов чуял нутром эту фразу и, филигранно управляясь с рулем, одобрительно кивал головой. До совхоза оставался час езды, а потом всего пять минут до расправы.

Глава вторая

Имена и фамилии, некоторые названия населённых пунктов изменены автором.

Шел большой мужик в светлом тулупе и норковой шапке по октябрьскому утреннему холодку, ещё не хлебнувшему хоть и малого, но всё же тепла от солнца. Шел он вразвалку по лысому лесу, который без особого желания разделся догола перед наглой зимой, уже собирающейся накатиться на всё в степи и по новой, черт знает в какой уже раз, испытать на живучесть и людей, и зверей, да деревья с птицами. Им, бедолагам с крыльями, кроме как на деревьях и пережить-то зиму больше места не имелось. Сейчас, с утра, они сидели на верхних ветках и солнце потому отлавливали первыми.

И от ранних, слабо греющих лучей всё равно радостно им было. Оттого пели они каждая свою песню как пьяные бабы на деревенской свадьбе. Бестолково, невпопад, заливисто и во всю глотку.

Мужик разглядывал птиц, трогал кору на березах, оглядывал старые стволы и отрывал с северной стороны кусочки мха потемневшего. Он нюхал их, разминая пальцами и, отбрасывая мох в сторону на яркие пока красно-фиолетовые осиновые и бледно желтые листья берёзовые, делал вслух замечания природе.

– Это ты напрасно, декабрь, снег несешь на ветрах. Сыпал бы мягонько да крупными хлопьями. И холодок за тридцать не нужен нам враз после дождей осенних. Озимые мне пугнёшь, а то и сгубишь. А я накидал их гектаров сто. Потому – сволочь ты, а не младший брат придурка февраля.

Рассвет уже выполз целиком и повис над холодной землёй. Да так неохотно, будто заставлял его кто. Даже пар душистый не выдавил из гиблых листьев, хотя хранят они его долго, пока не закоченеют под сухим и злым бесснежным морозом. Мужик подхватил из-под ног горсть листьев,

понюхал их тоже и без радости головой покачал, скривился.

– Ну, не впервой нам, умным девкам, замуж выскакивать... И этого муженька обдурим. И старшенького.

Под муженьками он имел в виду и январь, и февраль, которые здесь, в степи, так буянили, словно безмозглые мужички дома по пьяне жизнь корёжили родне – радостно и с удовольствием. Он остановился на краю лесочка перед маленьким лугом с полёгшей травой, опёрся плечом о березу, закурил, ещё раз поглядел на небо, поддерживая дорогую и редкую шапку свою из норки сшитую, выдохнул как прыгун в длину перед разбегом и уже одной ногой шагнул в сторону недалёкой дороги, по которой все ездят в город. Но притормозил его шорох справа. Не зверь это шевелился в кустах. Зверь, даже маленький, он шумный в чащобе. Он кусты преградой не признаёт. А вот человек инстинктивно перемещает себя сквозь любые препятствия с осторожностью. Это только говорят так: «природа-мать». А она иногда человечка невзначай в такой рог завернёт, что бараны да джейраны треснут от зависти. Она мать, конечно, наша, но строгая. Поэтому мы с природой-мамой особо не расслабляемся. Её бережем, как получится, а себя в природе храним аккуратно и бережно.

Пригляделся мужик в белом тулупе. Минуты три вглядывался. После чего вышел на лужок и команду отдал:

-А ну ко мне мухой! Савостин, Макушев, бегом, мать вашу!

Кусты раздвинулись и вылетели из них точно вычисленные Макушев с Савостиным. Механизаторы. Подбежали и вытянулись перед мужиком как рядовые перед маршалом. Так натянулись, что чуть звон не пошел от них как от струн балалайки.

– Сюда притащить всё, что в кустах, – тихо сказал директор совхоза «Альбатрос» Дутов Федор Иванович. Царь, бог, папа родимый для всех совхозных десяти тысяч душ и мечкладенец. Ну, по ситуации, конечно.

Через три минуты у его ног лежали фары от трактора «Беларусь», тяги рулевые, наконечники и новое сиденье от того же трактора.

– Ну!– повторил ещё тише Федор Иванович Дутов и расколлот взглядом обоих напополам. В таком виде они улетели в кусты повторно и вернулись, прогнутые в спинах тяжестью задней оси.

– Кому? – спросил директор почти шепотом.

– Корчагинским, бляха! – поник головой Макушев.

– Уболтали по пьяне, суки! – трагически всхлипнул Савостин и высморкался в рукав телогрейки. – Слово держим. Так выходит. У них-то нету. А у нас десять комплектов второй год лежат.

– Приедут когда и на чём? – Дутов Федор Иванович потрогал ось и вытер масло о траву.

– В восемь, – Макушев стал быстро растирать онемевшие бледные щёки.

– Отвезёте на их машине всё обратно на склад. – Директор потянулся и глянул влево. На дорогу. – Деньги получили? Сдадите в кассу. На складе пусть посчитают, сколько вот это стоит по госцене и сдачу бухгалтерия пусть отдаст корчагинским. И нехай они забирают всё и хиляют домой, оборванцы.

– А мы чего? А нам куда? – с дрожью в голосе и в коленях вымолвил Савостин.

– Вы скажете бухгалтеру, чтобы она с вас высчитала из зарплат за ноябрь столько, сколько вы у корчагинцев взяли. Проверять не буду.

– Спасибо, дядя Федя! – воскликнул Макушев за двоих.

– Вы золотой человек! Всем расскажем. Хотя все и так знают! – ещё более патетически вскрикнул Савостин.

Но директор Дутов Федор Иванович уже шел к дороге, по которой катилась его «Волга М-21». За ним. Он до дороги всегда пешком ходил. Семь километров. Разминался, отдыхал. А шофер рассчитывал время и в нужный момент его перехватывал. Такая «Волга» только у него в здешних краях была.

Чёрная как антрацит и блестящая. С вставками где положено из нержавеющей стали. Из Тулы, с родины прислали ему друзья из прошлого – обкомовцы. Они же и договорились с Москвой, с самым верхом, чтобы его из заведующих орготделом послали на целину директором совхоза. Москва его в роли этой полюбила, ничем его не обижала, помогала всем, чем надо было. Он друзей и сам не забывал. И посылки слал достойные, и в гости возил на охоту с рыбалкой. Да в баньку собственную, человек на двадцать срубленную. С шашлыком, коньячком и девятью девчушками, которые в совхозе не числились. А работали у него на участке в два гектара цветочными и работницами теплиц. Летом за яблонями, сливами и грушами ухаживали, да в доме деревянном, десятикомнатном и двухэтажном порядок стерегли. Земли чёрной он при-

вез в шестьдесят втором из Тульской области целый эшелон. Грузовики её за две недели с горем пополам перетаскали в совхоз. Зато потом всё росло у него в степном зазеркалье как в Туле родимой. От того и не мучила его ностальгия так, как многих, имеющих в память о родных местах кто ложку деревянную, кто гармошку или старые фотокарточки, где мама с отцом ещё молодые и красивые.

– Здоров, Ванёк! – пожал он руку шоферу. – Едем сперва в Управление, потом в обком, потом к Юрке Быкову. Водки с ним обещал хлебнуть. Домой поедет часов в девять. Поздно вернёмся.

– Да кого я этим удивлю и взволную? – засмеялся шофёр Ванёк.

И «Волга», мягко шурша по прекрасному асфальту, положенному специально, чтобы городским в «Альбатрос» не тряско было добираться. Да чтобы и самому в город приезжать без ушибов хоть и начальственной, но ещё помнящей отцовский ремень задницы.

Савостин и Макушев дождались грузовик из совхоза имени Корчагина.

За ворованным дефицитом приехали тракторист Генка

Лазарев и механик МТС Венечка Кириченко. А в кузове прибыл местный раздолбай Игорёк Артемьев. Не работал нигде, но везде подрабатывал. Он к утру легко отошел от последствий ночной вчерашней битвы с агрономом Стаценко Петром при помощи двух стаканов самогона из заначки. Чувствовал себя готовым ко всему возможному.

Раздолбай был необходим для чёрного труда. Заталкивать добро в кузов и потом дома из него всё вытаскивать. За это он получал хорошую оплату -минимально литр самогона. Ну, такса была такая за бескорыстную грязную работу. Хотя эту формальность никогда никто не соблюдал. Заработавший целый литр чернорабочий делился им с теми, кто платил, а потом уже самогон появлялся сам неведомо откуда вместе с традиционной закуской – салом, магазинной колбасой и луком с хлебом и солью. Набор такой был обязательно заныкан на рабочих местах, в тракторах, комбайнах и машинах у всех работяг, а также у маленьких и средних начальников. Игорёк начал таскать из кустов всё, что было стырено друзьями-соседями из владений директора Дутова Федора Иваныча, а Савостин, Макушев посадили гостей на подсохшую слегка травку и поделились с ними печальной для себя новостью.

– Таки он всё же настоящий мужик! – сделал верный вывод механик Венечка Кириченко. – Товар-то не отобрал.

Знает, что мы не от ненависти к «Альбатросу» попросили вас запчасти скоμμуниздить. К нему-то самому, к Дутову, кто нас подпустит? А и наш директор к нему тоже хрен бы сунулся. Послал бы его дядя Федя к матерям всех жителей наших обоих совхозов.

– Только вот оно выходит теперь так, что вы запчасти официально купили, – задумчиво выразил мысли Савостин. – А вместе с вами и мы их на законных основаниях приобрели, но сверх цены на 20 процентов.

– Мы сейчас в бухгалтерию ваши деньги сдадим, – разжевал невнятную мысль коллеги Макушев. – Вы квитанцию получите, что всё по госцене купили. И просто повезло всем нам, что мы башлята ещё не пропили и не раздали остатки в семье. А у нас в ноябре от зарплат откусят столько, сколько железки стоят плюс ещё двадцать процентов, что вы нам за риск накинули. Мы сейчас все их в кассу сдадим. Совхоз прибыль получит. Махонькую, но прибыль. А мы прорюхались на сто тридцать семь рублей каждый. Аккурат на ползарплаты. Да ладно... Наверстаем скоренько.

– Хорошие зарплаты у вас! – грустно обобщил тему Генка Лазарев. – Я за эти деньги на тракторе своём не то что геморрой, я заворот кишок получу.

Из кустов, где осталась одна ось задняя, понесся в лес и в чисто поле благородный мат, кряхтение, слово «ы-ы-х!» почти пропетое хрипло, но с разными интонациями. Это Артемьев Игорёк после вчерашней траты энергии не мог один поднять и донести ось. Мелкий он был, да и силы пропил давно.

Мужики плюнули в стороны, ладони потёрли и пошли в кустарник.

Подсобить немощному. Потом поехали в контору, оформили бумаги, деньги заплатили, а Савостин директорское наставление бухгалтеру передал насчёт вычета с него и Макушева в ноябре по сто тридцать семь рублей. Бухгалтерша молча записала указ Дутова в отдельную тетрадь и мужики пошли на улицу.

– Оно, надо бы... – начал Игорёк.

– Вот за лес выедем и прощальную отметим на капоте. – закончил мысль Венечка Кириченко. Механик МТС совхоза имени Корчагина. Прощались они долго. На капот разложили и расставили всего густо, а потому надрались до зелёных соплей самогона и водки. И Савостин с Макушевым потом по-английски исчезли, не послав даже поцелуя воздушного. Они обнимали каждую березу, цеплялись за все осины и та-

ким образом удалялись от глаз, да и исчезли, перекрытые неподвижным берёзовым пейзажем.

Венечка сел за руль, нашел все педали и рычаг коробки передач, дождался когда Артемьев-раздолбай упадёт в кузов на запчасти, а Лазарев Геннадий подтянется на руках за поручень над бардачком. А потом силой рук своих рабочих перетащит тело, почти парализованное самогоном, с травы в кабину. Дело они сделали для своего совхоза праведное и ехать можно было с чистой совестью и надеждой на счастливый случай, который не даст перевернуться на повороте, а то и в канаву нырнуть без шансов выбраться. С этими светлыми чувствами Венечка и рванул с места как на авторалли, седьмым чувством угадывая на приличной скорости, куда рулить, чтобы не промелькнуть мимо родного совхоза.

Олежка Николаев, если вспомните первую главу, бросил в поле на дальней сорок второй клетке свой притомившийся комбайн и нёсся в грузовике, под управлением лучшего друга Вали Савостьянова, который пёр по накатанной колее быстро и грозно. Как на танке. Нёсся он, чтобы пресечь и искоренить зло-измену. Кравчуку, гаду и охальнику, разбойнику половому, оторвать сперва его охотничье хозяйство, а потом, возможно, прикончить и порезать на мелкие фраг-

менты, чтобы бегающие по совхозу ночами шакалы очистили землю и от деталей Кравчука, и даже от мерзкого запаха этого козла. Неверную жену Ольгу, молодую мурманскую красотку, Олежка Николаев задумал по дороге не убивать насовсем, а привязать верёвками к столбу возле магазина, где за день весь совхоз отмечается, а на груди прикрепить табличку: «Я – шалава последняя! Я изменила мужу с козлом Кравчуком Анатолием! Плюйте в меня и кидайте камни в моё развратное тело!». Длинно получалось, но Олежка Николаев знал, где у него лежит большая фанера, школьный набор кисточек сына и черная тушь. Должно хватить на весь обличительный текст.

Зерно из-под полога выпрыгивало на дорогу и травянистые обочины. Но не без пользы. Птиц, сусликов, полёвок и сурков – тьма была в округе. И звук автомобиля инстинктивно влёл их всех к дороге совершенно обоснованно. Поскольку пищевой инстинкт развит у живности так же мощно, как и половой, то обмануть он не мог. И рассыпанное зерно не пропало, а полностью ушло на поддержание жизненного тонуса фауны, поголовно мечтающей пережить зиму, забив норки и гнёзда под завязку дарами человека, самого доброго и разумного предмета в природе.

Подлетели они к дому Кравчука как вовремя спустившиеся с небес ангелы смерти и справедливого отмщения. Олеж-

ка выхватил монтировку из-под сиденья и первым, выбив ногой дверь, вломился в хату. Кравчук Анатолий в штанах, носках, рубашке и пиджаке спал поверх простыни, накрыв лицо газетой «Труд». Рядом с кроватью стояла табуретка. На ней – блюдце с тремя раздавленными охнариками. А рядом с блюдцем стакан пустой и бутылка самогона, едва начатая. Следом в дом ворвался Валя Савостьянов, бросая перед собой страшный взгляд. Они остановились с открытыми ртами, после чего Николаев Олег сделал шаг к окну и отодвинул вбок короткую занавеску. Жены на подоконнике не было, а больше и искать негде. Кроме кровати, табуретки и баяна в углу Кравчук Анатолий в хате лишних вещей не имел. Всё ещё не верящий в такое глупое фиаско, Олежка сбросил с лица Кравчука газету и, широко крутнув рукой, въехал ему небольшим своим кулачком в челюсть. Кравчук, ясное дело, проснулся, встал и отметелил обоих одновременно, раскидав их в неудобные позы по углам. Драться он любил и хорошо умел. И только кто-то с очень помутненным разумом мог додуматься спровоцировать его на это любимое, кроме питья самогона, занятие.

– Вы чё?! – искренне изумился Кравчук Анатолий. – Жить надоело?

– Ольга-то где моя? – задал вопрос, не имея пока возможности встать, Николаев Олег.

Кравчук закурил и сел на кровать.

– Твоя, что ли?

– Ольга моя, да! – с трудом сел Олежка на задницу и вытянул ноги.

– А я ей кто, слуга? – Кравчук затянулся покрепче, разместил папиросу на краю блюдца и поставил обоих мстителей на ноги. – А! Позавчера в магазине видел её. Селедку брала. А что, пропала с тех пор? Селедку хоть донесла до дома? В хате она наверняка. Где ей быть?

– И ты её точно не... – начал Валя Савостьянов.

– Да точно не видел, говорю, с позавчерашнего полудня, – Кравчук задумался. Вспоминал. – А! Я ж два дня кряду с Нинкой из МТС у неё дома гужевал. Самогон у неё – отравка натуральная. Еле-еле своим вот с утра облагородился. А то башка была тупая как обух от топора.

Николаев Олежка вылетел их хаты на такой скорости, что лети за ним, скажем, пуля или снаряд пушечный – не догнали бы. Он ворвался в дом, обнял жену, у которой с рук мука посыпалась. Она лепешки для пельменей раскатывала. Жена

его тоже обняла, чмокнула в губы.

– Ну, поднял зерно с клеток-то? Не сгинет, нет? А я вот с утра из конторы отпросилась да полежала маленько. Температура поднялась до тридцати восьми. Чаю шесть стаканов крепкого выпила. Вроде полегче. Ужин вот леплю. Пель-мешки.

– Ну, ты подожди малехо. Я с ребятами дела добыю и к ужину поспею.

Вышел Олежка в сени, достал литр самогона из-под лавки и остановился на крыльце. Вдохнул глубоко и радостно.

– Ну не сука этот Чалый Серёга!?! И Витёк Спицин тоже! Это ж сколько надо выжрать с утра, чтобы такие галлюцинации полезли! Тьфу! Завтра втык им сделаю.

Он сунул бутылку под рубашку и побежал к дому Кравчука. Мириться. Мирились они три дня. Потеряли их все. От директора до Ольги, жены Олежкиной. Николаеву зерно надо было подобрать. Кравчуку вспахать восемнадцать гектаров. Валя Савостьянов зерна за три дня не перевез тонн двадцать. Хорошо – дождей не было. Но за следующие после примирения и братания три дня все враз всё наверстали. Вспахали, зерно подобрали и перевезли в крытый склад без

дверей. Туда и дождь заносило ветерком, и снег. Мокло зерно. И пока не загнило, его быстренько свозили на городской элеватор заждавшиеся свежего зерна шофера грузовиков.

Ну, да ладно с этим. Главное – Ольга пельмени заморозила в холодильнике. Не пропали. В общем – все обошлось и как в кино – хорошо закончилось.

У хороших-то людей оно всегда так.

И вот когда отпахали положенное, отночевали на холоде по три ночи, употребляя при этом хлеба с салом много и почти без удобрения приятных продуктов самогоном, тогда прямо к месту и вовремя обветрило их октябрьское сырое дыхание. Было оно послано капризной осенью из глубин степи, от чего стало в головах Валентина Савостьянова, Олежки Николаева да Кравчука Толяна так ясно и так понятно всё, как на задней обложке тетрадки по арифметике, где дважды два – четыре, а трижды три – девять и никак по-другому. А с Кравчуком самовольно прикрепился пахать пассажиром в тракторе и изредка плуги подравнивать раздолбай Игорёк Артемьев, чудом вернувшийся в кузове, полном скачущих запчастей из совхоза «Альбатрос». Так даже он просветлел в святой степной обители и стал слегка напоминать трудящегося. И вот когда встретились они все после совершения тру-

догового подвига своего на МТС, то разговор меж ними пошел

умный и рассудительный.

– Короче, я башли свои взял с земли. Кину на сберкнижку. – первым затравил беседу Кравчук Анатолий. – Совхоз родной вообще пусть хоть в ад провалится. А он провалится. Потому как три нормы на пашне рубанул один я. Остальные и норму не дали. А кто и половины не осилил. Так и то я три дня квасил с вами, да пару деньков с ночами на Нинку, вон она ходит, грохнул. То есть, я кто? Передовик! А этого никто в дирекции в упор не видит. Потому, что я пашу на себя и за Родину не переживаю. Без меня не развалится. Набиваю себе карманы и вся любовь и к целине, и к Родине с денежкой вместе в карманы входит. И в гробу я видел директора нашего вместе с его привычкой писать в обком, как много мы зерна сдаём сверх плана. Потому как спит он и мечтает во сне слинять побыстрее в этот обком кустанайский, откуда и приехал. Но уже в большой кабинет с двумя диванами и пятью телефонами. Вот я поэтому жлобом тут числюсь и хорошо относится ко мне только мой кобель Бурый.

– Ну, – нетерпеливо подтолкнул его в локоть Валентин Савостьянов. – К чему гнёшь? Мы против тебя не имеем ничего. Нормальный мужик. Злой – да. Жадный – есть такое. А кто тут добрый у нас? И что жадный – твоё дело. Тебе жить.

Нам своего хватает.

– Мужик ты нормальный, – подумав, сказал Олежка Николаев. – Ты вот возьми, да задружи с нами всеми. Не бычься, да не живи бирюком. Мы вон, глянь, дружно ведь всей братвой живём. И маемся вместе на солонцах да суглинках, и отдыхаем гурьбой. Так легче с тоски не подохнуть. Ничего ж нет кругом. Ни кино тебе тут, в библиотеке десять книжек от силы, спортплощадку директор снёс, сам знаешь. Новый дом там поставил для экономистов своих Костомаровых. Школа хреновая, в больнице один врач на все болячки. Нам тут всем по тридцать четыре-тридцать шесть лет в основном. Тут и клуб не помешал бы с танцами и заезжими артистами. Нету ж ничего. Только самим остаётся в кучу сбиться и держаться вместе. Навкальываешься этим трудом мартышкиным, а потом отдыхаешь с друзьями. Психологическое оздоровление идёт.

– Берёте в дружбаны? – опустив глаза чётко выговорил Кравчук Анатолий.

– Да забито! Какой разговор! – Валя Савостьянов первый руку ему дал. Потом Олежка и Артемьев Игорёк. – Чалый Серёга, наш главарь общепризнанный, только рад будет. И сосед его – Петька Стаценко, хороший мужичок, тоже за тебя будет. Ну, а раз Чалый не против, то и все остальные примут.

Вливайся!

Они крепко пожали друг другу руки по очереди. Установили дружеский союз.

– Кстати, насчёт Серёги Чалого, – Олежка Николаев вспомнил неожиданно, хотя все уже о том недоразумении насчет Кравчука и жены Олежкиной почти не помнили. – Пошли к нему. Спросим, чего он такого в натуре видел. Москвич твой, Толян. Тебя с Ольгой.

И они двинулись вразвалку, трезвые почти, в другой конец МТС, к кузне. Там Чалый правил основу под навесное оборудование Лазареву Генaxe, которого поколотил за тупую и наглуую кражу основы с Серёгиного трактора по пьянке.

– Москвич я видел точно, – вытирая руки ветошью, сказал Чалый уверенно. – Желтый. Как кравчуковский. Катался он кругом посёлка – тоже факт. Насчёт людей – мог прибрехнуть. Очень большая вероятность. Рядом с тобой, Толян, кто живет? Если от моего дома смотреть, то за твоим домом?

– Кирюха Мостовой с бабой. С Валухой. Мостовой в те дни в больничке валялся с воспалением лёгких.

– Во! – хлопнул его по плечу Серёга Чалый. – А Валуха

здоровая была. Дома сидела. В её библиотеке пол провалился. Доски прогнили. Витька-плотник ремонтировал. У кого и где ещё есть желтый москвич?

– В «Альбатросе» только. У главного агронома Алипова, – почему-то удивленно сказал Валя Савостьянов. – Я ж раз пятнадцать комбикорм завозил свиньям его прямо в двор. К свиарнику. «Москвич» – один к одному как твой, Толян. Шо ж это, выходит? Он, выходит, до Вальки мотался тогда, пока Кирюхе задницу в больничке Игнатов дырявил и таблетками морил. И увёз он её потом к себе в «Альбатрос» У них же там домик специальный для отдыха срубили рядом с банькой.

– Кирюхе только пока не надо эту гадость в уши лить. – Чалый Серёга закурил и ярко высказался примерно трёхэтажным тяжелым матюгом. – Сперва пусть поправится. Разберёмся потом.

– Вот сука же какая Алипов, а! – плюнул размашисто Олежка Николаев.

– Валька – сука! Это точняк! – Валя Савостьянов хмыкнул зло. – Алипов что? Его дело нормальное, мужицкое – догонять и просить. А давать-не давать, это Валюхина воля. Вот она – сука и есть. Тьфу, падаль! Библиотекарем работа-

ет. Культуре обучена.

– Культура да совесть – разные штуки, – Чалый повернул голову на шаги справа. К ним шла Огородникова из отдела кадров.

– Это! – начала она, не здороваясь.– Через пятнадцать минут общее собрание в конторе. В ленинской комнате. Директор приказал всех обойти. Вы последние. Так что, бегом. По третьему кварталу отчёт будет.

– А после отчета пьянка и танцы! – засмеялся Игорёк Артемьев. Он тоже хоть три дня, да поработал же на благо совхоза. А потому на собрание шел как все, не пряча глаз.

Директор Григорий Ильич Данилкин, бывший инструктор орготдела обкома Кустанайского, который досиживал ссылку в совхозе ради пересадки в кресло заведующего отделом, говорил долго и красиво. От речи его разило увесистой коммунистической правдой как от конторской буфетчицы несло три дня сладкими, приторными пирожными, украденными и сожранными под видом списанных по причине протухания крема.

– Всем понятно, что мы в области выходим по сдаче на третье место после «Альбатроса» и «Семёновского»? – вы-

крикнул он в массу трудящихся.

А то!!! – заорал один Игорёк Артемьев, а остальные привычно поаплодировали минуту.

– Поздравляю всех! И агрономов первыми! – директор перестал хлопать в ладоши и спросил у всех, оглядывая ленинскую комнату. – А где агрономы- то? Панарин тут, ага. А Стаценко Петр Степанович где у нас? У него ж сегодня тоже как бы праздник. Хлеба сдали два плана почти. Где Пётр?

– Его, считай, пять дней не видели. В поле тоже. В конторе и на МТС не было его, – сказал экономист-счетовод Костомаров. – Говорили, что вроде в город уехал. Приём к секретарю обкома пробивать. По вопросам агротехники

– Ну, это бы я знал, – директор Данилкин мельком глянул в окно. – Чалый, ты сосед его. Видел Петра?

– Я ж как раз пять дней с клеток не уходил. Пахал я, – Серёга Чалый задумался. – Нет, вернулся я, а у него дверь закрыта и следов во дворе нет. Как вроде и не выходил он на улицу. Может, заболел? Узнать надо.

– Панарин, сгоняй к нему и сюда доставь. Пить стали все – жуть! С постели неделями не встают. Пьют прямо лёжа.

Пузырь всегда в руке. Мигом мне его сюда!

Вернулся Панарин быстро. Он был белый как простыня. Зрачки широкие и губы дрожали как у эпилептика после приступа.

– Он! Он! Это! Бляха! – и Панарин зарыдал так громко и иступленно, что кто-то полил его водой из графина и влил прямо в горло воды холодной почти стакан.

– Что? – стали кричать все.

Он зарезанный лежит! Нож у него в горле. На кровати лежит. Крови – подушка красная и простынь. И запах жуткий. Давно лежит, видно.

– Все бегом туда! – приказал Чалый. Через минуту в конторе уже никого кроме директора не было.

Данилкин Григорий Ильич сел за стол рядом с бюстом Ленина, оперся на локти и поместил в ладони подбородок.

– Ты чего не побежал, Костомаров? Ну-ка давай, не чешишь! Бегом! И ближе к кровати стой.

Костомаров скривился и пошел на улицу.

– Ну, вроде началось, – сказал директор то ли сам себе, то ли бюсту Владимира Ильича. – Вроде струнулось.

Октябрь за окном таскал по двору листья и тонкие ветки березовые вместе с северо-западным ветром. Птиц ветер сдувал тоже и они летели боком по ветру, думая, наверное, что летят прямо. А может и не думали они ничего. Просто несло их по ветру, а куда несло – ни птицы не знали, ни листья, кувыркаяющиеся над землёй, да и сам ветер о каких-то там птицах и думать не думал, и знать не знал.

Глава третья

Труп главного агронома Стаценко Петра очень основательно подпортился теплом от общей стены с соседом. Серёга Чалый печку так выложил, что все семь колодцев обогревающих разместились внутри общей стенки. Сам он пять дней пахал солонец на клетках скошенных, а жена Ирина с утра прохладного октябрьского растапливала печь, детей кормила и отправляла в школу. Ленку в третий класс. Славку – в первый. И шла на ток зерно принимать. Косили и возили чуть ли не до самой зимы. Огромные поля, дожди, жалкое подобие расквашенных дорог уборку пораньше закончить не

давали. Сама она, да и Серёга тоже, к соседу ходили очень редко. Не было того общего, что роднит почти всех без разбора. Ирина вообще спиртное не пила, муж мало употреблял. Наверное, меньше всех в совхозе. А агроном закладывал за ворот в последние пять лет так отчаянно, что и дружбабанов завёл не просыхающих. Им было всегда о чём поговорить, куда сходить и чему порадоваться. Но целых пять дней все они так же, не сбиваясь с графика, «керосинили» без него и весь пьяный отряд «не заметил потери бойца». Что было очень не понятно пока только одному Чалому Серёге.

Комната, где лежал бывший человек с ножом, воткнутым по рукоятку в горло левее кадыка, забита была до последнего квадратного сантиметра. Все дышали через рукав даже при открытой двери. Смотрели тупо на несуществующего больше Петра Стаценко. Кто прямо в упор, кто через плечи передних, кто поднимал за пояс соседа, давал несколько секунд поглядеть на почерневший труп, а потом сосед и его поднимал. Чалый стоял возле кровати. Долго глядел на мертвеца, потом повернулся ко всем и сказал угрюмо:

– Вы, черти, которые постоянно с Петькой квасили, здесь? А, вижу четверых.

Где пили? У него?

– Так нет как раз, – хмуро ответил один.

– Не-е, – протянули в один голос трое.

– Последние дни сами его потеряли. Думали в город уехал. Он часто ездил же, – один из четверых пробился поближе к Чалому Сергею. – Вот Димка Свириденко, слышал я, похмеляться к нему собирался пойти. Как раз, это самое. Ну, вроде, прямо-таки пять дней тому и собирался. Но тут нет его. Он ещё позавчера на машдворе споткнулся об железку и упал на перевернутую борону. Руку и бок штырями почти насквозь пробил. Сейчас в больничке у Ипатова заживляется.

– Эй, участкового пропустите! – крикнули сзади.

Лёня Жуков, совхозный участковый, младший лейтенант, снял фуражку, руки вытянул вперед и фуражкой быстро проложил себе путь к трупку. Надел шерстяную перчатку и взялся за рукоятку ножа.

– Кухонный, – сказал он себе и рука его напряглась.

– Ты, Лёня, только выдергивать не вздумай! – Чалый аккуратно оттащил участкового за рукав подальше от мёртвого Петра Стаценко. – Ты сделай описание, акт составь, сви-

детелей вон сколько. Зафиксируй смерть насильственную. А директор уже наверняка из области группу МВД вызвал. И скорую помощь. Чтобы всё как положено было.

– Ну, это он по пьяне и сам мог себе нож вогнать, – участковый закурил, достал бумагу из планшета, расстелил её на подоконнике и стал писать химическим карандашом, смачивая его слюной. – На хрена такая жизнь ему? Дела агрономские не идут. Сдохли совсем. Баба уехала лет пять назад? Да, пять лет уже. В Свердловск. Домой. Утомилась она тут. Детей, опять же, не нажили. Ей и стало неважно на бензоэмульсии вкалывать за копейки. Да и он пил как савраска воду – ведрами. Э-эх!

– Ты давай, Лёня, пиши. Не городи следователя из себя. Сам он себе нож воткнул, – Чалый Серёга тоже закурил и стал внимательно разглядывать нож. – У Петра в доме три ножика было. Я-то знаю. Колбасу иногда резали под закуску. Бывало, хоть и редко. Валентина, эй, ты там ближе к столу. Ящик выдвинь. Там ножи. Один с синей ручкой пластмассовой. Он побольше. Два других узкие и короткие. Лежат они?

– Вот, – Валентина подняла ножи над головой.

– Не его это нож, Лёня, – Чалый затоптал на полу папиросу и пошел во двор. За ним, сморкаясь и кашляя от дур-

ного запаха, и остальные двинулись. – А вот чей – хрен до-
тумкаешь.

Часа через три приехали двое из Кустаная на милицей-
ском ГаЗ-69 с брезентовой крышей. Капитан Малович и
старлей Тихонов. Они почти всегда и приезжали на всякие
ЧП, которых в совхозе имени Корчагина за год меньше де-
сятка никогда не было. Все уже разошлись. Остались ди-
ректор Данилкин, экономист Костомаров, участковый Лёня,
парторг Алпатов Виктор, ещё задержались профорг Тулеген
Копанов из местных, кустанайских, да Чалый. Сосед же. По-
тому следователи его и оставили. Серёга им рассказал, что
он как раз в эти дни пахал за сорок километров отсюда. Но
следователи на этот факт не отреагировали никак.

– Разберемся, – похлопал его по плечу один из них, Тихо-
нов. И улыбнулся. Очень доброй, кстати, улыбкой.

– Нам тут, похоже не на один день работы, – отвёл капитан
Малович директора в сторонку. – Будем приезжать регулярно.
А по два дня у вас намереваемся жить. Потом – в город.
Местечко для ночёвки найдёте?

– Какой вопрос? – дружески приобнял милиционера Да-
нилкин Григорий Ильич, директор. – У меня и будете жить.
Дом – пять комнат. Живем в одной комнате с супругой.

Остальные – ваши. Хоть весь отдел сюда привозите.

– Подождите нас, не уходите, – следователи пошли в дом и минут тридцать там пробыли. Что можно было искать у мёртвого человека целых полчаса – никто из оставшихся во дворе не догадывался. Ждали сначала молча. Потом парторг Алпатов Виктор, москвич в прошлом, первым додумался до мысли, самой нужной сейчас.

– Хоронить совхоз будет. Родственников нет у него тут. А жену из Свердловска не вытащишь. Да и денег она не даст. Бросила же его насовсем. Чужой он ей уж пять лет. За государственный счёт похороним. Агроном-то он в принципе нормальный был.

– Ну, да, – кивнул директор. – Ты давай, распорядись, чтоб всё тут налажено было с похоронами.

– Сделаем, – Алпатов поковырял носком ботинка уже не мокрую почти грязь. – Хоронить-не рожать. Всё полегче. И ушел, но на ходу успел добавить, что вернётся через часок.

Вышли следователи.

– Нам всё ясно в принципе, – вдохнув свежего воздуха, потянулся Малович. – Сейчас только обойдём соседние до-

ма, свидетелей поищем, опросим. Но помощь ваша потребуется, конечно. Идите в контору и ждите нас. Будем составлять примерный список подозреваемых. И они надели фуражки.

– Ну, да. Ждём, – директор Данилкин достал носовой платок, вытер серое лицо и руки, вроде как счищал с себя трупный запах. – А ты, Чалый, свободен. Дождись скорую. Она ж никогда не торопится. Но приедет. Жди. Пусть зафиксируют и справку тебе отдадут. А потом будешь парторгу помогать с похоронами, да поминками в столовой нашей. Он скоро.

И все ушли. Серёга Чалый сел на бревно посреди двора, закурил и вдруг почувствовал, что как-то не по себе ему. Вдумался поглубже и неожиданно для себя уловил тонкий и едкий холодок внутри. В душе, наверное.

– Не сейчас так завтра следователи будут знать точно, что я тащил его бесчувственного в дом ночью. Стало быть, и видел его последним. – Серёга бросил папиросу, закурил новую, – а это значит... Это значит, что трындец моей спокойной, а, может, и вольной жизни.

Он зашел в дом, сел напротив убитого Стаценко Петра и задумался, глядя на торчавший из его горла нож. Скоро пройдут похороны и поминки. А после них начнётся всё, что

может его невинную, хоть и не самую счастливую жизнь, или в кошмар превратить, или вообще в ад. В чём, собственно, Чалый Сергей не видел никакой разницы.

Вот в этом месте хочу объясниться с читателями. Я пишу не детектив. Я описываю время, когда после государственного и партийного призыва молодёжи советской к освоению земель, на которых никогда ничего не росло кроме ковыля и неприхотливого перекасти-поля, прошло десять лет и более. В 1957 году в кустанайскую область в длинных эшелонах с теплушками приехали десятки тысяч самых разнообразных людей. Из России, Украины и Белоруссии в основном. Были среди них, конечно, души чистые, искренние. Они и вправду мечтали сделать страну огромную нашу самой богатой, мощной, первой в мире по всем статьям. Но в неохватную эту массу человеческую вклинились разными способами и отсидевшие уголовники, и беглецы от разных проблем и врагов, жен и мужей. Карьеристы просочились всевозможные, видевшие в целинной эпопее трамплин свой для взлёта в начальственные кресла. Просто неприкаянных и бездомных, мечтающих о своём домике и постоянной зарплате – тоже судьба зашвырнула на целину.

И рассказывать я продолжу в основном об их жизни, судь-

бах и тяжком, но почти уже бесплодном лет через пять труде. А милицейская работа и закономерный отлов преступника, да всякие попутные преступления и несчастные случаи пойдут своим чередом, но останутся на втором плане. Детективов сейчас много написано. Их и прочтёте, если очень потянет.

Следователи прогулялись по совхозу, всех, кого встречали, расспрашивали и кое-что записывали. Ближайших соседей мучили вопросами подольше, поскольку почти все они тем поздним вечером пять дней назад торчали на улице. Кто курил, кто дрова рубил, а некоторые деревянными зимними лопатами грязь стаскивали от проходов в дома к заборам. Поболтали с ними капитан Малович и старлей Тихонов, да в контору пошли. Совещаться и назначать предполагаемых преступников. И вот что получилось, если временно принять на веру свидетельские версии. Первым в списке возможных убийц обозначился Чалый Сергей. Его, растаскивающего по домам вусмерть упитых агронома и Игорька Артемьева, отчетливо запомнили сразу пятеро соседей с разных сторон и трое с другой стороны улицы. Затем в список внесли самого Артемьева Игорька, который бился с Петром Стаценко. Он мог очухаться малость после того как обогрелся в натопленной Чалым комнате, садануть стакан самогона,

взять нож и ночью добить насовсем «врага» спящего. Потом в черный список занесли механизатора Свириденко, упавшего на перевернутую борону специально, чтобы в больничке доктор Игнатов подтвердил наличие травм. Но убили Стаценко пять дней назад, а Свириденко травмировался позавчера. Не шурупил сразу сделать алиби, поскольку пили они так крепко в одной с агрономом компании, что нужная спасительная мысль могла проясниться только на более-менее трезвую голову. За ним, используя воспоминания соседей, записали Толяна Кравчука, драчуна и, к несчастью, передовика-тракториста. Он и дрался с агрономом не раз, он громко на улице кричал и тряс его за грудки. Убить клялся, если Петро не прекратит как агроном издеваться над землёй. Если не отменит отвальную пахоту на бедной плодородными элементами земле, потому как ветры этот мизер полезных веществ вышибают из глубоких борозд до полного исчезновения.

– Орал-то он правильно, по делу, – заключил капитан Малович. – Земля у вас тут – как нищая бабка возле входа на городской базар. Нету в вашей земле питания для пшеницы. Соль одна да суглинок. Но чтоб за это убивать агронома! Он что ли такую землю тут расстелил? Нет, не он. Но на заметку Кравчука берём.

– Ещё надо записать врача нашего. Игнатова, – директор

Данилкин в упор посмотрел на старлея Тихонова, щелкнул пальцами и повернулся к профоргу Копанову Тулегену: – Помнишь как он в посевную прямо на собрании совхозном агроному заявил, что, как врач, он бы такого специалиста, который своей жуткой технологией заставляет рабочих на полях болеть радикулитами и гробить внутренние органы, отравил бы нахрен цианистым калием? Вроде бы сильно злой на него был, что с полей, правда, много больных к нему приходило. Но убивать за это насмерть? Тёмная личность, врач наш. Ещё тот змей!

– Реальной угрозы тут не просматривается, но запишем для порядка, – Малович поднялся, пожал всем руки, надел фуражку и позвал старлея. – Пойдём, заберём главного на этот момент подозреваемого. Пусть посидит пока в КПЗ, а мы за недельку выжмем его как рубашку постиранную.

Они пошли к Серёге Чалому. Забирать в КПЗ. Данилкин глядел в окно. Профорг Копанов рисовал на листке каких-то зверей, а счетовод Костомаров Сергей и жена его, главный экономист Нина Захарова просто смотрели на свои столы, заваленные бумагами. Печально глядели, без выражения в глазах. Будто горе общественное отняло у них всё, кроме боли от утраты хорошего человека и специалиста.

– А!– сказал Чалый Сергей, обернувшись на шаги следо-

вателей. – Если я правильно понял...

– Правильно, – издали уточнил капитан Малович. – Собирайся. Жене пойдй скажи, что пока на неделю уезжаешь. А там посмотрим. Брать с собой кроме паспорта не надо ничего.

– Ну да, – ухмыльнулся Серёга. – Баланда ваша.

Через пятнадцать минут они уже выбрались на асфальт с изуродованной дождями, тракторами и грузовиками просёлки, и без единого слова, на хорошей скорости за два часа долетели до областного управления внутренних дел.

– Давай, отдыхай сегодня. В камере твоей никого. Спи. Думай. Говорить завтра начнём, – Тихонов крикнул конвойного, который повёл Чалого в подвал и большим ключом открыл толстую дверь камеры номер шесть.

С этого момента началась новая, непонятная и пугающая неясностью будущего жизнь Чалого Серёги, хорошего тракториста и любимца практически всех жителей невезучего целинного совхоза имени легендарного Павла Корчагина, прирождённого борца за счастье советского строя.

На следующий день Стаценко Петра дружно похоронили. На работу никто не пошел. Кладбище за посёлком развезло непогодой до полного безобразия. Наклонные дорожки петляли меж могил и нести по ним гроб было внапряг даже шестерым здоровенным механизаторам в сапогах с глубоко рифлёными подошвами. Они скользили, съезжали к нижним оградкам, куда тянула тяжелая ноша, долго выравнивались и куда медленнее, чем вообще положено на похоронах, приближались к могиле. Сзади шло около тысячи мужиков и женщин. Но если передняя часть этого ручья людского ещё ухитрялась не упасть и двигалась равномерно, то сзади совсем размазанная тропка идти почти не позволяла. Народ то на колени припадал, то за оградки цеплялся, однако тоже перемещался вперед, и через час мучений все окружили могилу, поставили гроб на две табуретки, после чего директор Григорий Ильич Данилкин минут пятнадцать говорил хорошие слова о покойном. От них многие женщины плакали, а мужики курили нервно и не в меру. Потом ещё несколько умеющих красиво говорить жителей совхоза по-своему высказали свою любовь и уважение к покойному. А тогда уже мужики заколотили крышку гвоздями и на верёвках спустили бывшего Петра Стаценко на два метра вниз. Все, кто добрался, бросили по горсти земли на красный материал, украшавший гроб, да и засыпали могилку мужики четырьмя лопатами. Холмик аккуратно обстучали со всех сторон, чтобы красивый был и воткнули в землю доску с надписью «Ста-

ценко Пётр Васильевич. 11.07.1929 – 24.10.1967»

– Тут памятник поставим. Сварим из нержавеющей стали. И фотографию прикрутим винтами под стеклом, – директор Данилкин поклонился могиле и пошел сквозь толпу на тропинку. За ним кланялись и уходили остальные.

Парторг Алпатов организовал в большой столовой добрые поминки. С большим количеством еды и питья. Все в столовой не поместились и пошли по домам. Но человек двести помянули агронома от души. Перепились до невозможности, плакали, смеялись, снова рыдали, после чего долго, до ночи пели всякие песни. Витька Сапунов, бессменный баянист совхозный, притащил баян и после пятой рюмки и хороших слов о покойном запел во всё горло любимую, почти народную уже песню:

Вьётся дорога длинная,

Здравствуй, земля целинная,

Здравствуй, простор широкий,

Весну и молодость встречай свою!

Пели все взахлёб. Любимая это была когда-то пес-

ня. Гимн, можно сказать. Когда музыкальные произведения, всем известные, кончились, приступили к танцам от «гопака» до «цыганочки с выходом», прерывающимся только для быстрой выпивки и минимальной закуски. В общем, душа Стаценко Петра, наверняка радовалась таким ярким проводам в мир иной его тела.

Переночевал совхоз первую после трагедии ночь как попало. Кто поспал, кто не успел, а некоторые не хотели ложиться принципиально. Всё агронома вспоминали, собравшись в кучки. Но утро пришло в положенное время и все, кто был в состоянии двигаться, двинулись на рабочие свои места. Трактористы разъехались пахать, комбайнеры – зерно поднимать и обмолачивать, шофера – возить это зерно на ток. Приёмщицы по местам пошли, механики на МТС, а директор Данилкин, экономисты Костомаров и Захарова в контору ушли. И парторг Алпатов с ними. Руководить. Скоро, через полмесяца свезти надо было всё зерно в город на элеватор и рапортовать в обком партии, о том, что в этом году совхоз имени Корчагина сдал родине, как и в прошлые пять лет два плана. Во имя и ради процветания любимой страны и самого лучшего в мире социалистического

строя.

Белые мухи начали валиться из низких мрачных туч только через месяц, двадцать пятого ноября. Большие растрёпанные хлопья, как парашюты подолгу висели в безветренном воздухе и как пух гусиный укладывались на застывшую горками грязь. Они аккуратно выравнивали поверхность раздолбанных дорог и прятали нерукотворное безобразие во дворах. Посёлок медленно, но уверенно отвоёвывал у неопрятной поздней осени чистоту и яркий художественный образ культурного поселения. Народ разбрёдался с утра по местам, где надо зарабатывать на хлеб, в валенках, толстых телогрейках, шапках и шалях. Многие сходились на одну тропинку, виляющую, например, к МТС, но с разных сторон. Занимали место на общей дорожке, дальше перемещались гуськом или маленькими группками. Градусники показывали всего минус восемнадцать, а при такой благодатной температуре и работается легко. Хоть на МТС, хоть в поле. Да просто поболтать на всякие общие темы в хорошую погоду не скучно и приятно. Вроде и не делаешь ничего, а всё равно теплее. То ли от слов, а, может, потому что все всегда разговаривают, помогая словам руками. Жестикулируют как итальянцы в кино – по любому поводу.

– Зерно-то всё до горсточки свезли, говорят, позавчера в город. Финиш! Откукарекали уборочную! – радовался, сбиваясь с тропки в снежную порошу комбайнер Николаев

Олежка. – Себе, правда, опять ничего на муку не оставили, блин!

– Зато конторская бухгалтерша Нинка Захарова в магазине вчера всю очередь пришибла новостью, – вставил Толян Кравчук. Тоже на МТС его утро вело по привычке. Хотя делать ему там было нечего. – Вот она ещё бы слово мявкнула и её могли начать на руках подбрасывать. А она ж центнер весит! Так она чего трепанула-то! Уже вроде как у директора на столе приказ лежит. Всем подряд вроде бы премии корячатся. А человек пятнадцать ещё какие-то медали получают. Во жизнь! Да, мужики?

Николаева Олежку, друга лучшего, догнал на самой высокой скорости, какую позволяли включить валенки и лёгкий полутулупчик, Валечка Савостьянов, шофер. Отдышался малость и внёс дельное предложение.

– Денежный довесок этот, премию, значит, надо зарыть поглубже. – Сказал он строго, чтобы все прислушались. – В шкафы под бельё прятать не надо. Близо больно к рукам. Достанешь обязательно и на какую-нибудь глупость вроде норковой шубы для бабы своей изведёшь. Надо ехать подальше. В райцентр, а лучше вообще в город. И в сберкассу скинуть на книжку. Туда сдуру или по пьянке за деньгами не погрёшься. Далеко. Сохранность халявных башлей уже бу-

дет обеспечена на чёрный день!

– Чего сразу халявных-то? – натурально обозлился Кирюха Мостовой, комбайнер. – Я вон за эти «халявные» сутками с комбайна не слезал. Две недели потом в больничке парился с воспалением лёгких. Чуть не сдох. Мне это – праведная премия. Рисковал, можно сказать, жизнью. Отложу как в прошлом году, а на следующей уборке опять возьмем премии. Соберу всё да свалю домой под Кострому. В Галич свой. Слесарил там и жил от души. А тут что? Ещё пару лет и хлеб совсем перестанет расти на убогих полях наших. Земля подыхает на глазах. Сам же вижу. Да и вы все видите. А другая работа неизвестно когда появится. Но в том, что рожать колосья несчастной нашей земле солёной с каждым годом становится всё более тяжело – лично я не обманываюсь.

Кравчук Анатолий обогнал всех по рыхлому снегу сбоку и на тропинке застыл, растопырив руки. Остановил движение коллег к МТС.

– Стойте!– заорал он почти иступлённо. Все одновременно подумали, что у него и глаза на лоб вылезут, да пена изо рта брызнет. – Премии берём! Заслуженные! За перевыполнение плана в два раза! Да вы все башкой тронулись, весь разум рассыпали, как зерно с грузовиков! Кто из вас считал? Ну? Вы склады наши все видели? Все там бывали? Нет же! А

я был в конце уборки. Кирюха Мостовой был. Чалый тоже. Там что – зерна на два плана лежало? Да хрен вот всем! И половины плана мы не дали! По- ло – ви- ны!

– Ну там, в сельхозуправлении козлы, что ли, сидят тупые, безрогие? – засмеялась искренне Нинка с автозаправочной. – Ни фиги себе – подарками какими они раскдываются. На совхоз премиальных дают тысяч пятьсот рубликов. Не пробовали посчитать, нет? С какого перепоя они нам станут просто так такие деньжищи дарить? Им же обком партии головы поотрывает и собакам скормит!

– А теперь меня слушай! – Толян так и стоял с распростертыми объятиями, хотя никто и не рыпался идти. Переминались все. Ждали. – Уборщицу конторскую Катерину Зотову уважаете?

– Толковая баба, – согласился Валечка Савостьянов. – Днём парикмахером работает. С утра вместе с Нинкой машины заправляет. Вечером контору вылизывает. Трудяга. И слово у неё верное. Не врёт никогда. Сто раз убедились.

– Ну, вот она мне вчера поздно уже на улице встретилась. Я к Артемьеву Игорьку выпить шел, а она – домой. Контору только что помыла. – Кравчук Анатолий поднял вверх указательный палец. – Так слушайте, что она мне сказала. Мыла,

мол, кабинет директорский, стол протирала тоже. А на столе Данилкин сводку для обкома оставил по итогам уборочной. Так оказывается мы с вами, ребятки дорогие, все подряд герои труда. Мы хлеба сдали на два плана. По восемьдесят пудов с гектара собрали. Не по четырнадцать, как на самом деле, а по восемьдесят. Как в Тульской области почти урожай. Как в самом чернозёмном Черноземье! Там сто пудов делают. А!?! Не слышу троекратного «Ура!!!»

– Дуркует, как шалава подзаборная. – плюнул в сторону Олежка Николаев и закурил. Заволновался. – Но наверху-то не идиоты. Они ж знают, что тут у нас сроду столько не вырастет. Но он завтра бумагу отвезёт. А её примут, обнимут Данилкина и нам премии с медалями опять сунут. Вместо умного агронома и безотвальных плугов. Тьфу!

– Но про это всё мы не знаем.– Вздохнул Мостовой Кирилл.– Мы знаем, что все склады вычистили. Не то, что себе, мышам полкило зерна не оставили. А, оказывается, это мы рекордный урожай вырастили. Там хоть взвешивают по-настоящему-то, что мы привозим? Реально ведь и половины нет от написанного.Стыдоба, мля! А мы тут счастливые! На собрании в ладошки будем хлопать. Вот же сука какая – Данилкин этот!

– Катька Зотова сказала, что экономисты наши, Костома-

ров с женой, насчитали неубранных семь клеток, – Кравчук сел на корточках. – Так вот – это наш с вами корм. Всего совхоза. Пустит Данилкин по снегу три комбайна бок к боку, они шнеками просто слой снега снимут, а мы себе на прокорм колоски руками рвать будем и в мешки складывать. Ну, у кого серпы есть – те серпами порежут. Весь совхоз сгонит, поганец. Ну, а как не пойти? Чего жрать-то зимой? В город за хлебом ездить? «Альбатрос» пошлет нас нахрен и прав будет.

– Ладно, – сказал Олежка Николаев. – Не трепитесь никому про наш позор этот. Одного не пойму. Вот Костомаров с женой, экономисты, они, выходит, и танцуют с Данилкиным в обнимку. Государство дурят весело. Но не за спасибо же, а? Вот Данилкин хочет на этих урожаях Героя труда получить и в Обком переехать в большой кабинет. А эти двое ради чего корячатся? С собой он их не возьмет. Значит, здесь им места хорошие готовит. А какие?

Может Костомаров вместо покойного Петра хочет агрономией править? И зарезали его как-то очень уж вовремя. Да... Ну, Чалый вернётся – с ним мы быстрее врубимся, у кого откуда хвосты растут.

И притихшая от проговоренного и понятого маленькая толпа работяг снова вытянулась в змейку и через двадцать

минут безмолвного движения исчезла в воротах МТС.

На повороте с шоссе в сторону хозяйства имени Корчагина рядом со столбиком, имеющим наверху цифру сто семьдесят два, на двух высоких тонких бетонных сваях областное управление сельского хозяйства укрепило огромный стенд. Обит он был крашеной под цвет зерна жостью. Правее бордового комбайна, до мотора утопающего в колосьях, расположились сверху вниз красные, приятно греющие сознание всех проезжающих по трассе слова: «Совхоз им. П.Корчагина – ударник коммунистического труда». Сами корчагинцы тоже не испытывали к стенду отвращения. Но и гордости закономерной тоже. Похожие стенды уже сам совхоз выставил вдоль конторы. На них было штук шесть нарисованных крупно медалей «За освоение целины» и «За доблестный труд», а в центре красочно выделялся увеличенный в сто раз орден «Знак почёта» и под ним растянулась длинная фраза, похожая на оправдательный приговор: «За достижение высокой производительности труда, улучшение качества продукции, снижение материальных и трудовых затрат на её изготовление, успехи в повышении эффективности общественного производства».

Ну, по всему этому торжественному украшению ви-

сели слева направо фотографии вождей всесоюзных и республиканских, да своих родимых передовиков, победителей социалистического соревнования. Возле этого горделивого сооружения кроме приезжих давно никто из своих не оставался. Привыкли к ним, во-первых. Неловко было, во-вторых. Даже выпела кумачовые и бархатные с золотистыми буквами и гербом СССР над ними победители в соцсоревновании уже лет пять на стенки у себя в домах не вешали. И гвоздики выдернули. Но это дело их. Личное. Не обсуждаем со стороны.

Вернёмся пока назад. На две, примерно, недели.

Восьмого ноября днём к стенду возле конторы лихо подлетела блестящая черная «Волга М-21», отделанная нержавеющей сталью на бамперах и вокруг окон. Тормознула машина жестко, так что задняя часть приподнялась, а передок почти «клюнул» нержавеющей сталью бампером грязь. Вышли из неё, мягко прикрыв дверцы, Дутов Федор Иванович, директор «Альбатроса» и Игорь Сергеевич Алипов, главный его агроном.

– Во, иконостас! – агроном медленно прогулялся вдоль пятнадцатиметрового стенда и поклонился уважительно фотографиям передовиков, улыбаясь при этом по-доброму, вежливо. – Эти ребята как камикадзе японские. Ухайдаки-

ваются на работах своих почти до смерти. Даже жалко их, чесслово. Но пока Гриша Ильич тут командир – хрена чего изменишь.

Из «Волги», зевая, вышел щофёр Ваня и открыл багажник. Вынул толстый тяжелый портфель и отнёс его к ногам директора Дутова.

– Ванёк, ты сгоняй, глянь там – пришел товарищ Данилкин или задерживается. Договаривались на два часа. – Дутов глянул на свои «командирские» часы. – Мы вообще-то на десять минут раньше прибежали.

Мимо конторы из дома в магазин спешил Копанов Тулеген, председатель профкома местный. Остановился, поздравил, руки пожал всем троим.

– Бегу вот в магазин. Два дня уже празднуем. Самогон-то грех такой юбилей отмечать. А коньяка всегда не хватает. Не привычные мы к нему. Правильно рассчитать не можем, сколько его надо. А вы чего к нам?

– Да вот, Григория попроведовать, с тем же юбилеем революции поздравить. Ну и с окончанием уборки, конечно, – Дутов достал из кармана пачку «Герцоговины флор», раскрыл и протянул Тулегену. Копанов закурил, поднял глаза к

небу и губами причмокнул.

– Не зря бывший наш повелитель их любил. Благородный аромат!

– Ну и как отработали? – спросил Алипов Игорь, агроном главный. – Слышал я в городе, что вы вторые. Следом за нами сразу. Два плана дали. Молодцы!

Копанов скривился, матюгнулся легонько и подмигнул свойски.

– Ну, будем считать, что дали. Да и раньше нас уж посчитали. Им виднее. Профсоюз в совхозную бухгалтерию заглянуть не зовут. У профсоюза свои задачи. У партии – свои. А дело все одно – общее. Единственное, что я знаю точно, так это то, что тяжелее становится.

Вкалывали все почти, конечно, по-чёрному, зверски трудились. Но кроме расстройства душевного не поимели ничего. Разве что вот премии дадут теперь. Может, полегчает народу. Ну, ладно, побегу я. Гости ждут.

Он помахал рукой и вскоре скрылся за углом, отбрасывая в сторону липкие пласты грязи.

– Да все рабочие сам видят, что урожаи хилые, что в конторе дописывают при сдаче тысячи несуществующих пудов зерна, – Дутов говорил и разглядывал знак Почета, точно такой же, какой покоился у него дома в коробочке. Один раз нацепил рядом с орденом Трудового Красного Знамени. Когда в Москву ездил в ЦК на беседу. Предлагали ему должность инструктора орготдела здесь. Отказался Дутов. Сказал, что не дорос до такой высоты.

– Причем, я думаю, что никто никогда даже не попытался просто-напросто взвесить по-честному эти пуды и тонны. Ни в совхозе, ни в городе. Есть у Гриши в Кустанае сильный оберег. Живой амулет.

Алипов от души засмеялся.

– Корчагинские работяги утонут скоро в море самогона своего с расстройства. Если кто-то из них, пробивной и отчаянный, не доползёт до верхов Минсельхоза СССР или до кого-нибудь очень большого из ЦК КПСС. А и доползёт, достучится, то пусть ещё сумеет вдолбить там, что по восемьдесят пудов с гектара можно собрать где-то под Челябинском, а в тульских краях, может, и по сто. Но в солонцевой степи кустанайской с их глубокой отвальной пашни всё, что надо давно выдуло пыльными бурями. Тут даже старик Хоттабыч не наколдует больше двадцати пудов при очень счаст-

ливых обстоятельствах. Когда и дождей полно, и солнца, и удобрения внесли те, какие надо, и волосок свой Хоттабыч этот выдержнул правильно. Поменять бы к чёртовой матери негожую тут агротехнику, убрать обнаглевшего директора и бесправного агронома.

– Агронома ихнего именно ножом в горло и сняли с должности, а не по пьянке закололи или из ревности, – сказал Дутов хмуро. – Значит, нашли замену. Покойник слишком много писал жалоб на Гришу в Минсельхоз, в Управление, в обком. Гроб себе заказал давно уже. Если бы кто-то вник в жалобы – не видать Данилкину кресла, на которое он пыжится перепрыгнуть со своего стула. Но больно уж грязно убрали мужика. Некрасиво.

Вот после этих слов как раз и остановилась «Волга» директора Данилкина Григория Ильича. Секунда в секунду приехал. Вышел, обнял гостей по очереди, руки крепко пожал. Спасибо сказал за то, что нашли время заехать. И пошли они на второй этаж, где девушки из столовой час назад стол в кабинете накрыли «королевский», а мужики разукрасили кабинет флагами, портретами членов Политбюро и пучками больших колосьев пшеницы, неизвестно с чьей помощью выросшие в корчагинском совхозе.

Праздновали братья по труду до позднего вечера, хоро-

шенько выпили, закусили, да поговорили о делах своих и на более весёлые темы. Про охоту, рыбалку, девочек из «Альбатроса» и прекрасную баньку из осинового дерева. Там уговорились и встретиться перед Новым годом. Отдохнуть от забот да грехи смыть, которых на каждого налипло не по одному килограмму. Посидели так, отметили кроме праздников и факт дружбы прочной и долговечной. На том и разошлись.

Двадцать седьмого ноября вечером, в разгар сильнейшего снегопада с ветерком отпустили из милиции Серёгу Чалого. Поскольку виновности его не нашли в убийстве. Малович за это время опросил всех и узнал, что после того как Серёга разместил на кровати агронома Стаценко и пошел затаскивать в дом Игорька Артемьева, агроном ещё часа полтора пел песни и матерился, что ночью тихой слышно было всему посёлку. А Чалый напрямик от Игорька ушел домой и больше не появлялся. Это подтвердил сторож конторы, который в тулупе ходил вокруг неё и мимо дома Чалого. Отсидел Серёга три недели с хвостом, а за это время капитан Малович и Артемьева Игорька добросовестно вывернул наизнанку, и Толяна Кравчука заодно, а потом и Свириденко Михася, механизатора, который проткнул себя лежащей кольями вверх бороной.

– Свириденко, – доложил капитану начальник МТС, – пьян был в дымину, зигзагами шел в нужник за кузню и рухнул на борону, после чего из него вытекло стакана три крови. Он жутко орал и просил отвезти его в больницу. Что и было сделано

Там врач Ипатов, тоже подозреваемый, привел его раны в порядок и просидел рядом весь день.

– В ночь убийства Ипатов с двумя медсёстрами до утра принимал тяжелые роды у трактористки Закревской, – сообщил её муж, торчавший безвылазно в коридоре, и родители молодой мамы, прилетевшие на важнейшее в их жизни событие аж из Тамбова.

И оставалось капитану чесать во лбу и избавляться от озадаченности. Никто из подозреваемых, прояснил он, зарезать агронома не мог. Артемьев начал самостоятельно передвигаться только через день после убойной пьянки и травм, которых наловил в драке от агронома. Кравчук Толян той ночью был в гостях у продавщицы кустанайского универмага Натальи. Это подтвердили все её соседи. «Москвич» его желтый знали все в двухэтажном доме. Он ставил его всегда во дворе под окнами. А ночью он пел песни, пил с ней на балконе коньяк, после чего они почти до утра мешали всем спать, поскольку кровать у Натальи была старая, имела штук

двадцать ржавых пружин и скрипела очень противно, громко и долго.

– Интересное убийство, – говорил капитан Малович напарнику Тихонову.

– Интересное, – соглашался старлей.

– И вот поэтому сдаётся мне, что правы были французы, когда впервые сказали «шерше ля фам», – Малович чуял нутром правильную версию и только потом её выговаривал.

– Чего они так говорили-то? – стал вдумываться в неизвестный ему французский Тихонов.

– Бабу тут надо искать как зацепку. Есть в деле женщина. Чую организмом, – Малович похлопал напарника по трехзвездному погону. – Найдем, тогда и дело раскроем. И будет у тебя здесь четыре звезды. Как на хорошем коньяке. А у меня одна, но уже большая.

Рабочий день прошел и у милиционеров. В Кустанае и области было спокойно. И все, кроме дежурного разошлись по домам.

– Ну, что? – капитан снял китель и повесил его на спинку

стула.— Посидим, помозгуем по версиям? Есть уже не совсем ржавые соображения.

— Да! — согласился Тихонов, хотя дико хотел есть и спать.— Простое вроде дело, а зависло. Давай думать дальше и глыбже.

И вот с этого момента гулять преступнику на свободе оставалось совсем мало времени. Ну, неделю от силы. Ну, две. Если повезёт.

А капитану Маловичу везло всегда. Поэтому у убийцы шансов обдурить милицию не было почти совсем. Точнее — вообще не было.

Хотя, конечно, он об этом и не знал, да и вообще не думал.

Глава четвертая

Вечером двадцатого декабря, вместе с разогнавшимися на западе и наткнувшимися на совхоз имени Павла Корчагина сумерками, из вышибленных телом дверей дома номер 12 на улице имени двадцатого съезда КПСС выпала на уже тол-

стый слой снега Валентина Мостовая, тридцатилетняя фигуристая красавица местная, жена комбайнера Кирилла Мостового, заведующая совхозной столовой по совместительству. Выбила дверь она самостоятельно, без помощи мужа, не успев нацепить фуфайку и валенки. Просто ей надо было как можно скорее вылететь на волю, где ещё не все люди попрятались в дома и возились в соседних дворах. А потому, знала Валентина точно, что Кирилл ни за волосы её не станет таскать, ни мордой в снег вдавливать, да и стукнет по горбу аккуратно. Сильно бить при людях не даст ему ни скромность врожденная, ни трусоватость, обнаружившаяся в нём внезапно после свадьбы.

Справили её радостно ещё в пятьдесят восьмом, когда ей стукнул двадцать один год и она сама выбрала в мужья тихого, чуть старше тридцати парня, застенчивого, меньше всех пьющего, боящегося её красоты и жгучего темперамента. Но за первые месяцы на целине Кирилл так отполировал её с головы до ног бешеными от влюблённости глазами, столько нашептал ей ласковых слов на танцах под баян летними вечерами, что до неё постепенно дошло: этот невзрачный робкий мужичок и есть, и всегда будет её оберегом и ангелом хранителем. Поэтому Валентина выбрала момент, сама к нему подошла на каком-то совхозном празднике и сказала ему, как мёдом облила из ведра:

– Замуж возьмешь меня?

Он чуть не помер тогда, как от пули неожиданной, онемел напрочь и только тряс головой долго и мелко, как в припадке эпилепсии. Прошло несколько лет, а он ни на капельку малую не перестал любить её. А она за те же годы, хоть и заставляла себя, но полюбить сама сил не нашла внутри. Так и жили.

– Ну ты, шалава трёпанная! Ты же об печку лбом билась, виноватилась! Ты же клялась мне что всё! Что не будет больше этого козла Алипова! Клялась ведь, сучка! – кричал Мостовой Кириуха, выскочив за ней в носках и голубой застиранной майке. – Я тебя, падаль, сейчас повяжу по рукам, засуну в Серёгин трактор, отвезу до «Альбатроса» и выкину за километр. Ползи там сама к хмырю своему. И у козла этого, если доплетёшься, жене его скажи, чтобы шла она нахрен с двумя пацанятами, а у тебя, сука, любовь к нему неземная и ты теперь в ихнем доме слюни свои сладкие разбрызгивать будешь!

– Не пойду никуда! – орала Валентина, пытаясь подняться из глубокого снега, вытряхивая его из бюстгальтера, волос, да из под юбки. – Брешут тебе всё, а ты, огрызок, растопырил уши-то! Какая-то сволочь гадит на меня, а ты и счастлив! Узнал бы сперва, как по правде есть, а потом бесись, хоть

убейся!

– Я те, тварь, зараз покажу, как брешут! Я те, мля, передок твой дешевой напрочь цементом залью или кол загоню так, что и вдвоём не выдержите. Вставай, сучка, я те кое-чего покажу. Зенки тебе продеру!

Кирюха схватил её за пояс юбки, вынул из сугроба и они босиком вышли в калитку за забор.

– Он бы, падла, хоть не наглел как фраер борзый. Машину бы подальше останавливал от хаты. В сторонке, мля! – Кирилл подтащил жену к чёткому следу протекторов прямо напротив калитки. Справа от узорных линий шин тянулась в дом ленточка маленьких вмятин от валенок. – Вот это что, шваль ты залапанная? След от «Москвича» это, сучка! Чей «Москвич» – брехать будешь? Скажешь, Толян Кравчук за солью приезжал за целых сто метров от дома? У, гадина!

Кирюха Мостовой плюнул, выматерился так, что соседки с дворов ближних закашляли предупредительно. Мол, дети тут во дворах есть. Он хлопнул калиткой, потом дверью и закрыл её изнутри на крючок.

Постояла Валентина, отряхнулась, Тупо и зло посмотрела сначала на протектор, потом на дверь дома. Стучаться в неё

было делом пустым. Не открыл бы. И пошла она по снежному рыхлому насту через два дома к соседям Николаевым. К Олежке с Ольгой.

– Что, снова тем же самым да по тому же месту? – пустил её в дом Олежка.

– Ну, – закашлялась от внезапной жары комнатной Валентина. – Скот рогатый!! А Ольга-то где?

– Да на кухне. Где ей быть перед ужином. Ночевать будешь?

– Если не помешаю, – Валентина Мостовая вдруг заплакала и, стесняясь слёз, пошла от Олежки на кухню. Потом они поужинали и долго, до полуночи почти болтали с Ольгой о своём, о девичьем. Прекрасном и в то же время почти всегда печальном.

В начале декабря осталась только одна единственная на всех общая работа в совхозе – выгрести из-под снега нескошеные маленькие колоски и стаскивать их мешками на склад. Там рассыпать зерно в длинные невысокие бурты, переворачивать его постоянно, чтобы подсохло и не запари-

лось, а когда высохнет – снова закидать в мешки и везти их на мельницу в «Альбатрос». Вот эта мука и становилась для корчагинцев хлебом насущным. Хорошо хоть пекарня своя имелась. Всё зерно, убранное до снега, сдавали государству, на бумаге цифру пудов раздували до нужных размеров и ходили потом в передовиках. А весной семенное зерно покупали в «Альбатросе». Там его и самим хватало, и продать было что.

В общем, до Нового года никто ничего не ремонтировал и никуда не ездил. Обмывали с конца декабря годовые премии, долго не могли прекратить праздновать встречу Нового года и трезвел народ совхозный только к последним январским денькам. После чего все начинали ходить друг к другу и совместно воскрешать в мозгах все приключения за это время, мириться, ругаться, извиняться и постепенно формировать памятью воскресшие реалии. Память вынимала и показывала не нарочно, а только по причине пьяного беспмятства нанесенный себе, друзьям и в целом совхозному сообществу чувствительный урон.

Но до новогодних приключений времени оставался вагон.

А четвертого декабря практически весь живой и ходячий состав производительных сил прямо за околицей собрался для совершения последних в году совместных про-

изводственных отношений. За пять дней примерно надо было сделать большое дело – собрать колоски, на току закинуть их в бункера комбайнов под обмолот и занести зерно в склад. Директор Данилкин привлек к операции «Колосок» даже поварих из столовой, всех трёх учителей из школы и врача Ипатова. Остались дома малолетки и беременные женщины. Народ стоял вольно, неорганизованной толпой, колыхался, разминая ноги, прихлопывал варежками себя по бокам, кто-то подпрыгивал на месте, грелся, остальные молча ждали свистка. Название «Колосок» лет семь назад придумал сам директор Данилкин, а Серёга Чалый назвал потом мероприятие «Спасение голодающих – дело рук самих голодающих». Он любил Ильфа и Петрова и часто вставлял цитаты из популярных романов для освежения речи. Хотя и своего чувства юмора ему насыпали с рождения в половину головы, не меньше. Голодающих, правда, пока не было, но если дней за пять народ не соберёт руками то, что не успели скосить комбайны, то и голод будет, и злоба в населении расшевелится и могут от нехватки хлеба вполне дикие начаться беспорядки и волнения.

Мужики попьют с горя неделю, а там и начнут драть начальство на куски. Может, только морально, на словах оскорбительных. Значит, повезёт начальству. А могут вполне завестись самогоном и подначками таких шебутных орлов как Игорёк Артемьев или Толян Кравчук. Тогда начальство мо-

жет в полном составе пострадать и физически. Потому Данилкин, зная свой народ, подошел сам к Чалому, в сторонку отвёл и попросил культурно.

– Ты, Серёга, перед отъездом на клетки выступи, создай настрой положительный и население изначально присмири, уравновесь. Хоть и не первый год так подбираем, но ты надобность этого труда по-доброму ещё раз растолкуй. Мы-то с природой бороться не можем. Она сильнее. Снег вон раньше выпал. Но ведь с государством рассчитались. Успели. А это главное. А соберем зерно для своих нужд, для прокорма, обещаю большой всенародный праздник на три дня минимум. Лады?

– Ильич, ты не вздрагивай раньше времени, – Чалый Серёга прижался к директору так, чтобы на ухо было пошептывать удобно. – Своих, конторских, тихо уведи всех. Никого из руководства на клетках пусть не будет. Люди могут и подмерзать начать, и снегом обувь забьют. Тут без поддачи дела не выйдет. А пить и тётки будут для сугрева. Самогонку наши гонят крепкую, ты знаешь. И мало ли чего... Могут отвязаться на руководство как нехрен делать. Я сам тут за всем присмотрю. Ты лучше на склады людей конторских свези. Чтобы перебуртовывали путём, не дурковали. Нам зерно через пару дней на мельницу надо тащить. Подсохшее. На эту работёнку своих и брось. Их четырнадцать человек. Вполне

управятся. Вот из тех, кто сейчас собирать будет из-под снега, дальше никого на перебуртовке, сушке и на мельнице не будет. Пусть отдыхают.

– Договорились, – директор Данилкин похлопал Чалого по плечу, пожал руку и ушел собирать конторских в отдельную кучу. Они тихонько забрались в кузов крайнего из двенадцати «газонов», Данилкин в кабину прыгнул и машина уехала.

– Чего это они? – крикнул издалека Чалому Валечка Савостьянов, шофер.

– На склады! – громко ответил Серёга. – А ну, девочки-мальчики, все по кузовам разбежались! Поедем так: шесть левых машин на шестнадцатую и семнадцатую клетки. Там три комбайна уже верх снега сносят. Пять правых – на сорок восьмую и сорок девятую. С них тоже снег убрали. Кто не влезет – ждут. Машины людей отвезут и вернутся за остальными. У нас восемь клеток неубранных. Надо с них до последнего колоска взять. Или хлеба в домах зимой не будет. Короче, себе собираем на жизнь с хорошим куском хлеба на каждый рот. Так что, никто не сачкует! Договорились? Мешки в кузовах. Все вытаскивайте на месте.

Минут за двадцать почти шестьсот человек втиснулись в

кузова и «газоны» и,

кренясь на ухабах и скользя юзом по пустыне белой, тяжело двинулись вокруг прикрытой снегом пашни к горизонту. Где-то возле него лежали расчищенные поля с пригнутыми к земле низкими колосками.

Через два часа вернулись пять машин, ещё через час – оставшиеся шесть. Весь народ ждущий не поместился.

– Да приедем скоро. Ждите. Эти-то клетки поближе, – Валечка Савостьянов махнул рукой, свистнул в два пальца и караван по проложенной колее медленно исчез с глаз оставшихся ста человек, спрятавшихся от лёгкого холодного ветра за двумя скирдами соломы.

– Не успеем за пять дней, – сказал себе под нос Чалый. А через неделю по прогнозу – буран. Тогда не хватит на зиму хлеба и будет буза. Хорошо если без крови.

Через час приехали грузовики и забрали последних. День тяжелых испытаний во имя спасения от голода стартовал. Насчет слова «голод» я не преувеличиваю. В любой деревне главной едой и индикатором благополучия был хлеб. В городе, конечно, без него тоже жилось хуже. Но на селе не жилось совсем. Нет хлеба – никакая еда в рот не идет. Спокон

ВЕКОВ ТАК.

Если бы над полем совхоза имени Корчагина, над шестнадцатой и семнадцатой клетками, к примеру, зависли во время сбора колосков вертолеты с начальством из Москвы, то Данилкина, директора, могли бы приговорить к расстрелу как организатора массовых репрессий и антигуманного обращения с советскими трудящимися. А районных начальников и областных – кого посадили бы для острастки, а самых главных сняли бы к чёрту с «царских» тронов. Потому, что увиденная сверху картина уборки зимой вручную из-под снега хлебных колосьев себе и детишкам на прокорм могла бы даже самых закалённых бюрократов-чиновников довести до кондрашки. Или до инфаркта. Но вертолётов в то время в Кустанае было очень мало. Считай, вообще не было. Не хватало даже на санитарное обслуживание. А с самолёта не поняли бы они ничего. Ну, копошатся люди пять шесть секунд под иллюминатором. Что там разберёшь за это время?

– Эй, Крохалева! – орал Артемьев Игорек ползущей на коленях почти сорокалетней женщине из столовой. – Давай поцелуемся! Давай, блин, а то заколдобисься! Или самогона хряпни стопарь! Веселей поползёшь и рвать колоски полегче будет. Но лучше – всё разом. И поцелуемся покрепче, и по

стакашке дёрнем! Во, пойдет дело! В стахановцы выбьемся. Килограммов по пять Данилкин сверху даст. Подарит, сучара!

– А пошел ты! – болезненно передвигаясь на мокрых в коленях мужских штанах, кричала в ответ Крохалёва. – Стриги сам, не волынь! Чего треплешься? И полмешка вон никак не наберешь, бабник хренов. Целоваться ему приспичило. Я ж тебя как поцелую, так ты и ползать не сможешь. Дон Жуан, мля!

– Надо было ножницы взять. – опечалился Олежка Николаев. – Тут стричь надо а не рвать. Они ж скользят, колоски. На палец надо наматывать.

– Я вот как раз и наматываю, – Кравчук Анатолий поднял почти полный мешок. – За час всего набрал. И ты тоже наматывай.

Шла работа. Ползло сантиметр за сантиметром месиво человеческое, слившееся со снегом благодаря стряхиванию его с колосков. Пыль белая летала над согнутыми в три погибели телами и постепенно покрывала белым слоем фуфайки, толстые зипуны и полупальто. Снег заполнял все доступные ему места в одежде и обуви. В валенках он таял и сливался назад грязными струйками, таял и на груди, и за воротника-

ми. Тела были сырые, плохо пахли, но не замерзали до ледышек потому, что двигались и выделяли энергию. Точнее теряли её, как и силу первоначальную, с которой сюда приехали.

– Эй! Народ! – поднялся Мостовой Кирюха. – Давайте культурно вмажем и закусим. – Не то незаметно окоченеем. И так вон уже варежки все сняли.

Они ж ледяные уже. Вон как звенят.

Он постучал одной своей варежкой о другую. Послышался хруст ломающихся льдинок без звона. Это рассмешило всех. Люди еле разогнулись, оставили мешки на местах и толпой, отряхиваясь и подпрыгивая для выброса из одежды снега, побрели к месту, где сложили все котомки с бутылками и закуской. Выпили и закусили очень быстро. Тянуть некуда было. До темна оставалось часа три. Набрать мешка по три хотя бы. Больше – вряд ли. Вернулись по местам. Поползли.

– Вот какого лешего они скользят?! – взвыла на всё поле тётка из больницы. Санитарка. – Хоть клеем руки намазывай. Где взять клей? Тьфу, пропасть пропащая!

– На серп, – подполз к ней механизатор Спириин Володя. –

За верхушку подними колосок и под низ подрезай. Только коротким махом, а то руку оттяпаешь.

– Целую, Вовчик! – обрадовалась санитарка. Попробовала коротенько подкосить. Получилось. – Ух, ты! Здорово! Сейчас я вам всем форы дам!

От этого внезапного выражения энтузиазма легче стало всем. А, может, ещё и самогон помог с закуской неплохой. Но все заулыбались и поползли быстрее.

Мешки наполнялись, пальцы деревенели, слезы лились как на похоронах самых близких, ноги передвигались на коленях, сбитых до первой крови и спины, казалось, вряд ли уже удастся выпрямить.

Но шло время и из двухсот, примерно, человек в обморок свалились десять, не более. В прошлом году к этому времени вырубилось побольше людей. Привыкли, стало быть. Санитарка достала негнущимися пальцами из кармана фуфайки мешочек с сухими камешками нашатыря. Она подходила, качаясь, к каждому, валяющемуся без сознания и перед носом растирала нашатырь в порошок. Отключившийся народ постепенно очухивался, садился на задницу и лупал глазами.

– Чего это я? – спрашивал Миша Зайцев, кузнец. Здоро-

венный дядя сорока лет. – Скопытился что ли? Самогон меня так сроду не валил, как колосочки махонькие.

– Так ты ж здоровенный, – смеялась санитарка. – Задница на полтора метра над землёй, а голова почти по снегу едет. Вот вся кровь из задницы в голову и ушла. А голове столько не надо. Ну, она и отключилась.

Все снова засмеялись и поползли дальше. Все же правда, что смех сил добавляет. Так незаметно и пролетели семь часов. Машины пришли. До завтра можно было ехать по домам. Народ, волоча за собой полные мешки и согнувшись, побрёл к краю поля. Шофера мешки в кузов закидали, а потом стали подсаживать и переваливать через борта обессиленных собирателей колосков. Сидеть даже на мешках никто не мог. Все легли. Кто между мешками на пол, кто друг на друга, кто поперёк всех. Но улеглись-таки.

– Мёртвых нет? – крикнул с улыбкой шофер Валя Савостьянов. – А то могу сразу на кладбище подбросить!

– Ехай давай! Тоже мне, Аркадий Райкин из колхоза, – рывкнул Кравчук Толян и Артемьев Игорек зашелся в истерическом хохоте.

– А закопай нас всех! Пусть завтра туда сам Данилкин едет

с бухгалтерами. Сидят, небось, суки, чай гоняют!

– Во, придурок! – радостно заметил Валя-шофёр и хлопнул дверцей. Поехали.

После первого дня испытаний ручной уборкой на склад свезли зерна столько, что муки могло хватить на месяц. Но месяцев до нового урожая оставалось ещё минимум шесть-семь. Поэтому, хоть и расходился народ по домам кряхтя и постанывая, но завтра все собрались ехать снова. Да, собственно, другого выхода и не было. Вот уже какой год подряд.

Утром, когда Чалый Серёга уже наматывал тёплые фланелевые портянки, чтобы вставить ноги в валенки, в окно постучал Кирюха Мостовой.

– Заходи, чего стесняешься!?! – крикнул Серёга.

– Я подожду тут, – приложив ладони рупором к стеклу, ответил Кирилл.

Мимо окна уже шел народ снова колоски собирать. Много людей шло. Кто прихрамывал, кто оделся потеплее, чем вчера и двигался как цепями скованный. Некоторые передвигались с трудом, под ручку с кем-нибудь. Колени, видно, боле-

ли.

– Вот ведь жизнь, сволочь, – вслух произнёс Чалый.

Жалко было людей. Лет десять назад ему и в кошмаре бы не приснилась картина живая, на которой люди мучаются, ползая по прикрытой снежком бугристой земле, и отмороженными пальцами сдирают с мёрзлой почвы ещё живые колоски, осторожно заталкивают, придавливают в задеревеневшем как фанера мешке то, что оторвали от почвы раньше. Через пару часов настоящего преклонения перед хлебом насущным, не выбитом пока из колосьев, глаза слезились, пересыхало во рту и горле, пот из-под шапок и шалей накладывался на слёзы и всё это грязными тонкими струйками замерзало на фуфайках и ватных штанах, которые не защищали колени от застывших, режущих кожу кочек. После многих ползущих сзади оставался рваный след замерзающей мгновенно крови. Но народ ползал день. До сумерек. И к машинам в полутьме добредал чудом. Но вот именно в тот момент, когда их полные мешки водители скидывали в кузов, а сборщики тоже как-то переваливались через борты, становилось ясно, что Господь, в которого никто открыто не верил, никогда не даст никому испытаний, которых он не сможет вынести.

Чалый Сергей нацепил на голову кроличью шапку с опу-

ценными ушами, похлопал по карманам, проверяя, лежат ли там папиросы со спичками, и вышел на крыльцо. Жена ушла к грузовикам раньше. Отпаривала вечером ноги в тазике с горячей водой, но не очень-то помогло. Кашляла всю ночь и с утра. Сказала, что закончат убирать, поедет в город и купит хороших лекарств от простуды.

– Здоров, Серёга! – встретил его возле крыльца Мостовой Кирилл.

– Чего такой бледный, Кирюха? – Чалый пожал ему руку. – Не болеешь?

И Мостовой пересказал ему в деталях всю ситуацию, созданную женой Валентиной и главным агрономом «Альбатроса» Алиповым Игорем Сергеевичем. Потому и бледный. Пожар внутри. Он же её, суку, любит как раньше. Как десять лет назад. Потому сердце лопается.

– А мысль главная в чем? Ну, поедешь сейчас к Игорьку, ну ... – Чалый смотрел в глаза Кирюхе. Бешеные были глаза у Мостового. И красные. Наверное, плакал втихаря.

– Я ж не убивать его поеду. Поговорить. Ему развлекуха баба моя. Как её сманил, умом не прихватываю. Живём от него далеко. Как? Вот хочу спросить его – дальше что? Или

ему от неё отвянуть, или мне с ней разойтись. Нам что? Разбежались и всё. Детей нет. Деньги пусть все заберет накопленные. А я уеду в Кострому свою. В Галич. В целину всё равно не верю больше. Нет мне радости от обманной жизни совхозной и от денег, у страны отворованных директором нашим, тоже удовольствия нет. Я в жизни спички ни у кого не украл. А тут стыдоба. Да вон с женой ещё... Грязи шмат на душу лёг. Пусти меня к нему, Чалый. Я обернусь мухой, да поползу со всеми. Нагоню. Верить ты?

– Ладно, я Валентину скажу. Отвезет он тебя, – Чалый Серёга взял его за грудки. – Но ты пообещай мне как мужик мужику, что просто говоришь. Без мордобоя. А то позориться перед Фёдей Дутовым – паршивое дело-то. Они гордые, сильные, уверенные. А мы приедем как слякки дешёвые – слюнями брызгать да рыло чистить. Не солидно. Мы ж не рвань какая. А?

– Клянусь, Серёга. Спасибо. Пошли, – Мостовой надел ва-режки и двинулся первым.

Развезли все двенадцать машин хмурый с утра народ по клеткам. Мужики все врезали с утра по стакану и смотрелись лучше. Женщины о чем-то переживали. О детях, наверное. На целый день ведь уезжали. На совхозной работе-то успевали и в детсад да в школу проводить, покормить вовремя.

А тут возвращались с поля снежного полуживые. Ни до чего дела не было Упасть и отдышаться. Всё. Не до детей даже.

Вот когда все котомки свои в кучу сбросили и, волоча пустые мешки по не скошенной, а оборванной стерне, когда припали снова на колени перед заиндевевшими колосьями как перед иконой, покорно и с болью в душе, вот тогда Серёга Чалый и позвал к себе Валечку Савостьянова.

– Ты Кирюху подкинь до «Альбатроса». И встань за клубом. Чтобы из конторы тебя не видно было. А Кирилл сгоняет в контору по-быстрому. Дело там у него на десять минут. И рвите сюда. Он собирать будет со всеми.

– А и делов-то! – вздохнул Валя как перед входом в парную, где очень жарко, но хорошо. – Погнали, Кирюха.

Алипова Игоря Кирилл нашел сразу. Он со второго этажа спускался, прыгая вниз через ступеньку. Увидел Мостового. И уже медленно спустился к нему.

– Привет, Кирилл, – подал он руку.

– Привет, Игорь, – Мостовой руку пожал и облокотился о перила.

– Она меня любит. Не шалава она. Сказать тебе боится, – Алипов потер рукой подбородок.

– А ты? – Кирюха помрачнел и глаза опустил.

– Так вот в том и гадство всё, что я её тоже, – Игорь Сергеевич Алипов рукой на сердце показал. – Не хочешь – не верь. Пять лет уже я её у тебя ворую. Самому тошно. Но это трусость. Понимаю. Надо было давно тебе сказать.

– А жена что твоя? – Мостовой глянул в глаза агроному.

– Знает. Сказали ей. Глаз тут много. Я же сюда её привожу.

– Понял. Любите, значит, – Кирюхе легче стало. Почему – не понял сразу-то.

– Ну, так выходит. Извини, Киря. Бывает, оказывается, и так, – Игорь подошел к Мостовому вплотную. – Надо решать как-то. Хорошо, что ты приехал. Сам бы я не смог. Да и Валентина не сможет. Решай сам. Но бросить её я не смогу.

– А когда познакомились-то? – вдруг спросил Кирюха Мостовой.

– Да весной ещё. Она тогда в город ехала. На остановке автобус ждала. А я мимо остановки ехал. Тоже в город. Она руку подняла. Я её взял. По дороге разговорились и... – Алипов замолчал. – Слушай, ну давай я не буду тебе дальше рассказывать. Клянусь, не назло тебе я её полюбил. И она меня. Не хочу я тебе зла. Но вот вышло так. Что делать будем?

– Я её, понимаешь, сам люблю. А вот она – нет. И не любила никогда. Я раньше тихий был, покладистый. Зарабатывал много. Ну, она за меня и спряталась, – Кирилл подал Игорю руку. – Спасибо за честность. Обиды нет на тебя. Я с ней поговорю и мы всё решим. Обоюдная любовь важнее, чем односторонняя. Ладно, работать мне надо.

– Подбираете на зиму? Много осталось? – Алипов руку пожал.

– Да управимся дня за три ещё, – Кирилл повернулся и пошел к двери. – Давай. Раз любишь – не бросай её, не обидь никак.

– Извини, браток, – услышал Мостовой последние слова Алипова перед тем как хлопнула позади дверь.

Валечка Савостьянов вопросов не задавал и они очень

быстро доехали до нужной клетки. Кирилл взял у конца поля мешок, поправил шапку и глазами выхватил пустое место, где никто не полз на коленях.

– Да, туда иди, – крикнул ему Чалый издали. – Там Нинка с заправки работала. У неё кровь носом пошла и вырвало её. Упала и не дышит. Еле откачали втроем с бабами. Вовка Кокорев в кабине её вместе с Ипатовым в больничку увез. Откачают. Нормально будет всё. Ипатов сам сказал так.

– Сучья жизнь, – ответил ему невпопад Кирюха и почти бегом подбежал к пустой полосе, на которой и пятно крови не затоптал никто, а рвота застыла и напоминала неизвестное науке животное, замерзшее почти на бегу под ветром с севера и двадцатиградусным холодом. – Ну, погнали.

И он остервенело пополз, накручивая на палец колосья, кидая их в мешок и матерясь вполголоса. Жутко и гадко. Так же как было у него на душе.

Три следующих дня ничем не отличались от двух предыдущих. Комбайны скидывали снег и оголяли на клетках новые места с колосками. На току возле ворот склада стояли два комбайна с полной навеской для обмолота. Из мешков, привезённых с поля, конторские служащие да сами комбай-

неры закидывали колоски на транспортер под две загребающие лопатки и колоски уходили в бункер. Ссыпалось зерно прямо на расчищенный асфальт. Его снова засыпали в мешки и несли в ворота склада, где высыпали на растущий бурт, который постоянно перемешивали шестеро рядовых работников конторы, да ещё Данилкин, директор, плюс парторг и председатель совхозного профсоюза. На пятый день к вечеру все двенадцать грузовиков привезли последнее. Больше на полях ничего не осталось. Плановики конторские очень скрупулёзно взвесили всё, и выходило у них, что на каждого работающего в совхозе сухого зерна будет центнера по полтора. Ну, ещё килограммов по двести выйдет на остальных в семье.

– Зерном отдавать не будем, – потер руки директор Данилкин. – Чего народу мытариться потом с помолом? Молоть будет совхоз. Хлеб печь будет совхоз. Даже если каждый станет в день съесть по целой булке, то хлеба хватит до следующего первого раннего урожая. Это хорошо!

– Решение правильное, Григорий Ильич! – заключил парторг Алпатов. Он достал блокнот и что-то стал писать заложенным в обложку огрызком карандаша. – Государству, получается, мы сдали двадцать три тысячи тонн, а на собственные нужды поверх того взяли целых двадцать процентов почти.

– Хватит вполне, – уверенно сказал счетовод-экономист Костомаров.

– Сам теперь вижу, что хватит, – директор сел на борт, набрал в ладонь зерна и подышал его холодным запахом. – Ты, Витя, этих цифр из отчета вслух-то не произноси. Болтнёшь, где не надо... Хватит того, что на бумаге написали и сдали, куда надо.

– Так свои же все, – Алпатов улыбнулся. – А за пределами нашей команды я вообще никаких цифр не называю. Даже сколько времени не говорю. Часов нет потому что.

– Ладно, давайте перебуртуем пару раз ещё. Да завтра раза три. Надо включить на ночь вот этот вентилятор со спиралями. Вот отсюда направить горячий воздух на борт. Часа в два ночи перенести вентилятор вон туда, на другой край. Костомаров на ночь сегодня останется. – Директор поднял лопату и зачерпнул снизу пшеницу, бросил наверх. Остальные сделали то же самое. Пыль поднялась, мелкая шелуха, оставшаяся от обмолота. И, стало в помещении складском почти так же темно как и на улице, хотя под потолком висели пять лампочек. Работали допоздна и все, кроме Костомарова, пешком ушли по домам, довольные тем, что теперь хлеба хватит до июля. До первой ранней пшеницы.

А из тех, кто отнимал у замёрзшей земли колоски, на пятый день стало на восемьдесят три работника меньше. Кто-то распорол до невозможности ноги, многие отморозили пальцы и Чалый отправил их на машине к Ипатову в больницу. Нескольких человек сломал радикулит, но больше всего было простывших. От их кашля душераздирающего и уши закладывало у соседей, и птицы, подъедавшиеся оброненными зернышками, испуганно взлетали и долго телепались над полем, ожидая затишья.

Так закончилась миниатюрная по времени, но грандиозная по сути эпопея по обеспечению самих себя самой главной на столе едой – хлебом. С непременными потерями людскими, конечно, но временными, не смертельными. И то хорошо. Повезло в целом.

Десятого декабря часов в одиннадцать утра произошло два ожидаемых и почти равнозначных события. Поднялся ветер западный, понёс сперва метель, а потом и буран, плотный, быстрый и злой. Вот при этих двух явлениях природы в поле можно было уже не соваться и остатки зерна похоронить на корню. Но повезло. Второе событие было не таким грозным, но почти всех напрягло почти так же, как и непого-

да. Это приехали следователи Малович и Тихонов. Они посидели почти час в кабинете Данилкина. Болтали просто. Без протокола и прочих страстей.

– Короче, кроме как про конфликт покойника с женой Мостового Валентиной Вы ничего больше о контактах Стаценко с женщинами не слышали?– Тихонов спрашивал, пил чай, откусывал шоколадную конфету и попутно читал газету «Известия» за прошлую неделю.

– А чего не поделили-то они? – Малович свой чай допил и глядел в окно на сумасшедший буран. Прикидывал мимоходом насколько завалит трассу.

– Вот не в курсе я, – извиняющимся голосом отбрёхивался директор Данилкин. – Мне сказали так, что ругались они дома у него. Она вроде сама пришла. Соседи видели. Но слышали мало. Закртыо было всё. И окна. Вот только когда она прооралась и уходила, то Петро ей вслед вроде бы крикнул, что сука она и... ну, короче, он матерно кричал ещё. Повторять неловко.

– А контакты с другими женщинами тоже имелись, конечно. Он же холостой у нас. Был, то есть холостой. Буфетчица наша столовская Русанова его хорошо со всех сторон знает. Знала то есть. Так с ней не ругались они. Не докла-

дывали мне. Наоборот – в интимных отношениях приятно время проводили. Потом эта, как её, Болотова Зинка, вторая продавщица из сельмага, та, правда, часто с ним собачилась. Потому как тоже связь тесную года два с ним имела. А он иногда её чувства использовал корыстно. Брал у неё водку в счёт полочки. В кредит. Но, блин, не отдавал. Вот лаялись они – аж уши у покупателей вяли и заворачивались.

– Понято, – поднялся Тихонов. Подошел к окну. Поморщился. За рулём-то сидеть ему, не Маловичу.

– А как бы нам сюда вызвать супругу Мостового? – спросил Малович. Мало ли. Может они со Стаценко тоже в любовниках числились. А муж дома сейчас наверняка. Неловко при нём.

Данилкин позвал секретаршу.

– Костомарову скажи, чтоб привёл ко мне Вальку Мостовую. Про милицию не говори. Это я её зову. Давай, мигом.

Валентина пришла минут через пятнадцать. Увидела следователей, заулыбалась и пожелала им доброго здоровья.

– Чего звали-то, Ильич? – она села на стул перед столом директорским.

– Товарищи следователи с тобой хотят побеседовать, – директор поднялся, взял папиросы со спичками. – А я минут двадцать покурю да в бухгалтерию схожу.

Ну, пятнадцать минут Малович с Тихоновым потратили вхолостую. Не ругалась она со Стаценко и всё тут. Не было ничего. Мирно жили. Дома напротив. Общались по-соседски. Но не более.

– Тогда мы сейчас других соседей опросим, которые видели вас у него дома и слышали крики с матами, и снимем с них письменные показания. А это уже документы. И объяснять вам то, почему они написали, что вы крепко поругались тогда, придется уже в милиции. Он-то погиб от ножа. И вскоре после вашей с ним ссоры. Где гарантия, что в ссоре той свою смерть он у вас не выпросил, грубо говоря?

– Как это? – поразилась Валентина. – За что бы мне его убивать? За это никого не убивают, по-моему.

– За какое такое «это»? – засмеялся Малович. – Соль у вас занял и не вовремя отдал?

Мостовая Валентина замолчала. В себя ушла. Глядела на буран. Думала. Заглянул Данилкин, директор. Малович

пальцами ему показал: пять минут ещё.

– А, ладно. Мужу не скажете? – Валентина расстегнула пальто и шаль на воротник спустила.

– На кой он нам нужен, ваш муж! – взял её за руку Тихонов. – Слово офицера. Не скажем.

– Стаценко приехал за чем-то в «Альбатрос» к Димке Огневу. Димка заведует развлечениями всякими в совхозе у Дутова. Гостей принимает. Шашлыки там, банька, девочки, охота, рыбалка. Ну, понимаете... Они из Киева оба. Там дружили. А на целине их распределили по разным совхозам. Стаценко пил сильно последние пять лет. Денег из наших ему никто не давал. Он и приезжал в «Альбатрос» к Димке. За деньгами. Тот не занимал, а давал просто так. Без отдачи.

– Ну!?! – подтолкнул её Малович. – Они стоят с Димкой возле бани, а тут... Что?

– А тут ...это... – Мостовая отвернулась, рот ладонью прикрыла.

– Бомбы посыпались атомные? – засмеялся Малович. – И бане Дутовской крышу не смогли пробить!?

– Ладно. Короче, тут выходим мы с.. Ну, не знаю как сказать я!

– С любовником, – помог Тихонов.

– Кто? – Малович развернул Валентину и упёрся в неё взглядом. Добрым.

– Алипов Игорь. Главный агроном. Он меня любит. И я его тоже. – Мостовая зарыдала и прикрыла лицо шалью.

– А Стаценко увидел и Вы стали бояться, что он заложит Вас по пьянке мужу. Пил он с ним? – Малович достал блокнот и записал слово «Алипов»

– А то!– сквозь рыдания проскрипела Валентина.– Он с кем не пил только! И с моим, блин.

– Ну вот. Вот и всё. Боялись, что заложит. А Алипов сказал, что не заложит, да? – улыбнулся Малович ласково.

– А как Вы догадались?

– Сейчас скажу, как в кино говорят: «такая у нас работа», – и Малович засмеялся от души. Ну, спасибо Вам. Можете идти. Мужу ни слова, о чем мы говорили. А мы так с

ним вообще встречаться не будем.

– Так я пошла? До свиданья. Игоря не трогайте тоже. Он меня действительно любит. И я его.

После слов этих Мостовая Валентина застегнула пальто, шаль накинула и ушла.

– Ну, что? – спросил Тихонов. – Вроде попали?

– Сейчас домой поедем, – Малович походил по кабинету. Подошел к двери и открыл, позвал Данилкина. – Кажется, всё. Нашли. Теперь она побежит к нему. Завтра с утра. Он испугается и может сбежать, если будет знать, что мы здесь, в Корчагинском. А мы попросим Григория Ильича, чтобы сегодня же он донес до неё известие, что мы уехали в Кустанай. Сделаешь, Ильич?

– Да какой вопрос! – пожал обоим руки директор. – Через полчаса она будет в курсе.

Тихонов с трудом вырулил на трассу. Снега было – до половины колеса. Но чем хорош «Газ-69» так как раз тем, что по бездорожью он едет ещё повеселее, чем по гладкому асфальту.

– Хороший день был сегодня, – сказал Тихонов.

– Для нас – да! – засмеялся Малович. – Да и для преступника он сегодня неплохой. И завтра будет такой же. А вот послезавтра мы утречком и приедем.

Буран стихал понемногу. И красные задние фонари «газика» уже можно было прекрасно видеть шоферам, едущим сзади. Но, честно говоря, других дураков, согласных испытывать машину и судьбу при таком бездорожье, больше не было.

Глава пятая

Фамилии всех героев повести и названия населённых пунктов кроме города Кустаная – изменены автором

Неделя оставалась до очередного нового, 1968 года, от которого никто в целинном совхозе имени Павла Корчагина ничего нового как раз и не ждал.

Двадцать четвёртого с утра всех, кто работал в поле, на зерноскладах, токах и МТС собрали в конторе, в ленинской комнате. По двадцать стульев было в каждом ряду, а рядов – тридцать. Большую в пятьдесят девятом году, через пару лет после огромной стройки нового совхоза, создали ленинскую комнату. И контора получилась тоже здоровенная. Двухэтажная, длиной почти в семьдесят метров. Почти половину кабинетов и через десять лет не занял никто. Там хранили всё, что попало. От огромных портретов в позолоченных рамках главного руководства партии и правительства, ведущего к светлому будущему

сразу весь СССР, до таких же больших фотографий наших родных казахстанских великанов. Ну, ещё запасные стулья там в навал лежали, столы новые, а один кабинет заложили тысячами пачек писчей бумаги. Писать приходилось много.

Почти столько же, сколько и пахать да сеять. Всё, чем были забиты пустые кабинеты, перечислять слишком долго. Опустим это исключительно ради описания торжественного собрания. За неделю до вступления в законную силу шестьдесят восьмого всех, кого в принципе можно было хоть чем-нибудь и хоть за что-нибудь наградить – наградили. Перед рядами стол пересекал комнату. Длинный, покрытый тонкой красной накидкой из бархата. На столе разложили всё, что

надо: вымпела, значки, медали в коробочках коричневых, два ордена – в красных плисовых шкатулочках, пачки денег разной высоты, перевязанные узкой алой лентой и стопки всевозможных почетных грамот, красивых, сверху украшенных рисунками Ленина в обрамлении флагов всех республик, а также рисунками полей с комбайнами, утопающими в колосьях, и тракторами, которые поднимали пласты плугами на бескрайнем просторе. На краю стола этого поставили маленький проигрыватель и большой динамик рядом. Пластинку заводили всё время одну, но зато очень важную – с «Маршем энтузиастов».

Директор Данилкин по очереди с секретарём парткома Алпатовым и профоргом Тулегеном Копановым часа за полтора рассказали народу, какой он молодец, народ, а ещё час ушел у них, чтобы под марш всем раздать традиционные знаки морального и материального уважения к трудящимся.

Чалому медаль на груди пристегнули. В этот раз снова «За трудовое отличие», поскольку главная – «За трудовую доблесть» у него уже была. В этот раз получил её сам Данилкин Григорий Ильич, директор. Почти все, кроме Игорька Артемьева и Вали Савостьянова премии получили неплохие. Этим двоим не перепало потому, что Савостьянов, шофер, сильно подогретый самогоном поспорил в июне с музиками, что по дну переедет с одного берега озера, где ры-

бу ловили, на другой. Поскольку на середине глубина была шесть метров, то до неё он и долетел на скорость восемьдесят кмэ в час. И машину утопил. Сам тоже почти утонул, но Олежка Николаев на лодке догрёб быстренько до места, нырнул и снаружи смог Валентину дверь открыть. Изнутри Валя дергал и ручку оторвал. Машину потом вытащили с горем пополам трактором, но только через три дня. Потому, что все праздновали день рождения директора и отвлекаться было некогда. За три дня много чего испортилось водой в машине и годовая премия соскользнула вполне справедливо. Ну, а Артемьева Игорька какой-то невыясненный дурак в посеvную посадил на сеялку. Игорёк честно потрясся на ней по всем восьмидесяти гектарам, но перед этим забыл проверить: полностью ли открыты дозаторы из бункеров в семяпроводы. А они почти закрыты были. И посеял он так мало, что и выросло пшеницы там не пять центнеров с гектара, а один. То есть почти ничего. В тридцатые годы Артемьева Игорька запросто расстреляли бы за вредительство, а в гуманные шестидесятые поступили просто

По-свински. Лишили премии.

Все остальные остались довольны и счастливы наградам, растолкали вымпела и грамоты по сундукам, а премии пропивали до Нового года и ещё полмесяца после. В общем, и проводили прошлый по-людски, и встретили, кто смог за-

помнить, красиво. Размашисто, но почти без травм и потерь.

В новогодние дни и вечера только на Костомарова Сергея и жену его Нину Захарову, экономистов конторских, как-то вдруг, нечаянно, неожиданно и негаданно напал злой рок в виде раздора, разлада, разногласия и отчуждения. К тому же Костомаров Сергей ощутил, что жену свою боится. Но это дело обычное. Почти все мужики жен побаиваются, поскольку греховны по уши и грехи искупить некогда, да не больно-то и надо. Но у этой пары всё сложнее было. Захарова Нина, жена, вдруг обнаружила, что сама опасается мужчину своего безропотного так, что аж дыхание временами перехватывает и колет сердце. В гости они по причине внутренней напряженки ни к кому не пошли праздновать и к себе не звали. Собачились без свидетелей.

– А вот хрен ведь твой Данилкин перепрыгнул в обком! Всё! Раз с начала года не забрали, значит, до следующего будет сидеть и вить из нас верёвки, – в новогоднюю ночь случайно обронила Захарова Нина. – И ты в счетоводах гнить будешь дальше. Главный агроном получает триста, а счетовод сто двадцать.

Костомаров Сергей пил почти без закуски и потому смелость с откровенностью так и пёрли из него. Как метель с

холодного севера.

– Главным агрономом он меня и так назначит. Куда он денется? Пусть я сам сяду, если не поставит меня. Поеду в Кустанай к следакам этим и сам расколуюсь, но и его утоплю с головой. Кто меня подбил на Петьку? Он подбил. Хитро охмурил, сучара! Если бы Петька и дальше возил свои жалобы на него во все большие дома, да ещё бы до Москвы дошел, то хана твёрдая Данилкину светила ярко. А он бы доехал до Москвы. Петька такой был. Настырный. И бумажек у него правильных про то, как Гриша Ильич землю гробит и правительство советское вместе с партией дурит брехливыми нашими достижениями, хватало на расстрельную статью Данилкину. Ну, или лет на двадцать пять лесоповала.

– Да уж! – жена делала ехидное лицо. – Поехал бы ты к следакам. Как же! Ты ж пугливый как суслик. Ты у Данилкина на поводке-то и болтался с перепуга, что он вместо тебя в главные агрономы кого-нибудь из «Альбатроса» притащит. Не Алипова, конечно. Но там все пятеро агрономов – орлы! А ты зооветтехникум в Калуге окончил. И агрономия у вас была на одном курсе только. И то, как попутная дисциплина. Семь учебных часов. Ха-ха! Тебе свиной от свинки лечить, а не землю нашу пропадающую.

И Захарова Нина искренне засмеялась, обрадовалась сво-

ей удачной и обидной шутке.

– А ты бы не побоялась, поехала? – глянул ей в глаза Костомаров.

– Я? А то ты не знаешь меня! Я бедовая. Боюсь только отца. Даром, что он покойник давно, а всё боюсь. И ничего больше. И никого. И ты меня слушай. Сам меньше дрожать будешь. И главным агрономом станешь. Зря, что ли Петра...

– Заткнись, тварь! – как с цепи сорвался Костомаров Сергей. – Сама знаешь в какие клещи Данилкин меня зажал аж за самые помидоры. Ты, что ли, сводки эти брехливые да отчёты-пузыри мыльные сочиняла? Ты подписывала их перед директорской подписью и печатью? Ты черновики набрасывала, и только! Кстати, потом, когда я их подправлял и в саму сводку да в отчет вставлял – рвала ты черновики в мелкие кусочки. И в сортир на улице высыпала. Зачем? А чтоб мои следы оставались, а твоих как и не было. Да ты падаль последняя! Чего ж я раньше-то не допёр!?

– Да пустое это – сводки, отчёты. Всегда и везде скажешь, что директор заставлял. А ты, мол, боялся, что он тебя из экономистов высвистит. Ты ж зоотехник. Ветеринар без практики. Ну, выкинут тебя из конторы тёплой. Будешь весной да осенью с Кравчуком посменно пахать на тракторе.

Если научишься. Трактор ты пока только из окна видел.

Да и хрен бы с ним, дура! – схватил её за плечи Сергей Костомаров. – Я-то и на пашне приловчусь, не обмишурюсь. Но ты ведь на моё место струхнёшь сесть. Подписи под дутой цифирью ставить. А?

– Ты, Серёжа, живешь со мной уже семь лет. Сам через три года, в шестидесятом из родного Жукова выдернул меня. Но так ты меня за эти годы и не понял до конца. Я, знаешь ли, нигде никогда не струхну. А вот ты как есть – трусоватый экземпляр. Тебе за меня и держаться надо, чтоб в яму какую не провалиться. И бояться меня разрешаю тебе прямо от доброты сердечной. Потому как знаю я про тебя всё. А спрятаться тебе кроме как за меня, некуда.

– Намекаешь? – спросил Костомаров и окинул жену с ног до головы мутным от самогона и потаённой ярости взглядом.

– Про Стаценко, что ли? – засмеялась Нина Захарова. – Да ты перепил, дорогуша моя! Я ж с тобой там была. Слепленные мы с тобой в один грязный вонючий комок. Ну, а то, что горло ему ты лично пробил, не знает же никто. Данилкин да я. Но ему смысла нет тебя сдавать. Ты ж его сразу за собой и утянешь. Он же тебя лично из дома вытащил. «В самый раз сегодня», – передразнила она свистящий шёпот

Данилина. – И нож тебе кто дал? Я? Нет, Данилкин. Вытер его перчатками и дал. А кто это видел? Кроме меня был кто? Не-е. Не было. Держись, говорю, меня, Серёжа. И не перечь ни в чём. И будешь жить сладко, толково. При должности, при деньгах. И при мне, само-собой.

В таком духе с редкими перерывами на сон в разных кроватях и походами в магазин за куревом и хлебом беседовали они, почитай, недели три с хвостом.

И с каждым днём Костомаров становился всё покладистей и мягче. А числа пятнадцатого января с утра сказал ей душевно, даже ласково.

– Ты, Нинок, у директора отпросись на денёк. Завтра все на работу выходят.

Погоуляли уж. Так ты попросись у него в пятницу на день в город съездить. Там ведь тоже почти ни один магазин не работал. А сейчас уже работают. А я тебе дам денег и ты вместо меня купишь себе подарок. Какой душа попросит. Шубу красивую за тысячу рублей. Чтоб тут ни у кого такой не было. А я в них всё одно не понимаю ничего. Такой подарок от меня – за ум твой, надёжность и верность. Имею право подарить любимой? Имею. И прости, что ругался с тобой почти месяц. Так и до развода недалеко. Глупо получилось. Ты-то

права во всём. Извиняй, душой умоляю!

– Да ладно тебе! – радостно воскликнула Захарова Нина. – Забудь! А подарок такой дорогой и не заслужила я.

– Ещё как заслужила! – Костомаров обнял её и прижал к себе. – Ты большего заслужила. Ну, давай, иди к Данилкину. Отпрашивайся.

Данилкин Григорий Ильич сам был с тяжкого похмелья и она всего-то и успела сказать, что в пятницу собралась в город съездить. Даже зачем, не успела похвастаться. Отпустил её Данилкин в Кустанай без разговоров.

В пятницу её в совхозе уже никто не видел. Уехала она. И не вернулась. Ни вечером, ни утром, ни через месяц. О том, как её разыскивали я расскажу позже.

Потому, что сам Костомаров прибежал к директору тем же днём, но аж в двенадцать ночи. Губы его тряслись, пальцы дрожали и он убитым голосом доложил, что вот прямо сейчас договорился с Толяном Кравчуком и они вдвоём выезжают в Кустанай на «Москвиче» разыскивать и в городе, и по дороге к нему жену свою.

– А куда она могла там вляпаться? – изумился Данилкин,

директор.

– Она ведь шубу купила там дорогую, – Костомаров Сергей всхлипнул. – Кто-то, видать, отследил и потом по дороге на автовокзал напал. По больницам надо искать.

– С утра бы и поехал. Куда она из больницы денется? – Данилкин сказал это, но потом рукой махнул. – Езжай, ладно. Чтобы ночью с ума не стронулся.

И Костомаров убежал к Кравчуку. Через пятнадцать минут они уже торопливо

перемещались по двум черным асфальтовым полоскам, продавленным в снегу тяжелыми грузовиками. Кравчук вернулся через три часа. Костомаров сам его отослал. Сказал, что один управится. Город маленький. Всё под рукой, что надо.

А часов в пять утра низкие тучи вывалили на совхоз и все его поля первые десятки тонн мягкого снега, потом целый день не унимались и сбрасывали крупные хлопья так буйно, будто кто-то, руководящий всем на свете, прибил эти переполненные снежинками тучи к небу и выбивал из них сверху весь трехмесячный запас. Когда народ раненько начал соби-

раться после завтрака в контору для получения разнарядок на разные работы, то в двери почти никто выйти не сумел. Мужики выдирали паклю из утеплённых окон, выставляли рамы, прыгали в сугроб, не дотянувшийся малость до окна. Жены оставались в хате, вставляли рамы на место и шли к дверям ждать пока деревянной лопатой мужья освободят от завала двери и раскидают снег в стороны в виде дорожки, чтобы можно было выбраться из ограды. Градусники показывали всего минус двадцать четыре, поэтому много холода до возвращения с работы в дом не просочилось бы сквозь щели без пакли. До конторы с разных концов посёлка все шли смешно. Как цапли поднимали поочередно ноги в тяжелых валенках и вертикально вонзали валенок на полметра вперёд, балансируя при этом руками как канатоходцы.

Часть трудового народа добрела до конторы без осложнений. Но многим припозднившимся не повезло. Плотный слой снежинок, опускающихся вертикально, вдруг скособочился, ускорился и понёсся под углом к планете со скоростью сорвавшегося с цепи молодого злого пса. Это издалека далёкого прибыл северо-западный ветер. Быстрый, холодный, сердитый.

– Во, мля, повезло-то как! – радостно заверещал придурок местный Артемьев Игорёк. Буран летел в него со спины. Поэтому Игорёк подпрыгнул, взлетел над сугробами и

расставил руки. Его сначала уронило, но не утопило в снегу, а понесло вперёд. Он только слегка помогал чудному передвижению ногами. Отталкивался и плыл по сугробу как моторная лодка по гладкой воде.

– Эй, доходяги! – орал он идущим сбоку и позади. – Сколько я могу вас учить? Берите пример с дяди Игоря Артемьева. Он силен сообразительностью и тесным контактом с природой. Как зверь! Чую нутром, как с ней жить в любви и взаимопомощи! Делайте как я!

И почти все повторили трюк Игорька, и понесло их к главному дому совхоза как

перья куриные.

– Ты б на работе показывал взаимопомощь природе! – крикнул Олежка Николаев.

Но впустую. Не долетел до Артемьева голос. Потому как Олежка шел против ветра и стены снежной. И ещё человек сорок, не меньше. Они ложились грудью на ветер и гребли руками как вёслами, едва заметно продвигая себя вперёд.

Вот чего-чего, а такой подлянки от погоды никто не ожидал. Все мечтали поскорее догрести до конторы и затаиться

там. Дождаться пока силы у бурана

скончаются да к работам приступить. Никто пока не предполагал, что конкретно сегодня на уме у директора Данилкина. Все надеялись на то, что механизаторов он пошлёт ладить побитую в войне со степью технику, а остальных отпустит. Кого домой, кого по тёплым рабочим местам. В больницу, столовую, библиотеку и магазин.

Данилкин сам спустился в конторскую прихожую. В большой холл с зеркалами и портретами Ленина и Маркса по бокам от знамен СССР и КазССР. Он был подтянут, трезв, побрит и пах «Русским лесом», что насторожило рабочих, отряхивающих на цементный крашенный пол налипший комьями снег.

– Дождались, слава богу! – не по-коммунистически, но всё равно искренне воскликнул директор Данилкин. – Не ждал я, хоть и знал прогноз, такого счастья.

Это ж сколько мы влаги накопим теперь! Надо только задержать снег по-умному. Короче, у нас на складе двести щитов дощатых и восемьдесят пять камышитовых. Подпорки там же. Сегодня ждём, а завтра ставим. Но сдаётся мне, что при таком щедром снегопаде нам их будет мало. Значит, берем двадцать добровольцев и идем на склад. Там есть всё.

Молотки, гвозди, веревки для камыша, проволока, камыш прошлогодний и доски. Делаем ещё сто щитов. По пятьдесят из разного материала. А Кравчук, Чалый, Лазарев и Айжан Курунбаева

вешают на трактор снегопахи и с обеда до темна делают валки по шестьдесят сантиметров в высоту, не ниже. Потом снегопахи поднимите и гусеницами промежутки между валками утопчите поплотнее. Понятно всем? Добровольцы кто?

– А кто вперед выбежит из конторы, тот и получит удовольствие от труда праведного! – Артемьев Игорёк сорвался с места и, разбрасывая не растаявший на полу снег, через чёрный ход вылетел на улицу. Ветер подхватил его небольшое туловище и понёс почти точно ко второму складу. За ним помедленнее вывалились остальные и получилось добровольцев примерно полсотни.

– Всё! Хорошо! – скомандовал чётко трезвый Данилкин. – Больше в склад не влезет. Да и молотков не хватит. Остальные идут по домам и завтра с восьми все собираемся возле первой клетки. Будет шесть тракторов с прицепами на полозьях. Туда загрузим заранее щиты, сядем сами и поедем делать снегозадержание. Есть вопросы? Этим, которые на складе, я сам скажу. Все свободны.

– Он аккуратно достал из кармана пачку «Беломора», выбил щелчком папироску

И, разминая её на ходу, пошел на второй этаж. В кабинет.

– Хрен мы за день завтра всё расставим, – задумчиво произнёс Мостовой Кирилл.

– Бурана не будет – успеем, – бодро сказал Валентин Савостьянов. – Мы ж орлы все. Не голуби.

По домам расходились чуть ли не ползком, но с улыбками. Хорошо Валюха пошутил. Оптимистично. Правда, не угадал ни фига.

...В восемь утра следующего дня ветер поменял направление на северо-восточное, стал посильнее, а снега в туче не убавилось, наверное, и на десять процентов. Опять мужики раскопали себе выходы из домов и уже возле первой клетки, куда добрались как инвалиды, Кирюха Мостовой пересчитал народ и сказал:

– Семьдесят шесть человек нас. Надо, чтобы сюда вернулись все. Поэтому – всем держаться группами по пятеро и постоянно перекрикиваться. Падать нельзя, садиться на снег не надо, держаться рядом и с места на место переходить по

двое. Один держит щит сзади, другой спереди. Третий идет впереди через валки

на сорок метров и ставят щиты. Потом группой – за следующей порцией. Потом собираемся у конца первой клетки и идем на вторую. Ну, Ленин с нами! И все основоположники коммунистической идеи!

Все развеселились, а тут и трактора с прицепами, полными щитов пришли.

И началось то, что все и через пару лет потом вспоминали с остатком тени ужаса на лицах. Началась узаконенная природой битва с природой за вполне вероятный

славный урожай.

Вчера четыре трактора нарезали валков на полях много очень. Валок – это очень нужный сугроб сантиметров по шестьдесят в высоту. Он снег на себя собирает и держит. Трактор перед собой несёт валкователь, похожий на нос корабля. А за носом этим что-то наподобие крыльев. Носом трактор врывается в толщу снежную и крыльями разводит снег в стороны. Получается десятиметровая прогалина по

бокам сугробы- валки. Их ставят, естественно, поперёк ветра, чтобы буран налепился на эти валки и снега становилось больше. Весной он таял разливая по сторонам накопленную в валках воду. Чалый Серёга с утра доложил директору, что шестнадцать клеток до утра прихватили. Оставалось ещё два раза по столько. Данилкин пришел провожать всех, кто уезжал щиты ставить. Снегопахи-валкователи не спали совсем, потому и валков нарезали несчётное число. Утром они подогнали машины свои к первой клетке, тоже проводили забравшихся на прицепы людей, одетых в ватные штаны и полушубки, шапки с опущенными ушами и обёрнутых вокруг шеи толстыми шарфами да шальями, арендованными у жен. А когда трактора с прицепами уже через минуту движения исчезли с глаз, занавешенные плотной портьерой снежной, все четверо включили движки, потом печки и мгновенно уснули часа на два. Разбудить их должен был заправщик. Трактор с прицепленными санями, в которые поместилась двухкубовая цистерна с соляркой. Он должен был подкатить к одиннадцати, разбудить снегопахов, заправить баки и дополнительные канистры. После чего передохнувшие малость мужики и Айжан Курунбаева собирались валковать на клетках с семнадцатой по двадцатую.

Я вам, читатель, забиваю голову вот этими валкователями, номерами клеток и щитами для снегозадержания не

для того вовсе, чтобы окунуть вас в непонятную терминологию и в незнакомые далёким от полеводства гражданам действия сельхозников. Я просто хочу, чтобы вы глубже вникли в высокую степень тяжести трудового процесса, необходимого хотя бы для временного оздоровления истерзанной за десять лет земли, которая по причине древнего способа вспашки с огромным отвалом пласта, поставленного плугом почти вертикально, при сильных ветрах теряла веками копившийся плодородный слой. Гумус. Его и так в бедных землях степных было с гулькин нос, а частые пыльные бури вышибали из отвальной пашни и прахом развеивали на десятки километров и фосфор, и азот с калием. Без чего ни цветы не растут, ни деревья, ни пшеница. И овёс не растёт, и просо. Да ничего не лезет из такой земли кроме шариков «перекати поле» и редких серых, жестких как прутья, травинок. Им для жизни почти ничего и не нужно было. Любая твердь земная. Хоть голимый солонец.

И вот если буран дикий с ветром сногшибательным и сугробами по пояс для горожан – пугало нежеланное, то для хлеборобов степных он – счастье и надежда.

Правильно собранный и накопленный снег весной растает и накормит почву всем, что есть в богатой талой воде. Надо только не опоздать. Не дать снегу улететь вместе с ветром в никуда, не позволить ему стать обычной белой холодной

пылью, которая носится над землёй и не ведает, где конец её полёта.

Трактора развезли народ по точкам на клетках. Мужики скидывали по пути щиты и подпорки, но так, чтобы они почти прямо торчали в толстом слое снега. Иначе не найдёшь потом. Завалит и не покажет уже до весны. Трактор от трактора разъехались на несколько километров в разные стороны и начали кататься между валков, придавливая полозьями пространство, отделяющее валки. Оно простиралось от начала клетки и ширину имело в десять метров. Вот мужики каждый год выбирали положение щита точно против ветра, втыкали его в валок и сзади ставили подпорки.

– Валя, ты где, сучий хвост!? Вот, бляха, Данилкин, сучок! Должен же был ещё одного работягу дать, чтобы следил за щитами да помогал! Жлобина, блин! А вдвоём за всем не уследишь. Щиты засыпает прямо на глазах! – верещал Артемьев Игорёк, прихвативший один край щита. Щит был всего полтора метра в одну сторону, да столько же в другую. Но Вали Савостьянова за буранной стеной видно не было. Как и самого конца щита. – Ва-а-алентин, бляха! Сдуло тебя что ли?

Он бросил край своей половины снегозаградителя, обо-

шел его слева и, нагнувшись, пополз на четырёх точках вперёд. Так против снежного урагана ещё можно было двигаться. В варежки сразу набилось по полкило снега, а за воротник, перетянутый шарфом, его прилетело тоже с килограмм. Метров через десять он лбом уперся в колени Савостьянова Валентина. После чего сверху на его спину опустились, ощупывая, тяжелые руки Вали.

– Артемьев, придурок, тебя где носит?! Мы же пару минут назад рядом стояли! -

Савостьянов поднял Игорька. – Щит-то здесь, а ты куда попёрся?

– Где щит, покажи! – кричал Артемьев Игорёк. – Дай мне его, сучок ты ломанный!

Валентин опустился на колени и стал ползать кругами, стуча по снегу мокрыми варежками.

– Я же, бляха, сейчас только стоял на нём. Тебя ждал. Ты где?

Артемьев Игорёк не видел, куда уполз напарник. Метра полтора в сторону – и всё. Буранное месиво глотало человека и звать его не было смысла. Ветер встречный был мощнее

голоса и тут же отбрасывал крик за спину. В пустоту, захваченную несущимся с бешеной скоростью бураном. Поэтому Артемьев тоже пополз кругами и вскоре они с Валентином стукнулись друг об друга боками. Игорёк схватил его за шапку, оттянул суконное ухо и в щель появившуюся крикнул.

– За штаны меня держи и хляй за мной!

– А где щиты наши помнишь? Следы твои занесло поди. – Валентин крепко ухватился за артемьевскую штанину. – Поползи! Приморозило тебя к земле что ли?

Как Артемьев Игорёк нашел свой путь, он и сам не понял. Но нашел. Доползли они до щита.

– А под ним второй, – закричал Артемьев и лёг на щит. Отдыхал. Валя появился слева и тоже примостился на щите.

– Во, мля, второй! Держу его, – Савостьянов Валентин пошустрил рукой по сторонам и вниз. – И третий тут. Давай ставить. Подпорки под щитами.

– Тяни на себя! – Игорёк Артемьев прополз по деревянной решетке, укрепленной крест-накрест толстыми рейками. Порвал штанину на колене. Выругался семиэтажно. – Теперь весь снег через дыру пойдет. Полные штаны снега и

полный валенок. Давай, ставь его на ребро.

Валентин поднял щит вертикально и его вместе с этой крупной деревяшкой подняло над сугробом и уронило метра за три от обалдевшего Артемьева, который оледеневшими варежками не смог удержать свой край. Как мраморная гробовая плита лежал этот щит на Валечке Савостьянове. Усиленно помогая телу матюгами он как-то выкатился из-под него и вцепился в края руками.

– Вот так понесём. Плашмя, – он захватил подпорку, сбorkу лежащую, бросил её сверху на дерево, Игорёк Артемьев прихватил щит, поднял и задом медленно, наваливаясь спиной на ветер, двинулся к ближайшему валку.

– Двигай! Правильно идешь! – кричал Валечка, толкая решетку вперёд и Артемьева вместе с ней. – Стоп машина! Втыкаем его снизу в валок и медленно вдвоем поднимаем!

Как ни удивительно было для самих трудяг, фокус получился. Савостьянов Валентин подставил под крестовину подпорку и минут через десять, поливая самыми отвратительными словами буран, щит, подпорку и почему-то заодно директора Данилкина, конструкцию они закрепили.

– Я потный весь, – без выражения сообщил Игорёк.

– Так и меня хоть выжимай! – засмеялся Савостьянов. – А потому нам стоять нельзя. Заледенеет. Давай за следующим щитом. Бегом.

По ветру получилось не то, что бежать – почти лететь получилось. Стукнулись валенками о щит. Сели.

– А этот давай вообще по земле потащим, – Артемьев встал на колени, прихватил щит и потянул его, отталкиваясь коленями. Валечка толкал его вперёд с другой стороны, не забыв закинуть подпорку. Потом, когда передний край воткнулся в валок, оба подсели под другой конец, Игорёк схватил подпорку, и они синхронно стали подниматься с колен, воткнув подпорку в снег и в щит. Поставили и этот.

– Не даст Данилкин, сука, премию! – огорченно прокричал Валентин.

Артемьев, как ни странно про премию сразу же услышал.

– Мы на него Серёгу Чалого натравим. Это не просто ударный труд. Тут риск для жизни! А для здоровья – стопроцентный триндец! Вон с меня в валенки вода льётся вместе с потом. Я и не доживу до премии-то.

– Совхоз похоронит. Петруся похоронили же. Ничего. И поминки были как банкет.

– Ну, какой поганый рот у тебя! – взбрыкнул Артемьев Игорёк. – С женой так же разговариваешь? Пошли вон третий ставить, последний!

– Хрен там последний! – расстроено прокричал Валюха Савостьянов. – Это мы только один заслон поставили. А вон другая точка наша. Вон ещё одна. А левее последняя. Нам до вечера позднего колупаться, если буран не помрет раньше нас.

– Давай хоть перекурим, – остановился за щитами Артемьев. Через них почти не дуло. Ну, с ног не валило, и то радость.

Они долго пытались зажечь спичку и прикурить. Получилось раза с десятого.

– Шаби скоренько, – посоветовал Валя. – Стоять нельзя. Задубеем и коркой покроемся. Как панцирем. Тогда работать не получится.

Но не задубели. Не успели. Побежали пригнувшись, как под пулями, но боковой ветрище пролетел как-то поверху и

через пятнадцать минут они уже выковыривали три других щита и подпорки. Приладились как-то к бурану. Освоились. И ещё часа за четыре установили все остальные снегозадержатели.

Стояли они и любовались на дело рук своих умелых. Снег уже останавливался на щитах. Росла горка. Скоро она вырастет до полутора метров и в длину будет четыре с половиной. Хорошо. Очень хорошо.

– Надо бегать и подпрыгивать пока трактор за нами не придет, – Игорёк начал прыгать на месте и делать корявые пробежки, падая под ветром и натываясь на валки, сделанные снегопахом Серёги Чалого. – Бегай, Валя! Прыгай! А то скопытимся до нашего трактора.

И они начали бегать, насколько это удавалось, прыгать, толкаться боками. И было им тепло. И не только потому, что в степи тепло было – минус двадцать четыре всего. А от удовлетворенности трудом своим тоже.

Так вот радостно и сохраняли они себя мощным движением после успешного дела. Так вот гордо глядели они на все свои конструкции, стоявшие прочно, надежно и выполняли исправно свои обязанности снегозадержателей. Было всего три часа дня. Скоро и трактор придет, и дома печка

уже ждёт, с утра растопленная на всю катушку. И самогон с огурцом солёным и салом тоже ждут не дождутся покоритель целины.

Но вдруг что-то, сначала непонятое, остановило обоих. Они застыли на месте и одновременно глянули вверх. Неба видно не было. Но снег летел в другую сторону. Вместе с ветром, ясное дело. Буран поменял направление почти на девяносто градусов. Раньше снег летел в рот если Игорёк стоял лицом к щиту.

А теперь ураган дул точно в левый бок и вздымал край полушубка чуть ли не до левого плеча. Да и валить обоих стало на правую сторону.

– Да мать же твою перемать, да дышло же тебе в нюх! – воскликнул потрясённый Валечка Савостьянов, обращаясь, видимо, к высшей природной силе. – Ты чего же творишь, растудыт твою через коромысло!

Артемьев Игорёк сел на корточки, закрыл лицо варежками и громко застонал, будто у него заболели сразу все зубы.

Так они и зависли в негаданном оцепенении и очнулись только тогда, когда услышали шум, исходящий от приближающегося трактора.

– И на хрен он теперь тут нужен, трактор? – спросил у природы Валечка.

– Надо, мля, переставлять всё! – удивлённым и свирепым голосом заорал Артемьев Игорёк. – Фасадом на ветер надо щиты переставлять. Вот же паскудство-то, а!

Подъехал трактор. В прицепе сидели восемь мужиков с других клеток.

– Мужики! – крикнул тракторист из кабины. – Сейчас ребята вам помогут. Переставим. Потом поедem на их клетки и тоже переставим. Так что, не писайте в штаны. Всё будет абгемахт!

Выскочили из прицепа ребята и битва с природой возобновилась с ещё большим остервенением. В кинофильме каком-нибудь очень патристичном обречённость работяг на необходимость выдержать всё и довести дело до нужного результата – сошло бы за неиссякаемый трудовой энтузиазм отчаянных и умелых покорителей непокорной целины.

Восемь мужиков – не двое. Шестнадцать рук и натренированных капризами целинными голов дело поправили почти моментально. За час всего. Щиты развернули на новое

направление ветра, подпорки вбили основательно и трое из них порадовались за Игорька да Валентина.

-Вон у вас с первого ветра какие стены намело!– крикнул один.

– Не развалятся уже. Толстые! Сейчас и под новым углом защиту завалит.– Похлопал Валентина по плечу второй.

– Сами не ждали, а получили двойной результат, – третий обошел огромный сугроб, начинавшийся метров за семь до того места, откуда только что переставили щиты. – Навалом теперь будет влаги. Даже с одного этого бурана!

Трактор фарил прямо на всю площадь, где разместились щиты и высокие валки. Хорошие отражатели были у фар. Пробивали четырьмя лучами буранную круговерть как хороший плотник доску острым гвоздём.

Забрались в прицеп и двинули на те клетки, с которых по очереди тракторист забирал работяг. Игорёк Артемьев пытался в темноте разглядеть мужиков, которые помогали. Но все были укутаны и обернуты тряпьем разным плотно, шапки завязаны и козырьки спущены до глаз. А глаза смотрелись сплошным белым пятном. От дыхания и шарфы, закрывавшие рты, обледенели, а с бровей и ресниц свисали стлтые

снежно-ледяные лохматые полосы.

– Димка Нечаев есть тут? – крикнул Артемьев Игорёк.

– Я это, – отозвался белый с чёрными проблесками силуэт из угла прицепа.

– А чего ж ты, подлец, без баяна тут делаешь? – Игорёк заржал как конь, которого только что покормили. – Мы бы станцевали сейчас гопачка или цыганочку! Погрелись бы. Да и вообще, поставили бы тебя с баяном на самой середине между всеми клетками, так под музычку твою мы бы голыми руками такие сугробы накидали – никаких щитов не надо.

– Ураган такой! Как услышали бы?– наивный Димка принял хохму за искреннее пожелание.

– Да ты любой ураган переголосишь! В столовой вон на прошлый Первомай так тягал меха – чуть стены не порушил. И оглохли все. Я сам три дня ни с кем после Первомай не разговаривал. Оглох. Не слышал никого, – раздухарился Игорёк Артемьев.

Пока все восемь мужиков да Валюха Савостьянов хохотали безостановочно трактор допилил до нужного места и встал, залил светом площадку, где надо было щиты развер-

нуть. Выскочили шустро. Как вроде и не вкалывали весь день. Да и работу побыстрее сделали. Потом объехали ещё три клетки, сделали всё как надо и трактор с санным прицепом фарами своими пробивал уже не столько буран, сколько рухнувшую на поле темень небесную. Валентин попытался разглядеть на часах время, но не смог.

– Половина шестого сейчас. Без часов знаю, – крикнул из середины скученных в однородную массу, покрытых испаряющимся инеем тел, сиплый мужик. Наверное, Ващенко из Харькова. У него одного такой был голос. – Сейчас в это время резко темнеет.

Переговаривались вот так, ни о чём, около часа. Тракторист срезал угол и прямо по заметной до верха гусениц степи как раз за это время дотянул прицеп до начала первой клетки. Там уже стояли три таких же тракторных поезда с включенными фарами. Напротив них метрах в двадцати выстроились восемь грузовиков кузовами к совхозу. Они освещали утопанную рабочими площадь так ярко, что создавали в черно-белом пространстве, занятом шевелящимся, подскакивающим и бегающим туда-сюда подмороженным трудовым коллективом ощущение яркого праздника. Меж них суетливо ходил в тулупе и подшитых валенках директор Данилкин. Встречал рабочий состав, который на данную минуту съехался с полей ещё не целиком. Двух тракторов с при-

цепами не хватало. Ветер не слабел, снег летел из тьмы во тьму со скоростью ружейных пуль. Но людям больно не делал. Потому, что боли они уже чувствовать и не могли. Устали и заледенели. Все органы чувств отупели вкрай.

– А!– Серёга Чалый со своего трактора раньше всех увидел сквозь рыхлую снежную стену свет фар. – Оба едут! Минут десять-пятнадцать им осталось.

– Давайте все в одно место сдвиньтесь! – крикнул Мостовой Кирюха. – Сейчас ребята подъедут и по домам на грузовичках! Прямо до крылечка всех!

В толпе дружно засмеялись. Правда, это были не единственные звуки. Тот, кто смеялся, он же и кашлял. Кто-то чихал и сморкался вдобавок. Но настроение у всех было прекрасное. Иначе – хоть стреляй, а смеяться не заставишь.

Подъехали трактора и от прицепов на свет пошел народ. Он выплывал из темноты под фары как сплоченное собрание привидений. Казалось со стороны, что все они светятся мертвенным желтым мерцанием. Так фары выделяли на одежде и лицах пластинки льдинок и бугорки снега вокруг шарфов, шалей и застывших как недавно изготовленное и отвердевшее стекло. Они тоже кашляли, сморкались и чихали, но не смеялись. Шутки не слышали. Моторы у тракторов

больно громкие.

– Теперь все по одному проходите мимо меня к грузовикам. Кто на северную часть поселка – левые две машины, – Кирюха Мостовой для пущей доходчивости информации сложил ладони рупором: – Кто на западную, посередке два «газона» стоят, у кого на юге дома – третья машина справа. А две правых крайних – по центральному району развезут. Давай! Пошли по одному! Толпа вытянулась змеёй и граждане рабочие, пингвиньим шагом мелькали мимо Мостового, не забывая шлёпнуть его по плечу или ткнуть в бок. Кирилл на это внимания не обращал. Занят был. После каждого прошедшего мимо он делал отмашку рукой почти так же, как выпускающий гонщиков на шоссежных треках.

– Семьдесят шесть! – крикнул он громко, погромче воя ветра. – Все, стало быть! Ура!

– Ну и ладушки тогда, – успокоился Данилкин Григорий Ильич, директор. Тихо сказал. Один Кирюха-то и услышал.

Задержка образовалась на посадке в кузова. Никто самостоятельно не мог встать ногой на колесо, уцепиться за борт и забраться в кузов. У кого-то уже и сил не было, конечно. Но им, да и другим, кого снегозадержание не до дна вычерпало, влезть в кузов не давала одежда. Отвердевшая от застывшего

пота и растаявшего под исподним снега. Они делали попытки, соскальзывали, валялись на снег и веселились при этом как дети, съезжающие с ледяной горки в недавно купленных мамой штанишках.

Воле каждого грузовика шофер с помощником прихватывали каждого с двух сторон выше колен, поднимали и как мешок переваливали через борт. Чуть больше, чем за полчаса машины были готовы к отправке.

– Завтра! – крикнул Данилкин, стоя в центре колонны. Освещенный со всех сторон фарами он имел такой светлый образ, что его запросто можно было спутать с ангелом. Если бы, конечно, кто-то в них верил. – Завтра в десять утра всем сбор в ленинской комнате. Разберем подробнее сегодняшнее дело. Всё слышали?

Народ кашлял, чихал, сморкался и кричал вразнобой примерно такой текст, хотя в различных вариациях: – «Поехали, блин!»

– Да все поняли, – сказал директору Чалый Серёга. – Вас подвезти? Вон мой трактор.

– Да ну! – хмыкнул Данилкин. – Мне тут идти три минуты. Или десять. Как пойду смотря.

Машины уехали, трактора тоже и пошел директор Данилкин потихоньку домой. Газетки почитать, поужинать, да лечь пораньше. Устал за день от переживаний.

А утром в десять в ленинской комнате собрались все снегозадержатели, включая трактористов.

– Поздравляю с добротной работой! Похоже, будем с хорошим хлебом в этом году.– Данилкин поднял вверх руку.– За снегозадержание объявляю всем благодарность и выделяю каждому премию в размере пятидесяти рублей. Можете получить после собрания в кассе.

– А мне будет премия? Мне никогда не давали ещё. Просто тянет попробовать получить. Вдруг и я в коммунизм поверю! – с ехидной рожей спросил Игорёк Артемьев.

– И на тебя выписана! – Данилкин улыбнулся. – Аж полсотни рубликов. За неделю хрен пропьешь!

– Он их за час профукает, – захохотал Кравчук Анатолий.

И всё солидное собрание залилось смехом сквозь кашель

и чихание.

– На всех клетках поменяли угол щитов строго в лоб новому ветру? – задал главный вопрос директор.

– Так точно! – от имени всех гаркнул Мостовой Кирилл, который вместе с Чалым на приличной скорости объехал все рабочие площадки.

Это у нас двойная удача! Столько прихватим снега, что хорошему урожаю просто деться некуда! – Данилкин, директор, похлопал в ладоши и весь зал раскошелился на полноценные бурные аплодисменты.

– Оп-па! – воскликнул Олежка Николаев, который сидел на подоконнике. – На улицу гляньте.

Все повернули головы, а сам Данилкин подошел к окну.

– Ё-ё-о! – в тишине внезапной прошептал он. – Ветер опять повернул. Снег теперь гонит с востока. Аж деревья гнёт возле конторы. Вот это прибыток неожиданный, а!

Все смотрели в окно, не отрываясь. Даже не кашлянул никто.

Мимо окна пыталась против ветра проскочить собака. Она в столовой жила. Из города щенком привезли. Так вот собака всё время была напротив окна, хотя усердно перебирала ногами и хвост её пушистый развевался на ветру как вымпел над крышей конторы.

Народ, не сговариваясь, оторвал взгляды от третьего ветра с прекрасным благодатным бураном и уставился на директора.

И такая поселилась тишина в комнате ленинской, будто помер вождь не чёрт знает сколько лет назад, а только что. Вот прямо тут, при всём обалдевшем честном народе, живущем свою замечательную, полезную, хоть, конечно, и не очень-то радостную жизнь

Глава шестая

Фамилии героев и названия населенных пунктов кроме города Кустаная – изменены автором.

Морозы мало кого пугали из степных жителей большой кустанайской области. В тридцать градусов почти никогда и занятий в школах не отменяли. Если, конечно, ветра не было. Он даже слабенький по местным меркам двадцатипятиградусный мороз превращал в испытание. Народ всякие свои уличные дела сворачивал. Потому как ел аппетитно мороз человека и обгрызал его до костей. Радовался мороз помощнику-ветру, продираясь ледяными зубами своими через семь нацепленных одежек и глухих застёжек.

А временами наваливались на степь холода жуткие для всего живого. Не каждый год, конечно. Но случалось, что не поладят в чём-то, нам неведомом, силы земные с небесными, и начинается такая неволя для народа и всего прочего, что мычит, лает, кукарекает или из земли растёт, что даже ураганы с буранами или песчаными бурями кажутся шалостью сил природных, всемогущих.

Вот в ночь на семнадцатое января 1968 года почти всю округу степную кустанайскую придавил не просто мороз, а монстр-убийца всего живого и разрушитель всего самого прочного. Серёга Чалый пару часов назад пришел с МТС. Отвалковал снегопахом последние четыреста гектаров и, поужинав, читал журнал «Юный техник», где много чего по-

лезного находили для дела и очень взрослые. Ирина, жена, вернулась со своей нефтебазы пораньше, всё успела сделать для сытного вечера и решала с дочерью какую-то замороженную задачку. Было тихо и Серёга услышал вдруг потрескивание дерева на чердаке и стекло во всех четырёх окнах. Да и собаки соседские на улице стали вдруг усиленно лаять непривычными звенящими голосами.

– Опа! – подошел к окну на кухне Чалый Сергей и стал изучать спиртовой градусник, прибитый к наличнику. Красная полоска спирта прямо на глазах опускалась в самый низ градусника и приближалась к цифре тридцать семь. – Кажись, кранты всем делам нашим. Утром рано будет уже за сорок. Надо подтопить.

Он накинул фуфайку, шапку, влез в валенки и побежал к сараю с пустым ведром под уголь. Пока добежал, пальцы приклеились к ручке ведра. Забыл рукавицы. Ну, выкрутился, конечно. Левой рукой накидал доверху угольные куски и бегом в хату. Снег скрипел под валенками так, будто бежал Серёга по рассыпанной толстым слоем соли. Это ломались и лопались кристаллы снежинок.

– Чего ты? – оторвалась Ирина, жена, от изучения с дочерью математических причуд. – Топить будешь? Так жарко же, Серёжа. Не уснём. Баня получится.

Чалый Серёга, суровый и деловой, жене пока не стал отвечать, а закинул всё ведро в топку, надел рукавицы и побежал с пустым ведерком по-новой. Чтоб ближе к утру, когда самый колотун грянет, подкормить свою хорошую печь.

– Подожди малость, приду расскажу, – он побежал на улицу к будке собачей. Барбос у него был серьёзный. Алабай. Почти телёнок. Серёга его купил двухмесячным пацаном три года назад на выставке собак в Кустанае. Назвал его красиво – Валет. За три года Валет стал гигантом и когда хотел чувства выразить, вставал на задние лапы, а передние клал хозяину на плечи и снизу вверх проводил языком по Серёгиной щеке. Чалый – здоровый мужик. Под метр девяносто ростом. И весил сто килограммов с копейками. Так Валет даже его чуток к земле пригибал, а когда облизывал, то Чалый Серёга шею напрягал основательно, чтобы друг его любимый её не своротил нечаянно. Будку ему Чалый сколотил из толстых досок и снаружи всю её обложил слоем стекловаты и поверху прибил к доскам длинными гвоздями фанеру. Но ниже сорока градусов будка эта Валета уже не согревала. Год назад такой мороз три дня гулял по совхозу и пёс простыл. Болел потом месяц. Отстегнул Чалый карабин от цепи и притащил Валета на кухню.

– Здравсти! – удивилась Ирина, жена Серёгина. – Чего это

вдруг? Есть будет за столом, с нами? Стул ему поставить, тарелку отдельную, ложку с вилкой?

– Пошли, покажу что-то, – Серёга поманил её пальцем к окну. – Гляди на градусник.

– Сорок? – не поверила градуснику жена. – Так в пять часов вечера тридцать два всего было. И что теперь, Серёжа?

– Хреново будет теперь, – Чалый Сергей постелил Валенту старую телогрейку свою возле умывальника, подвел его и сказал «лежать». – Очень быстро падает температура. Это может означать только одно: будет очень холодно и долго. Не неделю даже. А сколько – никто не скажет пока. По радио, конечно, объявляли. Но Данилкин уже восемь лет пишет везде, чтобы и нам радиолинию протянули. Не могут. Далеко мы. Не от чего провода тянуть. А тридцать километров от «Альбатроса» – это разве далеко? Я с директором ихним, Дутовым, разговаривал. Он сказал, что разрешение в Облсвязи мы сами должны выхлопотать. Без разрешения он к нам ветку кинуть не может. А им в совхоз линию провели ещё в конце пятидесятых. Восемьдесят километров. Сто шестьдесят столбов воткнули от райцентра! И ничего, государство не развалилось и по миру не пошло. А мы сидим тут в отрыве от жизни, бляха. Газеты и то через три дня привозят.

– А что будет, если мороз за сорок больше двух недель простоит? – Ирина села на табуретку и испуганно прикрыла рот ладонью.

– Хреново будет, – Чалый оделся потеплее. На обычные брюки надел ватные, на свитер трикотажный напялил шерстяной из собачьей шерсти, который связала ему директорская жена на день рождения. У них две больших лохматых собаки. Сибирские пушистые лайки. Данилкину друг привез из Якутии. Учились вместе в Высшей партийной школе в Москве. Так что только Надежда, жена директорская не вязала из их мягкой, теплой белой шерсти! Серёга погладил свитер на животе и улыбнулся. Потом тулуп накиннул, ушанку и варежки двойной вязки нацепил. – Пойду к директору. Надо подумать, что делать будем. Таких морозов за десять наших целинных лет не было ещё. Много бед может быть. Никто ж сроду к таким холодам тут не готовился. Приду часа через два.

Он шел по поселку мимо домов, из которых вылетали мужики с вёдрами для угля и те, кто уже набрал и нёсся в хату. Почти во всех дворах копошились силуэты возле будок с собаками. Тоже отцепляли и уводили в квартиры. У Кравчука собаки не было. Зато он кур развёл десятка полтора и сейчас делал, наверное не первую ходку в курятник. Перетаскивал

их по две-три в дом. Бежал он быстро, резко, нес большую курицу и цветастого своего петуха, которого, видно, прижал крепче, чем надо. Потому петух орал во все горло и сильный мороз добавлял в истошный крик звона и громкости.

– Толян! – позвал Кравчука Чалый. – Соляру надо слить с тракторов. Потом не заведемся. Так загустеет – никаким факелом не отогреешь. Обойди всех трактористов, скажи. А то поздно будет. И с моего слей тоже. А то мне к Данилкину срочно надо. Порешать, как крутиться будем. Похоже, много загубит холодрыга, если за сорок пять упадет.

– Ладно! – отозвался Кравчук Толян. – Я уже и сам думал! Сейчас я. Пять куриц осталось. Ночью замёрзнут нахрен. А я яйца люблю почти как самогон!

И его звенящий в колючем воздухе смех полетел черт знает куда над посёлком.

Данилкина Серёга поймал на выходе из дома. Одет директор был непонятно во сколько слоёв тряпья, но выглядел толще обычного вдвое.

– Молодец, Серёга! – подал он руку в варежке. – А я уже думал, кого за тобой послать. Давай в контору бегом пока телефон работает. А то лопнут провода на морозе и ку-ку!

Будем в автономном плавании. Без мудрых указаний сверху.

Навстречу им бежал Олежка Николаев, Валентин Савостьянов и кузнец Иванов Алёша. На МТС торопились. С другой стороны совхоза туда же бежали ещё с десятков трактористов и шоферов. Трактористы – солярку сливать, а шоферы – свинчивать аккумуляторы, антифриз спускать. Он до тридцати пяти держит, а после каменеет и разрывает радиаторы.

– Это самое, Григорий Ильич! – кузнец остановился. – Я в кузне сейчас мехами жар раздую. Угля полно у меня. Потом из конюшни всех семерых коней с лошадками переведу. Конюшня с дырками в стенах, ворота тонкие, а в кузне им и места навалом, и жить будут пока как в раю.

– Соломы не забудь натаскать от крайней клетки. Там стог нетронутый. – подсказал Чалый Серёга.

– Ага! – успокоил его кузнец. – Коня запрягу и полные сани накидаю. Потом добавим по ходу жизни.

И все разбежались. Над совхозом висел, переливаясь под светом очень ярких звёзд и полной луны, светлый дым от очень сильно натопленных печей. Это просто здорово, что в совхозе никто не проспал налёта сумасшедшего холода. Снег скрипел под валенками, будто Чалый с Данилкиным давили

на бегу тончайшие хрустальные бокалы для шампанского, которых в посёлке ни у кого не было. Шампанское здесь не пили даже интеллигенты. Врач Ипатов, учителя и библиотекарша. Даже далеко отодвинутые от интеллигентности продащицы сельмага пили в худшем случае портвейн №12. Когда не успевали завезти по графику новую партию «московской». А шампанское держали только для гостей утончённых из обкома и ЦК Компартии Казахстана.

Минут двадцать районная телефонистка не могла соединить Данилкина с дежурным обкома. Линия была занята. Наконец она сумела вклиниться и Григорий Ильич долго говорил с обкомом. Получал инструкции и строгие предупреждения.

– Ты, Данилкин, гляди, людей не погуби там. Никто пусть не работает. Все сидят по домам. Ждут особых указаний, а сами не рыпаются. У нас кадры всё решают! Понял? Людей береги! А мороз по прогнозу будет близко к пятидесяти. И продержится дней десять. Терпите! А ты звони три раза в день. Докладывай обстановку.

Дежурный, инструктор обкома Каиржанов Булат так громко излагал указания, что Данилкин отвёл трубку от уха подальше и Чалый разговор слышал полностью.

– Вас понял! – сказал Данилкин. – В экстренных ситуациях могу обратиться за помощью? Ну, там, скорую помощь чтобы быстрее прислали, если что. Или пожарников. Мало ли.

– Не сомневайся даже! – сказал Каиржанов. – Звони. Всё, отбой!

– Вот так... – директор Данилкин сел за свой стол. – Отметился я. Теперь давай думать как спастись. Это можно только своими головами дотумкать. Кустанай далеко. Да и помощь от них одна: поорут в трубку, считай и помогли, мля!

– Первое, что надо сделать – это просолидолить всё технику. Солидола много. Две бочки. – Чалый Серёга снял шапку. Тепло было в кабинете. Кочегарка возле конторы пахла исправно и жарко грела воду в батареях, поскольку Кочегар Величко пил самогон только по пятницам, и то стакан, не больше. Станный был мужик, но работал хорошо. – Потом всё, что замерзает из механизмов удалить. Все стёкла на тракторах, машинах и в домах крест накрест от краёв заклеить полосками газетной бумаги. Вместо клея – вода обычная. Приложишь к стеклу – сразу примерзнет. Некрасиво. Но зато стёкла не треснут.

– Трассу закроют. Точно закроют. К нам никто не прие-

дет, – сказал Данилкин грустно. – Школу-то мы закроем. Каникулы будут у пацанов неожиданные. Радость большая. А вот больницу нельзя останавливать. И обмороженные будут, да и вообще... Завтра надо вызвать Ипатова. Пусть скажет, что у него есть из лекарств. Ну, ещё бинты там, зелёнки всякие, от простуды препараты и так далее. Завтра могут ещё не закрыть дорогу большую. На Газ-69 залить в антифриз спирта побольше. В больнице взять. Бензин лучше выбрать. Есть две бочки девяносто третьего. С утра езжайте после нашего разговора с Ипатовым в город. Наличные сейчас дам. И в лучшей аптеке всё, что он скажет, берите. И мухой обратно. Понял?

– Да ясно всё, – Чалый поднялся, шапку надел.

– А ты где вот этих хитростей нахватался? Там слить, тут заклеить, тут солидолом промазать? – директор потрепал Серёгу за воротник..

– Да книжки разные почитываю, журналы по технике. Образование наверстываю. Десять классов закончил и всё. Потом сразу слесарить пошел. Отец-то помер рано. Нас трое пацанов. Я старший. Жить-то надо было. За мной и младшие потянулись. Зарабатывали на семью нормально. А потом я сюда поехал. Думал, буду большие деньги домой маме посылать. Посылаю, конечно. Но зарабатываем-то не шибко. Да

ничего, хватает...

Данилкин, директор, покачал головой, открыл сейф и дал Серёге двести рублей.

– На всё хватит, – сказал он убежденно. – Останутся деньги – купи мне штук десять батареек «крона» для «спидолы» моей. А то лежит рухлядью. Сам забываю купить, когда в город езжу. Заморочат голову в управлении – забудешь как и зовут тебя.

И они разошлись. Данилкин домой пошел, побежал почти. А Чалый Серёга на МТС. Посмотреть, всё ли сделали как надо. И Газик заправить девяносто третьим, освободив бак от семьдесят второго, на котором в нормальную погоду ещё можно было кататься, а в такой морозглохнуть будет. Ещё не заведешь потом в середине степи, когда и без ветра сорок семь градусов – погибель чистая.

Часам к одиннадцати, к ночи ближе, он вернулся домой. Дочь спала, а Ирина, жена, гладила Валета. Ждала. Серёга разделся, подкинул в печку и пошел к градуснику. Он показывал уже минус сорок два.

– Проживём? – спросила Ирина и пошла к печи. Разогреть поздний ужин.

– Попробуем,— ответил Чалый Серёга и уже возле стола взял жену за руку, подтянул к себе и крепко обнял.

– Я же с вами?

– С нами, – засмеялась жена Ирина, добрая душа.

– А это что значит? – Чалый поцеловал её в пахнувший душистым городским мылом волос.

– Значит, проживём железно! – улыбнулась Ирина. – Ешь давай.

И Чалый начал ужинать. Набирать калорий побольше. Без которых на больших совхозных делах при зверском морозе не сдюжить и ему. А без него, это он точно знал, ребятам совхозным тяжелее будет.

И даже он не чувствовал тогда, что морозы эти страшные предстоит не просто перетерпеть. В них надо будет каждый день пытаться выжить.

Вечером мороз, Великий и Ужасный, идущий тяжкой

поступью с севера далёкого, наступил на целинную землю только одной своей ледяной ногой, а вторая перемещалась неспешно в воздухе и опустилась прямо на поля вокруг корчагинского совхоза только рано утром, часов в пять. Серёга Чалый проснулся как раз в это время от прохлады в комнате. Подкинул побольше угля и пошел к окну кухни. Температуру глянуть хотел. Но стекло снизу доверху расписал холод такими вензелями, что градусник никак не просматривался. Тогда он нагрел в кружке воду прямо на углях в топке, взял тряпку, которой стол протирали, надел варежку и подбежал к окну. Опустил тряпку в горячую воду и раз десять прикладывал её к стеклу, образовалась прозрачная прореха. Серёга включил фонарик и рассмотрел на градуснике цифру, на которой закрепилась красная полоска.

– Ёе – о! – поразился Чалый цифре.

Градусник утверждал, что за окном сорок четыре градуса ниже нейтрального нуля. И значило это только одно: жизнь замёрзла, заледенела, замерла и впала в холодящий суть жизни летаргический сон. Если в сорокоградусную жару народ ещё трепыхался и исполнял труд свой, худея и выпивая декалитры воды, перегреваясь и падая в обморок, из которого с помощью той же воды возвращался в жизни и к работе. То вот в мороз, близкий к минус пятидесяти, работать он мог только головой не в полную силу, а конечностями имел

возможность только бессмысленно и почти безрезультатно двигать, чтобы не окоченеть.

В первый день гигантского мороза население совхоза имени Корчагина толком и не могло прочувствовать глубины беды. Во-первых, никто не думал, что беда затянется. Ну, день поморочит головы с телами, ну, три. А там и забыть про аномалию будет не шибко долго. Но кроме Чалого и Данилкина, директора, голос из трубки, всегда знающий правду обкомовский голос, никому послушать не довелось. Потому и перепуга явного в первый день с утра Серёга Чалый не зарегистрировал.

Он долго и многослойно одевался, и в таком виде мог бы гулять даже по Минусинской впадине, где вообще холоднее всего на свете – часто за пятьдесят. Но жена Ирина всё равно добавила к его страшноватому облику ещё один толстый шарф и намазала лицо, уши да руки до локтя каким-то жиром, в меру вонючим, но при адских холодах спасительном. В половине девятого он вывалился на улицу в виде огромного, раздутого во все стороны кожано-шерстяного предмета в валенках на толстой подошве. По валенкам можно было догадаться, что вообще-то на мороз вышел человек сам по себе крупный. Вразвалку добрался он по твердому снегу до середины посёлка, имевшего всего две улицы, зато по два километра из края в край. Он остановился и стал разглядывать

правую часть села. Штакетники заборов были невысокие и все дворы человек с хорошим зрением видел отчетливо.

Валя Савостьянов рубил дрова. Игорёк Артемьев, который всегда и везде работал, всем помогал во всём, но нигде конкретно не числился, отчего и кликуху имел в совхозе «привидение», заклеивал окна свои полосками бумаги. И это у него получалось коряво. Пока от тазика доносил Игорёк полоску до стекла – бумага уже напоминала деревянную рейку. Артемьев громко матерился, проклиная бумагу, родственников бумаги и родственников всех, кто бумагу сделал.

И вот, что Чалый Серёга заметил перед тем как дать Игорьку совет. Всё при таком диком морозе было почти прозрачным. Наверное от того, что более тёплая вчерашняя температура, мгновенно остывая, обращала тепло своё в кружевной тончайший иней. Именно он и давал глазу почувствовать прозрачность всего вокруг и ломкую его хрупкость. Дома почти просвечивались, деревья немногочисленные, люди, грузовики и трактора, не поместившиеся на МТС, сараи, колодцы, столбы, а ещё похожие на вырезанные из жести флаги над некоторыми домами и конторой – всё это светилось мерцающим белым светом. А призрачное, разбуженное явно потусторонним миром свечение, выдавливалось изнутри предмета, отделялось от него и дрожало в ледяном голубоватом воздухе. И, мерцая странным жел-

то-розовым цветом под лучами не греющего солнца, осыпалось мельчайшими фрагментами разорванных холодом снежинок вниз, на твердеющий с каждой минутой снег. Птицы, обжившие крыши, вороны, сороки, снегири и воробьи летать и не пытались. Они скомкались в одинаково серые от инея куски и кусочки, сидели, вжавшись в коньки деревянные на верхних стыках шифера и сделавшись не похожими ни на птиц, ни вообще на живые существа. Поразительно голубое небо было похоже на бескрайнюю вширь и вглубь глыбу льда. Такой сказочный лёд в некоторых местах, близких к родникам, каждую зиму появляется на озере за посёлком. Льдина небесная выглядела как хрустальный колпак, тяжелый, висящий на ледяной веревке, которую кто-то всемогущий пока держит, не отпускает. Жалеет всё, что под небом. Только вот тянет от этой льдины таким мертвецким морозом, что дышать получается только крохотными глоточками. Иначе перехватывает горло тисками застывшими и жить мешает как привык.

– Ого-го! Игорёк! – крикнул Чалый Сергей. – Советы принимаешь?

– Не от всех, – Артемьев помахал мокрой тряпкой, которая после трёх взмахов стала похожа на верёвку фокусника. Факир дергал её за конец и подбрасывал всё остальное вверх. И верёвка превращалась в палку. Вот у Игорька фокус по-

лучился идеально, но Чалый на аплодисменты поспешил. Варежки опасно было стягивать.— Ты воду нагрей. Пока горячую ленточку донесешь — она не застынет.

— Кандидат наук Чалый Сергей Борисович! — восхитился Игорёк и убежал с тазиком в дом.

Серёга посмотрел на все окна, поворачиваясь на валенках на триста шестьдесят градусов. Правильное, конечно, но страшноватое было зрелище. Напоминало кадры из фильмов о войне, которые показывали заколоченные крест накрест окна и двери досками. На досках разное написано было краской или карандашом химическим. «Все ушли на фронт», «Жди меня, моя хата», «Победа будет за нами» и тому подобное.

— А вот будет ли сейчас победа за нами — хрен её знает, — подумал Чалый и прошелся в один конец поселка, потом в другой. Всех рассмотрел, с кем-то поговорил коротко о том, что по прогнозу ниже сорока будет дней десять, не меньше. Чтобы прибирали в дома всё, что может пропасть. И, главное, чтобы по совхозу всем передали.

Потом, не оставляя своим стокилограммовым весом вмятин на снегу, в который ещё вчера с утра по колено проваливался, пошел в контору к Данилкину. Совет держать и

новости получить. В кабинете уже сидели краснощёкие совхозные начальники рангом пониже директорского. Данилкин всё долбал телефонистку, мучительно пробивающуюся на городскую АТС.

– Оборвалась связь, – сказал он Чалому вместо «Привет, Серёга!». – До этого говорил с управлением нашим. Сказали, что за сорок будет морозить уже полмесяца, а не десять дней. Ты с Ипатовым когда в город едешь? Там Кирюха Мостовой машину вам подготовил. Бензин А-93 налил, масло новое, антифриз спиртом разбавил и прогрел.

– Да я видел её возле конторы, – Чалый поручкался с каждым. – Ипатов придет и поедет.

– Короче, Чалый, попали мы на испытание, – Данилкин поднялся над столом. – Пока дают прогноз на пятнадцать дней. От сорока трёх до сорока восьми. Будет так – не будет – точно никто не знает. Но подготовиться надо.

Чалый Серёга помолчал, подумал.

– Вы бы, Григорий Ильич, через обком пробили бы на совхоз ящиков двести тушенки с военных складов. Там её лет на сто вперёд накоплено. А у меня есть предчувствие одно нехорошее. Позвоните, упростите. Вы ж умеете.

– Ладно, езжай. Вон Ипатов к конторе шкандыбает как снеговик.

– Поехал, – Чалый помахал всем. – Вернусь договорим. Честно – очень нехорошее у меня предчувствие.

Через полчаса он уже гнал по трассе, посиневшей от мороза. Но не скользкой, а, наоборот, цепкой как бумага наждачная. Машин почти до самого Кустаная не попало ни одной. Только возле города стояли милицейские патрули. «ГаЗики» шестьдесят девятые. И две «скорых помощи» летели по мосту из города в пригород, в Затобольск.

Над Кустанаем серыми мохнатыми высокими валиками торчали дымы из домашних труб. Они вертикально вздымались к небу голубому и мёрзлому, упирались в него и размазывались серой пылью по дну небесному. Непривычное и пугающее было это зрелище.

– Да... – сказал Ипатов, думая о своей больнице. – Будет мне работёнки по самое не хочу!

– Пусть лучше у тебя будет, – Чалый посмотрел на врача невесело. – Хуже, если у наших кладбищенских спецов её прибавится.

Замолчали. Так и доехали до центральной аптеки. Всё купили. Чалый сбегал напротив в универмаг и батареек директору взял.

– Во, мля! – сказал он с улыбкой уже в кабине. – Спидола музыку хорошую ловит. Под неё и помереть приятно. Хотя будем стараться выжить.

– Будем стараться... – повторил эхом Ипатов.

И, к несчастью, оба они ни капли не преувеличивали.

На восьмой день сил у мороза не убавилось ни на градус. Во всех домах входные двери жители обили со всех сторон полосками кошмы. Она ложились на косяки и холоду щель перекрывала. Кошму Олежка Николаев выпросил у главного агронома из «Альбатроса» Алипова. Ехали они на целину вместе из Ярославля. Росли в одном дворе, дружили. Потом Алипов поступил в институт сельского хозяйства и стал агрономом. Только начал работать в совхозе пригородном, а тут – раздача комсомольских путевок на целину. Ну, он и дружбана своего, Олежку, подтянул. Николаев после школы шоферские курсы окончил и рулил по городу на хлебозовке

от пекарни до магазинов. Олежка сразу согласился. Но когда приехали в Кустанай, их разделили. Алипов попал к Дутову в «Альбатрос», а Олежка – в корчагинский.

Ездил он к другу часто, потому, что скучно было в семье и душно. Семью слепили они с Ольгой без ухаживаний и романтических заклинаний. Скорее на спор.

– Хочешь – поженимся? – сказал ей мимоходом Николаев на какой-то пьяной гулянке.

– А спорим, что она за тебя не пойдет? – подначил сидевший рядом Толян Кравчук. – А за меня – хоть сегодня. Спорим?

– Ну, ты наглый! – засмеялась употребившая полтора стакана самогона Оля Воропаева – И самовлюблённый. Думаешь, красивый, бойкий, значит всем бабам подарок драгоценный? Ты бабник. А Олежка порядочный. Вот за него и пойду. Эй, народ! Слышите? Я за Николаева замуж выхожу. Поздравляйте!

И сдержала слово. Через пару дней поехали в ЗАГС и расписались сразу, без месячной передержки.

Но не любили они с Олей друг друга. Лет через пять по-

сле женитьбы перебрал Олежка в деталях семейную житуху свою и понял наконец, что Ольга просто спряталась за его спину в свои восемнадцать лет, да и всё. Какой-то чёрт вытолкнул её, желторотую, из Мурманска. Всучил ей комсомольскую путёвку и выпнул целину осваивать. А мужик Олежка был умелый, честный и надёжный, да и повзрослее. Тридцатник ему стукнул за месяц до свадьбы. И вот он как-то от делать нечего за вечер прокрутил в памяти совместную жизнь и увидел в ней кучу событий, на которые тогда, пришибленный страстью к молодой красивой жене, просто не обращал внимания. А теперь дошло до него, что погуливала Ольга постоянно, причем частенько. И особо не маскировала измены свои Олежке с несколькими совхозными парнями. К счастью, они не входят в число действующих лиц этой повести. Поэтому не будем о них. В общем, стал Николаев Олег устойчиво остывать к жене. Сначала страсть, проскочившая ему в душу как молния, испарилась. А очень скоро и желание жить с ней в трубу вылетело. Жил по инерции. Из-за сына. Ему уже почти десять лет исполнилось. В него надо было натолкать как можно больше мужского, чтобы не пугался своей судьбы и знал, как управляться с единственным серьёзным испытанием – собственной жизнью.

И жили они каждый по-своему. Но спокойно, без надрыва, ссор и претензий. Поэтому о разводе и речи не было. Посторонние про них говорили, что хорошо живут ребята. В

ладу и согласии. В пример многим ставили.

В общем, взял Олежка кошму у друга. У них в совхозе её много было. Да там вообще всего имелось навалом. Директор такой был. Всё в совхоз тащил.

Объяснял одним словом – сгодится! Но вот кошма им для утепления дверей была без надобности. Все дома в «Альбатросе» строили четыре бригады из родной директорской Тулы. По проектам ставили, не просто так. А проекты Дутов выбрал лично особые, специальные. Предназначенные для размещения жилищ в очень жарких или очень холодных районах. Они были как термосы. Летом внутри прохладно, зимой – почти жарко. Из чего точно состояли эти дома даже жильцы не знали. Пока совхоз не построили впритык со старой деревней Завьяловкой, все целинники с марта по сентябрь жили за километр от стройки в палатках. Кто-то, правда, мельком упомянул, что Дутов строил из неизвестных в Казахстане финских материалов. А совхоз, действительно, выглядел не по-нашенски, не по-советски. Да и всё, что дутовская команда вообще делала на своей земле, вроде бы целиком вписывалось в наши законы, но выглядело слишком уж импортно, как бы с зарубежа забугорного срисованное. Потому не только из совхоза Корчагина туда людей тянуло переехать. Городские просились! Но Дутов брал не каждого. Только после личных проверок на месте. Вот из корчагин-

ских, например, за десять лет только двоим повезло.

Привезли Олежка с Алиповым кошму в корчагинскую МТС, созвал Артемьев Игорёк всех и нарезали себе люди для утепления полосок вдоволь. Всем хватило. Даже на две конторских двери хватило. Кошмой придавили на гвоздях и все щели оконные на каждом доме. Тепло стало в хатах. И абсолютное большинство населения на улице не появлялось. Мытарились на бешеном морозе самые сильные, крепкие духом и не боящиеся погибели. Им и надо-то было: всё сделать так, чтобы братья и сёстры по суровой жизни целинной прошли сквозь нападение ужаса, умертвляющего живое холодом лютым, без потерь и страданий. Было их как в книжке – всего семеро смелых. Серёга Чалый, Олежка Николаев, обалдуй местный Артемьев Игорёк, врач Ипатов, Толян Кравчук, Валентин Савостьянов да кузнец Алёша Иванов из Рязани, где зим яростных сроду не было. Вот они и спасали свой народ, как могли, совершенно не думая о том, что схватка с этой жутью холодной сверхъестественно-чистая героика и вынужденный приступ самоотверженности.

На десятый день холода в совхоз приехал белый от инея старый военный крытый «студебеккер» и привез три тонны говяжьей тушенки. Данилкин opravил машину в столовую и все «семеро смелых» по цепочке перенесли сотню ящиков в тёплую кухню.

– На крайний случай! – поднял палец вверх директор Данилкин. – Пока команду не дам, всё вот так и лежит. Банки не досчитаюсь, вора вычислю и под суд отдам. Три года за расхищение социалистической собственности обеспечено. Поняли?

А когда прошло пятнадцать дней и сорок восемь градусов стали уже «чёрной меткой» зимы, которая тянулось как будто год уже, приехал под вечер на тракторе из колхоза «Енбек» механизатор Марат Кожахметов, сын председателя Адильбека, и привёз с собой парторга колхозного Зинченко Андрея. Они остановились возле ворот МТС и пошли в камеру, где жил в холода возле раскаленной «буржуйки» начальник МТС.

– Лёха! – не здороваясь, сказал ему Зинченко. – Собери мужиков. Помощь нужна.

– А чего их собирать? В кузне все семеро греются. Они солому по всем чердакам расстилали. Все копны почти свезли с пяти клеток. Задубели. Самогон пьют и греются. Пошли в кузню.

О! – воскликнул Чалый. – Кормильцы наши! Чего принесло вас в дубарь такой? Заглохнете по дороге – помрётё через

два часа. Мясо что ли привезли? Тогда в столовую поехали. Там на складе холодном сложим. А у нас мяса осталось дня на два как раз.

– Мужики, вы молодцы! – обрадовался Толян Кравчук. – Всегда договор соблюдаете. Ни разу даже на день не опоздали. Поехали.

Марат уронил голову на грудь, засопел и плечи его в толстом полушубке стали дрожать и трястись.

– Марат, ты чего это? – Валя Савостьянов взял его за подбородок и поднял лицо. Марат плакал. В глазах его уместились и страх, и боль, и отчаяние.

– У нас вся скотина помёрзла. Померли все коровы. Все восемьдесят. Триста баранов. Четыреста свиней. Тысяча куриц. Мы нищие теперь и как жить дальше пока не знаем. Скотовод наш с фермы, Володя Рычков, повесился утром. Он ночевал с коровами на ферме.

С ума сошел сперва. Стал каждую по очереди фуфайкой своей укрывать, растирал каждую корову руками, потом свиней заставлял бегать, палкой их гонял. Но они уже не вставали. Бегать не могли. И стали умирать по одной. Коровы и свиньи. За ночь все умерли. Он утром пошел в кошару к ба-

ранам. А они холодные уже. Все на полу вытянулись. Мёртвые. Он походил между коровником, свинарником и кошарой. Плакал. Нас звал. Но мы услышали поздно. Думали, что он прибежит, позовёт нас. А он от животных не мог отойти. А утром прямо в кошаре на ремне своём повесился. Его мы похороним. Наши уже покрывки жгут на кладбище. Копать будут могилку. А животных мы сам не похороним.

– За деревню их надо оттащить тракторами. Место разгresti, – сказал Марат сквозь слёзы, которые он не в силах был вернуть назад в глаза. – Облить бензином надо и сжечь. Весной выкопаем глубокую яму, тогда закопаем. А сейчас надо сжечь и снегом бульдозерами завалить. Помогите управиться. У нас в деревне все мужики скотники простыли, слегли с температурой. Лечить нечем. Ходячих четверо осталось. Да мы с Зинченко.

– Ё-е-о!!! – схватился за голову Олежка Николаев. – Это же голод! Подохнем. Что жрать-то? У них в колхозе семьсот человек, у нас две тысячи. Кранты, мля!

– Поехали, – поднялся Чалый Серёга. – Успокойтесь все. Сделаем дело, потом думать будем, как выжить. Никому не сказали ещё в колхозе?

– Нет пока, – Марат утёр малахаем глаза.

– И молчите. Делаем все спокойно, без нервов и суеты. Ферма от колхоза – полтора километра. Скотники болеют. Значит, никуда не пойдут. Женщины – тем более, – Чалый пошел к трактору своему и остальным махнул. – Пошли. А ты, Лёха, забудь, что слышал. Будут спрашивать нас – не знаешь, где мы. За соломой куда-то уехали. Про то, что случилось у друзей наших – ни слова. Данилкину в особенности. Вообще никому. Усёк?

– Понял, Серёга, – мрачно ответил Лёха. – Хана нам всем теперь.

– Ты не скули раньше течки, сука, – миролюбиво посоветовал Чалый и через десять минут караван гусеничный исчез с глаз в ледяной дрожащей дымке поднятых траками стальных льдинок-снежинок.

Так началась первая, но не последняя война не на жизнь, а на смерть с родной и любимой матушкой-природой, наказывающей бесчисленных детей своих за греховные дела их, рождённые алчностью и недомыслием

Глава седьмая

Названия населенных пунктов кроме города Кустаная и все фамилии героев повести изменены автором.

Директор совхоза имени Корчагина Данилкин Григорий Ильич в жуткие дни морозные с раннего утра и почти до ночи из конторы не уходил. Только пообедать. Идти до дома недалеко – метров сто. Всё остальное время торчал он в кабинете и регулярно звонил в Кустанай. В управление сельского хозяйства и областной комитет КПСС.

У них интересовался только прогнозами, а они от него постоянно требовали докладов о том, что у него с людьми, с техникой, есть ли больные, обмороженные и целы ли трактора, комбайны и машины. Не замёрзло ли зерно, оставленное для хлеба рабочим. Бодро отвечал Данилкин начальству, уверенно, и ничем его не насторожил. Всё было вовремя сделано. Утеплено, промаслено, спрятано в тепло. Кони в кузнице, где кузнец раздувал огонь так, что тепла на день хватало, а на ночь он угля добавлял. Соломы Чалый с ребятами привезли на целый табун. Поэтому кони и лошадки так и не узнали – был этот жуткий мороз или их просто так в кузню загнали. Отдохнуть от трудов и покушать без ограни-

чений. В домах тоже было тепло. Чалый, Кравчук Толян и Артемьев Игорёк, раздолбай совхозный, на все чердаки в домах санями, прицепленными к тракторам, завезли и закидали соломы почти под самые крыши. Так что и сверху не пробивался холод дикий. Все детали тракторов и другой техники смазали от души, не жалея солидола, солярку успели выкачать из цистерны, разлили по бочкам и бочки эти закатали в слесарный цех, в котором люди продолжали работать. У них три своих «буржуйки» было. А на плоскую крышу они накидали снизу деревянными лопатами здоровенный сугроб снега, с метр высотой. Тепло он удерживал не хуже соломы, а то и получше. Больницу тоже утеплили соломой по чердаку, а на окна снаружи набили лишние больничные матрасы. В больнице постоянно горел свет, потому как в помещение генераторной подстанции тоже закатали десять бочек солярки и замёрзнуть она там не могла, даже если бы сама захотела.

Вообще, за два дня всего Чалый Серёга так чётко спланировал все дела и настроил мужиков на спасательные от минус сорока восьми градусов работы, что на сердце у директора камень не лежал и плохих предчувствий до поры не было.

Но вот утром Чалый пришел к нему часов в девять, молча взял со стола бумагу и с полчаса писал какие-то расчёты. Потом сел напротив директора Данилкина да огорчил его до зубовного скрежета. Кончались запасы угля и дров. На обык-

новенные тридцать градусов с хвостом было затарено угля и дров. В минус сорок три-сорок восемь запасы эти вылетали из труб раза в три быстрее. Прошло полмесяца аномально-го мороза, а на следующие даже десять дней топлива уже не хватало. И никто не знал: десять ли дней будет мучить людей холод страшный или ещё месяц.

– Звони в обком, Ильич, – Чалый Серёга отложил бумагу и подвинул её ближе к директору. – Нам надо на совхоз минимум сто тонн. Или сдохнем, если не уляжется колотун. И ещё. Вчера обошли все дома с Николаевым Олегом. Многие занесли в тепло мешков по пять-семь картошки. А кто-то по три, не больше. Капусту, морковку, редьку, что купили мы в Затоболовке, приморозило сразу. Что успели – занесли по домам. Но помёрзло много у всех. Отпустит мороз – выведем за село. Весной закопаем. Но овощей, считай, почти нет ни у кого. Там дней на пять всего и хватит.

Данилкин, директор, поглядел в окно, губами пожевал или отmaterился не вслух, да к телефону руку потянул.

– Звонить погоди, Григорий, – Чалый Серёга расстегнул тулуп. Жарко было в кабинете. – Дослушай. В погребах у людей не осталось пригодного для еды ничего. Земля промерзла метра на три. Все соленья, зерно, которое ты передовикам подарил, всё накрылось. Лёд вместо еды. Оттаивать бес-

полезно. Размазня будет несъедобная. Ну хрен бы с ними, с овощами. Мяса у людей дома дня на три, а на складе столовском – ещё на три. Если людям потом раздать по семьям. У кого два едока, а у кого четверо-пятеро. Если морозить вот так будет ещё хоть пару недель – голод у нас возникнет. А на холоде да ещё и в голоде – вымрет совхоз быстро. Ну, больше половины – точно. Думай, Ильич. Я тоже посоображаю. Варианты есть. В долг дадут. Рассчитаемся весной. Звони насчёт угля, дров мяса, картошки и морковки хотя бы.

– А ты зерно в тепло спрятал, которое на зиму оставили? – Данилкин между прочим спросил, вскользь. И так ясно было, что спрятал.

– Ну, – застёгивая тулуп и напяливая шапку, кивнул Серёга. – Зерно всё в мешках. Триста штук. Пятнадцать тонн. В пустой дом, откуда Малышенко сбежал в свой Харьков. Там три комнаты и кухня. Всё вошло. Валечка Савостьянов печку топит. Утром и на ночь. Тепло. Жить даже можно. Некому только. Ладно, пошел я. Надо ещё на три чердака соломы накидать. Мужики ждут.

Попрощались. Данилкин загрузил районную телефонистку, радостную от того, что мороз не порвал провода и связь работала. А Серёга Чалый до вечера возил и утаптывал на чердаках солому с Кравчуком и Игорьком Артемьевым, по-

сле чего поехали они в кузню погреться и приголубить литр самогона. Вот именно тогда и приехали со своей бедой мужики из колхоза «Енбек». Марат Кожакметов, сын председателя и парторг Андрияша Зинченко.

За три последних ночи в их холодных фермах и кошарах замерзли насмерть все коровы, свиньи, овцы и куры. Описывать состояние этих ребят я не стал подробно и в прошлой главе, и сейчас не буду. Неловко показывать крепких мужчин в том виде, в какой опустило их самое большое для скотоводов горе.

–А почему председатель за нами вас послал?– Мельком, на ходу спросил Олежка Николаев.– У вас вроде и своего народа навалом. И тракторов.

– Они замёрзли под вечер.– Марат опустил глаза.– Отец мой – председатель. Знаете же. Он сказал, что всех своих соберет утром на собрание и доложит. У нас же восемьдесят процентов людей – скотоводы. Поднять их всех вечером и повести к трупам- опасно очень. Может быть всё, что угодно. Бунт, мятеж. До резни может дойти. А так он утром рано сам объедет всех и каждому отдельно сообщит. На собрание к десяти все придут решать- как быть дальше. Но чтобы они увидели своих мёртвых животных, да ещё и сжечь их самим...Это, отец сказал, по психике так саданёт! И от-

ца убить могут и друг друга порезать. Отец знает – как правильно сделать. Он – аксакал. Мудрец. Просто у нас бедный колхоз и утеплить фермы и кошары нам все равно не на что. Да и не ждали такого мороза.

Все семеро корчагинцев, отчаянных и бесстрашных, работавших за всех сразу и успевающих делать всё быстро и правильно в нечеловеческих условиях ледящего души холода, поехали на тракторах в «Енбек». Недели на подвески бульдозерные ножи, чтобы расчистить площадку для мёртвых животных, свезти их туда и засыпать снегом до весны. Весной ребята из «Енбека» сами выкопают им братскую могилу и завалят землёй.

Трактор «енбековский», шедший первым, внезапно заглох и остановился. Прихватил-таки мороз солярку. Мало спирта налили, похоже. Весь караван подтянулся к нему и окружил, обливая машину светом фар.

– Греть бестолку, – осмотрел движок Чалый. – Хватануло по всей нижней трубке. Не отгаает сейчас. Холодно очень. Давайте его на трос. В колхозе есть ещё трактора?

– Найдём, – ответил Зинченко Андрей и пошел за тросом.

– По тёмну спокойнее будет работать. Никто не придет

смотреть. Хотя про парня, который повесился, про скотника вашего, уже все знают, да? – Олежка Николаев прицепил петлю троса к своему трактору.

– Знают немногие. Председатель. Жена скотника и брат его. Его уже похоронили, наверное, – Марат Кожаметов, хлопая рукавицами по всему телу, забрался в холодный трактор.

– Как поедешь, Марат? – Игорёк Артемьев подошел к кабине. – Околеешь за пятнадцать километров.

– А как ещё? – Кожаметов Марат улыбнулся и от усов его хрустящих отскочили и выпали на снег белые ледышки.

– Это, я к тебе с другой стороны сяду и мы по дороге будем толкаться всё время и валенками по металлу стучать. Тогда, глядишь, просто замерзнем, но не околеем до смерти, – Игорёк, напоминающий в трёхслойной одежке натурального коlobка из сказки, переваливаясь с валенка на валенок забрался в кабину и крикнул Чалому: – Всё. Поплыли дальше.

Караван снова сдвинулся. В пустой степи, заваленной твердым от мороза снегом, замученной давлением ледяного воздуха, который тоже казался твердым как сам лёд, было не страшно, а жутко. Иногда Толяну Кравчуку казалось, что за-

стывшая глыба чёрного неба, поливавшего Землю бледным и синеватым светом звёзд, раздавит ледяную толщу воздуха, расколется её и всё, что есть на ней на кусочки, потом сотрёт в обжигающий холодом белый хрустящий порошок. И ничего не останется на земле степной кроме бесконечного снега. Кравчук остановил трактор, дождался, когда с ним поравняется Серёга Чалый и, открыв дверь, громко высказал ему своё предположение.

– Всё в природе может быть, – согласился Серёга и очень внимательно с головы до ног оглядел Кравчука. – Вот тут у меня сколько рычагов в кабине и сколько педалей?

– Два того и две другого, – удивлённо ответил Толян. – А хрена ли интересуешься? Сам забыл, сколько чего?

Чалый достал фляжку поллитровую и протянул Кравчуку.

– Будешь ехать – хлебай помалеху. Сам гнал. Ни грамма сивухи. Семьдесят пять градусов первач.

– На кой пёс мне твой хлебать-то? – Кравчук Толян аж подпрыгнул в тракторе. – У меня свой есть.

– Твой потом выпьем. После работы, – Чалый резко тронулся и свет фар его огромного трактора «Сталинец» выхва-

тил из тьмы трескучей колышущийся в мираже черного, дрожащего от стылости воздуха, последний в караване трактор.

Толян Кравчук хлебнул большой глоток горящего во рту самогона, проглотил, закричал громко – сам не понял что, после чего все несуразные мысли вылетели из его головы и через шапку да крышу трактора унеслись, может, в космос далёкий, где ещё холоднее, чем сейчас на земле. А, может, замерзли сразу и потерялись в степи.

До колхоза «Енбек» оставался всего где-то час хода. И до страшной трагической работы – не больше.

В девять часов того же вечера совхоз «Альбатрос», покалеченный со всех сторон теми же сорока восемью градусами и таким же воздухом, которым нельзя было дышать, потому что он десятками иголок вонзался в ноздри или гортань, замер и обезлюдел. Все жили в тепле и уюте. Даже в старый посёлок, к которому приклеился целинный «Альбатрос», директор Дутов скомандовал протянуть трубы отопления еще семь лет назад, поэтому в домах у населения печки были чисто декоративными. Только большие любители печь хлеб, булочки и готовить мясо в чугунках старинным способом – в глубине ниши печной с задвижкой, вот они брали с цен-

трального склада возле большой котельни пару-тройку мешков угля и немного дров для растопки. А котельня была замечательная и кочегары отменные. Они разогревали в котле воду до кипения в этот жуткий холод, но открывался автоматический клапан, сбрасывающий избыток давления и насосы мощные гнали воду по огромному кругу труб, закутанных стекловатой и закопанных в траншеи на полтора метра. Даже при таком невероятном морозе вода в последних домах замкнутого круга не остывала ниже шестидесяти градусов, потому никто об уличном убийственном холоде и не думал. Пока, конечно, не приспичивало бежать в нужник. Туалеты в домах даже Дутов, который смог всё предусмотреть для беспечного житья-бытья народа, не предусмотрел почему-то. А справить нужду в сорок восемь градусов в холодном скворечнике было настолько не просто, что описывать процесс этот я не буду. Сами догадаетесь.

Народ «альбатросовский» в эти холода не работал вообще, потому как сразу же после уборочной технику смазали, почистили, вся солярка сразу же была разлита по бочкам и тоже содержалась в тёплом месте. Овощные, и зерносклады отапливались как магазины, две больницы, клуб и спортзал. Картошку из тёплого склада и мёрзлое мясо из единственного холодного, по заявкам трудящихся каждый день развозил по два раза в неделю Коля Петухов на тракторе с санным прицепом. Работали только скотники в утепленных и снаб-

женных водяным отоплением фермах, птичниках и кошарах, да ещё девять девушек молоденьких в четырёх овощных теплицах, сделанных из стекла, вставленного ячейками в толстый деревянный каркас. Там было светло и в меру жарко. Девки имели в теплицах всё, что надо, и не очень. Например, радиолы им поставили. Пластинок всяких дали много. Почти половина из них была с классической музыкой, под которую, как считал главный агроном Алипов Игорь Сергеевич, всё росло веселее и вкусом выделялось от обычных, огородных. Ну, кроме радиол девушки имели всякие кремы, чтобы руки от возни с землёй не черствели, да лицо не разрыхлялось от влажности. Раскладушка была у каждой, чтобы разогнуться и выпрямиться на полчаса, ну и маленькие детские гантели для обязательной производственной гимнастики. Гимнастику он делали для сохранности форм женственных, которая нужна была при массовых попойках в бане, куда добрая судьба сводила всякие комиссии сверху или многочисленных друзей, которым отдых с красивыми девчонками был ещё более полезен, чем парная и берёзовый дух венников.

В общем, сильно отличалась жизнь в «Альбатросе» от существования в соседних совхозах. Это потому, что Дутов, директор, был из компании больших тамбовских и очень больших московских руководящих товарищей. Они Федора Ивановича Дутова из двенадцати кандидатур выбрали, на-

правили его, главного агронома тамбовского совхоза «Маяк» директором совхоза целинного. Который было задумано ещё в пятьдесят седьмом сделать на всю жизнь образцово-показательным и возить туда союзную и казахстанскую номенклатуру для получения приятного удивления, гордости и желания приводить «Альбатрос» в пример, а также на него равняться, как на флагмана целинной эпопеи. Сам Дутов был не только агрономом от бога, но и мужиком его природа с жизнью сделали к сорока годам мудрым, добрым, властным и одарили редчайшим звериным чутьём. Он предвидел хорошее и плохое одинаково точно, потому и сам никогда не ошибался, и другим не давал.

Дутову советская власть, пославшая директорствовать, давала всё ещё раньше, чем он у неё сам попросит. В том краю целины, где обосновался «Альбатрос» и земля была такая же, как везде. Солонец, да суглинок вперемежку с нормальной. Но только ему одному дали всю лучшую технику и «добро» на безотвальную пахоту плоскорезами, что не разрушало плодородный слой. Это он привёз с собой четырёх, выбранных не им, а московскими спецами, агрономов высшего класса. Это только его свели с кустанайским гигантом сельскохозяйственной науки Свечинским, учёным-новатором, познавшим, казалось, все до одной тайны земли, растений и вообще природы. Он пожил месяц в совхозе, осмотрел каждую посевную клетку и расписал как по нотам всё, что

и как надо делать на этой земле. И только один Дутов мог без звонка к нему на опытную станцию возле города приехать, чтобы совета попросить. Остальных не принимал Свечинский. Своих дел особой государственной важности имел он не вагон даже, а эшелон с прицепом. Дутова научил мэтр как правильно пользоваться удобрениями, гербицидами и, что главное, какими именно. Ему первому в северной целинной зоне доверили сеять элитный сорт твёрдой пшеницы

«гордеифорте-10», которую с руками отрывали даже такие монстры земледелия, как Канада.

Вот по всем этим и другим, которых перечислять нет резона, причинам жил совхоз размеренно, без авралов, кутерьмы и путаницы. Спокойно жил, интересно и уверенно. Вот этот ненормальный холод погубил в «Альбатросе» только диких уличных птиц, какие не смогли вовремя спрятаться в тёплых чердаках или фермах. Они замерзали на многочисленных совхозных деревьях и крышах. Спаслись только успешные спрятаться и сесть рядом с печными трубами на тех домах, где всё-таки варили и пекли еду в печках.

Замерзших на деревьях или даже на лету ворон, воробьёв, голубей и сорок собирал со снега тот же Коля Петухов на тракторе с небольшим прицепом в виде ящика. Он отвозил трупы окоченевшие далеко за село и там бульдозером забра-

сывал их снегом. До весны. По всей остальной территории целины, возле лесопосадок и редких зарослей кустарника да на холмиках степных лежало столько птиц, которых некому было убрать, что даже крепкие мужики, ездившие в другие сёла по делам, отворачивались, морщились, подавляя нечуждые слёзы.

Двадцать первого января, в субботу, на четвёртый день мороза страшного, припекло директору Дутову Федору Ивановичу в баньку сходить. Отдыхал он в ней всегда в одиночку, без соратников по руководству совхозом. Ну, в одиночку – тоже не точно сказано. Поскольку парился и отдыхал он в баньке, где приятно было душой расслабиться музыкой из радиолы и радостями плотскими с любимой девочкой Лапиковой Леночкой. Приехала она в пятьдесят седьмом дурочкой двадцатилетней, призванной исключительно комсомольским энтузиазмом и год шуровала тяжелой деревянной лопатой бурты на току. А через год на неё случайно напоролся проверяющий качество перебуртовки директор. Он долго стоял возле неё молча. Осмотрел оценивающим взглядом всю её внешнюю сущность по диагонали, потом точечно и в глазах его мелькнула то ли радость, то ли жадность. Он долго стоял, смотрел и думал. Потом спросил, как зовут её и уехал. А дня через три послал кого-то на ток передать, что директор вызывает её в кабинет. Леночка прибежала бегом. Подумала, что Дутову не понравилось как она лопатой машет и

он хочет перевести её на другую работу, где будет получать-
ся лучше.

– Ты мне понравилась, – сказал ей Фёдор Иванович, не
сообразив поздороваться. – Жену мою знаешь?

– Знаю. Хорошая, добрая женщина, – сказала искренне
Леночка.

– Верно говоришь, – Дутов внимательно и долго глядел
ей в глаза. После чего взгляд переместил на портрет Кар-
ла Маркса и сказал прямо, как на партсобрании. – Дружить
со мной будешь? По-взрослому. Полюбовников и разврата у
нас по большому счёту нет в стране, но если мужчина и жен-
щина нравятся друг другу, они в виде исключения вспоми-
нают, что это, занимаются этим и кроме того дружат. Вот я
тебе нравлюсь?

– Да, – твёрдо сказала девочка Леночка. И не врала. Дутов
ей очень нравился. Это был просто идеал мужчины. Мечта,
а не мужик.

И с того дня у неё пошла другая жизнь, которую Фёдор
Иванович развернул на сто восемьдесят градусов. Для неё
он построил четыре теплицы, она со всего совхоза собрала
на тепличную работу самых симпатичных девчонок и они

под руководством Алипова Игоря за год сделали в них маленький рай. Всё, от редиски до помидоров, огурцов и всяких цветов было у совхозных трудяг и летом, и зимой. Дутов привез из тамбовской области эшелон прекрасной земли, которой хватило не только на теплицы, но и на огороды в каждом дворе, да ещё на посадку разных деревьев в совхозе, хоть и стоял он практически наполовину в хорошем природном лесочке. В оазисе степном.

А Леночка на всё время стала единственной любовницей директора Дутова, о чем знали все, включая жену Нину Игнатьевну. Леночка соперницей ей не была. Муж из дома не ушел бы, даже если бы приказали из ЦК КПСС. Заботился он о семье, где было ещё два сына почти взрослых, изо всех сил и с желанием чистым. И она эту слабость Феде простила сразу как узнала. Значит мужику нужно и тело молодое и душа. Она нутром чувствовала, что необходима была ему юношеская страсть, которая и семью не оскорбит и в работе тяжелой силы обновит. А потому просто предупредила его всего парой слов.

– Разлюбишь семью – уедем с пацанами.

– Нет, – взяв её за руки, жестко произнес Федор Дутов. – Не разлюблю. И девочка эта у меня любовница, а не любимая. Любимая – ты. И дети. Не бойся ни за меня, ни за себя и

ребят, ни за Ленку. Не опозорю никого. И сам не осрамлюсь.

Так и продолжили жить. Леночке он построил аккуратный деревянный домик неподалёку от своего терема двухэтажно-го. Поработала она ещё три года в теплице, а потом пошла в клуб художественным руководителем, где заведующей была Нина Игнатьевна, жена Федина. И жили они в ладу все, и странно было это всё, необычно и противоестественно. Но уж как стало, так и было.

В общем, доложил директор Дутов жене, что решил вечером попарится и пошел ещё засветло в баньку деревянную, такую чистую и пахучую сладким ароматом скоблёного дерева, вениками разнообразными и пивом, которое Фёдор Иванович и пил, и на каменку лил. Дима Огнев, управляющий делами банными, несмотря на зверский мороз расчищал лопатой двор от лишнего снега и попутно носил колотые дрова в кочегарку на обратную сторону домика. За баней он ухаживал как за собственной машиной, если бы она у него была. То есть, любовно. Возвеличил его в чин банного распорядителя Дутов из комбайнеров. Дима приехал в пятьдесят седьмом из Воронежа по путевке, но среди комбайнеров смотрелся инородно. Он был природным организатором. Талантливо проводил любые мероприятия, от свадеб до крупных совхозных праздников. Умел общаться с народом из высоких сфер без подхалимажа, но так тонко, что за-

езжие комиссии, которые директор поручал ему сопровождать и обслуживать, расставаясь, крепко жали ему руку, хлопали одобрительно по плечу и благодарили за всё, что он для них делал. Потому и определил его Дутов хозяином бани, места, где всё должно быть похожим на недолгое, но все же – счастье.

– Димыч! – сказал тихо директор Дутов, не заходя за ограду. – Мы с Ленкой часов в девять отдохнуть придем. Топи хорошо. До ночи тут будем. Пиво в холодильнике?

– Двадцать бутылок, – Огнев Дима воткнул в сугроб лопату и поднял одно ухо на шапке. – Там же балычок, сервелат, яблоки, конфеты, шоколад, коньяк.

Шашлык жарить?

– Не... Ленка не любит же. А я просто не хочу. Ты лучше ей лимонаду бутылки три принеси из чуланчика, да охлади маленько. В девять будем уже, – директор постучал ногой по ограде. Дерево издало странный звук, похожий на щелчок курка ружейного, незаряженного. – Дутов стукнул еще раз, хмыкнул и пошел в домик к Леночке Лапиковой. Она ещё не знала, что сегодня банька. С шоколадками и физическими любовными нагрузками.

В те же девять часов вечера, когда хозяин всего, что есть в «Альбатросе», Дутов Федор Иванович, откупорил первую бутылку городского «Жигулёвского», а Леночка Лапикова пошла в парную разогреть и без того горячую кровь, караван тракторов обогнул совхоз «Енбек» с подветренной стороны, чтобы звук моторов не разбудил население, и пошел прямо на скотофермы. Фары уже выхватывали их белые длинные тела из синей от холода тьмы, хотя проехать надо было ещё полтора километра. Доехали всё же. Встали полукругом. Уперлись фарами в раскрытые широкие ворота фермы. По всему засыпанному соломой цементному полу лежали, поджав ноги, коричневые мёртвые коровы, покрытые сверху тонким слоем инея, который всегда появляется в мороз на медленно остывшем теле. Серёга Чалый закурил и пошел внутрь. За ним потихоньку двинулись все остальные. Кроме Марата Кожаметова. Он сел на корточки и, глядя в снег возле валенок, водил большим пальцем в рукавице вокруг ног, оставляя на твёрдом как кирпич насте почти незаметную царапину.

– Ой, ;асірет! Біз ;азір ;алай т;рамыз?! – взвыл он внезапно как волк в степи. Тонко, протяжно и с жутковатым надрывом. Он долго кричал, одни и те же слова, упав на локти и уткнувшись шапкой в твердь снежную. Потом крик его

превратился в стон, затем в свистящий хрип. Он поднимал голову, бросал мутный взгляд в ворота, смотрел страшными глазами на коров, которые лежали плотно – одна к одной, а некоторые успели навалиться сверху на умирающих, но ещё чуть тёплых соседок своих и охладевали с ними вместе.

Видно было, что не метались они по стойлам и по свободной площадке за своими стойлами. Они, судя по не разброшенной ногами соломе, тихо ходили по ферме, мычали, наверное, прислонялись друг к другу, собирая последнее тепло тел в одном месте, а потом становились на колени. И, уже умерев, падали на бок. К ним подходили ещё живые, чувствуя уходящее, но всё-таки тепло, ложились на них и вскоре замерзали.

– Что Марат кричал? – спросил Валечка Савостьянов у молодого парня-казаха. Видно, работал тоже здесь. Откуда он вынырнул, из какого не освещенного оледеневшего угла фермы, никто не заметил. Парня трясло, бежавшие изо рта слюни застыли белыми твердыми извилинами. Такие же ледяные тонкие полоски спускались от глаз к подбородку. Лицо его было почти синим, а руки он держал, раскинув в стороны. Будто обнять кого-то хотел.

– Ой, горе! Как же мы теперь жить будем? – парень перевел Марата с большими перерывами. Рот не слушался его,

открывался плохо и звуки получались рваные, срывающиеся, застывшие. Как всё вокруг.

Толян Кравчук его обнял, приподнял и понял что парень вряд ли будет стоять сам, если его опустить.

– Чалый! – сказал Толян и глазами показал на замёрзшего скотника.– По-моему...

– Быстро его в мой трактор! – рявкнул Серёга. – Вдвоем с Игорьком отнесите на сиденье. Мотор зажмите на большие обороты. Отойдет. Там жарко будет.

Так, Марат! Горе есть и обратно его в счастье уже не перекуешь. Кончай убиваться. Дело надо делать.

Он стал ходить между трупами, примерялся к воротам, прикидывал всевозможные траектории для тракторов, которые должны были задним ходом по очереди въезжать в двое ворот, прицеплять к тросам трупы, причем минимум по пять. Потом надо было волочь их ещё два километра, там сваливать в кучу, поджигать, ждать, когда тела сгорят и после этого засыпать их снегом. Много было работы.

– А баранов сколько? В кошарах ворота такие же? – крикнул Игорёк Артемьев Марату. – А свиней тракторами забе-

рём? А кур как возить?

– Овец с баранами и кур возить будем в моих санях. По-другому хрен получится, – Валя Савостьянов обошел за Чалым коровник и его длинная фигура появилась в проёме облитых светом ворот. Фигура, колеблясь всем контуром в пробитом фарами ледяном холоде, быстро удалялась к трактору.

– Так у меня, мля, тоже сани есть! – крикнул контуру Валечки Лёха, заведующий МТС. – Тоже пойду на кошары и курятники. А вы, кто без саней, таскайте коров.

– Бензин у кого? – Спросил Чалый, не отводя глаз от бывших ещё вчера живыми коров. Он поймал себя на мысли, что больно душе его не потому, что больше мяса в «Корчагинский» поставлять будет пока некому и ещё неизвестно, когда замена найдется. Сегодня, наверняка, не только в «Енбеке» скот помёрз. А заныло внутри от самого зрелища страшного. И от того, что народ «енбековский» обречён теперь уже стопроцентно на голод и нищету. – У кого бензин, мать вашу!?

– Я взял пять канистр, – отступив на шаг от разъяренного Серёги, крикнул Кравчук Толян.

– У меня три, – Лёха попытался загибать пальцы в рука-

вицах. Посчитать хотел. Не получилось. Негнулись рукавицы. – А, нет! Четыре даже! Четыре канистры.

– Ну, погнали тогда, – Чалый Серёга посмотрел на Марата. – Подгоните ещё один трактор для тебя, Марат.

Зинченко Андрей повез Марата на МТМ за трактором. А Чалый с ребятами начали делать жутковатую работу. Сначала трактор заезжал задом к ближним коровам, Серёга Чалый с Кравчуком делали по пять петель на двух тросах, накидывали петли на один рог и одну ногу. Затягивали. На двадцатиметровый трос увязывалось таким способом три коровы. В общем один трактор мог утащить шесть коров. А их было, как пересчитал Серёга, сто двенадцать.

То есть, работы много. До утра – точно.

– Ладно. Начали, – сказал он торопливо. – Ты вези прямо от ворот два километра. Я пошел в свой трактор. Парнишка, который у меня лежит в кабине, покажет где снег разгрести, куда трупы сваливать и жечь. А там и Марат с Зинченко подключатся. Погнали.

В общем, всё досконально больно мне описывать. Да и вам

читать не захочется.

К шести часам утра всё свезли в одно расчищенное место. На мертвых коров с трудом набросили восемьдесят мёртвых свиней и, что уже полегче было, овец и кур. Зрелище того процесса было настолько тяжким, что делали мужики всё не глядя ни на трупы, ни друг на друга. А когда издали посмотрели, перекуривая, на гору мёртвых животных и птиц, то Игорька Артемьева вырвало, да и Кравчука тоже. Марат Кожахметов зашелся в последней истерике, падал на снег, катался, кричал что-то на казахском и, лёжа на спине, больно и долго бил себя кулаками в грудь.

– Всё. Кравчук, Игорёк, канистры тащите. Мои вот. Рядом, – Чалый пошел по кругу, поливая гору трупов снизу вверх. Через полчаса бензин кончился, потому что облили всё доверху.

Перед тем как поджечь все ещё раз присели в кружок. Закурили.

– А вот почему их нельзя было на мясо пустить? Они же не от инфекции какой подошли. Они же здоровые были. До весны всем бы хватило мяса, – Игорёк Артемьев произнес это сам себе, не трогая никого.

Э-э, р;сат етілмейді, – мрачно сказал Марат. – Нельзя, джан. Когда они вот так долго помирают, а им же не понятно отчего, то они боятся. Ужас у них. Я точно не знаю, но старики говорили, что у них от страха какой-то яд выделяется. Когда режешь – они не успевают так долго бояться, хотя чувствуют конец. А когда подымают и мучаются, яд будет в крови, нельзя кушать.

Серёга Чалый поднялся, подошел к горе трупов, зажег и кинул спичку на край. Потом обошел с четырех сторон и всё повторил. Через пять минут огонь сумасшедший поднял высоко над собой тяжелый ледяной воздух и разбросал его в стороны. Стало жарко. Запахло палёной кожей, шерстью горячей и вспыхивающими как новогодние бенгальские огни перьями.

– Они будут долго гореть, – сказал Андрей Зинченко. – Вы езжайте. Мы потом сами снегом завалим.

Марат Кожаметов и Андрей подошли к каждому, всех обняли, прижались на секунду к мужикам и пожали руки.

– Вам спасибо друзья, – сказал Марат и отвернулся. Плечи его затряслись и на фоне пламени трепещущего, с жадностью пожирающего трупы, казалось, что Марата какая-то сила наклоняет и тоже тянет в пекло. Андрей Зинченко под-

скочил и оттащил его от этого адского, всеми богами проклятого костра и места, где сгорали с трупами животных и надежды людей на нормальную жизнь.

Чалый с Олежкой Николаевым в обнимку медленно и тяжело пошли к своим тракторам. Устали. Остальные потянулись сзади, оглядываясь иногда на огромный огненный шар. Серёга открыл дверцу и потянул за плечи парня, который отогрелся в кабине и выжил.

– Ну, пацан! Скажи что –нибудь. – Чалый потряс его легонько и пригляделся к его глазам. Чистые, без мути были глаза.– Постучи сильно ногой об гусеницу. Больно ногам? Руками постучи. В пальцах побаливает?

– Больно.– Ответил юный скотник.– Спасибо вам! А то я чуть не помер, наверное. Ладно, побегу я. Недалеко мне.

– Повезло. Не обморозился до костей. Быстро беги и ртом не дыши.– Чалый похлопал его по спине и слегка подтолкнул.– Домой прибежишь – ничего не рассказывай. Завтра утром председатель сам приедет и всё объяснит.

– Жаксы. – Сказал парень и побежал, раздвигая своим тонким телом тёмную, ледящую кровь мглу.

Домой «корчагинские» ехали долго. Как-то не получалось быстрее. Да и не хотелось. Через десять километров Чалый, а вслед за ним и остальные, остановились, Вылезли из кабин, встали на гусеницы, не сговариваясь, и посмотрели назад. Думали, не видно будет погребального костра. А он вознесся ещё выше к небу. Так высоко, что ещё немного – и он языком своим сытым, оранжевым с голубизной, лизнет благодарно пятку какого-нибудь из многочисленных богов. В знак благодарности за такой щедрый, истинно божеский подарок. За ледяной, убивающий всё холод и за такой невероятно богатый и вкусный ужин.

-Тьфу, ты, мать твою, мля!– психанул Серёга Чалый, который как раз именно это и подумал про богов и огонь.– Жизнь, сука! Падла грёбанная!

И караван тракторов пошел дальше, подминая под себя траками гусениц проклятый нечеловеческий мороз. Давя его насмерть, разрывая на мелкие комочки, распадающиеся в пыль.

Поехали они уже в другую жизнь. Где будет мало еды и мало верных надежд.

Где только одно надо будет суметь сделать хорошо, правильно, без ошибок и паники. Но сделать обязательно.

Выжить.

Глава восьмая

Названия всех населенных пунктов кроме города Кустаная и фамилии всех действующих лиц повести изменены автором по этическим соображениям.

Холод-убийца гулял по просторам целинным, почти по всей кустанайской области до 25 февраля. За месяц с небольшим хвостом все в округе смогли обмениваться горестными вестями о своих потерях. То же самое произошло и в других целинных и старых сельских районах. Уже к середине февраля Кустанай почувствовал небывалый с двадцатых годов продовольственный крах. Исчезло почти всё, что зимой привозили на городские склады из колхозов и совхозов. Запасы осенние даже в жуткие холода никто не экономил. Картошку, лук, другие овощи продавали так же бодро, будто припасено их было лет на десять. Ну, они в первую очередь и кончились. К удивлению мало понимающих в сельских делах горожан. Почти никто никогда и не думал о том, сколь-

ко и чего запасли на зиму. Но отсутствие редьки, лука и картошки народ перенёс без особых страданий. Что-то малыми дозами привозили с Урала и Черноземья. Просто теперь за картошкой надо было стоять в довольно большой очереди. А вот от этого с конца сороковых годов народ напрочь отвык. В магазинах всегда было всё, кроме двух недолгих промежутков, когда почему-то хлеб стали печь рывками. То пекут, то нет. Приходилось стоять в очередях. А в начале шестидесятых даже талоны давали на белый хлеб. В них было указано, сколько тебе положено белого конкретно на твою семью. Большая семья – могли три булки сразу дать. Маленькой доставалась одна на день. Черного и ржаного хлеба народ мог закупать, сколько желал.

Но к мясу отношение у населения было особенным. Есть оно в доме или нет его – это был скорее психологический фактор, чем пищевой. Народ чувствовал некую ущербность и нервозность если, имея деньги, он не мог есть мяса. При нехватке хлеба и овощей люди просто тихонько поругивали власть и в основном на продавцах срывали недовольство своё, а вот исчезнувшее с прилавков мясо, которого было навалом всякого к пятидесятым годам и аж до шестьдесят восьмого года, людей оскорбило. Недовольство в шестьдесят восьмом выражали без тормозов, громко и грубо. Хрущёвская оттепель к свободному словоизлиянию приучила, а Брежнев почему-то эту расслабленную гайку не закрутил и

народ выражений не выбирал и о каре за тьякканье на правительство не думал. Хотя, в отличие от деревенских, за отсутствие мяса городской народ зиму бешеную не трогал, а клял правительство. По размышлению народному: власть виновата была всегда. Ну, может, только кроме чисто личных эксцессов – жена ушла, муж бросил, дети придурками растут.

В общем, так вышло, что голода вроде бы никакого не было, но избалованному за последние двадцать лет населению хотелось, чтобы всё быстренько стало – как было. И от того в городе обнаружались у народа злость и отвращение к власти. Ничем особым население это не выражало, но разговоры на кухнях и между соседями создали тогда в Кустанае напряженность. Она почти физически чувствовалась в магазинах, автобусах, а особенно на базаре, где частники стали продавать мясо втрое дороже. Они были рады. И животных сумели дома спасти, и получать за килограмм стали прекрасно. Это хорошее настроение крепко удерживалось даже от трёхэтажных матов покупателей, которые хоть и материли продавцов и весь белый свет, но мясо брали.

А вот деревня была не просто потрясена трагедией зимней. Ужас бегом бегущего к людям голода и полное отсутствие надёжных возможностей восстановления хозяйства

добила народ из совхозов и колхозов. До конца ледяного зверского холода все «корчагинские» получили со склада по пятнадцать полукилограммовых, «военных» банок тушенки на семью. Одиночки – по семь банок. Должно было хватить. В обкоме уверенно сказали, что двадцатого февраля зверь успокоится. Остальное на собрании Данилкин, Копанов, Алпатов и Серёга Чалый, не занимавший никакой должности, но имеющий общественный вес, равный директорскому, решили отдать в «Енбек». Директор Данилкин, когда Чалый пришел к нему утром после захоронения скота и птицы, узнав о том, как его лучшие люди жгли померзший там скот, достал из сейфа бутылку водки. Он налил Чалому сто граммов, а остальное выпил сам. Через полчаса Данилкин, директор, плакал как ребенок. Но не потому, что теперь «Енбек» не будет привозить мясо. Он натурально плакал от горя, которое раньше ещё, без водки, больно царапнуло его по сердцу. Водка только вытасила из него наружу искренние чувства, раненые трагедией у соседей. С председателем Адильбеком Кожаметовым он дружил. Охотился с ним, рыбу ловил, о жизни и экономике болтал часто, на свадьбе сына его, Марата, гулял.

– С Валечкой Савостьяновым и Игорьком ты, Серёга, отвези Кожаметову тонну тушенки. Им хватит точно до двадцатого. А мы оставшейся обойдемся.

Дутов из «Альбатроса» звонил, картошки обещал завтра привезти пять тонн.

– Я с Игорем Алиповым разговаривал, – Чалый почесал в затылке. – Так агроном пообещал с дутовского разрешения нам закинуть девять туш говяжьих, замороженных. Зерна на мельницу завезти два грузовика наказал. Сала свиного, в бочках засоленного – аж пять штук. А бочки на двести кило у них. Но это не весь приказ его. В «Енбек» он то же самое уже завтра повезёт. Только поменьше. Народу в «Енбеке» – не как у нас.

– А про замёрзшую скотину он откуда знает? – спросил профорг Копанов.

-Олежка Николаев ездил к нему. Они ж земляки. Да друзья ещё. С одного двора вылупились, – Чалый Серёга закурил и поинтересовался у всех. – Хоть Дутов и молодец-мужик, но всех в округе он не прокормит. Где будем еду брать теперь? Какие у кого мысли?

И тут началась такая длинная и эмоциональная дискуссия, что просидело собрание, размахивая руками и почесывая лбы, часа четыре. Зато всё решило и назначило ответственных за ликвидацию продовольственного облома. Главным ответственным определили, естественно, Чалого Серё-

гу. Что он воспринял достойно, с уверенной улыбкой.

– Мы, бывает, на бога неизвестного никому больше надемся, на КПСС поднебесную, что для народа одно и то же, Когда вкалываем и самогон пьём от радости бытия, мы, бляха, вообще о других не вспоминаем. Иногда конкурентов материм для успокоения. А надеяться надо на самих себя, хороших и умных, да на добрых людей. Про добрых людей-то кто из нас вспоминает? А? Когда самим хорошо? Никто. Как вроде и нет их. А тут – бац! Обгоняющий нас во всём царь местный Дутов, который хрен кладет даже на обком партии, засылает нам жратвы фактически до весны. И «Енбеку» отваливает в достаток как раз.

Он кто? Да царь местный. Глыба каменная. Лик суровый. Но это человек с доброй душой и чистым сердцем. Он добрый внутри, а не снаружи. Это главное. И таких мы найдём не одного на землях ближайших, не попавших под мороз долбаный. Доступно разъяснил?

– Тебе, Чалый, надо в обкоме работать. Секретарём. Людей к вершинам вести! -

засмеялся Алпатов Виктор, парторг.

– Сам бейся в секретари, – тоже засмеялся Серёга. – Я не

из кресла, с земли поведу. Не к вершинам. Нам там делать нечего. А добрые дела делать. Нужные для всех.

На том и разошлись. Разбежались, точнее. По такому ходу бегом еще не страшно перемещаться. А Серёга бежать не стал. И так целыми днями на холодрыге этой сдуревшей. Привык, наверное. Потому он медленно домой пошел. Бумага у него была. И хотел он сначала подумать, а потом и записать четкий план. Проще – сделать правильные расчеты по спасению своего совхоза и соседних хозяйств от нехороших, губительных перспектив.

– Ничего, – думал он, слушая глухой треск наста под валенками. – Пока ты не в могиле, значит ты живой. А раз живой сам, то и другим жизням подмогни в трудный час. От этого тебе только сил добавится, душа порадуетя и разума прибудет.

Умный он был, Серёга Чалый. И умелый. И не боялся ничего. На нём только корчагинское хозяйство держалось при живом-то директоре. Потому, что разум его был и уравновешен, от природы богат и гибок. Но природа-мама щедрая. Наплодила таких «серёг» всюду понемногу. Вот с ними и выдерживал народ всё, то ли чёртом, то ли ещё какой нечистой затеянное.

Семнадцатого февраля у Дутова Федора Ивановича после обеда ни с того, ни с сего вдруг открылось замечательное, почти лучезарное настроение. Поскольку мужиком он был суровым, даже свирепым снаружи, то природа компенсировала этот нюанс (для положенной человеку гармонии) очень доброй, мягкой и отзывчивой душой. Знали это в совхозе все, но никто никогда о нежной романтической натуре его и душевной потребности помочь даже мухе

в трудной ситуации, и меж собой не говорил. И, не дай бог, самому Дутову открытым текстом в глаза. Романтизм и глубокая доброта были его тайной великой, которую он сам охранял как пограничник рубежи любимой Родины.

По делам и поступкам вся его добрейшая суть была так прозрачно видна, что любили и даже обожали дядю Федю не только свои, целинники. Он был крут, но берёг каждого и за своих мог очень больно заступиться, если обижали напраслиной. А и деревенские из колхоза, к которому прилепился «Альбатрос», при случае искали помощи от Дутова, хотя и свой председатель был не дурак. Правда, пил крепко. А с пьющего заступник, как из дерьма пуля.

Вот когда Федор Иванович был совсем один и накатыва-

ло на него то природное, что заложили мама с отцом, люди простые, сентиментальные и жалостливые ко всему существу. Оно, по их мнению, очень кособоко управлялось Господом Богом. Хотя и продолжали родители верить в милость Божью, да с этой верой и померли оба с разницей в два месяца. За год до отъезда сына на целину. Накатывало на директора Дутова озарение. Он видел будущее. Причем, только в радужной оболочке. Всем будет одинаково хорошо и легко жить, всё будет процветать и приносить радость, не будет зла, зависти жадности и предательства. А только дружелюбие останется у каждого к роду людскому и искренняя любовь к любому труду.

Семнадцатого февраля за директорским столом в конторе ему вдруг стало тепло на душе и радостно. Он как штопор вник вглубь сути своей и ему увиделось как в кино, что бегают народ совхозный по центральной площади, радуется, в снежки играет и песни поёт весёлые. Предчувствие редко подводило Дутова. Поэтому он набрал по прямой связи, проложенной только в «Альбатрос», секретаря обкома партии, который отвечал за производство и общественную безопасность.

– Что, Федя, соскучился? – засмеялся в трубку секретарь. – А я сам собирался тебе звонить часика через два. И как ты угадываешь, что есть новости? Ведь поэтому зво-

нишь?

– Добрый день, Филиппыч! – смехом и ответил Дутов.–
Давай, радуй!

– Короче – двадцать четвертого последний день мороза.
Будет сорок четыре.

А ночью пойдет циклон с юго-востока. Снег небольшой и ветерок слабый. И подскочит температура сразу до двадцати пяти.

– Да иди ты! – воскликнул Фёдор Иванович.– Вот прямо
враз да до двадцати пяти? Политбюро ЦК КПСС постановил?

– Я вот завтра Кунаеву позвоню и твою иронию про Политбюро передам, – продолжал смеяться секретарь. – Пойдешь работать на овощную базу переборщиком несортовой картошки.

Ну, поохотали они так ещё минут пять, потом Дутов ещё раз уточнил прогноз, попрощался по-дружески с Николаем Филипповичем и пошел домой. На душе было хорошо. Радовалась она приятной новости. Неделю всего оставалось потерпеть. Чепуха.

Дома было полно народа. Жена, молодые ребята из клуба. Обсуждали что-то из подготовки к областному конкурсу самодельных драматических театров.

Леночка Лапикова, бессменная и единственная с пятьдесят девятого года любовница дяди Феди, вместе с женой Ниной втолковывали наперебой артистам юным и взрослым какие-то тонкости сценической ходьбы. Нина знала, потому что просто была актрисой на родине, в Тамбове. А Леночка с семнадцати до двадцати лет, до комсомольской путёвки на целину в Жуковке своей, которая на Брянщине, тоже была артисткой народного театра «Эффект» в Жуковском районном Доме культуры. Жила она там просто так после школы, ничего не делала. Купалась летом в Десне, загорала, играла круглый год серьёзные роли и собиралась поступать в московский театральный институт имени Щукина. Так ей советовали подруги. Но путёвка комсомольская на целину, о которой громко и часто оповещало с пятьдесят шестого года радио Брянска, перешибла тягу к театру. Потому, что жизнь крутнулась иначе, чем от неё ожидалось. Надо было просто скрыться с глаз населения небольшой Жуковки, но только не в театральном институте. Она получила заветную бумагу, которая зашвырнула её в голую степь кустанайскую, в палаточный городок, а он быстро превратился в прекрасный совхоз «Альбатрос», где она и прижилась. И была у неё куча

ухажеров в совхозе. Как и в родной Жуковке. На родине малой она – красивая, высокая, белокурая и фигуристая, да к тому же, не дура совсем, была целью номер один почти для всех созревших пареньков. С одним в девятнадцать лет она, основательно подпоенная шампанским на каком-то дне рождения, закономерно упала в койку, после чего своевременно забеременела. Но паренёк быстро свалил к родственникам в Белоруссию, Леночка с рыданиями сделала аборт в жуковской больнице, но не удачно. Долго болела, хотя врачи местные её всё же вылечили. С неприятной, правда, оговоркой по поводу детей, которых она, к сожалению, иметь не будет никогда. Вот Леночка и ухватилось за путёвку в неизвестность, потому как в родном городке провинциальном жить молоденькой девчонке, которую по пьянке обрюхатили и тут же бросили, оставаться было нельзя. К ней автоматически прилепилось клеймо шалавы, а ехать в Москву, да ещё в театральный, где нравы у парней и девчонок были совсем разнузданные, Лапикова Леночка побоялась. Родители и подруги убедительно её отговорили. И при всей красоте своей да изящной привлекательности имела Леночка такой рваный шрам на душе, который ухитрился притупить природный инстинкт и приглушил плеск гормонов. В «Альбатросе» сколько ни клеились к ней разные ухаи из комбайнеров, трактористов, бывших зэков и шустрых ребяташек, сбежавших от жен и алиментов, не поддалась она никому. Теперь она боялась не аборта, а заразы какой-нибудь. В больнице

перепугали. И до директора Дутова, и все последующие годы – кроме него никого больше ей и не хотелось, и не требовалось.

Дутов постоял в холле, послушал деловой щебет молодежи и густой, бархатный голос жены Нины, да пошел в свою комнату.

Минут через пять прибежала Леночка, поцеловала его в щеку с разбега и доложила, что с десятого марта бригада уезжает в Кустанай на конкурс. Целую неделю её не будет.

– Не выдержу! – театрально воскликнул Дутов. – Сойду с ума. И будет у вас чокнутый директор. А у тебя долбанутый любовник.

– Ну, Федя! – взмахнула большими ресницами Леночка Лапикова. – Сколько прошу тебя! Любовник – обидное слово. Ты возлюбленный. Любимый.

– Иди, Ленка. Потом поболтаем. Занимайтесь пока. А я почитаю. С морозами этими почту привозят два раза в неделю.

Она снова поцеловала его небритую щеку и ушла, кокетливо изогнув ручку в прощальном жесте.

Да... – сказал Дутов, вложив в короткое слово это все воспоминания о последних двадцати пяти годах. Они прокрутились в уме его как киноплёнка при ускоренном десятикратно режиме.

Он родился и очень быстро вырос в древнейшем селе Горелое. Это рядом с Тамбовом прямо на речке Цна. И тридцати километров не набегает от города. Его построили на месте ещё более старинных поселений аж в тысяча шестьсот каком-то году и всегда на этой земле растили хлеб. Гореловцы были прирожденными хлеборобами, садоводами и огородниками. Все новые поколения занимались тем же, что и предыдущие. Горелое при советской власти стало зваться колхозом «Верный путь», а название воодушевляло трудящихся. Федя Дутов к земле относился как к маме родной и к двадцати пяти годам умел всё. Было это уже после войны. А вот о войне Фёдора Дутова я расскажу вам позже. Отдельно. Так вот, после войны он не просто агрономил, но для верности поступил в институт имени Мичурина

в городе Мичуринске. Не выезжал из своей области. И через четыре года стал настоящим агрономом. Да таким грамотным, сообразительным и настырным, что его через одну

уборочную сразу сделали главным агрономом колхоза «Залив Челновой». Потом ещё три года помотало его по области. И всюду он был главным. Хотели даже директором поставить, но отказался Дутов. На земле ему славно работалось. В свои годы молодые он стал не просто любимцем областного начальства. Его тамбовцы и в Москву возили как породистого коня редкого – напоказ начальству Всесоюзного масштаба. А Дутов Федор производил впечатление не только умениями и достижениями. Это был здоровенный, под два метра, плечистый мужик с мощной грудью и кулаками, похожими на пятикилограммовые гири. Он умел остроумно говорить, уважительно спорить и настаивать на своём, не пригибался перед большими авторитетами, ничего у них не просил и весь его облик говорил о том, что мужик этот – могучий и правильный. И расти бы ему до очень больших людей, которые парятся в больших кабинетах с пятью телефонами. Но он научился уходить от соблазнительных предложений незаметно и ловко, как умная рыба сходит с крючка. Поэтому Федор Иванович никого не обидел отказом а, наоборот, ходил в лучших друзьях. И вот как-то раз в тамбовском театре, куда затащил его приятель из обкома партии, познакомился Фёдор на банкете после спектакля с актрисой. Звали её Нина Игнатьевна Бурцева. Дутов, за всю жизнь имел интимные дела всего с двумя женщинами. Ну, по уважительной, конечно, причине: почти всегда был в поле и времени на женщин не имел. Поэтому чувствовал себя дурачком кол-

хозным рядом со статной актрисой, разговаривающей бархатно и красиво, ведущей себя элегантно, но зазывно. Они долго говорили о чем-то далёком от театра и хлебных гектаров, он острил, она откликалась искренне. А перед тем как расходиться пригласила его на премьеру новой пьесы через месяц. После спектакля они не остались на банкет. Пошли гулять по Тамбову. Шофер Дутова ехал метрах в пятидесяти позади и не знал, не предполагал даже, что через месяц он будет больше её водителем, чем Дутовским. Федор Иванович, погуляв вечер с Ниной Бурцевой, выяснил, что с пьяницей мужем она рассталась два года назад и тут же предложил ей выйти за него замуж. Пока они добрались до её дома, и согласие было получено и день свадьбы назначен. Поженились. Она жила в Тамбове и играла захватывающие роли, а Фёдор делал большие урожаи. За два года такой семейной жизни, когда она приезжала раз в неделю в колхоз, а он раз в неделю – в Тамбов, усадила их судьба как-то на скамейку возле какого-то музея и там она объявила, что увольняется из актрис и переезжает домохозяйкой в колхоз к Дутову. Потом у них родились подряд два пацана- погодка. Росли они здоровыми, как все в деревне. В школу пошли через семь лет в один класс, хоть Витька был младше Кольки на год. В колхозе директору школы и в голову бы не пришло отказать Федору Ивановичу. Так и жили. Ровно, гладко. А вот когда ему стукнуло тридцать четыре, вызвали Дутова в обком. К самому первому секретарю. Там сидели ещё двое.

Заместители заведующего отделом сельского хозяйства ЦК КПСС. Потрепались сначала неформально, с лёгкими матюгами, предназначенными для сближения мужского и обозначившими простоту отношений, взаимоуважение и доверие. После чего за чаем ребята из Москвы объяснили ему, что на целине сейчас очень нужны такие знатоки земли и людей, как он, Федор Дутов. И потому должен он ехать в марте следующего, пятьдесят седьмого, на кустанайщину, на пустую землю целинную, поставить там совхоз и сделать его образцом для подражания всем хлеборобам Союза и, ясное дело, целины. Отказаться было нельзя. Нельзя и всё. Без объяснений.

Нина на целину не хотела. Она и так сделала жертву – переехала из театра на деревенскую кухню.

– Лады, – сказал муж. – Покупаю тебе с пацанами квартиру трёхкомнатную в центре Кустаная. Это хороший город. Там и театр отличный, музеев полно, магазинов, да и люди, говорят, хорошие в основном.

– Ну, будешь опять раз в неделю машину за мной присылать, – Нина Игнатьевна оживилась. – И ребята на каникулах в деревне отдохнут. Тоже хорошо. А я, может, в театре буду играть. Тоже здорово.

Пришел март пятьдесят седьмого и они уехали. Дутов всё сделал, как наметили. В драмтеатре, правда, пока места не было. И Нина пошла в театр народный, которым руководил тогда очень приятный человек и киноартист в ссылке. Из-за злоупотребления водочкой, конечно. Но хороший артист. Мотренко Валерий Иванович. И прижилась в театре Нина Бурцева. И было ей интересно и душа её

не пострадала от таких кардинальных жизненных перемен, которые за короткое время после свадьбы-женитьбы пронеслись как заготовленные с рождения, но зажатые до поры пружиной, которую Управляющий судьбами людскими однажды резко отпустил.

И вот сидел в шестьдесят восьмом году сорокашестилетний, здоровый, умный мужик, командор натуральный, значительный и обожаемый всеми. Сидел он в своей комнате на втором этаже своего деревянного терема, думал и никак не мог сложить кубик к кубику события своей странной и необыкновенной личной жизни. Нина – очень преданная, порядочная женщина, которая шла за ним хоть куда и ни разу не сказала слова против, хотя была не обделена разумом и едким острым словом. Добрая, милая женщина. Но не могла она не то, чтобы полюбить, даже влюбиться толком за то короткое время, которого хватило, чтобы связать с ним жизнь навсегда. И это было не просто удивительно. Это выходило

за рамки разумного поступка. Но жила она с ним уже долго. Ну, что значит жила? Приезжала на неделю, он к ней ездил на пару дней. Семейная жизнь в исковерканном виде. Но у Нины Игнатьевны было всё, что надо и не очень. У пацанов, выросших к восемнадцати годам почти с отца ростом и телосложением – тоже. Сам он, хоть и жил вольно, за всё время супружества не изменил ей ни разу. Не любитель был Дутов по бабам бегать и охмурять. А вот Леночка Лапикова – это молния. Она, молния, никогда не ищет именно тебя. И ты к ней не бежишь, радостный. Но если вы встретитесь, то сердце твоё сожжёт она мгновенно. Вот именно это и произошло. Он не искал такую, не думал о том, что жены ему не хватает и нужна любовница. А случайно встреченная на току девушка с лопатой, полной тяжелого зерна, как током пробила и душу его и всю суть.

Теперь оставалось только понять, почему они дружны, жена и любовница? Они ведь по всем законам жизни должны ненавидеть друг друга, а заодно и виновника, то есть его, Дутова Фёдора Ивановича. И силился вникнуть, постичь это невообразимое директор Дутов. Даже коньяка полстакана выпил для активизации разума. Но не помог коньяк. И помочь не мог. Потому, что для понимания и тут, как в сельском хозяйстве, нужны знания. И вот в хозяйстве своём он знал всё. А в тонкостях отношений женщин с мужчинами и жен с любовницами был он необразован и туп как самый

тупой угол в геометрии.

Нина Игнатъевна Дутова в основном жила городской жизнью. И Кустанай ей нравился. Играла в театре народном, но забегала довольно часто и в областной драматический. У неё там за первый же год образовался приличный набор подруг и друзей. Даже место в шестидесятом году освободилось. Был такой момент. Одну актрису забрали в московский театр имени Маяковского, которым в двадцатых годах руководил сам Мейерхольд. Она улетела на повышение, обалдевшая от восторга, а Нине режиссёр сказал.

– Давай, переезжай. Будешь три главных роли репетировать. В них она работала. И две новых дам. На следующий сезон выпустим пару новых спектаклей. Не тяни, перепрыгивай. Долго ждала, а всё всегда приходит внезапно и неожиданно.

Но Нина Игнатъевна отказалась. Сжилась с народным театром. Там не платили, но деньги ей и не нужны были. Точнее, денег у неё всегда было много. Федя давал столько, что она его даже уговаривала притормозить. Девать-то всё равно некуда. Всего в избытке. На еду только. Так для неё много денег и не надо. Отдавала почти всё сыновьям. Они себе ве-

лосипеды спортивные купили, лыжи профессиональные, дорогие, одежду заграничную, магнитофоны и транзисторные приёмники. Ну, и много чего ещё. Молодым всегда всего побольше требуется.

Прислал как-то, вроде бы в шестьдесят первом году, летом ранним муж машину за ней. Во вторник. Вечером. Неожиданно. Она всегда по пятницам ездила в «Альбатрос».

– Что-то случилось, Федя?– через ступеньку долетела она до второго этажа и рванула на себя тяжелую дубовую дверь.

Федор Дутов лежал на диване в нарядном свитере и в выходных брюках. В них он в город ездил. В обком. Рядом столик стоял на колёсиках. Блестящий, со стеклянной крышкой и зеркальной полочкой под ней. Всё, что было на столике отражалось в зеркале и стол казался переполненным. В тот раз на столике стояла бутылка армянского коньяка, ополовиненная, рюмка одинокая и резанный кружочками лимон да корзинка с конфетами. Сбоку от стола валялась точно такая же бутылка, уже выпитая. А на окне ждала, похоже, очереди своей и третья.

– А! – не вставая констатировал муж. – Приехала. Садись. Буду плохую правду рассказывать.

– Зачем столько выпил-то? – Нина Игнатьевна налила в рюмку и выпила сама. Плохую правду совсем трезвой слушать непросто. А после рюмки – полегче будто. – Обманываешь меня? Давно чую, что да. Но на кой чёрт тебе выливать мне на голову помои, Федя? Живу себе. Не знаю ничего. И злобы потому нет во мне, и непокоя. Пей уж, раз начал. И помолчи. Пусть у тебя внутри болит. У одного. Сам же себе эту боль придумал. Ну да. Живу далеко, приезжаю редко. Ты тоже. Но ты ж мужик огромный. И силу тебе всю некуда девать. Работа работой, а для своей-то жизни собственной ласки от пшеницы да копоты тракторной нет никакой. Да, Федя?

– Я три года молчал и теперь задыхаюсь. – сел на диване Дутов, упёрся ногами в столик, который тут же откатился по ковру на метр. – И раньше тяжело было, а сейчас что-то лопнуло во мне. Вчера буквально. Наверное, совесть порвалась окончательно на клочки мелкие. Не могу дальше так жить. И по-другому тоже не могу. Вот оно как вылупилось-то всё. Пропади оно пропадом. Как клоун живу. То одну маску надену, то другую. Бляха-муха...

Федор Иванович обхватил голову обеими руками, растрепал волос, подтянул столик и налил рюмку. Конфету развернул.

– А кто она? – спросила жена тихо и спокойно. Сняла шу-

бу. Повесила в шкаф на плечики. – Ваша, колхозная? Совхозная, извини. Молодая, ноги длинные и в башке как в степи – ветер и пустота до горизонта. Угадала?

– Частично, – Фёдор Иванович налил, выплеснул в себя, не морщась. – Наша. Ноги длинные. В голове порядок.

– Любишь? – Нина села рядом и руками повернула голову его к себе. Чтобы глаза встретились.

– Нет. Люблю я тебя и пацанов наших. И буду любить до смерти, как бы у нас всё не повернулось. – Он вздохнул: – А с ней я три года уже почитай как. И хорошо мне, и худо тут же. Я не люблю её. Нет... Нет, не люблю. Она младше вдвое. И не охмуряла она меня, не липла. Даже не видела меня до того, как я сам случайно наткнулся на неё возле зерносклада. Нина, я не знаю, что это. Как называется – не знаю. Не любовь, не страсть. Но без неё не могу уже. И без тебя не могу, без сыновей. Решай теперь.

И он в два захода опустошил бутылку, съел конфету, потом лимон. Он кислоющий кружочек желтый разжевал как колбасу. Без выражения на отеком грустном лице.

– Решай, Нина. Как скажешь, так и будет.

– Ну, я не скажу, чтобы ты кого-то бросил. Меня, например с детьми. Её, например, с длинными ногами и порядком в голове.

– Как это? – Дутов, покачиваясь, встал и стал сверху смотреть на жену напряженно и губы его почему-то задрожали.

– Да никак. Мне хорошо с тобой и сыновьями. Ты моя стена. Щит и меч. Ты -хозяин жизни. Своей, нашей, твоих людей, народа совхозного. Да и сам ты нас бросить не желаешь.

– Никогда, – В левом глазу Фёдора, в уголке, образовалась прозрачная, горячая на вид капля. – Я давно хотел сказать тебе всё. Но не пришлось до поры. А сегодня обломался. Думал, выпью побольше и повинюсь. Вот. Делай теперь что хошь с виной моей.

– А где она, как найти мне твою лю... Ну, молодуху твою?

– Вот за нашим домом сразу. Тоже деревянный. Только маленький. Будь что будет, но поставить всё это кривое прямо просто насущно требуется, – проговорил, путаясь в словах, Федор Дутов и как стоял, так и рухнул на диван лицом вниз. Поворошился малость, да заснул, продолжая бормотать во сне невнятицу попеременно с глубоким храпом.

В дверь, за которой укрывалась любовница мужа, Нина постучала обручальным кольцом. Звонко на морозе откликнулась золоту мёрзлая доска дубовая. Как короткая автоматная очередь. Открылась дверь быстро и на пороге Нина увидела высокую, красивую белокурую девушку в трикотажном линиялом трико и больших домашних тапочках с белыми шариками, пришитыми кверху. Девушка вздрогнула, от потрясения открыла испуганно рот и отшатнулась назад так резко, будто это не жена Фёдора Ивановича пришла, а как минимум баба Яга из страшной сказки.

– Пустишь? – не здороваясь, сказала Нина Игнатъевна спокойно, мягко. – Или на морозе тепло познакомимся?

– Да что Вы! – Леночка распахнула дверь на весь проем и от тихого бархатного голоса Фединой жены дрожь в ней не сразу, но пропала. – Конечно! Проходите. Меня Леной зовут. Раздевайтесь. Вот тапочки ещё одни. Очень мягкие. Заходите, Нина Игнатъевна!

Так вот познакомилась Нина Игнатъевна с Леночкой Лапиковой. Просто, без неприятных взглядов и нервных эмоций, напряжения и неловкости. Только когда Леночка Лапикова дверь закрывала, сама испугалась, увидев свою руку. Пальцы всё ещё дрожали так, будто у неё температура под сорок. Леночка видела её издали не один раз и уже имела

предположение, что жена Федина – человек прямой и разумный. Да и Димка Огнев, управляющей развлечениями, отзывался о ней по-доброму.

– Артистки все сволочи в принципе. И дуры конченные, – сказал он. – А Дутовская жена – категорическое исключение. Есть в ней и мозг, и душа честная.

Леночка помогла ей раздеться, проводила к креслу возле деревянного столика, принесла с кухни термос, чашки, шоколадки и яблоки на подносе.

– Любишь Федора? – спросила просто. Нина Игнатьевна, глотнув чая.

– Не знаю я... – отвернувшись к окну, выдавила из души Лапикова Леночка. – Не знаю. Честно. Наверное все же – нет. Но жить не могу без него. Он для меня как для слепого поводырь. Я познакомилась с ним в пятьдесят девятом. Вернее – он со мной. Прислал на ток человека и передал, чтобы я пришла. Я пришла. И после этого без него уже не жить мне. И уехать потому не могу домой. Из Брянска я. Музыкальную школу окончила. Фортепиано. Танцевала в самодеятельности. Потом захотела в театральный поступать. В Москве. Потом напоил меня один на празднике и использовал. Аборт сделала. Рожать не могу теперь. Оттого и на целину поеха-

да, что клеймо на мне. У нас не принято так. А с клеймом тем – не жизнь в Брянске. Провинция. Девушки должны соблюдать себя и жить замужем. А кто шалаву замуж возьмет? Хоть ни до ни после в Брянске не было у меня никого. А здесь... Я только через полгода поняла, что Фёдор Иванович – это мой ангел-хранитель. Не любовник, а возлюбленный ангел-хранитель пути моего по жизни. Простите меня, Нина Игнатьевна.

И Леночка Лапикова зарыдала так горько и безудержно, что уронила из руки чашку с чаем. Чашка издала хруст тонкого фарфора и раскололась на много частей.

Нина Игнатьевна долго думала, глядя на девушку и в пол, по которому продолжал лужицей разливаться чай. Думала, думала, да и заплакала. Тихо. Беззвучно, освобождая в душе место то ли для жалости, то ли для милости. Почему-то никакой неприязни к любовнице мужа не имела она, но даже поразиться этому не успела.

– Знаешь... – Нина Игнатьевна взяла Леночку за плечи. – Не говори никому, ему тем более. – Но мы ведь тоже с ним поженились без любви. После банкета. И для меня он тоже честный, порядочный и единственный ангел-хранитель. Правильно ты сказала. Нет у меня зла к тебе. Не обижай Фёду. Он – стена наша каменная, за которой не страшно ничто.

Она надела шубу, шаль, погладила Леночку по голове и ушла. Федор Дутов спал. Она вышла на улицу из своего дома, как из больницы, где ей вкололи лошадиную дозу транквилизатора. Всё вокруг и в ней самой замедлилось и уснуло. Перед ней и мимо неё медленно, как во сне, шла жизнь. Чья жизнь, куда шла и где в это время была сама Нина Игнатьевна, не чувствовалось и не понималось. Сознание было таким лёгким, что взлетело над ней высоко и парило, не понимая, куда опуститься и к кому вернуться. Отреагировала она только на очень резкий, летящий к ней пулей звук. Инстинктивно повернулась в ту сторону, откуда его несло. Там, в ограде банной увидела Диму Огнева. Он самозабвенно колот дрова.

– Димка, а шофер наш где? Вот здесь же машина стояла.

– Да вон же! – Димка показал пальцем и улыбнулся. – Тут и стоит.

Нина с огромным удивлением обнаружила, что она и находится-то рядом с «Волгой». Шофер сидел в заведённой машине и читал книжку.

Она вздрогнула и сознание слетело с неба, вернулось к хозяйке. Открыла Нина Игнатьевна заднюю дверь и на вся-

кий случай очень медленно и осторожно села.

– Поехали в город, Ваня.

– А и поехали! – Ваня на неё смотреть не стал, только глаза к небу поднял и успокоено выдохнул. Потом довольно улыбнулся и сказал: «Сто восемнадцатая». Страницу запоминал.

И машина, пробивая фарами откуда-то возникший туман, быстро выскочила к окружной дороге, к трассе – «Альбатрос – Кустанай».

– Шефу скажешь, что я уехала, потому как спектакль завтра. И не забудь дословно передать. Ваня! Дословно! «Всё остаётся как было. Жизнь продолжается».

– Жизнь продолжается! – эхом повторил Ваня, улыбнулся и прибавил газу

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Все имена и фамилии действующих лиц, а также названия населенных пунктов кроме города Кустаная изменены автором по этическим соображениям.

Казгидрометеослужба народ обманула не в первый раз, но в феврале шестьдесят девятого ошибке прогнозистов так обрадовались все, что готовы были и подарками их задарить, и на руках кидать к небу целый день, или всех наградить орденами и золотой звездой Героя социалистического труда. Метеорологи в итоге разнообразных их версий по ходу жизни окончательно наметили смерть морозам аж на пятое марта, но уже двадцать четвертого февраля задолго до сумерек вдруг темнеть стало на вольной природе. Облака сросшиеся побежали ускоренно с юго-востока, скобля задубевший снег лёгким, едва прохладным ветерком, а потом и тучи фиолетовые поползли, а округу всю завесило туманом. Да таким, что народ, перемещающийся с рабочих мест по домам на обед, не понимал, куда идёт. Добирались до родимых хат, включая седьмое чувство и прочие инстинкты. Правда, никто не промахнулся мимо своих калиток, но зрелище было непривычное.

Не было раньше вот именно таких непроницаемых туманов, когда руку вытягиваешь, но пальцев своих уже не видишь. К вечеру туман стал похож на чёрную накидку, которой укрываются фотографы, когда заряжают плёнку в фотобачок. Сквозь неё не проглядывались ни лампочки в окнах,

ни звёзды с луной. Не говоря уже о торопливо несущихся по домам разнообразных трудящихся из конторы и прочих тёплых мест. В холодных никто больше месяца уже и не появлялся.

Так вот, каждый понимал, что вокруг него много людей, но никто никого не видел. Потому разговоры на бегу велись деловые, но обрывистые.

– В натуре теплеет! – радовался бывший зек и нынешний местный клоун, который нигде не числился трудящимся, но вкалывал за троих везде, где надо было именно вкалывать. Ну, вы поняли, что это Артемьев Игорёк. Я потом о нём побольше расскажу. Он того стоит. Но сейчас не время. Сейчас надо рассказывать о радости, мучительно ожидаемой всеми. Которая, однако, как и всё самое хорошее, объявляется всегда сюрпризом, внезапно и как бы из-за угла.

– С юга тянет теплом! – восторгался голос Олежки Николаева.

Серёга Чалый, невидимый, но бегущий побыстрее, говорил только два слова, которые нравились всем.

– Пронесло, мля!

– Пронесло! – подхватывал самое точное определение конца ужаса народ.

– Пронесло, сука! Дышло ему в нюх, Ледовитому океану! Это он нам послал смерть ледяную, падла! – сравнительно нежно орал вдогонку уползающему как змей хладнокровный морозу дикому Толян Кравчук.

– Бляха! Я привык в трёх штанах ходить, в трёх свитерах и тулупе! Хожу, бляха, ноги не сгибаю. Как водолаз, мать его! – веселился Валечка Савостьянов. – А теперь в одних штанах и фуфайке я и работать не смогу. И уволит меня Данилкин нахрен. Пойду тогда на трассу милостыню сшибать у шоферов.

Все хохотали и понятно было, что много людей в тумане копошится, домой торопятся. Спешат все своих домашних обрадовать потеплением. Они-то не знают. Потому как в минус сорок семь без крайней нужды даже на крыльцо никто не выходил. Женщины, дети за месяц сидения в четырёх стенах аж пожелтели на лицо.

– Вот обрадуются-то жёны! – ехидно крикнул Кирюха Мостовой. – Шалавиться по теплу куда интересней, чем в дубак!

– Эй! – вставил парторг Алпатов Витёк, который дом свой

чуть не пропустил. Чудом угадал, что свернуть надо. – Ты там не обобщай, Мостовой! Свою вон перевоспитывай, а чужих не марай.

– Я её убью, суку! – уже из-за своего забора пригрозил Кирюха вполголоса, чтоб Валентина не услышала через окна.

– Может ты и Стаценко Петюню ножичком в горло ткнул? – заржал Артемьев Игорёк смело. Потому что Кирюха всё одно его в туманище таком не догнал бы.

– Ладно, разбежались молча. Дома сейчас у всех дел будет невпроворот, – Чалый Серёга ради объявления привлекательного даже остановился. – Завтра всему совхозу целый день, если натурально потеплеет, приводить жильё в порядок! Собак на улицу, лишние дрова да уголь – по сараям, окна раздраить, бумагу снять. Кошму с дверей. Ну и по мелочам всё в норму привести. А я завтра к Данилкину забегу, перетолкую с ним как нам послезавтра на площади праздник тепла отметить. С водочкой, закусочкой и гармошками!

– Ура!!! – прямо-таки пропели все, кто бежал ещё, да и те, кто уже во дворах своих двери искал.

– По цепочке всему совхозу передайте! – Чалый тоже добрёл да своего штaketника. И казалось ему, что в доме

темно. И крыльца он, как и все, не видел. Но нашел-таки дверь, ввалился в коридор и громко порадовал жену и дочь.

– Всё, Ира! Всё, Ленка! Выжили! Живём дальше! Тепло пошло!

Поужинал он, отдохнул час на диване и пошел на кухню к окну. Фонарик взял. Он ещё не отклеил бумагу от стёкол. Ещё порваться может бумага. А вот завтра таять на стёклах начнет, тогда и снимет. Он подышал в угол стекла и фонарь пробил дорожку света к градуснику. Было уже минус тридцать один.

– Ё-ё-о! – воскликнул Чалый Серёга как пацан, которому на день рождения обещали подарить лобзик, а принесли большой взрослый велосипед с фарой и переключателем скоростей. Жена тоже разглядела температуру из-под его плеча и аж прослезилась. Было от чего.

Весь следующий день, когда уже с утра было минус двадцать шесть и туман высшие силы зараз сдули с совхоза, все увидели друг друга во дворах. Люди носились из домов в сараи и обратно, нацепляли ошейники на собак, привыкших за месяц к глупой человеческой жизни в комнатах. Они отдирали кошму и снимали со стёкол защитницу бумагу, лезли на чердаки и выгоняли оттуда ещё не веривших во спасение

своё всяких птиц и птичек, догадавшихся пережить страшный холод в соломе. Все мужики целый месяц взбирались с утра по лестницам к чердачной двери и кидали вглубь крошки хлебные, зерно из мешков, которые успели занести в тепло, картофельную кожуру и остатки от утренней каши, перловой да ячневой. Ну и в соломе птицы что-то своё, только им понятное, находили.

Они, вылетев из чердаков, соединились в большую тучу крылатую и разномастную, громко и радостно каркали, скрипели, пищали и чирикали над домами. Они тоже были рады и жизни, оставшейся у них, и только птицам доступному предчувствию весны.

А после дня хлопот домашних по сортировке всего спасённого пришел обещанный день праздника народного. Этот день был одинаковым во всех хозяйствах целинных, измученных заключением под стражу зверем-морозом.

И в тех, которые потеряли много или почти всё. И в тех, к которым милостивой оказалась природа. Да, может, вовсе и не в природе милость была, а в людях ума побольше да возможностей, которые позволили укрыть, утеплить, спрятать и уберечь. Да, собственно, умные, но бедные хозяйства сразу стали безусловными жертвами холода запредельного и судьба их замёрзла, закоченела вместе с погибшим скотом,

птицей, зерном и овощами.

И, конечно, радость людей из разрушенных морозом деревень, сёл и колхозов не была лучезарной. Пить – все в первый теплый день пили. Гуляли на всю катушку и пели самоабвенно. Но одни от радости чистой, а другие от горя с примесью противоестественной радости и призрачных надежд на возврат к прежней хорошей и сытой жизни.

В «Альбатросе», где не случилось ничего, самой грустной бедой был факт обморожения ног одним из совхозных сторожей. Он просто не уберёгся в одних толстых носках и валенках, обходя с берданкой важные объекты. Но в своей же больнице его за месяц выходили и ступни отрезать не стали. Хотя и мелькала у врачей такая мысль.

Корчагинцы самогон хлебали усердно, с упоительным восторгом. Они носились по площади с бутылками, закуской в снятых шапках, с гармошками, баянами и гитарами, сбивались в кучки, разбегались и снова примыкали к другим группам. Женщины пили меньше и потому пели складно, собравшись в случайный хоровой состав, танцевали под баян и аккордеон. С ними рядышком на бешеной скорости кругами носились дети от трех лет до десяти, кидали снежки, которые стали получаться из обмякшего снега. Они метали снежные шарики куда попало, в себя, в хмельных взрослых и просто в

никуда. И вот это всё напоминало то ли ликование во здравие Нового года, то ли случайную встречу долгожданной, но неожиданно приплывшей красной девицы-весны.

До поздней ночи не увядал тонус гульбы. И уже ближе к двенадцати трое женщин подперли собой первым директора Данилкина и отволокли его домой. После чего Чалый Серёга, выпивший, может, не меньше прочих, но «державшийся в седле» как непобедимый гусар, объявил громко:

– Хана, братья и сёстры! Перепугали уже до смерти мороз уползающий. Он уже бегом побежал. Ну, а, стало быть, и нам пора. Спасибо всем, кто помогал совхозу зиму выстоять! И тем, кто мысленно был с нами и вдохновлял – тоже поклон в пояс! А теперь пьём отвальную в куче, да по домам. Завтра уже дела начинать надо.

Собрались все в огромный гурт с бутылками, женами и детишками. Чокнулись все со всеми, кто имел бутылки самогона в руках. Да так, что звон стекла и в «Альбатросе», может, слышали. Хряпнули по последней из горла, пообнимались напоследок и расходиться стали.

– Николаев, Савостьянов, Кравчук, Мостовой, Лёха Иванов и Игорёк Артемьев завтра утром к девяти приходят в кабинет к Данилкину, – Чалый утер пот со лба. – План об-

мозгуем. Надо мирную жизнь в русло вставить. Завтра решаем первую задачу – долгосрочное обеспечение народа едой. Есть вопросы?

– Ты так всегда толкуешь, что нет не только вопросов. Даже ответов нет, – захохотал Артемьев Игорёк.

Через пятнадцать минут площадь стала пустой. Две собаки столовские бегали. Доедали оброненное. И ветер таскал по площади потерянные тонкие женские шарфы, пробки от бутылок и конфетные фантики.

Праздник кончился, горе стерлось самогоном и весёлыми песнями. Снова простая, не тяжкая и не легкая, а обыкновенная продолжилась жизнь.

Артемьев Игорёк достиг крыльца своего дома почти попластунски. Хороший был самогон у самых разных людей. Своего Игорёк на праздник не принёс. Мало у него оставалось дома. Три бутылки. Остальное выпили с бригадой добровольных спасателей вскладчину за месяц страшного холода. Надо было по-новой гнать. Но сахар кончился. Бражку он за время тридцати двух дневной беготни и разездов не успел поставить. Дома ночевал редко. Поэтому праздничный

выпивон Артемьев заглотил на халяву, хоть и не любил дармовой способ жизни. Но не отказываться же от всеобщего восторга, который без самогона и попроще будет, и скучнее.

– Верну потом, – размышлял Игорёк, подползая к крыльцу. – Приглашу всех во двор к себе, брезент расстелю и тридцать пузырей поставлю. И нахрюкаются они до корней волос. Скажу, что на родину уезжаю. В родимый городок Клин. Вроде как меня там берут помощником зама председателя горсовета по хозяйственной части. И оклад дают аж двести рублей.

На этом мысль его оборвалась, потому как кто-то с двух сторон резко поднял его за воротник телогрейки и поставил на ноги.

– Сюдой зекай, босяк! – справа проглядывалась в темени рожа Колуна, бандюгана приклатненного из города Горького. Он после отсидки за гоп-стоп сначала в Горьком покрутился, а потом подальше от приглядывающих за ним «мусоров» сквозанул в тихое место, в Клин. Там с Игорьком по случаю скентовался, с ним и на целину соскочил. Игорьку самому тоже надо было подальше спрятаться. Нашустрил он драками да своим отточенным мастерством «ширмача» однажды аж на пять лет общего режима. Отсидел три и вернулся в Клин. Там к нему «краснопёрые» и «ноги» приставили

и пригляд организовали. Вот они с Колуном призыв на целину и поняли для себя как прыжок в «могилу», где никто уже никого не раскапывает.

– Чё тебе, Колун?– успел спросить Игорёк и тут же отловил чувствительный даже для очень пьяного удар в скулу с другой стороны. Там стоял, держа его за воротник Васька «Сизый», домушник из того же Горького, которого Колун письмом вытащил пять лет назад сюда, в «Корчагинский».

– Значит что-то запомнил я с этими работами на холодах. Раз они сам пришли, – слегка протрезвел от удара Артёмьев Игорёк.

– Ну, чё, Топтун? – рванул его за ворот «Сизый».– Зачушканил мазёвую кентовку нашу, баклан!? Чё за канитель косячишь помимо круга дружбанского?

– Когда я косячил да мутку лепил, вы чё, брательники! Кто меня на отрицалове дыбнул хоть раз? Пошто мне правилово предъявляете?

– Ржавьё куда ныкнул, баклан? – приблизил к Игорьку лицо своё порезанное в молодости Колун.– Ты ж не серый шнырь, чтоб киксовать. Ты ж в Клину своём угловым был, тебя вся босота и бродяги за фуфлыжника не держали. Ты ж

козырный фраер, не гопота. А шас форшманулся перед нами как чушок! А, Топтун? Где ржавьё и цацки с последней кустанайской ходки?

– Да на хазе всё, – утер слюни Артемьев, имевший погреху Топтун среди блатных. Слюни брызнули на подбородок после удара в челюсть. – И то, что на бану притырили, и бобы с кассы потребсоюзовской лавки, и рыжики с ювелирного. Захотите весь выхлоп дербанить, так всё в мешочке. Я ж не вкупился, что вы сразу после колотуна захильнёте рамсы наладить и филки по понятиям продербанить. Как мы после скачка добакланились, так и есть. Я ж вам не шняга и не сявка ссученная. И рыжие на месте, и хрусты... Всё, чё подрезали, всё в ажуре. Чего бы мне жухать?

– Считал хоть? Там лавэшек хоть косарь корячится? – «Сизый» отпустил воротник.

– Там два косаря бобосами да котлов рыжих – ещё на пять косых. Цацки- сплошные брюлики – косарей на пятнадцать, – Игорёк Артемьев протрезвел почти. – Кому-то, может, это алтушки корявые, а по мне так всем хватит, чтоб жихтарить так, чтоб весь нос в марафете и лет пять галюнок не пустел.

– Ты в мороз-то чё делал? – успокоился Колун.

– Шниферил да тучу держал, – пошутил в масть Игорёк. Блатным понравилось. Заулыбались.– Чё я делал? Ливер давил, мантулил как проклятый с корешами. Деревню свою спасали. Ваш дом тоже утеплили, стёкла заклеили, соломы на чердак бросили, угля пять мешков под двери поставили. Колхозу соседнему скот помогли похоронить. Замёрз у них скот целиком. Глухо. Сегодня вон, когда ушел мороз, директор разрешил всем хутарнуть от радости до отрубона. Я счас оттуда и полз. А вы чего отфилонились?

– Да нам на людях поменьше бы рисоваться, – «Сизый» засмеялся. – Мы в самый мороз по ширме ходили в Кустанае. Лохи замерзли. В автобусах лопатники не могли поглубже в карманы утоптать. Ну, мы там и держали садку почти месяц. Потом горчили и гужевались в городе с бродягами местными. Приехали позавчера.

– Тут про нас и так какая-то сука парашу пустила, что мы припухали у хозяина. Вроде как фармазоны мы бывшие. Ещё, не приведи бес, подставят под фигу,– Колун высморкался и плюнул под ноги. – А нам счас мусора, флейши из штемповки кустанайской, как тесак на горле. Кича нам ломится за дела последние. Ладно, пошли, раздербаним да сбарабаем своё – как наездили. По равной лафе на каждого делягу.

Они ушли в дом, Игорёк подкинул в печку немного угля и достал бутылку самогона, стаканы к ним и рыбу сушеную. Занюхивать. Закуски не было. «Колун» взял журнал «Советский экран» и зачитался. «Сизый» открыл поддувало, закурил и дым пускал в него. Наверное, чтобы Артемьеву спать было легче. Без отравы табачной. Потом Игорёк, «Топтун» в воровском миру, достал из под шкафа кочергой мешочек холщёвый, длинный и пухлый. Расстелил на столе покрывало с кровати, поскольку не имел скатерти, и высыпал всё, что было в мешочке.

С минуту все сидели молча, притупев от увиденного. Вроде бы знали – что украли. Но всё вместе, ссыпанное в сверкающую серебром, бриллиантами, золотом, изумрудами и оцетинившуюся бумажными деньгами кучу, впечатление произвело даже на самих кушарей, удачливых воров. Долго разбирали всё, раскладывали по кучкам, деньги пересчитали и отложили отдельно. Наконец, через час примерно все было поделено по мазе, то есть без обид друг на друга и без «отвода». Честно, значит.

– Тут не вздумай барыг искать, – сказал «Колун». Предупредил Игорька: – Поедем втроём в город. Там все кишки сольём. Брюлики, рыжьё. Барыги есть надёжные. А хрусты тратьте, но колган включайте, не сорите бобосами, внимание

не привлекайте. Сейчас лягашей переодетых кругом полно. Заставляют их начальнички в злачных местах майданщиков да ширмачей с фармазонами петрить да вязать там же. Забожитесь!

– Сука буду! – откликнулся Игорёк Артемьев.

– Лягавым буду! – утвердил клятву «Сизый».

На том и разошлись. Мужики всё распихали в карманы. Игорёк сложил остаток в мешочек, сунул под шкаф, выпил сто граммов самогона и лёг спать. Но не уснулось сразу-то.

Он долго думал. Было о чём. Так и заснул. В думах.

Данилкин, директор, утром радостно орал в трубку, подпрыгивал над стулом и, насколько отпускал провод телефонный, уносился он в приятном разговоре от стола, хохотал от всего большого своего директорского сердца, а также вставлял с особым вежливым выражением слова «спасибо огромное» и «я ваш должник на всю жизнь». Мужики пришли к девяти и ещё полчаса наблюдали за артистическим выступлением директора перед, похоже, кем-то крупным из обкома партии. Играл он в этой маленькой пьесе, написанной для

дуэта начальника с подчиненным, очень подчиненного подчиненного. Он ахал, где надо, смеялся по роли, где положено было, вставлял разные приятные слова, хихикал томно и печалился, изменяя голос на почти скорбный. Видно, обкомовский босс честно врал Данилкину, в каком напряжении сил боролся со стихией морозной лично он, да и обком в целом, а также оба ЦК КПСС. Казахстанский и великий, заоблачный, живущий бессонно в заботах о народе, московский.

Прискучилось мужикам, хотя в играющейся пьесе было всё: драма, комедия, трагедия, памфлет, сатира и лирика. Просто надо было поскорее начинать ездить по городам и весям, искать людей добрых, договора заключать на поставку всякой еды, угля, дров, ну, и многого другого, чего как раз в трагический момент и не оказалось под руками корчагинцев. Решили мужики утеплить все здания в совхозе. Да вряд ли, конечно, такой же холод в ближайшие десять лет навалится. Хотя – чёрт его знает. Ну, а и не навалится, так зато летом может быть жара идиотская. Она через год повторяется. И люди в полях и на токах, где тени нет, чуть дышат, работая крепко, как положено. А утепленные дома, они ведь не только холоду препятствие, но и жаре. А на комбайнах надо деревянные кабины сделать. А ещё в кабины машин, комбайнов и тракторов поставить вентиляторы. В городе есть такие. От двенадцати вольт работают. Вот сколько дел! А Данилкин всё скачет вокруг стола и радость извергает в трубку. Не

остановится никак.

Олежка Николаев с Валечкой Савостьяновым пошли к окну. Смотрели на то, как кувыркаются прямо над площадью конторской счастливые выжившие голуби. Выше и ниже них тоже носились маленькие и большие птицы, наворачивая круги, взмывая вверх, смешиваясь в летучий комок и распадаясь на пёстрые голосистые фрагменты небольшого куска пространства над площадью.

– Празднуют жизнь, – сказал Олежка Николаев. – И мы тоже. Нам бы как птицам, хватало жучков на деревьях и крошек вокруг столовой... Вот и было бы счастье.

– Я вот не знаю пока, у кого просить за оптовые цены мясо. – Валя Савостьянов задумчиво скрёб стекло ногтем. – Нам и говядину надо, и свинину, и баранину, и птицу. Где у нас такие могущественные совхозы, в которых и не померз скот? Да чтобы кроме тех, кому они всегда продают, ещё и для нас хватило бы? Про картошку, редьку, капусту с морковкой вообще молчу. У нас в области восемьдесят процентов хозяйств – зерновые. Чего ржете? Ну, люблю я всё в проценты переводить. Может, бухгалтер крупный помер во мне! Вот... Некоторые горчицу сеют, рапс. А в основном овес, просо, пшеницу. Пятнадцать процентов дают мясо и молоко. Пять – овощи. Нам надо самим хотя бы картошку втихаря

от сельхозуправления сажать. Места выбрать подальше, куда они не добираются на проверках. Тогда нормально жить можно. А так – не наберём мы на всех овощей.

Настроение у всех было раскрепасное и потому они от души заливались, когда Валечка снова начинал швыряться процентами.

Данилкин неожиданно крикнул в трубку: – «И Вам счастья, и благополучия! Супруге мой поклон!» После чего, медленно стирая ладонью с лица дурацкое выражение победителя, помолчал минут пять. Потом поправил галстук и положил, подняв вверх сжатый кулак.

-Уезжаю я от вас, ребята мои дорогие! Забирает меня обком. Буду теперь с кресла заворотделом наш совхоз холить и лелеять.

– Когда? – спросил Чалый Серёга с недовольной интонацией.

– А прямо после майских праздников. Посевную отгарабаню и шмотки начну собирать. Но я ж вас не брошу. У меня там возможностей побольше будет, чтобы и технику поменять, и технологии новые пробить в ЦК для нас. А то вкалываем как до войны, в тридцатые. На тракторах «сталинец»

ездим. Как в пятьдесят четвертом Хрущёв их все скинул на целину, так и трясёмся на этих уродах древних. А я всё тут заменю!

– Верим, верим! – встрял Артемьев Игорёк. – На Вас, Григорий Ильич, вся надежда наша!

Стало тихо. Все до одного, кроме директора, размышляли: смеяться или лучше не надо.

– Нам, Григорий Ильич, надо разъезжаться по совхозам. В «Заводской», в «Пламенск-Пригорский», потом на Урал надо ехать. Под Челябинск и Свердловск. В той зоне, газеты пишут, мороз опускался не ниже тридцати двух. Значит там и мясо может быть, и молоко. Может, даже овощи, – доложил Валечка Савостьянов.

– Ну, так а в чём проблема? – Данилкин поднялся и пошел к «семерым смелым». Руки всем пожал. Приказы на вас будут с утра завтра. Командировочные на неделю тоже. И можете ехать. Потом ваши договора проведем через Управление, печати поставим и будем надеяться, что не подведут нас.

– Мало недели, – хмуро сказал Чалый Серёга. – Две надо. Минимум. Не везде же прямо так нас взяли, расцеловали и

одарили. Проблемы тоже будут.

– Ну, всё! – Данилкин был мыслями уже в мае. После посевной. Уже мысленно перенес себя в кабинет обкомовский. – Хоть по три недели берите. Лишь бы толк был!

Мужики вышли на улицу.

– Пока по домам? – спросил Толян Кравчук.

– Ну. Сегодня всё сделали. А завтра приказы и командировочные возьмём, тогда и кинем на пальцах, кто с кем и куда двинет. Всё! – Чалый махнул рукой.

– Серёга, мне твоя помощь нужна. – Игорёк Артемьев взял Чалого за рукав. – Идём домой ко мне. Там всё расскажу и покажу. Но если ты откажешься – никто больше не поможет. И тогда мне кранты. Вилы. Только начал жить как человек. И прошлую жизнь не хочу даже нюхать. А так выходит, что опять влип я, по-моему. Спаси меня, Чалый

– Ханьги достают? Блатные? Это те, которые в совхозе на стройках и ремонте домов? – Чалый Серёга усмехнулся: – Что, не удержался? Сманили тебя на «скок» козлы эти? Понятно. Ну, пойдём. Распишешь мне всё как было и куда завернуло. Придумаем что-нибудь.

У Игорька сидели они часа полтора. Он всё Чалому рассказал за последние пять лет. Мешочек свой из-под шкафа достал. Отдал ему. Даже заплакал в конце.

– Жить хочу. Вашей жизнью. То есть, нашей. Не могу больше лопатники из карманов да сумок дёргать. Хаты обносить не могу больше. Ведь вот-вот только жить начал. Работать хочу, зарабатывать бабло, как правильный человек, а не гопник.

Серёга перебрал внимательно всё, что высыпал из мешочка, ухмыльнулся и ссыпал всё обратно.

– Доля твоя?

– Моя, – Опустил Игорёк Артемьев голову.

– Ладно. Беги, позови сюда Валечку Савостьянова. Втроем пойдем к этим... А я пока домой схожу, переоденусь.

– Может я тут побуду? – Артемьев Игорёк сказал это и рот рукой прикрыл. – Ляпнул не то.

– С нами пойдешь. Сзади будешь стоять. Но пойдешь. Беги за Валентином. А твою долю я, гляди, кладу себе в кар-

ман. Не жалко?

– Да век бы я воли не видал из-за этих цацек. Бери! – крикнул Игорёк, убегая.

В конце посёлка стояли семь домов, в которых жили бывшие зеки и парни, сбежавшие от возможных арестов, алиментщики и мужики, свалившие в неизвестность от долгов карточных и всяких других, но непременно крупных.

– У нас, блин, на целине якобы целиком комсомольской, реально по путёвкам приехавших романтиков и энтузиастов, собравшихся натурально коммунизм строить, от силы, может, процентов пятнадцать-двадцать, – грустно сказал Валечка Савостьянов, который обожал всё измерять процентами. (Хихикали над ним все. Говорили: – «Тебя, Валя, самого в семье сколько процентов?»). А остальные – вот эти все, бегунки. Ворюги, мошенники, шпана всякая, которые под статьями своими уголовными ходили – дрожали на родине. Ханыги, барыги, урки с вольного поселения смывшиеся подальше, где искать не будут. Короче, в чем-нибудь, кому-нибудь да нагадившие. Или от пьянки своей одуревшие и в родимых местах непригодные. Изгои, короче. Вот ведь беда какая. А народ в городах газеты читает, радио слушает.

И втюхивают народу в мозги, что целина позвала патриотов и горячих энтузиастов, а они враз все и подпрыгнули от радости и урыли, счастливые, в нашу пропащую «чёрную дыру» коммунизм приближать и страну отменным хлебом заваливать. Вот ведь жизнь, сука! Парадокс на парадоксе. Вот этим, к кому мы идем, и Родина по хрену, и на коммунизм они клали с прибором. У них одно счастье – что здесь их точно хрен найдут. А мы их не сдадим.

– Да весь Казахстан сейчас такой, – улыбнулся Чалый. – Как Австралия какая-нибудь. Туда же со всего белого света вся шушера сбежалась. От монголов и мексиканцев, до немцев и англичан. А место-то далёкое. А ну, доплыви туда с проверкой – кто там жизнью командует. Так это должна дивизия приплыть десантников. А то и две. Простых чинуш-контролёров удавят как клопов. Вот в Казахстане – почти Австралия. Места до хрена. Площадь огромная. Живи, хоть где и делай, что хошь. Потихаря, конечно. Вот все сюда и ломаются. Всякая рвань в первую очередь. Концы прячут. Ну и те ещё, кто думает, что на этой богатейшей недрами пустоши можно лавэ делать, почти не шевеля рогом. Смотри, сколько корейцев, немцев, нас – русских, татар, узбеков, даже китайцев, прибалтов, украинцев, белорусов. Ноев ковчег, блин! Хрен где ещё такое встретишь. Может, в Америке только. В Казахстане этот коктейль дружбой народов зовут. Гордятся. А что! Сами казахи – нормальные люди. Добрые.

Смелые. Жить и дружить со всеми умеют. Повезло приедем. Всем места хватает. Живут в основном мирно, дружелюбно. Но вот чего им, узбекам да прибалтам, в своих родимых вильнюсах да самаркандах не мёдом намазано, а дерьмом? Не знаю.

Пришли к дому «Колуна». Двери были приоткрыты и несло оттуда крики пьяные, тошнотный дух самогона и веселый гомон по фене. Чалый приоткрыл дверь и крикнул в смрад табачно-самогонный.

– Эй, Колун! Серёга Чалый зовёт. Вышел бы!

Послышался топот нескольких пар ног и на крыльцо вывалилась небольшая кодла человек из пяти. «Колун» впереди. Он долго разглядывал Чалого Серёгу, Валечку и притаившегося за их спинами Игорьька Артемьева. Потом поднял руку и своим сказал: – Ша! Я один потолкую с этим бесом.

– Шо надоть вам, фраера?

– Им ничего не надо, – Чалый подошел к Колуну на расстояние шага. – Мне надо.

– Ух ты, взбух ты! Ему надо, мля! – Колун обнажил зубы с желтыми фиксами. -

Тебе пожрать вынести? У вас же, коммуняк, голодуха. А я тебе сейчас колбаски нарежу. Любительской. На всю вашу голодрань.

И он мгновенно выхватил из голенища валенка финку. Выхватил и шагнул к Серёге Чалому. И чтобы пугнуть, финку выставил на вытянутой руке и пошевелил ей.

– Годится такое пёрышко, чтоб на форшмак расписать?

Он не успел закончить свою строгую фразу, потому что Чалый чуть шагнул прямо на Колуна, резко перехватил кисть, потянул руку мимо себя, а сам неожиданно повернулся к нему спиной. Руку с ножом он подтянул к груди, чуть подвернул колуновскую кисть, вынул из кулака разжавшегося нож, а кисть довернул от себя вперед и здоровенный, чуть поменьше самого Чалого Колун,

плашмя рухнул в снег.

– Сука, Чалый, ты мне руку сломал! Ответишь, падла!

– Захотел бы – сломал. А пока просто больно чуток сделал. Лежи, не вставай и слушай.

– Братаны! – заорал Колун. – Какого вы, мля, сморщились! Упокойте фраерков.

Первого, который рванул с крыльца к Чалому, Валечка, кандидат в мастера по боксу, сразу опустил на снег. Тот даже руку с финаком не успел поднять. Нокаут был глубокий. Минуты на три, не меньше. Когда четверо остальных осторожно, выная попутно финки из голенищ, стали спускаться с крыльца, Серёга Чалый распахнул тулуп, чем-то щелкнул и вторая половина ремня упала на снег, а двустволка ИЖ в правой руке Чалого уперлась прикладом в живот и двумя воронеными стволами уставилась в нападавших.

– В кармане ещё двенадцать патронов. Двое лягут сразу, а перезаряжаю я быстро. Очень быстро, – он перевел стволы в сторону Колуна:

– Лицом ко мне! Быстро!

Колун, матерясь, перевернулся на спину и левой рукой бережно поддерживал болевшую правую.

– Сюда гляди, хорёк! – Чалый достал из-за пазухи серый холщевый мешочек.

– Узнаешь?

Блатной кивнул.

– Тогда скажи своим, чтобы шли в дом. Мы с тобой сами потолкуем.

Колун ещё раз длинно выматерился и хрипло приказал мужикам, чтобы они забрали вырубленного Валечкой ухаря и шли в дом.

– Короче, – Чалый Серёга бросил Колуну мешочек. – Доля Игорька теперь твоя доля. Можешь ей разделить с напарником по гастролям вашим. Или всю себе забери. Игорька больше не трогать, к себе не звать, к нам, на нашу сторону не приходить. На дело его не заманивать и никому его не сдавать. И помни. Если он даже сам случайно ногу себе подвернёт, отвечать будешь ты. И ещё. Про убийство агронома у нас слышал?

– Ну и что? – удивился Колун. Все слышали.

– Так вот убийцу не нашли пока. Да толком и не искали ещё. Холода помешали. Но вот не сегодня-завтра следаки поновой приедут. Хочешь, чтобы они к тебе заглянули?

– Я всё словил, братан. Базару нет. Сука буду, если что

сделаю не так, как ты просил.

-Ну, молодец! Умный же человек! Иди домой. Счастливо вам погулять.

Домой возвращались молча. Чалый разрядил двустволку, ремень пристегнул и финку, которую отобрал у блатного, швырнул далеко в сторону. Валечка Савостьянов насвистывал «чарльстон». Пластинка у него была с этим танцем. Он никак не мог научиться его танцевать. Но насвистывал точно. Как музыкант. Игорёк Артемьев подошел к Чалому и просто прижался к нему. Без слов.

А какие тут слова? И зачем слова? Тут дел полно. Забот о жизни хорошей.

Которую надо заработать. Через силу, усталость и боль душевную от своих и чужих потерь страшных. Но надо!

Потому, что без хорошей жизни и жить-то стыдно на свете белом...

Глава десятая

Названия населенных пунктов, имена и фамилии действующих лиц изменены автором по этическим соображениям

Февраль шестьдесят девятого, похоронивший в убийственном холоде своём не только домашних и диких животных, птиц, рыбу в озёрах под двухметровым льдом, который нечем было пробурить, озимые в промёрзшей на метр земле, не справился только с людьми. Следовательно, не погубил он и надежд деревенского народа на то, что всё можно сделать снова так же, как было. Ничего не воскресишь, конечно, а вот занять у далёких соседей скот и птицу, мальков запустить, которых в кустанайском рыбсовхозе спецы сумели сохранить почти без потерь, вместо озимых вспахать засева и заменить их весной на яровые! Ну, и пойдёт снова дело. Злобы у мороза треклятого имелось в избытке. Вон сколько порушил всего. Но ума-то у него нет. Ум, он только у людей. На него и расчёт весь.

И вот как только сгинул в свой ад, откуда пришел, беса-

ми выпущенный на волю сверхъестественный мороз, так и разъехались лучшие люди из угробленных хозяйств по миру. Добра искать. Мотались не только по окрестностям знакомым, но и в дальние края заносило их. Туда, где всегда милостивые к живому зимы и отзывчивые люди. Покупали, в долг брали, а некоторым вообще везло несказанно. Им, к купленному, ещё и дарили живность. Хоть и не по многу, но всё же в радость! Сельхозуправление областное пробило через ЦК казахстанский кредиты в Госбанке. Денег, правда, давали немного, причем всего на пять лет. Хорошо хоть без процентов. Так ЦК распорядился. Беда ведь была. Стихия. Какие уж тут проценты. Вернули бы хоть основное.

Скот и птицу возили из России, Белоруссии, с Украины и, казалось, вот-вот, да и вернутся прежние времена, когда всем хватало всего. Но не вышло так, как замышляли. Многие породы животных и птицы не прижились на целине. И корм не тот, и вода, да и климат в целом не устроил приезжих. Это люди приспособляются хоть к чему. А скот южный, да из средней полосы не сросся с природой целинной. И гуси, куры да утки тоже не все остались живыми. Не пристроились. И уже до весны шестьдесят девятого, до апреля, потому что март на целине северной – ещё зима, чуть ли ни половина всего купленного скота и птицы отправились на тот свет. И с тех пор, как ни изворачивались животноводы, не получилось у них, как мечталось. Сколько лет потом прошло

после ужаса той зимы, а так и не вернулось прошлое благополучие и достаток. И долги кредитные душили, а денег уже не оставалось ни у кого. Как, собственно, и надежд. Никогда больше при советской власти ни одному, за редкими исключениями, хозяйству животноводческому восстановиться не удалось. И стал обычный народ с тех пор есть мало мяса, пить мало молока, потому как всего этого и меньше стали продавать, и подорожало оно немного.

– Накрылся коммунизм, – заключил однажды за пьяным столом Толян Кавчук. Было это после третьего рейса «агентов по снабжению» на уральские земли. На пропитание корчагинцам они надёжно договорились и насчёт мяса, курицы, гусей и даже индюшатины. По поставкам молока, кефира, катыка прямо в Кустанае пробили хорошие договоры. Но радости не было.

Они истрепали нервы в поездках, поскольку таких бригад-просителей, соседей корчагинских, ближних и дальних, колесило по Уралу, восточной России. Украине и Белоруссии так много, что надо было ухитриться обогнать конкурентов, обхитрить и обдурить. В гостиницах разных городов, в буфетах на этажах, встречались целинники из разных сёл и делились новостями: кто, чего и сколько добыл.

– Вы можете в Краснопутский район и не рыпаться, – с

тусклым взглядом сообщал соседям Игорёк Артемьев. – Мы там четыре дня по колхозам катались. Жлобы там в основном. Не дали ничего. Самим, говорят, впритык хватает.

– А куда ж ехать теперь?– напрягали умы соседи, разворачивая на столах карту области. – Попробуем тогда в Братский район. Там сорок совхозов с колхозами.

– Эх, бляха! И мы туда ж мылились податься! – с реалистичным разочарованием на лице горько произносил Олежка Николаев, демонстрируя Игорьку и конкурентам яркий пример артистизма и откровения. Свои ребята, будь они сейчас не в другом месте, а рядом – и те бы купились на искренность Олежкину.

И соседи, естественно, ехали в Братский, а Артемьев Игорек с Николаевым на своем «ГАЗоне» быстренько проносились по Краснопутскому району, на который имели наводку от продавцов городских магазинов продовольственных и заключали там замечательные договоры, связывались по межгороду с Данилкиным, который по продиктованным счетам заранее оплачивал мясо, птицу, картошку и прочие нужные овощи. Так же отменно поработали и Чалый с Валечкой Савостьяновым, Кравчук с Лёхой Ивановым и одинокий, но удачливый «волк» Кирюха Мостовой.

Уже через неделю после возвращения охотников за продуктами домой товар пошел косяком. Только и успевали назначенные Данилкиным мужики распределять добро по складам и хранилищам.

По этому поводу, само-собой, организовывался «обмыв» удачного рейда. Пили в конторе, в домах добытчиков и на капотах машин за посёлком.

– Повезло нам, – мрачно говорил Чалый. – Коммивояжерам хреновым.

– А это ещё кто? – удивлялся Игорёк. – Не было больше никого. Сами всё прошибли.

Данилкин пил молча и думал о том, что эти договоры, конечно, неплохие, но не вечные. На следующий год ребятишкам всё придется по-новой искать. А его уже в совхозе не будет. И станет он направлять своих бывших подчиненных по собственным договоренностям. Обкомовским. Надежным.

– До восьмидесятого года наша зона целинная не очухается. Не восстановит поголовье и мясное производство. И картошку с морковкой тоже не восстановят, – грустно, но уверенно говорил Чалый Серёга. – То есть, коммунизм подзадержится лет на пятнадцать. В лучшем случае.

– А я чего говорил! – не слишком сокрушаясь, вскрикивал уже прилично поддатый Толян Кравчук. – Да не больно-то и надо. Коммунизм это маяк для идиотов. Надо просто жить по-человечески. Есть нормально, пить в меру, работать побольше, зарабатывать получше. А коммунизмом это назыви или похренизмом – чего поменяется? Надо просто жизнь проживать с пользой для себя и тех, кто рядом. Если везде так будет – вот и никакого коммунизма не надо.

В похожих разговорах и посиделках увязли ребята дней на пять. Много это было для полного безделья или мало – не задумывался никто. Дело сделали. Совхозных людей от голода спасли. Важнее этого события мог быть разве что только приезд в корчагинский на гастроли самого Аркадия Райкина. Вот кто мог бы окончательно и навсегда разогнать тоску, оставшуюся всё же у народа после стихийного бедствия, в котором пока и не понятно кто выиграл: люди или злые силы. Неизвестно за какие грехи, на невинный народ напавшие в самые приятные годы социализма.

В самом начале марта, когда ещё зима на целине, когда весной и не пахнет никак, народ рабочий каждый день собирается в кабинете директора Данилкина и рассуждает, при-

кидывает, высказывает опасения и предлагает что-нибудь дельное. Не весь, само-собой, совхоз втискивается в небольшой кабинет и орёт там, правду-матку кроет или успехи прошлые напоминает, чтобы повторить. Собирает директор Данилкин тех, от кого можно и мысль неплохую поймать, кто получше соображает и кого основная масса трудовая уважает за хорошие мозги и умелые руки. Набирается таких не больше двадцати. Но и от них грохота на заседаниях столько, что после посиделок деловых у всех, кто потом вываливается на воздух, шары на лбу и красные лица. Эмоций у трудового населения, реально желающего совхозу своему добра и процветания – примерно как у десятка тысяч болельщиков футбольных в тот момент, когда нападающий их любимой команды выходит один на один с вратарём. Вот вываливаются они все на улицу, закуривают и на кучки разбиваются. Состоят такие миниатюрные коалиции строго из единомышленников. Они на ходу продолжают обсуждать свои прогрессивные мысли и способы их внедрения в башку директорскую, идут домой к кому-то из них и продолжают деловую конференцию под самогон и лёгкий закусь.

Пятого марта покричали на все горячие темы. После чего утихомирились и уже в лирическом настроении обмозговали, как получше поздравить женщин восьмого марта, чтобы в этом году поздравление и празднование не напоминало все прошлогодние. Новизны всем хотелось и свежести. Жен-

щины совхозные были почти все в почёте и потому присутствовал смысл отметить их существование солидно, достойно, красиво и радостно. Но в этот раз ничего нового никому в голову не всплыло. Цветы из города, подарки из серии бытовой электротехники, награждение грамотами и всякими вымпелами, ну и, конечно, большой стол с шампанским и тортами из того же Кустаная. Разочарованные отсутствием новизны лучшие люди хозяйства удалились для продолжения трудовых дискуссий.

– Чалый, ты погодь пока. Не уходи. Подожди меня. Я на пару минут выскочу, – И Данилкин выбежал из кабинета. Слышно было, как он позвал своего шофера Василия Степановича, который сидел всегда в холле первого этажа и постоянно читал книжки. Шофер поднялся, директор Данилкин пробубнил ему какое-то указание и вернулся, сел за стол.

– Ты, Серёга, за месяц холодов заметил, что нигде нет Костомарова? – уперев подбородок в кулак спросил он.

– Почему я один? Все заметили. Он как в город свалил жену разыскивать, так и с концом. Тоже пропал, что ли? – Чалый Серёга засмеялся. – Его в городе Валечка Савостьянов видел. Когда ездил в сельхозуправление. Ты же и посылал с бумагой какой-то. Рядом с управлением есть кафе «Колос». На углу прямо. Ну, ты, Ильич, знаешь. Так Валечка пошел в

кафе перекусить, а там видел Костомарова. Он сидел за столиком и ещё четверо. Валя их не видел раньше. Все были вмазанные по самое не хочу. Вообще не фурычили. Костомаров Валечку и не заметил.

– Вот... – Данилкин, директор, закрыл глаза и лицо к потолку поднял. Вздохнул. – Вишь, как садануло человека горе. Не нашел нигде жену, да и запил. Звонил мне пару раз в неделю. Отмечался, что живой, но пьёт сильно.

Отпуск без содержания просил дать. Я дал. Хрена тут было делать в тот колотун? Пусть, думал я, запьёт горесть свою. Вообще распался человек на кусочки рваные, обожженные. Приедет – не узнаешь.

– А чего ему приезжать? – Чалый хмыкнул и уставился острым глазом в Данилкина. – Ты в мае в обком уходишь, так? На место спившегося экономиста ты посадишь трезвого. Так? А то Костомаров мозг пропил и насчитает такого, что тебя и в обкоме тряхнут. А он же всегда агрономом хотел стать, значит станет теперь. Посевная на носу. Агроном бывший в могиле. Экономистом посадишь Расторгуева Ивана. Я тебе ещё пять лет назад говорил. Парень после экономического факультета пашет на тракторе. В третьей бригаде. Вот Костомарова агрономом ставь. У нас – что есть агроном, что нет его – без разницы. Нам вот эту старинную технику

дали, установки все по технологии обработки земли дали. Отступать от них не велено. Так что, агрономом хоть Игорь-ка Артемьева ставь полуграмотного – ни хрена не произойдёт. Костомарову там и место. А чего ты, Ильич, про него вспомнил-то?

– А он приедет сейчас. Звонил. Говорит, что и жену не нашёл, и всё что мог выпил. Забил горе вглубь. Я за ним Степаныча отправил. Скоро дома будут.

– Ну а мне-то какая в хрен разница: сегодня он приедет или вообще не приедет? На автобусе или в твоей персоналке. – Чалый закурил и посмотрел на Данилкина с любопытством. – Мне ты это всё зачем персонально докладываешь? Он тебе особо дорог чем-то? Или обязан? А, может, ты ему?

Нахмурился директор Данилкин. Поднялся. Ходить стал по кабинету. Бормотал что-то не слышное.

– Не хотел я тебе говорить. – Данилкин остановился напротив Серёги Чалого. – Ну да нет выхода. Кроме тебя никому здесь довериться не могу. Костомаров мне огромную свинью подложил в отчетах позапрошлого и прошлого года. А я эту туфту подмахнул своей росписью. Бумаги те я прочитал тогда внимательно. И отправлять в обком не стал. Неделю сидел, переписал всё. И свои отправил. А за те бу-

маги, которые он составил, не прочитай я их вовремя, меня не в обком, а в тюрьму пересаживать надо было бы. Такие дела. Ну, хорошо, эти два последних отчёта я переписал. А все предыдущие не трогал даже. Подписал и наверх отправил. Вот если из Москвы захотят комплексную проверку сделать, они их прочтут точно. А там приписана ровно половина от натурального урожая. Спросят Костомарова, откуда такие цифры, он и скажет, что я приказал. Тогда мне тюрьма. А его просто с должности снимут.

– От меня-то чего хочешь, Григорий Ильич? Чтоб я подумал, будто Костомаров сам осмелел, обнаглел и через сто-процентные приписки совхоз в передовые вытащил? Я про отчёты ваши не знаю ничего и знать не хочу. Но ты-то меня за идиота тоже не держи. А то неловко мне. Ты что, передумал Костомарова и агрономом ставить? Мечту ему поломать? Я вижу, что побаиваешься ты Костомарова, Ильич. Не буду говорить, за что. Ни тебе, ни проверяющим, ни мусорам. Слово ты моё знаешь. Но что от меня-то хочешь? Не пускать в совхоз тёзку моего? Или дом его спалить, чтобы обратно уехал в Калугу свою? Что-то не уезжает сам. Жена испарилась. Сам спился, считай. Чего ему тут тосковать, в нашей «черной дыре»?

– Нет. Погоди, – Данилкин взял Чалого за плечо. – Тут дело не в Костомарове. Хрен с ними, с приписками. Кто не до-

бавляет цифири к урожаем? Назови хоть одно хозяйство. Ну, может, «Альбатрос» один. А дело было в Петьке Стаценко. Царствие ему небесное, как говорила мама моя, покойница. Он на меня уже восемь бумаг настрочил в область. Хорошо, там свои ребята читали. Притормозили бумажки. А Петька и в Алма-Ату собирался ехать с докладными, и в Москву. И если хоть в одном месте бы кто-нибудь вник в его рапорта, конец мне. И как директору, и как обкомовцу. Там за все годы, с пятьдесят седьмого начиная, я себе на расстрельную статью отчётов насочинял. А цифры-то изобретали Костомаров с женой своей. Я же Петьке Стаценко не рассказывал ничего. Он сам бумаги просматривал и под моей подписью свою ставил. Главный агроном же. Он и сообразил легко, что писали Костомаровы, а хотел этого я.

– Ну, даёшь ты, Григорий Ильич, – Чалый Сергей достал новую папиросу, закурил. Задумался. – И ты Петьку на два метра в глубину рукой Костомарова отправил. И баба его, понимаю, тоже при делах. Во, мля! Дурак ты, Данилкин. Мусора же сейчас опять начнут тут рыть. А капитан Малович – не хрен с горы. У него мозги как у ЭВМ. И чутьё звериное. Я, конечно, помогу от тебя опаску отвести. Ты мне мои две ходки на зону спрятал. Одну старую, Гомельскую, а одну местную. Три года мотал я на киче за дела поганые. А ты и паспорт новый выправил, чистый. И человеком сделал. Да ещё в партию вступить рекомендацию дал. Кандидатский

срок проходит уже. А потом примут и пойду я из трактористов в рост. Спасибо. И потому, всё, что я слышал сейчас, уже умерло внутри. Слово! Ну, что я сейчас могу сделать для тебя?

– Тебя же наши блатные побаиваются? Да, ещё как! – Данилкин наклонился к лицу Серёгиному и шептать стал. – Блатняки ни в чем тебе не откажут. Поговори с ними. Пусть они Костомарова по пьяной лавочке пришьют. Ну, вроде как бы в драке. Он же пьяный – дурак полный, Костомаров. Первый драться лезет. А они его тихонько так... Чтобы не понятно было, кто конкретно его «пером» поддел. Много народу, свалка и так далее. А у меня камень с души соскользнет. Чую я, что мечтает он меня посадить за приписки. Потому, что это он их сочиняет. А я, дурак, до позапрошлого года все отчёты подписывал не глядя. Верил ему. А за Петьку Стаценко тем более сдаст, если Малович его придавит, как он умеет.

– А на кой чёрт ему сдавать тебя? Он тебя в задницу целовать должен. Ты его, придурка бестолкового, экономистом держал на хорошем окладе столько лет. Теперь вот агрономить начнет. Главным агрономом. На сто рублей зарплата больше! Чё-то не въезжаю я, Ильич. Зачем ему брюхо вспарывать? Молчать будет, как немой. А расколят его тут, он на зоне точно рот не откроет. Его, если что, в кустанайскую

«четверку» и посадят. А у там меня знакомых среди вертухаев навалом. Ты это знаешь, а он от тебя знает. Прав я? Вот там без лишней трепотни его, если попросим, загасят. В рай улетит душа – он и сам не заметит.

– Ой, правда. Что-то я как деваха трусливая перед первой брачной ночью, – Данилкин засмеялся и сел за стол. Хотя выражение лица никак не сочеталось с отпущенной шуточкой про первую брачную ночь. – Всё, Серёга. Выкинь из головы. Нашло на меня что-то. А и действительно, чего ему меня топить?! Благодарить всю жизнь должен. Забудь, Чалый. Не просил я у тебя ничего. Лады?

– Да успокойся ты, Ильич! Костомаров у тебя как собачка домашняя. Руки лизать будет. Точно говорю.

Он шел домой и думал о разговоре. И не просто вспоминал. А именно задумался над общей картиной, нарисовавшейся за последние несколько месяцев. Петьку Стаценко, агронома, закололи ножом, потом жена Костомарова ни с того, ни с сего испарилась, затем сам Костомаров слинял с глаз побольше, чем на месяц. Кто правил этим балом чертей? Данилкин, сука. А трухнул крепко. Проверял меня. Согласится ли он, Чалый, сам замазаться и чужими руками отправить Костомарова в ад или в рай. Но на фига проверял? И пока не срасталась картинка из фрагментов в ясное полотно. Но

Серёга Чалый сам себя и уважал за то, что ум его всегда правильно делил целое на части, а из любых рваных частей мог склеить верное, единственно правильное целое. Надо было просто немного подождать пока ум самостоятельно выполнит свою задачу.

Дома Чалого кроме жены и дочери ждал Олежка Николаев. Злой, как голодный степной волк, с трудом доживший до оттепели.

– Пойдем, Серёга. На улицу, – прорычал Олежка. – Посоветоваться хочу насчёт бабы своей, суки трёпанной.

– Может, поедите сначала? – взяла Серёгу за рукав Ирина, жена.

– Да мы на пару слов всего, – махнул ей рукой Олежка.

– Блин, ни одно важное дело не могут без меня решить, – с удовольствием, от которого его самого покорило, подумал Серёга Чалый. С большим удовольствием подумал он о незаменимости своей. Сознание силы своей разумной раньше не так уж часто крутилось в голове, а вот уж лет пять сам он заужал и даже полюбил свою незаменимость и исключительность.

Хотя, чего уж там! Очень приятной и, наверное, уже очень нужной ему была далеко не впервые посетившая Серёгу эта сладкая, ласкающая душу, гордая, и немного всё же стыдная мысль.

– Она, падаль, опять с Мишкой Зацепиным спуталась! Неделю уже дома не живет. Через день ночевать приходит. А так – у него на хате постоянно. Бешенство матки, бляха! – Олежка говорил и аж задышался от злости. – Я уже ей говорю: «Ну, ты, мля, Оля, мля, хоть платье скидай когда дрючит он тебя, сука ты ненасытная. А то вон весь подол до пупка в молофье. Сын же видит! Ему на кой болт знать, что ты у нас курва проститутская? Жрать не готовишь неделю. Я-то ладно, а Вовка голодный постоянно, это как? Кирюха Мостовой кормит его. Сам. Жена у него такая же сучка, как и ты. И всё не свалит никак в «Альбатрос» к Алипову своему».

– Ну? – спросил Серёга Чалый.

– Начисть хлебало Зацепину. Пусть отвянет уже. Ей-то бесполезно говорить. Шалава, она и есть шалава до конца жизни. Мы ж сто раз говорили с ней, что пусть гуляет, мне по хрену. И живём так уже девять лет. Пацан уже, мля, во втором классе. И живем как договорились: каждый сам по себе. Без ругани и развода. Но ты ж, падла, совесть имей. Пойди, перепихнись, как собака, но потом домой вертайся. Стирай,

вари, пацана воспитывай, уроки проверяй, полы мой в доме. Ну, бляха, не могу! Я её, суку, удавлю когда-нибудь. Вон, мля, рубаха на мне воняет. Нет, стирать ей некогда. Хрен чужой маячит в мозгах!

Олежка умолк и сел на корточки. Снег стал пальцем ковырять. Успокоиться не мог.

– Ладно, – Чалый похлопал Николаева по спине. – Пойди к Толяну Кравчуку и передай просьбу мою: пусть стоняет к Зацепину. Миха, кстати, червонец у Кравчука занимал ещё до морозов. А отдать не торопится. Вот пусть он и червонец заберёт, и от Ольги твоей отмахнётся хоть на месяц, что ли. В рыло пусть пару раз въедет. Но без перебора.

– Спасибо, Чалый! Должок за мной! – крикнул Николаев Олежка на бегу. – Ты настоящий друг.

– Во, бардак! – хмыкнул Чалый. Дом красных фонарей, мля! И ничего. Живут. Второй десяток скоро пойдёт. Чё только не бывает. Век живи, век удивляйся!

И он пошел в дом. Ира уже поставила всё на стол и гладила в углу бельё на маленьком узком столике. Серёга сам сделал.

– Сейчас суп налью. Садись уже, – Ирина прошла мимо, к

печке, и Чалый с удовольствием похлопал её пониже спины, где всё было вылеплено природой просто идеально.

Костомаров приехал с Василием Степановичем на белой «Волге» Данилкина.

Он был с такого похмелья, что толком и не видел, куда идёт. Степаныч под руку подправил его к ступенькам и с трудом дотащил пропащего до кабинета.

– Ты вот чего, Сергей! – Данилкин налил ему стакан водки, бутылку закупорил пробкой самодельной из бумаги и сунул её Костомарову во внутренний карман драпового пальто. – Пей сейчас, чтоб глаза открылись и гуляй домой. Там спать ложись. Допей, сто граммов оставь и высыпайся до утра. Потом потолкуем кое о чем и дальше жить будем. Меня в мае в обком заберут. А тебе тут главным агрономом оставаться. Надо мне завтра понять твой настрой.

– Я не могу домой, – тихо прохрипел Костомаров. – Там Нинкин призрак. Привидение. Ждёт. Губы кровью моей намочить мечтает. И высосет всю! Она отомстит. Она может! Злая была баба.

– Ты рот закрой и нигде больше херь эту не гундось! – прикрикнул на него Данилкин. – Не хватало, чтобы посторонние стали догадываться. Полынью, куда Нинку спустил, хорошо снегом завалил? Поверху припорошил после всего? Следы замёл?

– Метлой, – Костомарова стало тошнить и он согнулся, закашлялся. – Я потом метлу принес. Задом шел и заметал. Да и буран потом пошел. Нет там ничего. Не видать.

– Но в апреле, когда таять начнет лёд, ходи туда каждое божье утро. По рассвету. Потому как вытолкнет её из-под льда. Трактор чтоб на берегу стоял. Не забыл, как ездить-то на тракторе? Выдавит её – отвези за двадцать третью клетку. Там ров есть. Помнишь? Подкопаешь сверху траву, пласт подыми и отложи в сторону. Положишь её туда, сверху накроешь плотно пластами. Притопчешь. А в мае уже и зарастет все. Вечное пристанище, прости господи.

Костомарова вырвало прямо на пол. Он зарыдал, опустился на колени и стал биться головой о пол, прямо по тому месту, куда его вырвало.

– Ну, скотина! – Данилкин шагнул назад и позвал шофера. – Там ведро внизу, вода, тряпка. Давай, Степаныч. А ты, ухарь, раз уж наложил в штаны, то не ходи домой. В ленин-

ской комнате ночуй. Василий Степаныч тебе там раскладушку поставит и постелит. Пойдём.

...И через полчаса Костомаров проблевался еще раз уже в ленинской комнате, потом выпил из горла граммов сто пятьдесят и упал на раскладушку.

– Нормально лёг, – проверил директор. – Только на бок перевернем его, Вася, а то, не дай бог ещё...

Утром рано, девяти ещё не было, Данилкин выпил дома стакан чаю и побежал в кабинет. Даже пальто не скинул, сел торопливо к телефону поближе и набрал межгород.

– Двадцать восьмая, – отозвалась телефонистка.

– А! Танечка! Это Данилкин. Привет, красавица. Мне в Кустанае дай два – сорок шесть-одиннадцать.

– Как здоровье, Григорий Ильич? Все хорошо? Сейчас будет.

– Управление. Малович, – донёсся бодрый голос капитана из далекого кустанайского областного управления милиции.

– Доброе утро, товарищ капитан! Данилкин беспокоит из «Корчагинского».

Ты, Саша, просил позвонить, когда вернётся Костомаров. Так вот он и появился вчера вечером. Говорит, месяц в Кустанае жену разыскивал.

– Привет, Ильич! – Малович обрадовался звонку. – Ну и? Нашел он её?

– Никак нет! – печально ответил директор Данилкин. – Вернулся весь в горе горьком. Пил сильно от переживаний. Но сегодня будет уже в состоянии с вами общаться. Я его своим методом привёл в норму.

– Добро! – Малович почему-то обрадовался возвращению Костомарова. – Сегодня не получится. Но завтра утром приедем с Тихоновым. Ты нам, как обычно, жильё подготовь и еду. Мы с недельку у вас погостим. Лады?

– Да гостите, сколько хотите. Всё будет. Ждём!

Он аккуратно уложил трубку, разделся и выдохнул.

– Всё! Хватит игр в «угадайку». Надо размораживать де-

ло. Костомаров сделал лишнее. То, о чём я его не просил. Пусть ответит попутно и за то, и за это.

А меня он не сдаст. Не такой дурак он, чтобы не догадаться, что если продал меня, то, считай, похоронил и себя. Дальше кустанайской области попрошу Маловича его не этапировать. А в любой нашей зоне жить ему останется с гулькин хрен.

Он ещё посидел, глядя в окно. Потом перевел глаза на календарь.

– Ё-ё-ё-о-о! – воскликнул Данилкин, директор, от всей своей заботливой души.– Уж никак седьмое марта! Завтра поздравление массовое и личное! Блин! Эй, кто там в коридоре есть?

– А я пока один ещё, – сунул голову в дверную щель Артемьев Игорёк. Николаева жду и Серёгу Чалого. Все подарки, торты и шампанское с тюльпанами тепличными мужики привезли вчера вечером. Начнем готовить всё в актовом зале.

– Давайте! – Данилкин потер руки.– Женщины, это ум, честь и совесть наша мужицкая. Не они бы – жариться нам всем в аду при жизни. Такие мы, мужики, недотыки. А жен-

щины – это и Центральный комитет наш персональный, и Политбюро. Без их руководящей и направляющей роли таскала бы нас, дураков, жизнь по ветру, как солому по полям.

Костомаров с трудом пытался проснуться в ленинской комнате. Шофер Василий Степанович под окнами масло доливал в «Волгу». Народ шел на рабочие места, а над корчагинским совхозом темно-розовое рассветное небо плавно превращалось в голубое. Прозрачное и светлое как, новый добрый день.

Глава одиннадцатая

Все имена, фамилии действующих лиц и названия населённых пунктов кроме города Кустаная изменены автором по этическим соображениям.

Никто до сих пор не смог толком объяснить феномен

восьмого по счёту дня в марте. Ну, да, праздник это. Но сколько их у нас, этих праздников! И не один из многих, очень значительных и важных, даже собственный день рождения не уносит людей так далеко от обыкновенных реалий в волшебную эйфорию, в исступление чувственное и в частичный паралич мозгов. Дня за три до восьмого числа в любом населенном пункте начинается физически ощущаться перевозбужденность мужчин всех возрастов, дающих право держать в руках деньги. Мужики, юноши и мальчишки в эти дни судорожно, хаотично и бессистемно перемещаются на повышенных скоростях по городам и весям, а из весей опять по городам, создавая вихревые потоки, лишний шум и очереди повсюду, где что-нибудь продаётся.

На лицах их отпечатана временная потеря рассудка, связанная с полной беспомощностью. Каждый из живых представителей мужского рода обязан купить что-то особенное для своих и не своих женщин, а в восьмой день марта сдать купленное выбранным представительницам пола противоположного. Но что конкретно надо купить, чтобы женщина восторгнулась не из вежливости, а от естественного взрыва восхищенных чувств, знают очень немногие. Поэтому мужики, приговорённые женским праздником к обязательной трате денег на добротные и уместные подарки, летают ястребами по бесчисленным торговым точкам и там спрашивают продавщиц о том, чем можно безошибочно поразить

душу женскую. У продавщиц, ясное дело, самыми праздничными становятся вот эти три-четыре дня перед восьмым числом. Они так грамотно распределяют советы, так тонко, как изошренные гадалки, предсказывают счастье дорогой женщины, которое содержится вот именно в этом подарке, что в итоге к вечеру седьмого марта даже в самом крупном кустанайском универмаге не остаётся почти ничего. Ну, по-крайней мере, девятого марта там можно купить разве что только электролампочки, бритвы, помазки, кремы после бритья и одеколон «Русский лес». Ну, может, мужские рубашки со штанишками, да ещё в электротехническом отделе – дрель и электролобзик для выпиливания по дереву. В винных магазинах на пустых практически полках остаются только ядовитые, пригодные лишь для мужских желудков «Солнцедар», «Плодоваягодное» и «Вермут №3». К восьми вечера седьмого марта в городе уже нет тортов, серебряных и золотых, с камнями и без них, изделий, бытовых электроприборов, кофт, платьев, чулок и комбинашек. Ну, ничего практически не остаётся из предметов, которые можно с любовью всучить женщине. Тюльпаны, тоннами прилетающие на самолётах вместе с ребятишками в широких кепках, исчезают мгновенно, почти как комета в небе. И в широкой округе, если прислушаться, поздно вечером седьмого марта можно услышать всеобщий усталый, но радостный мужской выдох

облегчения. Вещественные доказательства любви, неж-

ных чувств и обожания лежат, спрятанные в закромах, и ждут своего часа.

Корчагинские мужчины фактически бросили родной совхоз на три дня, оставив женщин и детей без защиты, потому что шанс, что ничего с ними не случится был почти стопроцентный, как, впрочем, и шанс – не успеть выхватить в забитых народом под завязку магазинах хоть что-нибудь, обрадующее женщин.

– Это ж какая сволочь придумала отмечаться перед бабами любовью и подарками раз в год? Сделали бы, скажем, двенадцать женских дней. По одному в месяц, – Валечка Савостьянов, увешанный коробками, свёртками, мешочками и «авоськами» размышлял здраво по пути к своему «Газ-51».

– Тогда и не накладно бы было. С каждой зарплаты помаленьку. И баба могла удовольствие получать не раз в год. Вот я сегодня всю заначку грохнул. Хорошо, с одной стороны. Много купил. Неделю разбирать будет. Но заначке – хана. Ружьишко собирался к лету купить. «Белку». А ты, Кирюха, чего один флакончик «Красной москвы» взял?

Мостовой Кирилл отвернулся.

– Я поварихе Вальке Завгородней подарю. Клинья к ней

подбиваю. Но сразу много не по уму будет дарить. Не так поймёт. Да и не заработала ещё. А моей лошади пусть любовничек дарит хоть полцарства зараз. Игорёк Алипов из «Альбатроса» У них с ней любовь. А у нас с ней разруха.

Чалый, Николаев Олежка и Толян Кравчук промолчали. Да они просто говорить не могли. Грузенные шли. Из-за коробок и свёртков их самих и видно не было. А Артемьев Игорёк одну авоську даже в зубах держал. Много накупил. Хоть и не было у него ни жены, ни тёщи, ни сестёр. Зато подружек совсем не требовательных, но верных, имелось у Игорька столько, что праздник восьмого марта был для него одновременно и радостным днём, и траурным. После него он каждый год месяца три жил взаёмы и долги раздавал.

Но всё равно всем было перед праздником хорошо. Доказательств любви к своим любимым и уважения к чужим уважаемым купили они прямо-таки по-купчески. С почтительным перебором.

А утром восьмого тишина такая зависла над совхозом, будто бросил народ жильё своё и массово сбежал туда, где тепло. На юг, в Сочи, например. Где уже так тепло, что попеть-поплясать в праздник великий будет веселее в тысячу

раз. Правда, собак с собой народ не взял. И таякали они на разные голоса, иногда скуля и подвывая, но тишина почему-то от этого не страдала. Поскольку оживить её могли только голоса людские. А вот они-то как раз звучали торжественно за стенами, окнами и плотными дверьми. С утра пораньше мужики вытаскивали из потаённых мест свои коробочки и свертки, разворачивали подарки и несли вручать. При этом сопровождали они священный процесс дарения бесценных в такой день безделушек изошрёнными клятвами. Женам, дочерям, а некоторые ещё сестрам или мамам, приехавшим в гости. Клятвы содержали вольный текст о неиссякаемой любви, верности и готовности при случае головы сложить за своих любимых. Пока женщины, примеряли одёжку модную, всякие цепочки с медальонами, бусы из жемчуга или включали в розетку «чудо-печки», сильный пол откупоривал марочные вина, шампанское и разливал это добро по хрустальным фужером. Хрусталь был явлением уже не выдающимся, имелся в каждом приличном доме и его на праздники не дарили. Просто так покупали, мимоходом. В доме процветал праздничный дамский восторженный визг, крики типа: «Ну как же ты угадал, что именно это я и хотела?!» или «Ой, Вася (Вова, Серёжа, Миша, Коля и т.д.) зачем же ты так потратился, дорогой!» И раздавались ответные сдержанно-довольные мужские покашливания и самые подходящие настоящим мужчинам нежные ответы: «Да, ладно. Нормально всё, чего там!»

Но много не пили и закусывали символически. Потому как основное чревоугодничество, объятия с Бахусом и растёгивание души нараспашку намечалось на шесть часов вечера в большом конторском актовом зале.

Весь совхоз, конечно по любым праздникам в кучу не собирался. Не ходили на торжественные мероприятия блатные из строительных бригад, Спившиеся до неузнаваемости и полной ненужности бывшие комсомольцы не являлись, которых судьба перекинула с тракторов и от станков в МТС на подсобные работы. Не приходили женщины, разочарованные целинной житухой, неожиданно оказавшейся тяжелой. Им и обратно лень было сматываться, и от общественной жизни их воротило. Сидели по хатам, если замуж не выскочили. На работу автоматически ходили. С работы в магазин, да обратно в хаты. Были и семьи, замкнутые и нелюдимые. Почему – никто и не спрашивал. Ну, и ещё всякие прибудившиеся, неизвестно откуда и зачем поселившиеся в «Корчагинском» ребятки да девки от двадцати до тридцати лет. Тоже жили потаённо. Данилкин их расселил по четырём общежитиям, работу давал временную и недорогую. Ничего, работали, не сбегали. Видимо, и появились тут, потому что уже сбежали один раз. Из ближайших и не очень близких деревень.

Вот они тоже не дружили ни с кем и незаметно существовали в той части села, где блатные обитали, беглые, спившиеся до безобразия граждане и бирюки нелюдимые. Чалый Серёга с Толяном Кравчуком как-то просидели целый вечер в подсчётах не влившихся в совхозное содружество людей. И насчитали их больше тысячи. А в хозяйстве народа числилось всего немногим больше двух тысяч. На работу отшельники ходили, но вся общественная жизнь обтекала их как островок на широкой речке. Тем не менее, мужики в теплице кустанайской да на базаре у грузинских торговцев всем отшельникам купили по семь тюльпанов и Валечка Савостьянов с Артемьевым Игорьком развезли их дамам, отбившимся от коллектива, поздравили от имени директора и в щёчку каждую чмокнули. Долг мужской праздничный отдали.

А вот в шесть часов, когда солнце уже не так торопливо заваливалось за край земли, почти засветло ожила деревня. Визжали дамы и дети малые, хрипло заливались хохотом от полуприличных шуток мужики, играли баяны, гармошки, единственный на селе аккордеон и десяток гитар. Бесились цепные собаки во дворах от шума неожиданного и отдельные группы пели песни на ходу. Песни были разные и от этого шествие празднующих к полному еды с питьём актовому залу чужой взгляд мог бы воспринять как массовый добровольный исход всех местных сумасшедших в совхозный дурдом. Но чужих тут сроду и не было. Разве что комиссии ред-

кие, да шоферы с кустанайских продуктовых складов. Потому возбуждались все весельем общим, праздничным, без оглядки, стеснения и соблюдения норм общественного поведения. Орал, как кто умел, ржали похоже на коней, гонялись друг за другом, валялись в слежавшемся мартовском снегу и перекликивались, как в дремучем лесу:

– Эй, Ванька Михайлов, ты самогон-то прихватил? А то в актовом зале только сок виноградный, да лимонад «Дюшес»! Я три пузыря несусь!

Юмор этот тонул в хохоте дамском и мужских очень остроумных выкриках со всех сторон:

– Если Данилкин унюхает самогон, то мы на себя вину не берём! В женский день самогон – оскорбление и преступление средней тяжести. Лет на пять в Магадане.

– Восьмого марта Данилкин разрешил пить только компот и сок. Чтобы хоть один день свой законный тётки отметили как праздник. А то ж нас домой они на горбу должны потом нести. Считай, праздника у них и не было.

– Эх, бляха! Надо было тогда дома хоть поллитра заглотить!

Так и добежали до конторы, разделись в фойе. Красивые все. Мужики в костюмах. Возле лацканов у кого по медали висело, а у кого и по три. На пиджаке Серёги Чалого столько разного «железа» блестящего было приколото и привинчено, аж пиджак скособочился. Женщины оделись, как на приём в Кремле. Шикарные, по целинным меркам, вечерние платья прелестно сидели на их чудом не исковерканных работой фигурах, лакированные туфли на тонких каблуках вынимали они из маленьких сумок, обувались в них осторожно и неумело. Отвыкли. Серебром, золотом и жемчугом обмотали дамы шеи свои, ещё молодые, без морщин, Перстеньки, конечно, нацепили с разнообразными камешками. И естественно, удушливо, но солидно источали вокруг ароматы почти не смываемых духов «Красная Москва», «Пируэт» и «Вечерняя звезда».

Вот когда запахи эти смешались в одно невидимое, угнетающее волю облако, и когда вышел из распахнувшейся двери зала торжеств директор Данилкин с криком:

– Желаю Вам, дорогие мои труженицы, огромного личного счастья и мира на всей планете. Прошу всех к столу!

Вот тут-то и началась счастливая, разнузданная и в конце почти неприличная гульба праздничная, скатившаяся часа через четыре до стандартной пьяной вакханалии, посвя-

щенной прекрасной половине созидательного советского человечества.

– Примите от дирекции, партийной и профсоюзной организации совхоза скромный памятный подарок! – встал на стул низкорослый парторг Алпатов Виктор.

– Пусть он знаменует наше глубокое уважение к вашей красоте, добрым сердцам и умелым рабочим рукам! – добавил громко Тулеген Копанов, профсоюзный командир.

Пластинка в радиоле со всей дури двух динамиков выбросила в зал бесчисленное количество ландышей, поместившихся в знаменитой песне Оскара Фельцмана, которую все любили ещё с пятьдесят восьмого года. Вместе с полётом над столами невидимых ландышей Данилкин, Копанов и Алпатов разнесли на огромной скорости коробки с красивыми, расписанными под эмалевую «финифть» чайными сервизами из тонкого фарфора. Все узоры на чайниках, блюдах, сахарницах и чашках были разные. И пока женщины показывали друг дружке через стол каждая свой узор на сервизе, мужики дали в зал положенное количество возгласов «поздравляем!» и нужную дозу аплодисментов, после чего каждый незаметно для увлечённых жен своих дерябнул по полному стакану водки и занюхал удовольствие кустанайским яблоком. Их привезли много, чтобы облагородить культурой стол

с колбасой, селедкой порезанной, яйцами вкрутую, картофельным пюре с луком и красиво наструганными ломтиками сала, подаренного «Альбатросом» в жуткие холода. Ну, культуру застолья обозначали ещё дополнительно штук тридцать бутылок шампанского, чуток поменьше водки и семь красивых плоских флаконов азербайджанского четырехзвёздочного коньяка. Вот на разглядывании сервизов торжественная часть и завершилась. Мужчины хором сотворили шумный салют пробками шампанского, после чего потекло всё, что течёт, ручьями торопливыми в закаленные целинные организмы, превращая довольно быстро тожественное мероприятие чёрт знает во что. Ну, скажем так: в бурную сплоченную попойку, украшенную по ходу её стремительного развития тремя приключениями и финальным скандалом. Без скандала любое аналогичное мероприятие считалось неполноценным и практически все упившиеся покидали его без чувства глубокого удовлетворения. Тягу к нему успел воспитать в народе уже три года как Генеральный секретарь ЦК КПСС дорогой Леонид Ильич Брежнев. Но таких неудачных общественных культурных сборищ почти не случалось. Всё всегда приходило вовремя и развивалось по законам ударной пьянки.

В общем, первым приключением было явление в меру поддатому народу надравшегося в хлам Костомарова Сергея, экономиста. На глаза он никому не показывался, керосинил

в одиночку дома и почему-то ещё на озере, где из горла выпивал поллитра семидесятиградусного первача и закусывал снегом.

При этом из дома его даже через двойные окна пробивался до ближайших соседей страшный мат, которым он выгонял из дома нечисть всякую.

– Изыдь, мать твою-перемать, да так твою распратак, Сатана! Пошел ты туда-растуда и сюда-рассююда, дьявол ты долбанный, да ком тебе в рот!

А на озере он после первача катался по снегу, потом прыгал на всех четырёх по кругу как волк, обложенный со всех сторон флажками, и дико выл, срываясь на страшное злое скуление. Видели и слышали это многие сельчане, а рассказывали всем, кто не знал такого про Костомарова, красочно, добавляя жути. Если, конечно, умели пофантазировать. Поэтому в совхозе спившегося экономиста начали бояться. Никто не понимал точно – за что. Но побаивались и старались дом его обходить стороной.

А тут он вдруг сам ввалился в дверь, застыл в ней на минуту, ухватившись за косяки, и опустил голову. Но так опустил, что глаза дикие торчали исподлобья как угли, которыми он прожигал всех и всё, что не успело укрыться от глаз

его шалых. Потом он нагнулся и как-то вытащил лежавший сзади крест деревянный. Он его выдернул с первой попавшейся могилы на кладбище.

– Крестом палю тебя, сука-сатана! – зарычал Костомаров, пал на колени и с крестом впереди пополз под столы. – Бегом лети к чертям своим и Нинку мою принеси мне сюда, да когтями, гляди, не поцарапай. А то осенью тебя нахрен крестом божеским и взорвёшься прямо тут, перед народом осрамишься. Пошел-ка быстро, так тебя и эдак, куда велено! И Нинку, кровиночку мою беглую, верни мигом в целости и красоте её!

– Во как изуродовало горе человека, – вздохнула продавщица сельмага Рябченко.

– Да, если жена без вести пропала, то для порядочного мужика, считай, и жизнь кончилась. – Согласилась с продавщицей нештатная, временная подруга Кирюхи Мостового повара Валька Завгородняя.

И обе они одновременно перевели взгляд на пухленькую, гладенькую и красивую аж в пятьдесят пять лет жену директора Данилкина Софью Максимовну, которая сидела с мужем напротив них и всё слышала. Софья одобрительно кивнула. Она была авторитетом у женщин не потому, что муж

у неё – шишка большая. При нежном своем образе бабушки-сказочницы она имела редчайший дар – незаметно управлять всей женской половиной деревни, она умела всё предвидеть, давать абсолютно точные советы и характеристики людям, а также могла делать практически всё. От кулинарии неповторимой до вышивки двойной гладью и потрясающего вязания спицами.

Пока они переглядывались, а крепко поддавшие мужики тупо и безмолвно следили за обалдевшим Костомаровым, экономист-счетовод начал творить пугающие поступки.

Он нырнул под столы и пополз там, как жук навозный. Он стучал крестом об пол, подвывал, матерился и звал Нинку Захарову. То сам звал, то сатану, который тоже шараялся где-то под столами, проклинал и призывал вернуть жену. Он наткался на ноги и ножки столов, валил слабый женский пол и всё, что на столах было. Мужики и вынуть его оттуда не могли. Они в это время подхватывали полупустые бутылки и прижимали их к груди. Спасали питьё. Получалось это ловко. Мастерски. Потому, что имели опыт и желание не потерять самое дорогое. После жен своих и детишек, конечно. Женщины, хоть и знали ранее экономиста Костомарова как тихого, безобидного и трусливого дядьку, на всякий случай сильно ужаснулись, перепугались и завизжали. Стояли они в эти минуты кто на стульях, кто между тарелками на столах

и звали с перепуга мужей своих, защитников верных.

Первыми вышли из оцепенения Валечка Савостьянов, Артемьев Игорёк и Серёга Чалый. Артемьев зацепил борца с Сатаной за ноги и потянул вбок. Тут же ноги подхватили Чалый с Валентином и экономист без креста через мгновение уже летел над полом на улицу, поддержанный нежно снизу крепкими руками товарищей по труду сельскохозяйственному. Все расселись как сидели до этого, а Данилкин достал из-под стола крест, открыл окно и выкинул его в снег.

До второго приключения оставалось всего два часа. Никто, конечно и его не предвидел. Все уже с новым удовольствием немало съели и выпили пока Чалый с ребятами дотащили бедолагу Костомарова до дома, привязали его двумя простынями к постели, закрыли дверь на замок, ключ кинули под крыльцо и вернулись уже к тому моменту веселья, когда Генка Михалёв растащил широко меха аккордеона и заиграл популярную в совхозе общенародную песню «Подмосковные вечера».

Песня была не просто хороша. Она было той желанной и единственной, слова которой знал даже сторож, сбежавший от блатных, Сашка Гаврилюк. А он и знаменит был тем, что не знал больше ни одной песни и никакого, даже детского, стихотворения.

– А, это самое... – тихо крикнул Данилкин Чалому в ухо. – Костомаров случайно рассудком не подвинулся? Как-то похоже. Может, в «дурку» его завтра свезём?

Может, его на стационар заберут?

– Завтра следователи приедут. Малович с Тихоновым. Тихонов же тебе, Ильич, звонил утром. Забыл? Восьмое, сказал, отгуляют. А девятого, к обеду приедут. Мы уже похмелимся до рабочей кондиции.

– А! – вспомнил директор Данилкин. – Да! Пора им брать Костомарова за... Ну, не маленькие, сами найдут – за что.

– Если б знали вы

Как мне дороги!

По пятому разу аккуратно на разные голоса выводили все участники праздника.

И означало это только одно: праздник снова катился по единственному, для него специально проложенным и куда надо ведущим рельсам.

Часа два подряд всё шло по законам культурного, воодушевленного наличием отдельного женского праздника, советского мероприятия. Поэтому временами, чтобы никто не забывал даже после пятисот граммов водки на нос – какая великая страна, какой могучий созидательный строй подарил простым людям возможность гулять и вкалывать от всей души, парторг Алпатов восходил, качаясь, на край стола и поднимал над собой полный стакан:

– Коммунистической партии слава! Ленин с нами! ЦК компартии КазССР – ура!

Все четверо баянистов, три гармониста и Генка Михалёв на аккордеоне долго, с упоением играли туш. Женщины вразнобой пищали – «Слава великому Ленину!» А мужики вместе с Алпатовым орали многократное «Ура!»

Со стороны всё это смотрелось как массовое буйное помешательство, поскольку на трезвую голову в будень трудовой таких слюней никто бы даже под приказом Данилкина не пустил. В шестьдесят девятом злой иронии к Ленину, партии, коммунизму и лично Леониду Ильичу ещё не было. Но вера во всё перечисленное уже покачивалась, как сегодняшняя пьяная корчагинская компания.

Ну, покричали, попели всякие лирические песни про женщин и любовь, Потом стихли и молча покушали ещё раз хорошо, да снова выпили с удовольствием и желанием.

– Это самое, Чалый... – вспомнил Толян Кравчук. – Мы ж на Новый год покупали в городе хлопушки, у которых конфетти внутри. И пять штук длинных таких трубочек – цветных фейерверков. Но тогда перепились раньше и до них уже не дошли руки.

– Ну, – сказал Чалый Серёга, разжевывая шницель. – Хочешь сейчас наших девушек порадовать?

– Ага! – радостно шепнул Толян, – Это ж какое украшение празднику будет. Салют натуральный! Бабоньки всех нас расцелуют и затискают от радости.

– Ну, беги. Принеси. Раздадим мужикам и по команде салют запустим. – Серёга взял вилкой новый шницель с подноса и от Кравчука отвлекся.

Минут через пятнадцать Толян вернулся с холщевым мешком и положил его возле двери. В уголок. Никто ничего не заметил. Кравчук что-то пошептал Игорьку Артемьеву. Игорёк заулыбался, обнял Кравчука и большой палец от-

топырил. После чего оббежал всех мужиков и тоже на ухо каждому передал план действий. Все ребята по одному с минутным интервалом ходили к мешку и совали в карман по хлопушке. Пятерым достались трубочки-фейерверки. В их числе и Чалый оказался. Фейерверки домашние редкостью были. Откуда их привозили – неизвестно. И продавали их только на барахолке кустанайской. Да и то из-под полы. Но хватало всем. И городским и деревенским. Эффект от них был оглушительный в прямом и переносном смыслах. Зрелище завораживающее. Шум, искры, разноцветные струи огненные, шарики, похожие на мыльные пузыри, которые лопались в воздухе и рассыпались мелкими звездочками, убажывая душу каждую пестрой жгучей красотой.

– С праздником вас, любимые наши и дорогие! – дал команду мужикам Чалый Серёга. После чего все достали из карманов хлопушки и трубочки. – Залпом! Из всех орудий! Пли!!!

Раздался грохот, щелчки, хлопки, взрывы средней силы и актальный зал за пару секунд превратился в ад. А до этой минуты все поголовно были убеждены, что нет ни рая, ни ада. Но, оказывается, до фейерверка был натуральный рай, а после него – зловонный, огнедышащий потусторонний ад. Ну, то, что всех женщин засыпало разноцветными конфетти, которые проникли повсюду: в причёски, в декольте, за шиво-

рот красивых платьев и даже в открытые от резкого удивления рты – это была просто милая шалость. А вот фейерверки, работающие от дымного пороха, загрузили актовый зал едким вонючим дымом так плотно, что не кашляли только Маркс, Энгельс, Ленин и лично Леонид Ильич, висевшие в виде портретов в рамках на стенах. Мало того, огонь, извергающийся из трубочек как из преисподней, улетал далеко и высоко. Разноцветные горячие шипящие искры отскакивали от потолка, стен и в свободном полёте поражали всех, кто не успел упасть на пол или спрятаться под стол.

– Шторы горят! – дико закричал директор Данилкин и бросился к одному окну, сорвал шелковую штору и начал топтать её ногами. Валечка Савостьянов пробежал бегом мимо оставшихся пяти окон и тоже сдёрнул шторы. Они пылали так, будто их предварительно окропили бензином. Но хуже было то, что шарики от фейерверка не собирались лопаться, а летали как жар-птицы, натываясь на зазевавшихся, неважно реагирующих после выпитого празднующих. Десятерым дамам они прожгли вечерние платья, сделанные из тканей, загорающихся быстро и ярко. Мужики шлёпали всех женщин без разбора по тем местам, где горело. А горело и на грудях, и на задницах, на нежных спинах тоже. В эти минуты празднество стало слегка напоминать и Содом, и Гоморру, что, впрочем, не смущало никого. Потому, что не до того было. Потом дамы тем же способом тушили первых по-

павшихся мужиков, на которых тоже огонь дырявил костюмы на неинтересных и интересных местах.

Самым печальным фактом стало исчезновение трёх больших скатертей, которые сгорели дотла, оставив всё, что ели и пили, на голых досках столов.

– Бляха! – изумился Данилкин Григорий Ильич, директор. – Это из чего же их сделали? Как они успели за пять минут испариться? Завхоз! Ты что купил, бляха!?

– Скатерть белая, нетканая ткань. Артикул триста два дробь семь. Цена шесть шестьдесят за штуку. – Доложил Прилепко, завхоз.

Когда выполз в распахнутые окна и продолжал вонять на улице пороховой дым, все сразу увидели друг друга. А ещё – большие прожженные дырья на лицах основоположников социализма и Генерального секретаря партии. А кроме того – закопченные физиономии свои и дырявую одежду. Всё это в другой день могло навернуть слезу на глаза присутствующих, но в этот вечер все были так хорошо облагорожены шампанским, водкой, коньяком и самогоном, таящимся под столами, что народу стало весело. На улице было градусов десять мороза всего, поэтому окна закрывать не спешили. Завхоз быстренько принес три таких же скатерти, женщины

снова сделали красивый стол, заиграли гармошки, баяны. А аккордеонист Генка Михалёв от пережитого поимел стресс, поскольку укрывал от огня летучего аккордеон телом своим. Вот так, не отрываясь от инструмента, он и уснул в углу, поскольку и перебрал водки, и меха тягал отчаянно. Потому и притомился.

– Нормально гуляем? – во всю мощь связок голосовых спросил у всех Олежка Николаев. – А, народ?

– Спасибо вам, мальчики! – сказала за всех жена Данилкина Софья Максимовна. – Вы сделали вечер просто незабываемым!

– Спа-си-бо! Спа-си-бо! – вскричал хор женщин на три голоса. Как песню спели дамы благодарственные слова

И понёсся праздник дальше. Полетел как орёл над степью. Мощно, уверенно, красиво. Пели, пили, танцевали, закусывали и отдыхали. Окна, правда, пришлось закрыть. Потным простыть – раз плюнуть. Так прошло ещё часа два.

В сплошном удовольствии от всего запланированного и нечаянного, неожиданного.

А в одиннадцать часов вечера, в самом начале двенадца-

того полоснули по окнам острые лучи мощных фар и у порога конторы скрипнули тормоза. Хлопнула дверца и через минуту в дверях появился огромный, нет – очень огромный, занявший полностью весь проем дверной, букет розовых, алых и кроваво-красных гвоздик. Букет вышел на середину зала и незнакомым для многих голосом попросил всех прекрасных дам встать в одну линию слева направо. От неожиданности и думать было некогда. Линейка выстроилась за минуту, смеясь и пощёлкивая пальцами. И вот когда к ногам каждой из милых дам упали по пять-семь гвоздик, тут и обнаружилась личность разносчика прелестных цветов, редких и дорогих. Личностью оказался Игорь Сергеевич Алипов, главный агроном «Альбатроса», возлюбленный Валентины Мостовой. Кирюхиной жены. Они трое уже давненько, до морозов ещё, разрешили все свои любовные и семейные проблемы. Выяснили, что Игорь и Валентина жить друг без друга не в силах, что жизнь её с Кириллом в последние годы – чистая формальность, а сам Кирюха съездил к Алипову на разборку, во время которой и порешили, что любовь сильнее всех преград, а потому Кирилл добровольно уступает ему жену и желает им счастья. Которого сам он и Валентина в семье своей не имели.

– Собирайся, Валя! – сказал Алипов Игорь и распахнул руки с последним букетом из одиннадцати гвоздик. – Я приехал за тобой. Это и есть мой тебе обещанный подарок в жен-

ский день!

Валентина выбежала к нему, обняла, поцеловала и под бурные аплодисменты приняла букет. Все про них всё знали от неё и от Кирилла. И были удивленно рады тому, как любовь побеждает даже инстинкт собственника. Потому что Кирилл Мостовой тоже подошел к ним, пожал Игорю Сергеевичу руку, поцеловал жену в щеку, обнял их обоих и сказал от души:

– Хочу, чтобы с тобой, Игорь, ей, наконец, стало счастливо жить. Она всегда хотела радости и счастья семейного. Я тоже. Но судьба, оказывается, назначила нас друг другу для пытки душевной и боли сердечной. Желаю вам счастья!

После этих слов многие дамы всплакнули с радостными лицами, а мужики закурили все и подошли к Алипову. Руку пожали, по плечам похлопали. Одобрили. Заиграли баянисты, все хором запели «Парней так много холостых, а я люблю женатого». Пели и шли на улицу. К «Москвичу» желтому Алиповскому.

Проводили Валентину из совхоза своего.

– Я Кирилл, домой заеду, вещи там сложены уже. Ключ под крыльцо кину.

– Не обижай её! – как положено напутствовал пьяный Мостовой Игоря Сергеевича.

– Не переживай, Кирюха. В гости приезжай.

Алипов тоже сел в машину и «Москвич», покачиваясь на хрупком мартовском насте показал задние габаритные огни цвета красных гвоздик и скрылся за углом.

– Чего, Кирюха, с горя пойдем пить или с радости? – взял Мостового за руку Чалый Серёга.

– А это как карта ляжет, – засмеялся Кирюха. На лице его было крупными буквами написано, что вот как раз сейчас с души его и горба скатываются тяжелые камни. Валуны. А с плеч – так, может, и целая гора.

И уже в полночь началась последняя, ударная часть не репетированного, но хорошо сыгранного спектакля по пьесе двух заграничных дам из далекого прошлого под названием «Международный день борьбы женщин за свои права» или в переводе на современный – «Женский день восьмого марта».

Так-то, в общем, ничего сверхъестественного не случилось. Водки полно было. Пара ящиков. Шампанского тоже закупили года на два вперёд. Мало ли какие непредвиденные торжества вынырнут. Вон, в позапрошлом году комиссия приезжала из главного областного управления. А в ней, блин, две женщины! Ну, вот ведь не было их сроду в таких карающих десантных группах. Пришлось поить водкой. А после неё эти тётки городские два дня трупами лежали в гостинице и проверкой насладиться не смогли по техническим причинам. В Управлении, наверное, решили, что Данилкин нейтрализовал тёток специально, с несправедливым умыслом. Ибо дамы были экономистами очень высокого ранга и полёта. Но обошлось. Оставшиеся на ходу четыре мужика рылись час целый в бумагах, запивая изнурительный труд «Столичной» и ничего плохого, кроме хорошего, в бумагах не нашли. Ну, давно это было. Забылось всё уже.

Но спиртное хорошее с того дня стали брать с большим запасом. Оно ж не портится. Ну, и пусть лежит до востребования.

Сегодняшнее торжество всем понравилось. Поели нормально, а попили так вообще замечательно. Подарки дамам по вкусу пришлись. Редкостной красоты и тончайшей работы сервизы фарфоровые как родные подошли к таким же тонким и нежным душам дамским. А пляски, песни, тан-

цы и забавные приключенческие эпизоды по ходу праздника только добавили торжеству остроты и практически городского лоска. Очень нескучный получился праздник, которому, кстати, никто из участников не видел и не желал окончания. Всего хватило бы не просто до утра, а дня на три минимально. И, что самое интересное, из пяти музыкантов выпал всего аккордеонист Генка Михалёв. Настоящие музыканты на праздниках больших всегда становятся самым слабым звеном, поскольку для усиления творческого тонуса допингуют бесконтрольно и безбожно. Выпивают за троих простых людей, не музыкантов, поскольку у них, нетворческих, сила уходит только в челюсти для пережевывания пищи и в ноги, чтоб плясалось. А музыкантам для виртуозного и точного движения пальцев требуется энергия тройная. И она заложена именно в водку. Доказано опытом и какой-то наукой.

В общем, и после полуночи всё гладко шло бы до первых, вторых и самых сонных, третьих петухов. Баянисты переваливались с песни на танец, с танца на

какой-нибудь советский марш, во время которого все успевали выпить, неторопливо, с чувством закусить, поболтать с соседями и быть готовыми к следующему музыкальному номеру.

Вот так бы культурно и шло торжество. Так и гарцевал бы

радостный народ в честь милых сердцу и бесценных прелестниц – женщин! Но по неписанному закону большого праздника – дня рождения уважаемого человека, скажем, или свадьбы долгожданной. Или во славу Великого всенародного дня седьмого ноября, когда народ до полусмерти упивался, привычно радуясь случившейся в семнадцатом году революции. Или вот восьмого марта, как сегодня. В эти празднества срабатывал «закон справедливой пьяной драки». И если таковой не случалось, статус праздника автоматически угнетался и терял высший класс. Драка пьяная, она есть вечный и верный индикатор полноты насыщения народа торжеством. Едой, спиртным, разговорами, песнями и радостью присутствия среди равных по уму и силе духа граждан. Восьмое марта в совхозе имени Корчагина, хвала социализму, не стало унижительным исключением из правил пьяной оравы и нарушением диалектического «закона единства и борьбы противоположностей».

А пошло дело так, что под обворожительное танго, исполняемое тремя баянами, двумя гармошками и гитарой, выкатился из курящей толпы мужичков совсем косою Мишка Закревский. Он с реверансами да витиеватым подходом подплыл к любовнице своей, шалаве совхозной и попутно – жене Олежки Николаева Ольге, схватил её нежно за ручку тонкую и выволок в круг, где вертелись в ритме пар шесть-семь. Поскольку жена Олежкина была на самую малую малость ме-

нее косая, чем партнёр, то она довольно элегантно повисла на нём, а он воткнулся всем лицом в её блестящие душистые волосы и оба они слились с музыкой и друг с другом. Николаев Олег, конечно, на пару минут застыл в оцепенении от ослепительной наглости Мишкиной и бесстыдства супруги.

Но потом вышел из транса и, перепрыгнув через стол, метнулся в стройный хоровод, изображающий танец танго. Он, отбрасывая плечами ничего не понявшие пары, достиг нахала и ударил его по кудрявой голове. Но, поскольку драться не умел вообще, то кулачок его лишь слегка прошелся по кудрям Зацепина. Мишка отпустил даму и врезал Олежке Николаеву поддых, после чего Николаев из заступника за свою честь превратился в мешок, который хоть руками молоти, хоть на пол брось. Мишка, похоже, намерился сделать и то, и другое, но не успел. Он увидел, как сквозь толпу мужиков к нему энергично пробивается Валечка Савостьянов. Этот факт вынудил его бросить даму, самого Олежку тоже и начать круговые забеги вокруг примерно двадцати мужчин, чтобы запутать Валу Савостьянова, а потом выскочить в открытую дверь и дать дёру на улицу.

Но Валечка Савостьянов, кандидат в мастера спорта СССР по боксу в полутяжелом весе на суету Мишкину внимания не обращал, а точно просчитал траекторию его метаний и секунд через десять ненадолго оказался точно напро-

тив Зацепина.

– Валёк, мля! – только начал было объясняться Мишка, но мгновенно плашмя рухнул на дощатый пол. Чего пытался сказать – никто так и не догадался. Классический апперкот в исполнении Вали Савостьянова лишил его дара речи и сознания не меньше, чем на пять минут.

– Олежку на стул посадите. Воды дайте, – крикнул мужикам Чалый Серёга. – И Мишаню оденьте, обуйте, туфли на валенки поменяйте. Всё в фойе находится. В гардеробе. И на улицу его. Чтобы дышать начал. Двое кто-нибудь до дома его проводите.

– Всё, дамы и товарищи! – вежливо и громко оповестил зал Артемьев Игорёк. – Кино кончилось. Кина больше не будет. Всем спасибо за прекрасный вечер. Который вот как раз закончился. Ура! Спасибо всем! Женщин от всех нас ещё раз поздравляю и желаю сам знаете сколько хорошего!

– Завтра с утра опохмел и беседы на приятные темы у меня, одинокого странника в этой удивительной жизни. Приходить со своим самогоном и закусем не запрещается! Жду с нетерпением, – очень убедительно крикнул Кирюха Мостовой, уже три часа как холостяк.

– А девушек прошу всех на чай душистый и добрые сплетни ко мне. Я одна буду. Гриша в контору уйдет. И мы отведем души наши нежные женские за беседами на темы горячие, – мягко прошелестела Софья Максимовна. – Жду к обеду. Отоспитесь, детей в детсад да в школу спровадьте. А я пока пампушек ваших любимых напеку.

Мишку одели и обули прямо на полу. Сам он пока двигался тяжело, неловко и без координации движений. Потом подняли, закинули его руки на плечи двум сильным ребятам и они, можно сказать, ушли.

– Ну, так и мы все пошли, – подал команду Данилкин. – Завтра опохмелимся у Мостового до обеда. А в обед милиция приедет. Следователи. Убийства будут раскрывать. А девочки из столовой утром в зале уберут всё.

И народ стал расходиться. И удивительным было то, что ни на одном лице не мелькнуло ни тени печали. Радостными и светлыми были лица женщин, которых так прекрасно поздравили. Мужики тоже шли довольные. Хорошее мероприятие провернули. Красивое! Не стыдно перед прекрасной половиной.

То есть, праздничное у народа было настроение. Хотя шел уже четвёртый час ночи. Девятое шло число марта. Простой

будень.

И в серый, обыкновенный, как все предыдущие, день, который уже намекал тускнеющими звёздами о своём прибытии, ни желания больше ни у кого не было веселиться...

Ни смысла.

Глава двенадцатая

Все имена, фамилии действующих лиц и названия населённых пунктов кроме города Кустаная изменены автором по этическим соображениям.

Утром после любого серьёзного праздника никто из активно отмечавших никогда не поминает его добром. Только лихом. Так как болит всё. Даже ближний к кровати воздух болезненным тухлым пространством висит надо ртом отгулявшего. Корёжится воздух, мутит и окружает он жертву удавшейся гулянки гадким запахом изуродованных водкой и

самогоном ароматов колбасы, сыра, селёдки, солёных помидоров и конфет «Грильяж в шоколаде». И внутренне готов ещё ночью весёлый и полнокровно живущий крепкий мужик принять с утра любую смерть лютую от яда беспощадного.

Только бы не истязать организм подлым и душащим похмельем. Но нет в доме яда. Даже крысиного, который сволочи крысы сожрали сами, не думая, естественно, о высшем творении божьем – перепившем раза в три больше лишнего человеке.

Так лежал, угрюмо ожидая предсмертных судорог Кравчук Толян, у которого кроме собаки не было родни. Но собака Нюрка не знала, где заныкан у хозяина самогон на похмелье. Да и в стакан бы не налила, даже если б знала. Не привил Толян вовремя ей этого навыка. Легче было выйти из праздничного ада живым Валечке Савостьянову, Серёге Чалому, Лёхе Иванову, кочегару, Данилкину, директору. Это были добротнo женатые ребята, любимые своими женщинами на любой стадии постоянного балансирования между трезвой жизнью и угаром пьяным. Им с утра пораньше наливали сто пятьдесят и дополняли это счастье куском солёного сала. И восставал человек буквально из ничего. И розовел лик его, и возрождался блеск в глазах, означающий тягу к жизни и любовь к жёнам.

Далее он уже лично потреблял ещё сто пятьдесят. Но уже бодро, без занюхивания салом. И шел жить дальше. Кто куда. Потому, что конкретные дела ещё невозможно было осилить. Следовательно, вел их инстинкт к себе подобным, чтобы благородно спасти одиноких друзей, разбазаривших жён или никогда их не имевших.

Первым к Толяну Кравчуку, который уже готов был повеситься, но просто слезть с кровати не смог, прибежал Артемьев Игорёк, который ночевал у Чалого. Ирина, любимая женщина Серёгина, в семь утра их растолкала и каждому сунула в ладони с онемевшими пальцами по полному стакану самогона. Мужики, давясь, неравномерными глотками приняли дозу, пережили резкую встряску организмов, исказивших серые помятые лица и минут через десять вписались обратно. В хорошую свою жизнь. Серёга Чалый снова стал жену и дочку поздравлять с прошедшим днём восьмого марта, подарки, наконец, рассмотрел, которые покупал в лихорадочном состоянии и толком даже не запомнил, чего закупил.

– Сергунец! – Артемьев Игорек обратился к Чалому после того, как тоже повторно поздравил Ирину и Ленку, дочку их. – Пузырь давай. Пойду Кравчука восстанавливать. А ты к Мостовому сходи. Он тоже один теперь. Не доберётся сам до бутылки. Инфаркт может поймать. А нам всем у него

собираться в десять.

Чалый достал из шкафа поллитровку и Игорёк побежал к Толяну Кравчуку. Главное, вовремя побежал. Кравчук лежал на боку и его рвало частично на край кровати, а в основном на пол.

– Сейчас, Толик, сей секунд! – Игорёк зубами выхватил бумажную затычку из горла, хватанул первый попавшийся стакан и набрал во фляге кружку воды. -

Давай! Ну, давай! Дыхание удержи сперва.

– Мля! Игорёк! – поприветствовал товарища Кравчук. – Посади меня. К стене прислони.

Артемьев Игорёк поставил всё на пол и с трудом выполнил указание. Кравчук был вдвое тяжелее вообще, а в полумёртвом состоянии весил ещё больше. Так казалось.

Толян ткнулся спиной в ковер на стене и протянул негнущиеся руки. Принял стакан и кружку с водой. Долго прицеливался стаканом в рот и с трудом не промахнулся. Он выпил самогон, содрогаясь в конвульсиях, залил его водой и глаза его на мгновение выкатились из глазниц, а лицо за то же самое мгновение поменяло три выражения: ужас, смире-

ние и благостный покой.

– Ещё раз, – прохрипел он, подавляя тошноту. – Ещё стакан.

Второй заход прошел глаже. Без конвульсий и гусиной кожи на руках. Кравчук Толян с удивлением поглядывал на болотце собственной рвоты. Глаза, значит, ожили. И уже сделал две неудачных попытки сползти с кровати. Третья, как в сказке, удалась. Почему-то все дела удачно делаются именно с третьего захода. Он поднялся наконец, взял тряпку, намочил под рукомойником и вытер возле кровати.

– Постель потом постираю. – грустно посмотрел на грязный кусок одеяла и часть простыни Толян. – Пошли к Кирюхе.

Выпили ещё по половине стакана и пошли. Народу в трехкомнатной половине дома было уже много. И Данилкин пришел. Да, похоже, давно уже. Валечка Савостьянов с Лёхой Ивановым и Олежкой стол накрыли королевский. Похожий на вчерашний праздничный, но поменьше. Осталось-то много чего.

Пили всё-таки интенсивнее, чем ели. Торт, правда, из конторы брать не стали. Не мужицкая еда это. Но сала с колба-

сой ещё на полный вчерашний праздник хватило бы.

Ну, и пошло дело. Повеселели все. Ожили. Повспоминали мельком вчерашний вечер, Костомарова поругали вполнакала и даже решили его от пут освободить да приблизить к массам.

– Поди-ка, Игорёха, распеленая охальника, – попросил директор Данилкин Артемьева. – Нехай идёт сюда похмеляться. А то после обеда следователи приедут. С ним беседовать будут. Холода прошли, теперь можно и жену его без проблем искать. Хотят про его последние пару месяцев семейной их жизни получше узнать. Может так повернуться, что под видом покупки шубы уехала она насовсем к любовнику в Кустанай. Или вообще под Калугу от него смылась. В Жуков свой. Жили-то они, сам же я в конторе видел, в злобе какой-то друг к другу. Что стряслось? Почему? Молчали оба. Ну, беги, ладно.

И Артемьев обул валенки, но одеваться не стал и в свитере побежал к Костомарову.

А мужики тем временем перешли с воспоминаний о вчерашнем вечере к глобальным темам. Долго мыли кости Америке за войну с Вьетнамом.

– Вот если бы северные вьетнамцы и в этом году врезали америкашкам так же, как в мае шестьдесят восьмого, то был бы им капут. Представляете, маленький Вьетнамчик надрал задницу великой Америке. Это ж сенсация. Тогда бы Америку и бояться бы никто не стал, – предположил Лёха Иванов, кузнец.

– Да ты думаешь их вьетнамцы так ловко лупили весь пошлый год? – улыбался Чалый Серёга ленивой ухмылкой осведомленного человека. – Там знаешь, сколько наших сейчас Вьетнаму помогает?! Дивизий пять, не меньше. Плюс самолёты. Вьетнам северный – это ж друзья наши. Тоже к социализму идут. Надо поддерживать. Думаю, что в шестьдесят девятом зафуфырят они Америку, надают по мозгам.

Никто, конечно, не знал, что длиться той войне ещё почти семь лет. И народу поляжет там туча целая, десятки тысяч. Поэтому перекидывались на другие международные темы. Так как серьёзные мужики просто обязаны владеть тремя темами бесед солидных: на международные темы, про баб и о работе.

Кстати, было о чём поговорить и какие прогнозы построить. Тут в самой Америке шум стоял – весь мир взбудоражился.

– Это ж как же они не врубаются, что чёрные люди – тоже люди!?! – волновался Кирюха Мостовой. – Чего они чернокожим житья не дают, в правах ущемляют?! Вот они и психуют. Жгут там всё. Втихаря белых убивают. Надо негров в СССР всех перевезти и порядок будет в жизни их. У нас-то интернационал. Дружба народов. Да и жить есть где. Сибирь вон пустая стоит.

– А целина? – воскликнул Валечка Савостьянов.– Рук вечно не хватает. Солдат

гонят хлеб возить. Да и на посевную тоже. Армию нашу оголяют. Хоть она, конечно, и непобедимая и так. Но всё равно, напрасно. Чернокожих вон сколько в безработице мучаются в этих США, блин!

– Да чего вы прилипли к Америке-то? Свет клином сошелся на ней? – совсем посвежел Кравчук Толян. Отошел. – Во Франции буза прошлогодняя закончилась? Добились студенты к себе человеческого отношения? Хрен там. И в этом году, подождите, по новой начнется. Демократии все хотят. А есть она только у нас. Но мы ж всех к себе не перевезём. Они ж желают на родине лбом биться об ихних бюрократов и буржуев.

– Да и чехи с прошлого года, после Пражской весны вряд

ли успокоятся, – сказал уверенно Олежка Николаев. – Многим наша помощь ихней стране не нравится. А ведь видят, идиоты, как мы тут прекрасно живем. Свобода. Независимость. Мир. Дружба. Всё есть, что надо. Но нет, им наш пример – не пример. Тьфу.

Выпили. Закусили. Помолчали. Обдумывали каждый по-своему. Дело-то важное. Мир во всём мире. А вот, казалось бы, всем понятно это. Весь мир этого хочет. А получилось-то только в СССР.

– Я бы лично поехал помочь нашим хоть во Вьетнам, хоть в Чехословакию, – задумчиво сказал Чалый Серёга. – Только не отпустят же. Здесь дел невпроворот. Счастье себе строить – тоже не мёд глотать ложками. Много задач надо решить ещё.

Верно сказал. Все закивали головами, выпили, закурили и думать начали уже о своей Родине. Как ни жалея зарубежных друзей, а Родина зовёт. Силы и душу каждого вложить просит. Ради счастья советского и процветания, ведущего к коммунизму.

Пока думали пришли Игорёк с Костомаровым. Налили им по полной и выпили они.

– Чего бузил-то вчера, а, Сергей?– ущипнул Костомарова за бок Валентин Савостьянов. – Ладно, похмелись хорошенько. Потом расскажешь. Видно, любишь Нинку свою за-предельно, раз тебе крышу напрочь снесло.

– Люблю, конечно, – Костомаров выпил. Съел сало. – Любил, точнее.

– Чего это – любил? Уже не любишь? – засмеялся Игорёк Артемьев.

– А где она, чтоб любить её? – насупился Костомаров. – Сбежала от меня, сучка. Денег взяла до отвала и слиняла. Ругались мы последние месяцы. Вот и сбежала.

– А чего вам делить? Чего не жилось? – Олежка Николаев говорил и сало жевал. Потому, что пустой разговор. Никчёмный. – Всё у вас есть. Работа хорошая. А тебя вообще вон – прямой наводкой в агрономы заколачивает Ильич после смерти Петьки Стаценко.

– После смерти, да...– повторил Костомаров и сам себе налил стакан. Выпил двумя глотками. – Сейчас вот следователи приедут, да, глядишь, Нинку мою найдут. Тогда и легче станет. Пойду агрономом. А не найдут – уеду в Калугу.

Так сидели мужики до половины третьего. Мыслили. Обсуждали проблемы мировые и свои. То есть с пользой провели время. И для себя, и для страны. И не только нашей. Вот это и есть – самое дорогое в мужских посиделках. Думать не только о себе. Даже не только о Родине любимой. Но и о мире во всём Мире. Это только советским людям такое дано – мечтать о счастье всех людей на Земле. Вот в чем и радость наша, и сила благородная.

Девятого утром директор Данилкин, гонимый сугубо мужским рефлексом послепраздничным, поцеловал супругу Софью Максимовну в розовую нежную щёчку с девичьей ямочкой и ушел похмеляться к Мостовому Кириллу, куда сползлась вся полуживая компания весёлых и подвижных вчера до поздней ночи мужиков.

Кроме Костомарова Сергея. Его тоже приволокли из дома на опохмелку, но весёлым он вчера не был и ничего не праздновал. Его история резких и нехороших перемен в ровнотекущей до поры жизни – отдельная. Вот отдельно её и расскажу чуть позже.

Потому как сейчас – самое время посидеть в женском коллективе, обласканном и убаженном вниманием, подарка-

ми и праздничным столом вчера. Восьмого марта. А всех женщин позвала к себе на утренник с настоями витаминных трав и лично испечёнными плюшками девятого числа, часов с одиннадцати, жена Григория Ильича, директора, Софья Максимовна. Ослушаться её никто не мог, если бы даже и захотел. Такая глупая неосторожность легко могла превратить жизнь любой представительницы прекрасной половины совхоза имени Корчагина в гору проблем. О самой пятидесятишестилетней тёте Соне никто не знал вообще ничего, кроме того, что она сама демонстрировала и сама о себе рассказывала, когда желала.

Поскольку именно она, как Чалый среди мужиков, была абсолютным лидером и авторитетом у женщин, есть смысл коротко рассказать о ней отдельно. Ведь это редкость большая, чтобы из прошлой жизни человека десятками лет никому из окружающих не было известно даже об одном единственном дне далёком. А начала она жить при советской власти уже взрослой. Фактически только с сорок пятого года закрепились в Тернополе власти большевистские. То есть воспитана она была далеко не по-советски. Польша сделала ей и характер, и правила жизни, и одарила жесткими амбициями, горделивостью непомерной и умом хитрым. И с этими данными ей довольно просто было пристроиться и к польской власти, и к фашистской, а потом и к советской. Как ей это удавалось – странно. В душе советским человеком она так и

не стала, но жила как все, только социализм не строила. Дома сидела и на улице появлялась редко. По большим праздникам. Как смогла она похоронить и глубоко закопать давнюю жизнь свою – удивительно. А тётя Соня смогла утаить даже от самого Данилкина то, как в пятидесятом году смылась она от мужа, с которым вместе ходила под следствием за мошенничество. Было у них на тот момент двое пацанов-погодков. Шестнадцать лет одному и семнадцать другому. Муж её служил капелланом в должности епископа при греко-католической церкви западноукраинского Тернополя, который на Галичине, а она пела там в хоре на клиросе.

На западе Украины к католикам советская власть в войну и после неё пока ещё относилась сносно и активно их не душила. А в Тернополе так и вообще их не трогала без вины, попадающей под Уголовный кодекс. Поэтому жили Соня с бывшим мужем вполне раскованно. Однажды случайно сообразили они за деньги предсказывать судьбы детям прихожан и любым другим, желающим своим отпрыскам счастья. Предсказывали и вещали супруги от имени и с помощью иконы Иисуса. Точнее, пользуясь Ликом его в серебряном окладе. В рамке оклада того целая картина была написана красиво и сочно. Христос на ней благословлял малышей. Слова Доброго Пастыря: «Пустите детей и не препятствуйте им приходиться ко Мне, ибо таковых есть Царство Небесное» Соня вышила на старом ветхом и рваном рубище. Вот пря-

тали они с мужем икону да рубище это в мешок и ходили по домам тернопольским.

Дети были у всех. Знать их судьбу хотели все родители. А Соня с мужем держали в руках отдельно икону и рубище, ставили малышей напротив и каждому из них от имени Иисуса определяли кому счастливое существование, а кому никудышнее. Так вот тем детям, которым судьба припасла жизнь неудачную, они читали молитвы и псалмы пели. Потом прикладывали к ребёнку икону и сверху накидывали рубище. Через несколько минут судьба его волею божьей перекраивалась и превращалась в счастливую. Вот за эти процедуры народ тернопольский расплачивался без скупости. Дети же. Святое дело – дать им дорогу к счастью. Народ в большинстве своем был довольно тёмный, малообразованный и Соне с мужем верил. Потому денег у них и прочего добра через три уже года стало столько, что поначалу Сонечка даже перепугалась. Куда их девать-то? Да и тратить вразмаху деньги на людях было опасно. Могли настучать в милицию запросто. А денег всё прибывало. Соня с мужем даже отдельное хранилище сделали во дворе своём. Яму выкопали, деревом изнутри плотно обложили. Деньги и цепочки да кольца золотые и серебрянные в жестяные банки изпод конфетных наборов складывали. Опускали их в яму и накрывали сверху крышкой, а потом закидывали землёй со двора, да метлой заметали с разных сторон. И даже самим

им совсем не видно было тайника. Листья с деревьев, ветки сухие камешки мелкие равномерно валялись по всему двору. Надежный был тайник.

И жили бы они в таком духе очень долго, но однажды попали по незнанию в дом молодого школьного учителя математики, который был агрессивным атеистом, но доклады-вать об этом Соне с мужем не стал. Он послушал всю галиматью, которую они несли его семилетнему сыну, с любопытством просмотрел весь обряд, расспросил: кто они, откуда и многим ли помогли найти путь к счастью. Выслушал всё, а утром пошел в МГБ местное (которое ещё не так давно называлось страшно – НКВД) и написал на них заявление, в котором указал, что служители культа занимаются банальным мошенничеством и обманом зарабатывают незаконные денежные средства.

Началось следствие, которое нашло только те деньги, которые Софья Максимовна с мужем не успели опустить в яму. Но и этого хватало, чтобы, если докажут, что получены деньги обманным путём, сесть лет на пять, а то и больше. Соня не стала ждать, когда их возьмут под стражу, вышла ночью во двор как бы по нужде и убежала на другой конец Тернополя к двоюродной сестре, пожила у неё денёк, заняла денег, взяла мешочек с продуктами, оделась победнее и на перекладных добралась сначала до Москвы, а оттуда уехала на

Урал. В Челябинск. Но это был большой город и милиции в нем бегало и ездило на мотоциклах ну, очень много. Соня пожила пару дней в доме колхозников, разузнала, что за окрестности вокруг и где жить полегче. Кто-то и подсказал ей отъехать недалеко. В город Кустанай.

Там она быстро устроилась работать преподавателем хорового пения в Дом культуры бывшего военного порохового, а в пятидесятом году – завода вискозного волокна. В прошлом остался и муж, и дети, о которых в то время на западе Украины в паспортах никто ничего не писал. Душа Сони оказалась такой глухой к укорам совести и чёрствой, что ни мальчиков своих, ни мужа она почти никогда не вспоминала. А если и выплывали они в сознании, то страданий и тоски не вызывали. Почему так – укромная тайна Софьи Максимовны. Или секрет её недоразвитой совести.

Но прижилась она в Кустанае легко и скоро. А однажды, в декабре пятидесятого приехали на генеральную репетицию хора перед новогодним концертом в Алма-Ате два инструктора обкома партии для проверки качества исполнения. Пугачёв Дмитрий Семенович и Данилкин Григорий Ильич. Как получилось, что Данилкину она сначала понравилась, а через неделю вовсею полюбилась – неизвестно. Только через два месяца интенсивных ухаживаний с походами в лучший кустанайский ресторан «Казахстан» и областной драматиче-

ский театр, Григорий пригласил её домой и там сделал ей предложение. Сам он был из Смоленска, имел до войны семью. Жена и дочь в сорок первом попали под эвакуацию. Увозили их за Урал. Но по пути поезд разбомбили через три часа после отъезда. Он остался жить, а семья погибла. Григорий узнал об этом от соседа, который тоже отправил семью этим эшелоном. Сосед услышал сообщение о гибели всего поезда по радио. С горя крепко выпили они с соседом.

А потом, поскольку повестку о призыве ему еще не успели прислать, Данилкин сам пошел в военкомат, дал офицеру, который вёл мобилизацию, паспорт и удостоверение инструктора горкома комсомола. И направили его на юго-западный фронт политруком. Там он месячные курсы прошел, после чего война мотала его по всем фронтам до самого сорок пятого года. Победа застала его в Венгрии. Вернулся в какую-то часть под Ленинградом и дождался демобилизации только в сорок седьмом году. Поехал, естественно, домой. В Смоленск. Вся грудь в медалях и двух орденах. А Смоленска фактически и не было. Дом его разрушили немцы, почти все друзья и родственники потерялись. Кого убило в городе, кого на фронте, а большинство сбежало в безопасные края. В Сибирь, на Урал, в Казахстан. Он написал письмо старшей сестре в Кустанай. Муж у неё был хорошим инженером и его ещё до войны послали строить в Кустанае завод по производству вискозного волокна. В войну его на фронт не отправили потому, что вискозный завод, где он работал

главным инженером, стал выпускать порох для Урала, где делали патроны и снаряды. Сестра ответила через две недели письмом с одним словом: «Приезжай» Он добрался до города за неделю. Жил у сестры недолго. В кармане у него был паспорт с фотографиями жены и маленькой дочки под обложкой. Военный билет был, куда вместились вся его биография с начала до конца войны. И ещё удостоверение инструктора Смоленского обкома комсомола. Оно и выправило его сохранившуюся жизнь. Он пришел в горком партии и записался на приём к секретарю. Тот его принял, сказал, что у них вакантных мест нет, но позвонил в обком партии. Через три дня Данилкин был опрошен секретариатом и приняли его инструктором отдела сельского хозяйства. Квартиру дали в старом ЖАКТовском государственном доме. В общем, с гибелью семьи жизнь сначала дала трещину, даже рану. Но после войны и устройства в обком, да после встречи с Соней рана постепенно затянулась и в пятьдесят шестом, пообещав вернуть инструктора обратно в кресло заведующего орготделом обкома, Данилкина отправили за сто семьдесят километров от города на целину с сотней комсомольцев-добровольцев из РСФСР. Требовалось создать там совхоз имени Корчагина и поработать в нём года три директором до пересадки в обкомовское высокое кресло. Три года растянулись на двенадцать лет. Он хотел, конечно, повышения ждал его. Но уже без пламени в душе. С Софьей Максимовной ему было прекрасно жить и в деревне.

Ну, да ладно. Если сейчас рассказать биографии всех героев повести моей, то, конечно, пёстрая, разноцветная и очень сложная нарисуетя картина, которую и рассматривать-то устанешь. И писать придется уже не повесть, да и не роман, а необъятную трилогию, для которой ни желания у меня нет, ни надобности. Судьбы играли людьми, как было этим людям назначено свыше. А для нас самое существенное сейчас то, что в итоге жизненная сила стащила, сгребла их граблями своими в одно место. На целину. Кому-то было назначено остаться здесь до смерти, кто-то увидел свет в конце совсем другого тоннеля и рванул туда. Но покуда все они смешались нечаянно, хоть и добровольно на одной земле, а она со временем обобщила их в почти однородную социальную смесь, которой правили советские законы. Оставив, правда, каждому в подарок собственные надежды, желания, чувства личные и характеры разнообразные.

Так вот к одиннадцати часам девятого марта стали ручейками разноцветными, всё ещё праздничными, стекаться молодые, все по-своему милые и красивые женщины, к дому Данилкиных. На посиделки к тётке Соне, которую все уважа-

ли, ценили за многие умения и побаивались непонятно почему. Любую спроси – не найдет объяснения.

– Ой, да малаи ж вы мои, родненькие! – обнимала каждую Софья Максимовна и целовала в щёчку, оставляя на лице гостя след не советской блестящей помады и аромат таких же зарубежных духов. – Садитесь за столик, дорогие мои девчоночки, пальтишки, шубки в прихожей оставляйте на вешалке. Сейчас пировать будем не хуже мужичков наших славненьких, а куда лучше. Травками настоянными насладимся с пользой да плюшечками моими рукодельными. Сама их ладненько выдумала и тесто особенное замесила.

Речь её лилась мягко и бархатно. Ласкали слух её интонации, какие обычно дарятся самым любимым родственникам. И никто уже давно не обращал внимания на непонятный акцент, оставшийся то ли от украинского языка, то ли от польского. А может и от румынского. Тётки корчагинские, жившие до целины на Украине, чуяли в ней землячку. Но без точной убежденности. А полек и румынок и не было тут сроду. Сама тётя Соня проговорилась случайно, что сама она с Урала, а вот родители привезли её туда, маленькую ещё, с Украины. Но откуда именно – по малолетству не спрашивала она. А потом они померли и следы родословные годы затоптали.

Но почему жизнь степная никак не тронула за двенадцать лет её красоты и нежности? Заканчивая свой шестой жизненный десяток она не заимела ни одной морщины на лице, шее и руках. Кожа её отсвечивала тонким внутренним розовым цветом. Бархатная на вид и на ощупь, эта кожа была как будто отобрана у шестнадцатилетней красавицы из городской богатой семьи высшего в прошлом сословия, в котором было принято существовать беззаботной бабочкой с воздушными шелковистыми крылышками, ухаживая за собой как за самым драгоценным природным созданием. Щеки её украшались девичьими ямочками, в русых волосах, всегда уложенных в незнакомую целинницам пышную причёску, не было и намёка на минимальную проседь. Одетая она была всегда в разные длинные платья из неизвестной ткани, которая облегалась её поразительно молодое тело, в меру поправившееся с годами и напоминавшее мягкую булочку. А фасоны платьев с кружевами да рюшечками завитыми были такие, каких местные дамы не встречали ни у актрис на фото в «Советском экране», ни в виде выкроек в журнале «Работница».

– А наливочки вишневой не приголубите по рюмочке хрустальненькой? Федюня Дутов из «Альбатроса» мне сам привез осенью вишенки мешочек. Так я наливочкой своей только миленьких мне гостей жалуя. Даже Гришеньке своему не предлагаю. Потому как не гость он. Да и самогончик ему

радостней, дурачку. – Софья Максимовна после слов этих залилась нежным переливчатым смехом, звонким как хрусталь, задетый ложкой.

Быстро время летело. Женщины пили травяные настои, метали увлеченно плюшки необычайно вкусные, от которых веяло ванилью. Совхозные тётки за столько лет этот запах уже забыли почти. Наливочки, конечно, приголубили не по одному разу и стало всем ещё уютнее и теплее от чувства общности женской. Особой, не на грубой основе стоящей, как у мужиков. А на тонких материях основанных. Таких, как любовь, дети, вышивание гладью и интимное занятие – гадание на картах с целью прояснить недоступные мужчинам нюансы взаимоотношений и потаенные без расклада карточного тонкие штрихи будущих хороших и плохих перемен.

Тётя Соня после четвертой рюмки принесла из другой комнаты колоду карт своих старых и верных.

– Раскинем, Оленька, на тебя, милочка моя. Видится мне, что надобно судьбинушку твою подправить маленечко. – Софья Максимовна нежно погладила Олю Николаеву, шалаву совхозную, отпетую, прямо по крутым бёдрам. И начала раскладывать карты кучками, вслепую менять часть кучек местами, переворачивать, подкладывая одну по другую. Работала сосредоточенно, шепча неслышно что-то под нос.

– Олька, а, Олька!– сказала громко с другого конца стола Нинка Завьялова из сельпо.– Ты чё, блин? Проверься поедь в город. Мож, у тебя болячка такая – бешенство матки. Ты ж только под кобелей собачьих не подкладываешься, да под трактор. Хоть трактор тоже мужик. Ты, мля, или лечись езжай. Или вон нитками суровыми заштопай прорву свою. Скоро всех наших мужиков перепробуешь, дура. А мужик, он чё? Весь на инстинктах. Перед ним, любим, растопырь ноги – он туда и ныряет, придурок. Инстинкт безграничного размножения. Внутри так у них сложено – оставить после себя побольше народа сопливого. Перед моим подол задерёшь, я тебя, сучку, окуну на МТС в бочку с дёгтем. Он тебе и дырки все позатыкает так, что хрен выковырнешь. Да вонять будешь так, что Григорий Ильич тебя в шесть секунд из совхоза вытурит. Воняй в степи. Пусть тебя волки сношают. Или сожрут. Уловила, коза?

– Девоньки, а вот обижать подруженек своих, односельчанок, ой! плохонько. – тётя Соня взметнула над картами рукавами в кружавчиках. – К Оленьке нашей и так судьбинушка задком поворачивается. Олежка-то твой, Оленька, уж договаривается с областными властями, чтобы судили тебя за разврат и моральное разложение сплоченного советского коллектива. А это пять лет колонии, не менее. Вот карты как легли, сама гляди. Это Олежка твой, валет крестовый с

бубновым королем толкуют. А рядом, вишь ты, карта лежит, дама червонная. Ты, значит. И тут же рядом крестовая шестерка и два короля, пиковый да крестовый. Это надзиратели возле клетки твоей, возле шестерки. Но не всё это ещё. Тут вот болезнь тебе идет тяжелая венерическая, почти неизлечимая. Вот от этого бубнового валета. Видишь, миленькая? Сбывается мой расклад карточный всегда. У тебя, гляди на эти три десятки, через три раза по десять дней всё и сподобится. Месяц, в общем.

Ольга Николаева сперва рот-то открыла, чтобы возмутиться. Мол, живу, как хочу и с тем же Олежкой сама договорилась, что каждый сам по себе. Но тут же притихла, закрыла рот и стала нервно мять пальцы свои. Она глядела на тётю Соню и в глазах её увидела глубоко скрытую звериную злобу. Может, и почудилось ей, но спина её похолодела и пот на лбу выступил. Она соскочила со стула, заплакала, схватила пальто с вешалки и хлопнула дверью. Убежала. Куда – не известно.

Тихо стало в комнате. Софья Максимовна неслышно собрала карты в колоду и только Завьялова Нинка хмыкнула, глотнула наливки из маленького бокала и стала громко жевать плюшку.

– А вот тебе бы, Ниночка родненькая, я погадала бы на

иголке.

– Это как? – спросила Нинка, дожевывая плюшку.

– А вот как, – тётя Соня достала из комода фотографию групповую. Человек сорок сфотографировались осенью возле конторы на Празднике урожая. Достала и положила в центр стола на пустое место. Вынула иголку из розовой подушечки на стене. – Я сейчас её раскалю на свеченьке восковой и заговорю иголочку-то. А потом сверху на фотокарточку брошу остриём. Вот в кого воткнется иголочка заговоренная, того ты и должна соблазнить так, чтобы все узнали. Тогда и счастье к тебе придет. И болезнь твоя почечная исчезнет.

– А откуда знаете вы про почки мои? – отшатнулась Нинка и страх отскочил от сжавшихся губ её, и разлетелся по комнате, задев всех женщин.

– Я всё знаю про всех, миленькая моя девочка, – грустно сказала Софья Максимовна. – Таковую награду господь наш Иисус дал мне за веру верную в милость и праведность его.

Тут все вспомнили, что есть в доме Данилкиных комната, куда тётя Соня не разрешает заходить никому. Даже Григорию Ильичу. А Светка Резниченко, трактористка, года два

назад как-то исхитрилась незаметно туда заглянуть. Так вся комната, рассказала она всем знакомым, была в чёрном полотне. И окна затянуты им же. Кругом разные свечи горят. Круглые, квадратные, длинные церковные и простые стеариновые. А по стенам десятки икон в рамках золоченых. Но самое страшное – так это огромный чурбак посреди комнаты. А в него воткнут топор и десяток ножей вокруг того топора. Девки выслушали и единогласно постановили, что тётя Соня – не простой человек. Она разговаривает с богом, святыми и силой нечистой. А плаха с топором и ножами – ведьмины инструменты. Ударит после молитвы она ножом в плаху и видит, что хочет. Про людей и вообще про будущее. И изменять может жизнь каждого из совхоза, как ей захочется. Такая вот сложилась про жену Данилкина легенда. Хотя, честно говоря, вреда Софья Максимовна пока никому не причинила явного. Но боялись её все равно. Женщины только. Мужикам как-то поровну всё колдовское. Им самогон дай, бабу хорошую, работы побольше и рыбалку удачную. Потому, что мужики – народ попроще душой, примитивнее.

– Ну, трогай иголочку, дунь на неё аккуратненько, – тётя Соня протянула иголку

Нинке. Та дотронулась и дунула на остриё. Данилкина пошептала что-то игле, подняла её высоко над фотокарточкой и отпустила. Игла чуть слышно ткнулась в чьё-то лицо. Нин-

ка взяла снимок и охнула.

– Блин, это же наш врач. Ипатов это. Так он женат. Двое детей. Живут по-людски. На хрена людям жизнь ломать?

– А я разве тебя заставляю, девочка ты моя славненькая? – Софья Максимовна всплеснула руками и кружева на рукавах заиграли переливами солнца, лезшего лучами в комнату. – Это иголочка велит. Я-то сама против. Но не выполнить просьбу иголки, молитвой заговоренной – грех тяжкий. Тут всё может быть. И болезни, и в судьбе трещинки да перевёртыши. Тут тебе самой, Ниночка, белочка моя, думать надо.

– А вы тётя Соня, конечно знаете кто Петра Стаценко убил. И куда Нина Костомарова делась, – убежденно прошептала Вера Шапорева, завскладом продовольственным.

– Знаю, дорогуша, знаю. И мысленно вывожу нашу милицию на правильные версии. Вот сегодня уже я навела их точно. Хотя приедут они только через два часа.

В это мгновение за дверью зашаркали валенки о половики и кто-то постучал в косяк.

– Открыто! – крикнула Ира Чалая.

Ввалилась в комнату насмерть перепуганная почтальонша Кораблёва. Она забирала с утра в городе почту и развозила её с шофером ГАЗика Витей, мужем своим, по четырем совхозам.

– Я из «Альбатроса» сейчас. Там кошмар что делается! – она бросила сумку с газетами и журналами под ноги, схватила чашку с настоем и одним глотком осушила. – Игоря Алипова жена отравилась. Наглоталась таблеток и сейчас при смерти. Игорь вчера привез Валентину Мостовую в отдельный дом и пошел за последним чемоданом. Забыл чемодан-то. А она вся в пене, синяя вся и не дышит почти. Он в машину и за врачами. Пока собрал их – она уже богу душу почти отдала. Кололи ей что-то, капельницу ставили. Но врач ихний главный сказал, что надежды нет почти.

– Я поехала в «Альбатрос»! – вскрикнула Софья Максимовна. – Я смогу помочь. Где Гришина машина. Шофёр где?

– Нинка Завьялова обула валенки и побежала через двор, в дом шофера.

Через десять минут тётя Соня уже садилась в машину, нацепив шубу и тонкую кружевную шаль.

– Слово от Господа будет лучше капельницы, – перекрестилась она и дверца за ней захлопнулась.

– Пойдем со стола уберем да помоем всё, – позвала Ирину Завьялова Нинка. – Остальные гуляйте. Спасибо за компанию.

– Надо же! – уходя, воскликнула Шапорева Вера. – Что любовь-то делает! Что она, зараза, творит с людьми-то!

И была права. От любви, счастливой или несчастной, всегда можно было ожидать самую непоправимую неожиданность. Если, конечно, это настоящая любовь. Даже самая счастливая.

В три часа дня, когда мужики и дамы уже разошлись по домам, а тётя Соня с врачами спасала от смерти жену Игоря Алипова, Данилкин, директор и Серёга Чалый курили возле конторы. Ждали следователей. Маловича и Тихонова. И была у них откуда-то прилетевшая уверенность в том, что в этот раз преступление точно перестанет быть загадкой.

Глава тринадцатая

Все имена, фамилии действующих лиц и названия населённых пунктов кроме города Кустаная изменены автором по этическим соображениям.

Девятого марта, с утра раннего передовой состав корчагинского совхоза поделился на мужской и дамский коллективы и до обеда восстанавливался после задушевного и интенсивного празднования международного женского дня. И никто по причине затуманенности сознания после плотного вчерашнего соприкосновения с водкой, шампанским и самогонном утром и не заметил, что Господь, тоже, видимо, в послепраздничном забытии столкнул с небес раньше времени весну.

Вспорхнула она с укромного места своего и слетела на кустанайскую землю неожиданно. Вечером ещё лёгкий морозец баловался в корчагинском совхозе, а поутру ласточкой быстрой весна слетела с небес и притащила с собой солнце почти горячее и воздух, нагретый по дороге к земле. К обеду уже всю таял снег, и термометры на домах стали

поднимать внутри себя спирт крашеный до девяти градусов с плюсом. И вот только когда народ прогрел себя с утра до двух часов дня самогоном в доме у Мостового и настоями трав с добавлением наливочки вишневой в уютной обители Данилкиных, вот тогда и дошло до всех, что трындец зиме! Потому как глаза открылись и чувства ожили. Взыграло доброе настроение и возобновилась тяга к жизни.

Вышли они все из домов и вляпались валенками в талую воду, булькавшую над сохранившимся серым снегом.

– Это уже надо сапоги резиновые разыскивать в чуланчике, – выразил общую мысль Артемьев Игорёк и все до одного, раскидывая в стороны радужные брызги, метнулись по домам менять форму одежды с тяжелой на лёгкую, что делало настроение ещё более лучезарным.

Только Данилкин, директор, с Серёгой Чалым не металась. Поднялись они степенно на конторское крыльцо цементное и расстегнули полушубки, сняли шарфы и шапки, но кардинально перестроиться на тёплую погоду не имели они возможности. Поскольку с минуты на минуту ждали следователей из Кустаная – Маловича и Тихонова. Оба имели в своих ожиданиях нетерпение и определённый резон. Данилкин, никак этого не показывая, желал, чтобы побыстрее доказали вину Костомарова в убийстве агронома Стаценко и

увезли его к едреней матери с глаз долой. А там уж суд утрамбует его под вышку или лет на двадцать пять. В том, что Костомаров не расскажет, что к убийству его за уши подтянул сам Данилкин, боявшийся заявлением Стаценко о приписках, то есть, прямом обмане государства и вредительстве, директор был уверен на двести процентов. Потому, что он обещал Костомарову своими связями вытащить его с зоны уже через год. Или, если он проболтается, – не вытащить. Такую ярчайшую и убедительную дилемму внедрил он Костомарову в ум. Возможности Данилкина Сергей Костомаров знал. Если сильно припрёт, директор может такие силы привлечь к помощи, которыми можно и Тобол заставить течь против собственного течения. Существовали наглядные тому примеры. А Серёга Чалый был единственным в совхозе человеком, которому Данилкин про убийство агронома рассказал. Потому что, во-первых, пройдя вместе с Чалым через все тяжкие препоны, расставленные новой целинной жизнью на каждом квадратном метре, он понял, что надёжнее и умнее рядом нет никого. Даже хитромудрая жена Соня проигрывала Чалому в сообразительности и интуиции. Во-вторых, именно Чалый Серёга сумел умно и тонко разделить всякую шушеру, смывшуюся от разных опасностей в корчагинский совхоз, от нормальных простых людей. Только он сумел заставить блатных, беглых и потерявших облик человеческий мужичков и баб не соваться на жилую территорию совхоза, которая начиналась от конторы. Поэтому между разным от-

ребьем и обычными людьми не было междоусобиц и войн. Чего, кстати, кроме «альбаторсовского» руководства не смог сделать больше никто в семидесяти трёх целинных совхозах двух соседних районов. Вот только Чалый и Дутов сумели сделать невозможное. Все работали вместе на полях, стройках, на МТС и ещё где-нибудь. Но когда работа заканчивалась, все мирно разбегались по своим закуткам. Пили отдельно, дрались, бывало, сами между своими, но шушера не лезла к простым работягам, и наоборот. Хулиганства и краж практически не наблюдалось совсем. Тоже заслуга Чалого. Поэтому Данилкин ему верил как себе лично и доверял любую закрытую для других информацию. Серёга Чалый этим гордился, считал себя незаменимым, точно знал, что после директора он тут самый главный, а это грело ему душу, хотя и не очень хорошо отражалось на его самооценке. Она сама по себе переросла настоящего Серёгу Чалого и создала неверную иллюзию в неглупом Серёгином мозгу, что он правит народом не просто лучше, а вообще вместо Данилкина. Он даже зековское своё прошлое вспоминал как нелепые и неудачные случайности, хотя «случайностей» было аж три штуки. Две на родине за разбой и одну, которую отмотал в кустанайской зоне, «четвёрке», уже в статусе целинника. За крупную драку в городе. Сам затеял в парке культуры и отдыха, сам и довел троих «врагов» до тяжких телесных повреждений. Отсидел за всё время всего четыре года, досрочно освободили. Но и научился на зоне многому. Своей ра-

зумной головой он, повзрослевший, понял только в «четвёрке», что жить надо правильно, по-людски и больше в неволю не влетать. А дельные «зоновские понятия» эффективно и эффективно употреблять в мирных целях.

Машина следователей, как и положено, милицейскому транспорту, появилась из ниоткуда. Мгновенно и во время. Ровно в половине третьего. И было это явление загадкой. Потому как ГаЗик с синей полосой по бортам был сделан ещё в пятидесятых. Дорог откатал много, а бездорожья испытал больше, чем

теоретически мог выдержать. Но вот ездил же! Не только, значит, у советских

милиционеров имелся бесконечный запас прочности, но и у техники, видно, тоже. Приехали Малович с Тихоновым с другой стороны поселка. Не оттуда их ждали. Потому получилось внезапно.

– Где, блин, духовой оркестр? Хлеб-соль где? Или пара стаканов водки на подносе? – Малович лихо выскочил из кабины, придерживая под тонким пальто кобуру со служебным «ПМ» и пожал руки Данилкину и Серёге.

– Да сделаем моментально всё, кроме оркестра. Он к нам только на похороны приезжает из райцентра, – Данилкин дождался пока подойдёт Тихонов с большим портфелем и поинтересовался: – Работать сегодня начнете или отдохнём вместе? У вас дорога дальняя, у нас праздник был бешеный. Устали все.

– Ну, вы-то, чую, поправили здоровье, – засмеялся Володя Тихонов. – Ваше начальство чёрт-те где сидит. А мы перед отъездом у полковника два часа задницы парили. Разбирал события нехорошие и наши правильные действия на усиленном дежурстве восьмого марта.

– В такой праздник работали весь день? – удивился Чалый.

– И ночь, блин! – поёжился от воспоминаний Малович. – Отскакивали днём незаметно по очереди. Жен поздравили, сестер, матерей. И незаметно возвращались. Да ладно. Привыкли давно. Короче, сегодня отдыхаем, а с утра начнем. Костомаров-то в совхозе?

– А чего, с него сразу и начнёте? – Чалый почесал в затылке. – Тогда надо ему сказать, чтобы никуда не пошел случаем.

– Ну, скажи пойдёшь. Пусть сидит, ждёт. Хотя мы сперва сходим в вашу зону неблагополучную. На выселки. Надо там проверить кое-что. – Тихонов взял портфель под мышку. – А сегодня, конечно, надо чуток расслабиться.

– Вот это дело! – обрадовался Данилкин, директор. Идите ко мне в кабинет, а я распоряжусь тут пока, чтобы всё по высшему классу подогнали нам через полчаса.

И сорока минут не прошло, как Малович Александр Павлович первый тост поднял. За женщин, естественно.

– Лучше позже, чем грех брать на душу, совсем не поздравить ваших. У вас ведь тоже замечательные женщины?

– Обижаешь, начальник! – поднял стакан Чалый Серёга. – Везде всё женщины прекрасны. Ваши, наши, африканские. Получше нас. Точно говорю.

Выпили за женщин. Потом за службу милицейскую. За сельское хозяйство тоже. За Родину, за будущее без войн, голода и преступников. После чего стало жарко, уютно и спокойно. Потянуло на душевные разговоры, в основном на воспоминания. Малович и Тихонов закреплены были за Кайдарунским районом с пятьдесят восьмого года. Работы у них

только по одному корчагинскому совхозу было тогда столько, что приезжали они по вызову бледные, но с красными глазами. Потому, что не успевали отписаться по преступлению в одном селе, отоспаться не успевали, а начальство засылало их уже в другое хозяйство. И пока они там работали, директору звонили из УВД и передавали через него Маловичу, чтобы они там сворачивались и срочно летели в тот же «корчагинский», например.

– Эх, мать иху так да эдак, бандюганов залётных! – добродушно ковырнул память свою капитан Малович. – Это ж как началось повальное переселение народов на целину, так я как раз женился. И ведь только чудом не развелся, мля! Меня ж дома вообще почти не было. Как мы с Зинкой ухитрились сына родить – фантастика. Он как вроде святым духом зачат был. Я-то дома ночевал чуть ли не раз в месяц. А то, блин, или в кабинете, или в совхозе каком. Лейтенант – он же в милиции лучший мальчик на побегушках. Фигаро здесь, Фигаро там!

– Ну! – подхватил Тихонов Володя, старлей. – А сидели бы в кабинете, щёки надували, то давно уже ты, Сашка, был бы минимально подполковником. А я, глядишь, майором. А так мы свои звания прокукарекали на дорогах из села в село. Про нас и вспоминали-то в Управлении, когда мы дела готовые на подпись носили начальникам. Много, бляха, ра-

ботёнки было. Просто невпротык.

– У тебя вот, Гриша, сколько убийств было в хозяйстве с пятьдесят седьмого? – Малович налил всем. Выпили. Закусили колбасой и капустой квашеной. Софья Максимовна Данилкина погреб прямо в доме имела. Потому сохранилось всё в жуткий мороз. – Да не считай, сам скажу. Ровно сорок за десять лет. Это, выходит, по четыре в год. Если поровну делить. Но вот, я помню, с пятьдесят восьмого по шестьдесят первый мы с Вовкой лично раскрыли двадцать. Во, мрак был! Бандит на бандите сидел и бандитом погонял. Как их всех сюда снесло? Каким ветром? Изнасилований, помню, в те годы было – жуть просто. А грабежи? А домушники что творили!

– Мы, Григорий, тогда натурально на тебя косились, – засмеялся Тихонов. – Думали, что ты специально сюда дешёвую рабсилу собрал, да просчитался. Не тех выбирал. Молодые были, не понимали многого.

– Это только через пару лет дошло до нас, что целина позвала сюда не только патриотов-комсомольцев, – разжевывая сочную капусту, вспоминал Александр Павлович Малович. – Их реально меньше половины было. А отребье всякое, нагадившее у себя на родине, да блатата после отсидки, да вольно-поселенцы после условно-досрочного, плюс ханыги

неприкаянные, да с ними пьянь бездомная, алименщики тоже. Ой, и не переберешь всех! Вот работёнки нам дали они! Сдуреть можно.

– Ну, это ж не только у нас такой бардак был. Вся целина от них стонала, покуда вы всё это дерьмо не разгребли. А ведь разгребали без продыха лет пять, да? – директор Данилкин налил водки хорошей в четыре стакана.

– Ну, где-то так, – согласился Малович. – А сейчас другой совсем коленкор. У нас теперь даже выходные есть.

– Сейчас тихо стало. Да, – Чалый чокнулся со всеми и выпил первым. – Убийства редкость теперь. Наше так прямо уникальное. Неожиданное. Случайное, точнее. А воровать вообще перестали. Разбоев нет. Хулиганство, конечно, осталось. Пьём много. Ну, по пьянке-то и тянет на подвиги.

– Ты, Серёга, нам, конечно сильно жизнь облегчаешь. Держишь народ, – Тихонов похлопал Чалого по огромной спине. Но гляди, сам не попади опять. Три ходки для неформального порядочного лидера народного – это уже много. Хорошо, что не все знают. Но больше – упаси тебя этот самый! В которого сейчас неприлично верить.

– Не... – Чалый Серёга протянул руку Маловичу, потом

Тихонову. – Слово мужчины. Я ж подрост, ребята. Сороковник скоро отметим. Приедете?

– Прилетим!– засмеялся Малович. – Тебе верю. Ты жизнь понял.

Дело к вечеру шло, а разговор только начался. И сидели они, перебрасываясь воспоминаниями, мыслями о будущем, о политике и надеждах на коллективный социалистический разум. Потом и ночь пришла. Синяя и сырая.

А закончили отдыхать ближе к трём. Да и водка больше не лезла.

– Что, по койкам?– спросил Данилкин, директор.

– Ну, пора, конечно. Хорошо посидели. Передохнули красиво. От души, – Малович поднялся, да и остальные вслед за ним.

– Ночевать у меня будете. Не против? – спросил директор.

– Царский вариант – переночевать в покоях главы маленького государства, – Обнял директора Тихонов. – А завтра обойдем с утра блатную сторонку вашу и к Костомарову. И вы приходите к нему. Поговорим. Что-то нам подсказыва-

ет...Ну, ладно, завтра и посмотрим.

Вот после этих слов все с трудом выпили отвальную, да разошлись. Хороший день хорошо и закончился.

Утром к Чалому Сергею в окно постучал Артемьев Игорёк. Восьми ещё не было. Чалый отодвинул занавеску. Увидел растерянную рожу Артемьева и в трусах вышел на крыльцо.

– Это самое... – Игорёк подал руку и испуганно огляделся по сторонам, хотя пусто было на улицах. Для дел ещё не пришло время. – Мусора вроде вчера приехали. Ты спрячь меня, Серёга, куда подальше. Это они меня вязать приехали.

Чалый выдохнул.

– Блин, я подумал, помер кто-нибудь после пьянки восьмого. Так нажрались, что и до инфаркта недалече. А чего им тебя, дурня, вязать? На кой хрен ты им сдался?

– Я ж с Петькой тогда дрался. Они, видать, покумекали, да придумали, что я его добить захотел. Пьяные же были.

– Иди спи. Соскочил... – Чалый Серёга зевнул и пошел домой досыпать. Если получится. – Они тебя ещё в прошлый раз из подозреваемых вычеркнули. Там мои показания есть. Я тебя полумёртвого домой затащил на верёвке. Ты после этой драки ещё день, как минимум, муху бы не пришлёпнул. Ты сам был почти труп. Они мне верят. Иди, спи. Мы тут разберёмся. Они меня и Данилкина в бригаду следственную взяли помощниками.

Игорёк сначала недоверчиво, а потом восторженно поглядел вслед закрывающему дверь Чалому и, подпрыгивая, размахивая руками, как ребенок, побежал к своему дому, где не было ни жены, ни любовницы, ни кошки. Даже телевизора не имел Игорёк. Но зато это был его собственный дом, из которого его, наверное, никто никуда не заберёт.

Чалый так и не смог задремать. Покрутился в кровати полчаса, потом оделся и

вышел. Взял у стены сарая лопату и оставшийся от вчерашнего тепла крохотный слой серого в дырочках снега за час вынес и выбросил за забор.

От дома Данилкина донеслись звуки непослушного стартера, который тужился, но никак не мог запустить движок ГаЗика.

– Да не души ты его так! – кричал в кабину Малович. – Аккумулятор накроется. Будешь тогда толкать. А я рулить.

– Ну, ясное солнце! – громко соглашался Тихонов. – Ты капитан. Старший по званию. Имеешь право унижить нижний чин. Простого советского старлея. Но мне в апреле тоже капитана обещают. На равных будем. Ух, тогда отосплюсь я на тебе, Шурка!

Тут дряхлая машина всхлипнула, покашляла малость и движок заработал ровно, как вчера купленный. Свежий воздух верхом на лёгком ветерке долетел до двора Серёгиного и слегка да ненадолго омрачил нежный дух весны вонью восьмидесятого, добротного этилированного бензина с хорошей порцией свинца. Чалый чихнул и пошел переодеваться. За полчаса милиционеры вчера обещали что-то там прояснить на территории, занятой отребьем всяким и подъехать к конторе. С десяти надо было начинать следствие. И насколько затянется оно, никто понятия не имел.

С крыш лилась вода. Лёд таял медленнее, чем снег. Собаки, которых по случаю потепления торжественно отстегнули от цепей на время, носились сплоченными группами по дорогам, забегая во все дворы. Они нюхали всё подряд, обнюхивали друг друга попутно, а кобели поднимали ногу на

всё, что попадалось на бегу, и было повыше самих псов. На крышах и заборах, возвышаясь над ненавистными собаками и прекрасным весенним тёплым окружающим миром, сложившись в мягкие шерстяные комки, расположились разномастные кошки. По двору Толяна Кравчука гуляли курицы с петухом, шагающим впереди. Толян в почти пятидесятиградусный мороз перенёс их в дом и жил с ними почти два месяца. Спас куриц.

– Ты, Толян, уже должен классически кукарекать. Петух за зиму не учил тебя, что ли? – хихикал над Кравчуком Валечка Савостьянов.

– И яйца нести! – добавлял, захлёбываясь хохотом, Кирюха Мостовой.

– Вот ты дурной, Кирилл! – весело отбрёхивался Кравчук. – А я что ношу почти сорок лет?

Все ржали долго, находя спонтанно новые добрые шутки и подколы дружелюбные. Приятно и уютно было жить в близости душевной. В дружбе прочной, о которой специально никогда не упоминали. Она сама сложилась в трудностях, общих бедах и радостях. Эти люди дружили не для чего-то, не ради надежд на помощь, если нужна будет, не для гордости внутренней. Вот, мол, какие мы все достойные люди. Дру-

жим, потому, что того заслуживаем. Нет. Просто друг без друга эти крепкие от постоянно всех испытывающей жизни мужики жить не могли. В городах, больших и не очень, нет такого явления. Оно есть только там, где бороться надо не с управдомом или с начальником биться за повышение зарплаты. А там, где природа родная и любимая не даст никому, даже силачу семижильному, шанса выжить в одиночку или тогда, когда все с гонором тянут вожжи каждый в свою сторону.

Шел Чалый Серёга к конторе и громко здоровался со всеми, кто ковырялся во дворах. Женщины бежали на работу. В пекарню, парикмахерскую, магазин сельповский, в столовую, в школу. Туда, где труд не был связан впрямую с полями, сеялками, плугами и будущим урожаем. Разве что на нефтебазу торопились Людка Завьялова и Наташка Лебедюк, чтобы заправлять трактора и машины, в которых мужики уже начинают объезжать клетки и записывать для Данилкина в блокноты их состояние и готовность к посевной. Вот и с ними тоже радостно и приветливо здоровался Чалый и желал им доброго дня.

А он давно начался уже. Просто этого никто не заметил. Все были увлечены избавлением от ошмётков злой и несправедливой зимы. Вот поэтому избавлялись от мерзких признаков её увлеченно, самозабвенно, со зверски мстительны-

ми выражениями на лицах.

– Весна, зараза!!! – восхитился Серёга и отловил себя на мысли, что с пятьдесят седьмого года он, не как почка на берёзе, не как суслик, каждый год столбиком застывающий под греющим утренним светом, а впервые так яростно обрадовался приходу весеннего тепла. – Пришла, милая, не забыла, мать твою!

И в тот день совсем ещё не виделись ему грязные, хлюпающие оттаявшей жижей поля, переворачивающиеся на ямах грузовики с семенным зерном, поднимающиеся вертикально на ходу сеялки и беспомощно утопающие гусеницами в мягкой водянистой грязи трактора. И люди грязные по уши, собирающие руками перепачканное жидкой почвой зерно на расстеленные брезентовые куски, тоже ещё не виделись. До этого тяжкого зрелища ещё был запас времени. Недели три, не меньше.

А пока он спешил в контору, где ждали его следователи и Данилкин, директор. Он не знал, что Малович с Тихоновым на автобазе как раз сейчас выяснили у водителей обоих автобусов, возивших народ в Кустанай, что Нина Захарова, жена Костомарова, за последние два месяца в автобусы не садилась.

Шофёры написали объяснительные и следователи тоже двинулись в контору.

Пришло время раскрыть убийство агронома Петра Стаценко, большого любителя писать жалобы на совхозное руководство. На которые никто в городе просто не обращал внимания. А вот у себя в совхозе кто-то отнёсся к творчеству Стаценко, напротив, очень внимательно. И потому, видимо, так быстро и горько закончилась его жизнь. Но кто это был?

С единственной этой целью и поехала бригада двух профессиональных сыщиков и двух помощников-дилетантов домой к Сергею Костомарову. Надо же было с кого-то начинать.

– А к бандюганам нашим чего ездили? – аккуратно осведомился Чалый, чтобы не зацепить за живое тайну возможного следствия. В Газике ему по сельской дороге кататься было почти мучительно. При росте выше ста девяноста в такую машину лучше не садиться вообще. На подъезде к дому Костомарова голова Серёгина контактировала с железным потолком так часто, что в конце ему казалось уже, что следствию он больше не помощник. Мозги отбил полностью. Думать было нечем.

– Из колхоза Волочаевского спёрли со склада пятьдесят мешков цемента, -сообщил Тихонов. – Волочаевские спали. Сторожа не было вообще. У них давно не воровали ничего. Вот и расслабились. А ближние сёла – ваше да Кашканар. Ну, ваших строителей прибрлатненных мы сейчас потрепали хорошо. Все возможные места осмотрели вместе с паханом ихним, Колуном. Нет нигде. Да и протектор от машины Зи-Ловский. У вас нет их. Нет?

– Почему? Есть один. Но он пока без двигателя стоит. Делают двигатель к посевной на МТС, – Данилкин глядел из машины в окна костомаровского дома. – Что-то не вижу движения в доме Сергея Александровича.

– Чалый, слышь! – обернулся назад с переднего сиденья Малович. – Ты сходи пока за участковым, за Лёничкой Жуковым. Он нам понадобится.

Чалый Серёга на ходу спокойно вышел из машины, держась за голову. Что-то говорил он в движении. И хорошо, что не слышно его было. Потому, как и автомобиль он покрыл словами непечатными, и шофера. В полголоса, конечно. И побежал к участковому.

Костомаров Сергей лежал на кровати. Он был в куртке

весенней, в штанах рабочих. Ковыряться, видно, во дворе. И в тёплых носках. Возле кровати стояла табуретка, на ней бутылка самогона, стакан, пачка «беломора» и спички. Пепел стряхивал на пол. По всему дому пол сохранил коричневый цвет, а перед кроватью полукруг метра в полтора шириной имел цвет бледно-серый.

– Много курите, Костомаров, – сказал Малович, взял от стола ещё одну табуретку и сел перед пьяным Сергеем Александровичем, счетоводом и экономистом. – А пьёте зачем столько? Чего на работу не ходите? У Вас нечего считать, или как?

– Да пока нечего, – вместо Костомарова ответил директор Данилкин. – Через неделю ему надо садиться рассчитывать тоннаж семенного зерна на разные клетки. Сеять-то уже в начале апреля начнём.

– А, милиция! – почему-то обрадовался Костомаров. Он с третьей попытки, задевая головой стену, сел и поджал ноги. – Можно мне полстаканчика вмазать? А то рот не разговаривает. Слипся. Он нагнулся, взял бутылку и, прицелившись, точно воткнул горлышко в рот. Сделал три больших глотка и поставил самогон между колен. – Жену мою, Нинку, мою ласточку, так и не нашли мне. Я вот, видите, совсем подыхаю без неё. А вас хвалят все. Советская милиция – самая, вроде

как, передовая. А вы, мля, мне мою Нинку, жену родимую, какой уже месяц сыскать не можете. Я на вас жалобу напишу в министерство ваших внутренних дел. Вот уехала в Кустанай и хана. Сам искал. Но я же не милиционер. Нюха того нет. А у вас хоть и есть, но нюхать не умеете ни хрена. Пишу жалобу. Вы – кто, капитан?

– Я – Малович Александр Павлович. Он – старший лейтенант Тихонов Владимир Иванович. Прямо сейчас можете писать. Вот и участковый подошел. Он Вам бумагу даст и ручку. Подскажет как написать.

– Да писал уже. Сам знаю, – Костомаров глотнул из бутылки. – Но Нинку мою сыщите мне всё равно. А то я и до Москвы дойду. До министерства. Как так?

Тут же не Нью-Йорк. Не десять миллионов народа. Там-то спрячешься, так вся их американская полиция не найдет. А у нас – три человека на километр. На квадратный. И вы человека живого выследить не можете! Тьфу на вас! Вам только алкоголиков из кустов вылавливать. В Кустанае они почти под каждым кустом в парке дрыхнут. Небось, за алкашей ордена вам дают. Наловите их сотнями... Моя милиция меня бережет! Вы Нинку сберегли мою? Тьфу, говорю, на всю милицию вашу!

– Чалый, Данилкин, Тихонов, со мной, – Малович как вроде и не слышал костомаровских причитаний и явных оскорблений. Глаза спокойные, улыбка ироническая губы кривила. – А ты, Лёня, помоги человеку сразу обе жалобы написать. В наше УВД и в Москву.

Он нагнулся к уху участкового и тихим шепотом попросил держать Костомарова в доме. Не отпускать даже в нужник.

Вышли на улицу. Закурили.

– Я вот помню три случая, – Тихонов снял фуражку. Жарко было. Градусов пятнадцать, а то и больше. – Тоже жёны пропадали у ребят. Помнишь, Шурка?

Малович кивнул, разглядывая двор и местность за забором.

– Так ведь никто так не причитал. Хотя жён любили. Присились помогать в розыске. Но не скулили. И ведь всех троих нашли. Одну, правда, мёртвую. Зарезали и в Тобол скинули. Деньги отобрали и раздели почти догола. Так мы и тех, кто угробил её нашли. Неудачно сбросили её в воду. Тоже март был. Они её под лёд затолкали, чтобы течением унесло. А у одного из них перчатка намокла и соскочила на берегу. Фо-

нарика не было, он её и потерял. А утром перчатку увидел мужик из ближнего к реке дома. Он за водой ходил на Тобол. Жене воду таскал для стирки. И принёс нам перчатку. Показалось ему, что кровь на ней. Мы хозяина перчатки за две недели нашли. Ну, потом раскатали всё до конца.

– Было дело, – подтвердил Малович и очень внимательно стал разглядывать Тихонова. На самом деле он его и не видел. Так задумался. Смотрит на человека, а взгляд до него даже не дотягивается. – Слушай, Чалый, а вы рыбу где ловите?

– Вон там, – Серёга показал пальцем за забор. – Видишь, бугор? С бугра спускаешься – там и озеро. Ты же его знаешь. Года два назад отдыхали вместе. Купались. По сто граммов приняли. Да помнишь ты, Александр Павлович.

– А у вас у всех две калитки на заборах? – Малович подошел к узким воротам на штaketнике, закрытым на самодельный крючок.

– Да ну... – Сказал Данилкин. Зачем они нам, два выхода. Это только у тех, которые напротив озера живут. Чтоб напрямую купаться и рыбачить ходить.

– Костомаров рыбак? – Тихонов тоже подошел к калит-

ке. – Зимой тоже ловит?

Чалый пошел в сарай костомаровский и вернулся с набором летних и зимних удочек. И пешню принёс. Коловорот для сверления лунок.

– Блин! – стукнул кулаком по забору Малович. – Как же я не допёр-то?

– Что? – спросили все в один голос.

– Пошли на озеро, – Малович скинул крючок и по верхней воде над нарастающим снегом двинулся на бугор. Подождал остальных и взял за рукав Серёгу Чалого. – Ты же знаешь, где Костомаров зимой ловит, где лунки крутит?

– Да вон там, недалеко. Только сейчас идти туда не в масть. Можем провалиться. Лед здесь толстым не бывает. Только на середине. Где шесть метров глубина. А там, куда он ходит, метра полтора. Провалимся нахрен все.

Три дня подряд – шестнадцать градусов. Вообще через три-четыре дня лёд покрошится.

– Малович спустился с бугра и остановился на берегу. Таяло ощутимо. Образовалась даже водная полоска между

льдом и берегом. С полметра шириной.

– Не, не пройдем, – уверенно заключил Данилкин, директор. – А зачем туда идти вообще?

– Милиция знает зачем, – Чалый присел на корточки, закурил.

Капитан долго ходил по берегу. Пять метров влево, вправо и назад. Ходил он согнувшись и пинал изредка рыхлый снег ботинком. Тихонов постоял и тоже стал бродить навстречу Маловичу, глядя вниз.

– А! Вот оно и оно! – засмеялся вдруг Малович. – Ребята, мы на правильном пути. Можете аплодировать. И он поднял из воды лежащее на остатке снежном что-то тонкое и белое. Длинной сантиметров десять-двенадцать.

– И чего теперь? – спросил Чалый Серёга, не поднимаясь.

– А сюда идите все, – Малович внимательно разглядывал предмет.

– Ё! – удивился Чалый, – Это ж Костомарова авторучка. Шариковая. Большая редкость. – Только вон у Григория Ильича имелась и у Серёги Костомарова.

– Ну, правильно, – подтвердил Данилкин и взял авторучку. – Это я ему из Москвы привез. Подарил. И стержней запасных десять штук. Нам на совещании всесоюзном раздавали блокноты с этими ручками.

Тихонов достал из портфеля папку с чистыми листами и стал что-то писать.

– Чалый и ты, Ильич, подгребите сюда. Распишитесь здесь. Я написал, где и когда нашли ручку. А вы распишитесь как понятые. Подтвердите, значит.

Они подошли, расписались.

– Интересная картинка рисуется, – сказал Чалый Серёга.

– Ну, тут он её потерял. Понятно. А как? – Малович стал смотреть в небо. Соображал. – Зимой на рыбалку взял он на какой-то хрен авторучку? Бывает. Мог взять. Но авторучку в наружный карман фуфайки или полушубка какой дурак сунет? Такую редкую. Только в нагрудный или внутренний карман пиджака. Если поверх пиджака есть фуфайка, куртка, пальто или полушубок, то авторучка прижата. Значит, не выпадет.

– Хочешь сказать, что он был только в пиджаке? – забрал Тихонов авторучку Данилкина. – Слышь, капитан? В пиджаке он на озеро пёрся? А сколько градусов было, когда жена его в Кустанай за шубой уехала?

– Двадцать семь примерно, – напряг мысль директор Данилкин. – Точно не скажу. Но где-то так. До большого мороза она уехала. А он начался семнадцатого января. Значит, числа четырнадцатого уехала.

– Не ездила она никуда, – сказал Тихонов и почему-то надел фуражку. – Шоферы автобусов сегодня оба сказали, что она в автобус не садилась.

– Так, значит, – Чалый поднялся, взял у Тихонова ручку. – Да. Она.

– Он работал пятнадцатого? – Малович подошел к директору. – Писал что-нибудь?

– Ну, само собой. Годовой отчёт готовил, – Данилкин снял шапку и ей же вытер лысину на затылке. Вспотел. Разволновался.

– Ну, поехали в контору. Посмотрим, что он там писал. – Малович пошел на бугор, потом во двор Костомарова и вы-

шел на дорогу. К машине. Тихонов его догнал.

– Чалый, ты посиди там с ними в хате. Смотри, чтобы Лёня не дал ему выйти.

Капитан Малович и Данилкин хлопнули дверьми ГаЗика, Тихонов прыгнул на шоферское место и машина, ковыляя на колдобинах, аккуратно выбралась с бугорков перед двором на более гладкую дорогу и, дымя гадким этилированным бензином, скрылась за углом.

Еще никто, включая самого Костомарова, не знал, что пришло время развязки.

Одному только опытному и ушлому в своей работе Маловичу было ясно, что и в этот раз он у преступника выиграл.

Данилкин, когда приехали в контору и разворошили стол Костомарова, изъясил из нижнего ящика три толстых журнала для ведения деловых записей. Два из них были как попало исписаны и местами даже разрисованные смешными рожами. Черновики. Но день, когда Костомаров писал, всегда обозначался перед цифрами и комментариями к ним. В третьем журнале, голубом, чистеньком, всё написанное смотре-

лось так, будто над Костомаровым стоял суровый учитель и следил, чтобы всё было написано как на уроке чистописания в начальной школе.

– Ну, где январь тут? – Малович нашел нужный листок – Четырнадцатое. Запись ручкой шариковой. Четырнадцатого жена его за шубой уехала?

– Так точно! – уверенно поддакнул Данилкин.

– Пятнадцатое. Десять тридцать утра. На фига время-то уточнял? – Малович перевернул страницу, потом ещё одну и облегченно вздохнул. – Володя, подойди. Видишь, четырнадцатого писал он шариковой ручкой. А пятнадцатого и дальше – обычной, чернильной. То есть, ручку шариковую он потерял на озере в тот день, когда жена уехала в город и не вернулась.

– Мне нравится, что он время записывал, – хмыкнул Тихонов. – Вот смотри. Четырнадцатого он закончил писать в двенадцать сорок пять. Наверное, пошел обедать.

– И жену за шубой проводить на автобус. В котором её шоферы не видели. Не заметить не могли, – Малович говорил автоматически. Потому что увлёкся записями. – А билеты покупает каждый пассажир у водителя. И ездит в город

каждый день человек пять-шесть. Так шофер Трауберг сказал. Иван Карлович. Глянь сюда, Вова. Внимательно читай отчет. Тут про уборочную шестьдесят восьмого.

Данилкин сел за свой стол и тоже стал листать какие-то бумаги, изредка шевеля губами и поглядывая в окно.

Следователи над изучением трех журналов просидели больше часа.

– Слышь, Ильич! – Малович подошел к окну. – Ты сам эти журналы читал? Ну, цифры всякие смотрел по сдаче зерна?

– А? – очнулся Данилкин, директор. – Да на кой они мне сдались, журналы-то? Там башку свернёшь. Я-то сам не экономист. Да и он не один считал. С женой. Захаровой Ниной. Она отдельно своё писала. Он – своё. Потом в голубой журнал сводили свои расчеты и показатели. Он мне на основе подсчетов сводную бумагу печатал на машинке. Я уточнял, ознакомил ли он с данными главного агронома? Он говорил, что это само-собой. Я тогда подписывал. На основании сводного отчета Костомаров и жена его писали последние короткие справки для Управления, обкома и Минсельхоза КазССР. Я пописывал, а Стаценко, главный агроном с Костомаровым ругался в коридоре и потом бумагу не трогал. Свою роспись не ставил. Только я один. Но и её хватало.

– А сказать тебе, на сколько они тебя подставили в прошлую уборочную? -

Малович невесело улыбнулся, сходил к столу и принёс голубой журнал. – Вот смотри. По итогам уборки твой совхоз сдал столько государству, что тебе сразу должны были дать Героя Соцтруда и звезду золотую. Дали?

– Смеёшься? – опустил голову Данилкин. – Ну, каюсь. Доверял я ему. А что там не так?

Тихонов заржал от души как на сеансе добротной кинокомедии.

– Ты, Ильич, сдал в прошлом году хлеба со своего солончака и суглинка – ставропольскому передовому совхозу и не снилось. На лучших полях Черноземья когда получают такие урожаи, плачут от счастья. А ты их тут отодрал как детишек малых ремнём и в угол поставил. Зато обком рапорты хорошие и в Алма-Ату, и в Москву отправлял. И был обком кустанайский в авторитете! Во как!

– Выходит, под тюрьму они меня подводили потихоньку, Костомаров с женой? – Данилкин сделал испуганное лицо. – Но зачем? Чтоб на моё место сесть Сергею? А жену замести-

телем сделать по экономике? Ну, так что ж теперь со мной будет, а, ребята? Ведь прознают в Алма-Ате или Москве – конец мне. Тюрьма.

– Не прознают, – засмеялся Малович.– Никто там без настырных сигналов или указаний с больших высот в эти цифры не вдумывается. Не до этого им. Они тоже ввысь стремятся. Потому все ваши отчеты с восторгом принимают. После высоких урожаев им и ордена на грудь, и места высокие, заветные.

– Но то, что Костомаров с женой фактически тебя вели по суд – это верняк, – шлепнул журналами по столу Тихонов и затолкал их назад, в нижний ящик.

– Мы, Григорий, не ОБХСС. Экономическими преступлениями не занимаемся.

– Малович похлопал Данилкина по плечу.– И вряд ли кто без особого распоряжения начнёт тут ковыряться в твоих бумагах. Стране слава нужна! Казахстану тоже нужна! Но ты впредь поаккуратнее. Мало ли какой враг за тобой начнёт следить. Врагов не заводи. И живи пока как жил.

– Фу-у-у! – выдохнул Данилкин и достал из шкафа начатую бутылку водки. – Будете? Граммов по сто? Я хлебну. Тря-

сёт чего-то.

– Не, не будем, – Александр Павлович накинул шинель, фуражку нацепил. – Пей, да поехали к Костомарову. Надо это дерьмо разгрести до финала. Тут уже мало осталось.

Через пятнадцать минут они вызвали Лёню Жукова на улицу вместе с Чалым и приказали собрать побольше мужиков возле берега озера, который далеко от костомаровского дома. Прямо рядом с больницей. И чтобы взяли багры, шесть длинные, топоры и арматуру длинную и толстую. На двадцать миллиметров толщиной, не меньше.

Чалый с участковым пошли задание выполнять, а Малович постоял на крыльце, посмотрел с улыбкой на Тихонова.

– Так хочешь поскорее капитана получить? Давай, иди, вынимай из Сергея Александровича чистосердечное. А я протокол писать буду. Чего тебе, действительно, четвертая звездочка плечи продавит? А?

И они открыли дверь. И пошли в который раз уже успешно завершать раскрытие очередного особо тяжкого преступления.

Костомаров Сергей метался по трём своим комнатам, снося пьяным туловищем всё, что могло падать. Чалый и Лёня Жуков, участковый, медленно ходили по тем же комнатам. Жуков навстречу одуревшему от трёх стаканов счетоводу, а Чалый – за ним следом. Чтобы в случае чего успеть подхватить Сергея Александровича и не позволить ему проломить собой стену. Костомаров хоть и не тяжелый был, но перемещался зигзагами с такой скоростью, что её вполне хватило бы для смертельного столкновения с кирпичной кладкой. Малович с Тихоновым и Данилкин с ними вошли как раз в тот момент, когда счетовод-экономист вылетал из зала в прихожую, очень увлеченно и громко поливая сочным матом советскую милицию, совхозное руководство и всю социалистическую действительность в целом.

– Они свой хлеб за какие заслуги жрут!? Где правда? Куда упрятали Нинку?

Это милиция, сволочь, засадила её! Она убить меня грозилась! Так она ж баба! Мозгов нет. Потому и грозилась. А донес кто? А меня зачем терзают, гады, когда горе моё во мне и без них душу рвёт!? Данилкин, падла, сдал! Он слышал! Она при нём в кабинете орала, что убьёт! Так ведь дура она! А поверили! И это советская власть!? Это фашистская власть – бабу за ругань к расстрелу приговорить!

Он плюхнулся на колени, отвернулся от милиционеров и, не поднимаясь, побрел к кровати, разбрасывая ноги в стороны.

– Ну, Сергей Александрович, Вы шибко так не убивайтесь. Мы вам сейчас всё объясним. – Тихонов махнул Чалому и пальцем показал на кровать. Серёга оторвал Костомарова от пола и посадил его спиной к двум высоким подушкам, слегка примятым лёгкой головой счетовода.

– Меня слышно? – спросил его Малович.

– Ладно. От меня-то чего хотите, если сами не умеете пропавших людей искать? Милиция, бляха!– Костомаров стих мгновенно и слова эти еле из себя вынес.

– Вот мы сейчас в конторе читали ваши записи в амбарных книгах, – начал Тихонов.

– Вы мне Нинку мою, жену мне верните. За что посадили?! – то ли от самогона, то ли от ума не пропитого пока, а потому всё ещё хитрого, выкрикнул счетовод и очень трезво оглядел всех четверых с головы до ног.– От меня чего требуется?

– Вспомнить требуется, чем вы писали в журналах четырнадцатого января до обеда. Какой ручкой? – Малович сел рядом на кровать.

– А не хотите, чтоб я вспомнил сколько раз до обеда в сортир ходил? – Костомаров говорил зло и вполне членораздельно. Не такой он и пьяный был, как поначалу изображал. – Как я могу помнить аж про четырнадцатое января? Март уже. Ну, так вы же смотрели журналы. Зачем тогда пустьшку гоняете?

– Шариковой ручкой писали вы до обеда четырнадцатого января, – как второгоднику в первом классе протяжно, отделяя слова, сказал Тихонов. – А после обеда не писали вообще. Шариковая – редкость. Все её берегут. Вот вам директор её подарил от души. Но зато пятнадцатого утром все ваши записи сделаны простой чернильной авторучкой со старым пером. Почему?

– А я помню? – возмутился счетовод. – Это ж ручка всего-навсего. Не бриллиант. Там, в конторе, небось и лежит. Мож, закатилась куда. Чего вы к ручке привязались? Вы вон отчитайтесь передо мной, почему жену не нашли? Работать не умеете, вот почему.

Малович хотел разозлиться, но передумал. Или, может,

сдержался.

– Значит, потерял редкую вещь Костомаров и даже искать не стал. Плевать он хотел и на ручку шариковую и на Данилкина Григория Ильича.

– Искал я, – Костомаров очень внимательно, догадываясь, с чего бы следователи такой хитроумный заход сделали, стал глядеть на капитана. – Уборщица видела. Я искал, правда.

– Ты искал, а нашли мы, – Малович достал из внутреннего кармана кителя белую шариковую ручку.

– Она, – удивился Костомаров искренне. – А я весь кабинет обшмонал. Куда, думаю, закатилась?

– А то, что ручка пропала в тот же день, когда твоя жена, Костомаров, в город уехала, тебя никак не зацепило? – Тихонов подсел к Маловичу на край кровати.

– В смысле, что она взяла ручку в Кустанай? – Костомаров вытаращил глаза и стал красный. – Так, выходит, она её взяла и вы только ручку нашли, а Нинку упустили? Как можно в большом Кустанае найти маленькую ручку, а большую взрослую тётю пропустить, не заметить?

– Ну, ладно, – Малович поднялся. – Мужчина ты, Костомаров умный, находчивый, соображаешь как профессор. Быстро и уверенно. Крутишься тоже ловко и быстро. Как вошь на гребешке. Одевайся. Пойдём, мы тебе покажем, где валялась ручка.

– Да заберите её себе! – продолжал придуриваться счетовод, думая, что следователи сами запутались в догадках и ждут, когда он ляпнет что-то для них важное. – Я простой управляюсь не хуже.

Чалый в это время и пальто ему принес, и фуражку замшевую.

– Иди, Сергей, обувайся.

Данилкин, Малович и Лёня Жуков вышли во двор. С высоты струился аромат неба. Сладкий, молочный, напоминающий запахом чуть ли не пломбир в шоколаде. Хорошая весна поливала перепуганную яростной зимой землю своим приторным елеем.

– Там ребята все собрались, на дальнем берегу? С инвентарём? – посмотрел вдаль Тихонов. Но из-за бугра не увидел ничего

– Да у нас чётко всё. Я сказал, – похлопал себя по правому карману Чалый, достал папиросу и спички. Закурил. Улыбнулся. – Не переживайте. Главное, чтобы получилось.

– Куда оно денется! – утвердительно промычал под нос себе Малович. – Ты, Серёга, поищи у него в сарае широкую длинную доску. Попробуем перейти. Надо найти лунку широкую. Не рыбацкую.

– Я свою принесу. У него точно нет, – Чалый бегом побежал через дорогу. Управился за пять минут. Доска была большая, тяжелая. Дальше понесли её вдвоем с Данилкиным и перебросили от берега на лед.

– Выдержит лёд, – прислушавшись к тому, какой при падении звук пошел от доски, сказал Серёга.

Вскоре с бугра спустились остальные. Костомаров шел впереди и лицо его было так напряжено, будто на голову ему поставили поддон с кирпичами.

– Вот здесь лежала ручка, – Малович нагнулся, убрал отметку-веточку от прибрежного куста. – Вот так лежала.

Он аккуратно уложил ручку на место.

– То есть Вы, гражданин Костомаров, потеряли её тут четырнадцатого января. Жена уехала, а вы сразу же бегом на рыбалку. В одном пиджаке. Да?

– Почему в пиджаке? И почему я гражданин, а не товарищ? – Костомаров глядел исподлобья. Глаза не выражали ни удивления, ни страха. Равнодушно смотрел счетовод на следователей.

– А почему на рыбалку? Жена не разрешала? Ручку-то потеряли как только она уехала. И выпасть могла, только если сверху не было пальто или полушубка. Прижимает верхняя одежда пиджак. И ничего выпасть не может. А вот если без верхней одежды... – Малович высморкался и первым пошел по доске на лед.

– Давайте. Держит нормально. Все поместимся, не потонем.

Перебрались все и двинулись прямо. Метров через пятнадцать попалась пробуренная коловоротом небольшая подтаившая лунка. Костомаров остановился. Сел на корточки.

– Дальше не пойду, – сказал он. Нет, не сказал. Прорычал.

Чалый и Данилкин подняли его, взяли под руки и пошли

за следователями.

Ещё метров через двадцать все замерли возле довольно широкого круга, который подтаял только сверху, но контур обозначил чётко. Видно было, что внутри лунки заледеневший снег. Он отличался и по цвету и по плотности.

Малович побродил вокруг лунки, пригляделся, нагнулся и поднял с боковой проталины небольшой светлый пучок волос.

– Ну? – спросил он у всех сразу. – Это можно с чем-то спутать?

– Волос, блин, – Чалый глянул на Костомарова. У него задрожали руки и губы. Протрезвел он почти полностью.

Значит пойдём теперь. Здесь всё. На тот берег пойдём, – подвел итог увиденному и услышанному Тихонов.

Когда подходили к толпе мужиков с баграми, шестами, топорами и почему-то ещё и с лопатами, счетоводу стало дурно и его вырвало прямо под ноги. Кроме работяг с нехитрым инструментом народа собралось немало. Даже женщины пришли. Около десятка. А всего берег облепили со всех сторон человек сто, не меньше.

– Удалить их? – спросил Маловича Данилкин, директор.

– Не надо. Свидетели это. Бумага с собой? – спокойно спросил он Тихонова. Пиши пока протокол осмотра места обнаружения трупа. Потом все свидетели распишутся.

– А если того... Не получится? – шепнул Тихонов.

– Эй, ребята! Начинайте лед толкать. Глубина какая тут? – крикнул Малович.

– Возле льда метр примерно, – ответили двое сразу.

– А кто с топорами не боится зайти по пояс и покрошить лёд? Ну, хотя бы метра на три вперёд.– Капитан ещё и договорить не успел, а четверо мужиков с топорами вошли в ледяную воду и стали рубить. Образовалась довольно большая, широкая полукруглая полоса воды. Лёд оказался хрупким и скоро к берегу поплыли разнокалиберные осколки ледяные.

– Вылезли все и побежали переодеваться! – скомандовал Тихонов. – Теперь шестами толкаем лёд от себя. А двое крутите шестами же воду подо льдом. Воронку делайте. Рядом встаньте.

– Ну, а я что говорил! – Малович первым, естественно, увидел как подо льдом движется к открытой воде большой, темный и объемный предмет. – Свидетелей прошу поближе к берегу.

Сначала показались ноги, потом переворачиваясь по оси, медленно выплыло тело в пальто. Задранном вместе с плащем до пояса. А через пару минут тело выплыло полностью. Ледяная вода почти не изменила черты лица, хотя оно сильно распухло, как и всё тело. Мужики с баграми зашли по колено в воду, зацепили труп за одежду и подтянули к берегу.

– Кто может опознать утопленницу? – крикнул Малович.

– Все могут, – сказали из толпы. – Что тут опознавать? Нина это. Захарова.

Женщины заплакали громко и отвернулись. Мужики подошли поближе к следователям, Чалому и Данилкину, которые присели у трупа.

– Она это, – сказала наиболее стойкая из женщин, продавщица Завьялова. -

Серьги её. Кофта у меня такая же. Вместе в Кустанае брали. Родинка над губой. Она это.

– Зубы золотые. Нижняя челюсть, – подсказал Данилкин. Он взял с земли щепку от жерди и с трудом опустил нижнюю губу утопленницы.

– Протокол подпишите, свидетели, – Тихонов прошел вдоль ряда собравшихся – Там указано место, где найден труп. И опознание в трупе личности Захаровой Нины Васильевны.

Пока понятые расписывались, Костомаров впал в безнадежную истерику. Он бился головой о землю, судорожно скрёб пальцами твердый наст возле трупа, сдирая ногти, рыдал и тонко выл, задирая к небу искажившееся лицо.

– Вы, гражданин Костомаров, признаёте в женщине, которую достали из-под льда, свою законную супругу Захарову Нину Васильевну?

– У-и-у-у-и... – выл счетовод. И только когда Чалый и его земляк гомельский Вениамин Кириченко поставили его на колени, а Малович с Тихоновым застегнули на запястьях его наручники, тихо сказал. – Да. Признаю. Это моя жена Нина Захарова.

Но вокруг было ещё тише и все услышали признание Ко-

стомарова.

– Всем слышно было. Признал, – крикнули из толпы.

– Тогда всем спасибо за помощь! Расходимся! – Малович показал двумя руками, что народу надо расходиться.

– Да и мы пошли, – сказал Тихонов Чалому и Данилкину.– Под руки счетовода возьмите. Дотащим до его дома.

– Да ясно всё. Чего к нему домой переться? Сразу в следственный изолятор и везите. Чего тут непонятного? – почесал под шапкой затылок Данилкин. Малович с Тихоновым в стороне смотрели протокол. Чалый незаметно нагнулся к уху Костомарова и пошептал быстро.

– Про Данилкина ни слова. Понял? Всё бери на себя. Сам её порешил. И Петьку тоже сам. Ты приписки делал и его боялся. Понял? Так скажешь, во всем расколешься, мы тебя из «четверки» через год вытащим. Маловича уговорю, чтобы вышак тебе они не рисовали. Суд согласится. Но мы тебя выдернем, если директора не потянешь за собой. Усёк?

– Ты что там, молитву ему читаешь? – засмеялся Малович.– Пошли, что ли...

Чего тут стоять? У нас дело-то пока посере́дке застряло. Надо дальше колоться. Да, гражданин Костомаров?

– Суки, – ссохшимися губами прошелестел счетовод. – Суки позорные, легаши, твари...

– Ну, ну! – покобенься маленько. – Излей зло на милицию. Такую славную жизнь порядочному дяденьке ломает ментовка легавая.

И маленькая кучка уставших людей тихо двинулась к открытой калитке костомаровского дома. Чтобы передохнуть часик и начать длинный, похоже, разговор с Костомаровым обо всех делах его недобрых и о злодейском убийстве агронома Петра Стаценко.

В том, что разговор этот закончится в пользу справедливости, не сомневался даже сам счетовод-экономист.

Рано или поздно судьба человеческая обязательно вытащит все его недобрые тайны на свет божий.

Закон этот жизненный, никем не писанный, никогда ещё не могли отменить

Никакие силы. Ни злые, ни добрые...

Глава четырнадцатая.

Фамилии действующих лиц и названия населенных пунктов кроме города Кустаная изменены автором по этическим соображениям.

Грустно началась весна в Корчагинском совхозе. Хотя и капель, вроде, билась о бетонные отливы перед фундаментами радостно. Она валилась с крыш торопливо, весело шелестя в тёплом воздухе большими своими каплями. Они разбивалась о бетон как гранаты, разбрасывая вокруг места встречи с бетоном осколки – брызги. Розовые, фиолетовые и желтые. Так смотрелись взрывы капель под осмелевшими лучами солнечными, которые протискивались даже в узкие дверные щели. Изо всех сил извинялась весна за сестрёнку свою старшую – зиму, у которой в этом году неважное было настроение и попортила она природе жизнь основательно. И птицам дал март

счастья навалом в виде рассыпанного и оттаявшего зерна на полях да возле зерносклада.

Пшеница разбухла в талой воде и маленькие воробьи, окуная животы в воду, мочили перья, клювы и головы, доставая тяжелые зёрна из луж.

Зато наедались так, что взлетали вроде гусей, с разбега, и плыли в согретом воздухе к крышам натужно, как под завязку нагруженные бомбами самолёты.

Кур в совхозе держал один Толян Кравчук. Они, видно, мозгами своими куриными врубались в собственную эксклюзивность и потому гуляли по всем улицам, не стесняясь ни собак, ни почти таких же размером ворон. И море воды на дорогах было по колено им. Они беспрестанно били клювами пробивающуюся из-под снега землю и уже от этого им было хорошо. Много чего вкусного осталось на дорогах с осени. Собаки с удовольствием облаивали всё происходящее, потому как победило тепло и собакам тоже необходимо было его с этим поздравить. Народ как змея, сбросившая тяжелую задубевшую кожу, приделся в фуфайки легкие, кепки, платки и тонкие сапоги резиновые, а потому перемещался в теплом пространстве быстро, но сбивался с резиновых ног своих на потаённых ледяных останках, падал, раскидывая вокруг себя и волны, и радужные брызги. В целом это

наверилось всем, потому как бегать мокрым в тёплом воздухе было куда полезнее для здоровья, чем сухим по сорокасемиградусному морозу.

На этом и кончалось всё, не вызывающее печаль. А так, если вдуматься, очень разрушительным был колотун дикий. Стены на многих домах трещины дали, около двухсот человек отморозили руки, ноги и лечили теперь их в больничке у Ипатова. Еду привозили с Урала не так регулярно, как договаривались. А своего почти ничего не осталось. Помёрзли погреба у всех поголовно, потрескались и почти разрушились многие печки от перегрева, в сараях пропало всё, что не смогли в дома затащить. Причём не только еда пропала. Стёкла запасные полопались. Даже щипцы всякие, плоскогубцы, ключи разводные, которые не успели смазать хорошенько солидолом, уже не открывались и не крутились. Да это ладно. Что – то восстановить можно, а что нельзя – легко купить. Но, например, Петю Стаценко и Захарову Нину насовсем потеряли. И не мороз сгубил их. А вот от рук человеческих после буйных первых целинных лет в последнее время почти не было смертей. Года три назад, правда, в блатном краю села подрались семеро пьяных придурков. И одному в суматохе воткнули заточку в печень. Помер. Но его и не жалел никто. Поганый был парнишка. Своих задирает, у них же воровал папиросы, самогон, деньги. Когда напивался – тянуло совершать гадкие подвиги. И вот он единственный

ночами приходил на ту сторону села, где обычные люди жили. Шарахался по сараям, мелочь всякую тырил, электрические провода отрезал перед некоторыми домами, двух собак ломом убил. Чалый с ребятами тогда физическим насилием и культурным убеждением успокоили многих в том краю, а сам «герой» три недели у Ипатова лежал, переломы лечил. Ну, а когда зарезали его – даже милиция не приезжала. Директор заявление написал в УВД про несчастный случай со смертельным исходом. Мол, один пьяный напоролся ночью боком на арматуру в строящемся доме. Блатные день пили после похорон, да и забыли про него через неделю.

В общем – внешне весна гляделась красиво и как будто вливалась свежие силы в людей. Но сил этих новых пока не хватало для радости после больших потерь.

Просидели Малович с Тихоновым, да с Лёней Жуковым, участковым, допоздна у Костомарова, но почти бестолку. После того, как достали из воды труп жены, да сразу и заковали его в наручники, счетовод ушел так глубоко в себя, что на любые вопросы следователей произносил только одну букву.

– А?

Данилкин ушел к парторгу Алпатову инструктировать его по специфике похорон утопленной Захаровой, Чалый тоже отпросился у Маловича. Ему надо было обойти домов десять, сказать – во сколько похороны, чтобы эту информацию все разнесли по своим соседям, то есть – оповестили весь совхоз.

– Ладно.– Пристально оглядел Костомарова Александр Павлович. Понял, что толку с Костомарова сегодня уже не будет.– Пошли, Володя и мы домой к Данилкину. Девять часов уже. Чаю попьем, да ложиться надо. Устал немного.

– Ну, правильно.– Тихонов взял портфель. – С утра полегче и у нас пойдет дознание, да и подследственный очухается.

– Ты, Леонид, дежуришь ночь. Завтра отдыхаешь. – Малович поднялся с табуретки, надел фуражку. – Приглядывай, чтобы он на себя руки не наложил. Гляжу я – не в себе Костомаров. Самогону можешь налить ему. Пусть уснет. Ну, давай. Пошли мы.

По дороге встретили Данилкина, директора. Он тоже шел домой из столовой. Поминальный стол с поварами расписывал.

– Ну, что?– поинтересовался директор, закуривая.– Выбили – кто надоумил его зарезать Петьку Стаценко?

– Ты с чего взял, Гриша, что он его зарезал?– хмыкнул Малович.

Тихонов тоже улыбнулся, но как – то не так, не по дружески.

– А даже если вдруг и окажется, что это он? Так разве сам Костомаров не мог его убить? Только если кто- то попросил сильно? У самого причины не было?

– Ну, не я же его просил.– Сказал Данилкин, директор.– А причин личных было три как минимум. Стаценко сводки его с приписками не признавал. Жаловался везде. Собирался в Москву поехать. В ЦК партии. А это тюрьма Костомарову. Вредительство в чистом виде. Я – то не знал, что он приписывает с женой вместе. А Петя проверял всё. Ругался с ним всегда. И посадить обещал. Но вот когда Костомаров про Москву услышал, то и понял, что уж там не отмахнутся как наши. А прихватят его всерьёз.

– Жену – то зачем убил? – Малович остановился.– Она же вместе с ним отчеты делала. Чего бы ему бояться Захарову? Оба бы на один срок пошли. Или под вышку. Приписки- то

огромные. По старому они оба – враги народа. К стенке и пулю в затылок каждому.

– Потом ещё две причины. – Данилкин тоже остановился. – Он главным агрономом хотел стать. Значит решил себе место освободить. А третья причина – сама Захарова. Уж кому быть главным агрономом, то ей. Она и экономист посильнее раза в два. На агрономическом факультете в Тимирязевке три курса проучилась. Пока в шестидесятом он её не позвал к нему приехать. Замуж за него выйти. Они из одного города, из Жукова под Калугой. Только он в пятьдесят седьмом к нам приехал. А она учиться хотела. Он знал, что Нина посильнее в агрономии. Её убрал. Потом Петра.

– Ну, ты придумал, Ильич, версию! Это для плохого кино годится. – Малович пошел догонять Тихонова. – Чтобы на место агронома в захудалом, извини, совхозе сесть, ни один идиот двух человек убивать не станет. Да ещё так топорно. Видно же, что всё глупо довольно сделано. Без подготовки. Так можно в состоянии аффекта убить или в приступе бесконтрольного психоза. Нервы сдали. Но когда на мокрое идут ради спасения своей шкуры или шкуры начальства, от которого судьба его зависит – тут готовятся тщательно. Комар носа не подточит.

– Ты точно меня не имеешь в виду? – Догнал его Данил-

кин.— Мол, я его подговорил. Да или нет?

– Гриша, успокойся ты. На фиг ты нам не нужен. Сиди, жди когда в обком заберут.— Малович приобнял его за шею.— Мы тебя не подозреваем. Да, Тихонов?

– Подозревали бы – то ты, Гриша, уже давно в наручниках был.— Тихонов засмеялся.— Ты же про приписки только вчера узнал. Ты ж раньше – то про вредительство – ни сном, ни духом. Верно?

– Это правильно. И в мыслях не было. Сам потрясён.— Данилкин вздохнул и прибавил шаг.— Давайте ускоримся. Соня там, небось, и жаркое приготовила, и плюшек сладеньких. Отдохнем. Выпьем малость. Устали все. Спать пораньше ляжем и пораньше встанем. Работы завтра много. Костомарова надо расколоть на убийство Стаценко обязательно. Это он. Я нутром чувствую. Скотина пьяная!

– Давай, успокаивайся.— Малович открыл калитку.— А то я подумаю, что это ты его наострил на мокрое.

-Тьфу- тьфу! Не дай бог. Я коммунист. Это не партийный метод.— Данилкин и впрямь успокоился. Или так удачно вид сделал.

– Короче – перекусим, да спать. А пораньше встанем и к Костомарову. – Тихонов уже на крыльце стоял.– Кто рано встаёт...

– Тому и Бог даёт! – патетически закончил Данилкин, не верящий, по – правде говоря, ни в бога, ни в чёрта, ни в КПСС, ни в коммунизм. И даже советский строй не одобрял он потаённо и в блестящее его будущее не верил.

Хорошо, что кроме него этого никто не знал и даже не догадывался.

В домке у Данилкина жить можно было только после того, как организм смирится с набором многочисленных ароматов, часть которых смешивается с другими, а остальные живут отдельно. Все вместе они представляют собой такой сложносочинённый воздушный коктейль, который производит в голове нечастых и непривыкших гостей замыкание мозга. То есть электрические сигналы, поступающие от рецепторов и прочих нервных окончаний в мозг, перестают распознаваться и гость начинает себя странно вести. То руками размахивает не к месту, то болтает чёрт знает что. Причем почти без остановки. Некоторые после часа пребывания у Данилкиных натурально дремлют стоя или сидя, а был слу-

чай, когда очень солидный гость, проверяющий из областного Сельхозуправления, совсем не пьющий из-за язвы желудка, стал вести себя как выпивший три стакана самогона без закуски. Он пел, танцевал без музыки, рассказывал тайны семейной жизни и руководящей работы. Уложить спать его удалось только часам к двум ночи. Так вот за пределами дома Данилкиных это был молчаливый, строгий мужчина с наработанными жестами руководящих работников, короткими и многозначительными. Не позволял себе даже поворота головы непродуманного.

Сам Данилкин секрет своего дома знал, конечно. Но не рассказывал никому. Соню, жену свою, не хотел подводить. Это её личный многолетний секрет был. Самое удивительное, что гость, пришибленный набором неясных сладких, кислых, терпких, горьковатых ароматов и нежных запахов цветков, душистых восточных масел да плюс к ним привкусом лёгкого дымка, пахнущего чем-то печёным, из дома уходить очень сильно не хотел. Все всегда сидели до упора. Пока хозяйка сам не объявляла, что «Ой, как славненько мы провели приятненькое времечко, Уверена, что и в следующий разок нам вместе будет так же уютненько и прекрасненько!»

Только после этого заклинания гости нехотя, но удалялись. А вообще дома у Софьи Максимовны был много лет

уже обоснован дамский клуб по интересам. Поскольку у всех совхозных женщин интересы были почти одни и те же, то их сплотить было – раз плюнуть. Компании дамские менялись, перемешивались, увеличивались и уменьшались. Но «клуб» процветал. Тётя Соня была приторно ласковой, хорошо кормила, давала неизвестные и сумасшедшие по неповторимости и вкусоности рецепты всего, что консервировалось, заваривалось в чугушке, варилось на большом огне, пеклось, настаивалось, солилось или жарилось. Она ткала коврики на маленьком станочке, который заказал для неё Данилкин аж в Москве какому-то известному на весь СССР умельцу. Она всех желающих научила ткать коврики под ноги возле кроватей и узорчатые, яркие, которые только на стены вешать вместо картин. У неё же учились кроить, шить, вязать, вышивать двойным крестиком и гладью, очень правильно вялить рыбу, чтобы была она с душком, любимым мужиками, сушить шампиньоны, растущие в полях по краям просёлочных дорог. А! Ещё тётя Соня тренировала ей же избранных женщин гадать на картах не как попало, а по древней науке какой – то. Она сама узнала этот секрет верного гадания от почти столетней бабушки, которую в пятьдесят пятом привезли с собой внуки из Кишинёва в Кустанай. Софья Максимовна женщин притягивала как земной шар всё, что на нём крутится. Имела она мощный заряд гравитации, приземлившей к её ногам ну, очень много народа из числа прекрасной половины человечества. Всем она пра-

вильные советы давала, верно разбиралась в запутанных семейных делах её обожательниц и предсказывала судьбу по глазам. И никто не смог за многие годы догадаться или осознать, что при всей своей плющево – бархатной внешности и поведению добрейшей и человечнейшей тётушки. Что при образе такой молоденькой бабуси из доброй сказки, которая разговаривала только с уменьшительно- ласкательными суффиксами и непременно тягучим нежным голосом, спрятана жесткая, четкая, расчётливая, хитроумная, безжалостная сущность, умеющая незаметно и не понятно для других сталкивать людей лбами, сеять вражду и рознь, портить жизнь тем, кто жил не по её наставлениям, разрушать семьи и корёжить нормальные судьбы тем, кто её, тётю Соню, смел послушаться. Забавная, добренькая и страшная одновременно женщина -Софья Максимовна Данилкина. Правительница и укротительница всех женских сил и возможностей. Которых, кстати, у любой дамы куда как больше, чем у мужиков.

Ну, да ладно. Скажу- что за ароматы летали по дому Данилкиных, да к более захватывающему событию перейдем аккуратно.

В той тёмной, закрытой черными шторами комнате, где было десятка три икон, плаха с топором и ножами посреди помещения, висело ещё около сотни подсвечников и трубо-

чек , куда помещались разноцветные свечи с разными запахами дыма. А в трубочки вставлялись тонкие круглые палочки, облепленные на концах неизвестными твердыми смесями. Когда всё это зажигалось, а зажигалось только специально под приход гостей, то весь дом внутри благоухал так, как я описал выше. Смесь ароматов сочилась через щель дверную и обволакивала гостей почти наркотически. Но, скорее, гипнотически. О наркотиках в то время знали десятки, а пробовали единицы. Но гипнотического состояния собравшейся публике хватало, чтобы слова тёти Сони пронзали гостей как стрелы амура или молний.

Поужинали мужики от пуза. Меню было обширным, питьё вкусным, пьянящим ласково, без одури. Поели деловые люди, разомлели и откинулись на спинки стульев. Закурили и молчали. О своём думали.

– Ну, теперь меня, миленькие, послушайте. Силушку вашу не убавит рассказик мой. Была я вчера да сегодня до обеда в «альбатросе» Помните же про Валюху Мостовую, которую ровно восьмого марта прямо с праздника забрал от живого мужа себе в жёны ихний агроном Алипов Игорёк. Кирилл, можно сказать, сам её отдал ему. Добром. Жили всё одно – плохо. Без любви и интереса.– Софья Максимовна от-

ловила в темноте черную кошку, гладкую и блестящую, имеющую один желтый глаз, а другой – тёмный. Она звала кошку Ганечкой и чесала её за ушами.– Ну, значит, забрал. Домик ей подготовил хороший. Пятистенок. Всё туда поставил и повесил, что надо. Телевизор там, радиола, швейная машинка. Стиральная тоже! «Алма-Ата». Живи – не хочу. Своё он тоже всё в этот домик свёз. Даже ружья охотничьи. Москвич во дворе примостил свой желтый. Шампанское и торт на стол поставил. Любовь у них! Я на картах кинула. Да! Любовь обоюдная и стопроцентная.

Ну и пёхом пошел уже поздненько за последним чемоданом своим. Ну, мелочь всякая в нём набита была. Бумаги нужные, бритвы две штуки электрические, Пижамы домашние и всё такое. Приходит он за чемоданом, а Наталья, жена его, лежит на полу. Дергается в судорогах. Весь пол рядом в белой пене, вонища в комнате жуткая, дышать нечем. Я через три часа к ним приехала Натаху спасать, так в хате до тех пор нельзя было выше кровати голову поднять. Такой злой запах висел. Они, оказывается с утра ещё объяснились. Игорь ей цветы подарил, цепочку с медальоном, в который две его фотокарточки были на память вставлены, дочку поздравил, игрушек всяких надарил и на детский утренник отправил. И дочь пятиклассницу, и пятилетнего сына Кольку. А потом сказал, что уходит от неё. Другую, сказал, полюбил крепко, до гробовой доски. Ну, она поплакала, да вроде

успокоилась.

-А мы как же? Колька да Людочка? А я как без тебя? Ты, правда, нас не любишь больше? Не нужны мы уже?— Сказала.— Знала я про вас и раньше. Но не думала, что бросишь нас. Думала – погуляешь, да забудешь её... Ну, коли так, то иди. Сердцу отказать нельзя. Оно главное в тебе. Не лежит к нам, пусть ляжет к той, какую полюбил. Жалко, конечно, что ты прямо на праздник мне подарок жестокий приберёг. Иди, бог с тобой.

И перекрестила его.

- Это так он мне сам рассказал потом.— Софья выпила наливочки и страшные глаза сделала.

-Ну, он поехал на «москвиче» к нам на праздник. Валентину забирать. А Натаха – то пошла к соседке, взяла у неё яду крысиного. Мол, замучили крысы. Оттуда принесло их – не известно. Надо избавиться. Ну, соседка ей дала пачку полную. Натаха пришла домой, развела в чае и выпила целых две кружки. Да ещё дуста туда добавила. Был у них дуст. И всё!!! Игорь врачей вызвал своих. Они её промыли изнутри. Уколы сделали и велели молоком отпаивать. Ночь врачи сидели у них. Всё, что надо делали. Дутов самолично приходил. Вызвал скорую из Кустаная. Она поздно ночью приеха-

ла. Капельницы поставили две штуки.

Положили на кровать Наталью, укрыли потеплее. Игорь Сергеевич ей в рот всю ночь столовой ложкой молоко горячее вливал. Я – то уже на другой день приехала. Она уже полегче была. Заставила я её за мной повторить молитву спасительную. При страшных болезнях помогает. Потом я над ней обряд колдовской совершила. Я их немало знаю. Откуда- не спрашивайте. Через пять часов ожила она совсем. И я уехала домой. Но сперва зашла по адресу, куда он Вальку Мостовую привёз. И сказала, что с ней не будет Игорь жить, с Валюхой то есть. Не уйдет из семьи.

Валентина открыла рот, замерла. Оцепенела. И стала раскачиваться, тонко подвывая. Как от боли зубной. Лицо побледнело, глаза аж ввалились. Тошнило её. Я сразу заметила. Потом закашляла она и побежала к рукомойнику. Не успела добежать. Рвать её начало раньше. Да и простояла она над рукомойником минут пять. Пока всё не вышло из неё.

– Как же это? – заплакала Валентина.– А я беременная от него. Не видно ещё живот. Но в Кустанай ездила, проверилась. Шесть недель уже.

Пожалела я её, сказала, чтобы назад к Кириллу вернулась.

-Нет! – Говорит. – Мне пусто с ним. Душно. Не люблю и, получается, не любила. Я много вспоминала да передумала. Не люблю. И не было любви. А без неё с мужиком – мука, а не жизнь.

-И при мне – Вернулась Софья Максимовна к семье Алиповых -

Игорь Сергеевич жене поклялся, аж слеза его пробила, что не бросит её с детьми. Повинился и твердо заверил, что остаётся дома. И прощения просил всё время. А потом я уехала.

– Будешь и дальше ей помогать? Здоровье – то будет не просто вернуть. А с твоей помощью побыстрее поправится она.– Данилкин в упор смотрел на жену.

– Нет. Всё!– ответила Софья Максимовна жестко и убежденно.– От смерти упасла и будет с неё. Потому, что осуждаю я Наталью. Из- за мужика с собой покончить – дело не хитрое. Но у неё дочка – красавица, умница. Грамоты в школе за каждый класс получает. Сыну Кольке пять лет. Никакой мужик не стоит детей твоих. Мужика можно другого занять. А детей без матери оставить – это надо, чтобы мозг вообще работать перестал и душа истлела в прах. Знать её больше не хочу! Пусть силы небесные хранят их всех. Но я лично

– враг Наташке теперь. Нельзя ей мамой теперь назваться. Предала она детей своих, идиотка. Ненавижу, хоть и спасла от смерти.

Софья Максимовна поклонилась мужчинам, сказала несколько слов добрых и ушла в свою комнату. Сначала думать и молиться, а потом спать.

– Во- от. – Данилкин сжал голову в ладонях. Вздыхнул.– Вот как...

– Надо бы съездить к ним после допроса Костомарова.– Предложил Тихонов.

– Ну да. Суицид вполне может иметь уголовную подстѐжку. Надо поглядеть внимательно.– Согласился Малович.– Костомарова мы завтра не расколем, конечно. Вряд ли. Экземпляр непростой. Крутявый и хитрый. Но всё одно- никуда не денется. Потому поедем завтра вечером к Дутову. Походим. Посмотрим. Определимся на месте.

–Ну, что? Наливочки вмажем ещё? – лихо спросил Тихонов.

– Водки лучше выпейте по соточке. Расслабьтесь.– Данилкин, директор, бутылку откупорил и налил не по соточке, а

почти по полному стакану.— Завтра и день будет смурной, и вечер у Алиповых, да и у бывшей жены Кирюхиной.

-Ай, да хрен бы с ней, с водкой!— улыбнулся Малович.— Не ведро же. И закусь королевская.

Чокнулись они звонко, махнули стоя водочки, да и спать пошли, забыв по – королевски закусить перед трудным днём, который неизвестно сколько сил высосет и чем закончится.

Утром одиннадцатого марта, часов в девять, в дверь дома Чалого Серёги кто -то стучал ногой. Разница в звуке большая. Пальцами, кулаком или ногой колотишь.

– Надо, бляха, звонок всё же провести. Лежит уже год на шкафу. Чего лежит?

Снесут когда –нибудь дверь начисто!— Серёга проснулся в восемь и пил чай с пряниками. Одеваться не стал, потому что наверняка Игорька Артемьева нелёгкая принесла за опохмелкой. У него никогда на утро ни капли не оставалось. Всё с друзьями уничтожали до последнего глотка. Поэтому он в трусах и босиком пошел открывать. На крыльце стояла почтальонша Кораблёва Людмила, а в похолодевшей ночью

лужице позади неё топтался муж, шофер Витёк. Они по пяти поселкам из города почту возили.

Драсти! – улыбнулась Людка Кораблёва.

Привет, Серёга!– Кашляя, сказал Витёк, сделал шаг и руку протянул.

– С прошедшим тебя, Людмила!– Поздравил почтальоншу Серёга Чалый.-

Цвети долго, не увядай! И нам всем приятно будет, а Витьке просто награда

самая желанная. Да, Витёк?

Пока шофер радостно смеялся, Людмила Кораблёва из сумки своей, имеющей три отделения и висящей через плечо на широченном кожаном ремне, вынула шесть штук открыток и четыре вчерашних газеты. Почта свежая всегда была именно вчерашней.

– Вот «Правда», «Известия» вот, «Труд» и твой любимый «Советский спорт».

– Ни фиги!– Принимая почту весело возразил Чалый.–

«Правда» – моя самая любимая газета. По три раза перечитываю всегда. Вот! Ты это Данилкину мимоходом скажи и там у себя ещё. На Главпочтамте. Да так скажи, чтобы им захотелось эту радостную новость передать в обком партии вместе с газетами и письмами из ЦК.

-Мы из «Альбатроса» сейчас.– Кораблёва профессиональным движением плеча переместила здоровенную сумку за спину.– Новость такая. Дутов и Алипов на дутовской «волге» увезли в шесть утра Наталью в обкомовскую больницу в Кустанай. Чувствует себя получше, но рвёт её пока и есть не может. Температура высокая. Дутов вечером главврачу домой звонил, договорился. Недели три проваляется точно. А Игорь Сергеевич сказал, что там же будет .В больнице. При ней. Детей Ленка Лапикова, коровка дутовская, к себе забрала. Всем расскажи, хорошо? Люди – то ваши все в курсе. Волнуются. Ну, надо же так завернуться событию – то!

– А что за открытки?– Чалый Серёга перебрал все картинками вверх. Все к восьмому марта. – От родителей, вижу, да от сестрёнки. А это от кого четыре штуки?

И он ушел в дом, не забыв помахать супругам рукой.

Ирина перебрала открытки. Кроме сестры и родителей

поздравили её подружки из дома на Таганском Валу в столице нашей Родины, где она выросла, окончила педагогический институт, и откуда на целину уехала работать на нефтебазе и жить с незнакомым парнем Серёгой, который стал её мужем звать на второй день после того, как увидел. Трактор он заправлял каждый день. И говорил ей, чтобы готовилась Ирина стать его женой тоже каждый день. Через месяц они поехали в Кайдурунский ЗАГС и вот уж десять лет вместе. Не считая одного года с хвостиком, когда Чалый мотал срок в «четверке» за удачную защиту от четверых хулиганов в кустанайском парке, куда приезжал часто поиграть на бильярде.

– Ух ты! – Удивилась Ирина. – Это как же он меня нашел через одиннадцать лет? Гляди, Серёга! Это от моего бывшего ухажера Генки откритка. В девятом и десятом классе ухаживал за мной. Не, не подумай чего. Даже не целовались.

– Про «чего» можешь вообще не говорить. – Чалый Серёга довольно улыбнулся. – Ты в первую нашу ночь брачную девушкой была. Я тогда сам удивился. Такая красotka, да целела. Чудо просто!

Ирина издали огрела его полотенцем посудным по спине.

– Зато ты, блин, кобелём был и в Гомеле своём. Мне твои

землячки рассказывали. Все три. И Валечка Савостьянов, почти брат твой, тоже гомельский. Да и тут ты порезвился до меня.

– Это ладно. Кобель. Точно.– Чалый развеселился.– Эх, погулял!!! Но ты вот лучше поспрашивай народ – хоть раз кто –нибудь видел меня с какой другой после тебя? Шиш! Никто не видел. Мне теперь тебя одной хватает. Выше крыши.

– Спрашивала иногда.– Засмущалась Ирина.– Так все горой за тебя стоят. Ни одной сплетни. Запугал что ли всех?

– Каждого в отдельности. Все две тысячи человек пугал индивидуально.– Серёга засмеялся и стал одеваться.– Пойду к Костомарову. Уже и следователи там. Данилкин тоже. Приду поздно, наверное. Ложитесь спать пораньше.

Он обнял Ирину, дочь поцеловал, которая во вторую смену училась и потому никто её не будил. Обулся, достал папиросы из кармана и ушел.

Костомаров стоял посреди комнаты и показывал Маловичу, Тихонову и Данилкину как душил жену своим галстуком.

Захарову Нину. Вместо Нины стоял участковый Лёня Жуков, красный от пота и злой.

– Не сходится что – то.– Говорил Тихонов.– Она что, вот так стояла лицом к тебе на середине? Ну, давай, накидывай галстук.

Костомаров забрасывал его через Лёнину голову, тянул на себя и скрещивал руки, чтобы галстук замкнулся на горле. Не получалось. Лёня был не высокий, ростом чуть выше Захаровой. И когда шелковая материя касалась горла он просто наклонял вниз голову и петля соскальзывала.

– Ну, не помню я уже. Дайте самогона маленько.– Костомаров устал, сел на корточки.–И закурить тоже. А я повспоминаю .Башка же трещит. Ночью пил.

Чалый налил ему чуть больше половины стакана и прикурив папиросу. Отдал.

– А может не галстук был у тебя? – Спросил Малович.– Может шелковый пояс от её халата? Где халат?

Он открыл шкаф. Достал синий шелковый халат.

– Теперь будем пояс искать.– Тихонов первым стал загля-

дывать в укромные места, куда счетовод мог закинуть пояс после того как задушил. Но нашел пояс Чалый. В сенях между флягами для воды. Похоже, тащить мёртвую жену на улицу он стал сразу же, не сбросив удавку. Она сама свалилась в сенях и он ногой на ходу откинул её вбок. Пояс и застрял между флягами.

– А! Ну, теперь правдоподобнее.– Малович вытащил пояс и они с Чалым вернулись в комнату.– Значит пояс ты из петелек на халате выдернул, когда она к тебе стояла спиной?

– Ну. Выходит.– Костомаров уже выпил, покурил и стал оживать.– Она над столом наклонилась, а я выдернул. И сразу поддел её сзади за горло. Потянул на себя и руки крест накрест сделал. Она к груди мне придавилась, а я концы вниз и в стороны потянул. Минуты три она руками за пояс на горле хваталась. Потом руки опустила. Обмякла. Пена изо рта пошла и язык вывалился. Всё вроде. Кирдык был уже.

Данилкин прижал ладонь ко рту и, давясь рвотой, убежал на улицу. Чалого тоже задело. Но не тошнота, а злоба бешеная. В любую секунду он мог кинуться на Костомарова и, если бы точно попал, то убил бы его запросто. Он к Чалому боком стоял. И самое доступное место, куда можно сильно ударить, был висок.

Малович и Тихонов вскочили, взяли Серёгу под руки и вывели на улицу.

– Охлони. Отдышись. Успокойся.– Сказал Малович.– На нём ещё один труп есть. А убьёшь – сам сядешь. Или лоб зелёной натрут. А его второе убийство зависнет. И будет двойное преступление с одинарным наказанием. А это же не справедливо, да?

Потом Лёня Жуков надел халат, пояс в петельки вставил и над столом нагнулся.

– Давай.– Приказал Тихонов.

Счетовод посмущался немного, но самогон уже дал ему волю. Он тихонько подкрался к участковому, схватил пояс в центре спины, потянул на себя и поймал оба конца. После чего Лёня не успел ни повернуться, ни выпрямиться, а удавка уже легла ему на кадык. Костомаров рванул пояс на себя и участковый завалился ему на грудь с поясом, вдавленным в горло.

– Эй, хорош! Ясно всё! – Малович забрал пояс и сказал Тихонову, чтобы он снова надел на Костомарова наручники.

– На хрена? – Изумился счетовод.– Куда мне бежать? От

вас убежишь...

-А хочется? – Тихонов защёлкнул на наручниках замки.

Нет. Уже нет.– Костомаров сел на стул и снова попросил самогона и курево.

Малович сам ему налил, а папиросу взял у Чалого Серёги. Он вернулся. Передохнул. Притих.

-Давай, пей, кури и пойдем на озеро. Лёню потащишь как будто жену. Точно так же причём. И, кстати, почему халат дома оставил? Почему пальто на труп надел?

– Так это...– Ослабился счетовод.– Я ж потом всем объявил, что она в город за шубой уехала. Это я заранее придумал и ей деньги дал. Забрал, правда, возле полыньи. А халат повесил обратно. Как будто она и повесила, когда переодевалась в город ехать

– Ну, ты ушлый, гад!– Сказал мрачно Тихонов – Давай, через доску на лёд Лёню переволоки и тащи к полынье. На этом следственный эксперимент и закончим. А потом поболтаем просто. Без протокола.

-А чего болтать- то?– Костомаров докурил и обеими ру-

ками окурок опустил в пепельницу. – Вы уже всё знаете. Чего ещё?

– Видишь ли, гражданин Костомаров.– Малович взял его крепко за грудки и глядел ему прямо в центр расширенных зрачков.– Я убийц много видел. Кучу ублюдков посадил и под вышку подвёл. Но в большинстве они были падалью, мразью законченной. Грабили и убивали. Насиловали и убивали. Задолжали кому-то много и убивали. Жениться хотели на молодой жене, старую – на тот свет. Дружков грохали, чтобы деньги их забрать. Начальников убивали ножом возле дома. Потому, что они им зарплату не повышали. В ресторане один гадёныш официанта зарезал прямо возле своего стола. Тот его обсчитал на рубль новыми в шестьдесят первом.

Малович отпустил счетовода и толкнул его на кровать. Выдохнул. Выматерился длинно. От души.

– Но ты – то не ханыга, не насильник, не урка и не человек без паспорта, роду и племени. Ты ж интеллигент по совхозным меркам. Белая кость, бляха! Ты в галстук ходил, в директорском кабинете стол имел. Доверие тебе оказывали. Вести экономику целого сельхозпредприятия. Тебя человеком считали! Перспективу имел! У тебя медалей за доблестный труд сколько? Три!!! Ты же гордость трудового народа, сука! Вот потому мы и поболтаем с тобой. Хочу понять –

какая царапина жизненная может так загноиться у нормального человека, что и весь человек от неё, маленькой, сгниёт. Как вот ты.

Молчал Костомаров. Голову опустил. Наручники ко лбу прижал. Наверное, думал. Вспоминал. А может, конечно, просто ошалел от долгой речи капитана.

Потом все четверо следили за переносом Лёнечки Жукова к полынье. В конце Костомаров показал- где бросил тело. Сбегал во двор и принёс пешню. Быстро пробил в хрупком льду полынью на том же месте, где она и так была.

– Тогда я час рубил лед. Побежал ещё раз за топором. На берегу упал. Поскользнулся. Там вы ручку нашли. Ну, после всего опустил её головой вниз под лёд. Думал – она к весне на дно ляжет и не найдет никто. А оно вон как вышло...

– Всё.– Сказал Тихонов.– Хотелось бы сейчас тебя самого головой вниз под лёд сбросить. Но надо дело до конца доводить. Пошли в дом.

И пошли они. Все с надеждой на лучшее. Следователи на то, что, дальше успешно раскрутят счетовода. Лёня Жуков надеялся, что его домой после дежурства отпустят. А Чалый с Данилкиным рассчитывали, что ум и инстинкт самосохранения

нения у Костомарова остались хотя бы для того, чтобы не втянуть в эту историю самого Данилкина, директора. А Костомаров очень желал, чтобы на убийстве жены следствие и остановилось. Хотя понимал подсознательно, что душа Пети Стаценко обязательно прилетит к нему в дом и незаметно подскажет следователям – как они должны проникнуть в страшную костомаровскую тайну. Не набожным он был человеком, но в то, что душа Петькина обязательно вернётся из бесконечности и справедливо ему отомстит, он в последнее время уверовал так, что, напившись, орал во всю глотку, уговаривал сатану не пускать душу умерщвлённого им агронома

к мусорам и помочь оставить тайну – тайной.

Надеялись Малович с Тихоновым за день выщипать перья на Костомарове до полной готовности к зажариванию на вертеле, который был в зоне «четверке» унизан плотно. Он крутился над огнём любви к родине и людям, доводил сырых и негодных граждан до полной готовности к человеческой жизни. Исправляла колония трудом и будила в зэках чистую совесть, с которой потом и отпускала на волю. Тех, конечно, кто доживал до конца срока.

Но процедуру дознания окончательного сбил с ритма Олежка Николаев. Он прибежал в дом Костомарова и ударил себя в грудь с истерическим воплем.

– Вяжите меня, сажайте, расстреливайте, на куски режьте. Я с повинной пришел. Ухряпал суку – жену, шалаву непотребную в собственной койке с Димкой Макарченко, слесарем с МТС. Ты, Чалый, сам мечтал его отмутузить за то, что ворует запчасти.

– Ну не мельтеши так, чего мечешься? Встань ровно. Расскажи толком. Убил

Что – ли бабу? Или мужика?– Тихонов поднёс Олежке табуретку.– Садись. Излагай.

– Ну, я ж в Кустанай поехал на два дня.– Олежка пот со лба утёр, закурил, присмирел слегка.– В больницу на обследование. Грыжа у меня. Резать надо.

Они после Ипатова нашего посмотрели и сказали, что не грыжа это, а жировик. Я часа два подождал и они мне его за двадцать минут вырезали. Всё, говорят, привет вашему врачу. Езжай домой. За три дня вообще всё затянется. Приезжаю к вечеру, а они в кровати кувыркаются. Я там сплю, мля! А они оскверняют! Я её и убил. А Димка штаны с трусами

в руки, пальтишко прихватил, рубашку – и ходу. Обулся и оделся на улице. На бегу.

– А чем ты её убил?– Спросил Чалый Серёга подозрительно. Что-то ему показалось. И он подошел к Николаеву.– Дыхни. О-о-о! Водкой пахнет ка бы граммов от ста. Не больше. А другой запах не пойму. Что за хрень? Зрачки – шире самого глаза, блин.

– Это всё не имеет значения.– Закричал Олежка с интонацией сумасшедшего.-

Застрелил из ТТ. Наградного. На фронте получил от маршала Жукова лично.

– Ты чего несёшь? – Чалый тряхнул его за плечи. Крепко тряхнул.

– Подожди, Серега, не спеши.– Малович подошел к Олежке и дал ему чистый листок бумаги под нос.– Подыши на неё.

Николаев сначала дышал, потом прихватил лист губами и начал медленно его жевать.

– Да, бляха! – понюхал Малович лист и дал Тихонову.– Маррафет. Гашиш чистейший. Ты где накурился так? Сдохнуть

же можно и с ума спрыгнуть. Тут как получится. Но ты косяка три хватанул. Где?

– А! Так на автовокзале. Ждал автобуса. Ходил по скверу. Там на скамейке парни сидели. Я закурить попросил. Они дали. Понравилось. Толковое курево. У нас такого не продают. Просидел с ними часа два, один автобус пропустил. Три папиросы выкурил и сказал, что ехать надо мне. Они сказали, что тут сидят каждый день. Приходи, говорят, почаще раз понравилось. И всё время смеялись. Весёлые хорошие пацаны. Домой приезжаю, пока от трассы дошел до хаты – слонов видел. Шли на юг. А потом много ракет зенитных. Прямо из земли торчат. Солдаты там. Офицер им кричит, что сейчас «альбатрос» в щепки будут разносить. Потому, что Дутов ему пять рублей должен. Занял и не отдаёт.

– Ты, Чалый, отведи Николаева в больничку.– Сказал Тихонов.– Пусть Ипатов ему капельницу физраствора поставит. Он анаши обкурился. Промыть надо. А то отходняк тяжкий от марафета. Ещё потянет обратно в Кустанай. Докуривать. Ну, идите. А мы пока пойдём убитую посмотрим. Григорий, побудь пока с гражданином.

И они ушли. Данилкин и Костомаров остались вдвоём.

– Ты точно меня вызволишь через год?– Торопливо спро-

сил счетовод.

– Мы же с Чалым сказали тебе.– Данилкин сел рядом на кровать. Вздыхнул.

– Ты моё слово знаешь. Чалый тоже пустое молотье не станет. Сказали вытащим, значит вытащим. Жену я тебе даже не намекал топить или резать. А Петька бы нас обоих под расстрел подвёл в ближайшее время. Правильно, в самый точный момент я тебе намекнул, что стереть его надо с земли. Он был погибелью нашей. Твоей, Нинкиной и моей. Нинку не вернёшь уже. Это ваши дела – как она тебя до смертоубийства довела. Но Стаценко – наш с тобой общий враг был. Самый злющий враг. Если меня не назовешь вообще, хоть тебе иглы под ногти забивать будут, то и воля тебе через год, и должность главного агронома, а когда я в обкоме буду сидеть- директором совхоза тебя посажу. Понял?

– Я – могила!– Костомаров провел ребром ладони по горлу.– Следаков подуркую ещё, чтобы правдоподобно было. Будто они сами меня вычислили по убийству Стаценко. И расколуюсь на все сто. Добровольно, с повинной отдамся. Зачтётся. Но вы с Чалым мусоров уговорите, чтобы к вышкаку меня не подвели. А то на суде, если вышка будет корячиться, я тебя, Гриша, им отдам. С потрохами. И лбы нам зелёной натрут обоим. Ты же понимаешь. И приписки ты

заставлял делать. Обдурили советскую власть на миллионы рубликов. И Нинку ты меня заставил убить. Доказывай сам, что не заставлял. И Петра зарезать – твой был приказ. Так на суде повернётся, если пойду по расстрельной. А если всё на следствии по уму закончится, то вызволите меня через год и, считай, я ваш должник до гроба.

– Договорились.– Сказал Данилкин отчетливо.– Ладно. Пойду на крыльце мусоров дожидаться. Чтобы не подумали лишнего. На всякий случай.

И он вышел. А Костомаров лёг на подушку и стал смотреть в белый потолок. Наверное, хотел как на экране увидеть на нём своё будущее.

Вернулись Малович с Тихоновым. Весёлые.

– Живая?– Спросил Григорий Ильич.

– Как Ленин!– засмеялся Тихонов.– Живее всех живых. Никого не было у неё когда Николаев вернулся. Это он «дурри» много выкурил. Галюны пошли. Острое состояние. Такое, бывает, увидишь и услышишь – заставь придумать, не придумаешь!

– Он её по голове погладил после того, как «прогнал лю-

бовника» и сказал ей, что этот парень – заместитель прокурора области. – Малович укатывался со смеху. – Скрывается он в Корчагинском от шпионов из Германии, которые хотят всю правду у него выпытать про Нюрнбергский процесс. Что-то там не так было, вроде.

– Потом сказал, что всё равно должен её убить, потому, что у неё это была двухсотая, юбилейная измена ему. – Тихонов даже присел от хохота. Стоять не мог ровно.– Подбежал к двери, «схватил автомат» и крикнул: «Всю обойму в тебя засажу, сука ты неуёмная!» Начал орать «трата-та-та-та-тратата!», «дулом» водил серху вниз. Изрешетил её всю. С головы до ног. И пошел к нам сдаваться.

– Ну, вы ей объяснили что к чему? А то подумает, что он рехнулся по правде.

Да будет бояться с ним в одной хате жить.– Озаботился Данилкин, директор.

–Всё сказали, не переживай.– Малович поднялся и к двери пошел.– Ты, Гриша, иди домой. И Серёгу мы тоже отпустим. Нам надо с ним без свидетелей поговорить. Без обид?

– Да ну, что вы!– Данилкин пожал им руки.– Спасибо, что отпускаете. Я – то уже староват такой марафон бегать. Устал

немного. Пусть Соня меня травкой попоит.

И он пошел домой, а следователи к Костомарову. Чалый вернулся в это же время и доложил, что Олежку отпустило почти, но под надзором дежурной переночует он в больнице. Чалого тоже домой отправили. В отличие от Данилкина, ушел он нехотя, с лёгкой обидой. Которая, правда, прошла сразу после вкусного ужина. Ирина готовить могла как никто. Даже тётя Соня Данилкина вторым номером негласно считалась.

Следователи сели за стол, налив предварительно по кружке горячего чая, который вскипятил и заварил Данилкин. Налили и Костомарову. Он тоже за стол сел. Наручники с него с него сняли.

– Давай просто поговорим.– Малович откусил от колотого куска сахара и запил крепким чаем «три слона» – Точнее, ты нам рассказывай всё. Мы следствие закончили вообще – то. Знаешь как может картинка выглядеть на суде? Твоя жена была любовницей Стаценко. Свидетельских показаний соберём сколько нам надо. Веришь?

Костомаров поперхнулся чаем и глупо смотрел то на Ма-

ловича, то на Тихонова.

– Вот.– Тихонов тоже откусил сахар и глотнул вкусного чая. – И ты сперва прикончил Петра, чтобы баба твоя узнала и испугалась. А она не испугалась и пообещала тебе, что при случае напишет на тебя нам заяву. Ты её стал бояться. И однажды от большого испуга и её кончил.

– Как тебе версия? – серьёзно спросил Малович.– Это сто-процентный «вышак» Два преднамеренных, спланированных убийства с холодным расчетом. Без состояния аффекта и прочих смягчающих.

– Не нравится версия.– Угрюмо отозвался счетовод. – Да и не так всё было-то.

– А как? – Малович достал чистый лист и подвинул его к Тихонову.

– Вы же без протокола обещали. Просто поговорить. – Встрепенулся Костомаров.

– Без протокола мы уже и поговорили про нашу версию плюс показания свидетелей. Но было – то иначе, да? – Смотрел на него в упор Малович.

– Ну. Не так. – Счетовод тоже глядел в глаза Маловичу. – Я расскажу – как. Если пообещаете, что расстрельную не напишете.

– Обещают шалавы, что дадут, если попросишь правильно. – Хмыкнул Тихонов. – А ты нам просто расскажи верно, без вольного сочинения. Мы ничего обещать не будем. Но вышку ты не получишь. Если опять не начнёшь тут клоунату крутить. Рассказывай. Я буду заносить в протокол только то, что надо, чтобы ты обошелся зоной. Лет пятнадцать дадут. Десять отсидишь. Откинешься ещё при силах и возможностях. Начнешь жить спокойно. Что я сейчас напишу, ты прочтешь потом. Напишешь, что с твоих слов записано верно.

– Давай, начинай. – Малович налил всем ещё горяченького чая. – Иногда будем перебивать. Если что уточнить надо или не поймём чего сразу. А так – полная свобода исповедания тебе. Погнали.

– Мы с Нинкой, царствие ей небесное, десять лет назад на эти места сели. – Костомаров откашлялся. Речь длинная предстояла. – Вот. Хорошие места. На них можно было и бюджеты совхозу выбить посолиднее, ввести его в число уважаемых и передовых. Способ простейший до безобразия.

Сдают нам сводку с третьей бригады, к примеру, что хлеба они скосили, подобрали и на склад сдали по восемь центнеров с гектара. Переводим это в пуды и тонны. Нинка пишет черновую справку, а я начисто переписываю. Ну, корректирую по мере надобности. В итоге на стол директору ложится документ в котором написано, что третья бригада сдала на приём по восемнадцать центнеров с гектара. Приёмщики, комбайнеры и прочий народ справок этих не видел. Один Данилкин. А он полный дурень в сельхозпроизводстве. Грубо говоря – болван полный. Он бумажку подмахивает и нам возвращает. Мы её подшиваем. Со всеми бригадами делаем одну и ту же процедуру. Увеличиваем сдачу вдвое, а то и втрое. На бумажках, ясное дело. Директор к концу уборки уже и не помнит сколько и чего подписывал. А цифры не помнит тем более. Ну, а потом хлеб отвозят на элеватор в город и каждому водиле на весовой дают бумажку. Ну, там- нетто, брутто. Там цифирь натуральная. Сколько привезли, столько в бумажке и писали. Маленькая цифирь, короче. Шофера нам копии привозили, а мы их выносили за село и сжигали пачками. Да у нас бы их никто и не проверял. Потому, что им проще было посмотреть их на элеваторе. И по степям не мотаться. Но элеватор тоже оригиналы этих бумажки по стенам не расклеивает, а складывает, подшивает и кидает в архив. Никуда данные не отправляет. Ни в Управление наше, ни в обком. Им это на хрен не нужно. Документация есть. Подшили. Спрятали в архив. А перед Управле-

нием и обкомом отчитываемся мы, производители. Причем по нашим цифрам. Зерно потом никакой дурак не перевешивает ни на элеваторе, нигде. Когда продают с элеватора – взвешивают, конечно, сколько продали.

А в конце- бац! Недостача на элеваторе. Но искать неправильные документы никому не выгодно. Спросят:– А как же вы принимали зерно? На глаз тонны определяли? То есть – начальники элеваторские могли за решетку влететь как мяч в ворота футбольные. Вот этим мы и пользовались. Много лет. Совхоз передовиком стал. Все в медалях и орденах. Щит на трассе перед поворотом нам поставили. «Предприятие – ударник коммунистического труда.» На доске почёта перед обкомом про нас целый стенд с фотографиями и красивыми словами. Зарплаты получали все огромные. И мы с Нинкой. И Данилкин. Комбайнеры, трактористы, шофёры... Да все. Даже учителя в школе побольше имели, чем их коллеги городские. Ну, вот.

А тут Петька Стаценко звереть стал. Он и в первые годы лез в наши дела. Я, говорил, агроном. Я бьюсь за то, чтобы нам дали современную технику. Технологии вспашки и посева чтобы позволили обновить. Мы, говорил, работаем как в тридцатые годы. На одном энтузиазме. Но землю отвальной пашней в гроб загоняем. Да и сеять, говорил, по солонцам надо другие семена и по другому удобрять. Через двадцать

лет такого издевательства земля вообще рожать не будет, говорил Петька. Данилкину. Нам говорил.

– Вы чего творите!?!– говорил.– Кто ж нам даст технику новую, технологии даст новые применять, удобрения современные в бюджет заложит? У нас ведь и так всё лучше всех! Получается на всём старом и старинными методами – флаг вам в руки! Прославляйте Родину дальше в том же духе!

Я, кричал, до Москвы дойду. Пусть вас пересажаят всех за вредительство.

Мы даже дрались с ним. Он не подписывал наших бумаг. Хотя должен был. Мы Данилкину сводный отчет отдавали и он как дитя малое радовался. Подписывал один. И отсылал куда положено. И всё проскакивало на «ура»!

А Петька запил. Не выдержали нервы. Куда ни напишет – тишина. Всем всё по фигу. «Ура»! и замечательно.

– То есть Данилкин не понимал, что вы приписки делаете огромные?!– Спросил Малович.

– Да в том и дело! Болван полный. Радовался. Ордена получал. Ждал когда в обком заберут. А мне жена сказала однажды, что я дурак беззаботный. Что Петька всё равно про-

трезвеет когда- то и попадет в ЦК КПСС. Лично. На приём запишется. И примут его. И разматают наш клубок. А это уже точно- расстрел.

– Посчитай, Нинка говорила, сколько мы государству урона нанесли. На десятки миллионов рублей. Петьку, говорила, убирать надо. Физически. Иначе хана нам. Данилкин выкрутится. Дурачком прикинется. Он же учитель географии по образованию. Обком сам его сюда вытащил на руководство сельским хозяйством. Он по идиотизму – то всё, конечно, подписывал. Петька – никогда. Ни разу! Значит кто остаётся главными злодеями? Мы, говорила, Нинка, пусть земля ей пухом будет. Жди, говорила, момента, и Петьку завали. Иначе нам с тобой однозначно кранты. Чую, говорила она, что собирается он в Москву. И заявления уже все настрочил на нас. Кончать его надо, говорила Нинка. Как на духу докладываю вам, светлая ей память, покойнице.

Я сопротивлялся первое время. С год примерно. И стали мы жить как кошка с собакой. Да ещё и в страхе постоянном. Я её боялся. Не могу сказать – почему. И сейчас не понял. А Нинка – меня. Тоже вроде без особого основания. И оба боялись Петьку. Аж до боли головной. А тут она поздно ночью зимой от подружки пришла и говорит.

– Чалый, – сказала – только что затащил пьяного Стацен-

ко в дом. Тот – вообще, говорила, не мычит даже. В дымину пьяный. Сейчас Чалый уйдет, а Петька уснёт крепко. Пойдем вместе. Я посторожу. А ты вот этот нож воткнешь ему в горло. Перчатки нацепишь и заходи к нему спокойно. Он и не дёрнется. Нож в горло и спокойно выходи. Обойдем посёлок вокруг в темноте. И зайдём с другой стороны. Так что – если, мол, увидит кто, то не допрёт. Из гостей идём вроде. Так и сделали. Воткнул я ему нож в горло просто с радостью. Сам от себя не ожидал такого зверства. Убиваю, а на душе поёт всё. Теперь, конечно, нас никто уже не продаст и не тронет. Некому больше. Обошли мы посёлок и спать долго не ложились. Свет у нас горел специально. Чтобы кто увидит, то запомнит, что мы в тот вечер не прятались. А, наоборот, на виду были. Песни пели до часу ночи.

– Что, на самом деле песни горланили?– Малович взялся ладонью за лоб. Чего- чего, а именно такого даже он не встречал в практике.

-Рассказывать дальше? – спросил Костомаров.

– Перерыв пять минут.– Малович потянулся. – Пошли, Вова, подышим на крыльце. И они вышли. Причем Малович шел к двери и повторял тихо- тихо:

– Ну, звери. Вот же звери. Надо же...

Хотя, если честно, людей- зверей он видел и похлеще. Но слова эти шептал всегда. Со злостью искренней. Как проклятие на этих зверей накладывал.

Вроде бы и недолго говорили, а уж и к вечеру пошло дело. Надо было заканчивать, да увозить Костомарова в следственный изолятор.

-Выспаться хочется нормально.— Тихонов закрыл глаза и поднял лицо к небу. Вдохнул мягкий и тёплый воздух вечернего марта. – Я у Данилкиных половину ночи не сплю, хоть и не засиживаемся. Не передаем вроде. Не пойму.

– Запахи.— Малович зевнул. Наверное тоже вспомнил, что отоспаться надо. – Софья палит свечи какие – то ароматизированные. Когда сидишь – они покой дают и расслабление. А ляжешь спать – запахи вроде резче становятся. Не дают мозгу отключиться. Да ладно. Сегодня выспимся. С Костомаровым на час работы всего. Максимум.

– Ну, Данилкина он женой убиенной ловко заменил. Всё теперь на неё вешает.

– Да ладно.– Улыбнулся Малович.– Чего нам Гришу трогать? Пусть сидит. Сколько лет уже мы сюда мотаемся. Привыкли к нему. Да и помогает всегда. Жук он ещё тот, конечно. Но колоть Костомарова на то, чтобы он организатором и заказчиком убийства агронома сейчас Данилкина поставил, то есть – как было на самом деле, не стоит. Не сдаст. Только следствие затынем. Ильич же поклялся его с кичи вытащить. Уверен на все сто. Знаю Гришу. Выучил. Потому счетовод наплетёт нам сказок в протокол и попросит дать явку с повинной. Дадим?

– Ну. Нам чего? С повинной, без повинной, а дело раскрыли. Но ему зато в этом случае вышку предлагать прокурору не будем. И суду. Нехай живёт и мучается. Агроном с Захаровой его сами с того света достанут.– Согласился Тихонов. – Улик прямых у нас против Данилкина нет, чтобы притянуть его к убийству. За приписки до него ОБХСС сам когда-нибудь доберётся. А может и проскочит и тут. За одиннадцать лет, считай, никто ж его даже не проверял. Хотя, насколько знаю, лет пять назад кто-то натравливал на него ОБХСС из городских. Из управления сельхозников вроде. Ребята втроем приехали, водки попили, на рыбалку съездили, в баньке попарились. Друзья теперь. Ладно, пойдём заканчивать. Ну, зверюга, Костомаров, ну гадёныш, мля!

Костомаров пил чай с сахаром вприкуску и ел печенье. В буфете у него пачек десять лежало. Любил печенье.

– Я тут подумал, гражданин начальник, товарищ капитан Малович,– не дожидаясь пока следователи сядут за стол.– По убийству Петра Стаценко попрошу у вас разрешения на явку с повинной. Всё сам расскажу. До тончайших деталей. Вы то по жене меня сами раскрутили, а я испугался, что если и по Стаценко сами меня к стенке прижмёте, то у вас и выхода не будет. Только расстрельную статью мне писать надо. А я за пятнадцать – двадцать лет на зоне и сам сдохну. Без расстрела. Зато совесть все года меня будет жрать. Вы не смейтесь. Но совесть есть у меня. Просто судьба на меня за что-то обозлилась крепко. Даже знаю за что. За вредительство, видно. Десять лет разорял государство. Хотя сам ни копейки с того не имел. Только зарплату и премии. Но это не Данилкин, это я совхоз в гордость целинных земель превратил. Почет Корчагинскому и уважение я организовал. Флаги, вымпелы, ордена и медали! ВДНХ в Москве! Дайте повинную, а! Всё одно- не жить мне. Я чувствую.

– Ладно.– Сказал Малович устало.– Вот листок тебе чистый. Тот протокол подпишешь, что верно с твоих слов записано. По супруге твоей бывшей. А на чистом листке пиши справа «Начальнику УВД кустанайской области генералу

Слепцову С.А. от гражданина» и так далее. Потом на середине листа пиши «Явка с повинной» Теперь нам всё расскажешь сначала, а потом мы тебе уточним – что писать, а чего не надо. Чтобы голову генералу не морочить ненужными откровениями.

Понял.– Костомаров откусил сахар, запил чаем, снова откашлялся и вот как рассказал.

Короче, Нинка, вечная память ей, Почти каждый день после работы, да нет- каждый божий день меня накручивала. Мол, и в магазине ей кто- то шепнул, что агроном на нас троих, ну, на директора ещё, написал докладные со всеми деталями о том, каким вредительством мы занимались больше десяти лет.

И ещё болтал по пьяной лавочке везде, где только можно, на МТС, в столовой, на машдворе, на току и зерноскладе, даже в «Альбатросе», когда к Алипову ездил пить, что собирается, когда подкопит денег, объехать все главные инстанции в Алма- Ате и в Москве. Там он запишется на приём ко всем самым главным и добьется, чтобы приняли его. А там бумаги отдаст и на словах расскажет и по то, как директор землю гробит, от новых технологий отказывается и вместе с

нами участвует в приписках на огромные суммы денег.

Нинка мне говорила, что Петьку надо бояться больше, чем любую комиссию. Если он всех нас троих продаст, то сразу под суд пойдем. А там расстрел нам гарантирован. Убей, говорила, Петьку, втихаря. Он же один живёт. Пьёт до беспамятства от огорчения, что никто его не слушает и нормально работать не дают. Подкарауль, говорила, и когда упадёт пьяный спать- прибей его молотком в висок. Или нож воткни ему в горло. Верное дело. Сразу помрёт.

А Нинку – то мою похоронили? Меня почему не взяли на похороны?

– Похоронили.– Ответил Малович.– Тебя там не хватало. Народ бы тебя там же порвал и рядом закопал. Рассказывай, давай.

– Ну, вот, значит. Она говорила мне, что если я не грохну Стаценко, то она мне в жратву яду нальёт. Есть у неё яд. Знаю. И сдохну я не сразу от него, а дней через десять. А она за это время соберется и уедет. Куда – не говорила. Но не на родину точно. Не в Калугу, не в Жуков. И никто её не найдёт. А с таким трусом и слабаком как я – жить ей вроде шибко тошно и противно. Раз я не могу её и себя обезопасить. Я её бояться стал. Жрать перестал дома. То у Данилкина поем, то

у Кравчука или Артемьева Игорька. Даже в столовой не ел. У неё там все свои .Заведующая, поварихи.

Потом понемногу пить начал. Один. Все же знали, что я не пьющий. Пришлось тайком керосинить. Но в магазине водку стал брать – про меня и слух пошел, что запил я. Напьюсь, сяду где – нибудь, думаю и понимаю, что не хочу я его убивать и не могу. Духу не хватает. И совесть не велит.

Но. Но!!! Сижу как- то после уборочной дома вечером. Нинки нету. Ходит по подружкам. А я у Кравчука литр самогона взял и глушу потихоньку. Вдруг Нинка влетает. Расстрёпанная вся. Бежала сильно, запыхалась. Чалый, сказала, отдышавшись, только что этого козла Стаценко, пьянящего вдрызг, домой волоком затащил. Наверняка на кровать его бросил и ушел. Люди видели. Я видела. Так я зашла к Петьке после Чалого. Темно. А он храпит уже и стонет. Перепил. Тогда я в шкаф кухонный руку сунула, нашла нож побольше и поострее, да бегом домой. Другой такой случай хрен когда подвернётся. Пей стакан полный. Я выпил. Вот нож тебе. Давай салфеткой протрём, сказала она и дала мне перчатки. Чтоб отпечатков не было. Взяла меня за руку и потащила. Я сопротивляюсь, говорю ей, что не могу убить. А она мне зло так зашептала, что тогда жди, мол, когда сам помрёшь. А помрёшь скоро. И слюнтяем обозвала.

Ну, потом дошли мы до калитки Стаценко и постояли минут пять. Оглядывалась она – не видит ли нас кто. Потом толкнула меня и сказала, чтобы быстро шел. На всё три минуты мне. Ну, а меня чего-то развезло. От страха, видно. Я нож в руку взял и как во сне побежал в хату. Гляжу – лежит он на спине и храпит. Луна лицо высветила и грудь. Ну я подошел тихонько, взял ножик двумя руками и как кол ему в горло загнал. Даже кровь не успела брызнуть. По рукоятку загнал. И бегом обратно. Нинка меня снова за руку схватила и поволокла через дорогу, потом через чей-то двор, не помню – чей. Но только у того двора сзади ещё калика была. И мы из поселка выскочили.

– Зарезал?– спросила она, когда мы в темноте оказались.

Меня стошнило сразу. А потом я руку поднял и головой два раза кивнул. Домой вокруг совхоза шли. Зашли с другой стороны от дома Петькиного.

Я ей сказал, что меня и её найдут по следам. И она за ножом заходила. И я потом. А Нинка показала мне на землю и прошла рядом мимо меня. А грязь была жуткая. Жижа сплошная. И не видно чётких следов. Грязь в них обратно стекала и следы выглаживала. Часов до двух мы свет не выключали. Радиолу завели и специально стали петь под музыку. Кто мимо проходил – все видели, что мы пьём, поём и

отдыхаем. Может праздник у нас семейный.

Потом Стаценко похоронили. И мы ходили на кладбище и на поминки. А дальше что было? А! Вы начали крутить Чалого, Кравчука, Артемьева. Ну, мы решили, что почти пронесло. Только мне Петька сниться начал. Вроде идет по стерне просто так, колосок жуёт и улыбается. После этого я пить стал больше. Чтобы он не виделся мне. А он всё равно виделся. То на поле. То в гробу на кладбище.

А с Нинкой совсем отношения споганились. Я молчал всё время. Душа тяжелая была, аж говорить не мог. Стали мы с ней ругаться по разным случаям. И постоянно грызлись. Я ей говорил, что зря мы такой грех на себя взяли. А она мне – не мы, мол, а ты. Ну, то есть я. И говорила, чтобы пить завязывал, а то проболтаюсь по пьянке. И, говорила, учти, что про то, кто зарезал Петьку, только она знает. И если я не буду жить так как она велит, то продаст Нинка меня вам и не всхлипнет! Во как! И всё чаще стала мне это повторять. Мол, знай – кого тебе бояться надо, убивец! Я долго терпел. Месяца три почти. А она всё шибче гайки заворачивала. Иди, говорила, к Данилкину и скажи то-то. Или там ещё чего –нибудь придумывала. То говорила, чтобы я на собрании выступил и сказал, что знаю кто Стаценко убил. И назвал двух блатных с выселок. Кренделя и Колуна. Пусть милиция приезжает. А она Колуну за это время в дом Петькину бумагу

рабочую подкинет. И портсигар. Она его как-то стырила когда все собрались в комнате, где я его зарезал. Я отказывался и ни разу нигде вообще ничего про это дело не вспоминал. Ну, про Стаценко вообще, короче. И она мне тогда сказала, что я начал под богом ходить. Ходи, мол, и смерти жди. Коли меня, мол, не слушаешься.

Я так ещё денек походил, а потом неделю всё прощения у неё просил и задобривал по всякому. Ну, вроде как и слушаться буду, и семейную жизнь мечтаю наладить как было, и вообще – дурак я, что не понял вовремя, что она для меня самая главная и дорогая. Золотая даже. А как-то подвернулся случай когда у неё настроение хорошее было и втюхал ей своё предложение шубу себе купить. Денег дал много. Она сказала, что через день и поедет. Тут я быстренько раззвонил где мог, что посылаю жену в город, чтобы выбрала себе подарок дорогой, шубу лисью или норковую. Что десять лет законного брака у нас грядёт в январе. Восемнадцатого. Ну вот. Четырнадцатого она и уехала. Насовсем. Остальное вы знаете.

– Коротко вот это всё напиши. Генерал не любит длинных заявлений читать.– Малович подтолкнул листок поближе к Костомарову и ручку дал свою. – Думаю, что такую повинную примет генерал и одобрит. Давай. Строчи. Только не увлекайся и ошибок поменьше клепай. Его это раздражает.

А мы пока пойдём на улицу. Покурим. Подышим. Полчаса тебе на литературный труд.

Вышли Тихонов с Маловичем во двор. Малович поднял ладонь. Тихонов звонко шлёпнул по ней своей пятернёй.

– Не пойму одного, Володя.– Малович покрутил корпусом в разные стороны. Кости размял.– Что ж не живётся- то людям просто и честно. По совести.

Кругом одна подлость, зависть и мерзость.

– Не там работаем.– Ухмыльнулся Тихонов. -Надо было в библиотеку устраиваться. Или в церковно- приходскую школу поступить. Потом дьяконом работать и видеть всегда лики святых. Они безгрешны, честны и чисты. Да и прихожане в массе своей люди честные, не злобные.

– Да поздно уже.– Малович выдохнул, расслабился.– Мне майора через месяц обещали. Тебе – четвертую звездочку повесят. К подлости и мерзости привыкнуть не может никто. Кроме нас, милиционеров. Или мусоров, как говорят в народе. Я вот привык. Нравится мне хоть на время мерзость и пакость всякую подальше от людей нормальных убирать. За решетку, бляха.

Через час машина милицейская уже летела по растаявшей трассе в следственный изолятор УВД. Малович песню на-свистывал. Тихонов под ногтями чистил перочинным ножиком. Один Костомаров ничего не делал. Сидел, зажав коленям запястья в наручниках, стеклянными глазами пялился на припухшие, наручниками передавленные кулаки свои и думал о весне.

Не просто о том, что вот она – весна. Думалось ему, что весной и в лагере будет травка. Может и цветы будут. И летом не страшно жить, наверное, в лагере. А зимой, глядишь, и вытащит его Данилкин или Чалый сперва на поселение, а потом и на полноценную волю.

Которой теперь – то уж он будет и гордиться, да беречь её.

И больше чем самим собой дорожить

Глава пятнадцатая

Все имена и фамилии действующих лиц, названия насе-

ленных пунктов Кроме города Кустаная изменены автором по этическим соображениям.

Всем хорош весенний месяц март. Международный женский день – его главное украшение. Ну и тепло, ежедневно подпрыгивающее на градус, а то и на три сразу, тоже осветляло бытие крестьянское. За заборами дворов, да по-над дорогами травка вылезала нежная. Изумрудная, тёмно-зелёная и серая. Степь легче находила в недрах именно такую траву. Серую. И вот сколько жили на целине люди, так почти никому и в голову не приходило узнать названия тёмно-фиолетовой низкой травы, серой, коричневатой и высокой бледно-желтой. Росли эти травки и на просторах степных, и в палисадниках сами по себе, без обид на то, что имя их неизвестно и пользы нет никакой. В совхозе по-первой было много экспериментаторов, которые в городе покупали семена цветов самых неприхотливых и высаживали их под окнами. Через пяток лет их стало меньше вдвое, а к шестьдесят девятому человек сто настырно закапывали в палисадниках космею, бархатцы и циннию. Семян покупали побольше, а всходила и приживалась малость малая. Но всё равно красиво было. И те, кто сажать цветы бросил, обалдевши от кропотливости ухода, ходили часто к упорным соседям, которые выдержали испытание взращивания культурной флоры.

ры в серо-желтом грунте, больше похожем на старый слежавшийся цемент, чем на почву. Они заходили в соседские палисадники, садились на корточки и отщипывали кончики веток бархатцев. Они растирали их пальцами и подолгу держали возле носа, ностальгируя, падая от запаха в пропасть, на дне которой лежала далёкая прежняя жизнь в России, на Украине, в Белоруссии и Сибири. Бархатцы росли на их родине непременно. Без них не существовало цветников ни в одном краю Советского Союза. Цветы космеи и циннии ароматы испускали призрачные и потому ими просто эстетически восхищались, не вышибая из цветов запаха.

Вообще прекрасно было весной ранней. Птиц появлялось множество. И от того нескудным было пространство над совхозом. Нагретый ветерок носил над домами и дорогами радостное чириканье, писк, карканье и даже мелодии приятные, которые умели сочинять неизвестно зачем прилетающие из лесов уральских и местных старых деревень соловьи. Морды дворовых и беспризорных собак были весёлыми, хвосты торчали вертикально вверх, что обозначало их хорошее состояние и весенний настрой. Коты орали истошно любовные арии, подолгу сидя в ожидании ответных действий от кошек. Ну, о весенних людях можно было бы вообще не рассказывать. Одной детали, по-моему, хватает, чтобы зафиксировать их заждавшуюся страсть по весне. Все в первые очень тёплые солнечные дни хоть не надолго, но на-

цепляли на себя всё самое пестрое и яркое. Они прогуливались в такой чуждой для степной жизни одежке до рабочих мест, пересекаясь на дорожках и довольно разглядывая друг друга. Улыбались, желали здоровья да хорошего дня. А на МТС, на токах и зерноскладах, в столовой или в больнице переодевались в привычную, удобную, но неказистую и примелькавшуюся за годы униформу.

Весна, конечно, всегда – пробуждение. Но не только природы. А ещё и очередного многолетнего подскока до больших высот трудового энтузиазма.

Который так же неизбежно упирался в повторяющиеся, как понедельник и пятницы, проблемки, проблемы и почти неразрешимые трудности.

В половине десятого утра пятнадцатого марта, когда основной народ стучал молотками, визжал пилами и искрил электросваркой. Когда поварихи увлечённо резали мясо для горохового супа и варили рис, а учительницы разных классов и предметов с удовольствием лепили в журналы двойки для стимуляции тяги учеников к знаниям. Вот в это занятое всякими делами и делишками время одиноко и угрюмо сидел на столе в своём кабинете директор Данилкин. Сле-

ва от него лежала плоская хрустальная пепельница, утыканная окурками, руками он подбрасывал высоко и удачно ловил спичечный коробок, а справа молча стояли два телефона. Черный, высокий, пятьдесят первого года выпуска, трубка которого весила как небольшая гантель. И второй, красный, приземистый и обтекаемый. Под диском был каким-то методом отпечатан герб СССР. Это был прямой телефон для общения только с обкомом КПСС. Данилкин в половине девятого уже дозвонился до своего сельхозуправления и до обкома. Доложил в седьмой уже раз, что разнарядку получил и готов приступить к посевной в указанный разнарядкой срок – пятого апреля. Но при этом Данилкин робко каждое утро спрашивал, получил или не получил обком партии посланное три недели назад дирекцией совхоза письмо-запрос с перечнем недостающих деталей для разной техники, а также острой нужды в тридцати тоннах солярки, двадцати тоннах бензина, двенадцати – аммофоса и столько же нитрофоски. Это же уведомление-прошение он отправил и в Управление сельского хозяйства. Звонил в две этих высоких инстанции каждое утро всю последнюю неделю и справлялся о получении письма, и о долгожданном решении в пользу сельского хозяйства.

Неделю ему колупали мозги, давая ответы так, что чиновнику низшего, чем обкомовский, ранга мысль уловить и уразуметь было не то, чтобы совсем невозможно, но трудно. Да-

нилкину отвечали, что вопросы решаются и будут решены. Но параллельно же резко и в меру грубо интересовались – куда он дел всё, что ему дали в прошлом году. Данилкин, директор, неофициально оповещал начальство, что соляру с бензином работяги не пьют, а расходуют на работу всяких моторов, которым заглатывать топлива приходится, ну, очень много. Сперва надо влагу закрыть, потом пахать, боронить и сеять.

А земля тут тяжёлая. Много энергии забирает для вспашки и обработки. Удобрения тоже никто не ест, а, наоборот, сыплют в землю как написано на мешках. Объяснял аккуратно, что в отвратительных условиях погодных техника, хоть и железная, ломается местами и требует запчастей. А сам совхоз запчасти делать не может, так как соответствующие станки и оборудование совхозу по статусу не положены.

В этих беседах, похожих на игру в шашки, где бьют то чёрные белых, то белые чёрных, всегда выигрывала производственная потребность. Но после очередной победы над вышестоящим органом у Данилкина ещё долго тряслись губы, кружилась голова и он, забывшись, иногда даже при жене Соне говорил с проскальзыванием трёхэтажного мата. Это каждый год беспокоило Софью Максимовну, которая боялась, что Гриша однажды свихнётся и попадет в дурдом, откуда его выпишут полным дураком после серии специфиче-

ских уколов.

Красный телефон, от которого Данилкин ждал больше, чем от чёрного, зазвенел своим нежным колокольчиком всё равно неожиданно, не смотря на напряженное ожидание.

– Ильич! – сказал зам.завотделом сельского хозяйства. – Танцуй! Тебе утвердили двадцать тонн соляры, десять – бензина, удобрений полностью заявленный объём, а запчастей для борон и сеялок нет вообще, для тракторов и машин – есть, но не все. Подвезут тебе всё послезавтра. Готовься к приёму.

– О! Бляха- муха! – закричал Данилкин. – Стёпа, прямо обнимаю тебя как бабу достойную! И ящик коньяка с меня.

– Два ящика, – поправил Степан Владимирович. – Еле выбил потому что. Аж в весе потерял граммов триста. А бабу свою обними покрепче. Можешь маленько прижать и от меня лично.

Похохотали они довольно над удачными своими шутками, порадовались матерком за почти идеально сделанное дело и трубки повесили.

– Юра! – крикнул директор в коридор дежурному по кон-

торе, который сидел на траектории подхода к кабинету Данилкина.

Юра с газетой «Труд» в левой руке и бутылкой лимонада в правой, мгновенно образовался на пороге.

– Чалого приведи ко мне, – Данилкин взял бутылку. Глотнул. Хороший лимонад был. Холодный. Резкий. – Будем с ним дальше кумекать. Из блохи кроить голенище.

Чалый Серёга сел на стул возле окна и взял со стола Данилкина бумагу. Копию той самой заявки – запроса на всё, что надо.

– Сколько и чего срезали? – Спросил он, улыбаясь. Потому как ни одного года не было ещё, чтобы дали, сколько просишь. Поэтому просили всегда больше, чем надо. И получали всегда меньше. Но почти столько, сколько требовалось. Остальное, не очень уж и много, надо было где-то самим искать.

– Да как обычно, – Данилкин бумагу забрал и стал ставить где-то галочки, где-то крестики. – С запчастями дерьмово. Он мне сказал, что какие-то есть, а каких-то нет. По практи-

ке знаю, что нет как раз тех, которые вылетают у всех чаще. Что у нас пострадало на той посевной шибче всего?

– Сеялки. Их в прошлогодней размазне, в колдобинах промытых и на поворотах опрокидывало часто. Колёса гнулись и трескались. Дозаторы в лепёшку мяло. Подвесная на тракторах со шнифтов слетала и корёжилась. Ну, шланги воздушные рвало, это само-собой. Бороны тоже помяло многие. Зубья ладно – сами в кузне сделаем. А вот рамы кривые от перевёртышей

попробуем, конечно, тоже обровнять. Но с этим делом возни много. Попытаемся успеть. Да только стойки на плугах, отвалы и лемеха особенно – лучше бы поменять на девяти агрегатах. Но, чую, лемехов как раз не дадут, да и отвалов тоже. Стойки поправим. Нагреем лампами паяльными, да отстучим. А вот лемеха точить замаешься, ясное дело. Ну, не катастрофа. Сделаем.

– Соляру, бензин кто поедет искать? – озабоченно промычал Данилкин. – Жадных мы уже выучили. К ним ездить нет резона. Дутов даст тонн пять того и другого. Кравчук пусть к ним едет. Они ж друзья с Алиповым. Уговорят Федю. Ну, ещё по десятку тонн в Кустанае прямо на нефтебазе втихаря можно поклянчить. Мимо кассы, конечно. К Любавину Генке надо подкатиться. Ящика три водки, деньги на-

личными. Он на своих машинах вывезет, а за городом перельёте в наши. Ну, как в прошлом году. Наличные на двадцать тонн солярки и бензина в кассе возьми. Пусть запишет деньги на премиальные третьей и четвёртой строй бригадам за прошлый год. Сам в город и поедешь. Другому Генка и не нальёт.

– А Дутову? – Серёга посмотрел на часы. – Тоже наличными?

– Не возьмёт, – засмеялся Данилкин, директор. – Пусть Кравчук с Алиповым выпросят у него, а я перечислю. Он, что хорошо, по госцене отдаёт.

Лет семь же у него нехватку берём. Молодец, Дутов. Не ханыжит.

– Ну, с этим понятно вроде. Вывернемся, – Чалый Серёга поднялся и ходить стал по кабинету и выражение лица его несло печать почти полной безысходности. – Но есть у нас провалы и поглубже, опасные есть дыря в делах наших.

– Агронома имеешь в виду? – начал бродить по комнате и директор. Правда, печали на лице его не видно было. – А мы его у того же Дутова в аренду возьмем. Я его сам попрошу. У него их, блин, пять штук. Одного-то отпустит на посевную. А

к лету я и сам привезу. Область большая. Обком мне найдёт. Мы ж по уважительной причине, по экстренной попросим. Убили, скажем, нашего. Да они знают. Помогут. Может, даже хорошего подыщут.

– Нет, Ильич, – Чалый Серёга остановился и упёрся тяжёлым взглядом в Данилкина. – Ты без экономиста и счетовода как собираешься крутиться? Расход семян кто будет считать? Тебе же надо как будто и площади новые освоить, и семян побольше посеять. А где они у нас? Тех, что есть и на старые наши поля не хватит. Покупать семена не на что. Так?

– Ну, да. Нет денег больше. На зарплату только осталось. И то до июля. А там, пока урожай не продадим – ждать работягам придется как всегда. До ноября.

– Костомаров в изоляторе, жена его в могиле. Сам будешь дописывать цифирь? Что и семян ушло подчистую. По 230 килограммов на гектар. Это при девяноста процентах пригодности и всхожести. А у нас гектаров-то, ого-го сколько! Так потом и урожай надо взять не по пять-восемь центнеров, а минимум по семнадцать, а то и двадцать. Иначе наверху не поймут нас. Мы всегда так сеем и столько сдаём. Снизим тоннаж сдачи – будут вопросы серьёзные. Сам приучил обком и управу сельхозную к нашим трудовым подвигам и победам в соцсоревновании. Нет обратной дороги, Ильич. Нет

её.

– Вот и садись, бляха, экономистом. Соображаешь получше того же Костомарова, – Данилкин махнул рукой на стол костомаровский. – Да и мне спокойнее будет.

– Не... – Чалый отвернулся и стал глядеть в окно. – Я уже три раза зону топтал. Больше не хочу.

– Я, что ли, тебя сдам? – искренне возмутился Данилкин, платок носовой достал, лоб вытер. – Я Костомарова, придурка, не продал, а уж тебя... Ты чего, Серёга?!

– Не... – повторил Чалый. – Костомаров тихий был, незаметный. У него и врагов-то не было, потому как его толком и не видел никто. Серая мышь, короче. А меня найдется кому продать в ОБХСС и без тебя. Искать надо. Такого же неказистого, серого, тихого молчуна. Человека-невидимку практически. Причём на поиски нам неделя. Максимум. С ним же надо посидеть, водочки попить, разъяснить методику священнодействия. Вот, мля, задача-то.

– Может «звезду» нашу попросим, Айжаночку Каримбаеву?! – хлопнул в ладоши директор Данилкин. – Баба она своя. Нормальная. В авторитете у всех в области. Она одна единственная больше двух тысяч гектаров за пахоту подни-

мает. Ни один мужик-тракторист и рядом не стоит. Её все областные начальники мечтают на руках носить. Она какую славу целине делает! Вот её мы и попросим. Просто повезло, что она сбежала с Дарьяновского элеватора к нам в совхоз. А мы, получается, вроде как отцы её названные. Должна она нам помочь. Не откажется. Ей в райцентре того экономиста отдадут, в какого она пальцем ткнет. Сам с ней сегодня потолкую. Домой к ней пойду.

– Вот это похоже на деловой вариант. Зарплату экономисту надо сделать выше Костомаровской. Причём, чтобы он сразу об этом узнал. А жить будет в его же доме. Я так думаю, что не вернётся Костомаров с зоны. А, может, и до зоны не дотянет.

– Нам не надо, чтобы он даже до суда дотянул, – тихо проворкотал Данилкин, директор. – Как там Малович стараться будет – не знаю. Но на суде как угодно может повернуться. И может он «вышака» схлопотать за двойное убийство. Вот тогда он к прежним показаниям и меня добавит как организатора и убийства обоих, и вредительства стране путём приписок огромных. Он сам мне так сказал.

– Не дёргайся ты, Григорий, – Чалый Сергей взял его мягко за плечи и на стул усадил. – Не будет суда над Костомаровым. Понял?

– Дай тебе Бог здоровья и всех благ, Сергей Александрович, – глядя Чалому в глаза, жалобно произнёс Данилкин. – Одна у нас жизнь. Надо дожить её на воле. При уважении, да при деньгах. Не возражаешь?

– Какой дурак от хорошей жизни вольной да обеспеченной откажется?! Я на дурака похож? – Серёга улыбнулся да руку Данилкину протянул.

И крепко пожали они руки друг другу. Закрепили уверенность в союзе верном, который, правда, и так существовал. До этого многообещающего рукопожатия.

Разъехались гонцы во все концы за десять дней до посевной. Такая на целине традиция явилась и закрепилась прямо с пятьдесят седьмого. Зиму отдыхать, а за полмесяца до посевной вкалывать без сна, отдыха, выходных и отвлечений на личную жизнь и прочие радости. Пытались сверху подавить в корне традицию, но умылись безнадежной слезой и утихли после позорного провала.

Недели за три до посевной народ трудовой упирался рогами в беззаветный труд. Буквально все, даже те, кто кон-

кретно не пахал и не сеял, со зверскими лицами тонули в раскаленном течении быстрого времени. Кто носился почти бесплодно за запчастями по богатым совхозам да в Кустанай, а счастливыцы Чалый и Валечка Савостьянов солярку с бензином за один день закачали в цистерны с помощью Дутова и своего директора Данилкина. Причём не по пять тонн, на что надеялись, а сразу по двадцать – того и другого. Дутов и так был отличным мужиком, а теперь стал просто любимцем всех корчагинских работяг. Ну, слили драгоценное горючее в хранилища, после чего на нефтебазе все выдохнули и начали расслабляться. К вечеру того счастливого дня почти полностью расслабились и почти ползком убыли в семьи. Горючее есть, а это главное. Запчастей-то каждую весну и осень не хватало. Но их почти без напряжения научились делать в своих цехах на МТС. Потому как собрать по знакомым хозяйствам или выбить всё нужное через своё головное управление было куда тяжелее. У соседей ломалось всё то же, что и у корчагинцев, а в областном управлении требовалось пару дней потратить на забеги по кабинетам ответственных лиц и всюду писать, писать и писать. Причём почти одно и то же. Потом всё написанное следовало подтвердить росписями мелких, средних и крупных руководителей, которым почему-то очень нравилось отсутствовать на месте в связи с почти непрерывными собраниями, совещаниями, заседаниями и вызовами на ковры разной мягкости.

Но и когда все автографы и печати удавалось собрать, это ещё не называлось успехом. Потому как кипу бумаг требовалось завизировать у самого главного. Главнее которого тоже, конечно, люди есть, но сидят они в других местах. Так вот управленческий самый главный был в рамках конторы своей и Змеем Горынычем, и Золотой рыбкой одновременно. Он мог всё, что ты набегал за два дня похерить одним словом – «отказать», а мог, если его сегодня не трепали самого в обкоме, черкнуть волшебное слово -«рассмотреть».

Завскладом хорошую, добрую бумагу изучал так, будто это был увлекательный роман про любовь, ревность, предательство и печальный конец всей драмы. Осилив последнюю страницу завскладом говорил роковые слова: «Чтоб они сдохли все наверху! Им бы фантастику писать, сказки волшебные, а не сельским хозяйством заправлять!» Он так говорил, чтобы жаждущий запчастей проникся его величием и понял, что вот только теперь он попал к настоящему властелину втулок, форсунок, шлангов для гидравлики, шнеков, шестерёнок и болтов на двадцать два для крепления сцепок между трактором и сеялкой. Он на данный момент был тебе роднее родителей и выше Политбюро ЦК КПСС. Потому как ЦК не мог выдать сто штук болтов и одиннадцать шестерёнок, а он мог. Если его по-человечески попросить. Те, которые попутно заносили на склад и ставили в уголок ящик коньяка, или тушенки, или дубовую бочку атлантиче-

ской селёдкипряного посола, уезжали не с пустыми руками. Рассказывали механизаторы, что были и такие случаи, когда завскладом находил и выдавал всё, что влезло в список. Но никто живьём счастливцев не видел, фамилий их не знал и представить не мог, что надо занести в уголок, чтобы обменять его на полное механизаторское счастье.

Чалый был и тут исключением удачным. Утром двадцать четвертого марта приехал в управление, они с Колей Антимоновым, начальником отдела снабжения, полдня просидели в кафе «Нива» рядом с конторой, потом сытый и в меру пьяный Коля сам пошел к главному с приветом от Чалого: портфелем, вместившим три пузыря армянского коньяка и шесть баночек консервированных крабов «Хатка». Подарок дал ему Данилкин, а где сам взял, даже предположить Чалый не сумел. С единственной росписью начальства «выдать по списку» Коля Антимонов с Серёгой поехали на склад и уже через час Чалый рулил на совхозном ГАЗ-51 домой, увозя в кузове целую половину от всего, что надо было для ремонта. И этот факт оценивался лично Чалым Серёгой как событие, которое требовалось отметить силами всех ремонтников и механизаторов. Что они и сделали, начав в семь вечера. Протянули ликование, конечно, до полуночи и, напоминая нечёткие, расплывчатые и качающиеся тени, медленно растаяли во тьме, интуитивно не промахиваясь мимо своих домов.

Кравчук смотался в «Альбатрос» к Алипову Игорю, который вчера вернулся из города от жены и занялся посевной. Наталья на поправку пошла, но главврач областной больницы лично её осмотрел и сказал, что спешить не надо. Отравление серьёзное. Пусть месяц-другой полежит и примет ещё много необходимых и полезных капельниц.

– Правильный доктор, – заключил Алипов. – Другой бы выпихнул поскорее. Место освободить. А и здорово! Пусть полежит. А я за это время с любимой своей Валюхой трудные разговоры проведу. Наказал я её, сучок. Почем зря.

Как фраер дешевый. Куда ей теперь? Жену бросить в такой ситуации не смогу. Скотство последнее. Я и так нагадил полную душу ей. Смотри, Толян, а ведь сколько прожил с ней, да и не замечал ни хрена, как она меня любит. Так травануться, забыв про всё, про детей даже, можно только когда любовь к мужу на высочайшем уровне!

Толяна коробило, конечно, что у женщины собственные дети от измены мужа ушли за кадр, как говорил один его знакомый фотограф. Но он для видимости и ради совместного дела через силу соглашался. Хотя и Валюху Мостовую жалел по-человечески, и Наталью Алипову тоже. Одинаково жаль было обеих. Но рассказывать Игорю Сергеевичу этого

не стал он. Промолчал. Советы и суждения собственные раздавать глупо было, не вовремя и бессмысленно. Всё решится так, как должно по судьбе решиться. Не иначе. Думал он именно так.

Выбили они у Дутова, без уговоров практически, толкового агронома. Причём аж до конца уборочной. Володю дал Самохина, которого из-под Калуги с собой привёз.

– Жильё ему дайте хорошее. Чтобы на мелкий ремонт даже время не тратил. -Дутов погрозил, шутя, Кравчуку пальцем. – И учтите, что мужик не пьёт. Ну, не то, чтоб он совсем белой вороной у вас скакал. На дух, мол, не переношу самогон и трезвенник я от пожизненной язвы желудка. Нет, выпить он может. Но редко и только «столичную». С этого верного пути вы мне его не сбивайте. Если что – отзову досрочно. Пусть Данилкин тогда сам агрономит. Он же учитель географии. А земля ваша – понятие географическое. Степная и полупустынная зона. Этих знаний ему хватит, чтобы как всегда по двадцать центнеров с гектара брать.

И Дутов так увлеченно стал смеяться, что аж закашлялся. Ну, а поскольку обговорили всё, то Кравчук с Алиповым не стали ждать, когда он остановится, а пожали ему руку и смылись. Дела делать. Кравчук Толян знал нового агронома давно, поэтому они с Алиповым к нему пошли не знакомиться,

а сразу о делах переговоров.

– Послезавтра перееду, – сказал Володя Самохин после символических объятий дружеских. – Только вы Данилкину своему скажите, чтобы в дела мои не лез и указаний не давал. Поля ваши я дня за три изучу и всё, что надо, спланирую. Будет соваться – развернуть и обратно уеду.

Ну, рассказал ему Кравчук Толян, где он жить будет, про большую зарплату упомянул, номер машины назвал, которую ему Данилкин дал для путешествий по просторам. Поговорили, в общем. Покурили и разошлись. Кравчук Толян поехал домой, чтобы доложить директору Данилкину об удачном завершении операции, после чего примкнул к компании Чалого, которая обмывала запчасти новые и тоже доплёлся до дома в совершенно непотребном виде, но с радостью в душе.

А тут и утро выскочило из тьмы. Ещё без солнца, но тёплое. Притащили его на совхозные улицы из ночи, уже укороченной законом природы, птицы всякие, собаки и коты мартовские. В шесть часов такой от них шум носился над дворами, будто случилось что. А ведь ничего и не произошло плохого. Только приятное: весна окончательно проснулась!

Не светало ещё, а в окно дома Серёги Чалого барабанил всем, чем доставал до продольной рамы, Олежка Николаев. Он бы, может и грудью бился об окно, но рост ограничивал желание. Поэтому стучал он только кулаками и головой, хотя и этого хватило, чтобы вся Серёгина семья, ещё ничего не понимая, села на кроватях и сонно расшифровывала причину предрассветного грохота. Чалый произнёс что-то вроде: «какому козлу приспичило?», обулся в тапочки и пошел на крыльцо. Из-за угла, зацепившись рукой за стену, вывернулся Олежка Николаев. Был он в том состоянии и в той одежде, будто дом его уже горел во всю и одеваться было некогда, а сделать смелое выражение лица не удавалось, поскольку пожар – страшное дело. Храбриться невозможно. Особенно, когда бежишь за помощью. Жил Николаев на другой стороне улицы через три дома. Чалый бегло осмотрел Олежку, на котором кроме трусов одежды не было и обуви. Принюхался. Гарью не пахло, дым вдоль улицы не стелился и зарево «красного петуха» не возвысилось языками огненными да трескучими искрами над крышами.

Серёга успокоился, сел на корточки и, медленно просыпаясь, попросил у Олежки папиросу. Николаев похлопал себя по голой груди, по трусам и ладоши показал.

– А, ну, да... – сказал Серёга, после чего скрылся за две-

рю и принес из кухни пачку «беломора» да спичек коробок. Дал папиросу Олежке. Закурили.

– Я не догоняю. Чего голый носишься по селу? Не июль-таки. Схватишь воспаление лёгких, а без тебя мы ни пшеницу не посеём, ни просо. И кранты плану, премиям, вымпелам и медалям к осени. А! Ты – морж? На озеро ледяную ванну принимать бежишь и меня с собой зовешь? Я не пойду. Данилкин заругает.

Олежка только рот открыл и слово почти уже молвил, но у Чалого Серёги вместе с ним проснулось игривое весеннее настроение.

– А! – догадался он. – Тебя ограбили и раздели бандюганы Витька Колуна. Ты ночью шарахался по их территории и агитировал всех сесть на сеялки и бороны! Вот говорил я тебе: не сманивай их на наши дела. Пусть коровники строят. Данилкин вон коров решил разводить. Мясных и молочных.

И после этих оптимистических слов Серёгиных вдруг страшно, как безумец, лишившийся разума после того, как потерял всё – дом, семью, одежду, работу, огромную зарплату и надежду всё вернуть, зарыдал в голос Олежка Николаев и стал бесконтрольно стучать лбом по перилам крыльца.

– Спаси меня, Чалый! – пробивалась из нутра Олежкиного единственная истерическая фраза. Тут и дошло до Чалого.

– Жена что ли вытурила? Ты просыпаешься под утро от скрипа соседней кровати. Она там, шелупень растакая, с Лёхой Ивановым кувыркается. И чтоб не отвлекал её от святого и любимого дела, выгнала она тебя, зараза, на прохладную волю. Понял. Кого убить предлагаешь? Обоих или только кобеля?

– Всё наоборот! – Олежка приспокоился и сел на крыльцо. Чалый вынес ему фуфайку и калоши. Сам тоже свитер нацепил. – Она мне спать не даёт уже неделю. Вообще проходу не даёт. Как домой приду, в койку тянет. Меня раздевает в секунду. Ахнуть не успеваю. И ночью лезет в кровать ко мне голая! Хватает за ...

– Ну, она ж баба! – Чалый Серёга развеселился. – За нос что ли ей, тебя хватать? Или за чубчик? Голая баба под одеялом просто обязана найти, что ей положено по статусу. И хватать!

– Не могу я! Не хочу! Она и утром до работы в штаны лезет ко мне и на кровать заваливает. С трудом отбиваюсь и бегу на МТС, где она меня не достанет. Вечером домой боюсь идти. Позавчера прихожу, а она ждёт почти возле порога

без трусов и бюстгалтера. Её мама в таком виде родила. И говорит.

– Заждалась-замучилась, любимый! Штанёшки скидай! Мочи нет моей. От любви горю изнутри и спалюсь сейчас в пепел, если ты меня через минуту не...

– Понимаешь, Чалый? Это ж извращение какое! Ну, не сволочь а!? А я-то не могу вообще. Я и не помню уже как чего делать с бабой. Даже со своей. Мы ж с ней пять лет голыми друг друга не видели. Она ж, сука, весь совхоз мужицкий почти целиком окучила. У неё там, может, заразы всякой полная эта самая! Ну, понимаешь меня, Серёга?! И главное – с чего взбесилась? Так жили хорошо! У меня своя кровать. Сплю как король. А сегодня проснулся от того, что она прибор мой как-то исхитрилась столбиком поставить. Гляжу, а она уже изготовилась, чтобы сверху-то на него и провалиться. Тут откуда у меня силы взялись! РванулсЯ и из-под неё я, да ходу к дверям. Только вижу – трусов-то нет на мне. А были! Как стащила, сука? Ну, прямо фокус какой-то, бляха! Побежал я обратно, руку сунул под одеяло, трусы хотел нащупать. А нащупал, блин, как раз то, что ты сейчас подумал. Оля, мать её, аж в припадке забилась. Пока её корёжило, я трусы-то выкопал под одеялом, да нацепил их на улице уже. И к тебе бегом!

– Ты на помощь меня звать прискакал? – Чалый Серёга на смешливый шепот перешел. – Давай, я пойду и за час-другой успокою дуру твою. Хотя нет. Я солидный женатый человек. Да и, прав ты, заразы можно нахватать – у нас тут и лекарств от неё отродясь не было.

– Мы же с ней железно договорились уже много лет назад – жить в одной хате но отдельно. И без этого дела. Не хватало мне в эту помойку нырять. – Олежка Николаев задумался и притих минут на пять. – И ведь прекрасно жили. А тут, бляха, натуральное изнасилование корячится. Преступление, строго говоря. Лет пятнадцать может получить. Любой суд даст. Или это её кто-то специально надоумил. Просто заставил меня совратить. А я без женщин-то живу в кайф. Туз тузом! Вот ты, Серёга, что думаешь? Это она на спор с кем-то такие фортеля выделяет? А?

– Я пойду сам с ней перетолкую, – Чалый пошел, оделся, сказал чтобы Олежка кантовался на крыльце и его ждал.

Через пять минут он вернулся с хитрой мордой.

– Да поговорил я с ней. Не хочу, говорит больше шаловиться, а мечтаю теперь любить и телесно услаждаться только с родимым мужем. Я, говорит уже две недели без мужика. Забыла как ноги раздвигать, блин! Две недели! Первую ещё

терпела. А когда вторая пошла – чую, говорит, что даже через силу не могу ни под кого прилечь, кроме как под законного мужа. А он от меня бегаёт! Ты, говорит, Чалый, настрой его на меня. Я женщина страстная. Он-то не помнит уже. А ты, говорит, намекни. Пусть повспоминает как до свадьбы мы куролесили. Кровати ломались, блин! Если он со мной не переспит, или я с ним, то пойду и повешусь. Так сильно его хочу! Ну, Олежек! Да отдери ты её как сидорову козу и живите, как все семьи.

Вскочил Николаев, забежал по двору в трусах и калошах, заволновался.

– Нет! – истошно пищал он, нарезая круги. – Я лучше на МТС кузнечными ножницами отхреначу себе хрен нахрен! Но не могу я с ней. Да уже и не только с ней. И даже по пьяне не надо бабу мне. Это кто-то науськал, Ольку! Точно говорю!

– А! Так тут же всё ясно как в азбуке для первого класса. Ну-ка, пойдём со мной. – он вынес Николаеву свитер свой, штаны брезентовые, сапоги и носки старые. Олежка их надел и видно его не стало. Чалый подвернул на нём всё, что подворачивалось, и Николаева уже можно было увидеть. Даже узнать. – Чё я сразу-то не допёр?!

– А куда ломимся-то рано утром? Неудобно же, – вяло

сопротивлялся Олежка Николаев.

– К тётке Соне Данилкиной, мля! – Серёга стал весело смеяться. Да так заливисто, что птицы с собаками конкуренции не снесли и заткнулись. – Она ж Нинке Завьяловой нагадала, что Нинка начнет охмурять Ипатову, врача нашего. Нинка говорила мне, что заставила Софья Максимовна её иголку бросить сверху на групповую фотографию нашу. Фотографировались на празднике урожая. Иголка воткнулась в Ипатову. Нинка посмеялась тогда. Она Ипатову в упор не видела и как мужика не воспринимала. Ну, врач и врач. А потом вдруг неизвестно какой силой постепенно стало её, дуру, к Ипатову тянуть, глазки стала ему строить, фигурой кривляться и титьками перед ним махать. Он и клюнул. Сейчас любовнички – никаким лекарством не разольёшь. И водой тоже. Это тётя Соня Ипатову свинью подложила в виде Нинки. А потому, что Гриша Данилкин Соню свою стал к Ипатову ревновать. После того, как он ей аппендицит вырезал. Вот она и сбросила с себя Гришин глаз дурной. Освободилась от предположения. Жене только Ипатовской не ляпни. Вот, чую я, Олю твою она тоже обработала. Девки рассказывали, как на посиделках у Сони ругали Ольку твою. Прорву заштопать советовали. И мужиков ихних не трогать. А то пришибут. Вот добрая тётя Соня и вернула шалаву твою в семью, к законному мужу. Может, свечку ей на голову ставила и заклинала. Может, иконой махала перед носом. Со-

фья Максимовна у баб наших – все одно, что Генеральный секретарь ЦК КПСС у коммунистов. Только намекнет бабе, что ей делать, как та бежит и делает. Как заколдованная.

Они подошли к калитке Данилкиных.

– Я тоже иду? – страшным шепотом спросил Николаев Олежка.

– Не. Тут жди. Я быстро, – Чалый Серёга нажал на звонок. Открыл сам Данилкин и Серёга исчез за дверь.

Через десять минут он вышел, потягиваясь и глуповатая улыбка гуляла по мужественному его лицу.

– Соня её позвала две недели назад и поработала с ней своими методами, которые она привезла сюда. Старинными методами бабок-ведуний, уральских вроде, доставшимся ей от собственной прабабки. Ну, за два часа обновилась твоя Оля. Как пуля вылетела из обоймы шалашовок дешевых и стала верна только мужу. Тебе, значит. А ты брыкаешься. Оле от этого худо стало через неделю. Тело-то её в определенных местах не получало привычного и надобного. Если бы так пошло и дальше, то Оля твоя или с ума бы соскочила, или связала бы тебя, спящего, да изнасиловала.

Николаев Олежка вздрогнул всем телом и голову на грудь уронил.

– Делать-то чего теперь?

– А уже нормально всё, – Чалый улыбнулся. – Она в свою комнату зашла со стаканом соли и свечкой. Через десять минут потная вся вышла. И говорит:

– Раз не прижилось, то пусть снова будет, как было.

– Спасибо, Серёга. Должник я твой вечный. Спас ты меня от неудобницы и трагического развития событий. Значит, будет гулять как гуляла и от меня отстанет?

– Соня сто процентов дала, – Чалый похлопал Олежку по спине. Иди смело домой.

Зашел Николаев в хату, а жены и нет там уже. Убежала куда-то. Точнее, к кому-то. Скорее всего. Если так, то жизнь Олежкина снова втиснулась в своё уютное русло, по которому уже сорок лет текла его разнообразная, но сугубо пуританская жизнь. Не пришла Оля и ночевать. Да три дня подряд. Чем окончательно убедила Олежку, что счастье есть.

Историю с Олежкой Николаевым я не придумал. Мне в шестьдесят девятом году, когда я неделями жил в Корчагинском, собирая информацию для статей в областную газету, рассказал сам Серёга Чалый, у которого я жил весь срок командировочный. Причем много раз за семь лет. И в повести моей это единственный человек, которому я не изменил ни имени, ни фамилии, ни судьбы.

То, что в лесу раздавался топор дровосека – это просто полная тишина и безмолвие в сравнении с тем, какое неповторимое и неподражаемое буйство сотен разных звуков, света и цвета, искр, похожих на салют, взлетающих высоко и уносимых ветром то в яркий день, то в тусклое утро или глухую ночь предпосевной или предуборочной кампании. Самый естественный для социалистического хозяйствования, родной с первых же недель после революции, Великий и Непобедимый никакими силами небесными советский аврал, был самым прогрессивным и надёжным способом существования всего, что делалось во имя и ради любимой Родины и всемогущей власти народа.

МТС и МТМ в Корчагинском за десять дней до начала посевной шестьдесят девятого года напоминали со стороны центр вселенной, где полностью сконцентрировалась все-

сильная энергия космоса, куда сплыл со всех обитаемых созвездий самый разумный разум, куда неведомые благодетели Земли спустили уникальную, чудесную ловкость и умение рукам обыкновенных рабочих, которые всю зиму только пробки бутылок открывали неказистыми до поры пальцами. А в роковые часы и минуты, отбрасывающие как весеннюю грязь из-под колёс улетающие в прошлое быстрые дни, приближая посевную с такой скоростью, что ни в одной стране мира никакие тренированные рабочие не смогли бы в первый её день сказать:

– Всё готово, товарищи командиры-начальники! Всё сделано по высшему классу из всего, что было и из всего, чего вовсе не было!

Советский характер, социалистическая трудовая общность и волшебная сила

идей марксизма-ленинизма позволяли сделать из ничего всё, из никого – всё, причём, так добротню, что дай людям на эту же работу в сто раз больше времени и материала, хуже бы получилось. Диалектическая оправданность тяги нашего народа к авралу, к преодолению непреодолимого и свершению рядового, обыденного для советского трудящегося героизма именно в состоянии полной безысходности – это драгоценное клеймо, поставленное на социалистическую действи-

тельность калёным драгоценным металлом. Таким драгоценным, какой может быть только у Великой коммунистической партии.

Ни днём, ни ночью, ни утром и вечером не останавливались станки, пылали раздутые мехами от всей души угли в кузне, звенели молоты по наковальням, шипели паяльные лампы, трещали искрами электроды электросварок, визжали пилорамы, стонали электродрели и скрипели, сдаваясь гаечным ключам, огромные крепёжные болты. Люди падали от перенапряга, кого-то рвало от передозировки разнообразными ядовитыми дымами, ранились в кровь руки, от усталости скрючивались и немели пальцы, темнело в глазах и к некоторым на время прилетали потусторонние галлюцинации.

Но всё это, со стороны буржуазных стран глядя, казавшееся диким, глупым, нерациональным и противоестественным, было нашей формой правильной героической жизни, которая к началу утвержденной сверху трудовой кампании выводила измотанный, побитый, обожженный и похудевший народ к полям, которые ждали и были беззаботно уверены в том, что завтра с утра они заполнятся всем, великолепно подготовленным к труднейшей работе в жутких грязях, топях, промоях и прочих ужасах весенней суглинистой и солончаковой целинной земли.

Возможно, самой земле этой и не нужны были жертвы человеческие и ежедневные подвиги, преодолевающие всё. Но советские люди без подвигов и полной выкладки последних сил свою жизнь свою трудовую считали бы унылой и недоброй.

Но что хорошо – ни жизнь сама, ни власть могучая, никогда таких печалей своему народу не доставляла...

Глава шестнадцатая

Все названия населённых пунктов кроме города Кустаная, имена и фамилии действующих лиц изменены автором по этическим соображениям.

Природу никто не оповещал о том, что первое апреля – день у людей особенный. Обманывать надо в шутку всех подряд, хохмы всякие друг другу подсовывать и розыгрыши. У природы от высших сил задание на все времена года и на день любой одно было – всё делать всерьёз, как положено

и определено тысячелетиями. Потому первое апреля текло ручьями по улицам, топило снег солнцем почти горячим на просторах полевых, создавало повсеместно грязь непроходимую и выковыривало из млеющей под тёплым ветерком земли ростки серых, крепких стволиком травинок.

А население дурило друг друга изошренно. С яркой весенней выдумкой и добротным целинно-полевым деревенским юмором.

Игорёк Артемьев не стал мелочиться, а запустил с утра пораньше в народ достоверный, услышанный по радио сразу после гимнов приказ о присвоении совхозу Корчагинский звания города в связи с огромными трудовыми успехами, о начале строительства в совхозе пятиэтажных домов, завода шампанских вин и фабрики по производству мягких игрушек на тысячу рабочих мест.

– Как же я не слышал такого? – поразился Данилкин. – И обком партии молчит. Не совсем, конечно. Про посевную каждый день раз десять долдонят. Но насчёт фабрики и завода шампанских вин ничего подобного не намекали. Закрутились сами перед севом. Забыли. А ведь это переворот в нашей жизни! Нет, революция! Буду пробиваться к заворготделом. Уточнить надо, когда нам готовиться. Видно, после посевной уже.

– Я раньше гимнов проснулся!– кричал Кравчук в толпе обсуждающих новость возле конторы. – Первый даже слышал наполовину, но потом, правда, в сортир побежал. Мог пропустить.

Все остальные проснулись позже и в новость почему-то поверили легко.

– Давно пора, – жарко радовалась Нинка Завьялова, продащица. – У нас как раз почти тысяча баб. Ну, вместе с мужиками, которые как бабы. Не хуже нас, то есть. Задолбалась я за прилавком танцевать перед каждым. А тут какое благородное дело нам дают! Детишкам радость доставлять. Белочек шить, зайчиков и, наверное, слоников. Это ж какая прелесть для всех – не в грязи по колено шастать, а под люминесцентными лампочками сидеть на мягких стульчиках и выкройки рисовать!

– Хрень всё это, – мрачно сказал Валечка Савостьянов. Он, похоже, тоже помнил про день смеха. – Артемьев ляпнул эту чушь и на МТС пошел. А там его насмерть бочкой от бензовоза пришибло. Лёха Иванов её тельфером на тросу снимал, а Игорек как раз под ней шел. Трос оборвался. Старый был тросик. И... Сейчас Игорёк в морге на вскрытии, а завтра хороним. Так что, никому никуда не уезжать.

Женщины заплакали. Мужики закурили.

– Закопаем с почестями, – сказал Олежка Николаев. Видно, не вспомнил про народный праздник. – Он хоть и придурок, но зимой, в холод жуткий много хорошего сделал для людей. И вообще – работал Игорёк на любом фронте, не жалея себя. Я в «Альбатросе» оркестр закажу и венки хорошие в городе.

Было ещё много всяких разных хохм и небылиц, в которые все вляпались, как в правду. В основном подкидывали их Чалый, Савостьянов и Кирюха Мостовой. Шутки и розыгрыши были беззлобные и все принимали их всерьёз. Ни с кем ничего не случилось, но верили все обманам смешным не потому, что в Корчагинском подряд – одни дураки лопухие. Нет. Никто просто не вспоминал так быстро, что первое апреля должен быть обдурёж сплошной, народом придуманный и им же узаконенный. Потому, что в головах у каждого был колом всажен роковой и неизбежно набегающий на совхоз день пятого апреля. Первый день посевной. Всё, что происходило до её начала, сметалось на второй, пятый и десятый планы. Про первоапрельский непорочный обман вспоминали чаще после работы, поздно вечером. А многие не успевали воскресить его в памяти по причине круглосуточной сварки, резки,ковки, перетаскивания и укрепления

деталей, что доводило до полного иступления и ничего в головы не лезло, кроме желания успеть к утру пятого числа и хоть раз за пару дней прикорнуть где-нибудь в уголке на полчаса

Игорёк Артемьев помогал всем подряд на МТМ, бегал раз десять в магазин за водкой для механиков, видели его все, но про то, что завтра его надо хоронить, никто уже и не помнил. Много забот поважнее было. Успеть вовремя начать посевную – одна забота, вместившая себя как матрёшка все остальные, попутные

К двенадцати дня Айжан Курумбаева привезла на собственном Газ-69, подаренном обкомом за труд ударный, экономиста-счетовода из райцентра. Его отдали на посевную пока. А если понравится он Данилкину, а ему – Данилкин, то и пусть живёт в Корчагинском. Райцентр не против, счетовод – тоже.

– Еркен Жуматаев, – пожал новый счетовод-экономист руку директору. Раньше они не виделись. Айжан постояла минут пять в дверном проеме, убедилась, что лицо Данилкина просветлело и озарилось удовольствием, да потихоньку и ушла.

– Да... – произнёс Данилкин ласково. – Очень, очень рад!

Как же тебя отпустили к нам, Еркен? Ты ведь в райсельхозуправлении – фигура! Один из самых-самых!

– Ну, не то, чтобы уж прямо так, – стал смущаться Еркен. – Но, вроде, не жаловались. Так ведь там я – рядовой экономист. А тут буду главным, да?

– А как же! – воскликнул Данилкин. – Самым что ни на есть главнейшим!

И дом мы тебе приготовили начальственный. С обстановкой. Двор большой. Можешь кур развести, коз, кроликов. А насчет работы – на тебя надежда огромная. Я-то не шуруплю в экономике вашей. Ну, болван, проще говоря. Бывший учитель географии. На тебя надежда, дорогой. На одного.

Еркен, счетовод-экономист, ещё раз для порядка и соблюдения субординации смутился. – Да вы не переживайте, Григорий Ильич. Совхоз как был передовым, так и будет.

– Оно-то, конечно... – засуетился Данилкин, директор, и побежал к шкафу. Достал «столичную», стаканы и с утра порезанную в столовой колбасу. – Давай за знакомство и новую твою должность.

После третьего стакана они сидели у окна, глядя на ручки,

режущие как ножами дорогу, и пели песню. Каждый свою. Еркен казахскую народную, а Данилкин мычал про подмосковные вечера. Но всё равно получалось складно и общность директора с экономистом после второй бутылки и родилась здоровенькой и окрепла насовсем. Как вроде и была всегда.

– Но бывает, понимаешь, не хватает нам семян тонн пятнадцать-двадцать. И купить уже не у кого и не на что, – печально вспоминал Данилкин. – А у нас же как! Приказ – засеять все гектары. Не выполнишь – снимут в лучшем случае. Посадят – в худшем.

– Вот я и вижу, что вы не экономист! – обнимал Данилкина Еркен. – У экономиста хорошего всегда семян хватает. А не хватает, то в шею гнать этого экономиста. Не умеешь считать – работай сторожем! Верно я мыслю?

– Да, да, очень верно, – обнимал нового счетовода директор. – Но потом-то на этих гектарах не вырастает ничего. Вот беда! Проверка приедет, а там нет колосьев. Опять – или снимут, или посадят.

– Я вам как экономист учителю географии скажу, – закусывал колбасой очередные сто пятьдесят Еркен Жуматаев. – Чувствуете, что не хватит семян, то оставьте пустыми такие места, куда никакая комиссия без помощи Аллаха не доедет.

А Аллах помогает в первую очередь несчастным, бедным и обездоленным. Комиссия из областного управления может быть бедной и обездоленной? Да не смешите меня все!

И он увлеченно засмеялся. Надолго и с большой охотой.

– Я, бастык, хороший экономист. Молодой, но хороший. Мне надо, чтобы я рос и выше! – Еркен перестал смеяться и сказал задумчиво. – Ну, года три я с Вами поработаю. А дальше мне путь лежит в город. В областное управление. Вот скажите мне, ата, возьмут в управление счетовода-экономиста из совхоза, который план не перевыполняет, рекордов не даёт и орденов, медалей, грамот и премий не получает заслуженно. Не, бастык, не возьмут.

– Так нам сейчас агронома в аренду дал «Альбатрос», – снова погрузил себя в печаль Данилкин. – Ух, ушлый агрономиче. Всё считает-подсчитывает. Каждый килограмм семян, готового зерна, пропавшего, перегоревшего в буртах. Страшный человек. Не подпишу, говорит, ни одной бумажки, если она с моими показаниями не сходится.

– Эх, ата! Григорий-джан! – улыбнулся экономист новый. – Не родился куда такой агроном, который считает лучше меня, экономиста. Его дело главное – землю шупать. Как любимую женщину. А как нам с ним друзьями остаться – это

вы, бастык, доверьте мне самому. У меня все друзья. Врагов не бывает.

– Так мне же потом окончательный рапорт подписывать, – трезво, будто и не выпил литр, сказал Данилкин. – Цифры в нем честными должны быть!

– А я тоже буду подписывать. И агроном, – экономист трезветь не стал, но блеснула в глазах его надёжная и заветная для Данилкина искорка. – Так что, честнее отчетов, чем у нас не будет на целине. Может, только у нашего ЦК перед Московским ЦК будут. Но это меня не обидит. Они же Басбастыки!

У них всё вообще – самое честное, справедливое, правильное и мудрое. Да ведь? Так же?

– Ну! Что ты! И в голову не придет усомниться! – Данилкин повеселел. – Не зря мне тебя одного рекомендовали, как самого честного и принципиального экономиста. Значит, поработаем во имя великих свершений и трудовых подарков Родине?

– А то как же! – подхватывал Еркен. – Мне расти надо, агай! Я молодой. Тридцать пять мне. Но это уже тот возраст, когда надо руководить начинать. Иначе – жизнь непутевая

пойдет. Умный человек руководить должен. Как Вы, бастык!

Они снова выпили, опять обнялись и запели. В этот раз оба «Подмосковные вечера»

А кто вообще встречал хоть раз довольных, счастливых, можно сказать, людей, которые любили одинаково и работу, и Родину свою, и себя в ней, да чтобы люди эти в радостную минуту не запели эту великую и общую для всех советских трудящихся песню? Да никто и никогда!

Четвертого апреля к ночи движение живых и металлических тел в сторону полей напоминало крупнейшую войсковую наступательную операцию, в которую только воздушные силы не включены были. С тем же, что и танковый, грохотом гусениц – к уже распаханном и пока ещё нетронутым, отдохавшим с осени полям, шёл, освещая путь себе сотнями фар и прожекторов, полк тракторов. Нет, не полк. Дивизия шла. Тракторов было много. Даже сами трактористы не знали, сколько их. Ну, своих было сорок три. Да ЦК и обком прислали корчагинцам три с лишним десятка гусеничных монстров «Сталинец» из южных районов республики, где отсеялись уж недели две назад. Трактора приезжали поездами, прикрепленные как танки к открытым вагонным

площадкам. На станции их перегружали в большие грузовики и развозили по совхозам. Самих грузовиков, которые зерно подвозить должны к сеялкам, тоже не хватало ни в одном совхозе. Нет, машин было не так уж и мало у любого хозяйства. Но на собственных, потрясающих размерами целинных территориях, возились бы эти грузовики не десять дней, отпущенных сверху на посевную кампанию. Месяц бы у них на это ушел, не меньше. Тогда и урожай местами созревал бы почти зимой. Ну, под первый снег попадали бы колосья точно и он легко укладывал бы их на землю, ставя в жуткое положение комбайнеров и народ совхозный. У народа в таких случаях не было другого выхода. Только руками добывать колоски из-под первой пороши. Поэтому и на посевную и на уборочную тракторов, грузовиков, сеялок, плугов, борон и другой техники, помельче которая, нагоняли со всех сторон, где уже дело было сделано, сюда, в целинные края.

На поля, где краёв-то как раз без бинокля и не видно было.

Приезжали крепкие, ладненькие и небитые жизнью солдатские машины, грузовики из самых известных казахстанских автоколонн, трактора колесные – МТЗ-80 «Беларусь», отработавшие на более мягких южных полях. Целенькие, не помятые рассыпчатой нежной пашней юга гусеничные гиганты ЧТЗ «Сталинец», Т-100, да ещё трактора поменьше,

но тоже «монстры» – ДТ-75 и ДТ-54. Даже первые «Кировцы» работали. По одному-два в хозяйстве.

Вот это была техника – «Кировец»! Для этого, похожего на желтую песчаную гору могучего трактора с шестью огромными колёсами, не было вообще никаких препятствий. Один такой дали лучшей в области трактористке из корчагинского Айжан Курумбаевой. И она без особого перенапряга давала в день по три нормы. Даже сравняться с ней мужики не могли, как ни пыхтели, а чтоб обогнать – пустой номер вообще. Как ей это удавалось – даже сама Айжан внятно объяснить не могла ни своим, ни командированным, ни корреспондентам многочисленным со всего Союза, которых тянуло к ней как мух на мёд.

– Да езжу как все вроде. Плуги да бороны одинаковые у нас, – Айжан всегда улыбалась искренне и широко корреспондентам. Красивая, молодая, с тонким загаром и добрыми глазами. – Как-то оно всё само по себе выходит, айналайын.

В общем такая картина рисовалась людьми, техникой и природой вечером перед началом посевной. Сгоняли всё к краям клеток ближних и далёких, обстукивали молоточками напоследок, где надо, подкручивали ключами для верности болты разные, замеряли десятый раз уровень масла, солярки

и бензина, традиционно поругивались полушутливо с водителями бензовозов и шоферами машин с цистернами солярки. Ну, чтобы не забывали следить, кто над кабиной желтый флажок поднял. У кого, значит, горючее кончилось. Фары проверяли на дальний и ближний свет, еду, на три-четыре дня припасённую, и фляги с водой укутывали слоями тёплых одеял, которые придерживали и жар от моторов и солнечное апрельское безумство. Ночевать домой с дальних клеток никто не уезжал. Ночевали под тракторами и машинами на шкурах, купленных у животноводов несколько лет назад.

– Чалый! Слышь, Серёга! – кричал Данилкин. – Поехали на зерносклад сгоняем. Посмотрим – сколько семян недогрузили, а заодно ещё раз проверим как зерно продули горячим воздухом. Не дай бог головня проснется уцелевшая или гниль корневая пойдет от проростков. Это ж как минимум – два-три центнера на гектаре угробит.

– Да я в пять часов смотрел, Ильич! – подошел Чалый. Руки в масле. Здраваться не стал. – А вот с агрономом надо бы отдельно потолковать. То, что он сегодня на собрании говорил, больно мудро. Привыкли в «Альбатросе» этим долбаным научным языком махать. Лично я не понял ни хрена половины. Где он, кстати?

– Самохин! Вова! – Данилкин ладошки рупором сложил

и закричал, поворачиваясь по оси, так, будто тонул и мечтал, чтобы именно Вова его вытащил на сушь.

Самохин появился как привидение. У Чалого было даже предположение, что он сплыл сверху, из пустоты.

– Ты попроще скажи мне, учителю географии, что мы имеем за землю на текущий посевной сезон. А то на собрании ты авторитет народу показывал. Как учёный всё доложил, – не удивившись тому, что поразило Серёгу, сказал Данилкин. – А нам, двум дуракам, по простому поясни то же самое, будь ласка.

– Короче, – Самохин Володя поднял вверх указательный палец. – Землю вы увлажнили снегозадержанием на пятёрку. Я замерил. Так аж по триста кубометров на гектар влаги накопилось. Это просто – ого-го! Хорошо – не то слово. Но есть и плохие новости. Которые называются проблемами. Их будем героически решать. Преодолевать непреодолимое, короче. Много размывов глинистых, ям просевших, воды верховой и грязи много. Короче, трактористам и тем, кто на селянках будет да на боронах сидеть, я заранее выношу свои соболезнования. Хотя все останутся живы. Но только, короче, на половину.

– Чё, совсем поганая земля? Не посеём без приключе-

ний? – помрачнел Чалый Серёга.

– Ну... – Володя-агроном закурил, дал по папироске и директору с Серёгой. – Посеем, конечно. Но примерно так, как бабы рожают. Удачно, короче, но в муках! Больно уж грязь адская. Вот в чём, короче, плюха.

– Сей в грязь – будешь князь! – торжественно заключил Данилкин, директор. – Народная мудрость. А народ живёт тысячи лет. Раз такая поговорка не померла, не затерялась, значит, верная она. Надо только глупостей на поле не творить. Аккуратно надо и пахать, и сеять, и боронить. Ну, всё. Разошлись. Готовимся к броску!

И вскоре все стихло. Не горели фары, никто песен не пел и самогон не глотал. Молчаливо стало в степи перед бурей трудовой. Так тихо стало, как перед большой и опасной грозой. Только воздух низкий носил по округе запахи земли сырой, ждущей плуга и лемеха, да смешавшиеся запахи бензина и солярки, которые одни только и могли подтвердить, что здесь, в темноте, затаилась до утра армия. Трудовая. Смелая, умелая и удачливая.

– Зря всё вспахали с осени, – Данилкин, директор, курил

в постели и сам с собой разговаривал. Софья Максимовна в другой комнате спала с открытой форточкой и дым её не будил. – Говорил же осенью в управлении, что оставлю стерню. Её и отвалим. Она ж воду держит и сольёт с плуга по-глубже. Нет же, бляха. Отказали. Поднимай осенью отвал и всё тут. Пусть влаги больше войдет. Ну и что? На поле теперь вода одна. Хоть на лодке плавай. Как ровнять да прикатывать, хрен поймёшь. Да ещё обком торопит. В жизни с пятого апреля не сеяли. С первого мая – самое то. Но, они ж говорят, что весна сейчас ранняя, тёплая. Сейте, говорят с апреля. Больше шансов, что до снега уберёте. А как сеять? Не подсохло ведь совсем поле. Грязь – только свиней в ней купать. Ну, чего теперь? Дня три на закрытие влаги уйдёт. Игольчатые бороны, слава богу, есть в достатке. И прикатать есть чем. Потом по свеженькому пойдём сразу культиваторными лапами, грунт поднимем неглубоко и посеём лентой на три, максимум пять сантиметров глубины. Сеялки вроде подготовили нормально. Не должны забиваться дозаторы... Ну, даст бог день, даст он и...

На этой мысли внезапно отключился уставший Данилкин. Успел только папироску воткнуть в пепельницу на стуле. И уснул с надеждой. И снов не видел.

Жена Соня подняла его в шесть часов.

– Светать сейчас будет, – шепнула она Григорию Ильичу на ухо. – Ты бы шел уже. Без тебя же не начнут. А надо пораньше. В этом году трудно сеять будете. Чую так.

– Накаркаешь, блин, – зевнул Данилкин. – Нормально всё пойдет. Продумали с агрономом позавчера всё до последнего пустяка неожиданного.

Он собрался и ушел к первой клетке. Вова Самохин, агроном, уже курил у края поля. Стало светать и Данилкин разглядел, что рыбацкие сапоги его, до задницы поднятые, целиком в грязи. Сверху с сапог тонкими виляющими в грязи струйками текла к земле вода. Видно, что ходил на пашню. Проверял.

– Привет, – дал ему руку директор.

– Рации на всех тракторах есть? На дальних клетках услышат нас? – спросил Самохин и руку пожал.

– Есть. Услышат, – Григорий Ильич подошел поближе к пашне. Рассвело уже прилично и пару километров глаз трудно, но прихватывал. Отвернутая плугами земля блестела как отдраенные ваксой и начищенные офицерские сапоги. Это так ловила первые солнечные лучи вода на пахоте.

– Короче так! – командирским голосом заявил агроном Самохин. – Через десять минут по всей площади всех полей запускаем трактора с игольчатыми боронами. У нас, значит, четыре тысячи гектаров, так?

– Четыре с половиной, – мрачно ответил Данилкин, директор. – И неучтёнка спрятанная, клиньями нарезанная, есть. Резервная. Почти пять тысяч получается.

– Короче, чтобы в десять дней обкомовских уложиться, нам надо выравнивать в сутки по четыреста гектаров, закрывать по влаге и следом сразу сеять, – Вова Самохин три раза больно стукнул себя по шее. – Но я и во сне ни разу не видал такой скорости обработки. Ну, сто гектаров ещё можно сделать. И то, если до полусмерти вкалывать. А на такой почве – больше пятидесяти, короче, и не закроешь по влаге, не подровняешь, не прикатаешь и не посеешь. Будем по этим причинам обкому и управлению гнать «балду». Короче, навешивать им лапшу на уши будем. Другие есть предложения? Звонками, Гриша, телетайпом, как хочешь, делай, но чтобы мы работали, короче, дней двадцать пять, а они получили рапорт, что совхоз отработал посевную за десять суток и три часа.

– Так проверить же могут по ходу, – Данилкин утер пот

со лба. – Считай, партбилет сразу на стол и в сторожа вместо должности заворготделом.

– Их в обкоме человек сорок, да в управлении столько же, – улыбнулся Вова Самохин, агроном. Щёку потёр и плюнул под ноги. – А у нас в области почти двести совхозов. Тебя часто на посевной проверяли? Или на уборке?

– Один раз. В пятьдесят седьмом. У меня полторы тысячи гектаров-то и было тогда, – директор засмеялся. – Так по полям и не ездили. Пришли, посмотрели первую клетку возле дороги, ближнюю. Потом все пошли в баню. Потом домой ко мне. До утра пели и анекдоты травили.

– Короче, я объявляю старт, – сказал Самохин, агроном. – Или лучше ты давай! Директор – это солидно, увесисто.

Данилкин трижды сплюнул через левое плечо и достал из кармана рацию.

– Всем, всем, всем! – торжественно прокричал он в шипевшую, перекрытую пластиковыми полосками, дырку с мембраной. – Даю обратный отсчет. Десять, девять, восемь, семь, шесть, пять, четыре, три, два, один! Вперёд, родненькие мои! Трудно будет. Тяжело. Но честь ударного совхоза нашего мы не имеем права уронить! Во имя процветания Ро-

дины нашей! Ради чести своей и совести! По коням, ребятаки! Верю в вас! С богом! Начали!

– Веришь в Господа, Григорий? – серьёзно спросил Володя Самохин, агроном. – Я никому не скажу.

– Да мне по хрену. Скажешь – не скажешь, – окрысился Данилкин. – В кого и во что ещё верить? В КПСС и Политбюро? Вот сам и верь. А в Господа дед мой верил, прадед. И жили, всё у них ладилось. И у меня ладится. А отец мой смеялся над Богом. Кирпичником был. Дома лучшие в Кустанае строил. И верил в Сталина, в социализм и в красное знамя. Спился и помер, царство ему небесное.

Минуту молчали они в тишине. И в одну секунду взорвалась тишь ранняя степная. Воссияла земля целинная под сотнями мощных фар, задрожала будто в лихорадке, взревела нетерпеливыми голосами дизельных движков и охнула громко, радостно, принимая в лоно своё огромные машины, огнедышащие, извергающие синий дым из труб выхлопных. И плыл тот дым над степью перепаханной, то как туман, то как завеса дымовая, скрывающая от сторонних взглядов и ненужного, нехорошего сглаза, сражение бескомпромиссное. С природой строптивой. Хотя сражался народ целинный с землёй давно приручённой, хоть и непокорной, только во имя её славное и любви к ней ради.

Никого почти не осталось у дороги из села, которая упиралась в первую полевою клетку. На площадке длинной и широкой, самообразовавшейся от колёс, ног, гусениц, только окурки остались, куски тряпок промасленных да клочки скомканных газет. Бродили по площадке хмурые, молчаливые и очень озабоченные мужчины с рациями в руках. И в хождении их не было ни порядка заметного, ни смысла. Все курили, шептали что-то под нос, поглядывали мельком на пашню. Кто-то в даль врезался острым взглядом, кому-то этого и не надо было. Оглядывали они ближние клетки, по которым ползали тракторные сцепки. Хитрая штукавина – эта сцепка. В первые целинные годы руководству страны не думалось о том, чтобы напрямч учёных, которые в свою очередь энергично зашевелили бы извилинами одарённых и переполненных знаниями мозгов своих. А приказали бы им, да, может, и выродили бы они быстренько для работяг, ползающих по земле родной, но не везде податливой, сложные механизированные комплексы, соединенные в единую конструкцию. Но руководству в то азартное, размахистое время хотелось перепахать как можно больше земли и за счет этого, главным образом, увеличить число действующих полей, с которых можно собирать осенью и пшеницы в десятки раз больше, и овса, проса, гречихи. В общем, всего побольше.

Урожайность невысокая от земли, которую ещё не раскусили по составу и возможностям ни агрономы, ни пахари? Так и ладно. Не беда. Потому как посевной площади стало всюду в сотни раз больше, то и с малых урожаев продукта выходило всё одно – много. Глупо даже сравнивать с тем, что имели в урожаях до целины.

Потому дело до новой техники и плодovitых технологий далеко не сразу дошло. Потому посев в конце шестидесятых ну, может, на малость малую отличался от того, какой был после сороковых. Так, попридумывали небольшие и несущественные изобретения, быстренько командами вписали их в крестьянский труд и успокоились на том. Теоретиков-подсказчиков, которые знали, как сделать труд сельхозников не испытанием, а спокойным продуманным делом имелось в государстве с избытком. Но их притормаживали. Не время сейчас на скаку лошадей менять. Всё переделать – это не год займёт, не пять. А миллиарды пудов нужны сейчас. Весь мир смотрит на размах советский, на могучую поступь вперед и вверх страны-победительницы. Не падать же лицом чистым в грязь перед мировым империализмом!

Поэтому на посевах сцепка, скреплённая болтами, пружинами, шнифтами и толстым прутом стальным, смотрелась внушительно, но работала – как кому повезёт. Сперва трактор ставили. К нему, если поле с осени вспахали, прицепля-

ли бороны. По три-четыре штуки. Они были тяжелыми и зубьями выравнивали отвалы пахотные, делали пашню ровной. Правда, на очень сырой земле их железного веса не хватало. Поэтому на каждую борону сажали по углам четыре человека. Женщин, в основном. Мужики более тяжелыми делами заправляли. Потом шла линейка культиваторов шириной под десять метров. Они в пашне прорезали угловатые канавки примерно на пять сантиметров вглубь. И вот только за ними зацепляли сеялки. Они тоже держались на одной скрепке, но ехали на высоченных колёсах. Не в линейку единую, а в шахматном порядке. Одна впереди, а две по бокам – сзади. Но это ещё не всё. За сеялками ехал трактор, позади которого тащилась рама с крутящимися валиками, которые и землю, раздвинутую культиватором, засыпали вместе с семенами, а заодно притаптывали почву. Влагу в ней закрепляли и давали зерну стимул к прорастиванию через небольшую толщу, увеличивали условия для образования корневой системы. Но чаще, чтобы трактор, сзади ехавший, не вдавливал семена глубоко гусеницами, валики притаптывающие цепляли позади сеялок на ту же ширину. Во, какой эшелон тащился за «паровозом» трактором! Ну, ясное дело, без приключений такая самоделка кататься по пахоте, да ещё ямами изрытой и размытой жидкой грязью, не могла. При всём огромном желании и эфемерных надеждах людей.

Пусть выдохнет читатель, не знакомый ни со старыми системами хлебопашцев, ни с новыми. Которому эти системы на фиг не нужны, как и всякие другие познания. Чем плуг, скажем, отличается от лемеха, культиватор от отвалов, а полевые доски от плужных лап. Не надо этого никому знать, кроме агрономов, да работяг полевых. Остальным хватает очень важной информации о том, что из зерна потом мелят муку, а из муки хлеб пекут, который можно есть сколько хочешь. А тот, что уже не хочешь, или не влезает он в тебя от сытости – выкинуть с объедками послеобеденными без каких-либо волнений душевных.

Не знаю. Может и в первый десяток лет целинной эпопеи в каких-то районах или совхозах всё было просто здорово. И техника была импортная, с умом сделанная. И хлеборобы выделялись необычайным умом и сообразительностью. Да с землёй остальным везло. Очень плодородная доставалась кому-то почва.

Замечательные покупали они семена да удобряли их строго по науке. И с вредителями бились, имея лучшие в мире гербициды. Слышал я краем уха, что были такие хозяйства. Но, блин, за много лет путешествий по целине не сподобил меня Создатель всё это благолепие лично увидеть. Видел я только то, о чём пишу сейчас. Может, просто мне не повезло

и видеть мне привелось лишь тяжкий труд, благополучно завершавший дело не закономерно усилиям, а вопреки невозможному.

Так что, пусть простит меня читатель за описание неказистой трудовой и бытовой жизни крестьян, ибо искренне любил я всегда и землю нашу, людей с той земли уважал за мужество жить. И к власти советской вражеских чувств не имел. А очернить ту действительность даже на малость несущественную – нет у меня цели.

– Э-э-эй! Ё-ё-ё! Да, мать же твою! Стой! Лёха, стой, пада! – неожиданно перепугали Кравчук и Савостьянов степь, и ворон на пашне, и даже с десяток рабочих, которым не повезло, да с десяток, находившихся неподалёку. Огромный трактор «Сталинец» правой гусеницей врюхался в размытую, незаметную из кабины, длинную и глубокую трещину, залитую водой и размешанной в ней грязью.

Он сначала просто завалился на бок, но Лёха Иванов, хороший тракторист и механик МТС, не догадался с первых секунд, что плохи дела его. Он продолжал давить на газ и рукояткой правой пытался направить затонувший трак на верх пашни. Из-под обеих гусениц грязь стала вылетать большими-

ми и мелкими кусками. Они свистели над головами тех, кто сидел на боронах, стоял возле дозаторов сеялок и подбегал с разных сторон к сцепке, как пули и маленькие снаряды.

– Леха, не газуй. Глуши! – Валечка Савостьянов по скользкой левой гусенице, поднявшейся над землёй на метр, заполз в кабину, крепко тряхнул Лёху и заглушил движок.

– Да ядрёна ж ты, мля, в корень, паскуда! – облаял Лёха Иванов промоину, в которой утопшая как в болоте гусеница даже не просматривалась. – Кинем, может, что-нибудь под трак? Глядишь, вылезу.

Чего мы кинем, придурок? – спокойно сказал Толян Кравчук, чей трактор шёл чуть левее и впереди. – Тебя только что самого если. Нет же ни хрена.

Подошли женщины, которые на боронах сидели. Они успели соскочить в грязь, потому как и бороны, и культиваторы, а, главное, сеялки тоже накренились вправо. Сцепка была жесткая, на прутах, уголках стальных, да на пружинах. Потому и пошла она наискось вслед за трактором.

– Фуфайки наши бросьте под гусеницу, – предложила Маша Завертяева с зерносклада. Нас тут шестнадцать баб на боронах. Много фуфаек. Если ещё свои скинете – вообще

подстилка получится плотная.

Кинули под трак спереди двадцать две фуфайки. Мужики тоже разделись.

– Хана шмутью. Данилкин пусть новые даёт, – ехидно произнёс Артемьев Игорёк. Он у Кравчука Толяна на сеялке стоял.

– Дам, дам! В штаны не наложишь пока без фуфайки? – Данилкин, директор, и агроном Самохин Вова как маленькие заводные вездеходы доковыляли с площадки до места аварии минут за пятнадцать. – И сапоги кидайте, кто не жлоб. Завтра новые со склада привезу. И фуфайки, и сапоги.

Ну, сапоги бросили в промоину тоже все. Кроме агронома. У него редкие сапоги были. До самой задницы. И застёгивались сверху на животе на две пуговицы. Таких на складе не было. Остались все в тёплых носках, которые промокли мгновенно и пропитались грязью. То есть, стали такими же тяжелыми, как и сапоги.

– Ангина, как минимум, у нас уже есть, – закинул мрачную мысль Валечка Савостьянов. – Ну, может, кому выпадет и воспаление легких.

– Шел бы ты, Валентин куда подальше, – без зла попросил его Данилкин. – Тут пока и без твоего черного юмора про-света не видать.

– Ну, попробую! – Лёха с притопленной стороны влез в кабину, движок завел.

Кравчук Толян по колено в грязи дошел до капота тракторного и наклонился над гусеницей. Рукой отмашку дал.

– Давай, Лёха! Только тихонько, не души педаль! А то зароешься до кабины.

Трактор грубо помурлыкал с минуту, потом взревел, как двадцать быков, которых одновременно кастрировали. Фу-файки, сапоги, грязь и вода улетели далеко за сеялку. Пока женщины, руками помогая себе передвигаться по жиже с комьями земли, добрались до изжеванного траком барахла, и убедились, что надеть это уже не удастся, даже если всё высушить, трактор накренился сильнее и открытая дверь его заскрипела и погнулась.

– Ой, ты! Ух, ты ж, бляха! – закричал Игорёк и, высоко задирая ноги, побежал к сеялкам, которые при очередном рывке сцепки поднялись левым краем и застыли почти вертикально.

Агроном Самохин Володя закурил, папиросу зубами сдвинул, а руками – голову. Зерно, которое лежало в мешках на основе сеялок, сползло на пашню. Мешки местами разорвались, и семена кучками остались лежать на поверхности почвы. Не утонули. Но из дозаторов зерно посыпалось струями, десятками килограммов. Оно образовало на пашне круглую остrokонечную пирамиду. Но с полсотни килограммов примерно рассыпалось под сеялки как попало. Часть сразу затонула. Но пуда два чудом удержалось на земле.

Все застыли. Молча смотрели на беду нечаянную. Оторопь прихватила всех без исключения. Лучше бы гусеница тракторная лопнула и целиком провалилась под землю. Через пару часов привезли бы с МТС другую да навесили. А то, что могли пропасть семена, мысленно все, не только Данилкин с агрономом, ощутили как такую же беду, как если бы от короткого замыкания проводки сгорел бы дотла весь совхоз. После чего и жить бы негде стало, да и не хотелось бы уже.

Глава семнадцатая

Все названия населённых пунктов кроме города Кустаная, имена и фамилии действующих лиц изменены автором по этическим соображениям.

Если из совхоза «Альбатрос» ехать на машине вокруг березового леса, который кто-то из повелителей подземных по ошибке, видно, вытолкнул из земли там, где не положено природой лесам быть, то из машины полей вообще не видно было. Сначала длинный лес мешал, а потом дорога асфальтная, единственная в глубинах целинных, уходила в нетронутую степь. Там, ныряя в овражки мелкие, проридалась она через серую пустошь, чудом не тронутую плугами тракторными.

Не разодранной, живой степи, с сусликами, полёвками и шустрыми тарантулами, гадюками, виляющими меж стеблей перламутрового ковыля, так мало осталось в тех краях, что хоть на экскурсии сюда вози местных целинников. Они уже лет десять, а то и больше, степной простор понимали только как пашню без конца и края или золотистую пшеничную бесконечность. Дорогу через степь к большой трассе, которая привязала Кустанай к Омску и Новосибирску, построил директор «Альбатроса» Дутов.

Сам решил асфальт положить. Разрешения ни у кого не спрашивал. Да никто ему и слова не сказал. Дутов был дяденькой, Москвой посланный. А Москву чтили на целине. Может, конечно, побаивались. Потому и чтили. И Дутов сказал ещё в пятьдесят седьмом на какой-то областной конференции с трибуны обкомовской, что десять тысяч гектаров, положенных его совхозу под распашку, трогать он не будет. Объяснил так примерно:

– Мы с таким производственным азартом зерна дадим очень много. Но родной природы у вас, кустанайцев, больше не будет. Кто из коммунистов за полное уничтожение эндемика, природного достояния, которому миллионы лет? Прошу поднять руки.

Вот и лес остался. Степь ковыльная. Ястребы летают, кобчики, коршуны. Зайцы бегают степные и перепелки делают вид, что летают. Ковыль живьём любой местный может как в музее посмотреть и потрогать. Дутов в живых уникальность казахстанскую оставил. Мужик тамбовский.

По асфальту машина совхозная на скорости долетела до поворота к хозяйству имени Корчагина, а дальше уже по просёлочной. По изможденной тракторами, комбайнами и грузовиками грязной и мокрой почве, которую приходилось считать тоже дорогой. В машине сидели шофер ГАЗ-51 Ли-

хобабин Анатолий и Мостовая Валентина, бывшая жена Ки-рюхи и снова таки бывшая любовница и несбывшаяся супру-га Алипова Игоря, главного дутовского агронома. Дядя Федя выкроил для неё грузовик, с посевной на полдня взял, чтобы Валентина забрала в Корчагинском трудовую книжку, проф-союзный билет и карточку. В кузове лежали два чемодана, куда Мостовая собрала всё, что сопровождало её жизнь в по-следние пять лет. Как оно вместилось в большие, конечно, чемоданы – всё равно странно было. Получается – не нажила почти ничего Валентина личного за жизнь с Кирюхой. Ну, да и ладно. Жена Алипова всё в больнице лежала областной, сам Игорь Сергеевич больше ни разу к ней не приходил. По-тому, что, во-первых, повинился уже, а во-вторых, посевная его проглотила и в посёлке его никто не видел. Ночевал с кем-нибудь в машине или в тракторе на пахоте. Зашла она в отдел кадров, там написали ей всё в трудовую, печать поста-вили, а Копанов из профкома сам её документы принёс. По-прощалась Мостовая Валентина только с кадровичкой Ал-лой, с Копановым, естественно, потом села к Лихобабину в грузовик и увёз он её в Кустанай, из которого путь себе проложила мысленно Мостовая на родину, в Свердловск. Но не к матери в город, а в маленький городок Михайловск на юго-западе области. Туда, где кроме живописной красоты уральской, реки Серги и природного парка «Оленьи ручьи» было родное семейное гнездо Урмановых. Там весь род их жил с восемьсот шестьдесят седьмого года. Старики вымер-

ли постепенно, четверо детей Семёна и Ольги Урмановых жить поехали в Свердловск, а через год и родителей забрали. Кроме Зинаиды, дочери младшей, сестры Валиной. До женитьбы с Кирюхой Валентина тоже Урмановой была. Зинка в Свердловск не захотела ехать. Сказала, что родное место кто-то всё равно беречь должен и почитать. Иначе силы праведные проклянут род Урмановых и сгинет он в болезнях и тоске, от брошенной исконной земли идущей. Через неделю Валентина уже пила чай с сушеной брусникой и мятой в Зинкином доме, где отведена была ей большая комната отца с матерью. Муж сестры работал в парке садоводом и Валентину туда пристроил. Так несчастливая целинная жизнь её и приказала долго жить. А превратилась в тихую, добрую, идущую неспешно и ровно. Как время на часах с кукушкой над фотокарточкой отца и мамы прямо напротив пухлой постели Валухиной, набитой лебяжьим и гусиным пухом.

И Алипов и Кирилл Мостовой вспоминались ей только во сне, да и то мельком. А к лету пропали даже в подсознательных ночных возвращениях к недавнему прошлому. Это, наверное, потому, что с каждым днём всё ближе становилось будущее, набирающее покуда в утробе её силы для явления на свет божий.

– Хоть бы это была девочка... – вслух мечтала Валентина, поглаживая теплой рукой живот, который хоть и не вы-

рос пока, но какой-то неуловимой вибрацией сообщал, что внутри постепенно и правильно создаётся новая жизнь. – А и мальчик будет – ничего. Игорем назову.

Слеза, каплей горячей сбежавшая по щеке, только подтвердила, что не прошла любовь к Алипову. И когда она растает, да растает ли вообще – неведомо было Валентине. А посторонним про тайну эту и знать не стоило.

Данилкин, директор, после того как брошенные под гусеницу фуфайки и сапоги, которые сняли с себя все, кто был, вылетели из под трака и распались на рваные фрагменты, записал в блокнот – у кого какие размеры фуфаек и сапог, да сразу и отнес своему шофёру на твердь земную. Через час все уже были в новой одежде. Правда, вместо носок шофер привёз портянки. Но в них даже теплее стало. Пока он мотался за одеждой, все расселись на соседние трактора, бороны и сеялки, носки мокрые сбросили и потому никто не простудился.

Трактор на второй клетке к обеду потерял все шансы вынуть трак из ямы силами своего мотора и волей Лёхи Иванова. Сеялка стояла, задрав почти вертикально левое колесо. Зависли в воздухе культиваторы, бороны, плуг и вали-

ки-прикатчики. В грязи утопилось зерно семенное, из сеялки и мешков рассыпавшееся. А вокруг этой искорёженной конструкции топталось человек пятнадцать рабочих, прибежавших на помощь от ближних тракторных звеньев. Данилкин ходил вокруг, добывая уже седьмую папиросу. Лицо он имел серое от перекура лишнего и взбудораженных нервов.

– Ты, агроном, зерно-то подбери верхнее, да притонувшее. Достать-то можно пока земля не затянула в себя. Подсушим. Главное – побольше выкопать его из грязи. Запасов семенных нет у меня. И покупать не на что.

– Ильич, ты шел бы домой, – Володя Самохин взял его за рукав и повел на землю. – Отдохни. Я позову тебя потом. Мы тут сами пока сладим.

– Не... – Данилкин отряхнулся, грязь с сапог рукой счистил, а руку вытер о траву серую. – Я покуда на шестую клетку съезжу. Там Джакишев Амантай на ДТ-54. Так у него сцепка слабая между боронами и сеялкой. Металл старый. Не порвало бы. Глянуть надо.

Он влез в кабину, махнул шофёру рукой вперёд и Газ-69 шустро, как молодая лошадка, побежал по траве и быстро исчез с глаз агрономовских.

Тогда Самохин Володя вместе с женщинами расстелил брезент-полог от кузова с семенами. Его сняли с машины, которая на пашню ещё не выезжала. Полог расстелили около смешавшихся с водой и грязью семян, которые проще всего было перебросить на брезент. Но вокруг верхних кучек в воде и жиже потерялось зерна, похоже, очень много. Руки окунали в жидкое месиво почти по самые плечи, не видя, нащупывали на дне зёрна, сгребали их в маленькие кучки, доставали их горстями, отжимали воду и складывали в один слой на брезент. За два часа собрали почти все семена. Килограммов сто пятьдесят. На гектар с натяжкой, но вполне могло хватить. Для верности они поковырялись в серой жиже дополнительно с полчаса и добыли неожиданно ещё килограммов тридцать.

– Эй, ладно уже! – утерла грязные брызги с лица рукавом Барышева Галина, учетчица с зерносклада. – Дальше только нырять вниз головой с открытыми глазами. Всё, больше не соберём. Сами и затоптали, видать. Пошли передохнём пятюток минут на траве.

Высоко поднимая ноги, чтобы не накидать жижи в сапоги, двинулись женщины на сушь. Кроме усталости ничего не выражали лица сборщиков. По крайней мере, не было на них ни злости на тракториста, ни печали от потерь. А пропало под водой да в грязи глинистой ну, может, килограммов

двадцать с небольшим. Не так уж много. Терпимо. Без угрозы разорения. Хотя, конечно, жаль было того, что уже под землёй не найдешь. Но и надежда имелась, что и пропавшие тоже смогут пустить ростки, да на волю вырваться к середине мая.

– Чалый пришел! – закричал радостно Валечка Савостьянов. – Сейчас быстро сообразим, как и чего дальше делать.

– Серёга, бляха, ты где шарахаешься? – строго спросил его Игорёк Артемьев. – Тебя не хватает. Надо придумать, как вот это всё поставить ровно. Мы-то сами тут тоже не в карты режемся, но твоих соображений деловых прямо-таки остро не хватает.

Чалый молча постоял напротив аварии, обошел сцепку по кругу и присел на корточки. Задумался минут на пять.

– Так! – сказал он, заправляя штанины в сапоги. – Делаем следующие движения. Толян Кравчук ставит свой трактор слева задом к перевертышу метров за пятнадцать от него. Тянет к нему трос свой и закрепляет петлей за правую дверную стойку, и выводит трос через заднее окно. Стекло надо снять с уплотнителей и отложить в сторонку.

– А я что, не буду тянуть Лёху? – обиделся Савостьянов.

– Валечка ставит свой трактор правее кравчуковского метров на десять. – Чалый Серёга пошел на место, где надлежало быть Валечкиному трактору – Трос с петлей он кидает снизу под капотом, на капоте петлю затягивает и конец троса тянет к своей подвесной и крепит намертво. На малых оборотах по команде они едут вбок от Лёхиного утопленника и поднимают трактор ровно над землей. Лёха на левой гусенице крутит влево и правым траком встаёт на твёрдое. Дальше займёмся всем навесным.

– Дельно сообразил, – похвалил Серёгу Толян Кравчук. – Данилкина заберут в обком, иди директором. Я с обкомом договарюсь.

Посмеялись минутку. Потом Кравчук и Савостьянов с помощью окружающих за полчаса справились с тросами. Дернули потихоньку. Но не желала земля весенняя так быстро сдаваться хитроумному Серёге Чалому. Трактора Савостьянова и Кравчука надрывались, но буксовали в грязи и с места почти не сдвинулись.

– А! Понял! – Чалый махнул рукой. – Стоп! Сейчас мы поставим ещё трактор. На поле поставим. Перед пашней. Он потянет ваши машины, Тогда вы сдвинетесь и Лёху выдернете. Закревский, Миха! Давай, гони свой на сушу. Два троса

цепляйте за передки кравчуковского и Валюхиного.

Закревский отцепил навесное оборудование, налегке выбрался на твердь и они вчетвером приладили тросы к его трактору сзади.

– Ну, Валюха, сейчас он у нас как пробка из шампанского выпрыгнет, – крикнул Кравчук Толян. Расселись. Чалый встал перед первым трактором, на глаз проверил траектории натяжения и махнул рукой.

С суши Закревский легко помог двум тракторам начать двигаться по грязи и уже через пять минут аварийный трактор Иванова Лёхи стоял ровно. Правая гусеница не лопнула и висела над ямой, в которую падала грязь и лилась вода с траков.

– Ура! – закричала вся публика и пошла по своим тракторам и сеялкам.

Теперь оставалось вернуть к пригодному состоянию всю сцепку и можно было двигаться дальше по полю бескрайнему к дальнейшим трудовым показателям. И двенадцать человек, комплект рабочих на Лёхиной сцепке, плюс агроном и Серёга Чалый, отряхиваясь, сморкаясь и кашляя, вразвалку пошли к прицепному комплексу. Потому как не вразвалку

ку по такой почти болотной жиже мог пробежаться только Иисус Христос, который и по воде, говорят, ходил. Но, во-первых, в него никто не верил, а, во-вторых, вразвалку было идти намного смешнее, что очень положительно влияло на трудовой настрой.

– Сперва оттащим в сторонку брезент с семенами, – приступил к работе командир полевых работ, агроном Самохин. – Чтобы не задеть сеялкой. Сейчас будем всю цепочку прицепную на место возвращать.

– Я пойду дерну трактор влево. Чтобы правая гусеница от ямы ушла. – Иванов Лёха влез в кабину с левой стороны, попробовал прикрыть гнутую правую дверь. Не получилось. Он дернул трактор одной левой гусеницей и правая сама опустилась на пашню.

– Давай теперь бегом сюда! – крикнул Чалый трактористу. – Опускать на землю сеялку будем.

Все, кто был, вцепились в край подножки и за раму, на которой крепились дозаторы, и повисли как гроздь спелого винограда на лозе. Сеялка закрипела всеми железными суставами, колесо погруженное в грязь, чавкнуло, хлюпнуло и затонувший обод медленно, нехотя стал выбираться из грязи, сливая воду на Евстафьеву Людмилу и Галку Барышеву.

Они к колесу были поближе остальных и вода черная украсила извилистыми полосами фуфайки и штаны комбинезонов. Ну, в сапоги немного залилось, конечно.

Зато сеялка под тяжестью тел начала выдавать в воздух скрип, стон натянувшихся перемычек между бункерами и дозаторами, скрежет пружин и рамных уголков. А, главное, она медленно, но уверенно левым колесом приближалась к пашне.

– Ещё надавим сверху! Раз, раз, да ещё раз! – Чалый подпрыгнул и стокилограммовым весом своим завалился на подножку. И сеялка встала колесом на землю.

– А! Мать твою! – обрадовался Артемьев Игорек. – Подчиняешься людям?! Человек – царь всех зверей. Вот эту сеялку только пара слонов могла бы опустить. Да вот мы ещё! И никаких слонов не надо, ни подъёмных кранов.

– У тебя самогон есть? – спросила его Людка Евстафьева. Она была грязная, лицо красное, а руки после напряжения дрожали, остановиться не могли.

– Данилкин сказал, если узнает, что пили, то премия куку. – Игорёк тронул себя за боковые карманы комбинезона.

– Хрен с ней, с премией! – обрадовалась Евстафьева Людмила по-детски. – Здоровье дороже! А оно у меня вот как раз пять минут назад угрожающе намекнуло. Мол, самогона срочно хлебни, а то я испорчусь от перенапряга. Трещину дам.

– Не, маленько не повредит насладиться трудом праведным, – сказал агроном.

– Леха! Иванов, мля! стакан неси сюда! – громко и вежливо обратился к хозяину трактора Валечка Савостьянов.

Леха принес два стакана и ломоть хлеба. Для занюхивания сивухи.

Артемьев достал две бутылки, заткнутые наспех пробками из газет. Первой налили Людмиле в связи с худшим самочувствием.

– За социализм, который превратил нашу нужную, но убогую работу в наслаждение и радость от трудовых подвигов! – витиевато и мудрёно высказалась Евстафьева Людмила и опорожнила стакан в три глотка, отказавшись от занюхивания хлебом. Подышала рукавом фуфайки и заулыбалась.

Остальные приложились по очереди. Хватило всем. А по-

тому и настроение подпрыгнуло у каждого. Минут за двадцать подровняли бороны, засыпали в бункера зерно с брезента, поправили культиваторы и валки задние. Женщины сели на бороны и встали на подножки сеялок. Изготовились.

– Давай, погнался! – махнул Лёхе Чалый Серёга. Трактор напрягся, замурлыкал басом как огромный кот. Тигр, как бы. И сцепка аккуратно объехала яму, культиваторы врезались в рыхлую после борон землю и семена стали равномерно сыпаться в тонкие канавки, которые валики закатывали, логически завершая процесс посева на этом злополучном маленьком участке. Минут через пятнадцать сцепка уехала за полкилометра. И оставалось километров этих не так уж и много. Ну, может, двадцать всего. Или тридцать. Ерунда, в общем. Стандартный дневной норматив.

– Земля, бляха, не созрела. То бы мы, конечно, дали жару! – Чалый хлопнул в ладоши и пошел к своему трактору. – Но поскольку в обкоме нашем, да простит меня великий вождь и учитель товарищ Ленин, сидят козлы тупорылые и ни хрена в нашем деле не петрят, то приходится героизм показывать. Там, где надо просто спокойно и с радостью работать.

– Ты гляди, не вляпайся сам в яму. Тут их на квадратный километр десятка по два, не меньше. Я проверял, – сказал

агроном и три раза плюнул через левое плечо. – А я поеду на вон той машине с семенами на девятую клетку.

У них, думаю, семена кончились.

Солнце только-только перекатилось через точку зенита. До обеда оставалась пара часов, а до конца рабочего дня времени и не считал никто. Потому, что не было у дня рабочего в посевную да на уборке ни конца, ни начала.

Шла себе посевная правильно, но неровно, как пьяный в стельку хозяин старой своей квартиры шарахается по своим комнатам. То есть идет он всё время туда куда надо, ничего не путает. Но путь его от кухни, скажем, до спальни непросто всегда и полон неожиданностей. То в шкаф врежется попутно, то в косяк дверной впишется, да ещё снесёт что-нибудь попутно со стола. Или в ковре под ногами завязнет тапком и запутается надолго.

Десять обкомом даренных на посев дней мелькнули как красивая женщина мимо окна. Только сердце ёкнуло от великолепия её, а уж и нет женщины. И лишь шлейф душистой «Красной Москвы» остаётся на недолгую память о видеении чудном. Данилкин, директор, и в грязи-то не успел ис-

купаться до приличной кондиции. Она означала бы изрядное усердие директорское в посильной помощи начальственной на открытых полях, забитых увлеченными трудящимися. Пролетели десять дней как орёл степной над распаханной клеткой: быстро и незаметно. И пришел час рапортовать торжественно о безукоризненном и своевременном исполнении воли Родины и указания партии Ленина. Позвал директор Данилкин агронома Вову Самохина в кабинет пятнадцатого апреля к часу дня, посадил его напротив и сказал ласково.

– Ну, чё? Сочиняй мне бумагу. Короткую, но ёмкую. И ты Еркен, экономист мой самый главный, сочиняй. Бумагу такую создайте мне из двух штук, чтобы в обкоме слезами счастливыми умылись и впредь считали наш совхоз маяком для других маяков. Но пишите без патетики и других архитектурных излишеств. Вот, мол, десять дней вы нам дали, а мы из шкуры вылезли и в затруднённых погодой условиях волю партии исполнили. Дальше присобачьте всю нужную цифирь, но с энтузиазмом в придумывании цифровой отчетности не переборщите. Всё в рамках скромных приличий, которые не должны сильно отличаться от ожидаемой в обкоме правды.

– Короче, что положено засеять, засеяли с небольшими потерями семенными из-за экстремальной обстановки, – агроном Самохин раскраснелся и воодушевился. – Но трёх-

процентные потери обязуемся возвернуть за счёт дальнейшей усердной обработки полей и двадцатипроцентного прироста урожайности.

– Не шибко загнул про двадцать процентов? – Данилкин почесал ручкой затылок.

– Реально мы прирост урожайности к прошлому году осенью дадим в тридцать один и три десятых процента, – подал уверенный голос из своего угла Еркен Жуматаев, экономист новый.

– Сразу видно, что ты толковый экономист, – убежденно заключил Данилкин. – Таких только за большой калым можно выкупить у хозяев. А ты мне достался даром, но я тебе этот экономический промах возьму зарплатой такой же как у меня и премиями каждый месяц, квартал и год.

– Ай, Габике-баскарма! – воскликнул экономист Еркен. – Не деньги мне радость приносят! А то, что я пользу могу большую принести государству, республике и совхозу. Вот, айналайын!

– Вот тут ты прямо в муху на лету плюнул и попал! – Самохин встал, подошел к Еркену и крепко потряс его руку. – Мне деньги тоже Дутов платит как главному агроному Али-

пову. Но не они меня греют, а то, что я стране могу такой тоннаж выдать с помощью глубоких знаний в агрономии, что завидуют даже на Черноземье. В этом моя гордость.

– Тебе, кстати у меня зарплата повыше отмерена, чем ты у Дутова имеешь, – весело сказал Данилкин. – Потому как ты, может, с ней свыкнешься, да и останешься у меня насовсем. Если, конечно, зерна сдадим два плана, не меньше.

– Да я тебе их на спор вообще бесплатно сделаю, два плана! – вспалился Самохин Володя, агроном. – Из принципа! Школу покажу!

– Не, ты, конечно, покажи! – засмеялся Данилкин. – Но не платить я не имею права. Накажут меня. Ладно, давайте, пишите каждый своё. Потом в одну бумагу сведёте. Где Вера секретарша? Найдите, пусть в трёх экземплярах отстучит. Потом я приеду, подпишу, вы тоже подпишете оба и направим в обком одну телефонограммой, вторую ты, Вова из своего «Альбатроса» быстренько скинешь по факсу. Блин, как Дутов факс-аппарат выбил? Их в Кустанае-то всего штук десять. А в деревнях телефонного факса вообще нет ни у кого. В общем, поняли, да? А я пока поехал в часть к солдатикам, к нам на посевную прикрепленным. Мне тут с двадцать третьей клетки по рации сказали, что они забастовали. Стоят, груженные семенами, а по полям не развозят. Простой нача-

лись. Так мы и за месяц не управимся. В общем, вернусь через пару часов.

– Всё, шеф, мы уже погружаемся в сказку! – засмеялся агроном Самохин Володя. – За пару часов уложимся.

Данилкин приехал в палаточный городок солдатский через полчаса. Его разбили перед центром всей массы посевных площадей. Чтобы удобно было ездить в любую сторону. Солдатиков пригнали из-под Алма-Аты. Машины у них были новенькие, максимум годовалые. ЗиЛы, Газ-63 и 51. Машин прислали тридцать восемь. А самих солдатиков побольше. Обслуга, повара, радисты и три фельдшера. Ну, сам командир тоже посчитан был. Капитан Кошумбеков.

– Здравия желаю! – сказал Данилкин, когда нашел капитана в палатке, где он читал книжку Айтматова «Прощай, Гультары».

– Привет, Гриша! – поднялся капитан с раскладушки. – Воевать приехал?

– Ну, а хрена ты бастуешь, Сакен? – Данилкин, директор, обнял капитана, руку пожал.

– Водки налить? – для приличия спросил Кошумбеков, хотя как раз в этот момент и наливал.

Выпили. Закурили.

– А чего семена не подвозишь-то, Сакен? – после того как откусил кусочек вяленого мяса спросил Данилкин. – С четырёх клеток мне по рации горланят третий день уже. Сегодня к вечеру у них семена кончатся. Посевная встанет.

– Григорий-агай! – воскликнул капитан, закусывая. – Меня под трибунал отдадут, если я обратно привезу покалеченные машины. У тебя ж ни одной дороги между клетками нет. Всё распахано. Мы три года назад под Актюбинском стояли в мае. Так там дороги между всеми клетками. Стерня твёрдая. А позавчера у нас, если помнишь, дождик прошел. Вроде небольшой. Два часа капал. Но добавил жидкого. Грязь совсем как кисель стала, айналайын! Дай пару дней. Подсохнет немного. Поедем мы. А то вчера пять машин послал я. Так две сразу застряли, через километр. Две подальше проехали, да тоже буксанули. А одна в яму попала двумя левыми колесами и на бок легла. Кузов – в щепки. Зерно высыпалось. Послал сорок солдатиков пёхом туда. Они вручную машину поставили. Зерно собрали всё до зёрнышка. Сержант доложил. Но машины там и стоят, Гриша-агай! Ждем, когда

подсохнет. Тогда поедem и их выдернем.

– А мне-то как, Сакен? У тебя трибунал. У меня обком партии. Что страшнее?

– Тебе обком, конечно, – капитан налил по второй. – Что делать, что делать? А ты скажи мне, ребят моих в баню своюпустишь? Раз в неделю, а? И в магазин свойпусти. Закажи в городе всего побольше. Скажи, прикомандированных пятьдесят человек до первого мая прислали.

– Я уже доложил, что посеял всё. Мне десять дней всего дали. – Взаяся за голову Данилкин. – Работать буду, конечно, до мая. Ладно. Баня, магазин. Договорились. Но и ты помоги. Я ж не сам придумал – дорог не оставлять межклеточных. Приказали распахать подчистую до последнего метра. Урожайность-то не шибко хорошая на моей глине, бляха. Какие тут дороги? Думаешь, мне они не нужны? Мои трактора, машиныпропадают просто. Люди за эти десять дней пять тракторов подняли с прицепами. Все на бок легли. Одиннадцать машин перевернулись. Почти тридцать тонн семян руками мужики с бабами в грязи собирали. На них смотреть страшно было после такой работы. Но никто ж не спрыгнул, домой не сбежал ни один. Сделали, собрали, машины подняли. Мы тоже ждём, Сакен, когда подсохнет. Дождей вроде не обещают. И жарко будет. Двадцать три-двадцать пять градусов.

Высохнет скоро. Но не сегодня. А ждать нельзя. И не посеём, да и голову мне оторвут, если узнают, что я власть дую.

– Ладно, агай, – Сакен налил по третьей.– Какие клетки без семян сейчас?

– Восемнадцатая, двадцатая, двадцать третья и четырнадцатая. А! Сорок первая ещё, – Данилкин загнул пальцы.

– Ну, понял, – капитан выпил и острым штык-ножом от карабина отрезал себе и Данилкину мяса.– Сделаем так. Машины поближе со степи к каждой клетке подгоним. А потом солдатики на плече мешки пёхом до сеялок отнесут.

– Угробишь ведь пацанов, – Данилкин натурально испугался.

– Не... – капитан поднялся и они вышли на воздух. – Опыт есть. Ребята крепкие. В мешке килограммов по сорок. Донесут. Нормально всё будет. Для молодых это физкультура, не более. Так когда нам в баньку-то?

– Распоряжусь, – Данилкин подал руку Кошумбекову. – Завтра к шести вечера и приезжайте.

Они попрощались, директор сел в машину.

– Поеду рапорт отсылать в обком. Посевную закончил. Вот же, мать иху перемать, дураки там. Ни черта в наших проблемах не смыслят.

– Начальство везде одинаковое, – засмеялся капитан. – Езжай, рапортуй. И не переживай. Сегодня к вечеру все семена на сеялках будут.

Данилкин махнул прощально рукой и они с шофером молча поехали в контору. Там Данилкина ждала готовая бумага, обманывающая и обком, и сельхозуправление. Осталось подписать и отправить.

– А требуют жить честно. Работать честно, верить КПСС, честнее которой только господь Бог. Да и то, вряд ли. Социализм строится только горячими сердцами, умелыми руками и честными словами. Господь Бог может этого и не знать. А врём друг другу прямо-таки наперегонки. Кто кого поэлегантнее обдурит! А как жить без этого в недоделанном нашем социализме? Не соврешь – не проживёшь. Вот ведь, бляха, загогулина какая...

Подрулили к конторе. Возле неё стоял Кравчук. Ждал.

– Там, на восьмой клетке Людку Войтенко с весовой под

сеялку затянуло. Поскользнулась она вроде. На бороне сидела. Её культиватором порезало. В город увезли. Врачи со скорой сказали, что жить будет. Нам теперь замена нужна.

– Где я тебе, Анатолий, возьму замену? Библиотекаршу на борону посажу? А хоронить её потом некогда. День уйдет. Жену мою пойди уговори. Может, она на бороне покатается. Задницу пухлую растрясёт. Нет у меня больше людей, Толя. Извини. Выкручивайтесь.

Он шел по лестнице на второй этаж и не думал ни о чём. Понимал, что обком они, конечно, без осложнений обманут. Как уже десятки раз. И отвратительно было на душе. То ли потому, что родителей вспоминал часто как раз в те моменты, когда кому-то надо было крупно соврать. А родители, царство им небесное, с детства учили его не обманывать никогда. Потому, что грех это тяжкий. И каждое враньё совесть как шилом протыкает до дыр. Представил Данилкин на секунду свою совесть. Так живого места на ней не было. Вся в дырках. Как сито.

Но это только секунду длилось. Потом он открыл дверь в кабинет и увидел радостные лица агронома и экономиста. Значит, получилось у них исключительно правдоподобное враньё. То есть, жизнь его начальственная и дальше потечет широкой плноводной рекой, у которой так далеко друг от

друга два берега. Правый и неправый.

Продолжение следует

Глава восемнадцатая

Все имена , фамилии действующих лиц, названия населенных пунктов кроме города Кустаная изменены автором по этическим соображениям.

Двенадцатое апреля 1969 года – день особый был в совхозе имени Корчагина. Во-первых, Данилкин, директор, официально получил из Управления сельского хозяйства и обкома КПСС телефонограммы. Они были одинаковы настолько, будто сочинял их единственный, признанный кустанайским руководством поэт Дулевич. Он писал тексты на парадные плакаты, сложил гордые стихи и для гимна области, он же по указанию обкома облагородил город стендами, стоявшими на лакированных стойках по периметру центра города.

Стенды состояли из рисунков художника кинотеатра КТЮЗ Глыбина и четверостиший Дулевича. Несли стенды в массы призывы к культуре, взаимоуважению, трудовому энтузиазму и любви к партии Ленина.

«Силы все труду отдай

И прославь родимый край!»

Читало население, которое передвигалось по центральной улице Ленина. И после этого уже не могло поступить иначе. Отдавало все силы и ходило с трудом домой после работы. Еле ноги несло.

Вот Дулевича, похоже, и впряг обком в соиздание поздравительных телефонограмм в связи с завершением посевной или уборочной. Писать их стихами было бы перебором, но и прозаические поздравления у измученных за любую страду директоров и агрономов вышибали очень скупую, но всё же слезу. Приятно было держать перед покрасневшими глазами принятый секретаршей текст, похожий на признание юной непорочной девчушки молодому гордому «орлу» в светлых чувствах.

– «Глубокоуважаемый Григорий Ильич и вверенный Вам коллектив тружеников полей! Сердечно приветствуем итог

вашего неустанного и ударного труда на советской хлебной ниве! Своевременное завершение посевной укрепляет руководящие органы в уверенности вашей преданности великому делу нашей коммунистической партии во имя процветания сельскохозяйственного производства и счастливой жизни нашего народа!»

– Бляха!– инстинктивно хватался за голову Данилкин. – Мне же ещё минимум двадцать дней корячиться. Не прознал бы кто.

Но сразу же и успокаивался директор, точно зная, что проверять завершение посевной никто не придет. А и придет, то дальше двух первых клеток не пойдёт смотреть. Везде же всё одинаково, да и банька топится уже. Закуска режется и водка в холодильнике до ледяной прохлады доходит.

Второе приятное событие двенадцатого – день космонавтики. Сами космонавты, отлетавшие свои героические витки вокруг планеты, были заняты демонстрацией себя народу по всей стране и за её рубежами. Они всё время где-то заседали и выступали перед простым земным населением, вызывая восторг всеобщий и уверенность в могуществе Родины. Но поздравительные телеграммы, тем не менее, присылали всегда во время. Прямо к концу посевной или завершению сбора богатого урожая. Гагарин в этом году впервые телеграм-

му не подписал. Разбился к общей скорби. Остальные поставили росписи под очень большим и патетическим письмом, воодушевлявшим на последующие героические свершения. Титов расписался, Николаев, Быковский, Терешкова и Попович. Это размноженное на печатном станке письмо попало во все хозяйства, которые не постеснялись рапортовать о том, что дело сделано, задание партии выполнено с энтузиазмом и без потерь. Письмо Данилкин лично вставил в соответствующую рамку. Рамок было у него много. На все форматы бумаг, грамот, дипломов, указов партии и правительства, да приветственных писем и телеграмм. Повесил он письмо космонавтов у себя над столом. На один из многочисленных гвоздиков, до поры пустовавших. Потом он надиктовал благодарственный отклик в Звёздный городок и секретарша Вера отправила его телефонограммой в

Москву. Вечером с полей специально приедут все бригады, звеньевые, агроном и Чалый Серёга, чтобы торжественно выпить за наше превосходство в космосе по сто пятьдесят.

А третье замечательное событие, в отличие от остальных, не на бумаге произошло, а натурально. Как гром с молнией. В совхоз Алипов Игорь, Дутов, директор «Альбатроса» и Володя Самохин, арендованный на посевную агроном дутовский, привезли каким-то чудом недоступное почти никому,

кроме Дутова и обкома партии, светило сельскохозяйственной науки, короля агрономов и властелина земли целинной, крупнейшего учёного- практика Креченского Михаила Антоновича из кустанайской опытной сельскохозяйственной станции. Событие это можно было приравнять примерно к внезапному визиту в корчагинский совхоз президента США или Папы Римского. Креченский делал на земле всё, что хотел, умел и творил с ней чудеса. Он знал и мог легко сделать то необычайно полезное, о чём почти никто в СССР и не догадывался. Получить от него практический совет считалось событием, равным награждению орденом Героя социалистического труда. Потому, что если совет тот понять правильно и исполнить безукоризненно, да не один раз, то к звезде Героя ты приближался реально и мог заслуженно на неё рассчитывать. Если, конечно, не затеряешь ум с памятью в пьянках-гулянках и совет мудрый не пропьёшь.

Сперва, естественно, сели пообедать в кабинете Данилкина. Из столовой снесли на столы то, что отложено всегда для питания особых персон, которых разными ветрами часто заносит в корчагинский, и даже часть уникального запаса консервированных крабов, импортного пива в жестяных банках, сырокопченой колбасы «микояновской» фабрики и казахскую национальную гордость – особым способом

вяленое и прикопченное сырое мясо «жая». Этот сумбурный, но неповторимый запас хранился на случай атомной войны. Буржуи западные постоянно ей пугали. Почти никто, конечно, им не верил. Но самые лучшие продукты откладывали, чтобы успеть насладиться перед атомной погибелью.

– Тебя как приняли-то в корчагинском?– тихо спросил Дутов агронома Самохина Вову. – Не били, в лицо не плевали?

Самохин захохотал, откусывая от солёного огурца.

– Как родного приветили! Да они ж меня знают все. А Петька-то Стаценко, царство ему небесное, не работал ни хрена лет пять последних. Всё жалобы писал на директора. Мол, приписками занимается и технологии новые игнорирует. Потом по ходу пить начал крепко. Валялся в канавах, блин. Считай, без агронома работали... Как его Данилкин не выгнал из совхоза – не понимаю.

– Выгнал, выгнал,– Дутов глянул на Вову в упор. – Нет же Стаценко. Что и требовалось... Ну, всё. Заглохли на этом.

Тут как раз Данилкин и тост первый произнес. Длинный, красивый. Про всё сразу. И про великую державу, и про счастье простых людей трудиться на земле и радовать страну.

После тоста все с удовольствием пили и ели целый час.

– Ну, поехали в поля, – Креченский после хорошего обеда в кабинете Данилкина слегка размяк, но силы ума не потерял. – Начнем с тех, что засеяли. Я понял, что для обкома вы посевную закрыли позавчера, так?

– Ну, как бы... – застеснялся Данилкин, директор, и глаза отвёл.

– Э! Ильич! Ты не бойсь! – засмеялся Дутов. – Антоныч, он хоть и не мельче Мичурина будет, но гонора в нём – ни грамма. Наш человек. Мужчина. А его величину научную сегодня просто ценят, а через пяток лет боготворить будут. И после смерти на центральной площади памятник в три роста отольют из бронзы.

– Вот ты балаболка, Федя! – засмеялся Креченский. – Тебе секретарём обкома надо работать. Красиво загибаешь шибко. Ладно, поехали.

На поле он сразу же воткнул в пашню ладонь пальцами вниз сантиметров на пять. Повозился в земле и достал два зёрнышка. Поднес их к глазам, к носу. Понюхал. Пальцами их потёр. И в то же место обратно закопал.

– Тут хорошо пойдёт хлеб. Везде так сеете?

– Стараемся, – потупился Данилкин, директор. – Да не всюду одинаково получается. В этом году заставили с апреля начать. По мокрой земле. Это сейчас подсохло. А было почти болото. Сейчас посуху-то без проблем сеем. Ровно. Как положено.

– Так у вас до сих пор плуги отвальные? – Креченский поглядел вдаль. Пашня ровная была, укатанная. Как он догадался – не понял Данилкин.

– Я к осени подгоню вам десяток безотвальных плугов. Вот как у Фёдора, – сказал Креченский, достал блокнот и что-то написал там.

– Нам ещё бы и комбайнов новых хоть тоже с десяток. С хорошими подборщиками. С современными шнеками, – сказал агроном Самохин Володя и сам обомлел. «Нам» он сказал про совхоз Корчагина.

Дутов хмыкнул.

– А, глядишь, и останешься тут. Я помогать буду, если что. Да и Антоныч не откажет. – Да, Миша?

– А под пары сколько оставили? – Креченский сказал, но сразу же исправился. – Тьфу ты! Я же знаю, что вам тут из управления не разрешают. Так вы втихаря дальние клетки осенью не перепахивайте. Пусть земля отдохнёт до весны. А там зябь поднимете под яровые. А я вам пришлю семян хороших под яровой посев. «Цезиум сто одиннадцать». Здесь она вам натурально по пятнадцать центнеров даст на гектар. Вы пока тут постоите, а я по пашне погуляю. Минут двадцать. Хорошо?

– Покурим покедова, – сказал Дутов и сел на траву. Алипов с Самохиным рядом сели и закурили. А Данилкин ходил по краю поля и глядел на Креченского, как девушки юные смотрят на экран, где блистает любимый артист. Михаил Антонович пошел и на гольный суглинок. Долго там что-то изучал и записывал. Потом на более тёмной земле копался с полчаса.

– Вот здесь и на похожей земле «саратовскую» сей, Григорий Ильич.

– Если куплю, – Данилкин грустно улыбнулся.

– Володя Самохин ко мне приедет осенью. Тонн тридцать найду вам. А из твёрдых сортов так и сейте «гордиеформе». Самое то для вашей земли. А вот такая почва ещё есть у

вас?

Он прошел метров сто вперед до той самой почвы и уже не говорил, а кричал.

– До фига. Тысячи полторы гектаров, – тоже закричал Данилкин.

– Так на них посейте просо. Я дам. Пусть Володя в октябре три машины к нам подгонит. Просо прекрасное. «Долинское-восемьдесят шесть»

– Даже и не слышал про такое. А кто мне разрешит столько земли под просо занять? – Данилкин потер ладони и приложил их к щекам. Холодные были щёки, хотя день жаркий был. За двадцать.

– Договорюсь, не переживай, – Креченский подошел ко всем и сел рядом с Дутовым. – Я сейчас с Самохиным обойду участки и мы к разной земле будем подбирать нужное удобрение. И расскажу – какое, когда и как вносить. Это часа два займёт. Вы идите пока в контору. Доедайте, допивайте. А, может, и мы с Вовой не к пустому столу успеем.

И они пошли в поле. Данилкин, Дутов и агроном Алипов Игорь постояли минут пять для приличия и без спешки дви-

нулись в контору.

– Нормально всё будет, – похлопал Данилкина по плечу Дутов. – Это «старик Хоттабыч». Мастер чудес.

Данилкин понимал, что в жизни его начинается что-то меняться. Если Креченский, сам Креченский приехал к нему на поля, не побрезговал серостью и убогостью реального совхозного статуса, то дальше жизнь просто сама не сможет относиться к Данилкину как раньше. С иронической, да немного жалостливой ухмылкой. Значит, если Креченский слово сдержит и подарит Корчагинскому совхозу частицу своего волшебства, то и никакого обкома ему, Данилкину, не надо будет. Дутов же после долгого общения с учёным и в Москву отказался ехать в высокое кресло. Потому, что радость от земли, дающей щедро, куда большее счастье, чем толстый ковер на полу огромного кабинета и пять разноцветных телефонов, да спецмагазин с товарами и продуктами, которые только из рассказов дружков обкомовских и знакомы. Почему-то ярко брызнуло что-то тёплое в душе директора Данилкина. В чудеса он не верил. Но у него перед глазами были «Альбатрос» и Федя Дутов, который едва стал числиться в друзьях у Креченского, так быстренько и приступил к сотворению всяких чудес, о которых почти никто в хозяйствах областных и мечтать не мог. Нет, не так. Мечтать мог любой. А вот Михаил Антонович Креченский при-

голубить мог далеко не каждого. Сверху ему такой нагрузки не давали, чтобы не тратил он силы свои физические и умственные, а берёг их для обкомовских нужд. А надобность иметь у себя человека, перед которым снимали шляпы лучшие аграрии страны, секретари обкома ценили не меньше, чем свои выдающиеся должности.

– Не знаю как тебя и благодарить, Федор Иванович, – тронул он за рукав Дутова. – Ты мне жизнь мою с головы на ноги за день перевернул. Я теперь и жить тут хочу, и работать на износ. Лишь бы мои урожаи стали большими и, главное, правдивыми. Меня от вранья иногда застрелиться тянет. Правда.

Дутов пожевал папиросу, выплюнул и потрепал Данилкина за воротник.

– Гриша, ты счастливый человек. Ты полз, врал, карабкался, тужился, грехов на душу навесил – троим не унести. А ты ничего, сдюжил, не повесился. А, наоборот, с полей своих тяжких не вылезал. Ты инфаркт имел в позапрошлом. Ты плачешь, когда выпьешь побольше. Значит в тебе есть и сила, и, главное, совесть. А у кого она есть, к тому обязательно прилетит волшебник и сотворит ему чудо.

– Ну, я-то не знаю. Не думал об этом, – Данилкин вздохнул легко, свободно. – Да со стороны виднее, конечно. Пусть

будет как ты говоришь. Пусть считается, что судьба решила и мне, многогрешному, послать волшебника. Ну, всё одно – спасибо тебе, Федя.

– Да ладно. Креченскому потом скажешь. Но учти – только словами. Взятку не суй ему. Оскорбится. Выгонит. Ладно, пойдем выпьем малехо. Вечер скоро. Расслабиться пора.

– А и пошли, – сказал Данилкин весело. – Поводов-то вон сколько! А водки – на каждый повод втрое больше. Гуляем, мужики!

Шли они не спеша. И молча. Каждый о своём думал. Дутов про Леночку Лапикову, любовь свою. Уехали они с женой Фёдора Ивановича на конкурс хороших песен в Кустанай. Коллектив повезли. И детишек алиповских с собой взяли. Им тоже музыкальный номер придумали. Хоть бы первое место заняли! Вот какие мысли имел Дутов.

А Данилкин вдруг вспомнил недавние слова Федины про грехи Григория Ильича, мельком упомянутые. Он понимал, что совесть в общем-то есть у него. Но мятая, рваная, в язвах и ожогах. Двоих людей, довольно близких, на тот свет отправил. Не своими руками, да. Но собственным желанием и властью. Чалому намекнул, чтобы Костомаров до суда не дожил. И Чалый сделает так, что он и не доживёт. Хорошего

человека подтянул к очередному, третьему смертоубийству. И отказать-то не может Чалый директору. Жизнь – собака!.. В общем, с такой совестью поганой запить надо вусмерть и кануть во сыру землю. Честно это будет и справедливо. Но то ли духу не хватало ему, то ли подспудно надеялся Данилкин на чудесное, господом дарённое, искупление в скором времени и этих тяжких, и других грехов, помягче. Но жить хотелось. Даже с такой мутной и калеченной совестью. А с сегодняшнего дня ещё назойливее стало желание жить. Чтобы работать честно, людям помогать и потихоньку сдирать с души своей ногтями и зубами ту гнилую совесть свою. Чтобы на её месте выросла, как колосья из земли, совесть новенькая, чистая и светлая. Которая такой и будет всю оставшуюся жизнь.

Эх! – вслух сказал после раздумий своих Григорий Ильич.

Но все подумали, что это вырвалось у него от радости, подаренной ему учёным Креченским. И дальше пошли.

В конторе посидели, граммов по триста приголубили, да так расслабленно, что полтора часа прошло – не заметили как. Вернулись с поля Креченский с Володей агрономом. Видно было, что устали.

– А давайте домой ко мне пойдём, – Данилкин поднялся и

руками жест произвёл. Поднимайтесь, мол, тоже. – В восемь часов тут в кабинете все бригадиры со звеньевыми будут. У нас принято торжественно отмечать день космонавтики со средним составом руководящим. У меня посидим, я сбегаю, речь скажу короткую и пусть сами отдыхают. А я к вам вернусь.

– Да ещё лучше будет, – поднял палец Дутов. – Софья твоя так готовит, что я лично каждый день приезжал бы к вам домой столоваться хотя б только в обед.

Ну, после этих слов хорошо поддавшая маленькая компания неуклюже выбралась из-за столов и, покачиваясь, двинулась за Данилкиным как вагоны за тепловозом.

В этот вечер работяги в полях остались вольными. Без начальственного надзора. Бригадиры и звеньевые по просьбе директора были временно отозваны на торжественный вечер, посвящённый празднованию дня космонавтики. Часов в семь вечера совхозный грузовик объехал по подсохшей пашне трактора и сцепки, в которых помещалось малое руководство, которое попрыгало в кузов и убыло в контору для прослушивания праздничного директорского доклада и последующего торжественного выпивона. Ясно было, что вернут-

ся бригадиры только утром. А это радость большая. То же ведь отдых нужен уставшим душам рабочих, на ветрах огрубевшим и тяжким трудом измученным. Игорёк Артемьев попросил трактор у Лёхи Иванова и за час объехал всех, кто сеял, отдельно боронил и прикатывал посевы.

– Мужики и бабоньки! – объявлял он звонким торжественным голосом. – Отцы наши руководящие будут с восьми часов в конторе водку пить в честь Героев, покорителей космоса. Думаю, что до утра. А нам слабо прямо на полях, возле трактора Толяна Кравчука, вспомнить добрым словом наших Героев и всю космическую силу советскую!?

Говорил он везде одни и те же слова. Придумал покрасивше и наизусть выучил. Народ, ясное дело, не противился. За день хорошо отсеялись, без приключений. Чего бы и не отпраздновать день столь значительный!

Съехались они все на тракторах, открепив сцепки, к Толяну Кравчуку. Поставили машины вокруг постеленного на пашне большого куска брезента.

Это чтобы свет включить когда стемнеет и праздновать не в тёмную, а друг друга видеть и не промахиваться стаканами, а чётко чокаться. Все притащили на брезент из тракторов своих бутылки самогона и мешочки с едой. Женщины

самогона не имели, но хранили на сеялках свои «тормозки» с разными вкусами, которые и присовокупили к общему набору. Стол получился не беднее конторского. Крабов в банках не было, конечно, но хорошо было и так.

– В общем, да здравствуют наши космонавты и пусть ещё шибче удивляет мир силой своей наша страна могучая! – поднял стакан с самогоном Валечка Савостьянов. – Жаль, что Серёга Чалый в бригадиры выбился и отпразднует в конторе скучно. А мы постараемся повеселее, да?

– Ура-а-а! – закричали все хором и приступили к празднованию, которое закончилось только утром, когда солнце запустило на поле свои первые щупальца-лучи.

Торжественный вечер бригадиров и звеньевых я тоже не стану описывать в подробностях. Данилкин сказал за пять минут много прекрасных слов о Родине, космонавтах и об ударном коммунистическом труде, выпил символические сто граммов и сказал в конце.

– Гуляйте, ребята, от души! Не стесняйтесь. На работу пойдёте утром. Выходная ночь у вас сегодня. Имеете право! А я пойду. Там, дома, меня большой учёный агроном ждёт.

Неудобно одного оставлять.

– Спасибо, Ильич! – Чалый Серёга от имени всех пожал ему руку. – Выходной так выходной! Поздравим космонавтов за всю мазуту, не сомневайся!

И Данилкин удалился, помахивая всем рукой на прощанье.

– Я разработал верный, на мой взгляд, совершенный подход к обработке земли нашей и расписал чёткие графики посева разных культур на разных почвах, изменил принципы уборочной страды, а также методики внесения удобрений и гербицидов, – докладывал хорошо опьяневший Креченский почему-то лично Софье Максимовне, которая слушала его с таким интересом и любопытством, будто втайне планировала бросить к чёрту спокойную, как вода в мелкой луже жизнь свою, и податься в ученики к большому учёному.

– Здрасти! – произнёс с порога пьяненький Данилкин. – Давайте теперь выпьем не за космонавтов, а за Михила Антоновича Креченского, благодаря которому, уверен я, преобразится скоро наше отсталое сельское хозяйство.

– Во! – обрадовался Игорь Алипов, агроном Дутова. – За

космонавтов сегодня весь союз тосты поднимает. А ученый Креченский – наш человек и наше достояние. За него!

Выпили, закусили и стали разговаривать о грядущих переменах в сельхозпроизводстве. Увлеченно, и самозабвенно.

– Игорёк, слышь! – тётя Соня подседа к Алипову и сразу же в этой новой малюсенькой компании беседа ушла от грандиозной космической темы. – А как там супруга твоя? Поправляется? Детишки-то ваши по-прежнему у Фединой девчушки Ленки живут, или как?

– Да...Пока в городе жена. Инвалидность ей делают сейчас. Есть почти ничего не может. Яд крысиный – очень злой яд, оказывается. И для людей. Пожгло ей всё внутри. Желудок, кишечник. Диеты ей прописаны на всю жизнь.

– Ну, а про детей-то хоть вспомнила? А то когда хлебала яд – забыла, что они могут без матери остаться.

– Да она на то время вроде как рассудок потеряла. Так расстроилась. – Алипов не спросил у тётя Сони разрешения и закурил. – В безумие впала она тогда. Вот.

– Поправится она, – прошептала на ухо Игорю Сергеевичу тётя Соня. – Рассудок вернулся к ней уже. Я вижу. чувствую

нутром. Но простить тебя – не простит. Привыкай. Настраивайся. Чужим теперь ей будешь. Чую так.

– Да что Вы, Софья Максимовна! – шепотом воскликнул Алипов Игорь. – Я ж к ней езжу по три раза в неделю. От посевной отрываюсь. Так она с душой ко мне. Целует, обнимает, про детей узнаёт, планы строит.

– Ну, я своё тебе сказала. Помянешь потом, – Софья пожевала губами и склонилась еще ближе к лицу агронома. – А Валентина Мостовая, любовь твоя, где теперь? На ферму небось устроилась? Ах, нет! Гриша же сказал мне, что она расчет взяла, трудовую и уехала на Урал куда-то. Сколько у неё месяцев беременности, не помню я?

– Какой беременности? – вытаращил глаза Алипов, трезвея на глазах. – Она что, правда? Как же так? Не сказала ведь. Ух, ты! Ядрёна ж матрёна! Беременная! Обалдеть!

– Так ты, Игорёк, поедь туда к ней. Попроведуй. Может, надо ей чего. Помощь, может, нужна материальная. Да и любовь твоя тут осталась. Не пропала любовь-то?

– Нет, – ответил Алипов твёрдо. Как отрезал. – Не пропала. Но жить буду с Натальей. Она инвалид. Бросить – совести не хватит.

– А не будь она инвалидом, совесть промолчала бы? Что детишек двоих произвели. Что прожили столько вместе. Не считает эти факты совесть-то?

– Ну, ладно, тётя Соня! – Алипов налил себе водки и глотком выпил. – Давайте завяжем меня притаптывать. Я затравил эту муть, я и отвечу.

Он поднялся, взял свою кепку с вешалки и пошел на улицу.

– О! – откликнулся на хлопок двери Креченский. – Мне, однако, тоже пора. Завтра дел полно. Поеду я, Федя. Поеду, Григорий Ильич. Хозяюшке благодарствую душевно. Теплый да сытный уют нам создала. Давно я так душевно не отдышал.

– Машина возле ограды, Антоныч, – Дутов, а за ним и остальные поднялись.

– Вам спасибо за помощь и поддержку от всей души! – пожал Креченскому руку директор Данилкин. – Я Ваш вечный должник теперь.

– Всё поехали, – Дутов пошел к двери. – Алипов вон убе-

жал. Уедет ещё без меня. Чего такого, Соня, ты ему нашептала, что он пробкой вылетел?

– Да упаси господь!– вскрикнула Софья Максимовна. – Пошептались про жизнь. Вы громко. А мы потихоньку. Чтобы вам не мешать.

И все разъехались. Ученый на «волге» Дутова на кустанайскую опытную станцию, домой поехал. Дутов нашел «москвич» Алипова за углом и

рванули они по бездорожью в «Альбатрос».

– Ну и как, есть с Креченского толк? – погладила Софья мужа по широким плечам.

– Толк – не то слово, Соня, – Данилкин потянулся сладко, улыбнулся и налил себе последнюю соточку. – Он, похоже, нам с тобой всю жизнь поменял. Ну и совхозу, конечно. Но у нас с тобой теперь натуральный коммунизм дома будет. Дутов говорил, что этот мужик всегда слово железно держит.

– Ну, дай бог! – Софья Максимовна перекрестилась. – Дождались, значит, часа? Пойду в свою комнату, помолюсь усердно.

Остался Данилкин один за столом напротив окна, за которым темень висела непроглядная. Он глядел в окно и во тьме этой увидел вдруг как на экране свою жизнь будущую. Она пронеслась ускоренной перемоткой, но кое-что Данилкин смог уловить в видении этом. И оно ему нравилось.

А когда ты хотя бы в общих чертах заранее знаешь, что впереди у тебя всё сияет безоблачно и ветра нет встречного, с ног сбивающего, то и жить хочется ещё сильнее, чем хотелось до этого волшебного дня.

Глава девятнадцатая

Все имена действующих лиц и названия населенных пунктов кроме города Кустаная изменены автором по этическим соображениям.

К двадцать восьмому апреля отсеялись почти все. Ну, тракторов десять, может быть, ещё пылили на укромных клетках. Так далеко от села, что и голоса по радиации еле доползали на своей угасающей волне до нужного места. Там, на

самых неудобных неудобницах решил директор Данилкин по совету учёного Креченского посеять яровую мягкую пшеницу «цезиум-111», после чего сразу внести побольше нитрофоски, а летом, дождей не дожидаясь, с водовозов насосами разбрызгивать воду веером через день. Рядом озеро было. Старое, большое, глубокое, заросшее камышом. До лета, конечно, дожить ещё бы в здравии и при силах. Но перспектива маячила, однако, не самая худшая. Володя, агроном новый, просчитал всё. Так по его надеждам не меньше 17 центнеров с гектара выходило.

А на те поля, где уже всё закончили, Креченский почти приказал прямо на следующий день внести аммофос. Солдатики, трудяги, сгоняли на пяти машинах десяток раз в опытное хозяйство, забрали обещанные ученым удобрения и забили ими склад до упора. То есть, если лихо распахнуть ворота склада, то верхние мешки могли запросто ссыпаться, утягивая за собой нижние, что грозило распахнувшим двери если не погибелью, то инвалидностью первой группы. Бумажные мешки весили по пятьдесят килограммов.

– А вот какого рожна вы до сих пор не удобряли – не сообщу никак, – узнавал у Данилкина, директора Володя Самохин, агроном. – К нам бы приехали, посмотрели бы. С Игорем Алиповым поговорить могли. Без удобрений чего тут вырастет? Хрен да копейка.

– Так нам ещё в пятьдесят шестом году на собрании областного, куда всех директоров подтянули, какой-то бугор из Москвы запретил прямой наводкой. Земля ваша, сказал этот дядя из ЦК, тысячи лет лежит без рукоприкладства. В ней время долгое накопило столько всего полезного, что на триста лет хватит.

– Дурак он, дядя из ЦК, – засмеялся Володя Самохин, агроном. – Кабы так, то вместо верблюжьей колючки да ковыля тайга тут непролазная росла бы. Ягоды, грибы белые и вишня с костяникой. Или вон дикие заросли яблоневые да грушковые. Видал такие места на Урале? Креченский потому и большим учёным стал, что на этих дурных дядей, которых табун целый, положил хрен, поехал в Алма-Ату в шестидесятом, пробился к Кунаеву и три часа сидел у него. Обосновал свои научные соображения и их возможности. Кунаев, он же умнейший мужик. Послушал, бумаги посмотрел и сказал, чтобы Михал Антонович организовал у себя опытное хозяйство. Бумагу соответствующую ему выписал.

– Работай, – сказал – как сам понимаешь. Кто тронет тебя или мешать будет, звони мне напрямую.

И разрешение на правительственную связь ему выписал.

Так к Антонычу теперь со всего Союза и директора совхозов едут, и агрономы, и учёные. Благодаря Креченскому, ну, и ещё десятку учёных, много чего со сталинских времен так поменялось в делах земледельческих, что всем им надо точно отливать памятники, да в столицах наших республик ставить на самых видных местах. Хлеб – то едят все помногу. Ячмень, овес, просо, рис, гречиху. Устанешь перечислять.

– Да-а! – протянул Данилкин. – Давно бы я перестал цифирь приписывать, врать напрапалую. Знать бы мне всё, что ты сейчас делаешь, десяток лет назад. Так ведь вы бы в «Альбатросе» и не расщедрились бы. Ни черта не узнаешь у вас. Всё у вас – тайна. Я понимаю, конечно. Дутову зачем со мной в догонялки играть? Или мне с ним.

– Ладно. Всё путём теперь будет. Я поехал сейчас на все клетки удобрения вносить. Работы – как раз до Первомая. Трактора я подготовил уже. За три дня управимся.

– Володя, а на кой хрен столько удобрений притащили? Полный склад. Битком забили. Пропадет же, – Данилкин сделал озабоченное выражение на радостном лице.

– Да его и не найдешь нигде. Антонычу с Украины столько прислали, что он его не всем, но отдаёт за гроши, – Володя Самохин махнул рукой и пошел к трактору Кравчука. –

Продавать будем понемногу. Нам деньги – людям добавка к урожаю.

Данилкин не знал в тот момент, что новый агроном на многих клетках, где особо не уверен был в продуктивности почвы, насыплет удобрения от души, с большим перебором. Что хлеб от переизбытка химии пожухнет на корню. Слава высшим силам, что удержали они Самохина, окоротили размах его энтузиазма и показалось ему, что только на четырёх клетках из сорока двух подкачала почва, потрясла его скудостью своей. Туда он и отвалил нитрофоски в три раза больше нормы. Там и пропал потом хлеб. Но зато вся остальная территория дала осенью столько пшеницы и проса, что Данилкину аж плохо стало. Скорую из города вызывали. Давление поднялось и тахикардия от волнения почти день держалась. Но о радости совхозной, всеобщей, я подробнее позже напишу. Это был праздник, по размаху и исполнению похожий на день победы в Великой Отечественной. Безудержное и беспощадное происходило две недели ликование. И не было у него ни ограничений, ни боязни помереть в разгаре радости от семидесятиградусного первача.

А пока собрал Данилкин всех мужиков и женщин, кто

отсеялся и не был вовлечен Самохиным в разброс удобрений, собрал и дал патриотическое задание – украсить совхоз кумачом, цветами искусственными, стендами, славящими день социалистического трудового единства и вообще партию коммунистов. Чтобы динамики повесили на столбы, откуда первого и второго мая музыка бравая будет летать над поселком и рваться ввысь, к небесам. Под которыми тут так славно живется.

– Флаги все тащите со склада на площадь возле конторы, – сказал мужикам Чалый Серёга. – Потом разберем их. Маленькие на крыши домов своих приколотим. Большие – на крышу конторы, клуба, больницы. А ещё воткнем в трубы, вдоль конторы вкопанные.

Валечка Савостьянов и Николаев Олежка сказали, что на склад не пойдут. У них с прошлого года дома остались примерно по десять флагов и транспаранты на кумаче с белыми огромными словами:–«Мир! Май! Труд!», «Да здравствует Первомай – праздник всего трудового народа» и много чего ещё. Того же смысла и содержания.

– Прибивать на конторе флаги я буду! – воскликнул Артемьев Игорёк. – И транспаранты на фасад натягивать! Лучшее меня никто не сделает. А я каждый год этим занимаюсь. Жалобы были?

– Да ты не разбейся, главное, – крикнула Ольга Николаева, Олержкина формальная жена, а так – шалава беспросветная. – Ты ж вон на сей момент не менее литра приголубил. Ремнём пристегнись к трубе. Или к крыше сапоги гвоздями сперва прибей, потом вешай. Жалко ведь. Ты у нас один такой.

Посмеялись все. И Игорёк вместе с ними. И разбрелись. Одни на склад. Другие, женщины естественно, за цветами из шикарной креповой бумаги побежали в клуб. Многие умели делать их сами, поэтому остались в клубе и решили свеженьких гвоздик накрутить, да розочек. Бумаги однажды жена Данилкина привезла из города столько, что цветочками ручкодельными можно было легко гектара три утыкать. Цветы креповые и яркими были, и прочными, под солнцем не линяли и походили внешне на живые. Даже если вблизи на них смотреть.

– Смотрите у меня! – с шуточной строгостью приказал Данилкин. – Чтобы совхоз к первому мая стал похож на праздничную кремлёвскую Красную площадь. У нас и демонстрация будет после митинга. Пройдёте колонной по четыре мимо меня, парторга, секретаря профкома и наших лучших передовиков с портретами членов Политбюро, вождей и основателей марксизма-ленинизма, с шариками воздушными, цветами и флажками. По два раза туда и обратно. Оркестр

из Кайдуруна придет. Я договорился. Все поняли?

– А обед праздничный будет? – ляпнула мимо сплошной патетики шустрая Нинка Завертяева, буфетчица. – У меня пирожных триста штук в холодильнике.

– Куда столько? – искренне удивился Алпатов, парторг. – Задницы слипнутся.

– После самогона не слипнутся, – убедил всех сразу Чалый Серёга. – Ладно, хватит грязь месить. Погнали работать. Дом родной украшать. Таких праздников по напрягу и затратам два всего. Первомай и Новый год. После них выживают только сильнейшие. А раз мы тут все живые пока, значит, силы у нас ого-го сколько.

– Ещё про один равный этим праздник забыли все! – восторженно крикнул Игорёк Артемьев.

– А ну! – Валечка Савостьянов аж ухо рукой оттопырил.

– День рождения Данилкина Григория Ильича!

– Подхалим! Подстилка директорская! – сказала, давась хохотом, Нинка Завертяева. Засмеялся и Данилкин. А за ним и остальные все.

На том и расстались окончательно. И до позднего вечера носила тишина испуганная стук десятков молотков, визг пил, весёлый мат с крыш и всякие песни красивые и громкие. Почему-то пели люди радостные песни всегда раньше, чем приходил сам праздник. И, наверное, именно это и означало, что хорошо людям жить. Работать без протеста. И праздновать до упада.

И вот на следующий день под раним молоденьким солнышком гляделось село как картина импрессиониста мирового значения, у которого любимым был разных оттенков красный цвет. По живописному, разукрашенному как пьяный тамада на свадьбе губной помадой поселку уже никто не мог идти просто так. Как каждый день. Все крутили головами, приглядываясь к заученным наизусть надписям на флагах, вымпелах и транспарантах. Кто-то пел, кто-то пританцовывал на ходу, а уж улыбался каждый обязательно. Светло народ улыбался, ласково. Будто и серпантин пёстрый, на заборы наброшенный волнами, вымпела передовиков, подвешенные над дверьми очень многих домов, портреты огромные Ленина и Маркса на стенде у конторы и десятки транспарантов да флагов повсюду прибитых, долгожданностями были и многозначительными. Они и душу каждому нежно грели высоким коммунистическим смыслом, и напоминали о

счастье жить в стране Советов.

Данилкин, директор, шел в контору к девяти часам. Таковую роскошь он позволял себе два раза в год. После посевной и уборочной. Даже в первое новогоднее утро, когда народ совхозный только спать падал замертво, Данилкин около половины восьмого уже бессознательно перекладывал на столе бумаги, вживаясь в обычный рабочий будень. В восемь часов он уже писал или план трудовой для всех совхозных служб, или очередную бесплодную заявку властям на семена, запчасти, трактора, комбайны и комплекты полевых аптек. Отправлял их регулярно раз в неделю с секретаршей на почту, после чего до планёрки с агрономом, счетоводом, секретарем парткома и председателем профкома подписывал разные счета, приходно-расходные ордера, запросы от граждан на промтовары и деликатесное продовольствие. К десяти часам директор скрупулезно прочитывал разнообразные жалобы и заявления трудящихся, в углу листа мелко изъяснял своё заключение, а тут как раз и появлялись на планерку Алпатов из парткома, Копанов, босс профсоюзный, пьяный агроном Пётр Стаценко, впоследствии убиенный злодеем и завистником Костомаровым, который тоже до ареста на планёрках сидел добросовестно.

На таком ежедневном заседании, как правило, никакие вопросы не решались, а собирался руководящий состав по инструкции и по привычке. Покурить, посплетничать и прикинуть, кто в этом месяце поедет уголь выбивать, кто дрова, а кому будет посерьёзнее дело: бегать по кабинетам сельхозуправления и разыскивать свои многочисленные заявки на технику и запчасти. Если везло и бумажки удавалось найти, то их переносили в приёмные кабинетов этажами повыше с подписями «рассмотреть».

Вот и двадцать девятого апреля сели они в кружок и только папироски достали, только расслабились на стульях и ноги вытянули, чтобы заседание в непринужденной обстановке лихо проскочило за час-полтора, как шум хриплого голоса проник сквозь прикрытую дверь директорскую, да молодецкий басок летел за ним вдогон, шаги уверенные отстучали по крашенному цементному полу, а вслед, секундой позже, мощной рукой отброшена была дверь наотмашь вбок и возник на пороге непревзойденный мастер фотоискусства, человек, пинком открывающий любую дверь, исключая обкомовские и выше, фотокорреспондент областной газеты «Ленинский путь» Семён Абрамович Моргуль. Его приезд не мог означать ничего плохого. Только хорошее. Ибо грели его высокохудожественную душу, пропитанную насквозь парами фенолгидрохинонового проявителя и закрепляющего

прекрасные кадры тиосульфата натрия – только радующие посторонний глаз снимки, отражающие самозабвенный труд и масштабный накал полевых страстей.

– Салам-балам героям полей и создателям великих мифов об урожаях, нужных обкому и республике! Так шо имеете вы против нашего с Витьком наплыва? – Моргуль, увешанный разнообразными фотокамерами, экспонометрами, кожаными сумочками со вспышками-молниями и мешочками холщёвыми, где томились до поры коробочки с пленками, размахивая на ходу всем этим добром тяжелой поступью приблизился к столу и заседавшим руки пожал. Витек, начинающий корреспондент газеты, вынырнул из-под рукава Семёна Абрамовича и быстренько, но энергично, тоже со всеми поручкался.

– Сёма, так зима скончалась давно, а ты – как снег на головы наши выпадаешь! – с удовольствием обнял Моргуля директор Данилкин. То же самое произвели и остальные, больно стучась об навесное фотографическое оборудование мастера. – Да и весна тебе уже тётка, а не мама родная! Отсеялись мы, Сёма. Десятого апреля ещё. Сидим вот теперь, награда ждем, премий, и первомайского праздника.

– Клянусь здоровьем детей моих соседей! Гриня, ты прямо тут сделай мне так, шоб я тебя долго искал! Или не за-

плёвывай мне мозги! – Моргуль надолго засмеялся, хлопая Данилкина по плечам. – Я с тебя смеюсь, аж рачки падаю. В обкоме за твою посевную уже и забыли, когда приличные люди за неё только узнали. Вот обкому и вливай в обе уши, что десятого посеял последнее зерно. Но мы-то Гриня, шо, однако, имеем с гуся?

– Ну, ясное дело, – вставил профорг Копанов Тулеген. – Им там в обкоме и грязь непролазная – самые лучшие условия, чтобы сеять. У них-то сухо в кабинетах. Ковры, жаман слово просится. Они ж нам сами аусым не сделают, не передвинут сроки. Им «ура!» надо поскорее в Алма-Ату прокричать. И в Москву.

– Досеваем. Малость осталась на трёх клетках, – сказал Сергей Алпатов, парторг.

– А чего сейчас снимать, Семён? – Данилкин закурил-таки. – Водки потребишь сто граммчиков?

– А я писать буду про лучших ваших трактористов и сельщиков. С агрономом интервью надо сделать, – тихо проворковал из-за спины Моргуля корреспондент Витёк.

– Ну шо тебе сказать, Григорий! – фотокор сел на свободный стул. – Если ты ждешь из-под меня рыданий, так я ска-

жу тебе: шо бы да, так нет. Раз я приплыл сюда, так значит я имею до тебя дело. И капец на холодец, я его зроблю. Слушайте сюда все! Мне не редакция, мне обком сам и дал задачу. Притарань, говорят, Семён Абрамыч, такую фотографическую сагу о передовом совхозе имени Корчагина, чтоб душа развернулась. На центральной площади огромные, говорят, стенды поставим. Они ж уверены, поцы, что когда вы сеяли, то я к вам визиты наносил не раз. Вы ж герои, а?!

– А чего к нам было ездить? Трактора вон переворачивались, машины, сеялки раком вставали, – Данилкин поморщился. – Такое только для Америки снимать. Чтоб поржали над нашим социализмом.

– Надо всё поставить как мне надо, Гриша, – Моргуль взял из руки директора стакан и забросил все сто пятьдесят в себя как уголь в топку. – Я счас развернусь, в обком приду. И шо там я им спою? Шо керосина нет и неизвестно? Так они мне скажут, шоб я пошел и посмотрел на Дюка с люка! Пошлют и в почёте будут. Потому как в посевную шлимазл Моргуль не успел тут ваши шмендеферы с гусеницами на любимую свою «Практику» заснять! Ты посмотри на него, на знаменитого дядю Сёму! Так что, атас, Гриня. Изобразим всё опять в полной выкладке. И ты меня не спрашивай: тебе, Семэн, с сиропом да или с сиропом без!? Воскресим посевную в нарядном виде. Чтоб в обкоме все сказали, что Моргуль бики-

цер и Гриша Данилкин бикицер. Молодцы! Давай, Григорий, шоб я не моргнул ещё – наведи Париж на полях Ну, короче, свет туши, кидай гранату! Лучше иметь пятьдесят процентов в стоящем гешефте, чем сто – в пропащем. Так оно?

– Сделаем! Много фотографий наших в обком на стенды пойдёт? – Данилкин стал входить во вкус. Организовывал он постановочное кино и фотокадры вылизанные, и портреты лучших пахарей да косарей намазанных гримом попеременно с пылью или озатками пшеничными на лицах. Всё подгонял как киношникам и фотографам надо было. А уж Моргулю он вообще отказать не смог бы даже при смерти. Любил он Сёму за хороший нрав и тонкую работу свою. Лучше него, наверное, были фотографы. Но Данилкину не попадались никогда.

– А я помогать Вам буду.– Сказал Данилкину Витёк, корреспондент.– А когда отснимем, то я и свою работу сделаю. Интервью. Очерк. Репортаж.

– Ладно. Здесь сидите пока. Водка в шкафу, – Данилкин надел кепку козырьком назад. – А мы с руководством и Серёгой Чалым пошли красоту создавать, масштаб и внешний вид каждодневного героизма. Вот рация. Я тебе на неё, Сёма, накричу, когда надо будет. Придешь и подправишь всё под себя. Будет тебе эпопея! Масштабо-грандиозо. Пейте поку-

да. Но так, чтобы руки не трясли твой дорогуший аппарат.

– Разрежьте мне голову, но талант таки есть у тебя к показухе, – заржал Семён Абрамович и налил себе ещё сто. – В общем и целом, Грыцько, желаю тебе до сто двадцать лет и огромного нашего общего еврейского счастья. Мы победим и сегодня, сделаем всем смешно. Хиляйте, я тут сам один посижу без поцевского щороха.

И все начальники да Витёк – корреспондент убежали делать красоту и иллюзию эпопеи битвы с непокорной целиной, чтобы в обкоме, глядя на прекрасные снимки, захотели ещё больше зауважать и Моргуля, и Данилкина, и героическую поступь советских тружеников полей.

– Эй, Чалый! Серёга!– орал троекратно в окно дома Серёгиного Данилкин, директор.

– Спит Серёга!– высунулась в форточку жена его, Ирина. – Он только вчера ночью с трактора сполз. Без Серёги вам, блин, Героев соцтруда не дадут?

Она втянула свою красивую, но злую личность назад в комнату и форточкой грохнула так, что Алпатов, парторг, сразу вlepил ей вдогонку диагноз.

– Шизуха, мать твою!

После хая и грохота, естественно, Чалый не доглядел до конца сон и в трусах вышел на крыльцо.

– Ильич, я всё посеял. На двадцать третьей клетке даже Лёхе Иванову подмогнул. У него масло с коренного вытекло. Пока ездили за маслом, да коренной меняли, я и там покатался. В четыре утра приехал. Чего стряхнулось-то?

– Надо народ мобилизовать! – прямой наводкой и крупным калибром лупанул Данилкин. – Весь народ, который сеял, поднимать как по тревоге. Трактора заводить, сцепки сенок с боронами и культиваторами прицепить обратно, украсить всё маленькими флажками, повесить вымпела на каждый третий трактор. Сбоку на дверцу. И всем выезжать к двенадцати часам на седьмую и восьмую клетки.

– Во, мля, пропустили, что ли? Семена не уложили? А Вова Самохин, агроном хренов, девок наших в это время шупал? – Чалый с кислой рожей скрылся за дверью, а через пять минут выбежал в комбинезоне, заканчивая на ходу беседу с женой – Ага, на побегушках! Зато кушаете хорошо и пианино у дочки не белорусское, а «Петрофф», блин! Заграница. В «Альбатросе» только у Дутова такое. И вот у нас.

Он вышел за штакетник, со всеми поздоровался и спросил.

– Без агронома сеять будем? И зачем на две клетки весь народ в поле гнать?

Следующие полчаса проснувшееся население корчагинского внимательно слушало громкий и живописный рассказ Данилкина о Семёне Моргуле и его таланте творить глобальные фотографические чудеса.

– Фильм «Война и мир» Бондарчук пять лет снимал. Показывали в шестьдесят шестом и седьмом. Вы все смотрели, да не раз. Так почти тридцать миллионов долларов на него спустили. В массовке основной битвы 120 тысяч солдат наших срочников бегали. Бесплатно причём. Сто двадцать тысяч, бляха! И Бондарчук управился же! Ну, может, ассистенты помогали, конечно. А получилась эпопея. Огромная. Нам этого не надо. Нам Сёма сделает фотоэпопею чуть миниатюрнее. Но он выдающуюся сварганит картину. В обкоме рыдать будут от счастья, что есть на кустанайщине такие герои как мы. И повесят наши снимки на центральной площади. Может даже на ВДНХ в Москву потом прорвемся. В журналы попадём всесоюзные. В «Огонёк», «Крестьянку», «Сельское хозяйство СССР»! Вот, бляха, мероприятие. На-

до прокрутить с умом и без ошибок.

– А чё? Первый раз нам тюльку втюхивать? – потер руки Чалый. – Я какую тут роль играю?

– Соберать всех по полной форме и поставить на клетки. Там разберемся уже с фотографом, – сказал Копанов. – А я пойду флажки со склада возьму лишние, да выпела ударников.

– Тебя, Кравчука и Савостьянова отдельно сфоткают. А про «королеву» нашу

Айжаночку Карумбаеву будут прямо альбом отдельный делать. – Данилкин стал переминаться с ноги на ногу. Волновался и торопился, значит, – Сёма

карточек про неё штук тридцать сделает, а Витёк вот всё хорошее напишет. Пойдет и в газету, и на площадь, на ВД-НХ и в альбом. Его печатать будут в типографии в Алма-Ате.

– Гриша, ты откуда знаешь всё? – удивился Алпатов, парт-орг. – Моргуль вроде ничего про это не говорил.

– Да он мне звонил позавчера, – захохотал директор Данилкин. Потому, что они с Сёмой ловко всех разыграли. – Мы

всё обговорили. Теперь надо делать побыстрее. А то Семён Абрамович в кабинете с водкой один на один уединился. А там три флакона в шкафу. Прочешемся – хана обеим сторонам-участникам. А Моргуль до утра из творчества будет изъят. Да ещё с утра на большую голову и руки с трясучкой не снизойдет вдохновение к Сёме.

– Всё, я убежал, – махнул рукой Чалый и исчез.

– Мы тоже пробежимся через Кравчука, Артемьева и Валечку Савостьянова, – пошли в разные стороны парторг и председатель профкома. – А они потом россыпью охватят всех и через два часа трактора в сцепках и с флажками да вымпелами будут стоять на клетках в боевом порядке.

– А я в контору пошел. Свистните потом, – Данилкин повернул кепку козырьком вперед и вразвалку двинул к себе в кабинет, надеясь застать большого мастера фотографии в состоянии, пригодном для творения шедевров. Витёк, корреспондент начинающий, торопливо шел рядом и заваливал Данилкина разнообразными деловыми вопросами, из чего директор успел сделать вывод, что парень далеко не дубина стоеросовая и не тупырь. Но кроме выводов сделать не успел ничего. То есть, ничего не ответил. Только собрался, как увидел, что с конторского крыльца спускается в меру толстый и лысый, маленько сверх меры поддатый и розовощё-

кий творец художественного фото, почти гений Семён Абрамович Моргуль.

– Где машина твоя, Гриня? Надо уже рассредоточиться на полигоне и ваять нетленное и неповторимое, – почти трезво и без торможения на сложных словах пропел Моргуль. – Я за себя сей момент так скажу, что мне в дурдоме уже пять лет прогулы пишут. Это ты, дурбецало, меня на водяру наказал! Я и хлебал эту ханку с тоски одиночества. Сознаёшь, шлимазул, промах? Или по Вам не будет? Ладно, сам с себя малоумного сделал. Если человек адиёт, так это надолго, а если поц – так навсегда. Спасибо папе с мамой, что я адиёт, но не поц. Значит счас ветерком обдует и опять я буду как юный, полный желаний и мастерства. Всю жизнь с шухера выходил гусём гордым. С голоштанного детства даже в зу-сман вылетал расхристанным через парадное с фонарем на двор, где соседи трусили ковры и сохнули белье, а ихние кинды и мои, блин, сверстники катали в маялку, пожара, жмурки и, чуть что, хипишились: «Шухер!». А я дико извиняюсь – шухер и гордый гусак – оно совсем-таки две большие разницы. Не кипяти нервы и береги мозги для инсульта, если их в тебе осталось, всех трех параллельных извилин. Вот помимо них лично я – гусак. Меня этой водкой со шнифтов не собьешь. Короче – получи, фашист, кастетом от русского мальчика Зямы. Пошли работать на искусство!

Поскольку Данилкин мало чего понял из длинной Семинной пьяной речи, то уцепился за самую последнюю фразу, взял Семёна Абрамовича под руку, Витёк под другую, и зигзагами двинулись они пешком с целью проветривания Семинной головы пёхом на клетки. Туда уже через час прибудет вся тракторная армада. А работник художественного фотографического искусства к тому времени вновь обретёт покоцанные водкой признаки высокого таланта и как всегда будет подготовлен только к созданию шедевра.

Но какой был полдень двадцать девятого апреля! Его будто заказал кто-то за очень большую цену, как заказывают в ресторанах ухари, жизнь прожигающие на ворованные деньги. На их стол смотреть и больно, и завидно. Скатерть белую таким изобилием нагружают официанты, которое называется только по-французски или по-итальянски, а выглядит как выставочный стенд великих шеф-поваров. Названия блюд повторить почти невозможно, да никто и не пытается. А нормальному человеку раздерибанить вилкой такое творение искусства – совестно и жалко. Вот и полдень такой же был. Неповторимый и ни на что не похожий. Солнце гладило землю тёплым светом своим, в котором переливались дрожащие в воздухе бабочки, купались как в голубой луже после дождя разномастные птицы и нежилась под лучами его зем-

ля вспаханная, уже готовая показать солнцу первые ростки пшеницы. Просто восхитительный был полдень. Ни тебе тени от огромных машин и маленьких людей, ни косых красноватых бликов на кочках, стеклах тракторов и лицах пахарей. Сплошная благодать. Яркая и радужная.

– Э-э... – уныло протянул фотокорреспондент Моргуль Семён Абрамович. – Тут таки я не спою для вас свою арию как вкусный борщ! На цугундер, конечно, возьму, сниму помалу, но в такой работе не будет цимуса! Против солнца, пока оно не спадет с зенита, я хоть и кину брови на лоб, но бесплатно. Не будет феерии и эпохального кадрика.

– А чего вообще? – робко возмутился Олежка Николаев. – Все в строю. Трактора с мылом помыли. Сапоги вон наваксили и натёрли. Сами как солнце блестят. Чего не хватает вообще? Не пойму ни хрена!

Чалый услышал разговор, привинчивая к своему трактору на капот красную жестяную звезду. Подошел.

– Чё, Абрамыч, лишку хряпнул? Не видишь объектов приложения сил творческих? Вон, гляди, какую мы тебе показуху замастырили! Как для Брежнева. Он бы оценил, не капризничал.

– Не, правда, Сёма! – Данилкин на корточках опустился. – Светло, красиво, блестит всё. Давай сделаем. А то я и баньку распорядился нагреть, чтоб до костей прохватило.

– Ну, здрассти! – Моргуль снял с себя все аппараты, мешочки, экспонометры и на пашню аккуратно сложил. – Если б мне припёрло тут снять с вас жирок и шкварки, то таки да. Я бы почумил тут как попало и зробив на шару. Разве для нашего человека есть чего-то невозможного, когда за это платят бабки?

Так я, Гриня, не за бабки к тебе завинчиваю. Кто так скажет: дайте этим детям соски и нехай они заткнут себе рты! Я делаю свой гешефт на моём удовольствии от моей гениальности. Вы хотите песен? Тогда ждём все – когда солнце склонится на четыре часа. Полдень – это ж для пленки не цимус. Это ей как мне самогону три литра через лейку залить. И получится, что мне с этой пьянкой и стакан вина выпить некогда.

– Ждать надо? Солнце не там висит? – спросил Данилкина Валечка Савостьянов.

– Ну, – Данилкин, директор, вытер под кепкой наполовину лысую голову и бросил короткий взгляд в зенит. Зажмурился и засопел. Он планировал после съёмок культур-

но-оздоровительную программу и переживал, что она отложится неизвестно на сколько. Витёк, корреспондент, достал блокнот, взял за рукав Кравчука Толяна и увел его в сторону. Интервью брать у передовика. А Володя Самохин, агроном арендованный, подошел сзади к Данилкину и одно слово на ухо сказал.

– Отойдем?

Когда они удалились метров на тридцать от общей группы, Самохин поинтересовался.

– А Моргуль всегда так разговаривает, или только когда пьяный? Я половины не понимаю, но говорит красиво, колоритно. К нам-то он редко ездит. Дутов же собственного фотографа высшей марки из Москвы на пять лет выписал. А тот живёт уже все десять. Так Семён Абрамович какой диалект нам так красиво демонстрирует?

– Вова, он же одессит коренной, старый, – Данилкин засмеялся и по щеке себя стукнул. Видимо, и комары долетели сюда с озера.– Он всегда так говорит. И на работе, и дома, и в гостях. Сёма в войну после эвакуации опять в Одессу- маму вернулся. Так летом в сорок четвертом из-за границы наши офицеры часто в Одессу приезжали. Из разных стран. Ну, оттуда, где воевали. И везли всё, что в загранке под руки подво-

рачивалось. Приёмники, бритвы электрические, фотоаппараты. Вот Сёма как-то с ними повязался. Сперва себе набрал отличную технику. «Цейс», например. Идеальной просветлённости объектив. Ну, а потом спекулировать начал фотокамерами. В сорок пятом его отловили на этом деле, судили. Ну и приговор был не шибко злой. Три года лагерей в Казахстане. Отсидел и остался в Кустанае. Сперва в «Жилкоммунхозе» фотомастером пристроился. Потом в газету «Сталинский путь» карточки свои стал носить. Везде снимал после работы. Город, Тобол, людей в труде и на отдыхе. И через пару лет его взяли фотокорреспондентом. После смерти Сталина газета называлась уже «Ленинский путь». Сёма позвал из Одессы дружка своего Яшу Зусмана. Тот писал толково. И так прижились у нас ребятки. Сейчас постарели оба. Но они – коренные Одесситы. Родом ещё из той старой Одессы, где еврейско-одесский говор был уникальным и неповторимым. С юмором и с непревзойдённым, оригинальным шармом. Так что, Семён Абрамович сейчас не выпендривается. Он так живет. Это его родной и дорогой ему язык. Вот так, примерно, Вова.

– Надо же! – почесал затылок Самохин. – Красота-то какая. Не язык, а пение жар-птицы!

– Песня одесских соловьёв! – Данилкин шлёпнул себя по щеке ещё раз. – Откуда, бляха, комары? Ну, пошли обратно.

Все трактористы, сеяльщицы, девушки с борон и шофера залегли кто куда. Как-то разыскивали под машинами или делали тень из брезентовых кусков да ложились вздремнуть. Моргуль достал из большой кожаной сумки, где лежали фотокамеры, соломенную шляпу, лег на спину и накрыл шляпой лицо. До начала великой имитации трудового героизма оставалось часа три времени. Можно было всё это время настраиваться, делать солидное выражение лиц, обветренных и строгих. А можно было и хорошенько вздремнуть. Что все, включая Данилкина, с удовольствием и выбрали.

Директор примостился к боку Семёна Абрамовича и тихо сказал.

– Ты, Сёма, тоже поспи часика три. Работы-то много.

– Знаешь, Гриня, а я в отпуске был в феврале. Редактор единственное пустое время таки нашел под меня. Да шоб я так был здоров! И я, ты знаешь, зимой не поехал в Одессу. Мне больно не иметь видеть живых каштанов. Я... Это...

В Москву с внучкой... Да... Мавзолей ей смачно показал. Где я и сам имел видеть того вечно живого Ленина таки да в гробу.

После этих слов, растянутых минуты на три, он сонно опустил руку Данилкину на грудь и провалился в сон, который и водку из души на жару вытопит, и на дело настроит как хороший камертон знакомого скрипача Одесской филармонии Лёвы Фраермана..

Да и не так уж лениво проскакали часовые и секундные стрелки по кругу на часах прикорнувших деятелей искусства и сельского хозяйства. Удивительно, но случайному прохожему, которого, конечно, и придумать-то трудно в это время и этом месте, было бы в тиши безветренной как шуршат механизмы часов «слава», «победа» и «ракета». Шуршат и напоминают шелест колосьев пшеницы, который скоро уже начнет шевелить воздух степной.

– Батальон, подъём! К бою! – так закричал в командирском голосовом регистре Григорий Ильич. Директор Данилкин. Он уже возвышался над полёгшими телами, крутил кепку козырьком назад, то есть в рабочее положение, и крутил телом, разбросив руки. Разминал позвоночник и прочие кости.

Из-под тракторов, сеялок, накрытых брезентом, стали выползать крестьяне полусонные, вываливались из кузовов ав-

томобилей, тоже прикрытых пологам из плотной серой ткани «туальденор», которая не давала на посевной семенам сыпаться в грязь на кочках.

– Сёма, надо работать начинать, – Данилкин стал нежно колыхать туда-сюда пухленькое тело мастера фотодела.

– Ша! – с трудом возвращаясь в действительность, пробормотал Моргуль Семён Абрамович. – Смачное на всех утро, хотя и вечер! Шоб мы все так были здоровы. С работы конидохнут, но дешевле для здоровья не знать за эти мансы.

Он поднялся. Зевнул глубоко. Нацепил на себя всю утварь свою техническую и поманил к себе пальцем Серёгу Чалого и Артемьева Игорька.

– Рации мают все?

– Все, – приложил руку к козырьку засаленной кепки своей Игорёк.

– Тогда кидаем балабонить и суём по стремянам свои больные ноги. Я поеду на том трёпаном лимузине в кузове. И всем в рации слухать, чего я несу вместо молчать и фотографировать. И шоб никто не прикидывался тут большим мастером предсказывать погоду на вчера. Дядя Сёма сам зна-

ет, что таки да, а что голимый геволт. И шоб по ходу дела не перечить! Всё будет в темпе вальса, если никто с вас не захочет побежать впереди тротуара. Просто распустите уши веером и слушайте дядю Сёму и его друга Григория Ильича, вашего паровоза.

Данилкин отвел его к машине и с шофером вместе заваляли Моргуля в кузов.

– Давай, езжай вперед и стань за километр по центру пашни задом к солнцу. Чтобы Семен Абрамович солнце чувал только затылком.

Машина тронулась и, скрытая поднявшейся пылью, пропала с глаз.

– Чалый! – Данилкин закурил и крикнул в рацию. Прибежал Чалый Серёга. -Ты с Витьком корреспондентом разворачивай трактора со сцепками сперва в одну шеренгу передками на солнце. А Сёма будет с машины командовать, каким тракторам вперёд податься, а каким отстать и на сколько метров. Говорить он будет мне, а я тебе. Ты – Витьку. Сам сиди в тракторе и будь на связи. Витёк пусть вот эту рацию возьмёт и бежит на дальний фланг шеренги. Ты команды дашь ему. Понял?

– Так точно!– Чалый схватил вторую рацию и рукой пома- хал Витьку. Тот подбежал, рацию взял и, спотыкаясь, унесся к концу шеренги.

И пошла работа. Моргуль истошно орал директору, Да- нилкин Чалому, а Серёга всем остальным. Армада трону- лась. Начиная справа, трактора, отставая друг от друга на де- сять метров, скоро образовали ровную линию по диагонали. Первый правый трактор был почти рядом с машиной фото- графа, а остальные с шагом в десять метров отдалялись от объектива. Последние пять сцепок от фотографа удалились почти на километр.

– Шо вы кипятитесь, как тот агичин паровоз? Давайте плесните у рот холодного компота и выпустите пар из ушей! Мы делаем картину маслом, а не битву за Жмеринку! – Кри- чал Моргуль директору. – Пусть шевелятся как покойники. Не надо мне тут делать цугундер и олимпийские игры! Это наша общая бранжа, и мы таки её за сейчас сделаем!

Данилкин переводил всё сказанное Чалому, а тот по ра- ции выравнивал строй, кого-то приближал, кого-то отдалял. Витёк прятался за последний трактор, чтобы не светиться в объективе и тоже по рации доводил строй до того совершен- ства, которого требовал Мастер.

– Всё, хватит с вас морочить мою полуспину! – подал решающую команду мэтр фотографического искусства. – Эх, шобы я не дожил до умереть! Теперича без лишнего шороха все грустно, как на свадьбе у зубного техника, кудую-суюдою-тудую кандёхаем медленно прямо на мои розовые щёчки. Это последнее, що я имею вам сказать.

Данилкин перевёл. Дальше по цепочке сработали все рации и скошенная колонна медленно двинулась вперед, прямо на стоящий боком грузовик. Мастер Моргуль высился на кабине и, прикрывая ладонью объектив то слева, то справа, ловил в кадр медленное движение, поднимавшее позади сцепок лёгкую пелену пыли, которая не перекрывала соседние машины, но создавала ощущение быстрого, мощного движения. Он щелкал беспрестанно. Приседая и ложась круглым животом на горячий металл, поднимая камеру над головой, становясь вбок на самый край кабины, опускаясь в кузов и прыгивая на капот.

– Вот так! Первый сеанс отхихикали таки! – Моргуль сел на кабину и говорил в рацию Данилкину, хотя слышали все. – Шоб я до конца жизни пытался поднять такую самашечую тяжесть, как собственную пуцку.

– Перерыв! – крикнул всем директор. – Вернулись на ис-

ходную и заглушились на пятнадцать минут. Потом ещё ходка. Может, последняя.

Над пашней стало так тихо, будто кто-то сверху выключил на всей Земле звук. И только минут через пять все услышали как трещат молодые кузнечики, чирикают воробьи и матерится Артемьев Игорёк, которые неудачно соскочил с гусеницы и порвал штаны от задницы до сапога.

Кто рядом был, засмеялись. Остальные не знали, над чем веселятся соседи, но тоже расхохотались.

Потому, что у них было целых пятнадцать минут тихого весеннего отдыха.

Глава двадцатая

Все имена и фамилии действующих лиц, а также наименования населенных пунктов (кроме г.Кустаная) изменены автором по этическим соображениям

Вечер двадцать девятого апреля шестьдесят девятого года в истории совхоза Корчагинский отпечатался как след ноги случайно сунувшегося в незастывший цементный пол мужика. Намертво, отчетливо и навсегда. Дядя Сёма Моргуль завершил свою фотографическую экзекуцию. Четыре раза гонял тринадцать тракторов со сцепками вперёд-назад, снимал с машины, с земли, с кабины одного трактора и очень печалился, что не мог щёлкнуть кадрик-другой с высоты полёта хотя бы птицы вороны.

Потом он истязал отдельных передовиков, заставляя их красиво выглядывать в простор из кабин, приставлять ребро ладони к глазам и прищуриваться, глядя в неосвоенную даль. Сфотографировал фальшивый обед трудящихся на большом капоте «сталинца», улыбающихся тёток, радостно высыпавших семена из мешка в бункер дозатора, а также вытирающего рукавом пот с грязного лица Кравчука. Кравчук Толян натурально-то был вполне чистый. Поэтому Моргуль Семён Абрамович слегка припорошил лицо его пылью с пашни и брызнул на пыль водой изо рта. Воду набрал из бидончика Олежки Николаева. В общем, здорово всё получилось. Трактористы и сеяльщицы от пустопорожних метаний туда-обратно чуток придурели, но в целом остались довольны и громко выражали благодарность маэстро фотоис-

куства разными приятными восторженными словами.

После чего трактора медленно поползли на МТС, а всё начальство плюс Чалый Серёга, Моргуль и Витёк в кузове грузовика поехали в баню, где кроме долгожданного целебного пара ожидали их и ужин сытный, и водка холодная, и веники березовые, в ближайшей уральской деревне купленные ещё в прошлом году. Парились долго, ели часто, пили лихо. Уж время к полуночи прислоняться начало, а банный пир только рацвёл, раздался вширь и вглубь, и перебрался в ту стадию, когда никому никуда не надо, когда нет в мире больше ничего, кроме дружества неразлучного, скреплённого водкой, общими разгоряченными выкриками- «А ну, поддай ещё на каменку!» и анекдотами, воспоминаниями весёлыми о жизни нелёгкой и пьяными шутками о руководстве власти советской и лично о Леониде Ильиче Брежневе.

– Шо? Так плохо живете, что только в одной руке сумка? – запивая «столичную» лимонадом веселился маэстро дядя Сёма. – Так Генеральный Ильич с вас смеётся, с гопников. «Шо вы, говорит, хотите с под меня, когда вас тут вообще не стояло? Вы сперва ноги помойте, а потом педикюр делайте. Или вы вообще все уходите, слава богу, или остаётесь, не дай бог? И не надо меня уговаривать, я и так соглашусь. Мне всё равно, лишь бы да!»

Все укатывались, захлёбывались смехом, хотя в одесские намёки «Леонида Ильича» не врубались вообще. Один дядя Сёма, возможно, понимал, что нёс.

Ночью поздней, часа в три, наверное, фотограф Моргуль выпил ровно столько, чтобы поиметь жгучее, непреодолимое желание уехать в Кустанай и немедленно проявить там плёнки.

– Так редакция же закрыта ночью, = робко возразил желанию шефа корреспондент Витёк, который пил только лимонад и к этому времени окончательно разошелся со всей бригадой в состоянии тонуса, восприятия реальности и способности разделять возможное от ненужного.

– А почему нет, когда да? – возразил Семён Абрамович и зигзагами пошел в парную. – Шо то мне не нравятся за Ваши намеренья. Вы шо тут круче Яшки Косого стать хотите? Учтите местные контрасты. Качать права – вам здесь не тут...

– Да довезет его Фёдор мой, – Данилкин, директор, снял с вешалки пиджак, достал из кармана рацию и разбудил шофёра. – Фёдор, подъезжай к бане. В Кустанай поедешь с фотографом и...

– Нет, я-то останусь. Встрепенулся Витёк, корреспондент.– Я договорился с Айжан Курумбаевой. Завтра с утра до вечера с ней в поле буду. На очерк материал набирать. Сам пусть едет.

– У меня переночуешь, – сказал Чалый Серёга. Утром тебя к ней отвезу. Потом с ней на клетки поедешь. На «Кировце», бляха! Больше ни у кого нет. Только у Айжанки. Но она того стоит. Лучше её не найдёшь тракториста в округе.

Дядю Сёму за полчаса одели, навесили на грудь и бока всё его навесное оборудование, нежно вывели под руки к ГаЗику, ещё минут десять размещали его распаренное, пахнущее водкой и берёзовым веником тело, пообнимались, по очереди ныряя на половину туловища в кабину, после чего Моргуль помахал всем рукой и сказал прощальный тост, запить который ему поднёс в маленьком стакане парторг Алпатов Сергей.

– Давайте ходить друг в другу в гости. Вы к нам на именины, а мы к вам на похороны!

Все похлопали в ладоши и Моргуль закрыл дверцу, выбросив пустой стакан в руки Данилкина. Машина заскрипела, оцетинилась светом мощных фар и рванула в темень, помахивая на прощание красными габаритными огнями на

неровной дороге. Без Семёна Абрамовича банная ночь потеряла стержень и смысл к продолжению самоистязания. Все ополоснулись, оделись, хлебнули по соточке на посошок и разошлись.

Расползлись, точнее, по домам до начала нового дня, который приблизит население совхоза вплотную к празднованию международного праздника солидарности трудящихся! А в нём будет много торжества, речей, демонстрационных проходов с флагами и портретами членов политбюро, а также музыки, песен патриотических, веселья и водки, объединяющей восприятие праздника, горячие сердца и ещё не потухшие в глуши, пылающие любовью к Родине чистые советские души.

Чалый утром растолкал Витьку примерно в семь. Три полновесных часа повезло Витьку вздремнуть. Но парню только прошлой осенью стукнуло двадцать, он был спортсменом разрядником и сил для экстремальных напряжений имел в достатке. Три часа сна или семь было – организм пока не улавливал различий и вёл себя как положено. То есть, работал как швейцарские часы.

– Сейчас позавтракаем и поедем, – Чалый пошел к буфету за чашками.

– Не, сразу поехали. Мне дня не хватит. Завтра надо отписаться. В праздник. И сдать в читку второго. Редакция второго работает.

Через пять минут они прыгнули в трактор Серёгин и, пугая лениво переходивших дорогу ночных охотников-кошек, довольно быстро добрались до большого дома, где жила Айжан с мужем, двумя детьми и больными родителями.

– Привет, Витя! Привет, Серёжа, – Айжан Курумбаева несла в дом ведро воды из одного конца огромного двора в противоположный. Она уже оделась в спецовку, перчатки шерстяные надела зачем-то, а на голову бежевую лыжную шапочку. – Сейчас поедем. Ты, Сережа, отдыхай. Мы теперь сами. Да, Виктор? Я только ведро занесу последнее. Мама детям стирать будет.

И она быстро поднялась на крыльцо. Дверь была открыта. Маленький ребенок плакал. Бабушка и девочка лет пяти его уговаривали непонятными Витьку казахскими песенками. На самой середине двора как второй дом возвышался трактор «кировец». Новая, желтая громадина с герметичной кабиной, огромным топливным баком за кабиной и колёсами почти в Витькин рост. На такой машине Витёк не то что не катался никогда. Он и видел-то её пару раз всего. Их с шестьдесят девятого на Путиловском заводе в Ленинграде только

начали выпускать, а потому и по всему Союзу-то их немного ездило, а в Казахстан пока дали штук пять-шесть. Правда Айжанке, как передовой женщине-трактористке и лучшей среди лучших на целине, трактор вручили прямо на заводе. Именной получился трактор. Она за ним летала в Ленинград, речь благодарственную произнесла, ключи и документы взяла из рук Генерального директора завода. Но ездить-то на нём и не пробовала. Потому поехал её К-700 на платформе по железной дороге до Кустаная. А с вокзала специально посланный специалист заводской пригнал трактор в Корчагинский. С Айжанкой на боковом сиденьи. По дороге они съехали с трассы и по бездорожью она сама проехала километров семьдесят. Ездить вроде бы сразу и научилась. Осталось только саму машину выучить и как работать с навесным оборудованием, которое ой как сильно отличалось от привычного, которое на родных МТЗ, и ДТ стоит. У «кировца» оно и тяжелее вдвое, и гидравлика подключается по-другому. В общем, месяц Айжан Курумбаева крутилась вокруг трактора и под ним лежала с чертежами и техническим паспортом. И, что хорошо, была она умной и вникала в тонкости новой машины почти сразу. Витёк всё это знал и помнил, потому, что писал о Курумбаевой уже два раза. А теперь вот задание получил: сделать большой очерк о об уникальном таланте молодой женщины, который позволял ей непонятным образом обходить на пашне самых известных передовиков со всей области. Ну и, как положено в очерке – не

писать только о подвигах, а и человека показать, душу Айжанкину раскрыть, показать её в быту с хорошей стороны.

– Чтобы народ перестал думать, будто передовик только в поле и живет как суслик, – сказал главный редактор. – Живого надо больше. Семья, дети, родители, муж. Полный рот забот. А она и дома молодец, и в труде – всем ребятам пример.

Вышла Айжан, муж её Нурлан с дочкой. Он нёс в одной руке пятилетнюю Маржан, а в другой большую сумку с едой, водой и айраном. Айжан любила домашний кефир и муж привозил его раз в неделю из райцентра. Флягу целую.

– Ты ел утром, Витя? Спросил Нурлан, укладывая сумку позади кабины, чуть в стороне от бака с соляжкой.

– Пока не хочу, – Витёк помог приладить сумку понадежнее. Чтобы не соскочила на кочках. – Мы же будем сегодня нетронутую землю распахать под озимые? Данилкин сказал, что корчагинскому недавно ещё сто гектаров дали чистой степи под распашку.

– Дали, – без радости ответила Айжанка. – Посмотришь, вроде много земли. Большая степь. А жалко. Ковыль там. Суслики, полёвки, змеи и фазаны. Зайцы бегают. Лисы при-

ходят из дальних лесочков. Даже волки степные есть тут. Теперь им негде жить будет. Уходить надо. Куда уходить? Степь живностью разной заполнена. У каждой норки кусок земли свой. Воевать будут, грызть друг друга. А мы, один чёрт, всю землю под себя не подгребём. Она против будет. И нам ответит. Но не добром, конечно. Отомстит.

Витьку слова такие странно было слышать от человека, чьей заботой было сделать так, чтобы вырастить для людей как можно больше хлеба. И он опустил глаза. Не стал комментировать.

– Ты, Нурлан, маму сегодня отвези в район, не забудь. Ей на приём сегодня в двенадцать к хирургу. Насчёт вен на ногах. Олжаса покорми. Я молоко в теплой воде оставила. Четыре бутылочки. Хорошо? Поедешь с мамой, детей не оставляй. С собой возьми. И отцу не забудь укол поставить. Кашель вроде поменьше стал. Но ещё есть воспаление.

– Не переживай, Айя, – Нурлан поцеловал её в щеку. Айжан быстро поднялась по ступенькам и села за руль, включила двигатель. Витёк сел на сиденье сбоку и они выехали в открытые ворота, которые сверху смотрелись как игрушечные. Витькина голова ехала сейчас на три мера выше пыльной дороги.

– Ну, с нами Аллах и технический прогресс! – крикнула Айжан. И на очень приличной скорости, чуть ли не под шестьдесят километров в час, желтый как гиганский сказочный цыплёнок, К-700, великий и могучий, рванул в тридцатикилометровый путь. Туда, где ждал вчера снятый плуг.

– Эх... – тихо произнесла Айжан Курумбаева. В кабине была такая звукоизоляция, что слышен был даже шепот.

– Что, Айжаночка? – тронул её за плечо Витёк.

– Да врачи сказали, что мне уже с трактора слезать пора. – Она посмотрела на Витька и засмеялась. – Я с третьим ребёнком по кочкам прыгаю. Три месяца уже. А как работу бросишь? Там только на К-700 и управишься. Да я, простит меня Аллах, и с Олжасом в животе до восьми, считай, месяцев тряслась. Ничего. Здоровенький пока, хвала Аллаху.

– А Данилкин знает, что ты беременная? – Витёк поморщился. Айжанку ему почему-то стало жаль.

– Да ну его, Данилкина, – Айжан Курумбаева усмехнулась иронически. – Сразу снимет с трактора. Буду дома сидеть. Нурлан мой зоотехник хороший. Там, где мы жили, работал, и уважали его. А Данилкин третий год клянётся овцеферму построить и овец купить. Нурлану бы работа была. А так, я

пока одна зарабатываю .Пенсии у родителей вроде и не маленькие. Но мы у них не берем денег. А они их на смерть копят. Похороните, говорят, а что останется, заберёте.

– А ты разве верующая?– спросил Витёк. – Вроде не говорила мне раньше.

– Да нет. Это я так. Для солидности говорю про Аллаха, – Айжан сняла шапочку и махнула влево-вправо красивым блестящим, похожим на смолу волосом. – Чтобы верить, надо точно знать, что он есть. Почти все верят просто потому, что их родители верили, ажешки с агашками. А мне всё надо сперва точно знать, потом делать. Вот про то, что он существует и где находится, пока не знаю.

Да и не видел его никто. Говорят, это он мне помогает. А я думаю, что хороший трактор. Исправный, надёжный. Руки-ноги мои. Голова. А их не Аллах дал. Мама моя Нурия и отец Тлеухан. А вот им Аллах что-то не сильно помогал. Помыкались в нищете с нами, детьми. Четверо нас. Два брата и сестра. В ауле жили под Аркалыком. Жара была в одно лето. Трава погорела в степи, бараны сдохли и три наших лошади-кормилицы. Так они оттуда до Курундая почти полгода добирались. На чём попало. Все болезни в дороге заработали. Так разве они в чем виноваты перед Аллахом? Почему он их так наказал, что мы их лечим, лечим, а вылечим или нет,

не уверена я. Потому мне с пашни нельзя уходить. Когда уж совсем прижмёт как с Олжасиком, тогда перерыв сделаю. Но рожать буду четверых. Как мои родители. Им спасибо. Подняли нас. Не Аллах, пусть он простит меня за слова такие.

– Я забыл, – Витёк почесал затылок. – Ты с какого года?

– С сорок третьего. Двадцать шесть мне всего. Ещё успею и попахать, и родить, и вырастить. Родители бы только подольше прожили. Мечта моя. Не богатой стать, а родителей иметь, мужа и детей здоровых. Вот в них и богатство моё. А сам с какого года?

– Я – с сорок девятого, – Витёк засмеялся. – Двадцать лет ещё. Насмотрюсь, набегаюсь. Есть время.

– Так, – Айжан покрутила головой. – Заболтались. Тропку мою проскочили. Налево надо вертеть.

Дальше ехали молча. Витёк думал о том, даст ли редактор написать то, что он сейчас услышал. Такого никто про неё не писал. Только про трудовые победы.

А о чем думала Айжан Курумбаева, по лицу не смог он определить. Может быть, о будущей выработке на пашне. Может о детях, которые едут с отцом и бабушкой в больни-

цу. Или о будущем ребенке думает. Как бы его поаккуратнее по целине повозить. Ну, да. Скорее всего, ничего другого ей бы сейчас в голову не пришло.

И тут показался вчерашний вспаханный клочок гектара на два. И плуг сразу на вид вынырнул из травы степной. Приехали. Витёк посмотрел вперёд и вправо на живой пласт целины. Работы было – начать, да кончить. Дня за два. Если очень повезёт

Удивительно выглядит воздух, которому никто и ничто не мешает. Никто его ничем не загораживает. Витёк отошел от трактора и посмотрел налево. Ровная, будто катком приплюснутая земля возле Витька была травой укрыта бледно-зелёной, да серой, цветами мелкими, желтыми и фиолетовыми. Они почти незаметно покачивались на серых твёрдых стволиках и никак не пахли. Чуть дальше широкими полосоми клонились к земле гладкие серебристые с розовым отливом космы ковыля. Ветра не было, но он тоже шевелился. А если смотреть на горизонт, где степь как будто бы и заканчивалась, то сам край земли, да и небо над ним, дрожали мелко и зябко. Как крепко простывший человек с температурой выше тридцати девяти, которому никакие таблетки не убирали дрожь. И казалось Витьку, что не с неба идет к земле воздух, а, наоборот – из земли к облакам. Потому, что без малейшего ветерка шевелились верхушки трав и седой во-

лос ковыля. А возле горизонта воздух шевелился и размывал линию, соединяющую землю с небом, но тоже снизу. Вверху, под облаками он был похож на хрусталь, сквозь который и дальше не видно ничего, и лучи солнечные меняют углы наклона к степи, меняя при этом оттенки от ярко-синего до розового. А вот если голову повернуть на бесконечную пашню, тоже упертую в горизонт, то воздух над ней вёл себя вообще смешно. Над самой почвой он взмывал почти такими же кольцами, как дым над затухающим костром. Чуть выше его крутило, если приглядеться, тонкими прозрачными спиралями и лишь в дальней дали и в высоком небе он успокаивался. Черточка горизонта была как будто дымкой прикрыта, сквозь которую можно было разглядеть мутный провал в бесконечность. Наверное, там и пристроился конец света.

– Витя! – Айжан выдернула из круглой ниши за кабиной домкрат и рычаг от него. Даже издали видно было что весит он вместе с вставной рукояткой килограммов пятнадцать не меньше. Рядом валялся толстый плоский обрезок доски. – Давай плуг поднимем. Прицепим. Вдвоём легче будет. Я трактор задом подгоню прямо к петле. Сантиметров двадцать до неё не доеду.

А ты домкратом поднимешь станину с петлей чуть выше вон того штыря. Я под него поднырну, а ты домкрат опустишь. Потом две планки угловые я сама надену, закручу и

поедем пахать.

– Давай без домкрата. Чего время терять? – Витек снял свитерок тонкий, майку. Рядом бросил. – Ты подъезжай прямо под петлю. Я её подниму так. Потом сброшу на штырь. А ты замок потом закроешь. Я не знаю – как.

– Точно поднимешь? – Айжан глянула на Витька жалостливо. – Он под семьдесят кило на отрыв от земли тянет.

– Ну, мы на тренировках штангу на плечах таскаем и приседаем с ней. Блинов висит на ней так же – семьдесят-восемьдесят килограммов. Попробуем.

Айжан Курумбаева круто рванула трактор вправо-вперед и тормознула так, что машина огромная присела. Витёк выдохнул, махнул ей рукой и равномерно с приближающимся трактором стал поднимать станину. Через пять секунд штырь точно посередине петли ожидал внизу. Как она с первого раз так ювелирно сработала, Витек не понял. Не видно же ничего толком. Ни в зеркала, ни в окно заднее. Тем более, что Айжанка маленькая была и до окна всё одно бы не дотянулась. Витёк разжал пальцы и убрал руки. Петля с глухим стуком наделась на штырь.

– Во! Здорово. С домкратом раза в три дольше. А без него

вообще никак. – трактористка спрыгнула с подножки и стала закрывать замок и прицеплять фиксирующие планки. Крепились они легко. Одним поворотом ручки-защёлки. – Всё, поехали.

С плугом двигались медленнее, но без натуги. Такой могучий был трактор, что плуга, вгрызающегося в целину, просто не чувствовал.

– Я один раз, когда только начинала на К-700 работать, шесть часов мучилась с плугом этим, – Айжан развеселилась. – Нет же никого. Все мужики километров за пять-семь от меня. Рацию тогда мне Данилкин не дал ещё. Домкрат додумался потом уже муж, Нурлан, приспособить. А в тот раз сама пробовала сперва поднять. Подогнала трактор, спиной в станину уперлась, села на корточки. Начала поднимать – упала. Руки разбила и нос. Утёрлась. Снова под села. Поднимаю и чувствую – сейчас шея отломится и ноги до колена в землю провалятся. Плакала час целый. Пошла на пашню. Не я её пахала. Думала: найду сейчас проволоку какую-нибудь. Наши мужики когда работают, часто что-то да потеряют. Нашла. Метров пять. Прикрепила за петлю и просунула в дырку между кабиной и баком. Думала, потяну и станина поднимется. Рычаг ведь есть. Тянула, тянула, руки в кровь разодрала, по лицу меня проволока стегнула прилично. На щеке вот тут шрам видишь? От проволоки той остался. Так

шесть часов прошло. А я ж настырная. В отца полностью. Все эти часы билась со станиной проклятой. Я этой проволокой и комбинезон разодрала, живот покарябала крепко, на груди шрам до сих пор так и не сошел, руки чуть не отвалились. Я потом долго, пол-дня, наверное, в кулак их сжать не могла. И тут Нурлан на нашем ГаЗике приехал. Подарил мне район машину за рекордную вспашку зяби. Три нормы в районном соревновании дала на ДТ-54.

Он меня отругал. Сказал, если ещё раз узнает, что я сама плуг навешиваю или другое что, так заставит дома сидеть и с детьми нянчиться. А работать вообще не разрешит.

Нурлан мой вот прямо как ты поднял станину, поставил, закрепил. И поехала я пахать наконец. Правда, шесть часов потеряла. Половину дня рабочего. А потом он придумал выход. Нашел мне самый большой домкрат. От БелАЗа. В Рудном, в карьере у кого-то выпросил. Стала сама навесное вешать. Молодец у меня Нурланчик.

– Вот я, Айжанка, про тебя уже третий раз пишу, так? – Витёк развернулся всем корпусом и уперся в неё взглядом. – Так ты мне скажи... Ты всегда мне правду говорила? О себе, о семье, о любви к работе на тракторе?

– Честно? – Айжан остановила машину и тоже в упор ста-

ла смотреть на Витька. – Нет, конечно. Но ты на кой чёрт за двести километров сюда тащишься каждый раз? Чтобы правду написать? Или то, что редактор приказал? Тебе же героиня нужна. Передовик. Не ест, не спит, детей не помнит в лицо. Всё в поле рвётся рекорды устанавливать. Потому, что трактор, социалистическое соревнование и небывалые урожаи для неё главнее самой жизни. Жизнь готова отдать за страну советскую!

– А на самом деле? – отвернулся Витёк. Думал, что закроет она сейчас тему и вообще потом ни слова из неё не выдашь.

– Ладно, – Айжан Курумбаева открыла дверь. – Пошли вниз. Я тебе все расскажу. Как было и есть на самом деле. Сумку возьмем, позавтракаем. И пока будем есть ты про меня всё и узнаешь. Работать сегодня не буду. Да и сусликам лишний денек подарим. Завтра нагоню. Мне это – тьфу три раза! Позавтракаем и домой поедем. Там все. Посидят послушают, поправят – если что перепутаю. Только ты без статьи тогда вернёшься. То, что мы все тебе расскажем, никто публиковать не будет. Я тебе сводки дам за посевную, а ты сам уж из них догадаешься: как про передовика ещё красивее написать, чем раньше. Первые статьи твои нам всем понравились. Мёдом не поливал меня и не врал по-крупному как некоторые.

Они взяли сумку, скатерть из неё достали. Расстелили скатерть возле колеса, в тени, разложили всё что было. Посередине мягкого цветастого стола Айжан поставила большую бутылку с молоком.

– В совхозе же нет коров, – сказал Витёк.

– Зато у Нурлана кобыла есть. Привёз из Кайдуруна. В холодную зиму прошлую она у нас в доме жила. Пока не потеплело. Комната у неё была своя. Нам ведь дом шестикомнатный Данилкин отгрохал. Нурлан за сеном в «Альбатрос» три раза ездил. Чуть не замерз один раз. Машина на два часа заглохла. Так пока сделал – почти помер там. Полуживой приехал. Месяц лечили. Зато вот у нас всегда кумыс есть. Нурлан без него не может. Да и я уже.

Они начали неспешно завтракать. Еды было много. Потому, видно, и разговор пошел не скучный. Да и откровенный.

– Я тебе все расскажу как есть, но ты пообещай, что напишешь это только, когда помру я.

– А с чего ты взяла, что помрешь раньше? – Витёк растерянно улыбнулся.

– Ну, так я же на шесть лет старше, – Айжан выпила пиалу кумыса и губы вытерла платочком, который лежал в кармане комбинезона. – А ещё я сегодня уже больная насквозь. Я же на МТЗ-5 начала пахать. Там вибрация – жуть. Все кишки внутри в клубок сворачиваются. Ну, ДТ – тоже не для женщин. Мужики только геморрой там ловят, а женщина... Ну, это я рассказывать не буду. Догадываешься, я вижу. Но я ведь рожаю. И четвертого рожу. Только после каждого родов работать тяжелее становится. И рожать в следующий раз – всё больнее и страшнее.

– Так ты же сама рвалась на трактор! – тихо сказал Витёк. – Данилкин мне говорил. Да вся область знает.

– Так вы же и врётё, корреспонденты. Сами причём. Я тебе лично хоть раз говорила, что рвалась трактористкой стать, рекорды бить, с пашни не вылезать? Говорила?

– Ну, нет, – улыбнулся корреспондент Витёк. – Но жизнь – не армия. Тут приказом заставить не могут.

Приказать не могут. Но уговорить хором – не такая уж проблема, – Айжан вздохнула и зажала губами травинку. Помолчала. – Меня Нурлан уговорил, Данилкин и инструктор обкома Тлеубаев. Единственная в области женщина-трактористка. Шестьдесят первый год. Мне восемнадцать лет. Год

назад замуж вышла. Комсомолка. Фигура, лицо, волос густой – всё красиво. Олицетворение социалистической передовой труженицы полей.

– Ты красивая, да, – сказал Витёк торжественно. – А Моргуль тебя снимал так, что киноактриса получалась типичная.

– И меня Нурлан заставил на курсы записаться, где на трактористов учат. Так я и там была как ворона белая. Все парни сбегались на меня посмотреть. Что за дура затесалась в мужское дело? А я в своем селе, пока мы в корчагинский не перебрались из-за мамы, потому что больницы не было, я в своей деревне на элеваторе зерно лопатой кидала. На буртовке. Квалификация натуральной чернорабочей. Тупее работы, наверное, нет больше. Образование – семь классов. Перспектив – ноль. Как в семнадцать лет удалось замуж выйти за такого красавца-мужчину, классного зоотехника – вот убейдо сих пор не пойму. А с двенадцати лет я в пекарне работала. Мама уже болела тогда. А я ей на лекарства зарабатывала. Короче, всё начало жизни – как плохое кино про несчастную девочку с лопатой в руках и облезлой от ветра кожей. Интересно тебе?

– Правду всегда интересно и слушать, и знать, – Витёк посерьёзней. – На чём же учиться правильно жить тогда? На брехне?

– Ну, тогда слушай правду про то, как из никчемушки специалисты пропаганды и агитации стали делать и почти уже сделали пример для подражания всем трудящимся на селе, целинникам и местным. Можно сказать, лепят из меня вторую Пашу Ангелину. Только хотят, чтобы я была и ярче, и знаменитее.

– Получается, ты в трактористки не ломилась как безумная? – Витёк тоже выпил полную пиалу кумыса и прилег на локоть. Он ещё мало чего соображал в приёмах советской пропаганды. Работать в газете год назад начал. Не успел ещё вникнуть в тонкости. – И чего ж ты хотела тогда? Раз села на МТЗ-5, этот травматический тренажер?

– Ты не поверишь! – Айжанка так захохотала, что из норки в пашне вылетели три маленьких перепуганных мышки-полёвки и унеслись в безопасное место. – Самое непатриотичное желание было. Не Родину прославить. Не думала вообще про это. После опыта перебуртовки зерна тяжелой лопатой и не думала я стать знаменитостью всесоюзной. Женщин и до меня было немало на тракторах. Но ушли почти все. Тяжко. Болячки прямо липнут к девчонкам, которые на тракторах гоняют. Сейчас, может, пять-шесть женщин-трактористок осталось в Казахстане. Так что, не патриотизм меня посадил на МТЗ в шестьдесят первом. Каюсь, врала иногда

вам, корреспондентам, что мечтала сесть на трактор и показать, кто я есть! Талант механизаторский! Что женщина за Родину готова костями лечь на пашне в кабине ДТ-54!

Я просто хотела денег побольше иметь. Да, Витя, денег! Пусть тебя это не коробит. Лично мне они особо не нужны. Мечтала, чтобы мама с отцом выздоровели на дорогих лекарствах. И детей хотела рожать здоровых, получше есть, не думать о том, смогу ли я одеть, обусть, накормить семью свою.... Хотела, чтобы у всех моих родных было всё, что счастье даёт. Чтобы дети не знали, как я, что значит жить впроголодь и ходить в обносках. И чтобы Нурлан мой ушел со стройки от этих уголовников и бичей бывших, а на мои деньги ферму построил и овец разводил. Он ведь такой мастер в своем деле. А засыхать стал без любимой работы, водку начал пить с Колуном. Есть тут у нас дурак один приклатенный.

И я сделала что хотела. Зарабатывать начала так, что мужикам совхозным и не снилось. Перестали ржать надо мной, успокоились.

И маленькую ферму домашнюю мы сами построили, на свои. Овец купили. В лютую зиму ни одна овца не замерзла. Такая ферма у Нурлана. Специальный проект тёплой конструкции в Кустанае нам сделали. Вот. Как тебе патриотка?

Хотя против советской власти не имею даже намёка на раздражение или недовольство. Люблю землю свою, советский Казахстан, Советский Союз. Только советская власть дала всем нам уверенность в завтрашнем дне. Надежду на достойную жизнь. Это даже мои старые родители говорят. А они родились вместе с советской властью. А сама я, честно, против того, чтобы девчата с молодости себя гробили на тракторах. Не для нас этот труд. Мужики, и те не все выдерживают.

Витёк сел. Обнял колени руками. Смотрел на Айжан так тепло и уважительно, что она смутилась.

– Вить, да ладно тебе. Поехали лучше домой. Нет у меня настроения сегодня вкалывать. Есть желание выговориться. Поехали?

Оцепили плуг, который их сблизил. Бросили станину. Земля тихо вздрогнула.

– Чего вешали, маялись? – засмеялся Витёк.

– А! Фигня. Домкратом завтра нацеплю – тоже засмеялась Айжан.

Вечером вся семья Курумбаевых собралась под большим навесом на улице. Стол накрыли без спиртного, но с кумы-

сом и всякими вкусами казахской кухни. Поужинали и как-то незаметно все стали говорить о жизни О своей, конечно. А ещё о большой, уже имевшей приличный стаж, но так до конца и не понятой социалистической действительности. Говорили долго, не спеша. Нурлан убеждал Витька в том, что лучше Айжанки не будет трактористки в Казахстане, А, может, и в СССР. Она постоянно толкала его в бок. Чтобы не захваливал с перебором.

– Конечно. Была бы у нас техника как за границей, обслуживание, запчасти, – Айжан задумчиво глядела мимо всех, небо темнеющее разглядывала. – А наша власть тоже хочет того же, я уверена. Но почему-то не может ещё сделать так, чтобы у нас всё было не хуже, чем в той же Америке. Так Америка сроду войны настоящей у себя на земле не видала. А у нас! То революция, то гражданская! Только оклемались малость – с Гитлером война ужасная сколько погубила и порушила. Вот как социализм начался, так государство его постоянно латает да штопает. И раны зализывает. А так бы, конечно, и одежда бы своя была не хуже ихней, и техника, и строили бы прекрасно, и лечили... Но люди у нас лучше. Думаю так. Верят в страну и сил не экономят. Помочь стране хотят.

– Вот в восьмидесятом коммунизм придет, тогда и порадуемся, – сказал Глеухан, отец, который до этого ни слова

не произнёс.

– Э! – Нурлан обнял жену. – До коммунизма далеко ещё, а у нас в семидесятом году летом юбилей. Десять лет живем в любви да уважении. Приезжай, Витя, на юбилей. Мы тебе позвоним, когда точно той будет.

– Дети, что ли заплакали? – все притихли, прислушались. – Айжан ушла в дом.

– Хочешь хохму расскажу про Айжанку, – Нурлан подвинулся поближе. – Только не пиши об этом. Она на том МТЗ-5 старом заканчивала клетку пахать. Едет, песни поёт.

– Вот ты, Нурик, болтун! – Айжан стояла прямо за спиной мужа. Тихо подошла. – Не пела я тогда. Какой там петь! Еле дышала. Жара. И ветер как пар в бане. А я на седьмом месяце была. Запоёшь тут! Трактор – развалюха. Весь трещит, аж страшно, что развалится. А я, кстати, именно на нём впервые две нормы дала. Мужских! Для нас, красавиц, скидок не было. Так вот еду, в глазах мутно уже и круги по краям глаз крутятся. Гляжу – один круг отделился и впереди трактора катится. Ну, думаю, всё – с ума потихоньку сдвигаюсь. Потом пригляделась: а это колесо переднее от трактора само бежит впереди. Оторвалось. Болты срезало.

Если бы на бок упали мы с трактором, не сидели бы сегодня тут за столом.

– Ой, бай! Зато сейчас ты одна «кировец» имеешь, – разжевывая мягкий свежий курт, вставил отец. – Кому попало такую машину не дадут. Значит ты, айналайын, не простая трактористка. Ты джигит среди всех. Олжаксы мастер – это раз. И на тебя вся страна смотрит с уважением – это два.

Сидели и болтали до полуночи. И старики не ушли. И не устал никто. Хорошо было. Уютно и тепло на душе у каждого. Никто не думал больше о прошлом, не вспоминал сегодняшнее и будущего никто не трогал больше. Потому, что будущее – это всегда тайна великая. И трепать её попусту – грех большой.

Утром Витёк уже трясся в автобусе по трассе Кайдурун-Кустанай. Думал, что напишет и как. Жалел заранее о том, о чём точно писать не станет. Не потому, что не хочет. А просто редактор посмотрит на него как на дурачка, живущего за забором великой социалистической стройки и не знающего законов советской пропаганды.

И не знала Айжан, и Нурлан не знал, а корреспондент молодой начинающий

тем более, куда повернёт замечательную женщину Айжан Курумбаеву её добрая судьба. Через несколько лет она станет Героем Социалистического труда, честно заслужит два Ордена Ленина, станет лауреатом Государственной премии своей Республики КазССР, потом будет членом ЦК КПСС огромной страны, депутатом Верховного Совета СССР, членом Президиума Верховного Совета СССР, делегатом двух съездов КПСС и членом Ревизионной комиссии компартии страны, заместителем председателя Совета Национальностей СССР.

Не знал этого наперёд никто.

Она перестанет работать на тракторе и всё свободное от заседаний в верхах время будет тратить не на своё здоровье, плохое к тому времени, а на помощь простым людям, которые, я уверен, всем сердцем благодарны ей и сегодня, когда душа этой замечательной женщины живет вечную жизнь в Божьей любви и милости.

Глава двадцать первая

Все имена и фамилии действующих лиц, а также названия населенных пунктов кроме г. Кустаная изменены автором по этическим соображениям

На весь совхоз Корчагина имелось всего пять, но зато очень замечательных громкоговорителей. Точно таких, какие на каждой центральной улице в Кустанае и в городском парке. Красивые такие серебристые рупоры размером с пятнадцатилитровое ведро. Орали они так при желании радиотехника, что мёртвых, конечно, не могли поднять, но живых, спящих мёртвым сном после трудов на благо или после пьянки убойной – запросто. Включали их редко, потому народ привычки к громким звукам не имел. И действовали аккорды бравого марша на каждого как ударная волна от огромной бомбы, безжалостно сносящая ранним утром с кроватей ни в чём не повинных мирных жителей.

Правда, бомбардировка мощной музыкой случалась только по праздникам крупным, всенародным. Так что в целом население психических травм, считай, и не имело в связи с небольшим числом таких великих дней. Так, наблюдался, конечно, инстинктивный перепуг, но быстро проходил. Ещё до начала торжественной встречи праздника с последующим переходом в питейно-закусочную стадию, когда хоть

«Аврора» над ухом стреляй – не заметит никто.

Но первое мая – праздник нежный. Солидарность трудящихся – это ж счастье. А счастье громким не бывает. Оно всегда уютное, спокойное и ласковое. Поэтому первого мая динамики громко, но не травматично воскликнули знакомое и любимое:

– Утро красит нежным светом

Стены древнего Кремля!

Просыпается с рассветом

Вся Советская земля!

Холодок бежит за ворот,

Шум на улицах сильнее.

С добрым утром, милый город,

Сердце Родины моей!

Кипучая, могучая

Никем непобедимая,

Страна моя,

Москва моя,

Ты самая любимая!

– А-А-а! Началось! – соскочил с дивана Игорёк Артемьев, который по причине досрочной встречи праздника, генеральной, можно сказать, репетиции, не смог уйти в ночь тёмную из дома Толяна Кравчука, где репетировали вшестером. С Олежкой Николаевым, Валечкой Савостьяновым, Серёгой Чалым и Кирюхой Мостовым. Нормально отрепетировали часам к двум ночи. И все, кроме маленького Игорька и Мостовой Кирюха хотел забрать к себе Артемьева, но в связи с нехваткой моральных и физических сил, донёс его только до порога и уронил.

Толян Кравчук аккуратно поднял уснувшего от падения Игорька и разместил его на диване в свитере, штанах-шароварах, ботинках солдатских и в кепке со знаком «Динамо» на козырьке.

Игорёк в половине восьмого утра хлебнул из горла граммов двести самогона, пришел в себя и сказал, что ему уже надо бежать в контору и выносить из актового зала по бокам трибуны стулья, на которых будут сидеть и приветствовать демонстрацию трудящихся начальники и самые передовые передовики.

– Не забудь! – крикнул он постепенно входящему в утро Кравчуку Толяну. – Нам с тобой тяжелое полотно нести. «Жить, учиться и трудиться, как завещал великий Ленин» В длину шесть метров. Весит килограммов пятнадцать с палками вместе. Ну, и парусность надо учитывать. Ветерок полотно придерживает и оно ещё на десяток кило в весе подскочит. Понял, Толян?

– Врежем по двести перед заходом. Тогда осилим. Не осрамимся, не бойсь! – Толян налил себе стакан, за три глотка его завалил и папиросой занюхал, не зажигая.

К одиннадцати демонстранты собрались возле конторы. Даже приклатнённые из своего «гетто» пришли. Колун привел человек пятьдесят. Они перешучивались с механизаторами, вели себя тихо-мирно. Так спокойно держались они, что сам Данилкин их похвалил.

– А вот и строители наши! Это им благодаря живем мы

в своих прекрасных домах и всегда добрым словом их вспоминаем.

– Да чё там! – зарделся Колун. Понравилась ему хвала прилюдная. – Нам только дай, а мы своё дело моём делать не хуже городских. Да, пацаны?

Приблатненные и блатные не дружно, но одобрительно загудели.

Ну, пока поправляли стенды с грамотами и ликами победителей соцсоревнования, пока флаги раздавали, транспаранты, портреты руководства страны и республики, час и пролетел. И всё было готово к маршу трудовых сил. Они ушли подальше от площади, выстроились в колонну и весело рванули вперед под «Марш энтузиастов», заброшенный в воздух из динамиков с пластинки на радиоле в кабинете директора. Там сидел Лёха Иванов, тракторист, а в торжественных случаях – управляющий радиотехникой и кинопроектором «Украина». Ходили, как и просил Данилкин, туда и обратно, потом снова туда да оттуда – раз шесть. От того демонстрация смотрелась очень красочно, увесисто, солидно. Ура кричали из колонн, оттуда же самые начитанные, способные без ошибок выдать длинный и замысловатый лозунг, сотрясали воздух и умы демонстрантов цитатами из книг Ленина и газетных здравниц Леонида Ильича. А Валя Лебеде-

ва, приехавшая по путевке после окончания Ленинградского университета сумела без запинки прокричать такую загогулистую ленинскую фразу, после которой вся колонна на пару секунд обалдела и сбилась с ноги, а местами даже замерла.

– «В союзе рабочих и крестьян – вся главная сила и опора Советской власти, в этом союзе – залог того, что дело социалистического преобразования, дело победы над капиталом, дело устранения всякой эксплуатации будет доведено нами до победного конца!» – долго выкрикивала Валя Лебедева, что повергло в изумление даже Данилкина и он стал с трибуны громко аплодировать. Весь длинный ряд передовиков на стульях тоже разразился овацией и, похоже, это стало кульминацией шествия.

Потом все выстроились полукругом вокруг трибуны и Данилкин стал раздавать по традиции награды первомайские, которые в большом ящике стояли сзади, а Витя Антоненко, слесарь из МТМ, их директору подавал. Данилкин дарил мужикам часы «Слава» и «Победа», женщинам духи «Красный мак» и «Красная Москва». Ну, грамоты конечно, приветственные письма на больших лоснящихся листах, распечатанных звёздами красными, серпами с молотом и колосьями. Виды оформления и тексты Чалый Серёга заранее заказал в кустанайской типографии. В совхозе от руки секретарша Ира вписывала только имена и фамилии. Праздничными

сувенирами и грамотами не обошли и прибалтненных. Они смущенно подбегали к трибуне, неловко принимали подарки с бумагами и, опустив глаза, рысью возвращались в массу.

– Не, это, бляха, честные фраера, – сказал Колун своим ближе к концу раздачи. – Я в натуре замажусь за любого из них, если какая карусель вынырнет. Пасут они нас – это да. Но и лавеху платят, работу дают и за шнифтов не держат. Награждают как своих. Мазёвые ваньки, понятия имеют, зуб за них даю.

– То, что нас Данилкин не зачужкавил, то он уже не против нашей масти. – Добавил Лёва Леший, откинувшийся после отсидки за гоп-стоп. – И в отрицалово нам потому уходить – параша в натуре. Нету среди них «пупков», все фраера в понятиях. И кум сам первый на семью годится без базара.

Те, кто их слышал, улыбались. Понимали не всё. Но было ясно, что блатные рады не столько часам, сколько тому, что их «не опустили», не унизили, а относятся, как к равным, то есть, честным, без грязных клякс на совести.

Потом все разошлись по домам. Отмечать. Сначала семьями, а потом своими группами. Так, как уже давно сложилось.

– Пацаны, если чего – до нас захильните, – пригласил Колун. – Вы пацаны угловые, да и мы не сявки. Вмажем кодлой дружной за солидарность!

– Заглянем, Гриша! – пообещал Чалый Серёга. И похлопал Колуна по плечу.

– Закусь есть? – засмеялся Игорёк Артемьев.

– А вот тебя попишем на рулеты, да тобой и закусим, – развеселился Лёва Леший.

И так вот, дружелюбно хихикая, разошлись. И до поры, до вечера раннего, тихо стало в совхозе. Только флаги красные, портреты вождей, приставленные к стенду и свёрнутые транспаранты остались у дороги. И даже ничего не понимающие в людских праздниках местные собаки догадывались, пробегая мимо, что на флаги и портреты эти ногу поднимать – позор и последнее дело. С трудом, но сдерживались. Поэтому просто так бегали. Ждали когда темнеть начнет и на улицы выбегут весёлые компании с самогоном в бутылках и с закуской в тарелках. С которых что-нибудь, да обязательно упадет. И у собак тоже начнется праздничный вечер. Потому, что собаки они советские и линию партии тоже одобряют исправно. Как учили их хозяева, идти против которых было себе дороже.

И пронёсся этот душевный вечер вместе с ночью как жизнь бабочки-однодневки. Всё, что могло быть в жизни бабочки, случилось и произошло. Но только очень уж скоро. Несправедливо быстро. Так и праздник добрый, зовущий к миру, добру и братскому объединению, проскочил как звон колокола сквозь тела и души населения совхозного, да превратился в хмурый будень. Потому как погуляли целинники не щадя себя, отчаянно и самоотверженно. Будто в последний раз. И остались с утра пригодными для бодрой жизни только дети малые, не доросшие до борьбы с самогоном и едой в количестве немыслимом. А, собственно, гражданам, побеждённым в дружеской борьбе с народным напитком и не к чему было прыгать с утра бодрыми и полными сил. Посевная кончилась без остатка, забрав и силы, и нервы. Так они теперь и не нужны были до поры. Точнее, до очередного великого праздника – дня Победы, до которого народ с помощью животворящего учения Маркса и Ленина должен уж непременно восстановиться в жизненном тоне.

Но не будем мы в этот праздник «со слезами на глазах» присутствовать с вами в Совхозе Корчагина. Поскольку мало, чем отличаться будет он от Первомай.

Те же флаги, та же трибуна, три ветерана Великой Отечественной на всё хозяйство. Остальным в войну либо по три

годика исполнилось, либо мамы их вообще ещё не родили.

Мы переберёмся к девятому мая в «Альбатрос», где царствует Дутов Федор Иванович. Там грандиозно отмечали привычный уже с сорок пятого года праздник победителей.

Через двадцать лет день 9 мая стал ещё и не рабочим, что украсило его значимость. Вот в ликование по поводу разгрома проклятых фашистов командор Дутов всегда вставлял, как женщины в самодельный торт, очень уместные изюминки. Начнем с первой, самой маленькой.

Ну, например, с утра по «Альбатросу» в шестьдесят девятом катались два танка Т-34. С тракторов сняли кабины, на их место из фанеры, выкрашенной точно как танк, поставили идеально скопированный корпус «грозы фашистов», а пушки сделали из труб семидесяти шести миллиметровых, как положено по калибру. Над танками реяли знамёна с дырками якобы от пуль и немецкой шрапнели. Позади, укрываясь за раскрашенным макетом, бежала пригнувшаяся «пехота». Человек пятнадцать. В правой руке у каждого «пехотинца» имелась бутылка водки, в заплечном рюкзаке ещё десяток. Левая рука несла пустой стакан. Танки врывались из-за угла последнего дома на все улицы и торчащие из люков командиры в настоящих танкистских шлëмах, неизвестно где добытых Дутовым лет семь назад, орали в милицейские «матюгальники» роковые для фашистов слова: – «За Родину!».

После чего в тот же «матюгальник» танкисты производили выстрелы из пушки – «Ба-ба-ба-ххх!» и из «пулемётов» – «тра-та-та-т-та!» На улицах короткими перебежками металась загнанная в безвыходное положение «фашисты» с черенками от лопат, которые символизировали, возможно, автоматы.

«Пехота» выскакивала и бежала впереди танков, отлавливая падающих на колени «фашистов», наливала быстренько каждому половину стакана и с разгона «контрольным выстрелом» забрасывала сто граммов ему в открытый рот, после чего поверженный «немец» замертво падал в сторонку, чтобы «танк» его не переехал.

Эта увлекательная забава продолжалась часа четыре. «Страшные бои» шли по всему совхозу. Потому, что в «танках» запасы водки тоже имелись. А «фашистами» работали только мужики, которых в «Альбатросе» трудилось не меньше двух тысяч. И всех требовалось «уничтожить». Водки на это святое дело уходило бутылок пятьсот. На склад специальный запас завозили ещё в апреле из города. Последним брали «Рейхстаг». Дом Дутова. Стреляли по нему метров с десяти в течение часа. Командиры из башен материли «Гитлера» последними словами, заковыристо и изощренно. Наконец «Гитлер» выползал на крыльцо. Федор Иванович Дутов, изображая повергнутого фюрера, дрожал, дышал с пе-

ребоями, стоял на коленях и громко, театрально выкрикивал отчаянную фразу: – «dies ist das Ende!». Догадывался, как бы, что и ему конец. Он доставал из внутреннего кармана воображаемого кителя тонкую бутылку пятизвёздочного армянского коньяка, потом красивый хрустальный стакан, дрожащими руками наполнял его доверху и после истерического вопля: – «Ich sterbe für das große Deutschland!», что означало «я умираю за Великую Германию!», принимал «яд» за три глотка и «подыхал» в жутких судорогах.

После чего все выбирались из танков, сбегалась «пехота» и «уничтоженные фашисты» со всех улиц. Все превращались в советских солдат и офицеров, орали: «Наше дело правое! Мы победили!», долго подкидывали в воздух Дутова – «маршала как бы Жукова». Любимого народом и униженным правительством. Несмотря на то, что почти четверть века незаметно проскочила в трудах праведных и заботах банальных после первого Дня Победы, независимо от того, что девяносто процентов целинников войны не помнили по причине малолетства, значение этого праздника возвеличивали именно они. Поскольку подсознание, а не память, чётко разъяснило им давно уже, что кабы ни день этот великий, ни победа сама по себе, то и не бегать бы им сейчас по селу с радостными пьяными лицами, да и вообще не жить.

Один Дутов, взлетая с дружеских рук метра на три

вверх и падая в те же надёжные руки, вспоминал настоящую, конкретно свою войну. В сорок третьем году ему было почти двадцать два. И почему-то именно до сорок третьего его не трогали. До начала войны и первые месяцы военные он провёл на полях в разных сёлах родного Шапкинского района. Хлеб давали неплохой. Район в передовиках числился. Но потом тамбовский горком комсомола отправил его и ещё десятирых парней на пороховой завод в Котовске. Его бомбили постоянно, да только полностью уничтожить так и не сумели. Кроме разрушенного полностью пятого цеха завод работал, и порох уходил на туда, где делали снаряды и пули. Федя привык к бомбёжкам, и вот именно им благодаря быстро превратился в крепкого, сурового мужчину. Молодого по возрасту, но зрелого и закаленного трудной работой и ежеминутной опасностью.

И никому в целинном своём совхозе, даже жене на трезвую голову ни разу не рассказал он в деталях про свою войну. Только Игорьку Алипову в страшном трёхдневном запое, случившемся в день его рождения пять лет назад, поведал он, сквозь пьяные рыдания краткое описание жизни его фронтовой, не расписывая своих почти героических военных дел. Алипов всё запомнил точно, хоть пьян был не менее. И как-то по случаю подходящему, тоже за праздничным столом дома у Серёги Чалого, рассказал ему про войну Дутова не менее коротко, но с гордостью.

– Бомбы попадали и на завод пороховой, и рядом взрывались, – рассказывал с удовольствием Игорь Сергеевич. – Они погубили сотни жизней. И на места погибших, как и самого Дутова когда-то, каждый месяц присылали новых. Бог милывал Фёдора, дал ему счастливую судьбу. Когда в январе сорок третьего он попал под мобилизацию, то остался на тамбовщине. Месяц обучался в Моршанске работе на зенитных установках, а после учёбы до самой Победы служил в одиннадцатом зенитно-пулемётном полку под Мичуринском. Отстреливали немецкие самолеты, не давали им атаковать важные военные и промышленные объекты в округе. А там их было – не сосчитать. Из этой местности на фронт шло тыловое и военное обеспечение. Объём которого составлял чуть ли ни треть общесоюзного.

– Нагрузка боевая, очень серьёзная, отковала Дутову волевой, негибаемый характер и потрясающую по значимости веру в себя, в тех, кто прикрывает его и кого прикрывает он, – пафосно докладывал Алипов, потому как Дутова любил и уважал всей душой. – К маю сорок пятого года он имел двадцать четыре года с хвостом и три нестрашных ранения. В плечо навывлет, в кость на левой ноге, которую не порвало на куски, а только вмятину оставило от осколка. Ну и шею ещё вскользь задела пулемётная пуля из штурмовика «Хеншель-123». Он сам сбил один пикирующий бом-

бардировщик «Юнкерс-88» и два бомбардировщика «Хейнкель-111». И подранил примерно двенадцать машин.

Наградили его за войну заслуженно и щедро. Он демобилизовался в сорок шестом с орденом Боевого Красного Знамени, орденом Красная звезда и орденами Славы всех трёх степеней. Три медали имел старший сержант за Отвагу и две – за Боевые заслуги. Это не считая тех, которые догоняли его уже в мирное время. Разнообразные юбилейные и почетные медали да знаки. В общем, пришлось жене Фёдора, Нине Игнатьевне специально тащить Федию с собой в обкомовский промтоварный магазинчик и выбирать ему там твердый, плотный, тяжелый, но красивый костюм. Только от этого костюма пиджак выдерживал весь подвесной набор металла наградного и не опускался одной полкой вниз, да и не пузырился на груди. Но надевал Дутов костюм этот крайне редко. И то под нудными уговорами супруги.

Алипов Игорь рассказывал это Чалому в позапрошлом году. А в шестьдесят девятом Дутов ещё седьмого мая Игорюк напомнил.

– Ты Серёгу пригласи на торжественное. Нравится мне парень. Перетяну к нам в совхоз при случае.

Алипов съездил, просьбу передал. Потому за час до нача-

ла собрания почетный гость Чалый вместе Игорьком и всеми остальными изображал на дороге перепуганного фашиста, которого в упор «расстреливали» стаканом самогона наши «пехотинцы».

И оба они точно знали, что вот сегодня, девятого мая, Дутов просто обязан будет появиться на торжестве в клубе при орденах и медалях. Весь совхозный народ станет опять, как в первый раз, по одиночке и маленькими кучками подбираться к нему, чтобы персонально поздравить с праздником. Это предлог такой. Официальный. На самом деле каждому хотелось вблизи ещё раз увидеть своими глазами очень высокие и знаменательные награды настоящего воина. Который не каким-то посторонним приглашенным дядькой был. А родным и уважаемым, своим директором, отцом и радетелем, давшим им в «Альботросе» и жизнь человеческую, и надёжное будущее.

Представьте себе условно фантастическую картинку: какой-нибудь неведомый выкрутас судьбы зашвырнул вас, городского, которого, может, и на свете-то ещё не было, в шестьдесят девятом на целину. На деревню к «дедушке» Дутову. Я уверен, вылезли бы глаза ваши изумленные на лоб от увиденных улиц с капитальными кирпичными и деревянными домами, от больших деревьев возле домов и на трёх площадях, от цветов разномастных в каждом палисаднике,

от дорог асфальтированных и телевизионных антенн на каждом доме.

Громадный клуб выстроил Дутов в центре села. Дом культуры целый. Нет, Дворец культуры. В городе такой есть. По тому же проекту и строили, по-городскому. Федор Иванович и сам мечтал, и Нина, жена, спала и видела работу свою директорскую не в клубике деревенском с залом на двести человек. А желали они, чтобы народу совхозному места хватало при любых мероприятиях. Тут и зал получился для обучения бальным танцам. С зеркальной стеной и стойками для балерин. Кинозал большой с фотографиями любимых артистов на стенах имелся. И кино гнали не с «Украины» древней, шестнадцатимиллиметровой, как во всех деревнях, а с приличного КПТ-35, который в Кустанае на широкий экран показывает в тысячеместном зале. Ну, ещё комнаты были для всевозможных кружков и студий. Студия изобразительных искусств, например, музыкальная школа, зал для хорового пения. И большой кабинетище сделали для школы домоводства и рукоделия. А спортивный зал – это уж само собой! Как без спорта да физкультуры? Никак. Здоровые люди нужны совхозу, сильные, выносливые. Как и всей стране. Иначе и коммунизм построишь хилый, нежизнеспособный. Не сам же по себе он будет процветать. Коммунизм должен в надежных, сильных руках развиваться.

В него Дутов, конечно, внутренне не особо верил. Как и в волшебные сказки вообще. Жизнь он пожил до своих сорока восьми с хвостиком лет насыщенную, но далеко не чудесную. Понимал, что из чего происходит и сколько надо сил, знаний и мастерства, чтобы всё получалось, как мечталось. А сделать так, чтобы весь народ был большим мастером и беззаветным энтузиастом – это вариант несбыточный абсолютно. Ну, как, например, то, чтобы все были одинаково красивыми, мужики все ростом – метр восемьдесят пять, а женщины с кругом по талии в пятьдесят восемь сантиметров.

Однако даже не идеальную коммунистическую, а простую человеческую сущность при любом раскладе политических метаморфоз Федор Иванович хотел видеть не затюканной и невежественной, а яркой, интеллектуально поддержанной и мастеровитой. Кто хочет в Бога верить – верь на здоровье души. Вот тебе церковь. Небольшая, но златоглавая и расписанная по стенам и куполу хорошим художником из Тамбова. В совхозе общем, объединенном – шесть тысяч человек жили с удовольствием. А мусульман среди них – триста, не больше. Но и для них он поставил скромную, но созданную по классическим туркменским правилам мечеть. И библиотеку Дутов организовал в селе приличную. С читальным залом и большой комнатой для детских книг. А «взрослой» литературы, от классической до самой современной, имела библиотека почти двенадцать тысяч экзем-

пляров.

– Нормальная жизнь – это культурная жизнь, – всегда говорил Дутов при случае. – От физической культуры до нравственной. Тогда жить не противно. И лет отжитых не жаль.

Его слушали. Ему верили. И весь совхоз, в отличие от многих, был увлечен не только трудом и рождением обширного потомства. Народ привык ко всему, что предложили ему директор с женой. И не просто привык, а душевно проник в физическую и душевную культуру, чем преобразил унылую по факту степную жизнь в насыщенную, приятную и полезную. Так интересно как в «Альбатросе» жили люди даже далеко не во всех больших городах. Там всё довольно далеко от человека, а в совхозе – любая радость тебе – в двух шагах.

Все к двум часам дня приоделись, одеколонами и духами облагородились, детей с собой прихватили, которые сразу же заполнили огромный зал детских усад, наполненный, играми настольными, игрушками, шведскими лестницами и «веселой горкой», на которой у самых подвижных довольно быстро протирались штанишки и платья.

А в зале на две тысячи мест все кресла уже заняли. И на сцену вышли Дутовы. Федор Иванович и Нина Игнатьевна.

Хозяева здешней жизни. Командиры и надежные друзья.

– С праздником, дорогие товарищи! С днем Победы! – сказала в микрофон Нина.

– Приглашаем в качестве почетного президиума наших воинов, прошедших сквозь праведную отечественную войну, выживших и давно ставших для всех нас примером. Если бы не смелость их и мужество – трудно сказать, где и как мы бы сейчас жили. Но точно – не в радости, а с горем пополам существовали бы! Я помоложе их лет на пять, потому особо уважаю как старших боевых товарищей! – заключил Дутов.

Под овации на сцену медленно вошли шесть мужчин, которым было за пятьдесят. Они были седые и красивы при своих блестящих в лучах двух прожекторов орденах и медалях.

Торжество стартовало. Дети спели хором много хороших песен о героизме народа в войну. Потом взрослые читали стихи проникновенные, лучшие художники изостудии торжественно вручили ветеранам их портреты размером метр на полтора. Очень прекрасно срисовали с фотографий, снятых на время со стенда Славы в конторе. А после документального фильма о последних днях войны и первом мирном дне Дутов, как каждый год, от имени трудящихся сделал фронтовикам подарки. И холодильники, телевизоры, сти-

ральные машины, радиолы, даже мебельные гарнитуры. А в этот раз он прошел мимо каждого ветерана и что-то положил им в ладони.

– Сегодня в честь дня Победы совхоз дарит нашим дорогим фронтовикам мотоциклы «Урал» с коляской. – крикнул в зал Дутов. – Они на складе, документы на каждую машину в пакетике на руле.

Ветераны радостно обомлели и в полузабытьи, но с достоинством пожали Дутову руку и помахали ключами над головой у себя.

А после бурных аплодисментов торжественное мероприятие и завершилось.

Радиола заиграла в киношные динамики выдали в зал «Прощание славянки». Все стали шумно расходиться, а Дутов спросил жену.

– Ленка-то где?

– Так она с Алиповскими детишками в детской комнате. Заодно за порядком следит, – Нина Игнатьевна, перекрикивая громкий марш, побежала за тёткой Марией из старого посёлка.

– Маша, своим женщинам скажи, что мы вечером, часов с восьми, гулять будем в кафе «Поле». Пусть приходят, кто сможет. А мужики в столовой за Победу пить будут. Они сегодня нам – не компания.

– Всем скажу, Игнатъевна, – тётка Мария чмокнула Нину в щеку и врезалась в толпу выходящих.

– Нинуля, сходи к Ленке, – Дутов ждал на сцене. – Мне надо ребят кустанайских встречать. Баня у нас сегодня праздничная. Шестеро фронтовиков приедут. Один тамбовский. В одной роте служили. Колька Бережной. Герой Советского Союза, между прочим.

– Она сама сейчас придет. Пацанят разберут родители и прибежит. А то сам и сходи если срочное что. – Дутова Нина поднялась на сцену и стала собирать откуда-то взявшиеся фантики конфетные и штук пять носовых платков, вывалившихся из ветеранских карманов.

– Да ладно, сам схожу, – Дутов потянулся и вздохнул. – Ну, сегодня вечерок нам предстоит! Да какой вечерок! Ночка целиком. А Ленка должна девчонок из теплицы на баню сориентировать. Часов с восьми чтоб там были.

– Ух, Федя! – погрозорила Нина Игнатьевна мужу кулачком. – Люди, может, не приучены к приключениям в бане с девочками. Они, в отличие от тебя, может, порядочные люди. Перепугаешь только фронтовиков. Им и коньяк в рот не ползет.

– У нас там что, публичный дом что ли? – Фёдор Иванович обнял жену, прижал к медалям и орденам на груди. – Девочки, они нам нужны для благородной обстановки и смягчения наших неотёсанных грубых существей. Ленка со мной будет. И сильно резвиться девкам не даст. Да они и сами не шалавы какие. Культурные барышни. Цветы в тепличке выращивают. Души, стало быть, всегда среди красоты живут. Да знаешь ты их всех. Безобразниц не держим. Вот так!

– Ладно, переодеваться пойду, – Нина Игнатьевна приложила губами к Фединой щеке. – Ночуешь в бане? Тогда мы с бабоньками посидим, да я спать лягу. Тебя не жду.

И ушла. Дутов покурил минут пять и пошел в детскую комнату к Леночке Лапиковой. Она как раз собралась детей Игоря домой вести.

– Ты, Федя, насчёт девчонок пришел? – спросила она, застёгивая на рубашке какого-то очень шустрого ребёнка пуговицы. – Сейчас пойду. К сколько им в бане быть?

– Лучше к семи. Пусть там всё красиво расставят и пластинки пусть из теплицы прихватят. Хорошие у них пластинки. А мы до восьми у меня дома поболтаем и придем. К Димке забеги в кочегарку. Скажи, чтобы восемьдесят градусов в парной держал до утра.

И они разбежались. Дутов гостей ждать. Вот- вот уже должны были объявиться. Чалый Серёга с Димкой Огневым дрова носили в кочегарку.

– Ты, Серёга, в баньку-то не забудь забежать. С людьми хорошими познакомлю. Сгодятся тебе и для дружбы, и для дела.

Чалый мотнул головой, которая было отгорожена от внешнего мира дровами почти целиком, и крикнул: – А как же! Хороших людей уважаю!

И пошел Дутов к своим воротам. Гости ждать. А Леночка Лапикова отвела детей к себе домой, включила им телевизор, где вскоре должны были показывать вечернюю порцию мультфильмов, да и побежала в теплицу. Девчонок на баню настраивать. Не очень любили они роль свою банную. Развлекать, хихикать и поддакивать не всегда понятным мужским разговорам, обниматься с ними, незнакомыми, подо-

гревшими кровь коньячком или «столичной», а иногда и тешить да радовать сильно желающих своими телами, молодыми пока, в отдельных комнатах с пухлыми кроватями и фруктами на столах.

– Ну, девки, выступаем сегодня гейшами! Ветеранов войны радовать будем присутствием своим нежным! – влетела с этими словами в теплицу Леночка.

Встретили её молча. Без аплодисментов и возгласов: «Ура! Наконец-то!»

Наташка Горяева подвязывала помидоры к верхней планке. На ветке их было штук двадцать, не меньше.

– А сколько нас надо-то? – она вытерла мокрые руки полотенцем и села на стул. – Может без меня сегодня?

– А у меня вообще месячные. Мне в койку нельзя. Да и в парную. И пить не желательно, – сообщила Терехова Татьяна из Красноярска. – Я тут с помидорами погуляю-повеселюсь.

– Ленок, а Ленок, – тихо сказала Люда Гусева. Самая молодая. Ей двадцать три года исполнилось. Димка Огнев её в Кустанае сманил в «Альбатрос» год назад. На очень хорошие деньги, которых она на складе шин в сельхозуправлении не

то, чтобы в руках не держала. Даже не видела в одной кучке или пачке. – Вот вы из меня за год богатую проститутку сделали. Шваль ещё та я теперь. А дядя Федя за мои подвиги и кайф, который я налево-направо раздаю придуркам разным, зарплату когда мне поднимет? Я ж тут порчусь в бане вашей и телом, а, главное, душой. Калечусь, бляха. Мужиков видеть не могу. А мне-то влюбляться пора давно. Замуж пора. Детей своих иметь. Так Федя ж не отпустит. Молодая да способная проститутка нужна ему как крепкий пар в парной. У меня вон с Лёхой Ивановым с МТМ любовь натуральная. Замуж зовёт. А узнай он, что я не только в теплице работаю, а ещё чужие члены внутрь принимаю, трындец и любви и замужеству. А, Леночка?

– Тебя Огнев сюда вёз, так сказал, небось, что ты мужичкам в бане причёски будешь делать модные и «Шипром» поливать? – Леночка Лапикова встала напротив и пальцами подняла её подбородок так, чтобы Людка глаз не прятала. – Он тебе всё как есть объяснил?

Людка отвернулась и глаза опустила.

– Деньги нужны. Я через пару лет, если замуж не выйду, в Москву подамся. Сейчас новая мода пошла – фотомоделями работать. С моей фигурой и лицом примут. Но, говорят, что там самые раскрасивые раскрасавицы взносы дают, что-

бы точно взяли на хорошие съёмки для модных журналов. Не три рубля, блин. Три тысячи минимум. Я их зарабатываю. Но чем? Тьфу, гадство!

– Да ладно тебе башкой стучаться, – сказала Наталья Ерофеева. Она по путёвке из Ярославля приехала, год на току лопатой махала. А когда в теплицу позвали с прямой оговоркой, что теплица – это работа второстепенная, а женский труд в бане – основной, так она обрадовалась. Откровенно.

– За это платить будут триста рублей? А за теплицу сто двадцать? Да я в этой бане долбанной жить готова безвылазно. Я за такие башли хоть под козла лягу! Мне по хрену. С меня не сплывёт. Совести у меня и не было никогда. Мамаша вышибла. Воспитательница, блин!

– Тебе, Ленка, пофартило. Тебя царь наш себе взял и другим не даёт. И ты у нас теперь как мамка у проституток, – засмеялась с другого конца теплицы Зоя Нефёдова. – Я сюдаехала из Донецка целину поднимать. А сейчас хрен чужой и старый поднимаю по надобности. Сплю и вижу, что сваляю отсюда в Кустанай сперва. А потом рвану обратно домой. Мне уже эта целина с толстопузиками в баньке, да с б.-.-. -мголимым – во где! Фу, мерзость. Кабы не деньги такие... Но лопатой на току не нагребёшь столько. Это да...

– А мне по фигу. Мне всё в кайф. Всё нравится, – томно потянулась Лида Ковалевская, дочка профессора Ковалевского, физика московского. – Я в Москве шалавилась с удовольствием, только бесплатно. А здесь – такие деньги ни за что! Я ж их всех люблю, козлов. Даже тех, кто три часа меня и видит всего. Вот люблю и всё. И вижу, что они меня тоже любят. Хоть так, но любят же! Когда там мы сегодня впрягаемся?

Все внезапно умолкли. Слышен был даже шорох стрелок на часах Леночки.

– Шесть человек приедут, – сказала Лена и пошла к выходу. – Сами решайте. Но шестеро должны быть в бане в семь.

Она вышла, оставив после себя кисловатый, необычный ветерок от неизвестных никому духов. А ещё оставила она проникающую в души зависть. В чьих-то она становилась чёрной. Кому-то выпала зависть белая. У неё, Ленки, был свой, любимый и постоянный мужчина. И какой мужчина! Сейчас про таких даже сказок нет...

Все имена и фамилии действующих лиц, а также названия населенных пунктов кроме г. Кустаная изменены автором по этическим соображениям

Грустно летом в степи. И солнце вроде есть. И ковыль плещется волнами серебрянными богато и ярко. Птицы поют песни свои разные, бегая между серыми, желтыми и фиолетовыми травами, твердыми как карандаши. Они едят жучков, уцелевшие жучки едят грибницу, корни и упавшие семена трав, а травы только пьют, с огромным трудом высасывая из почвы скупые, как мужские слёзы, капли воды. Дымка сиреневая ясными днями всегда плавает над сухой тусклой землёй, напоминая всем, кто понимает, что это невидимые испарения влаги так глядятся под солнцем. Они висят мельчайшей моросью в метре над степью и, охлаждаясь снизу, сыпаются под корни трав, помогая жить всему, что растёт, ползает и бегает в этой низкой, но труднопроходимой чаще. Кобчики, соколы миниатюрные, с силой швыряют свои хищные тела ввысь и роняют их в смертельное пики, чтобы ожить в метре от травы и выхватить из неё либо змею маленькую, или мышку, не успевшую соскользнуть в норку. Но

если смотреть на степь издали, с дороги, продавленной в траве грузовиками, то не увидишь никакого движения. Даже ковыль со ста метров смотрится белым, как упавшее с неба облако, пятном. И вроде бы нет жизни в степи. Оттого и грусть. Хотя и понимаешь, что жива земля, но просто Господь положил её сюда, в пустошь, до края Земли развалившуюся. Может, в наказание. Может для воспитания сил особых смирения и терпения. Никто не ведает желаний сил небесных.

Потому никто из людей, которым выпало по судьбе жить в степи, просто так, погулять и цветочки потоптать, не ходил в чисто поле целинное. Только накосить жесткой травы для коров да овец, лошадям припасти корм и себе наломать для бани веников из арчи. Гулял народ летом по полям хлебным. Кто просто любовался тем, что выросло из ими же посеянного. Агрономы копались под корнями пшеницы и ржи, терли меж пальцами колоски, нюхали растертые в молочную жижу зерна молодые и было им хорошо от предчувствия урожая достойного и спокойного житья зимой. Один только Игорь Сергеевич Алипов, агроном «альбатросовский» бродил двадцать четвертого июня шестьдесят девятого года по родимому полю с высокой «Саратовской» пшеницей, не нагибаясь к колосьям. Он нёс над охрой поля своё лёгкое тело и красивое лицо с выражением поэта, на ходу рождающего шедевр в пятистопном ямбе. Был у Алипов Игоря необычный и не простой сегодня день. После обхода в три часа выписывали из

кустанайской областной больницы его жену Наталью. В полдень он собрался за ней выехать, но тяжесть на сердце упростила его очистить совесть и набраться крепости духа именно на поле хлебном. Там, куда поместил он все силы свои, куда пролил пот и где жили его надежды. Валентина Мостовая, в которую он влюбился, полюбил и отнял у Кирилла, уехала на Урал, возвращаться, естественно, не собиралась, но оставалась любимой и желанной. Жену, отравившуюся от горести измены мужниной крысиным ядом и с трудом вылеченную, бросить он не мог. Любил другую, но совесть имел правильную и оставить калеку с детьми эта совесть ему не позволила.

Сульфат таллия, который входит в состав яда, гадкая штука. Последствия тяжкие даже после добротного лечения. Наталью он сегодня заберёт с печеночной недостаточностью и кровь её в случае раны случайной, даже и маленькой, сворачиваться будет плохо и долго. То есть, жизнь семейная изменилась теперь не только довесками вины и обиды, но и опасностью умереть просто по неосторожности или забывчивости. Есть нельзя теперь то, к чему привыкла, пить тоже не всё можно, тяжелое – не поднимать, быстро не ходить и нервы не трепать. А как их теперь не трепать после трагедии семейной, которая прощается, конечно, но не забывается – ни Игорь не знал, ни Наталья. Понимала в этом только тётя Соня Данилкина. Которая и поехала готовиться к инструк-

тажу мужа и жены как раз тогда, когда его «Москвич» выскочил на трассу Кайдурун – Кустанай.

Врач долго говорил что-то Наталье, давал ей разные бумажки с рецептами и настраивал оптимистически. Игорь мялся в сторонке с сумкой в руке и незажженной папиросой во рту. Он волновался и чувствовал, что ужасаться своему предательству и ужасному положению жены он по-настоящему начал только сейчас. То ли больничные стены давили на психику, то ли близость обязательного трудного разговора и прозрачность полного прощения. Но нехорошо было на душе у Алипова, хотя, вроде, и радость имелась. Поправились ведь Наталья, а могла помереть. Но и другое чуял он нутром. Не будет больше ни радости в доме, ни праздников, да и добрые отношения снова придется вылепливать как снеговика, отмораживая пальцы и пытаясь не пускать холод в души свои.

Ехали обратно с разговорами да прибаутками, которые выдавливались из обоих трудно, струйками тонкими, как фарш из старой мясорубки.

– Дети-то как там? Не балуются? Лену слушаются? – тихо спрашивала Наталья.

– Ну! – восклицал Игорь Сергеевич. – Скажешь тоже! Де-

ти у нас – золото. В хоре на девятое мая лучше всех пели! А Ленка говорит всё время: – Вот бы мне таких родить!

– Родить – не следом потом ходить. Дело простецкое. – Через силу смеялась Наталья. – Вот Федя-то наш, царёк народный, он ей таких мальцов настрогает – хоть прямо в люльке вези в город и устраивай начальниками куда-нито. Гены Федины крепкие как канаты. И Нинка их сама отвезёт с Леночкой на пару. Они ж подружки.

Наталья закашлялась и достала платок из кармана кофточки. Ко рту приложила.

– Да и мы, мать, тоже строганем. Кто нам помешает? – постучал её тихонько по спине Алипов. – У меня теперь мозги на место встали и затемнение прошло. Дом, ты, дети, работа. Всё! Прости уж за грех. Каяться не умею, но ты так прости. Знаешь ведь – совесть я не пропил и не подарил никому.

– Это да, – со смешком согласилась жена. – Яду я хлебнула не напрасно. Вишь, и совесть тебе постаралась, да вернула. Чуть не сдохла. Мало развела яду – врач сказал. А так бы Валюха уж и прописалась бы в мачехи. А, Игорёк?

– Давай об этом прикончим, – насупился агроном Алипов. – Всё что было – былбём и поросло. А бес голову да ду-

шу под себя подминает и не только у таких, как я. Мне что. Я полуграмотный агроном и неотёсанный мужик. А вон Федор Иванович наш – глыба. Молиться на него – Бог не обидится. И то -бес ему в ребро-то саданул крепенько. Ничего, все сдюжили.

– Выходит, раз я не сдюжила, то я и виноватая? – Наталья вцепилась Игорю в рубашку и стала трепать её в разные стороны, пытаясь сдержать рыдания. Но не смогла.

Так и добрались до дома. Она вся в слезах. А он в трудных раздумьях. И никто из них не понимал, переступая порог домашний: то ли кончилась нормальная жизнь, то ли, наоборот, после горя только и началась.

А ближе к вечеру люди стали ходить к Алиповым. Наталья известной была в совхозе. Все-таки не буртовщица с тока, которые менялись в сезон по два раза под тем предлогом, что от лопаты руки отваливаются. Наталья шеф-поваром была в местном кафе «Ковыль». А там и свадьбы играли, и дни рождения буйно отмечали, и похороны. Просто пообедать не ходил никто. Дома ели или в поле. А вот когда гости к кому приезжали с родины малой, заказывали, естественно, ужин в «Ковыле». Гуляли по два-три дня под радиолу и почти виртуозное исполнение всего известного и незнакомого баянистом Михой Савельевым. Он музыкалку окончил в Ярослав-

ле, да кроме

того природный талант имел отменный. А готовили в «Ковыле» не хуже, чем в московском «Славянском базаре», где кроме бывших москвичей из целинников были только Дутов с Ниной Игнатьевной. За мастерство поварское и любили в совхозе Наталью Алипову. Да кроме умения готовить и поварихами управлять имела она добрый нрав, открытую душу и умение ладить со всеми. Что в суровых целинных условиях ценилось вдвойне.

Узнали в совхозе о возвращении её из Кустаная от Леночки Лапиковой. Она по просьбе Дутова сбегала в кафе и обрадовала поварих. Через день, естественно сарафанное радио разнесло приятную новость по всем совхозным закоулкам. Ну, и потянулся народ по одному или парами, обязательно прихватив скромные подарки. Выздоровление – это же праздник для человека. Подарок ему положен по душевной сельской традиции. Несли кто вкусное что-нибудь, кто статуэтки фарфоровые, да и отрезы на платья летние дарили. Ну, и ещё всякое-разное, недорогое, но нужное или красивое. Этого добра много было у женщин из «Альбатроса» Жили хорошо. Грех жаловаться.

Алипов Игорь Сергеевич сидел на скамейке перед крыльцом, курил много и втихаря глотал помаленьку азербайджан-

ский коньяк, спрятанный во внутреннем кармане. Чувствовал он себя нервно и было ему тоскливо. Он после дороги из больницы вдруг отчетливо увидел будущую свою жизнь семейную, которая представилась ему перевернутой на сто семьдесят градусов. То есть, на него должно бы глядеть радостное лицо этой жизни, а она развернулось спиной к нему, причём сутулой, сгорбившейся. И пока не мог угадать Игорь, долго ли так простоит жизнь их с Натальей и повернётся ли вообще к ним своей прежней, улыбающейся внешностью.

– Ну, как она, Натаха? – интересовалась Люба Манихина, учительница первоклашек. Она с мужем шла и несла свёрток в холщевой обмотке. – Температуры нет у неё, желудок не болит?

– Зайди – узнаешь, – Алипов Игорь глупых вопросов вообще не любил, а сейчас его от Любкиного интереса к температуре прямо таки скорчило.

– А! Ну, да! Я же иду сама. И спрошу, – Манихина Люба засмушалась. – А к ней можно вообще? Она же с дороги недавно. Устала, может?

– Нормально всё. Идите, – Алипов Игорь Сергеевич махнул рукой. – Она обрадуется.

Вот примерно одни и те же слова он говорил всем, кто приходил. А народа часа за три прошло не менее полсотни человек. В бутылке осталось совсем немного. Граммов сто, может. И пошел Алипов в магазин. За угол, недалеко. Купил ещё азербайджанского и шоколадку. Только сел на скамейку и бутылку открыл, шоколадку развернул и разместил сбоку на скамейке, как в конце улицы увидел маленький отряд, медленно бредущий к его дому. В нём он разглядел Дутова, естественно, ещё Данилкина, директора корчагинского совхоза, его жену Софью Максимовну, Серёгу Чалого и дутовских любимых женщин – Нину Игнатьевну да Леночку Лапикову.

– О! Сейчас концерт и начнется, – нутром почувал Алипов и с тем, чтобы перетерпеть мудрость тёти Сони и строгость своего директора, хлебнул сразу треть бутылки.

– Чего тут торчишь? – наклонился над ним Дутов. – Пошли в дом. Поговорим всем когалом. Ну, типа торжественного собрания проведем что-то. Событие ведь торжественное, а?

– Само-собой, – ответил Игорь Алипов, попутно удивляясь тому, что он трезвый после полутора бутылок трехзвездочного коньячка.

– Ой, Наташенька, душечка! – воскликнула тётя Соня, ввалившись в дом первой. – Ах ты ж ласточка моя, страдалица невинная! Да моя ж ты радость и любимица Господня! Ну, уж не кори нас, нахальных, что без спроса пришли, по-кой твой сломали. Повидаемся хоть малость, да и уйдём.

Трое соседок и официант из кафе Гена боком да по стенке прокрались на улицу.

– Спасибо, гости дорогие! – обняла всех по очереди Наталья Алипова. – Садитесь кто куда. Не прибрано у меня. Извиняйте. Не успела ещё. А вы, детишки, пойдите пока во двор. Поиграйте там. Мы тут поговорим взрослыми разговорами. Вам не надо пока слушать.

– Вот тебе, Наталья, рецепты на лекарства, – Дутов аккуратно уложил на стол стопку маленьких бумажек, на которых стояло по три печати и большой штамп. – Их в Кустанай привезут для тебя специально из Алма-Аты. Я с доктором твоим согласовал. Это самые лучшие сейчас лекарства при твоих нарушениях в организме. Рецепты целый год годные. Потом снова выпишем. Вот муж твой будет ездить за ними раз в месяц.

– В центральную аптеку? – спросил Алипов.

– В обкомовскую, – Дутов глянул на него как на второгодника из третьего класса.

– А, ну да, конечно. Это я не успел подумать, – сконфузился Алипов Игорь и отвернулся. Сам бы он, конечно, этих лекарств не раздобыл нигде.

– Ты, моя хорошая, забудь всё, что тебя к несчастью привело. – обняла Наталью Софья Максимовна. – Нет проку в злой памяти. Она для болезни как витамин. Только подпитывает её и уйти насовсем мешает. Игорь Сергеевич, конечно, охальник. Но не по его желанию и воле зараза измены в него вселилась. Бесовской тут вижу я промысел. Он ему и споганил душу-то. Но Игорь Сергеевич – умница. Значительный мужчина. Не враг он семье и тебе. В тумане было сердце его, во мраке, бесами посланном. Сейчас вижу по нему, что очистился он совестью и вновь любящим мужем стал, победил в себе смуту. Да, Игорь Сергеевич?

– Это есть, – соврал Алипов. – И не любил я Мостовую. Нет. Мрак затмил мозги. Точно. Любовь моя – это Наталья, дети.

И вот как раз в эту секунду мозг его и воспроизвел образ Вали Мостовой. Она сидела на лавочке возле дома своего и грызла семечки. Улыбалась и рукой махала. Привет, мол,

любимый. И до того сильно рвануло что-то болезненное в душе Алипова Игоря, что побледнел он и, прикрыв ладонью глаза, наугад пошел к двери и очнулся аж за забором дома своего. На дороге.

– Это что? – с размаху ударил он себя в грудь большим своим кулаком. – Это что ж меня Валька-то и не отпустит теперь никогда?

Он трепал себя за волос, по щекам бил, садился на корточки и ладонями стучал по пыльной дороге, но понимание того, что любовь к Мостовой не то, чтобы ослабла и исчезла, а наоборот, резала плоть его живую сладкими воспоминаниями и душу сжимала как кузнечными клещами. Ему стало страшно.

– Бляха! – кричал он на всю улицу. – Что ты делаешь! Что ты творишь! Бляха! Да так твою распратак!

– Игорёк, иди полежи, – Серёга Чалый уже стоял рядом и медленно повел его к дому. – Хлебнул лишку. Поспи, пусть дурь уйдет. Всё нормально. Ты только молчи и пройди в спальню. Ложись. Я тебя подниму потом.

– Люблю её, – всхлипнул Алипов Игорь. – Бляха! Ну, как это? Зачем я люблю Вальку? Ну, кто приворожил?

– Тише, – Чалый прикрыл ему рот рукой своей. – Молча иди. Не позорь жену. Дутов там, Софья. Давай, двигай. Разберёмся попозже, кого любить, куда бежать.

– От себя что ли? – сплюнул Игорь Сергеевич. – От себя – хрен! Не скроешься.

– Пошли, пошли, – Чалый Серёга завел его в дом, громко сказал, что от волнения Игорь выпил с перебором и плохо ему. Полежать надо.

Наталья, жена Алипова, помрачнела, опустила глаза.

– Конечно. Пусть отдохнет, родненький. Столько волнений за день. Но он умничка, держится, – Софья Максимовна погладила Алипова по сгорбленной спине и Чалый увёл агронома в спальню.

– Наташа, может помочь чего? Устала ведь и ты, – Нина Игнатьевна взяла Наталью за руки и прижала к груди. – Не дай бог такое вытерпеть. Ты иди тоже отдохни, полежи, лекарства выпей, какие надо уже. А мы с Леной тут и порядок наведем и детишек покормим. Да, Леночка?

– Я детей час назад покормила, – Леночка Лапикова про-

вела пальцем по подоконнику. – А вот убрать, помыть, почистить – это я с удовольствием. Тем более – с Ниной Игнатьевной. У неё ж руки золотые. Блестеть всё будет!

– Проводи меня за двери, Наташенька-милочка. Поеду и я. Повидала тебя и насквозь увидела суть будущего твоего. Поправишься полностью, и дома будет лад у вас. Всё будет как раньше. Я не ошибаюсь никогда. Ты знаешь. Пойдем. Проводи.

Они вышли на улицу.

– Федя, ты бы шлёпал в контору свою да руководил дальше, – Нина Игнатьевна улыбнулась. – А то совхоз скатится из передовиков в отстойник. Без тебя народ теряет жизнь и трудиться.

– Правда, Федя, иди, – Леночка Лапикова за руку потащила его к двери и смеялась. – Нам тут сейчас не до тебя будет. Вишь ты, грязи сколько набралось без хозяйки. Мы тебя всего с ног до головы обляпаем.

– Тьфу на вас, заразы! – улыбнулся и Дутов. – Я бы полы мог помыть! Ну, в следующий раз. Ладно, пойду в контору. Гриша, ты со мной? У меня виски есть. Друг из Москвы прислал.

– Ни фиги себе! – воскликнул Данилкин. – Я виски всего раз за жизни пробовал. Пошли.

Они проскользнули между тётей Соней и Натальей и бодро двинулись в контору.

– Давай, выздоравливай, Натаха! – сказал на ходу Дутов. – Если что – сразу ко мне. Поняла?

– В контору зайдёшь, – крикнул жене Данилкин. – Машина там. А я виски выпью.

– Конечно, миленький, – Софья Максимовна послала им вслед воздушный поцелуй. – Минут десять мне хватит. Так что пейте там на скорости.

Мужики разошлись. Директора пить, Чалый Серёга двинул к Димке Огневу в банный двор. Потрепаться просто. Начальники его с собой не взяли. Ну, да и какая печаль?

– Ты вот что, Наталья. – Тётя Соня смотрела на Алипову тяжело и мрачно, – То, что ты крысиным ядом смерть к себе притягивала – грех твой. Господь такой грех не простит. И я тоже не прощу. Хотя мне с Господом не тягаться. Но и перечить ему не стану. Ты детей своих предала. Если бы

померла. А могла ведь и собиралась. Вот лично я тебе этого не прощаю и не забуду. Жизнью твоей дети насыщаются и она только их в гармонии хранит на земле. Ты – мать. Они – плоды твои. Скажи мне, ты видела яблоки, которые наливались бы соком и солнечным счастьем не на яблоне. Нет. Они долго не хранятся и вянут.

– Я люблю детей своих, – тихо произнесла в сторону Натальи. – Это нас с Игорем обоих бес охмурил. Сперва его в беспамятство втянул. С Валькой случил. А потом меня заставил яд выпить. Я и не помню, как всё произошло. Вроде как бы и не я это была.

– Игорь твой из души Нинку Мостовую не вытравил. Это я чую печеню, – Софья Максимовна утерла платочком мокрые от разговора губы. – Ты это помни. Потому, что любить её он не перестанет и через пять лет. Но жить будет с тобой и никуда не денется. Детей любит. Тебя – нет. Живи с этим.

У тебя эта судьба. Другой не было. И то, что стряслось, обязательно стряслось бы. Не сейчас, так потом. Но ты живи, как будто не было ничего. Алипов – мужчина. И он будет твоей стеной и вашей с детьми опорой. Живи.

Мы рядом и будем тебя поддерживать. Помогать будем всем, чем надо. Но меня помни. Я тебя жалею, но не про-

щаю. Живи!

И тётя Соня пошла к калитке. Села Наталья на скамейку и заплакала. Муж спал. Из открытого окна несло коньячным перегаром. В комнатах боролись с

накопившейся грязью женщины Федора Дутова, во дворе играли с маленьким мячом её дети. По улице ходили беззаботные люди, отдохавшие летом от труда изнурительно-го. Собаки лаяли. Птицы пели и репродуктор возле конторы бросал в жаркий ещё воздух любимый Дутовым полонез Огиньского.

На душе у Натальи не осталось ничего целого. Всё в ней порвалось на кусочки и разбилось вдребезги. Только кошки, которых она даже внешне представляла себе, скребли острыми когтями уцелевшие места, раздирая их в кровь. Хотелось выть от боли внутренней. Хотелось кричать, бегать и царапать всё вокруг как кошки рвали её душу.

– Доктор говорил, что нервы будут взбрыкивать неожиданно на ровном месте. Приступы тоски или бешенства могут повторяться поначалу часто, – вспомнила Наталья.

Но жизнь шла дальше. И отказываться от неё ещё раз Алиповой уже не хотелось. Попробовала уже. И что? Ничего хо-

рошего.

– Главное, в припадке истерическом мужа не зарубить топориком для разделки мяса, – почему-то подумала она. Подумала невзначай, мельком. Но так испугалась мысли своей жуткой, что вскочила со скамейки и побежала в дом. Там всю вкалывали, наводя блеск, две хороших женщины. Делали ей доброе дело. И просто стыдно было бы им не помочь.

Глава двадцать третья

Все имена и фамилии действующих лиц, а также названия населенных пунктов кроме г.Кустаная изменены автором по этическим соображениям

Есть у пшеничного колоса одно почти смешное свойство, которое один в один совпадает человеческим. Это внезапное созревание. Приходит оно хоть и в большом нетерпеливом ожидании, но всё равно всегда неожиданно. Как любовь, например. Или вот попроще: юноша, скажем, вчера с утра

умывался перед зеркалом и никаких перемен в досконально изученном лице не усматривал. А завтра только плеснул водой на полусонную физиономию, а под носом прорезались темные точки. Усы полезли! Усы!!! Чудеса чудные! Никто никогда не знает ни дня, ни часа, превращающего незрелость в спелость. Только природа-мама. Как ни пытайся ускорить созревание, не получится ничего. Пока природа сама не решит.

Вот каждый же божий день поранее, сразу вслед за солнцем прибежал на поле Вова Самохин, арендованный у Дутова агроном корчагинский. Июль. С утра двадцать восемь на термометре, дожди через день то морозящие, то ливни с громом и молниями. Всё, в общем, самое благодатное для посевов. А мнёт Вова колос, выше колена выросший, трёт его меж пальцев, а пшеница всё молочная. Зеленоватая и податливая. Стирается в кашу за три прокрутки колоса в ладонях. Ну, допустим, имеет агроном этот результат двадцать пятого июля. И двадцать шестого так же точно прибегает туда же, где был вчера. А там как раз оно – чудо! И золотом стал отливать колосок, и выше на сантиметр стал, твёрже. За ночь всего! Чудо? Природа обожает людям такие сюрпризы подкидывать.

– Ядрёна мать! Ура! – орал двадцать шестого июля агроном Самохин на всю степь, пугая полёвок и спящих между

колосьями больших птиц, которых зовут полевой лунь. Он и живет на земле. Летает низко и только когда любовь с луньками крутит. Догоняет. – Пошло дело, попёрло! Ну, красавцы вы мои усатенькие! Ну, милые вы мои, золотые!

Володя Самохин пробежал метров тридцать, исследовал там колосья, потом скачками переместился ещё метров на сто и сел между колосьями. И как только сел, так и пропал из видимости. Не торчала над пшеничным полем его красная пляжная кепка. Исчез агроном. Потому как стебли впервые на поле совхозном выросли почти до пояса. Это на суглинке-то! Тоже, скажете, не чудо? Ну, возможно. Просто землю на полях корчагинских обработали и семя в неё бросили так, как Креченский посоветовал, учёный. Всем учёным учёный. Удобрели правильно, вовремя и тем, чем надо было. Дожди, конечно, помогли. Сжалилось небо.

Сидел Самохин, агроном, на заднице и лушил в ладонь зёрна из разных колосков. Большие были зерна, яркие, светящиеся изнутри янтарём. Набрал пригоршню, прикинул на вес. Тянуло, ну, не меньше чем на двести граммов.

– Эх, ты ж, голубушка моя! – сказал нежно пшенице Самохин Володя. – Моя ж ты радость!

Он встал во весь рост и, поворачиваясь, осмотрел вес зо-

лотистый простор. Ветер был слабый и стебли пшеничные раскачивались медленно, отбрасывая по сторонам свет солнечный. Красиво было так, будто поле танец исполняло ритуальный перед агрономом.

– Вот теперь ты никуда не денешься, – строго сказал агроном всем полю. – Давай, расти ещё маленько, а через месяц мы тебя заберём на элеватор. Всё ясно?

Промолчало, конечно, поле, танца своего не прекращая. А и что ответишь? Истину говорил агроном. Да и обидеться тут было не на что. Для элеватора хлеб и рос. Для людей.

– Э-эх! – ещё веселее прокричал Вова Самохин и с размаха забросил всю пшеницу из ладони в рот. Жевал, зажмурясь. Запоминал прелесть свежего вкуса и нежный запах золотых молодыми зубами зёрен. И так хорошо было ему! Ну, прямо как в первую свою брачную ночь со Светкой своей.

Походил он ещё с полчаса туда-сюда, да и рванул в контору. Данилкина посвятить в событие долгожданное, но для директора этого совхоза непривычное, просто оглушительное по силе значимости его.

Данилкин, директор, маялся за столом, проглядывая внимательно бумажки от нового счетовода-экономиста Еркена

Жуматаева. Ну, там, сколько чего ушло на посевную – от соляры до семян пшеницы с просом. Нитрофоску экономист посчитал внесённую в почву, порченную и рассыпавшуюся из хилых бумажных мешков. Запасы трёх видов гербицида разложил директору на бумаге и много всего ещё по мелочи. Поэтому бумажек оказалось много, а Данилкин оставался в единственном экземпляре и потому одна всего умная голова его всё равно вспухла через два часа изучения цифири. Он повернулся к шкафчику позади себя, достал из него неполную бутылку водки и стакан. Выпил, занюхал одним из отчетов Еркена-экономиста и стал смотреть в окно, за которым цвели в конторском палисаднике красные и белые мальвы, поворачивались к глазам серебристыми сторонами листья тополя, а за ними по дороге ехал трактор МТЗ-50 с Айжанкой Курумбаевой в кабине и тремя прицепленными трехкубовыми цистернами с водой. Взял Данилкин рацию и вызвал Айжанку.

– А это ты куда направилась с водой, Айжан? – крикнул он в решетчатый микрофон.

– Так на просо поеду, – Курумбаева голосом своим и хрипом сопутствующих радиочастот заполнила кабинет. – Дождь последний полосой прошел. Вроде широкая была полоса, а просо не всё зацепило. С полгектара проса у нас сбоку, в выемке угловой. Дождь его не достал. Полюю. Шланг

новый, насос Лёха Иванов исправил тот наш старый, мощный. За три часа управлюсь. А то жалко же. Половина гектара отстанет по росту.

– Ну, давай! – прокричал Данилкин. – Вечером заедь ко мне. Тут тебя на два дня хотят на областной конкурс забрать. Будешь пахать десять гектаров на скорость и качество вспашки. Там под Кустанаем горчицу убрали всю. Вот это поле и поднимете. Ещё десять мужиков будет. Женщина одна. Ты, значит.

– Заеду! – ответила Айжанка уже издалека. Скрылась из вида.

Собрался директор еще сто граммов пропустить, но бетонный пол в коридоре загудел внезапно под сапогами с толстыми подошвами и ворвался в кабинет сияющий лицом грязным от пыли полевой Самохин Володя, арендованный у Дутова агроном.

– Ильич! – подскочил Вова к Данилкину, обхватил его длинными руками своими и над полом вознёс. – Есть хлеб! Безо всякой химеры обманной дадим рекорд! Там такой колос, Гриша! Ты сдуреешь от радости! Побежали!

Данилкин ни рот не успел открыть, ни на пол твёрдо опу-

ститься, а уже обнаружил себя на улице, бегущим за агрономом Самохиным Вовой.

– Стой, Вовка! – о чнулся он.– Машина же под задницей директорская. На машине быстрее. Они прыгнули в кабину «волги» и желание побыстрее увидеть и пощупать «большой хлеб» понесло их с помощью хорошо отлаженного двигателя к полям. Туда, где колышась под ветром и зрея под синим небом, ждал их, замороженных жадным предчувствием, новый, почти готовый, сбывшийся наконец за долгие годы щедрый, добрый и близкий урожай.

В кабине Данилкин рацию из бардачка вынул и стал вызывать Серёгу Чалого. Но то ли во дворе он копошился, то ли вообще её забыл и ушел к кому-то из приятелей, а не отвечала Серёгина рация.

– Вот стервец Чалый! – возмутился директор, не особо пряча улыбку. – Я же ему приказал быть на стрёме. Ему надо ехать в райцентр на аэродромчик для кукурузников. Надо самолёт арендовать на орошение гербицидами. Мне Креченский прислал из опытной станции убойные жидкости. Мрёт всё, кроме пшеницы, овса, проса, ржи и ячменя. Муравьи красные, которые корни едят, тожедохнут. Ну и жуки там всякие...

– Не, жуки выживают. Да от них и вреда-то никакого, – Самохин, агроном глядел в окно на бегущий вдоль дороги по ходу движения бесконечный золотой слиток, не имеющий цены. Нет, его, конечно, снимут с земли, выдавят из него суть, зерна хлебные, и продадут за деньги. Но они, деньги, не цена хлебу. Нет. Цена ему – часть прожитых в труде запредельном жизнью трактористов, сеяльщиков, комбайнеров, шоферов. Вот дороже их жизнью не бывает никаких денег.

– Григорий Ильич! – ожила рация Данилкина голосом жены Серёгиной, Ирины. – Я его позвала. Он на крыше антенну ремонтирует. Уже бежит. Вот же гад! Прямо с крыши и спрыгнул! Ни дочь не жалко ему, ни жену. Придурок.

– Чалый в эфире, – Серёга дышал тяжело и часто. Бежал. Спешил.

– Возьми грузовик любой на МТМ и дуй на двадцать третью клетку. На просо Мы там с Самохиным будем. Разговор есть.

– Понял. Отбой, – прошуршала совхозная радиочастота и стихла. По сравнению с хрипом рации движок «волги» шелестел нежно, как листья тополя над директорским окном.

– У нас гербицид какой? – спросил Данилкин, хотя всё равно ничего в них не смыслил, а раньше, так и слышать про них не хотел. Кто-то ему из знакомых директоров сказал, что отравы это жуткая. Яд сплошной. На село снесёт ветром – так всё вымрет. И куры, и кошки с собаками. Ну, а люди болеть станут расстройствами кишечными и сортиров в селе на всех не хватит.

– У нас бензонитрилы, амиды, диазины, – Вова Самохин перечислил их по слогам. Знал, что Данилкина ученый Креченский к гербицидам сподвигнул. А так бы опять руками сорняк дёргали или вырезали бы плужком малым по междурядью. Труд, надо сказать, адский. А гербицидом опрыскал хоть с земли из цистерны с распылителем, хоть с «кукурузника». А и отдыхай потом. Кури, пей, жди уборочной. – Нам Креченский дал старинный, с военных времен известный ещё яд. Но надёжнее его нет пока. Придумывают новые. В Германии, в Америке, у нас тоже. Но пока лучше ничего не сделали. Наш формат – это «2,4,5-Т». Классика!

– Во- ло- дя! – взмолился Данилкин. – Уши пухнут! Вот поливай себе сам этой бензо-зиной, а меня химией не грузи. Я географию преподавал. Твоё дело – урожай дать рекордный. А моё – поцелуи принимать от обкома и переходящие знамена красные. Я же простой директор, бюрократ и хитрован. А ты творец! И твоя работа – искусство! Не то что моя.

Крутиться как вошь на гребешке. Чтобы и волки, и овцы... Ну, ты понял.

Тут как раз и приехали к просу. Долго ходили. Очень долго. Данилкин раньше просо не сеял вообще. И оно ему понравилось.

– Вот и надо вообще на просо переходить, – хмыкнул он обхватив руками куст из семи стеблей. Вон его сколько.

Самохин сдержанно засмеялся.

– Ильич. Тысяча зёрнышек проса – это максимум десять граммов. А пшеницы «саратовской» – почти семьдесят. Чувешь разницу? Ты ведь тоннаж государству гонишь. Для ассортимента надо, конечно. На двух третях площадей сеем пшеницу. Третью – забиваем просом. И государству разнообразие, и нам общий отчет центнеров по пятнадцать с гектара. Вот тебе и красные знамена!

– Во, загнул – по пятнадцать. Хоть по семь сделай мне. И то уже врать обкому легче. Не так тошнить будет. – Данилкин пошел к дороге. К машине своей. Потому, что вдали уже покрывал хлебное поле дорожной пылью «Газон» Чалого Серёги.

– Ты, Вова, пересаживайся на грузовик и езжай, готовь цистерны и трактора «МТЗ» под опрыскивание твоей гадо-стью от тридцатой до сорок третьей клетки. А мы с Серёгой пшеницу посмотрим и по самолёту порешаем вопрос. Начнём опрыскивать через неделю.

И вот уже остались они вдвоём на поле. Чалый, конечно, искренне поразился тяжелым колосьям и раннему запаху почти спелого зерна. Полушил с десятков колосков, пожевал зёрна, полежал в промежутке между рядками, куда вместился с натугой.

– А звал-то на кой пёс? – зевнув, поинтересовался Чалый у директора. – К лётчикам я с утра съездил. Договорился на третье августа с семи утра. Надо им только яд отвезти. Заливать они у себя будут. У нас им сесть негде. Бугров много и ям. Да ты ж знаешь уже. Игорёк Артемьев к тебе с докладом в половине девятого прибежал. Так чего звал меня в такую даль, Ильич?

– Ну, давай погуляем, – Данилкин вздохнул и пожевал губами. Соображал – с чего начать. – Проблема нарисовалась, Серёга. Я в милицию звонил вчера. Маловича хотел поймать, спросить, как там следствие. Ни Маловича не было, ни Тихонова. А дежурный мне сказал, что по Костомарову дело ушло в суд неделю назад и сам Костомаров переехал из хо-

ром милицейских с кроватью железной и мягкой периной на нары в СИЗО тюремное. Суда ждать. Ты мне говорил, что до суда он не доживёт или я путаю что?

– Как это? – поднялся Чалый и тупо уставился в глаза Данилкину. – Малович при мне тебе говорил, что когда следствие закончат, он статью назовет. Если не «вышак», то ящик коньяка с тебя. Забыл? И он «вышак» бы не стал рекомендовать суду. Обещал. Улыбался. Так же было?

– Ты мне, Серёга, мозги-то не расчёсывай, – разозлился Григорий Ильич. – Это твоё дело было. Твоя забота. Не дотягивать Костомарова до суда. Он там сейчас пасть разявит и через пару недель доследования тот же Тихонов меня рядом со счетоводом на нары бросит.

– Ну, подожди, – Чалый присел, задумался. – Суд, он нескоро будет. Если неделю назад перевезли его, то судить будут самое раннее восьмого-десятого августа. Покумекать есть время.

– Так давай, шевели рогом! – закричал Данилкин. – И встань! С директором говоришь, сука, не с щалавой в баньке!

– Чего ты, Данилкин!?! – Серёга поднялся, набылчился и навис над директором. Он на две головы был выше. И в пле-

чах шире на полметра. – Ты, мля, два трупa организовал, а у самого ручки беленькие? Хрен тебе! Ты, сука, убийца главный. А они – просто идиоты жадные и трусливые. Станцевали под твою дуду двое. Замочили с перепугу и по дури своей пьяницу и бездельника. Место себе прочистили. А ты зажу-хал, что этот упырь Костомаров тебя теперь за собой потянет. Так тебе же сказал Малович по-русски, что на хрен ты им не нужен. А ОБХСС и фамилии твоей не помнит, не то, чтобы тебя за приписки на зону кидать. У тебя и проверок девять лет не было. Ты светлый весь. Аж прозрачный. И чего ты, падла, дергаешься? Я тебя подводил когда? Я, бляха, только перед народом грудь гну колесом. Но твоё добро помню. Ты меня от всей моей прошлой мрази отмазал, отмыл и в люди бывшего бандита вывел. Паспорт чистый, следов отсидок нет. Делишек моих прошлых не знают тебе благодаря. И я потому на улице грудь выкатываю, а перед тобой я холуй твой и должник. Это я говорю. Чалый Сергей!

– Ну, хорош тебе, остынь, – Данилкин испуганно отшатнулся. Я ж не к тому. Не напоминаю ничего плохого. Я сам по уши в дерьме. Да, это мои убийства.

Это мы всё с моей Сонькой придумали и рассчитали как провернуть. Петька Стаценко – сволочь мужик был. И агроном никакой, и человек – параша. Он же понимал, падаль, что никто нам новых технологий не разрешит и техники со-

временной не даст. Денег нет ни у нас, ни у страны. Нет, подай ему безотвальные плуги и он тогда урожаями всех придушит. А не дашь – застрашаю тебя, Данилкин, и под расстрел подведу за приписки и вредительство. По-старому я для него был типичный враг народа. Стрелять таких! И он бы добился! Мне ждать надо было? Спрашивать: Петя, ну, когда там мне лоб зелёной натрут? Я, Чалый, сволочь, конечно. И Сонька моя – ещё та тварь. Она, честно говоря, грохнуть Стаценко руками Костомаровых, жадных и злых, придумала. И по полкам мне все разложила, по нотам расписала. И как приписки грамотно делать, и как убить этих... И Костомарова как убрать потом. Но она ж баба моя. Жена. Мне, может, её сдать?

– Дурак ты, Гриша, – Чалый покрутил пальцем у виска. – Мы с тобой, конечно, явления не обычные. Ты ангел и чёрт в одном теле. И я тоже. Жить давай дальше. Бог нам простит, если он есть. А если нет – сами искупим. Много дел хороших надо сделать. Вот мы и сделаем. Да и сейчас вкалываем за пятерых, сопли не жуем. Тебе вверх надо ползти. А мне укрепиться над порядочными людьми и козлами, как справедливому и самоотверженному, честному их пастуху.

Э! – Данилкин похлопал в ладоши. – Ты сейчас аплодисментов заслуживаешь. Чалый – это символ справедливости и доброй силы. Так оно?

– Ну, нехай. Тебе видней. Ты начальник, – Серёга подобрел. – Слушай меня, Гриша. Кроме нас с тобой и твоей Софьи никто ничего не знает про темное наше прошлое. Да? Да! Давай не рвать ноздри друг другу. Давай хорошие дела делать. Полезные. Вот то, что Костомарова, убийцы и создателя фальшивок по урожаям в живых не будет – это лучше для общества или хуже?

– Так, оно ж ясное дело-то, – отвернулся Данилкин.

– Тогда я до орошения полей отравой сгоняю в Кустанай, – потянулся Серёга Чалый. – Отвезу передатку Костомарову. Узнаю статью и точнее, когда суд. А потом вызову одного вертухая знакомого. Ты мне, Гриша, рублей пятьсот найди до отъезда. Это как раз для вертухая масло. Подмажем, он нам и поможет.

– Главное, чтобы Костомарова судить не успели, – глядя вдаль, сказал тускло Данилкин, директор.

– Ну, вот и порешили. Дальше живём, – Чалый пошел с поля. – Поехали домой. Обед уже. Есть охота.

– Поехали, – Данилкин наконец расслабился, улыбнулся. – Может ко мне? У меня борщ сегодня. И бифштексы. А?

– Да кто ж откажется на халяву хорошего борща похле-
бать! – обнял Серёга Чалый Данилкина.

Софья Максимовна настороженно встретила мужиков. Не понимала пока, чем разговор у них закончился. Куда вывел. К дружбе с единством или к розни с враждой. Данилкин её предупредил, что сегодня с Чалым решат по Костомарову. И вообще – кто кому кем был и кем стал. Или всё по-прежнему осталось. Очень важная, решающая много главных вопросов сразу, должна была состояться беседа.

Но взгляделась в глаза их, уловила спокойствие душевное у обоих и мысленно выдохнула. Значит, поладили и сплотились окончательно в бедах, горестях и радостях. А раз так, то и жить можно дальше, хоть и в муках внутренних от зла своего, не в меру сотворенного, но и позволять душе отстраниться от мерзких дел своих и помыслов. Потому, что хорошего и светлого, считала тётя Соня искренне, было у неё и у мужа в сто раз больше. Да и в Чалом тоже.

Через полчаса Софья Максимовна уже кормила их. А уж водочку они выпили за дружбу и успех общего дело сами. Без посторонней, даже самой заботливой помощи.

Утром Серёга Чалый заправил «волгу» директорскую хо-

рошим бензином на МТС. Чтобы гладенько тащил его в город мотор. Да и поехал в тюрьму. В СИЗО. Официальное название тюрьмы можно было выговорить и запомнить только на трезвую голову, и то – если ты хотя бы семь классов окончил.

«ГУ "ИСПРАВИТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ УК-161/2 УПРАВЛЕНИЯ КОМИТЕТА УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ ПО КУСТАНАЙСКОЙ ОБЛАСТИ"» – вот так оно и было обозначено на серой пластине, привинченной слева от решетки, которая служила дверью для приходящих на свидание к зекам. Основные ворота для машин-«зековозов», стальные, с дверью для своих, были вбиты в высокий каменный забор, над которым крепко держались двойные витки бесконечной «колючки», вьющейся по периметру огромного тюремного двора. Если стоять возле забора трёхметрового, то тюрьмы и не увидишь. Отойти надо. Лучше на другую сторону улицы Киевской. Тогда просматривалась вся картинка. Длинный колючий серый забор и довольно высокое здание с маленькими окнами, затянутыми как паутиной решетками в мелкую клетку. За дверью стоял солдатик при красных погонах с буквами «ВВ» и карабином «СКС». Открывал он всем, кто шел в помещение для свиданий, поднимая тяжелую щеколду и открывая решетку ровно на столько, чтобы человек мог боком в дырку проскочить. Откидывая щеколду, он, тем не менее, по инструкции инте-

ресовался, к кому движется посетитель и напоминал, чтобы он сначала прочёл внутри комнаты большой плакат с правилами встречи с заключенными и передачи в отдельное окно «гостинцев» для своего сидельца.

Чалый Серёга до этапирования в колонию шесть лет назад отмучился в СИЗО и «крытке» почти полгода. Суда только три месяца ждал. И потому не стал он сразу ломиться в комнату свиданий а пошел за угол в магазин и накупил много всяких приятных для зека продуктов. Чаю пять пачек, сигарет «прима» – десять, пряников, сахар, конфеты, молоко и ряженку в бумажных слоёных «пирамидках» по три штуки. Потом обошел весь тюремный квартал вокруг, имея при обходе в голове странные мысли. Ему почему-то казалось, что никогда раньше он тут не был и всё ему не знакомо и странно. Видимо, так хотелось на тот момент Серёгиной памяти, пытавшейся отдельно от хозяина своего, без спроса просто вычеркнуть из биографии Чалого и время, в стенах серых проведенное, да и вообще всё, связанное с насильственной несвободой.

Он засмеялся и сам не понял почему. Размахивая «авоськой» с продуктами он подошел к стене неподалёку и, накопив во рту побольше слюны, с огромным удовольствием, больше похожим на приступ никому уже не вредящей мести, плюнул на неровную, плохо побеленную и укрытую слоем

грязной пыли стену. А уж тогда с лёгкостью на сердце пошел к калитке решетчатой.

– К Костомарову я. Только перевели в СИЗО из УВД. Камеру не знаю, – сказал он солдатику, и скоро уже стоял перед длинной решеткой, отделяющей вольных от невольных и подозвал дежурного надзирателя.

– Чё надо? – лениво приблизился к решетке старший сержант с кобурой, нанизанной на ремень.

– Я сидел здесь, – не здороваясь процедил Чалый сквозь зубы. Он знал как надо разговаривать с прислугой тюремной. – Кореша тут заимел из ваших. Старлей Маркушина. Из третьего взвода. Кликни мне его. Скажи – Чалый зовёт Серёга.

И он сунул за решетку кулак. Старший сержант прислонился боком к решетке и подставил под кулак ладонь. Чалый опустил в неё пять рублей, сложенных вчетверо и сержант ушел.

– Порядки старые. Жизнь прогрессирует, а местами ни хрена не меняется. – Чалый шмыгнул носом и отошел к стене. Ждал недолго. Сбоку открылась тяжела дверь и объявился в коридоре старлей Гена Маркушин. Подошел, обнял Ча-

лого. Серёга тоже его стиснул радостно.

– А капитана так и не дали? – похлопал Генку по плечу Чалый. – Жлобы в вашем ГУИНе сплошные. Ты ж давно за-служил.

– Да я, Серёга, тут одного босяка два года назад помял крепко. Он тут, сука, барыжил внаглянку. Марафет ему передавали через одного нашего. Да ладно, хрен бы с ней, с «дурыю». Шаби сам, травись, твоё дело. Так он тут, мля, торговую сеть раскинул как на воле. Лавешки стриг с фраеров и жил не хуже смотрящего. Ну, я его попросил по-людски сперва. Так он меня, борзота, дурканул, как ефрейтора с вышки. Пообещал, что лавку прикроет, а сам просто способ торговли поменял. Простые честные фраера с тоски-то на марафет подсели. Даже те, у кого срок год всего. Это ж калекки, считай. С кичи откинешься, а марафет уже не бросишь. И живи потом, майся из-за козла этого. Ну, я его и помял как надо. Мне строгач, отпуска лишили и звание придержали. Во, мля! Пытался бродяг неопытных от анаши упасти. Хорошее хотел дело сделать.

Генка Маркушин легонько матюгнулся и улыбнулся.

– Да ништяк всё. Получу ещё. Ты-то сам как? Где? Что делаешь? По одежке вижу – где-то в хорошем месте маза идет

у тебя. Да?

– На целине. Тракторист в совхозе Корчагина. Передовик, бляха! Ну и как бы пастух у пацанов наших. Типа бугор, – заржал Чалый. Оглянулся: не слышал ли кто его дурацкого смеха. Нет. Люди своим заняты были. С сидельцами разговаривали через прутья чугунные.

– А чего пришел-то? – Спросил Генка Маркушин, взводный командир.

– Ну, вот передачку отдай Костомарову. Знаешь его?

– Знаю, – старлей взял авоську. – Он в СИЗО. Камера номер девять. Суда ждёт.

– А чё ему корячится? Как следаки дело подписали? Под какую статью? Не в курсе? – взял его Серёга за пуговицу. – Гаденыш ещё тот. Чуть меня и директора за собой не потащил. Еле увернулись.

– Да знаю я всё. Дело читал. Наш взвод эту камеру держит тоже. Ты что, меня позвал, чтобы я ему передачку отнёс? – улыбнулся Генка.

– Ты отнеси. Привет от Чалого и от директора передай. И

узнай, главное, по какой статье его прокатали. И суд когда. А потом и поговорим.

– Какой базар!?! – сказал старлей и ушел, размахивая авоськой.– Щас. Пять минут и я обратно буду.

Чалый в киоске рядом с магазином «Советский спорт» купил и развернул, читать начал. Только первые строчки прочел, быстрым шагом подошел Маркушин Генка с пустой «авоськой».

– Он тебя видеть хочет. Его выведут через пять минут. А статья у него двадцать вторая по УК пятьдесят девятого года КазССР. Исключительная мера наказания за особо тяжкое. Два трупа. Вышка, короче. Суд девятого августа.

– Чалый! – крикнул из-за решетки знакомый голос.

Серёга увидел Костомарова. Узнал, но с трудом. За прутья держался обеими руками худой мужик, плохо побритый, с серым лицом и тусклыми глазами.

– Здоров, Сергей, – подошел к нему Чалый. – Вот, пришел навестить. Привет привёз от народа и от Данилкина лично. Как ты?

– Девятого августа суд, – прошептал Костомаров. – Иду по расстрельной. Что ж обманули вы меня, а? Данилкину передай, что по расстрельной я один не пойду. Понял? Так и скажи. Доследование будет. И, раз он так со мной, то и я ему не брат родной. По той же статье и пойдет. Он меня заставил. И пусть докажет, что не заставлял. Так и передай.

– Ну, чего скурвился раньше времени? Тебе сказали – вытащим. До суда вытащим, – Чалый ладонью по горлу провёл. – Сиди. Жди. Первого-второго августа заберут тебя обратно в УВД в связи с вновь открывшимися обстоятельствами. И там найдут ошибку в следствии. А ты через неделю в совхоз поедешь. Снимут с тебя обвинение. Ошибка следствия. Усек?

– Не кинете? – взмолился Костомаров. – Выручай, братан. Ноги вам лизать буду. клянусь.

– Ну, ты иди пока. И жди, – Чалый пожал похудевшую серую костомаровскую руку. – Иди.

– Пошел, – оторвал его от решетки конвойный.

– Генаха, пойдём на улицу. На пару слов, – Серёга потянул старлея за рукав.

Они зашли за угол серой стены. Чалый достал из кармана деньги.

– Здесь пятихатка, Гена. Больше, сам знаешь, у бедняков не бывает даже на нужные дела, – Чалый протянул деньги и глянул Маркушину в глаза. – Надо, чтобы девятого он на суд не попал. Очень надо, Гена.

– Ну, надо, так надо, – старлей сунул деньги за пазуху под гимнастёрку. – Ты езжай. Сюда не приходи больше. Мусора вам сами позвонят. – Давай. Рад был видеть тебя в порядке. Пока.

Они пожали руки и разошлись.

Серёга гнал «волгу» безжалостно. На душе было паскудно. Смурно и тоскливо было в душе Серёгиной. Он ехал и всё думал: отчего так мерзко на сердце? Вроде всё сделал. Да и стоил того Костомаров. А душа всё одно ныла.

Проскакивали очень уж быстро справа столбы, отмеряющие километры. Но, жаль, не существовало ни столбов, ни других мерок, которые определяют точно и однозначно – по совести ты поступил или плюнул на неё так же смачно, как на старую грязную тюремную стену.

Глава двадцать четвертая

Все имена и фамилии действующих лиц, а также названия населенных пунктов кроме г.Кустаная изменены автором по этическим соображениям

Какой приятный месяц август. Дожди в начале его отпуск неоплачиваемый брали у неба на пару недель. Ухитрившись как-то за июль и ливнями прикинуться, и затяжными, нудными, похожими на осенние, моросями. А то и тихо шуршащими по крышам струями крупными, зато в сопровождении страшных громов и ослепительных каракулей молний.

В августе сбоку от дорог на улицах «корчагинского» совхоза вздымаются потрескавшиеся бугорки, а из трещин этих выглядывают почти белые части грибов шампиньонов. Никто их сроду не высаживал и грибницу никто не возил из подлесья возле недалёких старых деревень. И кто такую радость подбрасывал каждый год в августе, какая такая природная аномалия их производила, никто не знал. По степным суровым меркам только чертополоху положено было процветать

здесь. Ну, резак, курай, кермек да мох бурый приучили народ к тому, что это украшение улиц и жизни вообще.

А чуть выбежишь из посёлка к простору поближе, так там, если не соваться в посевы, а ходить сбоку от клеток – степной гриб. О! Это произведение самых одарённых сил природы. Шляпка сантиметров под тридцать в диаметре. Ножка – не толще дамской ручки. Не пахнет совершенно, но в жареном виде аромат его пряный со сладеньким оттенком заставляет прохожих направлять нос туда, откуда вылетает запах этот, обозначающий изумительный вкус. Застынет прохожий, обалдеет от зовущего к себе духа грибного, и начинает вдруг понимать нюхающий, что не жить ему больше без этого запаха, как курильщику анаши без «косячка». И бежит домой прохожий, и хватает ведро пустое, с которым уносит его почти наркотическая грибная «ломка» в степь, где степных гигантов на десятки посёлков хватит. Если не ночью прихватил его на улице аромат из чужих домов, то и он вскоре вернётся с грибами степными в ведре, за пазухой под майкой, да и под мышками ещё. И будет у него в семье пикантный ужин. Так как жена и дети гриб жареный едят с луком и перцем, а сам он освежает блюдо стаканом-другим домашнего самогона. В общем, всё описанное – лишь малая крошка от большого удовольствия, которое приходит под ручку с августом.

Ну, в первую очередь – это наслаждение от борьбы с вредителями высоко уже колосющихся злаков. В это время как раз тянет к ним ото всюду всякую заразу. Ползающую, бегающую и живущую в земле, прямо вокруг корней.

Человек всегда побеждает, если, конечно, он не дурак и с палкой за вредителями полей не бегает и страшным матом их не пугает. А действует по науке, которую знает грамотный агроном. В период схватки с нечистью, поля губящую, агроном становится в хозяйстве генералом, командующим послушной армией рядовых бойцов в битве за урожай. Так вот в августе, чтобы злак дозрел без приключений до большого, тяжелого колоса, гнущегося под весом почти спелых зёрен, агроному надо провести операцию «гербицид-пестицид». Первый акт этой приключенческой пьесы играется через пару недель после рождения всходов. Он обычно скромный по размаху и тратам ядовитых растворов. Но зато августовское наступление – это полновесная война с заразой. И если вдруг окажется, что агроном или с силами не собрался, или вообще забыл про гербицидную «скорую помощь», то его и наказать могут. Лишением премии волей директора совхозного и фингалами вокруг глаз – усилиями товарищей и соратников по труду.

Погибший Стаценко Пётр, интеллигентно говоря, хрен клал на ядохимикаты. Он к августу после холодной зимы

и переполненной трудами весны разгонялся до сочинения огромного количества жалоб на директора, которые посылал почтой в верха советские и до запивания грусти от бесплодной борьбы с начальством многими литрами самогона. Поэтому кроме земли-неудобицы мешали урожаям всякие вольные и непуганые вредители.

Вот арендованный у Дутова, «царя» из «Альбатроса», Володя Самохин был не просто агрономом, а грозой корневой гнили, сусликов, полёвок, гусениц всяких и жуков. Они его боялись и так до смерти. Выйди он во пшеничное поле, да крикни молодецким голосом грозным:

– А ну, изыдь нечисть вся с хлеба, проса и овса, да сгинь-пропади!

И все сорок три клетки ожили бы и восстали мощными колосьями из-под гнёта вредительского. Но мегафон-матюгальник в совхозе был только у Данилкина, который орал в него лично и не давал никому даже подержать. А голосом вопить стеснялся Самохин, агроном, поскольку голос нужен был ему

для выступлений на собраниях, где он рассказывал о победе научной агрономии над безмозглой надеждой большинства на то, что всё и так обойдется.

Вечером пятого августа он снарядил десять тракторов с прицепленными трехкубовыми цистернами, из которых торчали вентили и шланги с распылителями. Перед цистерной на деревянной плашке был привинчен насос. Он и гнал ядохимикат через распылитель на ниву хлебную. К трактору прилагался, естественно, тракторист, а к цистерне – женщина. Потому как она, в отличие от грубых мужиков, распыляла яд аккуратно, скрупулезно, не отвлекалась на разглядывание летающих кругами кобчиков и не пила на ходу самогон.

На тракториста и на даму возле цистерны надевались респираторы или даже противогазы. Поэтому сражение с вредителями обходилось без жертв со стороны их губителей. В ночь на шестое августа поезд из тракторов с прицепами рванул в поле и там уже перестроился в фланговую линейку. Шли почти колесом к колесу, цистерна к цистерне и захватывали за раз метров сто двадцать.

– Льётся нормально?– кричал в рацию Володя Самохин, стоя у кромки полевой.– Покрываете межу без прогалин?

– Не нервись, командир! – отвечал ему за всех сразу Толян Кравчук.– Работаем как ювелиры. Данилкин может уже премии из сейфа доставать и толстыми кучками раскладывать.

Сам Вова Самохин, хоть и был спецом высшего класса, но на технику безопасности плевал как настоящий мастер, который никогда молотком себя по пальцу не грохнет даже в темноте кромешной или в подпитии, когда всё раздваивается. Поэтому надуло на агронома ветерком пыли мокрой и ядовитой, принесенной тихим ночным ветерком. Через пару часов ему стало нехорошо, он три раза проблевался в сторонке от поля и сказал в рацию:

– Отряд, слушай мою команду! Обходите до утра круг по всему периметру посева, все сорок три клетки опрыскиваете от начала поля на сто двадцать метров вглубь. Остальное завтра будет поливать самолёт. Мы его по краям не пускаем. Половина яда просто на траву улетит. Всё! Задача ясна?

– Вова, иди уже! – крикнул в хрипящую рацию Чалый Серёга. – Вот нам твой героизм сейчас поперёк горла встал. Ты ж траванёшься, если уже не нахватался паров. А нам ещё и самолёт гонять завтра, а через месяц уборку начинать. Ты нам живой нужен. Иди. Мы объедем до утра всё. Стакана два самогонки прими. Хорошее противоядие. А что разбрызгиваем-то?

– Амиды, диазины, – Володя сильно закашлялся, сунул в карман рацию и его вырвало на бегу. До травы не успел до-

скакать. Потом достал рацию. – Пошел я. С самолета завтра будем бензонитрилы лить. Ленин с Марксом вам в помощь. И Мичурин ещё!

– И Брежнев с Кунаевым! – добавил из кабины Валечка Савостьянов, сняв на минуту противогаз.

И Володя Самохин пошел домой. Только на совхозной улице он, добросовестно хвативший лишнюю порцию яда, понял, что вонь от него разлетается вокруг, как от ямы с хорошо сопревшим силосом. Причем источала смрад ядовитый не только одежда, но и кожа, волос и даже ногти.

Поэтому к семье он приблизиться не решился. А разделся во дворе. Залез потом голым в большую кадуюшку с водой возле сарая, отмокал в ней с полчаса. Вода была теплой и в ней хотелось закрыть глаза и уснуть. Но он во время выбрался на сушу. Скинул в бочку одежду и сапоги. Пошел в сарай, нашел там старое одеяло, которое выбросил прежний хозяин, прихватил там же свой кусок брезента, сложил его в несколько слоёв и завернулся в одеяло.

Голова на брезенте чувствовала себя хорошо, тело в одеяле тоже. Трава жесткая кололась слегка, но Володя Самохин этого не чувствовал.

– Вот как раз сейчас вся гадость и дохнет на поле. После самолёта вообще пшеница будет как новорожденная, не порченная. А это замечательно. Осенью много соберём, – глядя на изредка падающие августовские звёзды, думал агроном Самохин Вова. И от мысли этой ему стало так тепло, что в этом тепле он и уснул до утра без снов и обид на себя, успешшего показать трактористам не силу свою, яда не боящуюся, а дурь хвастливую и несусветную.

Утром его разбудила Мария, жена. Всё, что квасилось в бочке она постирала и повесила на проволоке, протянутой специально для белья от столба к углу дома. Но пёс Пацан всё равно влез в будку и нос воткнул в лапы. Кошки тоже на любимом месте возле крыльца не было. Ядом от стиранного обмундирования вроде и не несло, а, скорее всего, человеческий нюх его уже не чуял. В отличие от собачьего. Кошка тоже вряд ли сменила дислокацию по другой причине.

– Вы там все живые? – осторожно осведомилась Маруся и потрогала лоб мужа. – Я тебя будила двадцать минут! Слово двадцать она произнесла с интонацией, которую используют при сообщении о смерти близкого родственника.

– Не знаю. Все вроде в противогазах и респираторах, – Вова Самохин, агроном, выкрутился из одеяла и стал надевать всё, что принесла Мария: трусы, майку, носки, штапельную

рубашку в полосочку и брезентовые штаны, в которых Вова ездил на рыбалку. – А никто из трактористов утром не приходил? Чалый или Кравчук? И мне обувь ещё надо.

– Только кеды. Сапоги одни ты взял сюда. Остальные дома, – Маруся принесла кеды и села рядом. – Не приходил никто.

– А времени сколько?

– Без пятнадцати восемь, – жена поднялась и пошла в дом. – Давай завтракать.

– Какой к собакам завтрак! – Самохин вскочил, взял с бревна возле сарая рацию, от которой так разило ядохимикатом, что его чуть снова не затошнило. – Первый вызывает второго! Серёга! Чалый! Слышишь меня?

– Слышу! – прохрипел Чалый Серёга. Точнее – рация прохрипела. У Чалого голос весёлый был. – Мы тут не успели за ночь. Сейчас на крайних клетках. На девятнадцатой и двадцатой. Ещё часа три работы. Но все нормально себя чувствуют. Не жрали правда, ничего. Далеко уезжать надо. А здесь пары ядовитые. Съешь хлеб и сдохнешь.

Чалый Серёга очень громко и хрипло захохотал. Потом

закричал уже серьёзно.

– Ты лётчикам скажи, чтобы заходили с севера. Пусть там польют. А мы как раз закончим. У них яд другой. Покрепче нашего. И расход меньше поэтому.

– У них, бляха, рация на другой частоте. Я её не знаю, – Вова, агроном, схватился за голову. – Данилкин один в курсе. Сейчас я на Данилкина выйду. Будь на связи.

– Да я вас давно слушаю, – через помехи прорвался директорский голос. – 434.775 Мегагерц у них частота. Но ты на своей рации не поймаешь её. Я со своей попробую. У меня шестнадцать диапазонов, а на твоей шесть всего. Ждите. Сейчас я.

– Я сейчас на поле поеду к вам. Возьму «ГаЗон» на МТМ и подскочу через двадцать минут, – крикнул Самохин Володя Чалому и побежал на МТМ, на ходу заталкивая рубаху в штаны. Через десять минут он уже ехал по объездной неровной дороге к девятнадцатой клетке.

– Самохин! – вдруг заорала рация голосом Данилкина. – Они, бляха, уже на подлёте к восемнадцатой клетке. От Кайдуруна им ближе всего с неё начинать. И пойдут прямо рядом с нашими мужиками. Скажи им, чтобы уходили с поля

на траву. Подальше, в степь пусть уходят. На самолёте ядохимикат жуткий. Не такой, каким с тракторов поливают. Они на гектар 25 литров тратят, а мы с земли – двести. Во какой яд у них. Метилмеркап-тофос называется. На кожу попадет – хана. Сожжет нахрен. А вдохнешь – ни есть ни пить неделю не будешь. И ты не попади сам.

Только отключился Данилкин, только Вова Самохин крикнул Чалому, чтобы валили они гуртом в степь побыстрее, а тут как раз над кабиной, стреляя выхлопами, низко пронёсся «кукурузник». Он отклонился от начала поля метров на сто и позади самолета прямо из-под хвоста выплыл на воздух розовый шлейф тонкого слоя жидкой пыли. Часть её летела к земле и накрывала пшеницу, а остальное ветер от винта и турбулентности хвостовой поднимался вверх, подхватывался боковым ветерком и плыл в сторону степи, рассыпаясь и опадая по пути на обработанную уже командой Чалого пшеницу.

– Он, сука, прямо на нас идет! – крикнул Чалый. – Чуть правее. Метров на сорок. Мы не успеваем выскочить с поля. Он, сука, быстрее летит!

И рация заглохла. Самохин придавил акселератор. Старый автомобиль попытался на дыбы подняться как конь горячий, но вместо этого движок захлебнулся бензином и на-

чал «троить». Одну свечу залило таки. Скорость упала. Хорошо, что вокруг кроме сусликов и змей не было никого. А они не смогли бы даже при огромном желании расшифровать все семь словесных этажей классического, богатого и разнообразного русского отчаянного мата.

Рация молчала, хотя Вова не переставал вызывать Чалого, Кравчука, Валечку Савостьянова и Кирюху Мостового по очереди. Он хотел сказать, чтобы женщины перепрыгнули в кабины тракторов. Но потом вспомнил, что у старых МТЗ-50 и дверей-то нет. Дырки, проёмы дверные есть, а закрыть их нечем. Только крыша над кабиной могла укрыть ребят от этого жуткого «тофоса», но боковой ветер всё равно затянул бы его сквозняком в кабину и ядовитая пелена людей точно покрыла бы. Ехать дальше смысла уже не было.

Самохин остановился, вышел из кабины и сел с рацией в руке на траву придорожную.

-Так... – сказал он себе зло.– Козёл ты, Самохин. Людей не уберёг. Агроном хренов. Командир полевых работ, мля!

Самолёт появился с другой стороны поля. Шел он на вираже и медленно выравнивался, чтобы снова выйти на курс, который лежал уже метров под триста в сторону от места, с которого не успела удрать бригада Серёгина.

Посидел ещё минут пять Самохин Володя на травке, потом плюнул от души под ноги себе, прыгнул в кабину и потихоньку поехал к Чалому. Он один стоял возле трактора и глядел на самолёт. Остальные тихо сидели в кабинах.

– Попало на вас? – крикнул Самохин, агроном, заехал на поле ближе к тракторам и вышел из кабины.

– Ты не иди по полю, – сказал Серёга Чалый. – Мокро. Штаны сожжешь и вверх с колосьев может брызнуть. На лицо, на руки попадет.

– Я говорю, попало на вас или обошлось? – Володя постоял и вернулся в машину, завел мотор и подъехал к трактору Кравчука. Глянул на него и на Нинку Завертяеву, которая прижалась к Толянцу и тёрла лицо рукавом блузки.

Лица у обоих покраснели и лоснились, будто подсолнечным маслом облитые.

– Крепко попало, – сказал Чалый и закашлялся. Да так надолго, что Самохин дожидаться не стал, когда приступ утихнет

– Э! А ну, давай быстро все в кузов! – крикнул он так

истерично, что и ребят озадачил, и сам испугался. – Гоним в больничку к Ипатову.

Народ стал осторожно выбираться из кабин и Самохин молча ужаснулся тому, что увидел. Места на лицах, шеях, груди и руках, не прикрытые совсем ни респираторами, ни противогазами, смотрелись страшно. Кожа под краснотой верхней уже синела и проглядывались маленькие пятна волдырей, сидящих буквально друг на друге. Одежда распозлалась и по швам и на отдельных местах, которые подставились под ядовитую дисперсию жидкости. Чалый в тракторе сидел вообще без респиратора. Герой, блин. Поэтому даже знакомые вряд ли смогли его узнать. Вся кожа в синих пятнах и бордовых волдырях в середине пятен от ожогов. Руки посинели, а добротные Серёгины шмотки стали похожи на рваньё нищего с кустанайского вокзала. Короче, случилась большая неприятность, крепко зацепившая здоровье. Это было понятно и без осмотра доктора.

– Шиздец девкам нашим. Мы-то ладно. И без полива ядом уроды. А они красивые были. Жалко, мля! – Чалый подтащил Зойку Хромову к машине, поднял и аккуратно перебросил её в кузов.

– Чего ты сопли тут швыряешь!? – толкнул его в бок Валечка Савостьянов, который уже какой-то коростой стал по-

крываться. – К Ипатову гоним мухой! Будут девки опять красивыми. Ипатов сделает. Он врач такой, что его вон хоть сегодня в Склифосовского примут на бешеные деньги. Только он сам не поедет. Он же говорил, что звали в Москву. Но, говорит, мне тут лучше. Тут, говорит, я доктор, а там буду одним из многих таких же. Ну и на хрена, говорит, мне такая сласть.?!

Загрузили женщин. Попрыгали в кузов сами.

– Ой, бляха! – вспомнил Толян Кравчук. – Там у меня под сиденьем литр самогона начатый. Вова, принеси. Сам не могу. Горит всё и внутри и снаружи.

А мы по дороге хлебнём по сто пятьдесят, чтобы боль придушить. Анестезия же, мать её!

– Мужики – кричал Данилкин и все рации транслировали его беспокойный тенорок. – Я Ипатову сказал уже. Он готов. Всё, что надо, есть. Давайте, не чешитесь.

Через час они уже сидели в кабинете доктора и он по очереди обрабатывал каждого. Женщин посадил отдельно за белую занавеску, мужиков разместил на кушетках возле окон, раздел всех до трусов и стал всех по очереди чем-то мазать, поливать неизвестной, пахнувшей мылом жидкостью, сделал

всем уколы в вены и в задницы, заставил каждого полоскать рот и горло зелёной сладковатой водой и сел, задыхаясь от быстрых перемещений на кушетку рядом с Чалым.

– Девушки как там у нас? – спросил он натужно бодрым голосом.

– Пойдет, – сказала в тон доктору Зойка Хромова. – Легче. Совсем другое дело.

– Ну что, Ипатов? – заработала рация докторская. Данилкин прорвался. Переживал.

– Ничего. Отравление очень сильное. Но вовремя приехали. Я всё сделал. Всё нормально. Скоро поправятся. Обошлось.

– Всё путём, Ильич! – крикнул Чалый. – Все в строю. Покоцало нас чуток, конечно. Это да. Но уже в сто раз полегче.

– А я завтра летунам задницы надеру, – пообещал Данилкин, директор. – Пусть сегодня работу мне доделают. А с утра я их командира отmaterю. Смотреть же надо, куда гадость льёшь. Не на людей же! Ладно поправляйтесь.

– Да я бы и сдохнуть не против, – серьёзно сказал Кравчук

Толян. – Но, во-первых, мне надо ещё на новый «москвич» заработать. Во-вторых, при нашем докторе Ипатове сдохнуть можно, только если он сам тебя заперет скальпелем. А он, блин, наоборот, любого из могилы почти запросто вытаскивает. Сдохнешь тут, бляха!

Тут поднялся такой живой и оптимистичный совместный хохот, который всё продолжался, несмотря на больничную обстановку, где ржать просто неприлично и некультурно. Ипатов, правда, тоже про это забыл и хохотал со всеми вместе.

А и смешного-то Кравчук ничего такого и не сказал. Просто всем стало хорошо и ясно.

И в этот раз пронесло.

Шестого августа после хорошего обеда, который из-под руки Софьи Максимовны выходил каждый день как подарок мужу за долгую и удачную совместную жизнь, побрёл Данилкин в кабинет просматривать текущие отчёты агронома и счетовода о различиях роста злаковых на клетках с разной почвой, а заодно и сводки о расходах на то да сё и заявки от народа на всякие затраты, необходимые для дел рабо-

чих. Что-то подписывал и откладывал вправо, что-то комкал и кидал в урну, а некоторые бумаги в левую стопку укладывал. Над ними надо было ещё подумать, а потом – или в урну или под авторучку, чтобы черкнуть три слова – «разрешить» или «Обождём пока». За окном желтая собака Кирухи Мостового гоняла по дороге котов. Один кот принадлежал Олежке Николаеву, второй, рыжий, Кравчуку. Коты дурили пса классическим кошачьими приёмами. Подпускали к себе поближе, после чего, какая-то пружинка подбрасывала их и переносила через барбоса. Он пытался лапой приземлить наглеца, но не попадал, коты отбегали в сторону и всё начиналось по прежнему отработанному сценарию.

– Вздремнуть бы... – Данилкин достал из шкафа бутылку «ситро» и выпил стакан залпом. Дремота не ушла. – Все начальники после обеда спят дома часок-полтора. А я как тракторист, блин. Перекусил и бегом за рычаги. Побеждать в соцсоревновании.

Выпил ещё стакан. Газ лимонадный что-то шевельнул в организме и он воспрянул. Ясно стало в глазах и в голове. Но читать было уже нечего. А вот написать в Управление заявку на тонну солидола смысл имелся. Он достал чистый лист. Расправил его на столе чуть наискось, чтобы локтем бумагу не мять, и занёс над верхним краем бумаги перо. Вот в этот момент крайний справа телефон, прикрепленный к линиям

областных органов всякой власти, издал длинную серебрянную трель.

– Данилкин на проводе, – сказал директор Григорий Ильич. Ровным, мягким и доброжелательным голосом. Поскольку иначе в эту трубку нельзя было говорить. Какому чину сверху взбрело осчастливить Данилкина новой указывкой или объявлением выговора за отсутствие неделю назад на слёте мелиораторов, не представлял директор «корчагинского»

– Здравия желаю, Григорий Ильич! – голос был уверенный, твёрдый, звонкий. – Майор Малович на проводах!

– Вай! – откликнулся Данилкин, директор, попутно разгадывая надобность звонка из ОблУВД. – А уже и майор!? Поздравляю от сердца! Достоин! И когда звезду искупаем в коньячке?

– Да приедем с Тихоновым завтра к обеду, – Малович засмеялся. – Мы у вас тогда одного преступника-то всё же проквакали. Соскочил, гад. Вот мы его и возьмём.

– Это по какому делу? – напрягся Данилкин. Не понимал он, почему майор об этом докладывает. – По-тихому бы навалились и взяли злодея. Но какого? Вроде закрыли всё по

Стаценко и Захаровой. Блатные наши чего-нито за моей спиной отчудили?

– Ой, Гриша, мутит меня от блатных. Не упоминай всеу, – Малович кашлянул значительно и металлическим голосом закончил фразу. – У нас с тобой телефон тихий. Не слушают его. ЗаС называется. Закрытая или засекреченная связь. Так что я тебе открыто скажу. Тебя, Григорий Ильич, брать будем.

– За что! – воскликнул Данилкин, чувствуя прохладу на спине под рубашкой. В самой ложбинке. – Ты ж сам сказал, что приписки тебя не интересуют. Ты не ОБХСС. За что меня брать кроме них?

– У Костомарова суд девятого.

– Да ты что? Уже?– Григорий Ильич ещё надеялся, что Малович от Костомарова ничего против него, Данилкина, не поимел. – И что ему светит?

– Исключительная мера светит, – почему-то всё ещё смеялся Малович. Привыкшие они, мусора, к чужим смертям. Как паталогоанатомы к покойникам. Те тоже в морге анекдоты травят. – Так он на суд без тебя не хочет идти.

– А чего это он? Я ему не адвокат, не прокурор.

– Он за паровоза идет, а вагоном тебя прицепляет и супругу твою, – ржал Малович заливисто и громко. – Написал заяву, что шлёпнуть агронома вы ему велели. Вот она, у меня. К делу не пришил. В портфеле на суд отнесу. Вместе с тобой и передадим прокурору.

Данилкин замолчал и холодный пот потёк прямо с шеи по груди вниз. И лоб взмок. Молчал он полминуты и не знал, что Малович в это время зажал рот рукой и трубку к кителю прижал. Смех прямо-так и раздирал его, как на добротной кинокомедии.

– Это самое, ну...– проямлил Григорий Ильич. – Со-ню-то не трожьте. Она больная психически. Справка же есть с обследования в облдиспансере. Этих больных не судят же!

– Ладно. Хрен с ней. Психбольную туда и отвезём, – строго сказал Малович. – Давай я и тебе такую же справку организую. Вместе будете аминазин есть.

Хотя организаторам убийства такой же вышак положен как и исполнителю.

– Мы не при чём, товарищ майор, – тихо и испуганно про-

шептал в трубку Данилкин. – Приписывал тонны – да. Сажайте. Но пойти на убийство двойное мы человеку как могли приказать? Фактов-то нет. А Костомаров клеветать на суде будет. Он такой, сука! Он жену убил и с ума сошел. Его не проверяли в диспансере? Он же псих! Пришел ко мне перед вашим приездом пьяный в дымину и прямо так и сказал, что скажет на следствии, будто мы его заставили и Петьку убить, и Нинку Захарову. Дайте мне с ним свидание до суда. Сделайте очную ставку. Увидите сами, что он клеветать будет. Доказательств-то у него нет! Товарищ майор Малович, нет у него доказательств, клянусь!

– Доказательства-то у него есть. Чистосердечное признание о сложившихся обстоятельствах под давлением директора и его супруги, – Малович замолчал. Жуткая была пауза. Данилкин почувствовал прилив крови в голову. Давление подскочило. И пульс вены рвал скоростью и силой. Данилкин инстинктивно перебирал в голове возможно пропущенные им собственные промашки, но не находил. И от этого разговор Маловича становился жутким как кошмарный сон с глубокого похмелья.

– Всё. Хана, – мелькнула до того тоскливая мысль, что Данилкин стал громко икать в трубку. Он встал, поднял голову, но ни давление, ни икота не пропали.

– Ты воды выпей, Гриша, – посоветовал со смехом Малович.– Вода-то есть в кабинете или только коньячок?

– Нет, нет. Доказательств не имеет Костомаров. Нет!– вскрикнул вдруг Данилкин. – Он врёт. Он меня ненавидит. И Соню мою. За то, что мы одни знали, что это они с Нинкой приписки делали и мне фальшивки на подпись кидали. Знали же, сволочи, что я ни бум-бум в сельском хозяйстве. Что меня на пересадку директором посадили перед переводом заворготделом обкома.

А я учитель географии и не понимал ни хрена, что они мне дают. Думал, там всё как надо, в бумагах. А Петька Стаценко лично Костомарову рожу бил по пьянке и посадить его обещал вместе со мной. Жалобы везде посылал на нас. Думал, что я тоже одобряю приписки эти. А Костомарова, говорил Петька, жена моя заставляла завышать объёмы так, что даже я не знал. Это чтобы совхоз передовиком был и меня скорее в обком забрали большим начальником. Костомаров испугался и убил Петьку. А жена знала об этом. И его шантажировала. Говорила, что если он меня не уломает, чтобы я его на своё место рекомендовал, когда меня в обком заберут, то она расскажет милиции, вам, значит, что Петьку убил он. А я сам им приказывал, чтобы они приписывали, государство дурили. Вот как дело-то было.

Выговорился Данилкин на одном прерывающемся дыхании, с бешеным стуком в висках и дрожью рук. Высказал всё и умолк. Плохо ему было. Малович, видимо, уловил это и понял, что перебрал с розыгрышем. А розыгрыши и подначки обожал уже теперь майор Малович с гражданских детских лет своих. И со времен юности, которую он провел электриком на Соколовско – Сарбайском горно-обогатительном комбинате, где все добывали и обрабатывали железную руду, а он там управлял работой сложнейших электросетей.

– Эй, Гриша! – позвал он громко.

– Я тут, – вяло ответил Данилкин, директор.

– Доказательства-то у Костомарова может и есть, – спокойно сказал Малович. – Но я чего звоню-то... Он это... Сегодня ночью вместе с доказательствами помер в СИЗО.

– Что? – Данилкин ждал этого сообщения, но до конца уверен не был, что Чалый сможет устроить ликвидацию его самого страшного врага. Были сомнения. За пятьсот рублей всего и так просто, обыденно как-то. Не до конца верил, хотя слово Чалого всегда верным было. Без промахов. – Ой, как жаль. Так бы отсидел десятку, да и вышел бы человеком. Это ж исправительно-трудовая колония. А что случилось? Как вдруг помер-то он?

– Инфаркт, – Малович вздохнул. – Миокарда. Оказалось, что нервничал много, а сердечко слабое было. Трещину дало. У себя похороните? Или пусть тюремные люди и закопают? У них там кладбище своё.

– Пусть они сами, – Данилкин ещё не отошел от общего шока и его колотила мелкая дрожь, похожая на микроскопические судороги всего тела. – У нас люди не захотят его хоронить. Не любили его.

– Короче, такие дела, – сказал Малович, – Живи, работай спокойно. Жаль покойника, конечно. Но жизнь продолжается. Да, Григорий Ильич?

– Ну, а куда деться? – стал успокаиваться Данилкин. Дрожь почти ушла. И кровь в висках притихла, не билась в венах.

– А ты баньку-то готовь на завтра. В прошлый раз не успели. Преступника надо было уличить, – Малович снова засмеялся. – У нас в этот день отдых с Тихоновым после дежурства. Два дня. Заночуем у вас после бани. Ну, покойника помянем. Верно?

– Ждём! – воскликнул Данилкин. – Всё готово будет на

уровне. Давайте, не передумайте!

– Ну, пока. Привет жене, – сказал Малович и повесил трубку.

В кабинете было душно и директор распахнул окно. И в него сразу же влетели и лай собачий, и верещание на дереве маленьких серых птиц с длинными клювами, и звук движка трактора ДТ- 54, который уже проехал мимо конторы в сторону столовой. А кроме этих звуков тихо и тепло было на улице. Спокойно было всё и правильно. Как и должно быть в самом счастливом месте на планете.

Снял Данилкин притихшей и мягкой после дрожи рукой трубку телефона местного, совхозного. Ткнул на его большой панели продолговатую кнопку, под стеклом которой была приклеена бумажка «Данилкин. дом»

– Сонечка, приветик, дорогая! – голос директора стал бархатным и нежным. Любил он жену свою. За всё. Удивительная женщина попалась двадцать лет назад. Не было в ней ничего, что можно было бы не любить. И даже через столько лет недостатков в её сущности не образовалось. Любилося Григорием Ильичем в ней всё. От поворота головы на сохранившейся с молодости сан и горделивость шее, до речи её, похожей на приглушенный перезвон серебряного колокольчи-

ка, обёрнутого тонким шелестящим шелком. У неё был один только минус. Она не могла почему-то рожать детей. Проверялись везде, в Мокве даже. И всюду говорили им, что в порядке вся её детородная система. Тогда проинспектировали и самого Данилкина, который, как выяснилось, вполне мог бы заменить на любой ферме лучшего быка-производителя.

– Не дал Господь, – коротко резюмировала Софья Максимовна факт. На том и прекратили все разговоры и даже мысли изгнали оба по теме рождения потомства. И, само-собой, этот минус, от жены не зависящий, не тронул нежных Гришиных чувств и не умалил любви.

– Ты, Сонечка, сделай сегодня ужин на троих всего, зато по самому высшему разряду. Лучшие умения свои редчайшие приложи. Сколько там у нас дома коньяка армянского?

– Ящик полненький, Гришаня. Не трогали его пока. В чуланчике он, – Соня, судя по интонации рада была броситься к плите и разделочной доске прямо в эту секунду. Она тоже очень любила Гришу своего и всё, что он думал и делал. – А с какой высокой горки к нам сегодня румяньенькие колобочки прикатятся? Уж не из ЦК ли КПСС? Вот только с ними мне неуютно. Всегда подмывает с них галстуки сдёрнуть и рубашки до пупа расстегнуть. Потому как напиваются они всегда до полусмерти, а галстуки жмут. И рубашки еду в жи-

вотах давят. Жалко их, родненьких.

– Серёга будет один, без жены. Ты да я, – ласково остановил её рассуждение Данилкин. – День сегодня у нас троих прекрасный. Вот и посидим, как награждённые судьбой нашей счастливой. А? Не возражаешь?

– Что-то случилось, Гришуня? Я поджилками чувствую – случилось. Чую, что плохое стряслось. – Софья Максимовна начала со своим забавным акцентом зачитывать вызубренную молитву, возможно, душеспасительную. Данилкин ждал. – А вот как наслоение на это плохое ложится что-то очень хорошее. Ой, господи! Прости мою душу грешную за то, что я вмешиваюсь в деяния твои!

– Сонечка, ты, голубушка, приступай пока к своему священнодействию, – Данилкин, директор попутно достал из ящика стола рацию. – Мы через часик и подойдём уже. Давай, я отключаюсь. Целую.

Он аккуратно разместил трубку на её пьедестале, высоком, похожем на те, что торчали рожками на первых советских телефонах. Взял рацию.

– Вызываю Чалого!– крикнул в решетку Григорий Ильич.– Чалый! Вызываю Чалого. Приём.

– Чалый на частоте! – прохрипела рация.– Слушаю тебя, Ильич. Весь внимание!

Слушать ничего не надо, – крикнул директор. – Жду в кабинете через десять минут.

– Уже бегу, – сказал Серёга и отключился. Хрипы и помехи умолкли и в тишине этой жутко почему-то стало Данилкину. Он налил сто граммов водки, всегда стоявшей сзади, в шкафу. Между карандашами, ластиками, линейкой, кнопками и скрепками. Налил сто пятьдесят, пошарил под бумагами и нашел карамельку, не старую ещё. Выпил, занюхал. Посидел. Отпустило вроде бы.

Птички с длинными носами на ближней к окну ветке бормотали с присвистом о чем-то своём, важном настолько, что они целый день не переставали, беседовали. И конца у толковища ихнего не было. А вот нервы человеческие приглаживались птичьим убаюкивающим языком. И к тому моменту, когда в кабинет ворвался огромный Серёга Чалый, задевавший плечами сразу оба косяка дверных, Григорий Данилкин уже расслабился и напевал тихонько

популярную песенку «Ходит по полю девчонка» композитора Михаила Фрадкина.

– Чё!?! Чё такое, Гриша!?! – голосом героя, всегда готового на подвиг, прокричал запыхавшийся Чалый Серёга.

– Сядь сюда, – директор ткнул пальцем в стул напротив. – И дых свой приспокой.

– Ну, чего? – уже спокойно сказал Серёга. – Чего я несся, как вроде ты тут рожаешь, а акушер опаздывает?

– Щас тебе не до юмора будет, – Данилкин, директор, достал второй стакан, налил Серёге и рядом поместил карамельку. – Пей сперва.

Чалый залил водку броском и конфету для приличия понюхал. Но вопрос из глазах его тёмных сверлил Григория Ильича насквозь.

– Спасибо тебе, друг! – Данилкин вышел, пожал Чалому руку, обнял и снова сел на свое директорское место.

Серёга молчал. Прикидывал что-то.

– Да ну нафиг? – вдруг вскочил он со стула. – Число какое сегодня? Шестое!

Да ты что? Точно?

– Некуда точнее, – ещё раз вышел Данилкин из-за стола и Серёгу крепко обнял. К себе прижал. – Малович звонил. Сказал. Инфаркт. Ночью сегодня.

– Мля-я! – сказал Чалый и подошел к окну. – Победили, значит. Эх, мать твою так!

Он тупо глядел в окно. Пальцами сжал подоконник так, что где-то хрустнуло. Или в подоконнике, или в пальцах.

– Ну? – наклонился Серёга над столом и лбом почти коснулся волос директора.

– Рад?

Данилкин отодвинул подальше Серёгину голову. И коротко глянул на него тяжело. Угрюмо.

– Да ты, Чалый. –..-..–...совсем что ли? ..-.-.-тут радоваться!? Проблемы нет больше, это да. Вождь сучий наш как говорил? « Есть человек, есть проблема, нет человека, нет проблемы» Прав, падла.

– Ладно. – Чалый Серёга стал ходить по кабинету. – Кто

ещё знает?

– Никто. Пока я и ты. Сонька ещё будет знать. Хотя, думаю, уже сама допёрла. Я сказал, чтобы хороший ужин сделала. И что будем втроём ужинать. День у нас такой. Облегчение, – Данилкин смотрел в стол.

– Облегчение? – лицо Серёгино стало таким злым, что Григорий Ильич на всякий случай подошел к подоконнику. Может, выпрыгнуть придется. Даже одного удара от Чалого его организм не перенёс бы.

– Оговорился я, Чалый! Не то хотел сказать, – от окна директор пока отойти не решался. – Осознание, я хотел сказать. Того, что... Ну,.. Как же, мля, так? Ведь бились над этим вопросом. Ведь хотели же. Хо-те-ли! А сейчас как вроде чёрт когтями в душу впился... Честно. Ё!!! Нажраться надо, Чалый.

– Надо, – Серёга прислонился к косяку. – Инфаркт, значит. Ну, вертухаи! И не подкопается никто. Умеют, суки.

– Короче, помянем по-людски, – Данилкин тоже подошел к двери. – Пойдем, прогуляемся по улице туда-обратно. И ко мне. Соня уже, видать, закончит скоро.

Они долго, около часа ходили по посёлку. Из окон их видели многие. Но кто мог знать, какая причина гоняет начальника и лучшего советника его по совхозу? Скорее всего, думали, что не просто они гуляют. Может, задумали наконец асфальт положить и примериваются – куда, сколько и как.

Софья Максимовна встретила их улыбкой ласковой, лучезарной. Оделась она в креп-жоржетовое платье с пелеринкой небольшой и воланчиками на закругленном и приподнятым в стоечку воротнике.

– Ребятки, миленькие, не убивайтесь вы так. Лица нет ни на одном. Всё, что ни делается – так только волей и позволением Божиим. Я уже догадалась обо всем. Не дура, чай. Если взвешивать на весах справедливости ваш грех и его, то его грех ваш двойной перевесит. Покойный зло сотворил. Двойное. Самое тяжкое. Тяжелее не бывает. И вас бы, родненькие, приклеил к себе и утянул в судебную пропасть. А из неё был бы всем троим только в ад путь. А на вас-то крошечки и нет. Нет её! На нём кровь! И даже с мертвого с него не спалит и не счистит её даже геена огненная. Осеняю вас крестом и не чувствую боль в рученьке своей. Стало быть, нет греха на вас. Я знаю. Я хоть как и все под богом хожу, но поближе вас всех хожу. И волю Божию чувствую лучше остальных. Судьба такая мне выпала. Потому говорю вам: помяните его с душой. Человек ведь. Но без горя. Ибо горя

он принёс больше. Чем добра.

Помяните, и забудьте.

Соня подошла к столу, налила себе наливки вишнёвой, а мужикам коньяка по полному стакану.

– Давайте, ребяташки, душой помянем усопшего раба божьего Сергия. Да простит ему Господь прегрешения его вольные и невольные.

Выпили. Мужики сели есть, а Софья Максимовна ушла в свою комнату. Еды было много. Всё вкусное. Попробовали Чалый с Данилкиным всего помаленьку. Но аппетита не было. И через час они выпили по полови не бутылки армянского пятизвездочного.

Пили молча. Думали. Мыслями некоторое время не делились и потому знать не могли, что они – одинаковые.

– Мне теперь грех свой до гроба нести. Трус я, сука! – тихо сказал Данилкин. – почему так, Серёга, скажи! Вот помер мой враг, опасность моя и погибель верная, а мне не радостно, а тошно. Почему так? Ведь враг же.

– А потому, Гриша, – пояснял Чалый. – что это ты убил

Стаценко и Костомарова вынудил жену грохнуть. Стаценко убил ты, хоть нож воткнул ему в горло Костомаров. И Нинка – на твоей совести. И на моей. Мы Серёгу оба стращали, что жена его продаст, если он будет из-под её каблука пырхаться.

– Это да, – Данилкин снова налил. Выпили.

– А Костомарова убил я. За пятьсот рублей. Я убил, мля! Поддонок он, мразь. Людей убил двоих. А я тогда кто? Та же мразь! Софья твоя советует успокоиться и забыть. Ну, успокоюсь со временем. А вот забыть – хрен там. Тоже не своей рукой убил, как и ты. Но тебе легче от этого? Совесть не сожрёт?

Не, не легче, – Данилкин совершенно натурально заплакал. – Ты не поверишь. Но не хотел я их смерти. Но когда я его на убийство подбивал, так разум уходил. Я безумцем был тогда. А сейчас я сука, скотина, мразь и сволочь. Век мой остался не шибко длинным. Так вот я знаю, что пока буду жить – обглодает меня совесть начисто.

– Каяться поздно, – Чалый опять налил. Выпили, не глядя друг на друга. Данилкин на часы глянул.

– Семь часов только.

Чалый съел коляску сервелата. Взялся обеими руками за голову.

– Каяться и не нужно. Я много хренового сделал в жизни. Но не каюсь. Моя жизнь. Значит по судьбе так прописано силой сверхсильной. В бога не верю. Но то, что, как и тебе, мне чёрт когти в душу вогнал, чувствую. И то, что не лично, но человека убил, зачтется мне после. А сейчас, что делать? Я раньше и не думал об этом. Но Ирке как в глаза смотреть? Детям? Я бандитом был, вором, но мокрого не было за мной. И потому я ненавижу себя. И тебя.

– И меня! И правильно! – обнял его Данилкин. – Ты убей меня, Чалый. Это ж я вас всех кого подбил, кого вынудил. Убей меня! И тебя судить даже не будут, если всё правильно мусорам расскажешь.

– Ой, мальчики! Горюшко вы моё. Да вы ж лыка уже не вяжете! Идите вон туда. Спать ложитесь. Сергей, домой не ходи. Не надо, чтоб тебя такого свои видели.

– Прости нас, Сонечка! – зарыдал Данилкин, директор. – Прости Христа ради.

Чалый уже ничего сказать не мог. Пьян был и нервы не работали.

– Я-то прощаю и бог простит. Меня бы кто простил. Я ещё та тварь. Гадюка в облике людском.

Но мужики последних слов Сониных не слышали. Они упали на два дивана и заснули тяжелым, недобрым сном.

И в это время в окно сильно постучали.

– Григорий Ильич! Это Игорёк Артемьев. Я с поля сейчас. Беда у нас!

– Что? Где беда? Какая беда? – открыла окно тётя Соня. – Спит он пьяный. И Чалый спит. С них толку нет. Беги к агроному. К Самохину. Так что за беда ты не сказал!

– Саранча! Са-ран- ча! Туча! Сам видел! Трындец хлебу если не чухнемся!

Артемьев не преувеличивал. На поле могло быть только две беды.

Огонь с ветром по всей ниве. И саранча.

Но саранча была страшнее.

Глава двадцать пятая

Все имена и фамилии действующих лиц, а также названия населенных пунктов кроме г.Кустаная изменены автором по этическим соображениям

Таинства злые и добрые природа держит, похоже, в одном кармане и, кажется, сама не очень-то старается выбрать, какую из них достать сейчас и выкинуть нам на головы, а какие придержать для худших или лучших времён.

Многие выходки высших сил народ за века научился предчувствовать и достойно их принимать. Хоть лето красное, теплое, ласковое и урожайное, хоть ураганы, ливни, пробивающие себе ходы в надёжных как будто крышах, засуху и раннюю зиму, когда колосья хоронятся первым снегом в холодной белой могиле.

Не могут люди привыкнуть только к неожиданной беде, остеречься которой или приготовиться к встрече с ней нет

возможности. Такая беда всегда внезапна как инфаркт у здорового человека, но перетрудившего сердце за один раз.

Вот к таким горестным и трудно исправимым событиям отнесли люди сельские саранчу. Одно насекомое зеленого, оливкового, бурого или серо-красного цвета – совершенно милое существо. Не хуже, допустим, кузнечика, мухи или более свирепого овода. Одинокой саранчой даже любоваться можно. Вся ладненькая такая, сформулированная эволюциями миллионов лет как совершенная машинка для пружинистых прыжков и безупречного, почти птичьего полёта. Вот если бы природа не подарила ей мощнейших челюстей, непомерного аппетита и потребности жрать непрерывно практически все, что растёт, то к саранче у народа, возможно было бы уважение как к воробьям, божьим коровкам и муравьям, за то, что они лопают вредителей разных и не портят пшеницу или просо с овсом. Но даже такой неукротимый зверь в обличье насекомого на вид хрупкого, в одиночестве не нес опасности и даже симпатию вызывал совершенством своего тела. А вот когда из этих маленьких и, в общем-то, слабеньких с виду созданий сбивалась безразмерная, многомиллионная стая, куча или туча зверей-насекомых, которая летит неизвестно откуда на поле, заслоняя собой солнце и огромный кусок неба, – это никакая не проблема. Это беда. Горе.

В шесть часов вечера Игорёк Артемьев торчал на край-

ней восьмой клетке и искал меж колосьев как-то потерянные с прицепа плоские ремни на защёлках, которыми цистерны дополнительно крепились к корпусу платформы-тележки. Ползал он кругами, поскольку точного места не знал. Устал, сел на корточки и поглядел машинально на небо. То, что он увидел, заставило его забыть про ремни и со скоростью, на какую только были настроены его ноги, улететь с поля на траву, где стоял его грузовик. Из кабины, в которой он мгновенно подкрутил вверх до упора боковые стёкла, было видно, что туча чёрная, снижающаяся перед пшеницей, была не менее пяти километров в ширину. А где кончался хвост её – даже приблизительно невозможно было угадать.

– Мать твою! – закричал перепуганный Игорёк. – Это ж саранча! Сейчас рухнет она на поле и, считай, гектаров трёх зерна уже не будет к утру! Да чтоб ты подохла, скотина!

Это проклятие он выдал из себя уже не думая, потому, что разворачивал машину к совхозу. А если бы не спешил так, то подумал бы и сразу понял, что сама саранча не содохнет, ясное дело. И что с этой самой минуты должно быть объявлено ЧП по совхозу. После чего все до единого обязаны мгновенно мобилизоваться на настоящую войну. В ней нет пуль и бомб ни с одной стороны. Но саранча, сплочённая в трещащую сухими крыльями многомиллионную армию – враг жестокий, быстрый, злой, которому не знаком страх. А

знает и чувствует он всей своей многотонной массой только голод. Страшный голод.

– Софья Максимовна, дорогая! – не переставал кричать Артемьев Игорёк. – Разбудите их. Растолкайте. Надо команду от Ильича получить на связь с авиацией. И если он сам не в том состоянии, чтобы говорить с командиром летунов, то я на машине к ним сам сгоняю и договорюсь.

– А есть чем травить-то? – заволновалась тётя Соня. – У нас урожай в этом году отменный. А за три-четыре дня такая орава съест всё. Все поля и клетки обглодает.

– Я сейчас закину инсектицид в кузов. У нас восемнадцать бочонков по десять кило, – Артемьев перебирал ногами, будто в туалет не бежал, терпел. – И поеду. Пока самолёт снарядим, надо своими силами шугануть саранчу. Уже делали пять лет назад. Получилось же! А летуны только с утра смогут облить поля. Ночью не полетят.

– Откуда эта тварь взялась? – из окна высунулась голова Чалого Серёги. – Вот жизнь, бляха! Не понос, так золотуха. Тётя Соня, Ильича будите.

– Сам я поднялся, – Данилкин крикнул из комнаты. – Большая стая?

– Огромная, – Игорёк Артемьев сделал ужасное выражение на лице и широко расставил руки. – Километров пять в ширину. Плотность – неба не видно. Толстая туча. Сколько за первыми летит – не видно. Но километров на пятьдесят стая точно растянута. Не меньше.

– Вот и поухаживали за хлебушком, – грустно сказал Данилкин, директор. – Чалый, коньяка по стакану налей. Похмелимся, тонус вернём и побежим командовать.

Чалый Серёга просьбу исполнил секунд за пятнадцать. Выпили. Покурили минуту. Стало легче.

– Ильич, ты вяжись сейчас на их частоте с командиром авиаотряда. – Чалый погасил окурок о подошву и в карман сунул. До пепельницы далеко было идти. – Скажи, что отраву сейчас привезут. Пусть затариваются на утро. А я побежал к Кравчуку Толяну и к Валечке Савостьянову. Они поднимут Алпатову и Копанова. Потом все вместе поднимем весь совхоз. Лёхе Иванову с МТМ я скажу, чтобы все девять грузовиков, которые не на ремонте, шофера к конторе подогнали.

– Людей всех поднимай! – Данилкин протянул назад руку, в которую Софья Максимовна вставила наполовину заполненный стакан с коньяком. – Пусть Лёха бежит сперва

в радиорубку и через все динамики тревогу объявит. Народ пусть берёт с собой всё, чем греметь можно. Кастрюли, тазы, корыта и железные колотушки. Поварёчки, молотки, топоры, арматуру. В общем всё, что гремит. Чтоб своим ушам даже было больно. Короче, всё то же, что и пять лет назад. Тогда прогнали почти всю к утру. И сейчас с верой в коммунизм и в идеи партии мы её, собаку, тоже с полей выпихнем.

– Разъехаться только надо правильно! – крикнул на бегу Чалый. – Если она километров пять в ширину летела, то опустилась и прихватила не больше двух. Они скучиваются сперва, а потом разбегаются уже. Должны успеть.

– Ты, Игорёк, дуй на склад, загружайся и мухой к лётчикам, – махнул ему рукой Данилкин, директор. – Я сейчас с командиром договорюсь и скажу, что через час ты будешь у них.

– Вот горе-то какое, вот же напасть не вовремя.– Утерла рот платочком Софья Максимовна.

– Это не горе. Не беда, – Данилкин переставил частоту на рации. – Горе было с утра, да прошло. Загасили мы его армянским... Мы его коньяком заглушили крепко. Но совесть всё одно дёргается, волнуется.

– Спасибо скажи, что она у тебя вообще есть, – сказала жена и ушла в комнату. – Другой бы порешил волей своей троих, как мы с тобой, и песни бы пел весёлые. Потому, что пусто у него в душе и на месте совести хрен вырос.

– Ну, да, – Данилкин с похмелья настроил рацию не без труда. – Я этого себе не прощу. Точно говорю. Это мой камень на сердце. До конца жизни.

– Дурак ты, Данилкин, – спокойно сказала Софья Максимовна из недр большого дома. – Передо мной-то в ярмо не запрягайся. Страдалец. Живи, не тоскуй. Их жизни не стоили ничего. Подлые были людишки. Царствие им небесное...

– Вася Лапшин, Данилкин на частоте .Ответь. Вася, Данилкин вызывает! Приём!

– Я тут, Гриша! – прохрипел командир отряда. – Что там у тебя? Не долили гербицид, что ли?

– Хуже, – Данилкин закашлялся и сказал после перерыва. – Саранча пришла. Большая стая. Огромная. С утра лететь надо двумя, минимум, машинами. Человек к тебе уже уехал с отравой. По рассвету и начать надо!

– Ё!!! – воскликнул Лапшин. – Саранча – это не хух-

ры-мухры! Тут нам полетать придется на полные баки.

– Заплачу. Не жухай. Когда я не платил? Отбой! До утра! – Директор сунул рацию как пистолет – за ремень штанов и пошел к конторе. Ночью под фарами машин, народ пойдёт пугать саранчу страшным шумом от железа. Так бились с этой тварью ненасытной все предыдущие поколения крестьян, когда не было никаких пестицидов. А саранча была неизбежна тысячи лет. И естественна как смерть. Но деды и бабки наши с тазами и колотушками успевали спасти почти весь урожай, если не пропускали момент атаки.

– Ну и мы, вроде, во время. – почему-то спокойно размышлял на ходу Данилкин, директор. – Плюс у нас ещё летуны есть с ядом. Володя Самохин, привет! Слышал, сколько прилетело твари?

– Ильич, нет таких преград, которых бы не преодолели большевики, – хмыкнул Самохин, агроном.

– А! – Данилкин тоже улыбнулся. – Если уж агроном в таком катаклизме шуткует, то победим точно.

– Даже в голову не бери. Завтра к вечеру будет тебе снова чисто поле, – сказал Самохин, протягивая руку. Поздоровались.

И пошли готовиться к войне.

На площади к девяти часам вечера перед конторой уже стояли грузовики. К ним в сумерках сходились силуэты высокие, пониже и совсем маленькие. Подростков родители тоже взяли с собой. Пользы от них поменьше, конечно, зато отлов и изгнание саранчи – это для будущих крестьян школа нужная. Часть необходимого профессионального образования. Не растеряются, когда вырастут. К половине десятого площадь конторская была забита народом так плотно, что опоздавшим и примкнуть оставалось только к самому краю. Но Данилкин раздавал команды в «матюгальник» милицейский, усиливающий голос раз в десять. Столько людей не собирал вместе ни один праздник. Даже самый великий – день Великой Октябрьской Революции. Потому как светлый коммунистический день каждый год бывает. И совсем не обязательно всему совхозному люду петь бравурные песни на улице, пить водку на ходу и стоя в куче. Это куда лучше получалось дома. Под музыку своих радиол или патефонов, холодную водочку и заботливо расставленной женщинами закуской. А вот беда, особенно с перспективой голодной зимы, собирала народ всегда очень быстро, и настрой у него был очень свиреп к любому злу: к саранче, засухе, ураганам, после которых колосья уже не могли подняться сами. Весь совхоз шел тогда в поле с мотками ниток в карманах и крепки-

ми, порубленными по полметра камышинами с озера своего. Его косили осенью специально. Рубили и разносили по дворам. А после ураганов аккуратно ввинчивали их после первого дождя хорошего в поваленный ветром ряд, привязывали к камышинам нитку, потом поднимали колосья, двигаясь вперед на коленях, обматывали то по одному колоску, то пучками и рядок метров через двадцать крепили толстой ниткой к другой камышине. Ураганы, к счастью, валили колосья полосами, а где-то проносились выше пшеницы и получалось, что на трёх-четырёх тысячах гектаров подвязывать надо было намного меньше половины площади. Но и после такой работы у народа отваливались руки, болели ободранные колени и согнутые в процессе спины. Только вот урожай всегда был главнее здоровья. Поэтому в любую погоду и при любых okazиях на поле люди и ползком ползали, и руками сорняк рвали, отпугивали сусликов и мышей, полотенцами и длинными тряпками выгоняли с пшеницы мотыльков белых, настырных и прожорливых. Не было с начала целинных лет и до сих пор в совхозах почти ничего из техники, которая из адского превращала бы труд при какой-нибудь напасти в нормальную работу. Без травм и потери сил.

Нашествие саранчи всегда считалось особой бедой. Если не прогнать, не отловить или не отравить её сразу, то государству достанутся объедки саранчовские в мизерных количествах. А себе совхоз автоматически приобретал голод. Без

хлеба в деревне хоть завалились салом, например, а всё

равно голод будет.

– Люди!!! – крикнул в усилитель Данилкин, директор. –
Внимание! Все делаете то, что скажут сейчас Сергей Чалый
и агроном Самохин. Передаю усилитель.

– Пять лет назад кто саранчу душил? – крикнул Серёга.

– Все!!! – рявкнули все кроме детей.

– Кто с сетями работал? Саленко, Тимофеев, Жумадилов,
Искаков, Прохоров и Зиновьев. Кого забыл?

– Нину Зиновьеву, – подняла вверх обе руки Зиновьева.

– Взяли сети?

– А как же! – отозвались из толпы.

Самохин на минуту забрал мегафон.

– С сетями стоите перед машинами возле фар. Проектор-
ра со склада забрали, Иванов Лёха?

– Так точно! – Лёха высунулся из второго ряда, чтобы Самохин его видел. – Закрепили на длинных проводах и на клеммы накрутили, на аккумуляторы.

– Между всеми десятью прожекторами расстояние десять метров. Перед ними слева и справа с мелкими сетями стоят те, кто и пять лет назад, – Самохин, агроном вернул «матюгальник» Чалому

– Экскаваторы МТЗ «Беларусь» я уже отправил на седьмую клетку, – Чалый покраснел от напряжения голоса. Жилы на шее вздулись. – На восьмую поздно уже. Считайте нет больше у нас этой клетки. Тонна саранчи, шоб вы знали, за день съедает хлеба столько же, сколько две с половиной тысячи людей с обычным аппетитом. Это я к слову. А по делу так будет: четыре экскаватора сейчас роют стометровый ров шириной в два ковша и глубиной в полтора метра. Туда надо будет положить штук двести фонариков и включить. В ров ползут работать двадцать человек. Те же, что и в прошлый раз. Здесь вы, мужики?

– Вот они мы! – поднял один за всех руку Масловицкий Витя, комбайнер. – Доски взяли. Полтора метра доска. Ширина двадцать пять. В прошлый раз мы эту тварь во рву такими били. И придавливали. Нормально будет.

– Теперь вспомните, кто возле прожекторов стоял с брезентовыми валиками. Бьёте ту саранчу, какая сквозь сетку пробьётся к прожекторам и фарам, – Чалый глянул на часы. – Всё, некогда. Все знаете, что кто должен делать. Пять лет – время, конечно. Но вряд ли кто забыл, кто и как её давил. Успеть своё дело сделать надо до рассвета. И быстро сматываться влево от седьмой клетки в степь. Потому, что пойдут самолёты над всем полем. Этим ядом зацепят, так быстро не отмоемся как о гербицида.

– По машинам! – закричал Самохин Вова без мегафона. – Становиться так же, как в прошлый раз. Как Серёга пять лет назад говорил. Фары включить, когда скажем, движки пусть работают, прожектора включите сразу по команде. Остальные все с грохотом любой посудой металлической о другую или с кусками арматуры по тазикам и кастрюлям идут от самых фар, от рва вперед к восьмой клетке. Понятно?

– Понятно, поехали! Чего сопли жевать!?! – мои фраера все тут с разным громыхаловом. Тридцать корыт и сто крышек от кастрюль, – заорал громче всех предыдущих ораторов старшой прибрлатненных Колун.

Толпа резво попрыгала в кузова, но все не поместились.

– Четыре машины ещё подгони мне к конторе, – сказал в

рацию Данилкин заведующему МТС Сухареву Ване.

Первые грузовики уже ехали вдоль поля к седьмой клетке. А Ваня дождался троих шоферов из основной толпы и сам тоже сел за руль. Забрали остальных. Через полчаса одна сторона, работяги совхозные, к битве были полностью готовы. А вторая сторона, саранча, увлеченно пожирала восьмую клетку, продвигаясь к седьмой, и о скорой своей кончине не думала. Не до войны ей было. Изобилие еды подавляло в маленьких мозгах ее даже самую очевидную опасность.

Данилкин приехал к полю на своей «волге». Он бросил её в степи с включенными фарами, направленными на клетку и пошел ко рву. Экскаваторы уже отъехали в сторону и тоже включили фары, свет от которых сразу же выхватил огромную шевелящуюся черную массу, плотную как толстая обивочная ткань, которую снизу поднимал и опускал бегущий прямо по земле ветер. Машины пока свет не включали, темными были и прожекторы. Народ разбежался по своим местам и ждал команды. Экскаваторщики Промыслов и Загайский нацепили рабочие рукавицы и быстренько наколотили несколько десятков крупных, сантиметров по шесть в длину, ненасытных насекомых, которые отвлеклись от еды и прилетели к свету фар. Мужики собрали трофеи и понесли Данилкину, Самохину и Чалому. Показать мёртвые лица единиц из миллионов свалившихся с неба врагов урожая и хлеборо-

бов.

– Азиатская перелётная, – рассмотрел под своим фонариком саранчу Самохин, агроном. – Оливково-бурая с пятнышками. Одна из самых гадких. Сбивается в многомиллионные стаи. Летит плотно друг к другу. Может, сука, лететь почти сутки без посадок на скорости двадцать километров в час.

– Ну, я тоже читал про такую. Снизу смотреть – не догадаешься, что это по небу движется. Стая метров двадцать толщиной, до десяти километров шириной, а конец её может быть на двести километров позади тех, кто летит впереди. Жрёт всё. Корни выедает у колосьев. Голая земля остаётся после этой твари, – негромко проговорил Чалый.

– Все готовы? – прокричал в мегафон Данилкин, директор.

– Все! – закричали с разных сторон и спереди. Слышимость в поле такая хорошая, что зря директор шумел в мегафон. И так бы услышали.

– Ну, с богом тогда, товарищи! И с помощью решений последнего съезда партии.

Народ оценил шутку и весело засмеялся. Всё поле от восьмой, крайней, клетки до ближайшей к машинам второй освятилось искренним хохотом борцов с напастью поганой.

– Погнали! – Крикнул Чалый Серёга. – Времени навалом до рассвета. Вперёд, ребятки!

И война за сытую жизнь, высокий урожай и правое дело грянула в прямом и переносном смыслах.

Страшный грохот мгновенно произвели рабочие совхоза. Метров со ста он воспринимался как скрежет Земли, которую так распёрло изнутри, что разверзлась она, лопнув в разных местах, и стала рваться на куски, пробуждая при этом скрежет миллионами лет покоящихся под почвой огромных валунов. Рвались в клочья тысячи неизвестных толстых как слоновьи ноги корней, хотя кроме хлипкой травы с тоненькими длинными усиками-корешками не было в этой земле сроду ничего. Звенел хрипло и резко вылетающий из недр сквозь разломы под огромным давлением раскалённый пар. И выла-стонала магма расплавленная, разыскивая ходы наружу. Гремел и звенел весь воздух до самого неба, перепуганный и подброшенный к облакам жутким гулом, который выплёвывала планета из треснувших ран своих.

Но это так показалось бы постороннему, если бы чёртова сила кинула его ночью одного в степь, не предупредив, что вот такой эффект ужаса нетерпимого создает тысяча работяг, бегущих десятками рядов, которые растянулись на пару километров каждый. Они били металлом о металл. Все-го-навсего. Но металл-то разный был. Сталь звон давала, если по ней колотить сталью. Алюминий производил глухой скрежет, когда его лупили эмалированной поварёшкой. Но самый тяжёлый удар, напоминавший пушечный выстрел, происходил от медных тазов, по которым колотили камнем. Жестяные листы, если то по середине, то по низу бить их арматурой, издавали протяжный вибрирующий звук. Тонкий, как штопор ввинчивающийся в пространство, нудный и дерзкий. А ещё десятка два человек

бежали с трещётками. Внутри круга, свёрнутого из шести-миллиметрового прута, болтались нанизанные на прут старые подшипники. Мужик поднимал круг вверх, описывал им дугу в пространстве и вперёд улетал шипящий как змея шорох, сопровождаемый звонкими щелками подшипника о подшипник.

Саранча очень боится шума. Почему – учёные, видно, знают. Догадались. Потому, что грохотом сгоняли саранчу с полей в воздух прадеды прадедов наших прадедов. Про учёных

они знали мало и не видели их сроду.

– А! – закричал кто-то из первого ряда. – Шуганулась, зараза!

И поднялась саранча на крылья, попала на попутный ветер и её стало поднимать и нести в сторону от поля.

– Точно! Снялась туча с места! – громко подтвердил кто-то справа. – На фоне звездного неба да при сегодняшней луне я лично вижу чёрное пятно. Звёзд сквозь него не проглядеть. И пятно смещается вверх да на юг.

Данилкин и Чалый с агрономом Самохиным стояли возле машин.

– Что, начнем главное? – спросил Данилкина, директора, Чалый Серёга.

– А ну и можно как бы уже, – согласился Данилкин. – Это, считай, половина на крыло встала. Значит сожрала только восьмую и часть седьмой клетки. Гектара три. Около четырёх.

Самохин Вова, агроном, достал из кармана маленький блокнот, ручку, попросил Чалого посветить на листок фо-

нариком и быстро что-то написал.

– Короче, сегодня утром я тут, в этой зоне, колосья срывал, обмолотил на току. Тысячу семян отсчитал. Взвесил на безмене. Получилось так, что урожайность здесь прекрасная, Ильич. Шестнадцать центнеров с гектара. Была у тебя такая хрень хоть раз?

– В этих местах брал с гектара не больше четырех-пяти центнеров, – засмеялся Данилкин. – Ты, Вова, старик Хоттабыч! Получается, что сожрала саранча тонн пять?

– Шесть, – Самохин сунул блокнот обратно. – Но это не страшно. Я пять дальних клеток ещё подкормлю аммофосом и потерю эту снивелируем. Сейчас надо остальную добить. Улетела далеко не вся. Командуй, Серёга.

– Приготовились! Как свистну, всем включить движки, фары, прожектора, фонарики, зажечь лампы керосиновые. Фонарики разложить на краю рва. Мужики с досками, двадцать человек, прыгайте в ров и ждите. Бить намертво, но не притаптывать. Все, кто с сетями, удерживаете саранчу и сбрасывайте мужикам в ров. Те твари, которые долетят до прожекторов и фар, убиваются брезентовыми валиками. Вы их варежками собираете и тоже в ров.

– Сейчас вся саранча пойдёт летом на свет, – крикнул Самохин, агроном. – Закон природы. Фототаксис. Они ему подчиняются. Прут на яркое. Так что всем, у кого пустые руки, зайдите за машины. А то полные рты саранчи будут. Так забьют, что не выплюнешь.

– Чалый сунул два пальца меж зубов и свистнул не слабее Соловья-разбойника.

В степи стало светло как днём. Прожекторы и фары с дальним режимом освещения выхватили из бывшей тьмы летящую низко, в метре над колосьями, массу шелестящих крыльями насекомых, которые неслись к прожекторам и грузовикам, переливаясь в лучах оливково-зелёными и светло-серыми бликами. Они летели свободно только с седьмой, ближней клетки. А те, которые застряли на восьмой и не влились в тучу улетевших родственников, тоже понеслись на свет. Через десять рядов людей с тазиками, кастрюлями, жестяными листами и колотушками всякими.

– Ложись все! – закричал кто-то голосом, похожим на пропитый тенорок Артемьева Игорька. – Снесут с ног нахрен!

Но его услышали не все. Шум стоял шипящий от бешено прыгающих вверх-вниз крыльев саранчи.

– А!!! Куда, суки!?! – визжал грубый мужской голос на самой высокой ноте. -

Они мне всю морду облепили и под рубахой носится килограмма три этой гадости. Рубахи снимайте все. Женщины тоже скидывайте шмотки до бюстгалтеров. Иначе загрызут. Кусаются как осы!

По всей ширине строя, от фланга до фланга, на всех десяти рядах, не видя пути,

бились об каждого десятки килограммов почему-то липкой массы. Фермент какой-то, видно, выделялся из увлекшейся едой саранчи. Многие специально падали и катались по обглоданной под корень стерне, давя телом сотни насекомых. Другие рубашками своими сбивали саранчу с соседей, а те – с них самих. Остальные кричали, пищали дети, визжали женщины. Они развернулись и вместе с саранчой бежали на свет, подставляя насекомым беззащитные спины, побросав всё своё гремящее «оружие».

– Вот это, мля, силища-то!!! – орал и благим, и обыденным матом кореш Колуна, приבלатненный Витька «Косячок». Его так толкнула в спину здоровенная куча, трещащая крыльями, что он рухнул на живот и проехал щекой по твердой земле.

Под ударами в спину многокилограммовой, летящей с приличной скоростью массы, падали почти все. Те, кто вставал и не сразу ориентировался, где свет, на мгновение поворачивался лицом к летящей саранче и ловил в рот и на волос огромную порцию этих невинных на первый взгляд насекомых. Некоторые ухитрились забираться мужикам в штаны, а бабам под юбки. И тогда, наконец, упали все. Упали и катались по стерне, дрыгая ногами, отмахиваясь руками и перекатываясь, как бревно, чтобы раздавить то, что шевелилось на их оголённых частично телах и под одеждой.

А саранча, которой осталось и после этого очень много, пулями врзалась в фары, прожектора, вязла и трепыхалась в сетях.

– В яму, в яму их!!! – торопил рабочих Самохин, агроном.

– Ты сам тоже кидай! – крикнул ему Чалый, загребавший оглушенных ударом о прожектор тварей варежками, и бросал их в ров. Делал он это как заводная игрушка, которой очень усердно накрутили пружину. Наклонился, захватил горку неподвижной саранчи, выпрямлялся, бросал горку в яму, наклонялся, набирал горку, выпрямлялся, кидал. И так без отдыха примерно час. А саранча всё летела. Некоторые насекомые падали на фонарики, разложенные на кром-

ке рва. Мужики из ямы сгребали их вместе с фонариками вниз, выковыривали фонарики и били сверху шевелящуюся, воняющую своим пищевым ферментом массу досками.

Так продолжалось часа три. Ров наполнился по всей длине, саранча продолжала биться о фары, прожекторы и зависала в сетях. Дело шло хорошо. Ну, если не считать полёгших бойцов передовой линии, которые уже лежали смирно. Передавили всех мразей телами своими. Все они покрылись точками красными от укусов. Лица, руки, животы голые и спины под светом фар красовались розовыми болезненными укусами. К тому же, все без исключения пытались руками стереть с лиц и тел слизь. Но получалось это плохо. И наконец вся большая бригада улеглась, притихла. Ей оставалось только ждать конца.

– Давайте, сверху на ров накидывайте ваши доски. Одна к одной. И начинайте притаптывать. – Данилкин бросил в ров первую доску. Мужики, сидевшие в яме, уже ходили наверху и доски свои ровненько набросали на шевелящиеся тела саранчи. Её там, во рву, было несколько миллионов.

– Себе заберём маленько, – сказал пришедший от экскаватора своего Толян Кравчук. – Её перетолочь и курам давать. В ней витаминов – во! – он провел ребром ладони по горлу.

– Все возьмут, кому надо. Курам, свиньям. У Митрохина Женьки шесть свиней. А куры так почти у всех. Да? – Данилкин дал отмашку и тихо выругался..

Те, кто возле прожекторов и фар стояли, отвлеклись. Слушали его. А саранча билась об стекло и складывалась под светом в кучи, достающие до колена.

– Мужики, притаптывайте! Чего рты пооткрывали? Саранчи наловить по самое горло? – Чалый тоже встрепенулся. – Нам до рассвета успеть надо. А до него час всего осталось. Потом сматываемся. Самолёты пойдут. Не дай бог под этот яд попасть.

Дальше все шло монотонно и механически. Стая стала реже. Дело шло к концу. Человек тридцать прыгнули на доски и начали бегать по ним вдоль всей траншеи. Масса просела. Доски сняли и набросали минут за сорок ещё примерно тонны полторы саранчи. Потом снова кинули доски и притоптали. Те, которые отлавливали нечисть сетями, сели на корточки и не спеша выковыривали из ячеек запутавшихся насекомых, раздавливали им пальцами головы и кидали в ров. В щели между досками.

– Мы себе возьмем массы на корм сколько надо, – сказал тихо Данилкин Самохину Вове, агроному. – Остальное себе

на птицеферму заберешь. Тьфу ты! Какой там себе! Ты ж теперь наш. Короче. Игорёк Алипов пусть грузовики подгоняет и забирает всё на птицеферму в «Альбатрос». Нормально?

– А чего? – Самохин прихватил ладонью горсть саранчи из ямы. – Корм с неё путёвый будет. Курицы Игоря Сергеевича от радости целовать будут. Больше никому. Жена после той истории с Валюхой Мостовой к нему ближе метра не подходит. И спят в разных комнатах.

– Вот же, бляха, жизнь! – хлопнул себя по коленям Чалый Серёга. – Ладно, давайте, заканчивайте. Соберёте всю тварь и в яму её. Притоптать. Придавить. Закрыть брезентом с захлестом от рва на два метра. И придавить брезент досками. Это чтобы летуны нам его не обрызгали. А то не радость будет курам, а верная погибель.

– Сделаем, начальник, – засмеялся Валечка Савостьянов, который, оказывается, машину давно оставил и с мужиками тела саранчи месил в яме. А никто его, здоровенного, и не заметил.

– Эй, народ! Кошмар кончился, – крикнул вдаль Данилкин. – Идите к нам. Домой поедем.

– Разбудим Ипатова сперва. Во! – поднял палец Чалый. –

Пусть он всех смажет, чем надо, от укусов. Кабы заразы никакой не было.

– Это ты верно сообразил, – сказал Самохин Володя, глядя на уже подходящую, потрёпанную и искусанную, изможденную толпу молчавших тысяч работяг, которые сделали большое, государственной важности дело. Но только вряд ли они об этом думали. А точнее – не думали об этом вообще.

Тяжело и хмуро возвращались бойцы. Завтра им надо было прийти сюда снова и собрать брошенное уже после победы оружие. Небо над головами их, ещё пять минут назад черное, за несколько секунд стало светлеть. Край Земли отметился тоненькой полоской карабкающегося на небо солнца. Вся тысяча мужиков, женщин и детей, покалеченных в сражении с врагом, каждого из которых по отдельности щелбаном можно было прикончить, остановилась, не договариваясь. Светлевшая высь подсказала им, что вот только сейчас они могут узнать, чем завершилось дело их рук. Искусанные, поцарапанные, ободранные от частых падений на бегу во тьме крошечной, запыхавшиеся и покрытые слоем гадкой слизи они все разом повернули тела свои лицом к полю боя. А не было поля. На полтора километра вперёд видели люди только голую землю, в которую весной бросали семя. На ней, земле этой, ещё утром стояли колосья по по пояс. А сейчас, в полутьме, поодаль друг от друга ползали давленные ногами

и разбившиеся об тазы и корыта маленькие злобные враги. Жалкие их остатки.

– А ни хрена они не смогли толком! – радостно закричал кто-то с правого фланга, прямо от высоких золотистых, радостно встречавших рассвет, не тронутых колосьев. – Вон он хлебушек! Вон сколько!

Все захлопали в ладоши, глянули ещё раз на погибшее поле и умирающих на нём малочисленных врагов, развернулись и побрели к машинам.

– Во, мля, как! Во как! – почти причитал на ходу уставший и побитый саранчой Артемьев Игорёк. – Взяла наша! Как положено.!

Только распихались люди по грузовикам, только потушили шоферы фары и бросили в кузова горячие прожекторы, тут и рассвет дернулся на востоке розово-желтой полоской. И верхушка солнца оторвалась от горизонта. Оторвалось от Земли солнышко и как огромный воздушный шар степенно поплыло к небесам

– А ты говорил, не успеем, – засмеялся Чалый и стукнул тихонько Самохина по плечу огромным кулаком.

Дурак ты, Чалый, и балабон! – в шутку обиделся агроном.– Это ж Данилкин говорил.

А вот говорил ли так директор – хрен теперь докажешь. Он же отдельно уехал. На «волге». Туз потому что, бугор, член райкома партии.

А вместе с рассветом с востока, прямо из-за горизонта выплыли два «кукурузника» АН-2 и пошли курсом на корчагинские поля.

– Вот залиют они сейчас полюшко «карбофосом-500», тогда и придет полный и окончательный шиздец и саранче, и опаскам нашим. И будем мы, я вам всем говорю, купаться в золоте богатого урожая, – торжественно произнёс Самохин, агроном.

Но все промолчали. Ответить-то было что. Просто сил не осталось.

Победа, как правило, всегда забирает силу тела.

Но всегда укрепляет силу духа.

Глава двадцать шестая

Повезло всей целине, развалившейся на сотнях тысячах гектаров к востоку от Кустаная. С начала почти и до последних дней августа через день-два падали на пшеницу с просом и овсом разные дожди. Ливни с громом и молниями, да кроме них – обычные хлёсткие, сделанные из медленных крупных капель, и затяжные морозящие. Не осенняя мелкая сыпь, конечно. Нормальные плотные дожди, стартующие с утра до ночи следующего дня. За десять минут быстрого хода от МТМ до конторы, метров пятьсот всего, работяга без зонтика от такой воды с неба вынужден был под конторским козырьком раздеться до трусов, вылить из сапог часть дождика, отжать носки, штаны с рубашкой. А только после этого идти в стены руководящего органа. Ходили в контору по разным делам многие механизаторы кроме женщин, которые оголяться принципиально не желали. И если бы шмотки мужики не отжимали, то по конторским коридорам сотрудникам пришлось бы перемещаться на надувных лодках или вообще вплавь.

Данилкин, директор, в дожди сидел за столом возле окна, покрытого извилистыми ручейками и думал о хорошем, заставляя своё воображение показывать ему поля совхозные. И прямо-таки физически чувствовал он, как тоненько по-

трескивает земля под каждым колосом, пропуская стебель из земли на воздух. Ввысь. И становился больше колос, и тяжелела его золотистая голова с усиками, да увеличивались, с трудом помещая в свои гнёзда янтарные зёрна. Так ориентировало директора Данилкина его воображение на щедрый урожай, теперь уже точно неизбежный.

Вова Самохин, агроном, в сухие дни катался на собственном мотоцикле «Ковровец-175Б» по меже и все клетки до одной аккуратно инспектировал. Где-то он сам пересыпал лишку удобрений, на гектаре, не более. Там пожёг он корни и колоски на этом гектаре. Ну, саранча успела-таки сожрать всего, правда, два гектара. Быстро её согнали и вытравили. Смогли это сделать нечеловеческим рывком в атаку на эту гадость и с помощью хорошей реакции лётчиков. Где-то, конечно, и удобрения с гербицидами не шибко помогли. На голимых суглинках да на многовековых солонцах. Там тоже далеко не пышно колыхались на ветру колосья, но были они всё же повеселее, чем до появления агронома Самохина.

Так сам Данилкин, директор, заключил после личного путешествия по своим полям. Хорошего агронома дал Данилкину «альбатросовский отец родной» Дутов Фёдор Иванович. Мастера дал. Володю Самохина директор не хвалил специально. Чтобы тот не заматерел раньше времени и сам не вознёс себя до Олимпа, где живут боги и полубоги. Но рад

был Данилкин несказанно. Только на одиннадцатый год увидел он поле родного совхоза примерно таким, каким его показывают в киножурнале «Новости дня» из зоны Черноземья российского и украинского.

За неделю до массовой уборки, до пятого сентября, агроном принёс ему в кабинет бумажку с расчётами. Там он вычислил, что из четырех с половиной тысяч гектаров «порченными» оказались только четырнадцать. То есть, почти ничего. Средний урожай по всей площади наклёвывался сумасшедший по корчагинским меркам – шестнадцать центнеров с гектара. Семь тысяч тонн с хвостом. Ну, если вычесть жидковатый хлеб с неудобиц, то шесть с половиной тысяч – точно. Данилкин раз пять перечитал Володину бумажку, когда агроном ушел, потом долго сидел, подперев подбородок кулаками, смотрел в одну точку на стене и перелистывал в памяти горькие и стыдные десять прошедших лет целинных. И пшеницу хорошую не могли они всей толпой выдавить из земли, и приписки свои воскресил директор в мозге. Бесстыжие, воровские, за которые он сам и многие кроме него получали ордена с медалями и переходящие красные знамена передовиков. Петра Стаценко, агронома-неудачника, пьяницу конченного вспомнил, смерть его ужасную. Костомарова вынула из души память, помершего в тюрьме по желанию Данилкина. Как живую увидел он вдруг и утопленную Костомаровым собственную жену.

Участие проклятое своё и Софьино во всех смертях увиделось как через стекло увеличительное. И так дурно сделалось Данилкину, директору, через час после неожиданного и глубокого обзора прошлого, что достал он из шкафа бутылку водки и выпил её к вечеру, не прерывая раздумий. Потом откупорил ещё одну, но осилить смог только сто пятьдесят. Не полезло больше. И только тогда совершенно механически он выбрался из-за стола и мелким неверным шагом с горем пополам спустился с лестницы, да почти наугад двинулся к дому своему. Прилечь.

Софья, жена, ничего не сказала. Постелила ему в его комнате на диване, раздела и уложила. И Данилкин до утра уже не просыпался. Он что-то бормотал, иногда во сне матерился, временами кричал что-то вроде: «Я не хотел, я не при чём!». Но в остальном всё было в рамках и, спустив мыслительную горячку, уснул он через часик мертвецким тяжелым сном.

А рано утром агроном Самохин Вова позвал из дома Чалого Серёгу, Потом они вдвоём обошли Кравчука, Олежку Николаева, Валечку Савостьянова и Лёху Иванова. Договорились, что они позавтракают, да возьмут на МТМ комбайны и пойдут по крайним межам поля, по самому окаёму, а там на свал скосят пшеницу по кругу на пятистах гектарах.

Это чтобы с послезавтрашнего дня, с начала массовой уборки, все начали косить уже напрямую, на обмолот. Так им легче будет и на поле зайти, и шоферам на машинах по стерне первые десятки тонн забрать от комбайнов будет удобнее. Не помнут колосья.

Ну, мужики завтракать не стали, взяли туюски с собой, забрали комбайны свои и разъехались на весь день.

Данилкин не проснулся и к десяти, чего с ним не было в последний десяток лет. И Софья Максимовна, передумав будить его, пошла в магазин за сахаром и ванилином. Пампушки пожелала испечь к ужину. По дороге её догнала жена Олежки Николаева Ольга.

– А! Оленька-лапушка! – поздоровалась с ней тётя Соня. – Ух, ты, ладненькая моя, чудненько Господом нашим сотворённая! Как живёшь, милочка? Что за радости твои, печали какие?

– Откуда радости-то, тётя Сонь? – Оленька Николаева подхватила Данилкину под руку и прижалась тесно. – Обрыдло всё. Жизнь моя поганая осточертела!

Нагулялась – во! Аж тошнит уже. А после разговора с вами, весной ещё, много думать стала про судьбу свою сволоч-

ную. Когда за Олега выходила, считала, что он тютя-размазня симпатичная. Не более. Спрячусь за него, за деньги его и жить буду, как хочу. Ему сказала перед свадьбой. А он, дурак, согласился. Ну, и жила, как сказала. Как сучка с вечной течкой. Ну, вы ж знаете всё. А вот после беседы с Вами месяца через два дошло до меня, что ни радости мне нет от того, что все мужики на меня кидаются, ни удовольствия. А любовь, собака такая, есть! Вы не поверите – к этому самому «тютю», который оказался настоящим мужчиной! Ни в Мурманске своём таких не видела, ни здесь. Сын вырос без меня практически. Я всё шалавилась. Девять лет уже пацану. На него похож повадками, силой душевной. Как жалко, блин!

– Чего жалко-то, голубушка? – глянула на неё снизу с улыбкой Софья Максимовна. – Что муж у тебя – мужчина стоящий? Что сына без тебя фактически вырастил? Что отличник производства, один из самых надёжных мастеров? На все руки, кстати. Комбайнер, тракторист, шофер, слесарь, сварщик... Или себя жалеешь, лапушка?

– Да я вот недавно-то и осознала. Было мне, как вы говорите, откровение свыше, – Ольга тихо заплакала. – Что люблю я его. Только его. Испугалась даже. Замуж ведь без любви шла. А тут вон как вывернулась. Что ни подумаю – так всё о нём. И не могу без него. Не гуляю налево полгода уже. А он и не притрагивается ко мне. За год поцеловал один

раз в щёчку. На день рождения.

– Он тебя любит, девочка моя славненькая! – Софья Максимовна остановилась и повернула Ольгу к себе лицом. – Мне ребята говорили. Чалый. Савостьянов. Игорёк Артемьев. Чего им врать-то? Он сам им сказывал, что любит всем сердцем, но не знает, как тебя оборотить в семью полноценную.

– Да? – шепотом спросила Ольга. – Так и говорил?

– Ну, милочка ты моя славненькая. Именно так, – тётя Соня остро глядела Ольге прямо в зрачки. – Помоги мужику. Он ведь думает, что ты и раньше не любила, и сейчас не любишь его. И гордость у него заслуженная мужская. Выпрашивать любви не станет.

– Так что делать-то мне теперь, тётечка Сонечка, дорогая?! – судорожно вцепилась Ольга в короткий рукавчик креп-саатинового с горошком платья Данилкиной. – Я хочу, чтоб он стал мне мужем, а я женой не по штампу из ЗАГСа. Любви его хочу. И свою мечтаю ему отдавать. И сыну...

Ольга отошла в сторонку, достала платочек из кармана и, уже не стесняясь, зарыдала от души и безудержно, постоянно вытирая глаза и щёки.

– Знаешь, где он сейчас? – подошла к ней Софья Максимова.

– Откуда? – не переставала тереть платком глаза Оленька Николаева.

Данилкина подумала немного и попросила её постоять, подождать. Зашла в контору, в кабинет мужа, взяла рацию и нажала на кнопку вызова.

– Самохин! Самохин! Отзовись, это Данилкина.

– Самохин на частоте! – отозвался Вова, агроном, хрипло.

– Николаев Олег где сейчас?

– Косит на третьей клетке, – Агроном подумал секунд пять. – Да это ж прямо рядом с совхозом. Они все обкашивают на свал по краям поля.

– Рядом с совхозом – это где будет поточнее?

– Ну, если по улице Островского к полю идти, то прямо на него и наткнётесь. А на кой он Вам, тётъ Сонь? – Самохин тактично покашлял. – Я могу его сам вызвать. Куда его

направить?

– Нет, Вовочка, нет, голубок, пусть косит. Не отвлекай. Спасибо, миленький!

Данилкина вышла из конторы. Ольга сама подошла к крыльцу и ждала. Уже не плакала.

– Ты возьми молока бидончик у меня дома в холодильнике, – сказала тётя Соня. – Молочко из деревни Викторовки. От бабушки Пашутиной. Сегодняшней дойки. Внук бабули по утрам Грише привозит. Он у меня любитель молочка. Да и я не отстаю.

– И? – удивилась Оля.

– И иди вниз по улице Островского до поля. Там Олег на свал косит по кромке поля. – Данилкина повернула её лицом к своему дому и подтолкнула. – Пусть он молочко пьёт. А пока будет пить, скажи, что любишь его, жить без него не можешь и хочешь ребёнка. Девочку. А я в это время помолюсь за вас.

– Так у нас же есть ребёнок. Сын Сашка, – оглянулась на ходу Николаева.

– Глупенькая ты дурочка! – махнула руками тётя Соня. – Иди и делай, как я сказала.

Николаев заметил жену издали, развернул комбайн и подъехал туда, куда она шла. Остановился. Спрыгнул. Слева от комбайна торчала стерня и валки пшеницы. Ровные. Золотистые. Справа продолжали расти нетронутые ещё высокие, по пояс, колосья. Там он ещё не косил. Олежка подошел к краю поля и сел на траву. Ждал.

– Привет, Олежек, – тихо сказала Оля. – Молоко вот. Деревенское. Сегодняшнее.

– Привет, – Олег Николаев поднялся, взял бидон и задумчиво стал пить крупными глотками. Выпил почему-то сразу почти литр.

– А чего случилось? – он утер рот рукавом сатиновой полосатой рубахи.

– Ничего, слава богу, плохого, – Ольга поставила посудину на траву. – Пойдем поговорим?

– Ну, тут и говори, – не понял Николаев Олежка. – На фига ходить куда-то?

– Мне на ходу легче высказаться будет, – Ольга взяла его за руку и повела за собой.

Шли они медленно, рассекая коленями густые заросли пшеничных колосьев. И если бы кто видел со стороны, то видно было, что говорит она одна. А Олечка молча смотрит то на неё, то вниз, на землю, мимо хлебного золота. И если бы наблюдал за ними кто, то увидел бы он такую картину:

От кромки травяной в пшеничные заросли унесло их незаметно далеко за километр. Они остановились, смотрели в глаза друг другу и говорили неслышное совсем. Говорили и говорили. Потом обнялись и так долго стояли, слившись в одну неразделимую фигуру. Дул легкий ветерок, солнце пыталось поскорее доползти до зенита, а суслики и полёвки бегали хаотично, нарушая естественное волнение высоких спелых колосьев, которые не могли сопротивляться движению маленьких животных и клонились временами не в ту сторону, куда их направлял ветер.

И, наконец, слившиеся в единую форму тела, тронутые и размытые лёгким маревом от испаряющейся с поля влаги, исчезли. Если бы кто-то глядел всё же со стороны, то он мог догадаться, что эта слившаяся из двух тел фигура осторожно, но страстно упала, подминая собой мягкие стебли, что утонула она в море хлебном, пшеничном. Надолго.

Но никого вокруг не было. Только, может, птицы, порхающие над колосьями, могли подглядывать за тем, что происходило внизу, под стеблями. Но и птицам некогда было разглядывать подробности. Они были очень заняты, птицы. Столько над пшеницей летало мушек, мотыльков мелких и вкусных стрекоз, что к соединившимся в единое целое мужчине и женщине им совершенно не было ни малейшего интереса.

Пятого сентября Данилкин прибежал в кабинет в семь утра. Почему – он даже понять не успел. Ноги сами принесли, не подключая к своим быстрым движением голову директорскую. Сел за стол, автоматически набрал номер обкомовского заведующего отделом сельского хозяйства на отдельном красивом телефоне с гербом СССР под диском. Самое смешное, что заведующий, Морозцев Николай Сергеевич, снял трубку. Удивились, похоже, оба. Потому, что секунд пять никто не сказал ни слова.

– Морозцев, – с едва уловимым оттенком изумления сказал наконец Морозцев.

– Фу, ты! – засмеялся Данилкин. – А я просто позвонил,

на всякий случай. Приветствую, Николай Сергеевич. Доложитья звоню вот...

– А домой ночью слабо было позвонить? – тоже развеселился Морозцев. – Я бы тогда до рассвета на работу пришел. У меня тут хорошо, в кабинете. Ковры. Диван кожаный. Кондиционер БК в окно воткнули. На хрена – не понял. У меня всегда и так прохладно. Жил бы здесь, да семья не одобрит. А чего звонишь-то в семь часов? Поля твои кто-то украл до последнего колоса? Или другая беда какая?

– Ну, беды, слава КПСС, нет пока. Тьфу, тьфу, тьфу! – переключился на серьёзную интонацию Данилкин, директор. – А сам чего на работе? Ночевал что ли там?

– У меня крепкая семья! – отпечатал в воздухе слова Морозцев. – Это я коров пастись выгнал на рассвете и прямо из парка культуры пошел ваших докладов ждать.

– В парке пасёшь? – Данилкин, директор долго смеялся.

– Ну, да. Вместе с коровами первого секретаря травку дёргают, – Завотделом развеселился. – Зато потом газоны косить не надо. Городу – экономия средств на покос.

Посмеялись ещё минут пять. Отдохнули.

– Я через час массовую уборку начинаю. За десять дней управлюсь. Но есть «но»!

– Чего такое? – насторожился опытный Морозцев. Кожей почувствовал, что сейчас у него Данилкин начнёт что-нибудь выпрашивать.

– Урожай у меня в этом году повышенный. Не буду заранее тебя, Николай Сергеевич, травмировать цифрами, но скажу только, что большие намечаются цифры. А косить такой урожай я буду впервые. У меня агроном новый. И вот как он, стервец, выжал из земли такой могучий хлеб, я пока сам не понял. Ну, блин, просто волшебник какой-то, а не агроном! Но вот косить-то и нечем такой урожай. Мы прикинули. Надо минимум двадцать четыре комбайна. Напрямую буду косить почти всё. Процентом двадцать на свал. Так вот мне бы ещё восемь-десять комбайнов сейчас – и на тебе, Родина, корчагинский трудовой рекорд! А у меня их всего шестнадцать. Подгони комбайны, Сергеич, оттуда, где косить позже начнут. С севера области. А? Не останусь в долгу-то. Ты меня знаешь.

– Гриша, я во лбу почешу, конечно. Но без стопроцентной гарантии. Сейчас. Повиси на проводе. Я по другому телефону в один совхоз звякну.

Данилкин затих. Прислушивался. Но разговор Морозцева с кем-то почти не слышен был.

– Короче так, – сказал заведующий отделом. – Ящик армянского с тебя. Пусть десять твоих орлов едут сегодня же в «Знаменский». К Курдюмову. Заберут комбайны на двенадцать дней. Потом обратно пригонят.

– Два ящика, Коля!!! – воскликнул Данилкин, директор. – С пятью звёздами на наклейке. Вот удружил. Проси и ты у меня, что хочешь!

– А ты спой мне что-нибудь на английском! – продолжал резвиться Морозцев. – Из «Битлз» чего-нито, например.

– Вот после уборки в баньку приедешь ко мне – спою и на французском, и на японском, – Данилкин радостно улыбался. Добыл комбайны! – У меня первач есть такой ядрёный, что после бутылки на двоих мы с тобой и на хинди петь будем!

– Ну, поймал на слове! – сказал Морозцев. – Давай, до встречи в баньке твоей!

– Всё, обнимаю тебя, Сергеич. Выручил. Ну, счастливо!

Данилкин вызвал по рации Чалого, сказал, чтобы он пока не косил, а шел собирать десяток мужиков и сразу чтобы отправил их в «Знаменский» за комбайнами.

Вошел довольный Вова Самохин, агроном.

– Вас народ внизу ждёт. Комбайны, грузовики построены. Все ждём сигнала к началу!

– Пологи на кузова новые взяли? Застёжки крепкие? Зерно не просыплете?

– Всё новое, – Самохин глянул в окно. – Вы идите к народу, а я поеду на ток. Проверю транспортеры. Должны были валы смазать с утра. Лопаты для подбуртовки посчитаю. Должно хватить. Ставлю на бурты и на склад тридцать два человека. Двадцать шесть – женщины.

– Женщины – это хорошо. Они аккуратно подбирают и переворачивают зерно не в размашку, как мужики, а нежно, ласково. – Данилкин надел на лысину кепку и пошел говорить слова напутствия комбайнёрам и водителям.

– Насчет соляры вы тоже не волнуйтесь, – шел с ним рядом Самохин Вова, агроном. – Федор Иваныч дал в кредит

ещё пятнадцать тонн к нашим двадцати. Так что, всё оружие в руках. Заряжай-стреляй!

Пока Данилкин говорил простые, смешанные с патетическими слова, настраивающие на безупречный труд, сбоку к нему подобрался потихоньку Серёга Чалый. дождался пока директор произнесёт магическую последнюю фразу «Вперёд, орлы! С нами Бог и КПСС!», после которой все завели движки, надымили на площади – хоть противогаз надевай, да разъехались по своим клеткам.

– Тебе, Гриша, Самохин ничего не говорил про дороги на ток? И на центральную трассу, по которой сразу в город свозить зерно будем? Наши склады столько не примут. На улице пшеницу тоже долго буртовать нельзя. Дожди могут выскочить неожиданно. Так что, на городской элеватор напрямиком должна каждая вторая машина уходить.

– А что дороги? Сухо вроде, – Данилкин вопроса такого не ждал.

– Садимся в твою «волгу» и едем смотреть стёжки-дорожки.

Чалый бегал до этого. Мужиков собирал. Мокрые были у него и волосы, и рубаха на спине.

Прыгнули они в красивую машину и на скорости рванули вокруг полей, а потом до тока, и от него – к трассе.

Осень пришла дружелюбная. Тёплая, светлая. Небо голубое, высокое как летом, а под ним золото. Если прищуриться, то колосьев не увидишь, а в глазах будет отражаться невероятных размеров золотой слиток, ценнее которого могла быть только сама жизнь крестьянская. Поскольку именно она, сложенная из тысяч отдельных, простых незамысловатых жизней, слиток этот благородный, самый нужный всем людям, и отлила. С зимы, считай, начала его лить и вот только к поре, когда начинает трава жухнуть, закончила. Отлила драгоценность. Говорят, что на настоящее золото в слитках нельзя глядеть долго. Глаза будут болеть и рассудок смутится. На золото колосьев, стоящих миллионами перед любым, кто пришел на поле, смотри, сколько вытерпишь. Кроме света бледной с переливами охры, матового и тёплого, доброго, ничего не излучает колос хлебный. И никакой неприятности глазам, а душе с разумом – только радость. Невыразимая не то, чтобы словами, а даже и симфонией классической, Шостаковичем, допустим, написанной. Глядел Данилкин в окно машины на щедрый плод земли и сил людских молча, без улыбки. Потому, что слёзы наворачивались, неуместные в присутствии сурового мужика Чалого, для которого мужская слеза – глупость несуразная, бессмыслица и стыд-позор.

Но Данилкину, директору действительно хотелось плакать. Может от радости, которую несёт в себе золотое пшеничное море. Может от грусти, таящейся в мыслях о будущем, изменений в котором Данилкин уже совсем почему-то не хотел.

– Стоп. Приехали, – Серёга резко затормозил, скинув всю пыль от задних колес на капот и переднее стекло. – Пойдём походим. Вот тебе типичный участок дорог наших. Пройдем метров пятьсот и ты, Ильич, поймёшь, что такой урожай, который мы сегодня получили, возить по этим дорогам – преступление. Хоть какой полог накрывай, а процентов двадцать растрясётся на колдобинах и сожрут наше богатство мыши с сусликами. Но мы же теперь приписывать ничего не будем, да, Ильич? Реального зерна тут сейчас – на три плана. Не жалко, если рассыпем в пыль третью часть?

– Бляха, мать твою! – пройдя сто метров, тихо сказал Данилкин. – А Самохин, агроном долбаный, где глаза свои потерял? Он не видел ухабы эти, что ли? Или ему по хрену? Он же арендованный. Срок у нас мотает. Чужие это для него и поля, и дороги.

– Не... Вова молодец. Не гони на него, – Чалый наступил левой ногой в яму и правую пришлось в колене согнуть. –

Он своё дело на пятёрку с плюсом сделал. А это, Гриша, наш с тобой прострел. Я ж помощник твой? Или не я? Так вот если я, то дай мне по башке. Это мне надо было сшурупить в июне ещё. Когда сухо стало и ямки все закрепились на земле. Блин!

– И чего теперь нам делать? – ахнул Данилкин, директор. – Уборку задерживать нельзя. Мы и так за десять дней не сладим с таким урожаем.

– У нас три грейдера. Ну, к трактору одно лезвие приспособим. Есть одно за кузней. Четыре будет, – Чалый смотрел в небо и прикидывал. – Чтобы сегодня до утра дороги выгладить, надо ещё пять лезвий. Где взять? Где, бляха, их брать?

Данилкин пошел в машину, достал рацию.

– Самохин! Самохин! Данилкин на частоте. Ответь. Приём.

– Я Самохин, – проскрипела рация.

– В «Альбатросе» сколько грейдерных машин?

– Девять, – крикнул Вова, агроном.

– Пять штук на два дня выпросишь у Дутова? Горим. Дороги в ямах. Потеряем зерна – страшно сказать сколько. Гладить надо все дороги прямо сейчас.

– Понял! Отбой. Через пять минут я на связи буду. – Рация Самохина пискнула и притихла. Он по другой уже говорил. С Дутовым, наверное.

– Это ж надо как мы прокололись! – Данилкин схватился за голову и начал ботинком пинать ямки, поднимая пыль и кусочки сброшенной ветром на дорогу травы.

– Да не паникуй, Ильич, – Чалый сел в траву. – Подождем маленько.

– Шеф, Самохин на связи, – прохрипела рация.

– Ну! Ну, что, а! – Данилкин губами чуть ли не влез в решетки на панели.

– А едут уже. Пятеро. Машины новенькие. Грейдер будет как заграничные дороги. – Самохин помолчал и добавил. – Дядя Федя сказал, чтоб Вы их заработком не обидели. И если ремонт, то за Ваш счет.

– Так это ж само-собой! – радостно закричал Данилкин,

директор. – По высшему разряду оценим помощь. Спасибо, Володя. Пусть они едут к четвертой клетке. Мы с Чалым здесь. Тут всё и объясним.

Чалый поднялся.

– Ты, Гриша, встречай грейдеры, а я быстро стоняю на МТМ. Своих подгоню сюда же. С этого места и разъедемся. А за тобой я быстро вернусь.

И Чалый улетел пулей. Данилкин даже не догадывался, что его служебный автомобиль может так плавно скользить над ухабами на хорошей скорости.

Ну, в общем обошлось всё. За ночь все дороги привели в божеский вид и по ним можно было ходить с ватерпасом, уровень проверять. Дороги стали ровными как стол у Данилкина в конторе.

...Прошло четыре уборочных дня, после которых все руководители и рядовые убедились наконец, что за такой урожай всем не стыдно будет и перед самими собой, и перед Казахской ССР в целом. Прямо-таки потрясающим и неопишимо богатым был и пшеничный объём, да и просо с овсом тоже шли щедрым валом.

В день пятый директор инспектировал ток и склад.

– Стул принесите мне из буфета, – попросил он Нинку Зиновьеву. Нинка лопату воткнула в бурт и убежала. Через пять минут Григорий Ильич сидел между двумя транспортерами и снизу глядел на взлетающие с обеих лент навстречу друг другу золотые россыпи. Крохотные слитки в полете задерживались на секунды и рушились на гору таких же кусочков золота. Никаких других ассоциаций полёт янтарных зёрен с ленты на бурт у Данилкина не появлялось.

Он сидел на самой середине проёма между двумя лентами транспортёров, внизу сидел, задрав голову. Небо было голубым и прозрачным почти до начала бесконечности. Концов лент он старался не видеть. А ввинтил взгляд точно в то место где, раздаваясь вширь, сталкивались, производя шелест, похожий на глухой звон благородного металла, миниатюрные слиточки золота. Они светились янтарём в бликах солнца и голубизне небесной, эти маленькие крупички и солнца, и неба, и раскрошенного золота. Зёрна пшеничные. Они ссыпались на горку таких же слиточков, сдвигая их вниз. А сверху уже валился следующий драгоценный поток, наплывал на успокоившиеся золотые дробинки и приводил их в новое движение. И оно создавало иллюзию самостоятельного перемещения живых существ, очень нежных, светящих-

ся изнутри так, будто сумели они задержать в себе по малой частице лучей осеннего солнца.

Очень не повезло тем, кто никогда не видел воздушно-го плавания в голубизне проникшего в воздух перед буртом неба. Эта картина могла затмить красотой своей любую из работ лучших классиков живописи. Поскольку здесь художником была сама природа. А равных ей в искусстве живописном нет на Земле никого, не было и никогда не будет.

Так глубоко ушел в себя, созерцая прекрасное видение, Данилкин, так плотно слился он с чудом, подаренным землёй, на которой ему довелось жить, что не заметил, что рядом с ним и позади стоят все буртовщицы, Серёга Чалый и Валечка Савостьянов. Все они молчали, слушая шелест падающих зёрен и глядя сквозь слой летающих с транспортёра пшеничных золотых точек в голубую бездну.

– Кхе! – осторожно, но довольно громко разбил тишину Чалый, чем вывел из транса всех, включая Данилкина, директора.

– А?– произнёс Данилкин и с трудом оторвав взгляд от пшеничных золотинок, перевел его на Серёгу.

– Проблема у нас очередная, – сказал Чалый смурно. –

Сейчас мне на рацию сообщил Лёха Иванов. Он сказал, что на телефон МТМ звонили из воинской части. Из Алма-Аты. Сказали, что там задержка у них в косовице вышла по причине дождя непрерывного. Теперь дня четыре их машины будут возить зерно на элеватор. Комбайны только сегодня смогли поднять скошенные на свал валки. Значит, у нас грузовики будут только через неделю. В лучшем случае.

– Ё-ё-о! – закричал Данилкин, испугав буртовщиц. – Только этого не хватало. наших машин хватит только на треть урожая. Остальное чем возить? Ну, твою же мать!

– У меня есть мысль, – сказал сзади Валечка Савостьянов.

– И что? На твоей мысли возить в Кустанай будем? – Данилкин поднялся и, держась руками за голову, пошел в степь.

– Ну чего он психует? Хорошая мысль у меня, – Валечка Савостьянов обиделся и отвернулся.

– Ну, говори. Сопливишься, как девушка. Где берём машины? Двадцать штук! Где? – Чалый Серёга развернул Валечку лицом к себе и держал его за рукава.

– В городе берём, – Савостьянов наклонился к уху Серёгиному. – Забыл про Ивахина из автоколонны семьдесят пять

тридцать четыре? Он тебе сколько денег должен год уже?

– Тысячу двести рублей. На «москвич» занимал, – вспомнил Чалый Серёга.

– Вот спиши ему долг. Они тебе нужны, эти деньги?

– Да на хрена они мне? Свои не знаю куда девать. – Чалый посветлел лицом. – А поехали в контору. Позвоним Ивахи-ну, мать его перемать!

– А и поехали! – Валечка побежал к машине Данилкина.

– Ильич. Мы сейчас! – крикнул удалившемуся Данилкину Чалый. – Сегодня будут нам грузовики.

И они уехали. Решать проблему очередную. Среди кото-рых до сих пор не было ни одной неразрешимой.

Четырнадцатого сентября, в предпоследний, как приказывал график, день страды ещё никто в совхозе о полной и окончательной уборке не думал. Внешне пшеница была та-кой густой, что создавала иллюзию очень большого остатка. Просо убрали, скосили овес, а с пшеницей всё никак не мог-

ли сладить.

Обычно, если дожди не мешали, снимали всё с полей на пару-тройку дней раньше графика. Особо и нечего было собирать. Остальное уже в кабинетной тиши дописывали-приписывали на разных бумагах и выходило всегда, что дал совхоз Родине полтора-два плана. Накладные с городского элеватора совхозные бухгалтеры-экономисты прятали и сжигали потом, сам элеватор тоже паковал бумажки с весовой в толстые брикеты и засовывал их в общую кучу так, что ни одна комиссия то, что хотела найти, в жизни не нашла бы. Да, собственно, никому никогда это и в голову не приходило: рыться в десятках тысяч маленьких, наспех исписанных бумажек. Потому, что главными и единственно правдивыми считались отчеты руководства хозяйств перед обкомом партии и управлением сельского хозяйства. Оттого и урожай отдельных хозяйств, да и общий сводный урожай выглядел солиднее, чем его количество в закромах.

А тут, осенью шестьдесят девятого, в «корчагинском» случилась приятная, конечно, но всё же беда. В склад не вмещался урожай! На току открытом, асфальтированном, зерно можно было много раз переверачивать, чтобы сохло быстрее. Но потом-то куда его девать? Вот какая радостная, но острая проблема ошеломила всех. От комбайнеров и буртовщиц до агронома и директора. Ну, конечно, руководство

от неожиданно нагрянувшего сверхдостатка сперва присело испуганно. Но быстренько от внезапности приятной просветлело мозгами и всё решило правильно. И комбайны нашлись дополнительные, и машины для перевозки на свой склад, и сразу на эlevator городской появились в избытке, дороги грейдерами выгладили так, что хоть по нитке их промеряй – ровные были грейдерные дороги. Потому если и потеряли из кузовов зерно, то и центнера за всю уборку не набралось.

– Артемьев! – кричал по рации директор из кабинета за два дня до конца жатвы, – ты все межн обьехал на мотоцикле, все дороги осмотрел? Много зерна осталось на стерне да на дорогах?

– Всё проверил по три раза, Ильич! – ещё громче верещал на директорской частоте Игорьёк Артемьев, который в совхозе традиционно считался все годы раздолбаем и остолопом, хотя работал не меньше и не хуже остальных. Причем хоть куда его воткни – везде он всё прекрасно делал.

– Много потерь? – Данилкин по голосу Игорька чувствовал, что мало. Но для порядка положенный директорский запрос сделал.

– А за мной МТЗ с прицепом едет. И по стерне и по доро-

гам. – Почему-то ещё сильнее закричал Артемьев Игорёк. – Со стерни в колосках поднимаем вилами. Трое нас. А с дорог берем метлой да деревянной лопатой буртовой. Потом всё это повезём Валечке Савостьянову. Засыплем ему прямо в бункер. Сбоку грузовик стоит. Он обмолотит всё и привезём на склад. Себе оставим. На семена. Пойдёт так?

– Я тебе, Артемьев, почётную грамоту дам. Хорошо придумал, – с настроением крикнул Данилкин, директор.

– Тоже пойдет, – хрипло согласился Игорёк. – И ещё к ней маленькую премию!

– Премии всем будут, – директор включил в голос официальный регистр. – И приличные. Не символические! Всё. Отбой!

Открылась дверь и в кабинет почти строевым шагом вошел капитан Летягин, постоянный командир водительского корпуса, который седьмой год присылали из Алма-Аты для самой главной подмоги.

– Опоздали, мля! – вместо приветствия сокрушенно произнес капитан, подошел к Данилкину, обнял и по спине хлопал. – Вы тут, гляжу, без нас сметали да свезли всё. Дожди, бляха, в Алма-Ате были, каких, говорят, сто лет в это

время не случилось. Стояли мы все. Позавчера управились, да двое суток почти к вам ехали.

– Не могли вас ждать, – с чего-то стал оправдываться Данилкин, директор. -

Хлеб в этом году попёр как в сказке. А график-то – десять дней всего. А потом из управления орать на нас начнут. Мол, чего чешетесь? Работать, мол, разучились? Так что, извини, Витя. Заняли машины в городе.

– Да... – разочарованно протянул капитан Летягин. – Так нам назад, что ли, рвать?

– Не, не надо спешить, – взял его за плечо директор. – Не ваша вина. Вы же не по своей воле опоздали. Доложишь у себя, что отработали. Я тебе справку дам хорошую. Грамоту почетную на весь взвод. Отметим всех положительно. И отдельно твоё правильное руководство. А вы подождите денёк. Мы и закончим. И будет праздник урожая. Погуляем. Порадуетесь с нами вместе.

– Годится! – обрадовался капитан. – Ладно, пойду я. Скажу воинам, чтобы отсыпались. Устали они на южной уборке. Там большой хлеб был.

И ушел капитан.

А Данилкин сел за стол и хотел было уже водки себе сто граммов налить. Но задумался и забыл про заразу эту.

И хорошие мысли, радостные и спокойные распирали его начальственную голову. В свои пятьдесят с прицепом он вдруг впервые поймал мысль, которая где-то в глубине души сидела и рассказывала ему, что почти семь тысяч честных тонн зерна, которые родились на почти безжизненных в прошлом полях – это первая, очень важная и горем да бедами прошлыми выстраданная индульгенция. Она, конечно, не отпустила ему все грехи. Но дала знать, что труд без обмана добавляет душе чистой совести и частичного пока очищения от налипшей за долгие несправедные годы грязи.

А всё это уже дарило надежду на просветление в мутной своей прошлой жизни и, наверное, хоть и не скорое, но всё-таки освобождение от грехов.

Вольных и невольных.

Глава двадцать седьмая

– Сдохнут же теперь все, – неожиданно для сопровождающих Данилкина лиц в составе агронома Самохина, Серёги Чалого и парторга Алпатова с профоргом Копановым печально произнёс сопровождаемый директор. Скромная толпа стояла организованно в центре второй клетки, откуда только что ушел последний МТЗ-50 с прицепом. В кузове, сидя на большой горке зерна, подобранного после комбайнов лопатами, мётлами и горстями, сидели Артемьев Игорёк да женщины с зерносклада и тока. Вот когда они со стерни съехали на гладкую как шелковый халат Софьи Максимовны, директорской супруги, грейдерную дорогу, бригада верховных руководителей и примкнувший к ней Чалый Серёга расщедрилась на аплодисменты громкие, улюлюканье, крики «ура!» и переходящие по цепочке торжественные, с плотным прижатием к пиджакам, объятия. В пиджаках и при галстуках пришли все, поскольку галстук в деревне просто так ни один сумасшедший бы, и то не надел. А только по особому, возвышающемуся над обыденностью случаю, могли украсить ими действительность вполне здоровые умом и рассудком товарищи по труду. Съехавший с поля последний МТЗ-50 поставил точку в одиннадцатой уборочной страде совхоза «Корчагинский». По этому поводу руководство

и собралось на стерню. Эта же причина подогнала к радостным правителям совхозным мотоцикл «ИЖ-56» с коляской, забитой доверху едой, питьём и стаканами. По культурной земледельческой традиции водкой из стаканов окропили без жадности и сожаления скошенное поле. Что символизировало и благодарность земле-матушке за хлеб насущный, и одновременно авансовое угощение ей же, обозначающее надежду и на следующий достойный урожай.

Затем сами начальники врезали по паре стаканов, зажевали всем, что бог послал через заведующую столовой Валентину Антоновну Шнитко, после чего успокоившийся парт-орг Алпатов Виктор не лозунг уместный прокричал про партию, единую с народом, а выбросил под ноги всем вымученный заботой обо всем живом вопрос:

– Кто сдохнет? И почему все? Мы что, всё зерно государству снесём, а сами загнёмся?

– Вот ты, Витя, хоть и парторг, – погладил его по кудрям Копанов. – А дурак. Да милостив будет ко мне Аллах за грубость. Мы себе семьсот тонн пшеницы взяли, двести проса и триста – овса. А вот птицам, сусликам и мышкам не оставили в этот раз ничего. Вон поехал Артемьев, последние крохи собрал и повез. Суслики и протянут ноги. Ну и полёвки с воробьями да воронами.

– Праздник сегодня. Уборке триндец! – Чалый Серёга тряхнул всех по очереди, отрывая от земли объятями и в меру нежно приземляя. – А вы о грустном! Вот, глядите!

Он пошел в сторону, присел и стал собирать вокруг себя по зернышку. Набрал ладонь полную минут за пять. Это не наш «косяк». Мы под метлу всё сгребли. Но Игорёк и ещё десятки таких Игорьков с сотнями тёток – они ж не волшебники. До последнего зёрнышка слизать с покоса не сумеют. Можно было бы магнитом взять зёрна. Но они, блин, «золотые»! Магнит золото не возьмёт. Так что, хватит мышкам, птичкам и сусликам до весны.

– Ну, да, – Алпатов Виктор выдохнул. – А то жалко бедолаг. В прошлые годы мы рассыпали много. На дорогах ямы полные зерна были. Суслики объедались, аж плохо им делалось. А на стерне когда-нибудь подметали после комбайнов? Я не помню лично.

– Никогда, – мрачно подтвердил Данилкин, директор, и налил себе и всем по половине стакана. – Это Володя Самохин придумал. Они в «Альбатросе» всю жизнь так делают. А нам он эту идею первым подарил. Да, Вова?

– Мы, Ильич, чистых весовых тонн взяли почти семь ты-

сяч да ещё маленько с четырёх с половиной тысяч гектаров. Как в «Альбатросе». – Володя Самохин уже так увлекся, что о своём «альбатросском» гражданстве забывать стал. – Только там у них площадей побольше. А по урожайности – одинаково. Да у нас ещё местами земля – солонец сплошной. А то бы взяли все семь с половиной тысяч. Наука, бляха!

– Я тебя теперь никому не отдам. Дутов обратно запросит – так хрен ему! У него ещё четыре агронома есть, – прихмелевший Данилкин взял Самохина в обнимку и пошли они в совхоз. В контору. Остальные, включая мотоциклиста Зарубина из столовой, медленно за ними двинулись. Кто обсуждать чудесное свершившееся и светлое будущее, а мотоциклист в столовую нетронутое питьё повез обратно и невостробованную закуску.

Ай, вай! – встретил компанию в кабинете счетовод-экономист Еркен Жуматаев. – С праздником всех нас! Егер сен жерді с;йсе;, онда ол сені де жа;сы к;реді! Если, я говорю, ты землю любишь, то и она тебя полюбит!

– Кто звонил? – спросил Данилкин пока остальные рассаживались.

– Майор Малович звонил из УВД, – осторожно сообщил Еркен. – Больше никого.

– Ладно, вы все идите по домам, – Данилкин сел за стол, снял кепку и достал записную книжку. – Завтра поговорим. Ты, Еркен, останься пока. На пару слов.

– Я тогда городских шоферов пойду отправлю в Кустанай. Ты, Ильич, заплатил им уже?

– Обижаешь, Чалый, – скривился директор. – Вечером вчера ещё. Хорошо заплатил. Попрощайся с ними и от моего имени с благодарностью. Начальнику я сам потом позвоню.

Все разошлись. Еркен взял бумаги, свой стул и перебазировался к столу Данилкина.

– Вот Самохина отчет, – протянул экономист два мелко исписанных листа желтоватой бумаги. – Государству мы по правде отвезли семь тысяч двести тонн и ещё восемьсот килограммов зерна. Из них пятьсот тонн проса. Овса – двести.

– План по пшенице какой был? – Данилкин развалился на своём большом стуле со спинкой, обитой кожей и аккуратно вставленной в полированную рамку.

– Три двести. Как и в прошлом. И в позапрошлом, – Еркен почесал ручкой за ухом. Улыбнулся. – Добавим жус

грамм? Скажем, не семь двести, а, скажем так – девять четыреста. А, бастык? Знамя опять на трассе повесят. Все увидят! И медалей много дадут. Ну, премии, конечно, побольше, чем за семь тонн. А?

И тут же что-то скользкое и вонючее зашевелилось в утробе директорской. То был паразит головы и всего организма – соблазн. Удивительно, но распознал его Данилкин, директор, не сразу. Было такое страшноватое, но жгуче желанное чувство очень давно. Одиннадцать лет назад, когда Костомаров Серёга, молодой и энергичный, в первый раз подкинул ему мысль – дописать в большой отчет ещё столько же, сколько собрали на самом деле. Три дня Данилкин ходил тогда потерянный, плохо спал, почти не ел, только водку пил, сомневался и таил предложение счетовода от жены. Но не утаил. И Соня сказала ему так в тот далёкий год слова роковые, сделавшие из него к сегодняшнему дню обычного мерзавца, обманщика наглого и классического труса. Как она угадала тогда подсказку Костомарова, Данилкин и до сих пор не понял. Соня так решила дальнейшую их семейную и начальственную судьбу:

– Нам, Гриша, так и так когда-то помирать надо. Когда именно, я знаю. Мне всё кто-то мудрый и невидимый всегда верно подсказывает. Так он говорит, что жизнь у нас с тобой обоих долгая и без бед. Они нас обтекать будут. Как вода

сухой островок. Потому ты не ползи. Даже не иди и не беги. Ты лети, Гриша! Бойся только бога. ЦК КПСС и обкома не стесняйся. Им целинные герои во как нужны.! Передовики! Слава республики и страны! Костомаровские начёты сверхплановые береги. Держи при себе. Всё пусть пишет под копирку. И не подписывай никаких его бумажек. И агрономовских тоже. Они пусть в них расписываются и оригиналы тебе отдают. А ты их домой носи. У меня в сундуке лежать будут. Подписывай только последнюю короткую бумагу. Рапорт в обком и управление. И печать ставь. Всё! И будем жить в почёте, в орденах с медалями и в уважении да достатке. Всё понял, Гришаня?

Вот с того и началось. Совесть на третий год вообще стихла и спряталась. А Данилкина и совхоз, как угадала Соня, никто не трогал и в жизнь его несправедливую не лез. Данилкин любил и ценил своих рабочих. Искренне. Жить помог хорошо, безбедно. Народ далеко не весь соображал, что директор мухлюет. Но даже те, кто понимал, Данилкину не мешали. Жить хорошо было хорошо. Один только агроном Стаценко держал его всю жизнь целинную в таком напряжении, как тонкая цепь быка годовалого. Порваться могла в любой день. Царство ему небесное, врагу директорскому.

Данилкин слушал сейчас Еркена, потом как-то собрал в одно место всю волю свою и силу разума, и скользкое да во-

нучее, прущееся наружу из организма, выкинул в окно. Просто подошел, открыл и хорошенько покашлял как при простуде лихой. И, надо же – вылетела к чертовой матери гадость. Испарился соблазн.

– Как есть, так и пиши. И мне отчетную рапортчку для обкома и управления

с натуральной цифирью дай на подпись. Там и так два плана с прицепом. Первую медаль за доблестный труд получишь. Уже инструмент будет в руке для движения наверх. Усёк?

– Молодец, баскарма! Не ожидал. Думал, скользить будем, как змеи извиваться. Ну и Аллах свидетель – ты джигит, бастьк. Прими уважение!

Еркен Жуматаев крепко пожал Данилкину руку и, улыбаясь, вышел из кабинета.

Сел директор на окно, подтянул к себе красный телефон с гербом под диском и набрал УВД.

– Я Малович, – сразу же ответил Малович.

– А я Данилкин, майор! – радостно сказал директор.–

Уборку закончили на настоящую пятерку, не поддельную. Потому жду вас с Тихоновым, Саша, в баньку. Как обещал я тебе и ты мне. Когда приедете?

– А вот завтра к вечеру и топи, – Александр Павлович сладко потянулся. – Давно праздников не было. А тут бац – праздник! Всё. Отбой.

Данилкин посидел ещё немного на окне. Думал. И, что интересно, не мелькнуло у него в голове ни одной плохой или пугливой мысли. Чего давно не было.

– И не будет теперь, – Данилкин, директор, смачно выматерился, закрыл окно и пошел домой. Продолжать жить.

И вот именно в это счастливое для всех трудящихся совхозных время на территории «Корчагинского» где жили урки, беглые, бичи и приבלатненные, закрутилась буза. Ни с чего вроде. Обычные работяги без тёмных прожилок в прошлом своём вообще никак бы не отнеслись к тому, что их разместили в поле на этот фронт работ, а не на тот. Куда пошлют, там и вкалывали. А вот блатных сильно задело. Данилкин на ответственную уборку никого из них не взял, а собрал после покоса, обмолота, развоза на склады и элеватор

для подборки зерна с дорог и стерни мётлами, лопатами и джутовыми мешками. Они, конечно, пошли и сделали дело не хуже остальных. Но осадок остался.

Собрались урки и доходяги без роду и племени дома у Колуна, пахана местных бродяг и зеков, откинувшихся с ближайшей зоны, «четвёрки», на поселение. Сперва хорошо выпили за добрый урожай. Потому, что перечислят за него совхозу приличные лавешки, а на них всем кагалом будет жить сытно. Ну, да и премии, как всегда, тоже дадут. Хотя среди пятисот приблатнённых был всего один тракторист, а комбайнеров вообще не имелось. Данилкин давал им премию и после посевной, и после уборочной за

исполнение подсобных работ, где не надо было иметь вообще никакой квалификации.

Обычно это не нервировало даже пахана, не мяло его самолюбие и гордость. А тут, при огромном урожае, людей в кузовах, равняющих зерно из бункера после обмолота, явно не хватало. Почти всё, кто махал там лопатой, вырубались временами. Натурально падали в обморок. Потом очухивались, пили много воды и опять махали лопатами. А здоровенные бугаи из числа урок, блатных и беглых лежали по домам на койках или в карты резались. Кто-то с удочками сидел на озере. Короче, бездельничали все.

Вот в том, что их не позвали на помощь в тяжких трудах, усмотрел Колун не просто несправедливость, а презрение Данилкина к «низшей касте». Да, премии он давал. Может, просто за компанию. Но обостренное чувство собственного достоинства, выжившее на зоне и в бродяжьей жизни, было дороже денег.

– Данилкин, сука, в сязки нас опустил, – бесился Колун после второго стакана самогона. – На киче бы каждого из нас заставлял каждый день парашу чистить. Тут, на поле, мы ему не канаем за трудящихся. Свои у него чуть не подыхали от напряжения, а мы, как фраера квасились тут, бадягу месили.

– Пошли к Данилкину, – крикнул «Сухой», три года добывающий своё досрочное на поселении в совхозе. – Пусть ответит, падла! Он нас за людей не держит или очкует, что мы зерна натырим в свои лепни или леваки. Да у меня платка носового сроду не было. А в кармане сколько я унесу?! Жлоб, сука! Пошли, предъяву ему на лоб наклеим. Пусть отбазарится. Если сумеет.

– А не отбазарится – хазу его под красного петуха подставим и отлынкуем куда подальше, чтоб никакая мусорня не надыбала! – добавил Витька Хлыщ, домушник с десятилетним общим стажем отсидки.

Они грохнули по стакану и пошли на улицу. Там уже стояли мелкие бродяги, босяки. Ждали – чего прикажут урки.

– Дрыны взяли все, вилы, лопаты. И хряем к бугру. Прямо домой, – крикнул Колун. – Перья никто не берёт, поняли? Мы свою мазу так возьмём. Без финаков.

И орава из ста, примерно, босяков, шумя и матерясь, повалила к дому Данилкина. Софья Максимовна заметила их первой. Растолкала прилётшего на диван мужа и сунула ему в руку рацию.

– По-моему, блатные иду нас с тобой убивать. На уборку не взял ты их. Обозлились. Унизил директор «второсортных». Чалого вызывай и быстро расскажи ему. Пусть собирает по рации всех к нашему дому. Иначе погибелью кончится дело. Они пьяные, с вилами и кольями. Давай быстрее.

Чалый понял Данилкина мгновенно.

– Нос из дома не показывай, Гриша! – прохрипел Чалый Серёга. – Двери на засов поставь. Балку от кардана уложи на рога, которые из косяков торчат. Окна завесьте шторами наглухо. Я за минуту по цепочке всех соберу. Через пять минут возле крыльца будем.

Пока Данилкины бегом исполняли приказ Чалого, толпа приплатнённых уже окружила дом.

– Эй, бугор, объявись народу! Слово имеем сказать тебе! – крикнул Колун и три раза крепко грохнул огрызком тонкого ствола соснового, попавшего к нему с дровами, по двери.

– Сейчас оденусь, – ответил Данилкин. – Пять минут подождите.

– Давай ходчей! Не зима! Чего там одеваться? – взвизгнул «Сухой». – Жоха ты жулёвая! Пузырь дутый! Предъява есть к тебе!

– Щас хату запалим! – постучал в окно Хлыщ. – Чего ты нам масло поливаешь?! Одеться ему, вишь ты, надо! Пока твои маляры допрут, что мы тебя на стрелку поставили, добежать не успеют, защитнички хреновы!

– Лучше выходи, менжу не демонстрируй, – сказал Колун, прислонившись к двери щекой. – Чего киксуешь? Мы не мокруху пришли лепить. Побазарим просто.

– Правильно ответишь – рахманно дело. Сразу разойдемся. А фельдить начнёшь не по делу – яман тебе. Фурму мет-

нуть не успеешь – калган тебе начистим, отполируем.

– Обозлил ты нас, бугор, – вставил шуплый доходяга из беглых алиментщиков. – Не позвал на работу как людей. А дал дельце для фраеров дешевых. Опозорил перед народом. Мы как старушки с совочками и вениками по полям на цырлах ползали. Тьфу!

И вот в этот момент из-за угла вылетела на предельной скорости команда Чалого. Человек пятнадцать, не больше. Валечка Савостьянов, Чалый и Кравчук в руках не имели ничего. Остальные, включая Игорька Артемьева, держали куски арматуры. Толстые. На восемнадцать миллиметров в диаметре.

– От дома все на десять шагов отошли! – крикнул Валечка Савостьянов, подбежал к двери и мгновенно коротким ударом в большую челюсть снёс Колуна с крыльца в пыль. Валечка, я говорил уже, был кандидатом в мастера по боксу в тяжелом весе. Поэтому Колун отключился полностью и надолго, а вся кодла за одну секунду осталась без пахана – командира. И растерялась.

– Ну!?! – поднялся на крыльцо Серёга Чалый. – Скучно дома? Ничего нет? Пустые хаверы у вас? Спите на полу? Жрёте солому и навоз от наших лошадей? Пить вообще нет нечего

кроме воды из лужи. Работы нет. Получаете столько, что на коробку спичек и то занимать приходится. Во, мля, жизнь! Ну, так вы бы взяли, да и повесились хором. Чего мучиться? Вон и пахан ваш валяется, как оборвыш. Весь в шмотках заграничных. И на пальце перстень у него с печаткой-русалкой из меди дешевой, а не из золота червонного. А?

– Вам Данилкин денег должен? – крикнул Кравчук Толян. – Или обещал путёвки всем дать на озеро Балатон бесплатные от профсоюза?

– Или Колун хочет заместителем к Данилкину устроиться? – заржал Артемьев Игорёк.

– Да ладно, – почти мирно сказал «Сухой», второй человек в «гетто отшельников» после Колуна. – По деньгам нет у нас к бугру никакой корчи... Ну, недоверия нет или недовольства по-вашему. Тут ровно всё. Он, бугор, в натуре у наших давно в кураже. В почёте, то есть. Но вот загогулина, братва! Мы тоже люди. Хотим жить по-людски. А нас пихнули в отстойник, живём там как чужие. Строим дома, фермы, производственные халабуды. Это да. Работаем, вроде.

– А на стройке мантулит всего сорок пять человек из пятисот, – добавил Мишка «Сизый», карманник, после срока брошенный на целину. – Остальным что делать? Они и

шмонают по Кустанаю. Кто с прихватом, кто с прозвоном. Короче на гоп-стопах и на взломах специализируются. Лопатники стригут в автобусах. А которые просто бродяги и бичи, те целыми днями в буру да очко ломаются. На стройке их тоже девать некуда.

– Вас же позвали на уборку в конце, – глядя в глаза «Сухому», мирно произнёс Валечка Савостьянов. – Работали вы правильно. И премии получите.

– Во! – воскликнул «Сухой, да ещё десятка три мужиков выкрикнули издали это самое «Во!» – Вот мы ползали с венниками и совками вместе с вашими. Одинаково. Но они весной на трактора сядут, на сеялки, на грузовики. Ну, а осенью на комбайны. У них жизнь заполнена. Они технику знают, любят, а техника любит их. Мы, строители, не жалуемся. И работа есть, и деньги. Но таких всего сорок пять. А почти-тай четыреста пятьдесят человек дурью маются, на подхвате вечно. И чего бы им не воровать, не разбойничать?

Все, кто прибежал защищать директора, аж рты открыли. Бывший вор с десятилетним сроком на зоне сейчас разговаривал как обычный трудящийся. Без «фени», на хорошем добротном русском языке.

– Ну, так чего хотите-то? – скрестил Чалый на груди свои

огромные руки. – Отправить четыреста пятьдесят человек в город на курсы механизаторов? Так вы ж там весь Кустанай обшмонаете и поймают вас на гоп-стопе, да обратно – на зону. Хотя сидели-то не все из ваших.

– Да не надо никуда нас посылать, – сказал Матюхин Витька, побивший пять лет назад жену в Магнитогорске. Пришлось смываться. Братья были у неё злые. Могли и до смерти забить. – Вон клуб с большим залом. Вон – МТМ. Откройте курсы прямо в совхозе. У вас ведь какие спецы – механизаторы!!!

– Чалый по тракторам мог бы учителем быть. Он профессор в этом деле, – рассуждал «Сухой». – Кравчук тоже. Валик Савостьянов из суслика клёвого комбайнера сделает если захочет. И Олежка Николаев. И Мостовой Кирюха. А Лёха Иванов любой ремонт дать может любой технике. Вон сколько учителей! Ну, так научите нас! Больше будет спецов своих. Звать не надо со стороны. И на подменку всегда люди будут, если кто заболит или уедет...

– А будете заниматься? – не опуская скрещенных рук сказал Серёга с аккуратным сомнением. – Вечерами только. Днём нам некогда. Ну и в посевную да на уборке не будет времени.

– Мы не спешим никуда. Вы только слово дайте. И откройте эти курсы, – крикнул издалека бывший бандит Остроушко Генаха. – А учиться делу мужицкому – одна радость. Мы свое время пропустили по дури тупой. Хотим наверстать. До смерти время есть ещё.

Открылась дверь. Вышел Данилкин, директор, в спортивном костюме и в тапочках домашних. Он пожевал губами и откашлялся. Все сгрудились вокруг крыльца. И свои, и «как бы свои». Стало тихо.

– Народ нам технический нужен. Расширяться будем. Вон и урожаи пошли знатные. Технически подготовленные люди понадобятся дополнительно. Вот вы ими и станете. Проведу работу с нашими, подготовлю. С октября до апреля будут вам все курсы. Выбью в Управлении разрешение на открытие официальной школы механизаторов. С выдачей по окончании удостоверений комбайнеров и трактористов, водительских прав и допусков к работе с электричеством и огнём в кузнице.

– Лафа! – крикнули сзади.

– Мазёво! – сказал «Сухой» и пожал Данилкину руку. – Забили. Извини, бугор, что пошумели тут.

– Да ничего. Бывает, – Данилкин всем рукой помахал. – Слово сдержу. Идите по домам.

– Колуна-то зацепите, не забудьте, – махнул рукой Чалый Серёга в сторону пребывающего в глубочайшем нокауте пахана.

Его взяли под плечи два здоровых мужика и вся делегация, перешучиваясь, пошла к себе на высылки.

– Ну, мы тоже двинули, – Валечка поправил рубаху и отряхнул зачем-то брюки.

– Спасибо, ребятки, – Данилкин попрощался с каждым за руку. – Друзья вы мои верные.

– Никого не бойся, Гриша, – Чалый приобнял его. – Мы рядом всегда. А насчет курсов... Ты не забудь. Сделай как обещал. Люди тебе поверили. А мы преподавать будем с удовольствием.

На том и расстались. Мужики по своим делам разбежались. А Данилкин, директор, обнял Соню свою, которая в коридоре ждала, и пошел дальше отдыхать. Надо было силёнок набраться. Банька завтрашняя с Маловичем и Тихоновым – это целое испытание. Следователи – ребята стальные,

ничем не сгибаемые. А потому следующий вечер будет жарким, пьяным, весёлым и бесконечно длинным и приятным. В чем в чём, а в этом Григорий Ильич был уверен так же, как в том, что его собственная фамилия Данилкин.

Утром, которое уже с рассвета знало, что тёплый и солнечный выползает вслед за медленным осенним солнцем день, пошел директор Данилкин в контору. Желтело всё вокруг. Но все, кто в поле работал, да и директор тоже, желтизны листьев и трав не видел. Точнее, не останавливал на ней взгляд. Нивы хлебные, спелые. Перед покосом имели все оттенки желтого. От охры светлой и янтаря до отблеска золота червонного. И зёрна светились изнутри, будто проглотили на прощанье по частичке солнечного лучика. Только остановившись перед конторским крыльцом, обернулся Данилкин, чтобы напоследок чистоты и свежести утренней прихватить в лёгкие побольше, прозапас, разглядел он в палисаднике учреждения руководящего ослепительно белые, испещрённые черными полосками стволики молодых берёз, а на ветках – листья почти лимонные. Дальше осина росла и уже показывала всему народу местному пёструю красоту своих листочков. Лиловых, бурых, бордовых и похожих на осыпанные глинистой пылью дорожной, почти коричневой. Только сосенки неровные спрятали в иглах своих летнюю зелень. Да

так схоронили её глубоко в себе, что и зима эту яркую зелень не достанет из иголок. И ещё цветы, рассаженные под штакетником палисадника уборщицей Алевтиной Ипатовой, чей муж людей лечил в больнице совхозной, почти не пожухли. Только стебли украла у соломы её оттенок. А сами циннии, космеи, бархатцы и сухоцвет бессмертник ещё резвились вовсю, добавляя к яркому утру дополнительные цвета разные и броские, да тепло не остывшей за тёплую ночь земли.

Вдохнул Данилкин, директор побольше утреннего аромата и пошел в кабинет. Еркен, счетовод-экономист, давно, видно, занимался игрой с цифрами за своим столом, где когда-то черкал бумаги Серёга Костомаров, покойник. Сел Данилкин на стул свой красивый, полированный под морёный дуб с кожаными вставками, и оглядел рабочее место. Стол, стало быть. И лежали на нём две сиротливые бумажки фирменные. С гербами СССР и КазССР посередине, ниже которых красивым тёмно-синим типографским шрифтом обозначались и название совхоза, и адрес его, да телефоны руководства.

– А чего две бумаги всего, Еркен? – Данилкин достал свою красивую авторучку. – Твоя где сводка по уборочной со всеми номерами квитанций с нашего склада и элеватора? Агрономовская где сводка? Там описано всё. Какая урожайность

на каких клетках. Сколько чего по ходу вносили в землю, какая самая высокая цифра урожайности, низкая и средняя. И итоговый результат в пудах, центнерах и тоннах. Где это?

– Так я слышал, что вы промежуточные документы не подписываете. Только два окончательных. Где по десять строчек всего. – Еркен поднялся, подошел и подал Данилкину две справки, каждая по три листа. Из справок торчали блестящие концы скрепок. На одной стояла подпись Самохина. На другой – экономиста Жуматаева.

– То раньше было, – хмыкнул директор. – А теперь пусть и в обкоме, и в управлении наизусть учат, как делается большой урожай.

– Раньше вы их туда не давали. Они привыкли. А тут вдруг – нате вам! Спросят, чего это Вы, Данилкин? Что с Вами случилось? И заподозрят, что в прошлые года вы весь расклад не показывали, потому как плохой был расклад. Получается, расклад плохой, а конечный рапорт личный – замечательный. Так же было всегда? А? – Еркен наклонился над столом и в глаза директору сомневающимся взглядом глянул.

– Еркен, у нас сейчас реально прекрасный урожай? Реально, – Данилкин засмеялся. – Пусть считают, что я сдурел. Или у меня агроном с экономистом такие требовательные к

делу, что настояли на своём: давать отчет в подробностях. Вы же новые оба. А прежние ничего не требовали. Им по фигу всё.

Подошел Данилкин к окну. Помотрел на увядающие березки и тихо добавил:

– Было.

Он медленно и вдумчиво прочел все бумаги, подписал выше каракулей агронома и счетовода. Потом единолично расписался на гербовых листах и выдохнул.

– Конверты подписать отдай секретарше. У неё почерк как в учебниках по чистописанию. Марки у неё в столе. Она знает. Сургучную печать ей помощи поставить. Она его топить не умеет толком, сургуч. И сегодня же отправьте Лёху Иванова в райцентр. Пусть их заказными с главпочтамта отправят.

– Всё сделаем, товарищ директор, как положено! – тожественно сказал Еркен, экономист.

– Давай. Двигай, – Данилкин выпил стакан воды из графина. – А я пока начальству позвоню, доложу в устной форме, и про письма скажу. Мол, отправили уже.

Еркен пошел завершать дело, а директор за пять минут коротко поговорил и с обкомом и с управлением.

– Молодец, Григорий Ильич! – оценили совхозный результат и там, и там.– Чествовать будем. Опять ты в пятёрке лучших по области.

Долго после телефонных бесед сидел директор, глядя в одну точку на стене. Привычку имел такую. Как серьёзная, важная мысль начнет сверлить ум, он глаза собирает в горсть и взглядом давит одну точку на стене. Наверное, это ему помогало верно оценить сделанное или правильно придумать новое дело. Наверное, так и было.

Малович с Тихоновым приехали часам к пяти. В конторе никого уже не было. Данилкину самому тоже здесь уже нечего было делать. Только следователей дожидаться. А так, всё по уборке закончили. Все дела до последней росписи. Которую он бережно промокнул деревянной качелькой с круглой шишечкой наверху и розовой промокашкой по всей внешней дуге. Год, считай, кончился. А следующий начнется раньше первого января. В октябре, наверное. Когда агроном решит часть полей перепахивать

– Хоп! – бодро провозгласил Малович и схватил Данилкина в охапку. Поднял, крутнул и на место поставил. – Слава героям социалистического труда!

– Чего? – засмеялся директор. – Милицейские шутки твои, Павлович, убить могут наповал, как из ПМ.

Тихонов громко ахнул.

– Как? Тебе не сообщили ещё? Вчера указ вышел. Правда с оговоркой. В газете так и напечатано: «В случае отказа тов. Данилкина от звания передать его майору Маловичу и капитану Тихонову из УВД»

– Давай, отказывайся! – захохотал Малович, достал из кобуры «Макара» и поставил дуло на лоб Данилкина.

– Да, да! На хрен оно мне, простому директору? – Данилкин оценил розыгрыш на пять. – И ещё заберите нафиг все красные флаги наши и всю доску почёта!

– Что-то мёрзну я, – Малович поглубже натянул на кудри фуражку. – Закоченел весь. Задеревенел. Как прямо-таки Буратино. Не гнутся ни руки, ни ноги. Как преступников ловить, а?

– У них же в совхозе водкой греются и самогоном, – уточнил Тихонов. – Потому все здоровые. Даже больницу закрыли. На фига она тут? Все как лоси годовалые. Здоровье аж из ноздрей прёт.

– У нас водку не пьют, – увесисто сказал Данилкин. – А ходят в баню! И там водку просто жрут! Литрами! А паром выгоняют. И так до полного изнеможения, предельного удовольствия и неизбежного оздоровления всех клеток, включая последнюю клетку на кончике этого, как его...

– О! Вот чего как раз не хватает, – развеселился Тихонов. – Побежали в баньку!

Мылись, парились, обливались холодной водой из бочки трехсотлитровой, пили, пели, ели, матерились, хлестались вениками берёзовыми и веселились мужики до утра. Серьёзных тем не трогали. Не до них было, когда Данилкин из обкомовского буфета даже ананас припёр. А из питья – три флакона неведомого тогда напитка – джина «Бифитер». И хорошо было всем. И дружба крепла на глазах. А к концу сеанса банного, к четырём утра, стала дружба просто железобетонной. Не то, чтобы водой не разлить такую! Отбойный молоток её не возьмёт!

Ночевать пошли к Данилкину. Ну, пошли – это фигура речи просто. Поползли бы они на четырёх точках после такой разнообразной и ударной процедуры. Если бы не железобетонная эта дружба, которая скрепила их руками плечами в единое целое, которое с трудов просочилось в не широко широкую дверь директорского дома. Перед отбытием в койки они ещё приголубили рюмками стоявший на столе коньяк армянский, надкусили по яблоку и стали прощаться, непрерывно обнимаясь и произнося отдельно невпопад: -«Шура!», «Гриня!» и «Вова!».

И только в самом конце отдыха, когда все свалились в перины пуховые, подошел к директору Малович, навис над ним и сказал совершенно трезвым голосом:

– Для тебя, Григорий, уже готов в городе большой сюрприз. Только ты сам знай один, а никому, даже Софье ни-ни! Понял? Сюрприз – во! Другие чтоб его получить, задницы большим человекам годами вылизывают. А к тебе он сам катится! Как колобок от дедушки с бабушкой.

Малович снова превратился в пьяного и разомлевшего от бани, упал в кровать и захрапел почти сразу.

А Данилкин спать уже не смог. Ему было сразу всё ясно. Скоро надо готовиться к переезду в Кустанай. В кабинет с

видом на площадь и огромного бронзового Вождя Мировой Революции.

Он не мог заснуть, но не понимал – почему.

То ли от радости долгожданной, то ли от внезапной грусти, взявшейся из тайников душевных вопреки многим годам ожидания. И вопреки пока ещё совершенно здравому смыслу.

Который почему-то забился в самый дальний закуток мозга и признаков жизни не пода

Глава двадцать восьмая

Все имена и фамилии действующих лиц, а также названия населенных пунктов кроме г.Кустаная изменены автором по этическим соображениям.

Десятого сентября с утра Данилкин, директор, Алпатов,

парторг, и председатель совхозного профкома Копанов обход делали по зерноскладам, на ток заглянули и в МТМ. Дали инструкции по сохранности семенного зерна, на току убедились, что ни зёрнышка не осталось – так филигранно собрали его с асфальта и по мешкам рассыпали Нинка Завьялова с маленькой своей бригадой. На МТМ тоже приятная картина наблюдалась. Народу во дворе было много, и все занимались консервацией техники на зиму. Кроме трактористов. Им и пахать ещё предстояло в октябре, да зимой вкалывать по полной программе. Валковать на снегозадержании. И уже когда выходили инспекторы с МТМ – Данилкину на рацию сигнал пришел.

– Григорий Ильич, Кравчук это. Анатолий, – Толян кричал громко и возбужденно. – Какой-то козёл с дороги на восемнадцатую клетку папиросу кинул на ходу. Может, «залетные», может, из «Альбатроса». Сейчас стерня горит по ветру в сторону семнадцатой и девятнадцатой клеток. Пожжет стерню – влагу с осени до весны держать нечем будет. Земля голая остаётся.

– Самохину доложил? – разозлился директор. – Вот же твари! Ну, вот какая сволочь гадит? Ну, городские бы могли швырнуть в окно бычок. Они ж в наших делах – бараны. Так откуда сейчас здесь городские? Это из наших кто-то. Нажрался самогона и гоняет, небось, в «Альбатрос» к дружкам.

Ты, Толя, что там сам делаешь, на клетках?

– Я, Ильич, в конце уборки цепь там где-то потерял. Порвало цепь на большом шкиву. Я в тот раз запасную поставил, чтоб время не терять. А сейчас искал старую. Её ещё сделать можно. Так горит же как раз там, зайти не могу. В общем гектар почти горит. Ветер низкий. Огонь толкает быстро. Надо срочно тушить или на тот год хрен урожай тут будет. Воде держаться не за что!

– Я тоже слышу, – вмешался Самохин Володя, агроном. – Уже Серёге Чалому и Лёхе Иванову дал задание – к гусеничным тракторам цеплять бочки, в озере водой затариваться и насосами разбрызгивать. Восемь тракторов пойдут. На прицепы для полива ребят собирают из беглых да блатных. Через двадцать минут уже на озере будут. Ещё через двадцать на клетках. Я сам в поле уже поехал на мотоцикле.

– Отсекайте огонь против ветра, – крикнул Данилкин. – Вот, бляха, каждый год одно и то же. Пока растёт пшеница – никто не жжёт, а как скосим обязательно кто-нибудь, да запалит. Идиоты.

– Всё будет нормально, Ильич! – прорезался голос Чалого Серёги. – Уже выдвинулись.

Обычно не злой и вроде не вредный ветер – низкий, западный, сегодня вдруг побаловаться вздумал. Дым от горящей стерни полз прямо над огнём, поднимаясь на метр вверх. И несло их обоих ветром быстро, шумно да горячо. Шум создавался треском подсохших и лопающихся в огне обрезков колосьев. Ну и воздух, крутящий клубы дыма, тоже гудел тонко, с повизгиванием. Трактора въехали в огонь с конца. От их тяжести пламя стало выше и поднялось почти до кабин. Поэтому с прицепов мужики шланги направили сначала по ходу тракторов, сбивая огонь, потом лили с двух сторон под прицепы, потому, что на них никогда других колёс не было. Только резиновые. Но повезло не всем. На четырех прицепах шины сначала обуглились, лопнули и сгорели, выбрасывая в разные стороны тошнотный запах горелой резины. Но трактора не останавливались и тащили прицепы на ободах. Ветер понемногу ослаб, сник и стало легче. Трактора по очереди выползали из огня и как только можно быстро добирались до озера. Набирали воды и снова торопились к огню, перемигиваясь фарами с теми, кто спешил к озеру.

В общем, сгорело стерни не так уж много. Но и не мало. Семь гектаров.

Улегся дым, шипя на всех, умирал огонь, запах над полем держался неприятный. Смесь сырости с обгоревшей землёй.

– Надо же, расплавились подошвы! – удивлялся Валечка Савостьянов. – А года три назад огонь пошибче был – и ничего.

С прицепов прыгали на поле ребята с «серых» выселок. Те самые приклатнённые, которые, считалось раньше, что на тяжелую работу, опасную причём, эти ребята сроду не пойдут. Нет, пошли с энтузиазмом и смело работали. Сейчас они собрались в тесную кучку и хлопали друг друга по тлеющей одежде. Тушили. У всех были закопченные лица, руки, дырявые тлеющие шмотки и обувь оплавленная.

– Нормально. Барахло не последнее, – оглядев со стороны друзей и себя, сказал Колун. – Ну, что, мужики, зафуфырили дело в мазу. Теперь и бухнуть можно. Кто с нами?

– Все вместе, – крикнул Чалый. – Где пригнездимся?

– У меня во дворе, – сказал Игорёк Артемьев. – Стол на улице здоровенный. И самогона полно. Закусь есть.

– Мы тоже своё принесём, – вставил слово Витька Хлыщ, у которого штаны обуглились до колена и подошвы разошлись в разные стороны. На блины стали похожи.

Чалый глянул на часы.

– А шустро мы управились. За четыре часа всего. Рекордный рывок. Его грех не отметить.

Он вызвал по радиации Данилкина и доложил, что остановили огонь.

– Да Самохин, агроном наш, уже рассказал. Молодцы! Ребята с прицепов – особенно. Без них бы пропала стерня повсюду. С меня премии всем. По двадцать пять рублей. Чальный, составь список и подай в бухгалтерию. Утром у меня под роспись всё заберёшь.

– Ни хрена! – удивился радостно «Сухой». – Аж четвертак!

– Да, молодец бугор, – подтвердил Колун. – Понятия знает.

И вся орава, потрёпанная огнём и слегка отравленная дымом, пошла праздновать пусть и не самую крупную и славную, но всё-таки достойную победу.

А в то же время в «Альбатросе» было тихо как в санатории

во время послеобеденного сончаса. Это Дутов собрал всех без исключения работников во двор Дома культуры и принимал отчеты по результатам уборочной. Ну, и сам, ясное дело, отчитывался. Все говорили вполголоса. Так принято было здесь. Во-первых, все внимательно прислушивались, а, во-вторых, негромкая беседа обычно шла между друзьями. А у Дутова все работяги и начальники действительно относились к друг другу душевно и разногласий никогда не имели. Часа через полтора беседы все разошлись довольные. У всех всё получилось хорошо очень, и урожай совхоз дал лучший в области. Дутов после собрания пошел с Алиповым Игорем домой к нему. Поговорить с Натальей. Пока косили – Алипов домой приезжал редко. Ночевал часто в поле. И отношения их с женой сползли на нет окончательно. После того, как она вернулась из больницы, оба они, как ни пытались старательно, но связать обратно порвавшиеся семейные узы не могли. Наверное, требовалась посторонняя мудрая помощь. А кроме Дутова мудрецов высокого уровня не имелось в посёлке. Так было принято считать. Пока убирали – не нашлось, конечно, времени на психологические сеансы по восстановлению семьи. Алипов, хоть и нырнул в работу глубоко, хоть и забрала она его всего, а в редкие часы передышки на Игоря Сергеевича всё равно наваливалась тоска грустная. Жаль ему было жену и детей. Всё он для семьи делал, старался, успевал показать Наталье и виноватость свою, и желание вернуть прошлые чистые отношения, которые бы-

ли до его загула с Нинкой Мостовой. Но то ли само отравление жутко повлияло на характер Наташкин, то ли измена сама порвала её душу на кусочки рваные, а не могла она никак вернуться в то состояние, когда и дружба меж ними была, и взаимное уважение и доверие.

– Короче, ты со мной не спорь, – сказал после уборочной Дутов Игорю. – Я должен разогнать тучу, которая сейчас над твоей семьёй. Надо воссоединить вас. А кроме меня она и слушать никого не станет.

Наталья пришла с собрания на десять минут раньше и копошилась в своём посудном хозяйстве. Протирала пыль салфеткой плюшевой.

– Здравствуйте вам! – бодро, но вполголоса сказал Федор Иванович, садясь на стул возле окна. Сам Алипов остался в дверях стоять. – Ты, Натаха, не знаешь, видно, что я мужа твоего две недели назад, прямо посередь страды, на мехбазе из петли вынул. Случайно успел. Крохалев Коля сказал, что он пять минут назад в слесарный цех с веревкой пошел. Чего там делать с веревкой, в слесарном-то? Вот я вынул его уже когда он с верстака прыгнул, а верёвку к балке от тельфера привязал. Игорь, подойди сюда. Шею покажи. Гляди, Наталья.

Алипова повернулась и посмотрела с ужасом в глазах на бордово-фиолетовую полосу, вдавленную в шею мужа. Она глядела, не мигая, на полосу эту и на щеки мужа, по которым медленно стекали крупные прозрачные слёзы.

– В петлю он полез от безысходности, – Дутов поднялся и пошел к двери. – Дурь прошла давно, совесть вернулась. А любовь к тебе и не уходила никуда. То, что с ним произошло давно уже – это было помутнение рассудка. Бывает такое у мужиков после сорока. Перемена гормонального состава. Бес в ребро. И я тебе скажу. Наталья, нет таких мужиков, которые бы через беду эту не прошли. Вот я перед тобой стою. Такой же. Совхозных наших повспоминай. Прекрасные семьи, пример для подражания, трескались, когда мужику переваливало чуток за сорок. Все под чужие юбки улетали. Но! Но это дурман. Наваждение. Игорь тебя любит. Семью любит. И беда та стряслась с ним по воле дьявольской. Гормон встряхнулся. А он сильнее разума. Но муж твой любит только тебя и детей. Если ты не веришь мне – считай, что разговора этого не было, но мы с тобой больше не знакомы. Как люди с разных концов Земли.

И Дутов вышел, аккуратно прикрыв за собой дверь.

– Да ты сядь, – Наталья поднесла натурально плачущему Игорю Сергеевичу стул. – Вот же, Федя! Ему бы священни-

ком работать, грехи отпускать.

Она присела, обняла его за колени, подняла голову и долго смотрела мужу в покрасневшие глаза.

– Люблю тебя. Всегда любила и буду любить. Федор прав. Вышел ты тогда из разума. А потом и я. Чуть не померли все с горя. Идиоты. Детей чуть было по миру не пустили.

– Простишь? – тихо спросил Алипов Игорь.

– Уже, – так же тихо ответила Наталья. – И не потому, что Дутов попросил. Я сама решила. Мне без тебя нет жизни.

– А я без тебя тоже не жилец, – Игорь Сергеевич наклонился и прижал лицо её к щеке. Так они сидели долго. Так, прижавшись тесно, и перелили они друг в друга и любовь не пропавшую, и прекрасную память о замечательной прошлой жизни.

И это было неожиданным, внезапным, немного несуразным и сумбурным, но всё же – чудом возвращения искренних чувств любви и потребности друг в друге.

Тринадцатого сентября Софья Максимовна разбудила Данилкина в семь. Рассвет только-только перелился в полноценное утро. Растолкала и рядом села.

– Мне сон был, Гриша, – прошептала Соня. – Маму свою, покойницу видела. Она пришла с цветами. Дает мне и говорит: «Григорию цветы отдай. У него праздник сегодня!» Я ей говорю, что нет, мол, праздника никакого. У него же в феврале день рождения. А она отдала мне букет, не помню каких цветов, сказала, что как раз сегодня у Григория день радостного обновления и ушла. Растаяла. Вставай. Иди на работу. Мама, покойница, в последний раз приходила, когда ты умирал. Помнишь, в шестидесятом тебя током чуть не сожгло на МТМ? Ты помогал электрикам от трассы линию тянуть и у тебя перчатки резиновые порвались. Пять дней Ипатов тебя у смерти отнимал. А потом мама пришла ночью во сне. Она мне приказала, чтобы я шла к тебе

и на ухо прошептала: «Беда, в прах рассыпья!» Я пошла. Пошептала. Через день ты поднялся, через неделю на работу пошел. А Ипатов, врач, говорил сам, что шансов практически никаких. Иди на работу сейчас, Григорий. Мама, царствие ей небесное, никогда не является почем зря.

Данилкин выпил чаю с плюшкой и в восемь уже сидел за столом. Полистал газету позавчерашнюю, закурил и

вздрогнул от неожиданной трели красного телефона с гербом СССР под диском.

– Григорий Ильич, это помощник первого секретаря Колыванов. Здравствуй. – Здравствуйте. Сергей Васильевич, – солидным голосом ответил Данилкин.

– Пятнадцатого в одиннадцать ноль-ноль тебе надо быть в приёмной Андрея Михайловича. В одиннадцать десять до одиннадцати тридцати у тебя собеседование с Первым по поводу вступления в должность заведующего организационным отделом обкома партии. Всё понял? Не опаздывай. Привет семье.

Колыванов положил трубку. Данилкин долго ещё слушал короткие гудки. Хоть и был в общем-то готов к этому сообщению, но всё равно оторопел. Жизнь начала меняться уже не в воображении, а в совершенно реальной действительности. Ещё год назад сила радости подбросила бы Григория Ильича до потолка. Но вот сейчас не наблюдал он в себе ни чувства победы над призрачной и почти фантастической целью, ни радости вообще. И пока с ходу не мог разобраться – почему.

А дома Соня уже стол накрыла. Коньячок, наливка, салаты всякие, печенье домашнее, конфеты и торт. Сама испек-

ла. Сервировка предполагала приход шестерых гостей с женами.

– Всё? Уладилось? Переводят тебя? – Софья Максимовна обняла мужа прямо на пороге. – Ну, слава Богу! Дотерпели! Заживём теперь! Власть – она крепче, надежнее любых денег. Поздравляю, Гриша, дорогой!

– А что – так много гостей ожидается? – Кивнул Данилкин на богатый стол.

– Ну как же? – всплеснула руками жена. – Чалый с женой, Самохин со своей, парторг, председатель профсоюза, Еркен – экономист и Валя Савостьянов. Все с супругами. Я уже обзвонила их. В три часа дня соберутся.

Посидел Данилкин возле стола, машинально съел коляску сервелата, выпил полстакана коньяка, но появившееся сразу после звонка Колыванова чувство растерянности не исчезло. Скорее всего – даже не растерянность это была, а оторопь. Оцепенение. Будто объявили ему с небес силы неведомые, что завтра же его забирают на страшный суд, после которого ему уже жить не разрешат. Слишком много несмываемых даже кровью грехов за душой у Данилкина.

– Слушай, Соня, ты пока позвони всем, кого позвала, и

перенеси встречу на семь часов вечера. – Григорий Ильич взял кепку, туфли новые, коричневые, надел. – А я пока съезжу к Дутову. Поговорить надо.

– Смотри, Гришаня! – резко сказала Софья Максимовна. – Нутром чую, что хочешь отказаться от должности. Так ты не дурей до такой степени. Никто ж не поймёт, не оценит. Ты сколько лет здесь жилы рвал, чтобы заворгом стать? Минимум десять. А то и все одиннадцать. Ты и себе и мне жизнь поломаешь. Я сколько лет сплю и вижу, что живем мы в городе. Ты при должности, а я полноценной жизнью заживу. Светские приёмы обкомовские, театр, церковь нормальная, аллеи парка, библиотеки, люди, в конце – концов другие. Не Игорьки Артемьевы.

– Мелешь чушь всякую. Светские приёмы... – Данилкин нацепил кепку и вышел.

Пока шел к конторе, где машина стояла, думал. В этом году после уборки, после настоящего большого урожая он понял, что место его по судьбе – здесь, на земле. Что тепло душе его и разуму среди пашни, колосьев, комбайнов, зерноскладов и отчаянных людей, работяг, готовых здоровье и жизнь положить на кон ради хлеба богатого. Он чувствовал печеню, что ближе этих простых механизаторов, продавщиц, поварих, учительниц и врача Ипатова нет никого и

не будет. Ну, Соня, само собой. Но она-то всегда и останется под боком. А вот этих, давно уже родных ребят с полей, МТМ, тракторов, комбайнов и сеялок не будет. Исчезнут навсегда люди, с которыми он продирался сквозь испытания, бился с матушкой природой, с которыми горевал и радовался.

Тяжко было на сердце у Данилкина, директора. Вот, вроде, мечта сбылась, а почему-то отторгала её, недавно ещё заветную, вся сущность Григория Ильича. И было всё это непонятно, странно, пугающе.

Он отпустил своего шофера домой и поехал в «Альбатрос». Только Дутов один мог сейчас разумно и точно обосновать дальнейшую жизнь директора Данилкина. Только он мог безошибочно посоветовать и направить дальнейшую жизнь Григория Ильича от развилки двух дорог в правильную сторону.

Нет, конечно, наследил он за всё время грязью основательно. И государство дурил безбожно, когда убедился после первых же приписок, что никто его сроду проверять не станет. И народ беглый, бездомный, урок бывших и бичей как скотину расселил подальше от комсомольцев-добровольцев. Гетто натуральное для них придумал. Там даже магазин отдельный построили, чтобы «чернь» по селу не шлындила

лишний раз. Поступок, конечно, позорный. Да вот ещё грех этот тяжкий от организации убийства трёх человек давил душу как многопудовая гиря. Хотя, если разобраться, то и хорошего он сделал много. Даже пересчитывать нет смысла. Но всё гадкое и греховное, прилепившееся к совести Данилкина, перевешивало его добрые дела. Вот разве только первый большой урожай, когда отпала надобность юлить и врать, а появилась возможность жить честно, интересно и полезно. Именно он подтолкнул Данилкина к чёткой и резкой мысли: только тут, на земле, честно растя большой хлеб и слившись с людьми деревенским и природой, он сможет пусть не сразу, но грехи свои искупить. Но только не в обкомовском большом кресле.

Приехал он к Федору Ивановичу, вышли они прямо в лесочек за баней, сели на скамейку и Данилкин за полтора часа пересказал Дутову всю свою жизнь на целине. Ничего не скрыл.

– Я про обком ещё месяц назад узнал, – сказал Дутов, почёсывая затылок. Документы, на тебя подготовленные, в канцелярии видел. Меня вот самого звали три раза в ЦК инструктором. В Москву. Не поехал я. Но обошлось без обид. Больно у меня хорошие кореша там. Поняли меня.

– Так может, и я тоже аккуратно откажусь? – печально

вздохнул Данилкин, директор. – Скажу, что на достоин пока. Не созрел. Что совхозом руководить я ещё ухитрюсь, а вот областью управлять – не потяну. Не чувствую уверенности и боюсь подвести высокое руководство.

– Нет, Гриша. Попал ты в капкан. Тут у тебя нет людей обкомовских, которые

возьмутся разруливать твой отказ. – Дутов поднялся и стал ходить вдоль скамейки. – Досье на тебя в обкоме крепкое. Солидное. Передовик, орденосеиц, совхоз десятилетие в пятерке лучших по области. Да ты готовый руководитель областного масштаба. И Гусев, завоорг, уже в Алма-Ате. Повысили. Он теперь в ЦК зам.зав. Отдела пропаганды. Шишка большая он теперь. Место пустое. Никого, кроме тебя туда и не собирались сажать.

– Ты, может, сам словечко третьему секретарю скажешь? Вы же друзья. Мол, прибалывает Данилкин. Пьёт много. Какой и него завоорготделом? – опустил голову Григорий Ильич. – Ну, вся душа ноет. Противится. Не хочу я больше во власть. Здесь вон дела пошли. Да и людей своих давно полюбил. Привык к селу, к ветрам, дождям и зимам тяжким. К земле привык, к колосьям... Эх!

– Моё слово такое, – сел рядом Дутов. – Откажешься – те-

бе на своём директорском месте работать не дадут как раньше. Обкому отказать – это оскорбление для тамошней верхушки. Какой-то Данилкин не ценит их царского внимания, большой подачки щедрой. И пойдут к тебе, Гриша, комиссии, которых ты раньше не видел. И какое-нибудь дельце на тебя заведут. В результате – из директоров попрут, но никуда не пристроят. И пойдёшь в кустанайскую школу географии в седьмом классе преподавать. Тетрадki проверять начнёшь. Пистоны ловить от завуча. Тебе оно надо?

– Ну, прямо так? – удивился Данилкин.

– А ты как думал? – Дутов обнял Данилкина за плечо. – Езжай. Заорг – это наш человек. За нашими сельскими руководящими кадрами тоже следит. То есть, ты теперь нас, директоров, и будешь пасти как овец. Так ты же свой! Наш человек! Значит и нам тут легче жить будет. Нет, Гриша, у тебя других рельс. Только в обкомовский кабинет без перевода стрелок. Прямым. Так что, удач тебе! Нас не забывай!

Они попрощались и Данилкин вернулся домой раньше семи. Гостей ещё не было.

Ну? – сложила ладошки на груди Соня. Жадное ожидание в глазах её окутало Данилкина, охолонуло и успокоило.

– Едем, – сказал он и завалил полный стакан армянского. Поэтому, когда все приглашенные собрались, он был беззаботен, приветлив и весел. Сидели до ночи. Много говорили о разном. Вспоминали, смеялись и печалились. Жалели, что расстаются.

А пятнадцатого в назначенное время уже сидел Данилкин напротив первого секретаря обкома в его огромном кабинете с двумя столами. Один был для самого секретаря и тесных бесед. Другой – длинный, для совещаний. Беседу Андрей Михайлович вёл дружескую, много спрашивал, много сам рассказывал с улыбкой о делах обкомовских и конкретно о новой работе Данилкина. Вышел он от секретаря в хорошем настроении. Помощник главного человека в области отвел Григория Ильича в его кабинет, сказал, что когда Данилкин будет уходить, дверь на ключ закрывать не надо. Посидел Григорий Ильич в кресле, осмотрелся. Красивый был кабинет, весь в коврах и кожаных диванах с креслами. Люстра свисала из центра потолка хрустальная. Сделанная из маленьких переливающихся сосулук.

– Ну, ладно, – громко сказал Данилкин. – Раз так, то пусть так и будет.

И уехал в пока ещё свой «Корчагинский». На работу надо было выходить через пять дней. А до этого успеть съездить

в город, получить трехкомнатную обкомовскую квартиру в АХЧ. Квартира – недалеко от обкома. В двухэтажном доме из белого кирпича с узорами вокруг окон и входных дверей. Потом за три дня рабочие из обкома на специальных крытых машинах перевезли в Кустанай всё из сельского дома. А вместе с последним грузовиком в новое жильё уехали под вечер и Данилкин с Софьей Максимовной на совхозной «волге»

И всё. Хозяйство осталось без директора. Вместо него сельхозуправление попросило дней десять посидеть в кабинете Григория Ильича Володю Самохина, агронома.

Все ждали – кого пришлют вместо Григория Ильича. Опасались и надеялись, что жить с ним, новым, будет так же легко, как с Данилкиным. Ну, через десять дней ровно директора и прислали. Карнаухова Виктора Павловича, бывшего второго секретаря райкома Заборского района. И стартовала новая совхозная жизнь с первого приказа директорского – Все машины, трактора и комбайны со дворов перегнать на МТМ, руководящему составу каждое утро в девять ноль – ноль собираться на «оперативку», флаги, транспаранты и доску почета убрать, потому, что надо давать результаты высокие, но хвастаться этим – лишнее дело.

Ещё дней через пять, когда стали плакаться над «корчагинским» рыхлые дожди в мелкую капельку, и когда роди-

мая глинистая жижа на дорогах и во дворах заставила народ переобуться в сапоги и плащи брезентовые нацепить, поехал Серёга Чалый на МЗ-50 к Дутову.

– Чего, Серёга? Осиротели? – Фёдор Иванович налил ему стопку какого-то, пахнущего как кофе ликера. – Не беда. Чего новый директор зайдёт не туда, да с перебором, ты мне скажи. Поправим. В наших пока силах, слава КПСС.

– Данилкин мне свой телефон домашний дал. Из кабинета Карнаухова пока не сподручно звонить.– Чалый засмутился.– Можно от тебя звякнуть?

– Ладно, давай ещё врежем по одной, да звони. Съездить к нему хочешь?

– Ну. Но и не я один. Парни тоже хотят. Самые ему близкие. Валечка, Кравчук, Олежка Николаев, Кирюха, Лёха Иванов да Игорёк Артемьев.

Посидеть хотим в кафешке. В «Колосе». Под обычный закусь столовский и двенадцатый портвейн.

Он набрал номер и быстро дозвонился. Дутов не стал слушать. Вышел.

– Тебе когда на работу выходить, Ильич? – Чалый откашлялся. – А то мы с пацанами хотели подъехать и гульнуть последнюю отвальную в «Колосе». Как ты?

– Послезавтра приезжайте к обеду, к часу, прямо в кафе. – Обрадовался Данилкин.

– Если чего помочь надо, так скажи. Нас аж семь лбов будет. Может принести чего или в хате доделать. Мы только рады, – сказал Чалый для приличия.

– Тут всё без вас вылизали. Всё есть. Я же заворотделом. Четвертый человек в обкоме после трёх секретарей. Давай-те! Жду! – Данилкин повесил трубку. Дутов с Чалым хватанули ещё по стаканчику ликёра, попрощались и Серёга поехал домой по расквашенной октябрьской глинистой дороге, периодически разворачиваясь поперек дороги и съезжая в кювет.

Через день Чалый сел за руль «ГАЗ- 51» с фанерной будочкой над кузовом, натолкал под крышу почти трезвых шестерых мужиков, любимцев Данилкина, а через два часа они уже заказывали у толстой официантки в пятнистом белом переднике всё, что можно было съесть и выпить в восемь

тренированных глоток. Ровно в час пришел Данилкин. Обнял каждого, прижал к себе крепко. И стали они пить да закусывать, поздравляя Григория Ильича с большим повышением. Старое вспоминали. Хорошее и не очень. Ну и, конечно, поднимали тосты за то, что и любовь обоюдная не иссякнет со временем, и что дружба крепнуть будет, несмотря на расстояние и высокий чин близкого человека. Долго сидели. Никто на них внимания не обращал. Людей в кафе к вечеру набилось – свободных мест не хватало. «Колос» был идеальным местом для спонтанных вечеринок и встреч с друзьями. Пиво, вино, водка, рыба копченая и автомат, в который было заложено десятка два пластинок. Автомат сам переставлял иглу на следующий винил и радовал гостей хорошими советскими песнями. В общем, хорошо сидели. Всем было тепло и уютно от старой общности и все старались не думать, что вряд ли такие встречи будут когда-нибудь.

Играла музыка, шумели о своём студенты пединститута и кооперативного техникума, которые давно оккупировали кафе под вечернее пристанище, где и потанцевать, и дешевого портвейна попить вдосталь, да дёшево поесть и приятно было. Весело и свободно.

От соседнего столика отвалились четверо длинных, хорошо податых и вобужденных портвешком студентов. Они забрали со спинок стульев свои спортивные сумки, с которы-

ми вместо портфелей ходили даже школьники. Мода такая была. Трое из парней уже пошли к дверям, а один что-то собирал со стола. Бумаги какие-то, блокноты.

– Эй, Димыч, ты свою тетрадь забыл. И портфель под стулом, – крикнул он.

Димыч в шуме общем не услышал, видимо. И тогда парнишка взял со стола недоеденную корочку хлеба и метнул её прямо в затылок Димычу.

– Портфель, говорю, забери! – крикнул парнишка. – И тетрадь.

– Тебя как зовут, орел? – Поднялся огромный Серёга и взял студента за руку так, что лицо паренька слегка перекошилось от резкой боли.

– Валера, – ответил он, когда Чалый ослабил хватку.

– Ты, Валера, сейчас иди туда, куда хлеб кинул. Обрати принеси. На стол положи. Уборщицы потом огрызки соберут и на свиноферму в Затоболовку отправят. Хлеб, он для еды. Нам, потом животным остатки. Но для еды. Это не булыжник. Кидать его не надо. Хлеб – очень дорогая штука, которую страна продаёт вам за копейки. Вон туда глянь. На

стену. Видишь плакат?

– Ну, вижу. И что? – удивился Валера, глядя на плакат, которого просто никогда не замечал. Он пошел, принес корочку и аккуратно уложил её в центр стола.

– Теперь вслух читай и запоминай – что читаешь, – Серёга протянул руку к плакату.

– «Хлеба к обеду в меру бери, хлеб – драгоценность, им не сори», – медленно, по слогам зачитал Валера.

– Ты согласен, что хлеб – драгоценность? – Чалый глядел на парня так, что он сник и съёжился.

– А вы кто? В пекарне работаете? На хлебозаводе? – тихо спросил студент.

– Я его папа и мама, хлебушка. Я его вот с этими парнями рожаю в муках на целине. Колосья хлебные, пшеничные видел хоть раз?

– Не привелось пока, – Валера смотрел на плакат. – Как я его раньше не видел?

– Ладно, иди. – Чалый легко подтолкнул его к выходу. Сел.

Задумался.

– А ведь точно ты сказал, – удивился Валечка Савостьянов. – Каждый из нас и все вместе мы – папы и мамы урожая.

– И, блин, дети его, как ни странно, – добавил Данилкин.

И сидели они в кафе за дорогими сердцу разговорами до самого закрытия.

И никто, конечно, знать не знал, как сложится дальше их личная и общая целинная судьба. А Данилкину про это уже и думать не стоило.

Эпилог.

Всё, что написано – было в действительности. Я только названия сёл поменял и фамилии людей.

Сейчас другая целина. Цивилизованная, облагороженная, напичканная новейшей техникой и хорошо обученными спецами. И жить им на целине легче. Трудно, но легче, чем тем, кто был первым. Кто начинал усмирять своенравную степь.

ную землю.

В живых из всех людей, которые были героями моей повести – нет уже никого.

Только память о них осталась добрая. И целинные, до сих пор непокорные просторы.

